
МАСТЕРА
ПСИХОЛОГИИ
А. В. Петровский
ПСИХОЛОГИЯ
И ВРЕМЯ
ПРОЕЗД ВСЮДУ
ТОВАРЫ
А ЗДРАВСТВУЕТ
МОСКВА—
СТОЛИЦА
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК !
ПИТЕР®

МАСТЕРА
ПСИХОЛОГИИ

А. В. Петровский

ПСИХОЛОГИЯ И ВРЕМЯ

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск
2007

ББК 88
УДК 159.9
П30

Петровский А. В.

П30 Психология и время. — СПб.: Питер, 2007. — 448 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»).

ISBN 978-5-469-01675-5

Итоговый труд выдающегося российского психолога А. В. Петровского «Психология и время» представляет собой беспристрастный взгляд очевидца на историю отечественной психологии XX века и людей, которые ее создавали и развивали, на психологию общества и события, которые определяли лик эпохи, на вождей и героев ушедшего столетия.

Книга для психологов, студентов, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами психологии.

ББК 88
УДК 159.9

ISBN 978-5-469-01675-5

Оглавление

Вступительное слово

Есть некоторые профессии, принадлежность к которым звучит как оценка. На вопрос «Кто вы?» физик, математик, инженер, слесарь, не испытывая чувства собственной нескромности, легко ответят, но попробуйте задать подобный вопрос людям таких профессий, как психолог или философ. Пожалуй, ответ «Я — психолог» или «Я — философ» звучит, по меньшей мере, пафосно. Дело в том, что уже само название профессиональной принадлежности в этом случае является оценкой личности конкретного человека, и эту оценку должны давать другие, те, кто, и правда, через свою душу и сердце поняли, что это — Психолог или Философ, а чаще всего и Психолог, и Философ. Именно таким человеком был академик Артур Владимирович Петровский — автор этой книги.

Ее название во многом символично, так как создатель этого уникального труда — один из немногих, кто может не абстрактно, а, опираясь на собственный многогранный и максимально насыщенный профессиональный и жизненный опыт, компетентно рассуждать на тему «Психология и время». До последнего дня своей жизни Артур Владимирович активно работал (а умер он 2 декабря 2006 года), и эту книгу он закончил за несколько дней до своей смерти. От первого до последнего слова это собственноручное прижизненное сочинение, т. е. не избранные труды, которые посмертно «сбивают» в единый том ученики и последователи, а самолично структурированный, обдуманный и, как оказалось, итоговый труд большого Ученого.

Все в этой книге отражает и многогранность профессионального таланта Петровского-психолога, и его личностную отчетливо гражданскую человеческую позицию, и единство этой позиции с той научной парадигмой, которой он оставался верен на протяжении всей жизни: главное в личности — ее «социальность» и главное в «социальности» — личность.

Именно поэтому книга получилась «межжанровой». Это, несомненно, результат глубоко профессионально научного исследования важнейших социально-психологических и психолого-личностных проблем, опрокинутых в реальное время глобальных мировых изменений и пертурбаций. История психологической науки, персонологическая проблематика, социально-психологические исследовательские достижения, судьбы конкретных выдающихся личностей — все это в данной книге представлено читателю в научно-популярной доступности с научно-публицистической яркостью и в жестко высоконаучной форме.

Перед нами труд жизни настоящего Мастера психологии и подлинного Ученого.

За 30 лет работы с Артуром Владимировичем Петровским я, надеюсь, заслужил звание его Ученика. Уверен, что знакомство с этой книгой профессиональных психологов, студентов и всех тех, кто интересуется проблемами психологии, существенно умножит число учеников этого Мастера психологии, которые также беззаветно будут служить той науке, которой он отдал себя всего.

М. Ю. Кондратьев

Посвящается профессору
Вадиму Артуровичу Петровскому,
сыну, другу, коллеге

Введение

Время в психологическом измерении[1]

На титульном листе значится: «Психология и время». Что стоит за этими словами? Психология — конкретная отрасль научного знания. Ее задача — открыть объективные закономерности субъективного мира. Время, конечно, может стать предметом конкретного исследования. Так, выясняется, что субъективная продолжительность времени зависит от эмоциональных состояний человека — счастливые часов не наблюдают. Владимир Маяковский придал времени вескую материальность: «А полночь по комнате тинится и тинится...». Но не об этих характеристиках субстанции, не имеющей ни начала, ни конца, идет речь в этой книге. Конечной целью здесь оказывается попытка глазами психолога увидеть историческое течение событий, не только их локализацию в пространстве, но и их место в цепи социальных явлений, принадлежность к эпохе, которая накладывает отпечаток на все, что с нами случается. Общеизвестно восклицание в «Фаусте» Гете: «Мгновение, остановись! Ты прекрасно!» Психолог призывает мгновение остановиться не потому, что оно прекрасно, а потому что необходимо его внимательно рассмотреть, понять, что и почему оказалось в этом мгновении заключено и им охвачено.

Анализ такого рода может быть назван по-разному: «Конкретно-историческая психология», «Психология повседневности» и т. д. Признаемся, что эта отрасль психологической науки разработана слабо. Однако сделать попытку хотя бы несколько прояснить эту сложную материю, понять ее параметры и движущие силы, насколько возможно конкретизировать и иллюстрировать рассказами о реальных событиях я счел возможным, и потому назвал эту книгу именно так: «Психология и время».

Начну с того, что можно было бы считать философическим рассуждением о психологической двойственности времени. Двойственность восприятия времени — тривиальное обстоятельство, зафиксированное и описанное во всех учебниках общей психологии[2].

Действительно, ничем не заполненное время, к примеру, безнадежно долгое ожидание, кажется бесконечным. Известна и обратная зависимость: о времени, полноценно прожитом, можно потом в подробностях рассказывать очень долго — едва ли не каждая минута может быть воспроизведена в нашей памяти. Однако

---

[1] В тексте книги полностью сохранен последний вариант авторского изложения текста, так как редакторская работа в этом направлении была прервана в связи со смертью автора, произошедшей сразу после написания книги (*Примеч. ред.*).

[2] Общая психология / Под ред. А. В. Петровского, 1970, 1976, 1986; Введение в психологию / Под ред. А. В. Петровского. — М., 1995, 1996; *Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Психология. — М., 2005.

что остается в воспоминаниях о долгом сидении в аэропорту? Обернувшись назад, мы видим, что время там «свернулось», не оставив сколько-нибудь заметных следов в сознании.

Нет, не об этой двойственности времени пойдет речь дальше. Мы обратимся к феномену, характеризующему время в социально-психологическом измерении. Это тоже двойственность восприятия времени, но совсем иного рода, в учебниках психологии пока еще не зафиксированная.

Каждый из нас объективно включен в исторический процесс, ни один человек не может быть свободен от тех условий и обстоятельств, в которых он живет и действует. Это так. Но совпадает ли во всех точках биография человека с перипетиями исторического процесса? Не бывает ли так, что дни, месяцы, а то и годы для народа, страны архитяжелые, а конкретный человек, отнюдь не выпадающий из своего окружения, переживает это время как счастливое? Может быть, он именно тогда признался в любви и узнал о взаимности, у него появился первый ребенок? Он живет как бы в двух временных плоскостях: объективной, исторической, и субъективной, личностной, биографической. Вспоминаю военные годы и вижу многочисленные тому подтверждения. Жизнь человека зачастую течет по своей собственной траектории, обходя ловушки, расставленные историческими обстоятельствами.

Мой знакомый еще по студенческим дням, талантливый поэт Юрий Айхенвальд, в 1958 году написал стихотворение, включенное мною в текст моей статьи, которую предстояло опубликовать в популярном издании «Неделя». Мне кажется, что в этом стихотворении очень точно передается образ психологической двойственности времени:

За упокой в церквах звонили.
Гадали в городе — по ком?
Бояре шепотом твердили,
Что царь-де скорбен стал умом.
Они искали смерть отсрочить.
Чем бог пошлет, от дня ко дню.
И доставались среди ночи
На лобном месте — воронью.
И царь, один над всей державой,
Был словно идол золотой.
Над ним парил орел двуглавый,
Змея шипела под ногой...
А в черных слободах ковали,
Трепали лен, варили мед,
Пенькой и квасом торговали,
Ходили за море в поход,
И в черных слободах не ждали
Ни лучшей доли, ни петли:
Невест на осень выбирали.
Да баб от порчи берегли.
И только где-то поп безместный —
Ничей, лядащий человек —
Кричал, что грянет гром небесный,

Что Иродов прервется век...
Но век был долгим и суровым.
И тщетно поп кричал с тоской
О милосердии Христовом
И о погибели людской...
А осень золотила густо
Весь город — из конца в конец...
Солили в слободах капусту,
И шли невесты под венец.

Редактор явно «споткнулся» на авторском варианте четверостишья: «И тщетно поп кричал с тоской о милосердии Христовом перед раскрашенной доской». «Это может оскорбить чувства верующих, — сказал он. — Нельзя ли внести какие-нибудь изменения в текст стихотворения?». Я позвонил Юре, предложив свой вариант последней строчки этой строфы. Он подумал и согласился.

Не дает ли стихотворение Ю. Айхенвальда ключ к разгадке заблуждений и тех, кто возмущен, что очерняют время, в котором они жили, и тех, кто видит в прошлом тьму беспросветную? Все было в нашей жизни: и первый поцелуй, и выпускной вечер в школе, и энтузиазм творчества, и гордость за полеты Чкалова и Гагарина, и солдатские подвиги. Кто же это способен очернить? Хочется спросить охранителей народной нравственности: где вы подобные поклепы услышали или вычитали? Если же кто-то исказил факты нашей истории, то на это надо прямо и точно указывать и фактами же опровергать. Только что-то я почти не встречал таких опровержений — все больше общие рассуждения о клевете на «Родину Великого Октября» и советских людей. И хорошее, и плохое, и трудное, и веселое было в жизни наших современников. Если шестеренки часов его биографического времени наглухо сцеплялись с маховиком времени исторического, то эта жизнь нередко шла под колесо. Каток сталинского террора прошелся по судьбам миллионов людей. Не все, к счастью, хлебали лагерную баланду, не все «путешествовали» в эшелонах насильственного переселения народов и не все работали подконвойными в шахтах и «шарашках». Однако этих «счастливчиков» нельзя огульно делать ответственными за перекосы и преступления эпохи. Но именно к ним, к их прошлому апеллируют непримиримые борцы с «очернительством». Происходит ловкая подмена трагической истории общества биографией конкретного человека. Ему внушают, что какие-то враги пытаются оболгать его славное прошлое.

Говоря об «очернительстве», с легкостью необыкновенной провозглашают идею якобы тождественности послеоктябрьской истории государства и жизненного пути каждого члена общества. Здесь невольно смыкаются в своих подходах те, кто нигилистически оценивает прошлое, и те, для которых оно безупречно. От истины далеки и те и другие.

Позволю себе отвлечься от содержания «Введения» и скажу несколько слов о самой книге. В ней будут использованы различные литературные жанры: очерки, публицистические статьи, то, что можно назвать «документальные», а лучше сказать, документированные прозой фрагменты лекций, воспоминания автора и его знакомых, описания экспериментальных исследований, и даже пародии и стихи. В книге нет единой сюжетной линии, но ее содержание не рассыпается, по-

скольку оказывается нанизанным и закрепленным на оси времени, которое, таким образом, выступает в психологическом измерении. Время — реальный герой этого повествования.

Многоплановый метод исследования и способы его представленности в этой книге отвечают самому предмету изучения, тому, что в дальнейшем будет обозначено как ХРОНОПСИХОЛОГИЯ.

А. В. Петровский
Москва, ноябрь 2006

Часть 1

ПСИХОЛОГИЯ НА «ОСОБОМ ПУТИ» РАЗВИТИЯ

ГЛАВА 1

Психология под прицелом политики (фрагмент университетской лекции по истории психологии)

1. Политическая история науки

Кончился XX век. В середине 30-х годов Борис Пастернак писал:

> В кашне, ладонью затворяясь,
> Сквозь фортку крикну детворе,
> Какое, милые, у нас
> Тысячелетье на дворе?
> Кто тропку к двери проторил,
> К дыре, засыпанной крупой,
> Пока я с Байроном курил,
> Пока я пил с Эдгаром По?

Семьдесят лет назад это воспринималось как парадокс, позволительный поэту. Казалось, что тысячелетию, в котором мы живем, конца не видно.

Великому поэту, конечно, никто не смеет отвечать в подобном тоне. А мне можно, коль скоро я позволил бы задать такой вопрос парням с нашего двора. Еще раз повторю, кончается XX век, второе тысячелетие. Муза истории Клио заглядывает через плечо многим из нас и настоятельно требует, чтобы мы обратили свой взор в прошлое и написали бы если и не историю второго тысячелетия, то хотя бы последнего его века, рассказали о жизни науки, со всеми ее успехами и поражениями, радостями и невзгодами. Это необходимо, тем более что XX столетие, вероятно, самое удивительное в истории человечества, и прогресс здесь шагал так, как если бы он был обут в сапоги-скороходы. Но мы живем в России, и хотя прогресс нас не обошел стороной, однако, оглядываясь на прошедший век, осознаешь, что это была поистине самая трагическая эпоха со времен Крещения Руси. Вряд ли в моей книге для этого потребуются особые доказательства, хотя без некоторых не обойтись.

Курс, который я буду читать, — это курс «История психологии в России в XX столетии». Но это слишком обобщенное название. Дело в том, что история психологии может трактоваться по-разному. Это может быть изложение взглядов выдающихся психологов. Это может быть рассказ о научных дискуссиях, или характеристика основных научных направлений, или исследования, которые вели выдающиеся ученые. Одним словом — налицо возможность рассмотрения различных путей, по которым движется история. Однако выделим особый аспект

рассмотрения истории психологии. Я буду читать курс, который обозначен как «Политическая история российской психологии в XX столетии». Что же такое «политическая история психологии»?

Это — раздел истории психологии, предметом которого является развитие психологической науки в ее зависимости от политической конъюнктуры, складывающейся в обществе. Курс имеет маргинальный характер. С одной стороны — это история науки. С другой — гражданская история (в частности, история культуры). Нас же она интересует, прежде всего, потому, что это история именно психологии, хотя и лежит на стыке многих научных дисциплин.

Политическая история психологии может быть вычленена далеко не во всех общественных устройствах. Она становится предметом изучения, когда мы обращаемся к развитию психологической мысли в государствах тоталитарного и посттоталитарного типа. Во всех остальных говорить о политической истории было бы бессмысленно. Хотя это не значит, что психология не зависит от социального устройства общества, экономических проблем, которые постоянно возникают и требуют решения. О каких странах идет речь? Например, Германия эпохи Третьего рейха, Китайская Народная Республика до и во время «культурной революции», СССР с середины 20-х годов и до времен совсем недавних. Я, правда, имею смутное представление о том, как в КНДР развивается психология, но могу высказать осторожные предположения на основании известного мне факта частного характера. Журналом «Вопросы психологии» была заказана статья «Психология в КНДР». Написал ее приехавший оттуда аспирант. Редколлегия поставила статью в очередной номер журнала. Когда автор вернулся из отпуска, а он побывал дома, ему с радостью показали журнал. Он прочитал статью и побелел:

– Вы сделали страшную вещь. Я не смогу вернуться домой.
– Почему?
– Мне следовало упомянуть имя великого Вождя столько-то раз (точное число я не припомню), а вы сократили число упоминаний вдвое. Я никогда никому не смогу доказать, что это не моя вина.

Не знаю, чем все кончилось для него. О том, как подобное происходило у нас в советские времена, я еще буду рассказывать.

Как же складывалось развитие психологии в первой четверти XX столетия в России, когда говорить о политической истории психологии было бы неправильно? Но для того чтобы увидеть, что изменилось в дальнейшем, надо понять, с чего все начиналось.

Итак, период с начала века и примерно до 1923–1924 годов. Заметьте, я не предлагаю в качестве рубежа 17–18-й годы, которые, вероятно, надо считать рубежными, если бы речь шла просто о гражданской истории. До середины 20-х годов психология в России развивалась точно так же, как это происходило в любой другой стране. Никакие политические изменения не сказывались на развитии психологической мысли. Позволю себе провести аналогию. Произошло ли что-либо в психологической науке США, когда президента Форда сменил Картер, или, к примеру, Рейгана — Буш? Или когда к власти пришли республиканцы, оттесняя демократов, или наоборот — демократы победили республиканцев? В Англии же

консерваторы сменили лейбористов? В науке не происходит изменений. Ну, может быть, в каких-то там случаях увеличивается финансирование в силу того, что кто-то больше лоббирует тот или иной университет. Подобное происходило и в первой четверти XX столетия в российской психологии. Ведь было множество событий: и Японская война, и революция 1905 года, и Февральская революция, и, представьте себе, даже октябрьский переворот. Немедленных изменений в психологической науке зафиксировать нам бы не удалось. Вообще-то не очень точно звучат слова: «Российская психология». Наверное, правильнее было бы сказать: «Психология в России».

Ну, скажем, Пиаже — это что же — швейцарская психология? Или Рибо — французская психология? Или Вундт — немецкая? Это все характеристики психологической науки в государствах? Нет — это принадлежность ученого к этому государству. А там — внутри — есть самые разнообразные научные школы. Эти школы между собой конкурируют. Возникают и распространяются идеи, но они свободно переходят через любую границу. К примеру, последователи Фрейда далеко не локализовались в границах Австрии. Это была мировая психологическая наука. Российская психология, или, точнее сказать, психология в России, на протяжении первой четверти XX столетия была просто одним из отрядов мировой психологической науки, ее органической частью. Значит ли это, что она была лишена какой-либо специфики, которая бы выделяла ее среди других наук о человеке, его душе, его психике? Нет, не значит. Россия имела весьма серьезную специфику. В первую очередь, это было связано с тем, что Россия внесла заметный вклад в развитие культуры и Западной Европы, и других континентов, в том числе и США. Хотя никогда официально не числились психологами такие гиганты, как Лев Толстой, Достоевский, Чехов, но, тем не менее, их влияние чрезвычайно велико, поскольку они были великими «душевидцами». Пусть Достоевский, например, отрицал психологию, правда, имея в виду современную ему науку, но был действительно величайшим психологом. То же можно сказать о К. Д. Ушинском, который традиционно трактуется как выдающийся педагог, хотя его психологические воззрения едва ли имеют для нас меньшее значение, чем высказанные им педагогические идеи.

В России складывались мощные научные школы, оказывавшие влияние на развитие науки во многих странах. В первую очередь, это *естественно-научное направление*, шедшее от Сеченова и, соответственно, украшенное именами Павлова, Бехтерева, Вагнера, Ухтомского, Бернштейна и многих других. Оно оказало огромное влияние на развитие бихевиоризма в Америке и дало значительный импульс для становления науки о поведении в самых разнообразных ее вариантах (Уотсон, Торндайк и др.).

Специфически российским было *религиозно-философское направление*, родоначальником которого я считаю Владимира Соловьева, скончавшегося на рубеже XIX и XX веков. Ну а дальше от Соловьева идет целая плеяда философов-психологов, таких как С. и Е. Трубецкие, Л. М. Лопатин и другие. Был исключительно велик интерес к этой философской психологии, которая пусть умозрительно, но все-таки пыталась забраться в глубины человеческой души. Когда заседало Московское психологическое общество, то «яблоку негде было упасть». Городовые стояли на входе, чтобы там не случилось «университетской Ходынки». Так что

это было довольно заметное, самобытное направление развития психологической мысли.

Но наряду с естественно-научным и религиозно-философским направлениями складывалась *эмпирическая психология.* Важнейшим центром ее развития стал московский Психологический институт имени Л. Г. Щукиной. Долгое время в подвале Психологического института лежали куски мрамора — это было то, что осталось от памятной доски с названием института, а в его библиотеке висел (не помню, висит ли сейчас) портрет очень красивой женщины. Существует предположение, что на нем изображена Лидия Григорьевна Щукина — жена предпринимателя и мецената Сергея Ивановича Щукина. Именно он и выделил профессору Георгию Ивановичу Челпанову сто тысяч рублей золотом — сумма по тем временам огромная — и попросил побывать во всех лабораториях Европы и США, посмотреть, что там есть, какое оборудование, и создать уникальный институт, где могла бы свободно развиваться эмпирическая наука. Институт был создан, увековечив в своем названии по просьбе овдовевшего Сергея Ивановича имя его покойной супруги. В дальнейшем он много раз менял свое название. В 20-е годы именовался Институтом психологии факультета общественных наук. Позднее — Государственным институтом психологии, педологии и психотехники (ГИППП). Затем — Институтом общей и педагогической психологии. В бытность мою президентом Российской академии образования я все-таки настоял на том, чтобы вернуть исходное название — Психологический институт. Мраморную доску стараниями директора института В. В. Рубцова восстановили.

Институт был ориентирован на эмпирическую психологию, и это очень четко подчеркивалось. Дело в том, что сам Челпанов был философом, но в институте он занимался экспериментальной психологией, и вот этот «водораздел» между философской и эмпирической психологией прочерчивался тогда достаточно четко.

Когда состоялся молебен по случаю освящения в 1914 году Психологического института, то епископ московский Анастасий, произнося слово на молебне, сказал:

> «Стремясь расширить круг психологических знаний, нельзя забывать о естественных границах познания души вообще и при помощи экспериментального метода в частности. Точному определению и измерению может поддаваться лишь, так сказать, внешняя сторона души, та ее часть, которая обращена к материальному миру, с которым душа сообщается через тело. Но можно ли исследовать путем эксперимента внутреннюю сущность души, можно ли измерить ее высшие проявления?.. Кто дерзнет экспериментально исследовать религиозную жизнь духа? Не к положительным, но к самым превратным результатам привели бы подобные попытки».

Здесь очень четко проводилась демаркационная линия. И в самом деле, чем занимался Психологический институт? Изучением внимания, его устойчивости, скоростью реакции, особенностями памяти и т. д. и, действительно, многие годы не пытался посягнуть на нечто большее.

Примечательно, что через 85 лет на юбилейном собрании Высокопреосвященный, представитель Патриархии Русской православной церкви, сказал собравшимся нечто прямо противоположное. Он призвал к тому, чтобы Психологиче-

ский институт сосредоточил свое внимание на изучении души человеческой, ее высших проявлений: нравственности, духовности, проникновении в ее сущность. Я не берусь и, вообще, не считаю необходимым подвергать анализу изменение позиций церкви по отношению к психологии, которая и сейчас, как и 85 лет назад, своим главным инструментом видит экспериментальный метод.

Не обойдем вниманием еще один центр психологии в России — Психоневрологический институт, где директором был академик Владимир Михайлович Бехтерев. По правде говоря, официально академиком он никогда не являлся, но както невозможно было «титуловать» этого ученого иначе. Психоневрологический институт — это скорее вольное психологическое учреждение, фактически институт, объединенный с высшим учебным заведением. Лекции там читали замечательные ученые. Помимо самого В. М. Бехтерева, П. Ф. Лесгафт, В. А. Вагнер и многие другие. В Психоневрологическом институте интенсивно развивалась психорефлексология, она рассматривала поведение человека как совокупность рефлексов, являющихся ответом организма на внешние воздействия.

Своими взглядами Бехтерев был довольно близок к Павлову. Только Павлов говорил об «условных» рефлексах, а Бехтерев называл их «сочетательными» рефлексами. Ну, разница не так велика. Эти двое замечательных ученых между собой не ладили, и спор их учеников о том, кто является создателем рефлекторной теории, основы которой были заложены еще Иваном Михайловичем Сеченовым, велись на протяжении многих лет.

Никогда не именовала себя психологической, но, тем не менее, фактически была таковой, школа академика И. П. Павлова и его учеников. Среди них можно выделить Леона Абгаровича Орбели — замечательного исследователя. Павлов не признавал психологию как науку. То есть он считал, что, конечно, психология может существовать как некая возможность человеку углядеть в самом себе свои собственные помыслы, чувства и идеи. Он видел в психологии только возможность субъективного познания внутреннего мира. Иван Петрович очень уважительно относился к психологам, занимающим подобную позицию, и говорил так: «Мы и психологи к познанию человека роем туннель с двух концов, но эти туннели пока еще не сомкнулись, и поэтому пусть психологи занимаются тем, что им положено, но мы будем рассматривать только мозг и его деятельность, не задумываясь над тем, как можно сочетать результаты наших исследований с данными исследований в психологии». В его лаборатории запрещали использовать психологические термины. За это даже накладывали хоть и не большой, но денежный штраф. Однако когда для Г. И. Челпанова сложились (уже в советское время) весьма неблагоприятные обстоятельства, Павлов пригласил его в Колтуши, в свой институт, заведовать психологическим отделом. Но Георгий Иванович был уже стар, немощен, да и, кроме того, это явилось бы уж очень большим вызовом советской власти, чреватым всякого рода опасностями. Поэтому он от этого лестного предложения отказался.

Вот основные направления, которые господствовали почти до середины 20-х годов.

Все это происходило на широком социокультурном фоне. Психология не была в стороне от того, как развертывалась культурная жизнь страны. Даже еще во времена Сеченова, если судить по роману Тургенева «Отцы и дети», в обществе

спорили о том, есть ли душа или только рефлексы (с ударением на первый слог)? И в XX веке продолжалось то же самое. В России была богатейшая культурная жизнь: и театральная, и художественная, и литературная. Психология вызывала интерес у публики. В различных лекториях выступления поэтов Бальмонта, Блока, Маяковского, Северянина чередовались с речами психологов, делившихся своими соображениями о душе человека. Вообще очень трудно охарактеризовать культурную жизнь России в первые два десятилетия XX века вне взаимодействия с психологией. Приведу несколько примеров. Известная театральная система Станиславского в значительной степени опиралась на труды академика Павлова. Это обстоятельство весьма тщательно исследовано историками психологии и театроведами. Принцип физических действий, культивировавшийся В. Э. Мейерхольдом, был связан с идеями В. М. Бехтерева. Антон Павлович Чехов в повести «Дуэль» использовал материалы его доброго знакомого, психолога В. А. Вагнера. Об этом еще будет сказано в дальнейшем. В нашумевшем судебном процессе («дело Бейлиса»), инспирированном «черносотенцами», экспертом, поддерживающим обвинения евреев в «ритуальных убийствах», выступал психолог Сикорский, а защиту Бейлиса в качестве эксперта поддерживал В. М. Бехтерев. Вся просвещенная Россия следила за ходом этого позорного процесса. Имена психологов, участвующих в нем в качестве экспертов, были у всех на слуху.

Когда же и при каких обстоятельствах произошли изменения? Я сказал о том, что не надо проводить хронологической границы по рубежу 1917–1918 годов. В этот отрезок времени для психологической науки практически никаких изменений не воспоследовало. Так же работали научно-исследовательские центры и в Москве и в Петербурге. Издавались психологические журналы, готовились кадры психологов. Ничего не предвещало каких-либо серьезных потрясений. Г. И. Челпанов по-прежнему руководил Психологическим институтом, В. М. Бехтерев успешно работал в Петербурге, И. П. Павлов в своих лабораториях. Правда, Павлов поставил ультиматум советской власти: если не будут созданы условия для его работы, то он эмигрирует. В. И. Ленин подписал декрет, который предоставил широкие льготы для поддержки работы академика Павлова. В истории психологии и физиологии упоминается только это обстоятельство — «Декрет Ленина как проявление величайшей заботы о великом ученом». Так-то оно так, да только ученый ультиматум поставил, а потерять академика Павлова было до крайности нежелательно для молодой советской республики. Но с 1918 года начинается то, что мы называем «утечкой мозгов». Пока это не касалось психологии, но это было началом того процесса, в который через некоторое время втянули и психологию. Начинается эмиграция: уезжают из страны выдающиеся писатели и поэты — Горький, Алексей Толстой, Бунин, Куприн, Марина Цветаева, Саша Черный, Аверченко, Алданов, Замятин, Мережковский. Я не буду перечислять всех — это очень длинный список. Мы лишаемся Шаляпина, выдающегося артиста Михаила Чехова, величайшего шахматиста Алехина. Уезжают музыканты, композиторы, балетмейстеры, но пока психологи находятся на месте, потому что продолжается нормальная работа. А так как они, в основном, заняты эмпирической психологией, то политика, казалось бы, их вообще не должна была волновать и затрагивать.

Так продолжалось до 1923 года. Именно тогда происходит первое изменение в нашей науке. В конце 1922 года была опубликована статья Ленина «О значении

воинствующего материализма». Ее, по-видимому, очень внимательно прочитали несколько психологов, и им стало понятно, что надо «перестраивать свои ряды». Первым на это откликнулся ближайший сотрудник Г. И. Челпанова — Константин Николаевич Корнилов, в прошлом алтайский учитель. На первом психоневрологическом съезде в 1923 году прозвучал его доклад, который буквально оглушил слушателей. Назывался он «Психология и марксизм». В нем Корниловым была поставлена задача перестроить психологию на базе марксизма, диалектического материализма, рассматривая марксизм как единственную философскую базу для развития психологической науки. А до выступления Корнилова психология ориентировалась, в зависимости от позиции того или иного ученого, на разные философские течения: идеал-реализм, неокантианство и многие другие. Между тем, предлагалась единая философская основа психологии. Вся мировая психология пошла торной дорогой, а мы, вступив на «особый путь развития» и двинулись нехожеными тропами, положив начало тому, что стало характеризовать российскую советскую психологию как науку, которая в значительной степени определяется в своем развитии политической конъюнктурой.

Психологи отнеслись к этому по-разному. Одни активно поддерживали К. Н. Корнилова, позиция же других была двойственной: с одной стороны, они были возмущены проникновением марксизма — «этой политической догмы» — в корпус психологических знаний, с другой — вслух не высказывались, справедливо опасаясь неприятностей.

Г. И. Челпанов был освобожден от руководства институтом. Директором стал К. Н. Корнилов. В это время произошла первая мощная атака со стороны коммунистических руководителей, направленная против философов идеалистического толка. Из России были высланы Лапшин, Ильин, Франк, Лосский, Бердяев, Зеньковский, П. Сорокин и еще целый ряд ученых. Они обосновались в основном в Чехословакии, частично — во Франции. Надо сказать, что их высылка (этот печально знаменитый «философский пароход») сейчас нами оценивается, с полным основанием, как губительный акт для развития науки в России. Но он оказался благодетельным для тех, кого выслали, благодетельным потому, что тем, кто остался, нельзя было позавидовать.

Трагической была судьба Густава Шпета, философа-психолога, исчезнувшего в недрах ГУЛАГа. Был репрессирован замечательный философ, которого называли русским Леонардо да Винчи XX века — Павел Флоренский. Если вспомнить сцену обсуждения плана ГОЭЛРО так, как ее описывает Алексей Николаевич Толстой в романе «Хождение по мукам», то там упоминается, что среди инженеров, которые были инициаторами электрификации, выделялся человек в рясе. Алексей Николаевич был человек осторожный и не уточнил, что это — Флоренский, не только философ, но и глубокий знаток древней иконописи, выдающийся инженер, математик, физик.

Депортация философов — факт трагический, но, повторяю, он был более трагичным для тех, кто остался дома. Один мой товарищ в конце 40-х годов шепотом мне рассказал, что перед войной, в обстоятельствах «дружбы» СССР с Германией, НКВД выдало гестапо группу антифашистов, членов Коминтерна. Это выглядело как подарок Гитлеру. Репатриированные, пройдя ужасы гестаповских лагерей, выжили. Что касается членов Коминтерна, оставшихся в СССР, то практически

все они были репрессированы и уничтожены. Рассказанное мне являлось тогда величайшей тайной. Вот такая ирония судьбы. Прекрасно выразил эту мысль поэт Вадим Егоров в своем написанном в 1987 году стихотворении, посвященном Марку Захаровичу Шагалу.

...Среди витебских людей
неуч, бука, чародей,
божье чадо, чудо, веха —
ах, как жаль, что он уехал!
Ведь останься он тогда —
мы до Страшного Суда
наслаждались бы по гранам
его суриком багряным,
его охры желтизна
стала б нашей, нашей, на...
Но шепчу, лишившись сна я:
«Где, когда и как — не знаю —
может, в Витебске самом,
в тридцать, может, не седьмом
стая сталинских шакалов
растерзала бы Шагала
в клочья, напрочь, навсегда!»
...Ну да это не беда —
ну еще один бы вписан
был в кровавый этот список;
ну покоился бы там,
где Пильняк и Мандельштам;
ну не ведал бы во плоти
мир шагаловых полотен;
на Дунае, на Неве
ну не ведал бы, не ве...
Ведает. И потому
вам, себе, тебе, ему
повторяю, словно эхо:
«Слава Богу, что уехал!»

Впрочем, нельзя рассматривать проникновение марксизма в психологию после 1923 года как заведомо негативное явление. Дело в том, что труды Маркса в значительной степени опирались на философию Гегеля — величайшего мыслителя, чьи идеи никогда не могут померкнуть. Поэтому-то психология постаралась извлечь из марксизма гегелевское ядро и, прежде всего, принцип развития. В то время даже было создано «Общество друзей философии Гегеля». Это послужило мощным толчком для становления одной из отраслей психологии — психологии развития, детской психологии, педагогической психологии. В значительной степени она получила именно тогда импульс для своего становления, потому что на этом можно было сосредоточиться и быть в русле тех требований, которые предъявляло идеологическое руководство науке.

Некоторые идеи, идущие от марксизма, были в достаточной мере продуктивными. Прежде всего, ориентировка на оценку развития сознания человека с уче-

том социально-экономических обстоятельств, в которых он находится. Хотя это иногда приобретало весьма наивный характер, потому что делалась попытка объединить эти требования и требования социальной составляющей марксизма с конкретными эмпирическими исследованиями, которые надо было проводить в институтах и научных лабораториях на базе рефлексологии и реактологии. Такое вот сочетание марксизма с его требованием изучать пролетариат как угнетенный класс и класс, победивший в годы советской власти, с рефлексологическими (по Бехтереву) и реактологическими (по Корнилову) методами. В 1925 году, если не ошибаюсь, общей темой для Психологического института было... «Изучение психологических особенностей коренного московского пролетария методом определения скорости и силы реакций». Ничего себе!!! Других способов, кроме рефлексологических и реактологических, не было, а отвечать требованиям времени надо. Поэтому и возникали такие странные сочетания.

Позиция Г. И. Челпанова была несколько иная. Он считал, что марксизм применим в социальной психологии, а в общую психологию (он явно имел в виду теоретическую психологию) ему хода нет и не должно быть. Для идеологических кураторов науки это было дополнительное подтверждение, что этого «махрового идеалиста» справедливо устранили от руководства институтом. Если уж говорить о Г. И. Челпанове, то, фактически, последняя его работа относится к 1928–1929 году. После этого он затих и в 1936 году умер. Весьма возможно, что причиной ускорения его ухода из жизни послужил арест его друга и сотрудника Г. Шпета, случившийся за несколько месяцев до этого.

Основная масса психологов в эти годы работала, прежде всего, в сфере образования. Целый ряд исследований осуществлялся весьма интенсивно во многих лабораториях. И, что особенно важно, именно в эти годы появляется ученый, имя которого через некоторое время стало либо открыто демонстрируемым знаменем психологической науки в России, либо подспудно определяющим ее развитие. Имеется в виду Лев Семенович Выготский.

Он был впервые замечен после его приезда из провинции на 2-м Психоневрологическом съезде. Выготский активно включился в построение психологической науки как в теоретическом плане, так и в ее практических применениях. Я не считаю возможным рассказывать здесь о психологических воззрениях Выготского, о его вкладе в развитие науки, так как это не входит в мои задачи и широко освещено в историко-психологической литературе. Но важно, что именно в это время Выготский начинает активно действовать и осуществляет огромную работу, в частности в области теории психологии. Он написал монографию о кризисе психологической науки, сложном соотношении объяснительной и описательной психологии. Одним словом, пожалуй, «властителем дум» в эти годы для психологов становится не Корнилов, который занимает официальную позицию руководителя, а Выготский.

В эти же годы интенсивно осуществляется деятельность другого видного психолога, Павла Петровича Блонского (в прошлом, как Челпанов, он был крупным философом), который также разрабатывает проблемы эмпирической психологии, и, в частности, уже в 30-е годы — проблемы памяти, мышления.

На психологическом горизонте заметной фигурой становится Михаил Яковлевич Басов, правда очень рано ушедший из жизни в 1931 году. Одним словом,

появляется отряд новых психологов, которые вносят свой вклад в развитие науки. При этом, разумеется, они еще далеки от того, чтобы иметь у себя в резерве серьезную теоретическую разработку, и это на многие годы затрудняет развитие психологии, поскольку теоретической базой все время остается только один диалектический материализм.

20-е годы — период нэпа, время надежд российской интеллигенции, убежденной, что Октябрьская революция открыла новые пути развития культуры и науки, устранила преграды, стоявшие перед ней. В какой-то мере так это и было. Дело в том, что далеко не сразу партийное руководство страны в качестве особого предмета интереса стало рассматривать науку. Шла классовая борьба. Из жизни вычеркивались целые пласты общества: дворянство, купечество, духовенство. Партийная борьба шла сначала с теми, кто был против большевиков. Ну, с ними разделались быстро — уже в 1917–1918 году. А затем — с «конкурентами», с теми, кто вместе с большевиками шел в революцию. Это, прежде всего, левые эсеры и анархисты. К концу 20-х годов внутрипартийная борьба уже превращается в уничтожение одной части партийной элиты за счет подъема другой. Однако жизни психологической науки, казалось бы, еще ничего не грозило.

Но вот наступил 1929 год, все стало быстро изменяться. Недаром Сталин его назвал «год великого перелома». Вот с этого момента и оказалась под ударом уже судьба не отдельных ученых, а науки в целом, ее основных отраслей и разделов. «Великий перелом» ознаменовал переход к индустриализации страны и сплошной коллективизации — в этом была его суть. Это был конец нэпа, отказ от любых рыночных идей и переход к абсолютной диктатуре одного человека, который последовательно убрал всех, кто был рядом с ним, всех, кто делал революцию, всех сподвижников Ленина, а его самого превратил в икону, которая уже в дальнейшем была использована в определенных целях.

В это время была разрушена, прежде всего, творческая педагогика. Выходит постановление ЦК ВКП(б), направленное против так называемого методического прожектерства. Был «разоблачен» и дискредитирован «бригадный метод» обучения, между прочим, очень перспективный. Уже в 70-е годы он широко использовался в нашей педагогической психологии как совместно распределенное обучение, т. е. применение коллективных форм работы учащихся. Но на рубеже 30-х годов это было объявлено враждебным марксистской педагогике. Такая же участь постигла «Дальтон-план» и многие другие методы. Были, конечно, в 20-е годы перегибы, но «с водой выплеснули ребенка». В дальнейшем всякие попытки методического творчества оказались запрещены. На протяжении многих лет любой предложенный психологами (а чаще всего предлагали психологи, а не педагоги) новый метод обучения немедленно рассматривался как попытка возродить «методическое прожектерство» и строго карался.

В эти же годы был нанесен сокрушительный удар по философии. После того, как вышло постановление ЦК партии «О журнале “Под знаменем марксизма”», где разоблачалась философская школа Деборина, который был ориентирован на Гегеля, философия, по существу, перестала развиваться в России как наука, как область знания. Кстати, крайне непонятной была формулировка «меньшевиствующий идеализм», которой была заклеймена научная школа Деборина. Идеализм, как известно, может быть объективным или субъективным, последовательным

или непоследовательным, но уж никак не «меньшевиствующим» или, к примеру, «эсерствующим», «анархиствующим» и т. д. Совершенно очевидно, что важно было не иметь точное научное определение, а приклеить политический ярлык. Естественно, после того, как появилось это постановление, все, кто входил в школу Деборина, были репрессированы и, прежде всего, академик Луппол, Карев, Стэн и многие другие. Деборин же удивительнейшим образом остался цел...

В 1938 году вышел «Краткий курс истории партии», и интерпретация истории стала осуществляться исключительно с тех позиций, которые были определены в «Кратком курсе». Полностью была извращена история революции 1917 года. Были оттеснены, т. е. попросту выброшены из истории те, кто в это время уже подвергся репрессиям, а это были практически все участники революционного переворота. Сложности, конечно, возникали большие. Вычеркнуть из истории имена людей очень не просто. Особенно трудно убирались из поэтических произведений имена участников революционного Военного комитета в Петрограде. У Маяковского есть строчки:

«А в Смольном
В думах о битве
и войске
Ильич, гримированный,
Мечет шажки
Да перед картой Антонов
с Подвойским
Втыкают в места атак флажки».

Но Антонова-Овсеенко расстреляли, а Подвойский остался жив. И тогда стихотворение Маяковского стало звучать так:

«...А перед картой Подвойский
Втыкает в места атак флажки».

Начав с фальсификации истории советского периода, пошли и дальше — в XIX, XVIII и другие века, переиначивая летописи, потому что Сталину импонировал Иван Грозный. Он читал о нем и всюду на полях писал: «Учитель, учитель», еще ниже: «Учитель». Ему было важно поднять роль Ивана Грозного, что и было сделано с просто гениальной циничностью в одноименном фильме Эйзенштейна.

Самый тяжелый для нашей науки перелом — это был 1936 год. Именно тогда вышло постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». Вот с этого момента психология попала в «застенок».

Еще раз зафиксируем рубеж, с которого, собственно, и надо начинать отсчет времен, когда стало возможным конструировать политическую историю российской психологии во всей ее полноте.

30-е — начало 50-х годов — особый период в политической истории российской науки и психологии в частности. Погром педагогики и философии стал только началом, своего рода прелюдией к эпохе репрессирования науки. Далее последовали удары, глумления, искажения, а иногда и полное уничтожение ряда отраслей знаний: история СССР, древнейшая история России, евгеника, педология,

психотехника, история русской и зарубежной философии и литературы, генетика, психосоматика, языкознание. При этом постоянно несла тяжелый урон психология во всех ее отраслях. Характеристика судеб перечисленных выше наук заняла бы очень много времени и места. Наверное, правильнее пойти путем обращения к отдельным эпизодам политической истории науки, где, как в зеркале, оказываются отраженными события, происходящие в эти годы в обществе.

Наука живет своей жизнью. Подобно любому живому организму, она переживает период зарождения, становления, роста, болезни, выздоровления, упадка и расцвета. Как любое живое существо, она порождает потомство, которым в одном случае гордится, а в другом — стыдится его (вспомним мичуринскую биологию). Бурная жизнь психологии в XX столетии не поддается спокойному и бесстрастному изложению драматических и трагических эпизодов ее нелегкого существования в России в последнем веке II тысячелетия. Достаточно сказать об использованной учеными «тактике выживания», когда они путем формальных уступок в условиях идеологического прессинга пытались сохранить позитивное ядро научного знания.

Я счел возможным, характеризуя развитие науки в 30–50-е годы, остановиться лишь на судьбе педологии, которая подверглась репрессированию и изгнанию из научного обихода, а также обратиться к драматической истории взаимоотношений психологии и учения Павлова и тем печальным последствиям, к которым привела «павловизация» психологической науки. Впрочем, я не обойду вниманием другие драматические, а иной раз и комические сюжеты, почерпнутые мною из летописей, которые оставила для нас жизнь психологической науки.

2. По скользким камням истории

Мне традиционно задают практически один и тот же вопрос: что привело вас в психологическую науку, с кем из ученых встречались и о ком из них особенно хотели бы вспомнить.

Как всегда, я в таких случаях мог бы сказать как о ближайших, так и более глубоких причинах. Начну с первых...

Было мне тогда двадцать два года. Время окончательного выбора жизненного пути. Возникла неразрешимая дилемма — с одной стороны, меня манила журналистика, с другой — наука. Однако недаром слово «судьба» женского рода. И на этот раз надо вспомнить французскую поговорку «шерше ля фам» (ищите женщину) — моя 19-летняя невеста к профессии «репортер» относилась без особого благожелательства. Ей, дочке профессора, иной путь для будущего мужа, как «хождение в науку», не представлялся достойным выбора. Я тогда не знал, что «когда говорит женщина — говорит Бог», и все же не устоял. Пошутил: «Пусть наука будет моей “второй законной женой”, а литература — “любовницей”». К идее «двоеженства» моя будущая супруга отнеслась лояльно, а к «любовнице» — без всякого восторга. Тем не менее, вынуждена была согласиться. Так, в общем-то, и произошло в дальнейшем. За годы моей жизни я опубликовал более сотни статей, очерков, рассказов в центральных журналах и газетах, но это было моим хобби,

а не основным делом. Впрочем, как выяснилось, журналистика — это тоже сфера «прикладной психологии». Иное «журналистское расследование» оказывается сродни психологическому исследованию. Об этом более подробно будет рассказано в следующей части книги.

Однако все сказанное — чисто внешние, поверхностные причины и обстоятельства. Все было, конечно, серьезнее.

Как легко понять, при официальном интервьюировании ничего подобного изложенному выше я не приводил бы в качестве пояснения к причинам выбора профессии.

Психологией я заинтересовался на третьем курсе института, став членом психологического кружка, который вел Григорий Алексеевич Фортунатов.

Мы, побывавшие на фронте молодые ребята, были предметом особого внимания различных кафедр, которые нас охотно приглашали по окончании института в аспирантуру. Повторю уже сказанное — я выбрал психологию.

Итак, я стал аспирантом кафедры психологии. В 1950 году защитил диссертацию по истории русской психологии. Моим первым оппонентом был Борис Михайлович Теплов, чем я очень гордился. Он удостоил меня доброго отзыва. Хорошие отношения у меня с ним сохранялись все годы до его смерти. Встреча и общение с Б. М. Тепловым еще более утвердили меня в том, что историей психологии заниматься надо. Не осмыслив прошлое, нельзя понять настоящее.

Первая моя публикация относится к 1949 году. Статья была помещена в журнале «Вопросы философии».

Окончив аспирантуру, я уехал в Вологду, в педагогический институт, где преподавал два года. Затем вновь вернулся в Москву и стал работать в родном для меня Московском городском пединституте, на той же кафедре психологии. Надо сказать, что мы были тогда заметно отдалены от психологического центра — Института психологии Академии педагогических наук. Ощущали себя научной периферией, хотя расстояние между институтами было всего несколько остановок метро...

У меня возникла весьма рискованная идея — написать историю советской психологии. Дело в том, что историки охотно «забирались» в XVIII, XVII века и даже еще глубже, изучали труды, в которых можно было с помощью весьма хитроумных приемов «выцедить» психологическое содержание. К современности приближаться боялись. Во всяком случае, они не переходили или почти не переходили «границу» начала века. Мне вспоминаются строчки А. К. Толстого: «Ходить бывает склизко по камешкам иным, итак, о том, что близко, мы лучше умолчим».

Я обратился, помню, к моему старшему коллеге, специалисту по «древней истории психологии», Михаилу Васильевичу Соколову. Говорю: «Хочу писать работу по истории советской психологии. Как вы на это смотрите?» — «Какая там история, — отрезал он, — одни ошибки!» Естественно, писать историю об ошибках — не очень-то благодарное занятие, особенно в те годы! В самом деле, в истории психологии было множество подводных камней. Например, как быть с педологией? Как быть с психотехникой, которая фактически тоже была причислена к псевдонаукам? Идеологический наставник психологии тех лет В. Н. Колбановский опубликовал в 1936 году в газете «Известия» статью «О так называемой психотехнике», «вскрыл» ее «контрреволюционную сущность». Кто бы посмел

после этого продолжать психотехническую работу? Таким образом «смертный приговор» фактически был подписан психологии труда, инженерной психологии и многим другим прикладным отраслям науки.

Как оценить реактологию, рефлексологию? Как отнестись к павловскому учению, о котором тогда полагалось писать только восторженно, или к тому, как И. П. Павлов активно вторгался в область социальной психологии и нередко переносил биологические законы в сферу социальной жизни? Как быть с Л. С. Выготским, П. П. Блонским, М. Я. Басовым, тоже педологами, к которым долго сохранялось настороженное отношение?

Когда пишешь об учениках и последователях видных ученых, действительно не следует игнорировать мнения, а иногда и раздраженную ревность еще живых их учеников и последователей. В этом отношении весьма поучительна история, рассказанная чудесным писателем Леонидом Соловьевым в его книге о похождениях Ходжи Насреддина:

> «В те далекие годы нередко случалось, что иной мудрец сеял в своей книге семена богатства и почета, но пожинал – увы! – одни только неисчислимые бедствия. По этой причине мудрецы были крайне осторожны в словах и мыслях, что видно из примера благочестивейшего Мухаммеда Расуля Ибн-Мансура: переселившись в Дамаск, он приступил к сочинению книги "Сокровище добродетельных" и уже дошел до жизнеописания многогрешного визиря Абу Исхака, когда вдруг узнал, что дамасский градоправитель – прямой потомок этого визиря по материнской линии. "Да будет благословен Аллах, вовремя ниспославший мне эту весть!" – воскликнул мудрец, тут же отсчитал десять чистых страниц и на каждой написал только: "Во избежание" – после чего сразу перешел к истории другого визиря, могущественные потомки которого проживали далеко от Дамаска. Благодаря такой дальновидности указанный мудрец прожил в Дамаске без потрясений еще много лет и даже сумел умереть своей смертью, не будучи вынужденным вступить на загробный мост, неся перед собою в руке собственную голову, наподобие фонаря».

Все-таки не без некоторой гордости хочу сказать, что эти спасительные слова: «во избежание» — я в моих работах не написал и чистых страниц в истории психологии не оставил.

Но как бы то ни было, докторскую диссертацию на тему: «История советской психологии» я защитил в 1965 году. Моими оппонентами были Б. М. Теплов, М. Г. Ярошевский и С. Г. Геллерштейн. Защита диссертации проходила в педагогическом институте им. В. И. Ленина. Я волновался — не опоздает ли, придет ли академик Теплов? И вот, помню, идет Борис Михайлович через колонное фойе института — высокий, статный, седые красивые волосы, пробор, разделяющий их на две стороны, — и держит под мышкой два толстых синих тома моей диссертации. Сразу отлегло от сердца.

Через неделю после защиты я решил, как тогда и полагалось, устроить банкет, куда пригласил и Бориса Михайловича. Он отказался, сославшись на нездоровье, но сказал, что мысленно будет присутствовать. Звоню на другой день в институт, а мне говорят: «Борис Михайлович сегодня ночью умер». Это был страшный удар для меня, да и для всех психологов. Судьба! Можно представить, как бы я себя чувствовал, если бы он умер после банкета, устроенного мной?!

Таким образом, два человека в наибольшей степени определили мой путь в психологии — Г. А. Фортунатов и, возможно, сам того не зная, Б. М. Теплов. Встречи с ними дали мне и творческие импульсы, и необходимую ориентировку, и ту эмоциональную поддержку, без которых очень трудно работать. У меня никогда не было влиятельного руководителя, который бы расчищал передо мной дорогу. Григорий Алексеевич Фортунатов не обладал теми возможностями, которые открывают путь для ученика. Мои коллеги, вошедшие затем в «верхний эшелон» психологии, таких покровителей имели. Это их ничуть не унижает. Наоборот, это то, что придавало им силы. Так и должно быть.

Так, у Б. Ф. Ломова его покровителем и «куратором» был Б. Г. Ананьев, у А. А. Бодалева — В. Н. Мясищев, у В. П. Зинченко — А. Н. Леонтьев и А. В. Запорожец, у В. В. Давыдова — Д. Б. Эльконин, у Н. Ф. Талызиной — П. Я. Гальперин, у Е. В. Шороховой — С. Л. Рубинштейн.

У Теплова любимым учеником был Владимир Дмитриевич Небылицын. Вспоминаю, как ему было поручено, несмотря на его молодость, прочитать их совместный доклад на Втором съезде психологов, который проходил в Ленинграде, в Таврическом дворце.

Если есть, чем гордиться ученому, то, вне всяких сомнений, успехами его учеников. Ко мне это относится, как к любому другому. Как мне не радоваться, что десять моих сотрудников стали докторами наук, двое из этого числа избраны членами-корреспондентами Российской академии образования (М. Ю. Кондратьев, И. Б. Котова).

Итак, имена двух моих учителей я назвал, но это не значит, что я не испытываю чувства благодарности ко многим встретившимся на моем пути. О них еще будет сказано далее.

3. Ученик компрачикоса, или Сага о педологии

Должен откровенно признаться, что особыми успехами в годы моего студенчества я похвастаться не могу. Не то чтобы я плохо учился, — этого не было, но и круглым отличником не стал. По-моему, меня тогда больше занимали мои личные проблемы, а не учебные предметы. До сих пор непонятно, почему накануне окончания вуза, в 1947 году, мне предложили пойти в аспирантуру сразу три кафедры. Русскую литературу я всегда и любил и знал, но быть аспирантом заведующего кафедрой, профессора Александра Ивановича Ревякина не желал по многим причинам. Неприемлемым для меня было предложение профессора Геннадия Евгеньевича Жураковского пойти на кафедру педагогики. В те годы, да и в последующие, педагогика повествовала о том, каким должен быть школьник, но мало могла сказать о том, как его таковым сделать. Не хотелось быть мастером изящной педагогической словесности, на что я был бы обречен навсегда.

Я выбрал кафедру психологии. Ее заведующий, профессор Николай Федорович Добрынин, как я сейчас думаю, остановил свой выбор на мне с учетом сложившейся ситуации. Я был тогда в комитете комсомола в роли «второго секретаря» вузкома, и у профессора на этот счет были свои соображения. После эк-

заменов и зачисления в аспирантуру Николай Федорович предложил мне тему кандидатской диссертации «Психология комсомольской работы». Если бы я согласился на это предложение, забыв о великой истине «береги честь смолоду», — то вряд ли когда-либо простил бы себе такую сговорчивость. Я имею в виду не идеологические противопоказания (тогда их у меня не было), а полную бессмысленность и бесперспективность собственно научной стороны этого предприятия. Николай Федорович действовал из лучших побуждений. Он считал диссертацию с таким названием беспроигрышной, а свое предложение лестным для аспиранта. Поэтому мое исследование «Психологические воззрения А. Н. Радищева» долгое время не утверждалось кафедрой, и диссертацию я писал на свой страх и риск.

Моим научным руководителем был доцент Григорий Алексеевич Фортунатов. Его лекции, общение с ним и были основным стимулом моего обращения к психологии. В отличие от всех других преподавателей, которые исчезали в комнате деканата сразу после окончания лекции, Фортунатов надолго задерживался в аудитории, отвечая на бесчисленные вопросы, сыпавшиеся со всех сторон. Психология интересовала многих. В студенческом фольклоре была дана такая его характеристика:

В углу, студентками зажатого,
Увидеть можно Фортунатова,
Такого душку симпатичного
И очень, ах, психологичного.

Жил он около Покровских ворот, и обычно я провожал его до дома. Мы шли Чистопрудным бульваром, и я с огромным интересом слушал его рассказы о людях, событиях, временах ближайших и давно прошедших. Пожалуй, и в последующие годы я не встречал человека, более эрудированного, чем он. У меня было физическое ощущение, что знания или, во всяком случае, часть их буквально переливаются от него в меня. Это была настоящая школа мышления и обогащения памяти.

Постепенно я все больше и больше узнавал о жизни и судьбе моего учителя.

...Один из самых дискуссионных вопросов в психологии — «наследственность таланта». Я не буду вдаваться в тонкости этой сложной проблемы. Писать на эту тему мне приходилось не раз. Однако известно, что существуют семейства, из поколения в поколение поставляющие человечеству талантливых ученых, музыкантов, актеров. Позволю себе привести историческую справку. В семействе Бахов музыкальный талант впервые обнаружился в 1550 году, с особенной силой проявился через пять поколений у великого композитора Иоганна Себастьяна Баха и иссяк после некоей Регины Сусанны, жившей еще в 1880 году. В семье Бахов было более 50 музыкантов, из них 20 выдающихся.

Нечто подобное можно сказать о старинном роде Фортунатовых.

По словам Григория Алексеевича, первым, оставшимся в исторической памяти семьи, числится иконописец, крестьянин села Палех, по прозвищу Кузьма Богомаз, который жил в середине XVI века. Начиная с этого времени Фортунатовы, «обживавшие» север России, главным образом Петрозаводскую, Вологодскую, Ярославскую, Архангельскую губернии, а также, конечно, Москву, дали России плеяду ученых, краеведов, священнослужителей, учителей. Отец Григория Алек-

сеевича — Алексей Федорович Фортунатов, сын директора Олонецкой губернской гимназии в Петрозаводске, имел двух братьев: Филиппа и Степана. Все трое были профессорами, а академик Филипп Федорович Фортунатов — знаменитый русский лингвист.

Алексей Федорович — профессор Петровской, ныне Тимирязевской, сельскохозяйственной академии, любимец студентов, блистательный ученый. Традиционно он читал первую лекцию студентам 1-го курса. Уже очень пожилой человек, он начинал ее так: «Господа студенты 1-го курса! Вам читает лекции студент 52-го курса Алексей Фортунатов...». Дети Алексея Федоровича продолжили путь рода Фортунатовых в науке. Александр — профессор истории, Григорий — психолог, Федор — театровед, Михаил — биолог. Последний в роду — профессор Юрий Александрович — музыковед, композитор. Недавно он умер, и род Фортунатовых фактически пресекся. Таким образом, и генеалогическое древо может засохнуть.

Григория Алексеевича я знал и до поступления в аспирантуру. Он был руководителем научного кружка и, разумеется, там обсуждались наши рефераты и доклады, но отнюдь не его биография. Так что я мало знал о его жизненном пути. Однако в первые мои аспирантские месяцы я позволил себе спросить одного из членов кафедры о том, как объяснить, что самый эрудированный, самый интересный его коллега всего-навсего доцент, а не профессор. Пояснения, которые он мне дал, меня не удовлетворили. Конечно, профессорами были преимущественно доктора наук, а не кандидаты, другой преподаватель, Иван Васильевич Карпов, был, как и Фортунатов, кандидатом, но, тем не менее, имел ученое звание профессора. «Дело в том, — сказал мой собеседник, — что Григорий Алексеевич 10 лет назад был профессором, но он был профессором педологии». Дальнейших объяснений не требовалось...

Из курса истории педагогики я знал, что такое педология. В 1936 году вышло постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов». В этом постановлении разоблачалась «буржуазная лженаука» педология. В наших конспектах лекций и учебниках педагогики можно было прочитать о педологии: «Педология — антимарксистская реакционная буржуазная наука о детях...» и «Контрреволюционные задачи педологии выражались в ее “главном” законе — фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и какой-то неизменной среды...». «Товарищ Сталин в заботе о детях, о коммунистической направленности воспитания и образования лично уделяет большое внимание педагогическим вопросам. Вреднейшее влияние на педагогику при содействии вражеских элементов проявлялось в педагогической теории так называемой педологии и педологов в школьной практике...». «В “научных работах” педологов содержалась вреднейшая клевета на советскую действительность и наших прекрасных детей. Педологи доказывали, что в советских условиях количество “неполноценных” детей неуклонно возрастает»...

Впрочем, можно обойтись без учебников и лекций, чтобы понять всю «преступность» этой науки. Не случайно в романе В. Каверина «Два капитана» главные злодеи, разумеется, педологи — профессор Иван Антонович Татаринов и погрязший в гнусности его ассистент Ромашка. В моей памяти сохранилось обли-

чающее стихотворение поэта Арго. В нем повествовалось об одном из создателей «Домостроя» — священнике Сильвестре:

Имея нрав предобрый,
Он юношей берег
И сокрушал им ребра,
В том деле видя прок.
Рассказ о нем недолог —
У нас подобный муж
Считался бы педолог,
Знаток ребячьих душ
И сохраняя образ
Ученого лица,
Крушил бы он не ребра-с,
А души и сердца.

Возникло то, что в психологии называют «когнитивным диссонансом». С одной стороны, я не мог не доверять тому, что писали ученые-педагоги и писатели, а с другой — не мог себе представить добрейшего и умнейшего Григория Алексеевича в виде компрачикоса (как было не вспомнить роман В. Гюго «Человек, который смеется»), намеренно уродовавшего ребячьи души в интересах мировой буржуазии.

Долгое время мой учитель в наших беседах не затрагивал проблемы педологии. Трудно сказать, с чем был связан его уход от каких-либо автобиографических воспоминаний. Я уже знал, что он, будучи профессором педологии в Педагогическом институте им. Либкнехта, был вынужден после опубликования постановления ЦК публично «каяться» и признавать свои «ошибки». Добро бы это происходило только на ученых советах и заседаниях кафедр! Так нет! На открытом партийном собрании его попрекала гардеробщица тем, что он такой грамотный, такой «весь из себя интеллигентный», а стал на дорожку вредительства и не пожалел наших ребятишек, которым и без этой проклятой педологии не так уж сладко живется. Кончилось это, как и следовало ожидать, инфарктом у бывшего профессора Фортунатова.

Мне пришлось шаг за шагом, год за годом разматывать запутанный клубок реальных ошибок педологии и злобных бездоказательных измышлений, напраслины, которую на нее возводили. Надо сказать, что сам Григорий Алексеевич мне мало в этом помогал. Очевидно, ему было трудно об этом говорить — не хотелось ворошить тяжелые для него воспоминания, но как бы то ни было, я разобрался в истории педологии. Уже в начале 60-х годов стало возможным, хотя бы отчасти, дать объективную оценку периоду сталинского произвола. Я первым написал о педологии не как о реакционной буржуазной лженауке, а как об одной из отраслей научного знания.

Не убежден, что и сейчас, когда о педологии упоминают уже без оскорбительных эпитетов и в ее существовании не видят контрреволюционного умысла, немногие знают, что представляла собой эта «лженаука № 1». Вот что я тогда понял из рассказов Григория Алексеевича, справедливость слов которого в дальнейшем подтвердила моя работа как специалиста в области истории психологии.

Что же такое педология? Педология (в точном переводе — наука о детях) — течение в психологии и педагогике, возникшее в конце XIX века на Западе. Вскоре оно начало распространяться в России.

После Октября педологическая наука получила большой размах. Развертывается обширная сеть педологических учреждений. Не будет преувеличением сказать, что в этот период вся работа по изучению детей проводилась под знаком педологии, и все ведущие психологи (как и большинство врачей, физиологов и гигиенистов), работавшие в области детской и педагогической психологии, рассматривались как педологические кадры.

Педология как наука стремилась строить свою деятельность на четырех важнейших принципах, существенным образом менявших сложившиеся в прошлом подходы к изучению детей.

Первый принцип — отказ от изучения ребенка «по частям», когда что-то выявляет возрастная физиология, что-то — психология, что-то — детская невропатология и т. д. Педологи считали, что таким образом целостного знания о ребенке и его подлинных особенностях не получишь. В самом деле, часто оказывались несогласованными принципы и методы исследований, которые иногда были разнесены во времени.

Педологи пытались получить именно синтез знаний о детях. Драматически короткая история педологии — это цепь попыток уйти от того, что сами педологи называли «винегретом» разрозненных, нестыкующихся сведений о детях, почерпнутых из разных научных дисциплин. Они пытались прийти к синтезу знаний, с разных сторон обращенных к ребенку.

Второй принцип — генетический. Ребенок для педологов — существо развивающееся, и понять его можно, принимая во внимание динамику и тенденции развития.

Третий принцип — обращение к социальному контексту, в котором живет и развивается ребенок, его быту, окружению, вообще общественной среде.

Если учесть, что педологи 20-х годов имели дело с детьми, покалеченными превратностями послереволюционного времени и гражданской войны, непримиримой классовой борьбой, то очевидно все значение подобного подхода к ребенку.

И наконец, четвертый принцип — сделать науку о ребенке практически значимой. Именно поэтому было развернуто педолого-педагогическое консультирование, проводилась работа педологов с родителями, делались первые попытки наладить психологическую диагностику развития ребенка.

Сказанного достаточно, чтобы понять, насколько необоснованными были проклятия по ее адресу, которые прозвучали в 1936 году.

Педология оказалась первой среди научных дисциплин, позже объявленных «лженауками». Этот шутовской колпак еще предстояло нахлобучить на генетику, психотехнику, кибернетику, психосоматику, но все началось именно с педологии. Слово «педолог» стало таким же ругательным, как через двенадцать лет трехэтажное «вейсманист—менделист—морганист».

Я допытывался у Григория Алексеевича, в чем состояли реальные ошибки педологии. Из его скупых ответов я мог сделать некоторые выводы. Педологию, если можно так сказать, «подстрелили на взлете»: ей не дали развернуться и, естественно, далеко не все то, что следовало в ней преодолеть, было устранено. При-

менили весьма нечестный прием. Действительно, в 20-е годы некоторыми педологами допускалось преувеличение роли наследственности в развитии ребенка. Тогда нередко применялись и недостаточно надежные тесты для определения умственного развития детей. Были и другие ошибки и просчеты. Но все дело в том, что уже за 5–6 лет до появления рокового для педологии постановления они были устранены самими же педологами. Не надо забывать, что среди педологов были выдающиеся ученые: Л. С. Выготский, П. П. Блонский, М. Я. Басов, которые не могли допустить развития науки в ложном и бесперспективном направлениях. Я прочитал в учебнике педологии, написанном Г. А. Фортунатовым, раздел, посвященный роли наследственности и среды в развитии ребенка. Смело могу сказать, что его без всяких изменений можно было бы опубликовать в любом современном учебнике по психологии (что я, кстати, и сделал).

Даже если и были ошибки у педологов, которые могли быть исправлены, все это в ситуации середины 30-х не имело никакого смысла. Поезд, как говорится, ушел. Страшное слово «лженаука» перечеркнуло судьбу ученых-педологов.

Казалось, принципы, на которых строилась педология, вполне разумны. Что же привело к ее жесточайшему искоренению?

У всех нас при интерпретации каких-либо исторических событий прежде всего возникает желание указать какую-либо простую причину. На этой основе рождаются легенды, апокрифы. «Дело в том, — объяснял мне старый профессор, — что школьные педологи тестировали сына вождя, Василия Сталина, и результаты дали основания сделать вывод о его ограниченных умственных способностях. Об этом узнал его отец и сделал "оргвыводы" — прикрыл педологию; заодно было запрещено использовать тесты, объявленные "средством угнетения и унижения пролетариата"».

Фортунатов скептически отнесся к пересказанной мною версии. Он заметил, что, возможно, у Васи IQ (коэффициент умственной одаренности) и был невысок, но основания для разгрома и поругания науки были куда более серьезные.

Во-первых, имелись политические причины. Педология развивалась под покровительством Наркомпроса, возглавляемого старыми большевиками А. Бубновым и Н. Крупской, а, следовательно, за «вражескую деятельность» педологов отвечали они. Надо сказать, что Надежда Константиновна для преемника ее мужа представляла особую опасность — вдруг вдова Вождя возьмет да и выступит с какими-нибудь неподобающими идеями или разоблачениями на XVIII съезде! Кстати, если тревога у Сталина и была, то напрасная. Крупская «умудрилась» умереть с загадочной скоропостижностью на следующий день после своих именин и за 12 дней до начала партийного съезда.

Позволю себе маленькое отступление. Мой отец Владимир Васильевич Петровский, один из основателей библиотечного дела в СССР, работал с Крупской и даже спорил с ней. Как я знаю, она его критиковала за «формализм» — он считал, что если в библиотеку читателем не возвращена книга, он должен уплатить ее стоимость. Крупская же говорила: «Пусть у рабочего хоть одна единственная книга окажется в доме». (Кстати, сегодня спор разрешился в пользу моего родителя: за утерянную книгу требуют ее многократную стоимость.) Когда отца в 1930 году арестовали, то при обыске у него нашли не ожидаемый браунинг, а записку Крупской, что явно удивило сотрудников ГПУ. Но, к счастью, это был 30-й, а не 37-й.

Отца скоро выпустили — выяснилось, что его «взяли» по ошибке, приняв за кого-то другого. В это время чекисты еще признавали за собой право на ошибку, но через несколько лет они в этом себе решительно отказали.

Надежду Константиновну я видел только один раз. Я ждал отца, который зашел к начальнику библиотечного управления Наркомпроса по фамилии Киров (не надо путать с Сергеем Мироновичем Кировым). Вслед за отцом в кабинет зашла какая-то старушка. Когда отец вышел ко мне, то спросил, видел ли я, кто прошел мимо, и пояснил, что это вдова Ленина, Крупская. Большого впечатления на меня это не произвело, однако надо принять во внимание мой тогдашний возраст. Но вернемся к педологии. Итак, первой задачей было скомпрометировать деятелей Наркомпроса (Бубнова, Крупскую, Эпштейна и других), «под крылышком» у которых процветали «враги народа». Бубнов и его заместитель Эпштейн вскоре были расстреляны. Твердокаменный большевик-педолог А. Б. Залкинд не выдержал позора и клейма «контрреволюционера в области народного просвещения» и скончался. Как мне рассказывали, произошло это на Чистопрудном бульваре напротив здания Наркомпроса. Он умер от приступа «грудной жабы», так тогда называли стенокардию.

Второе основание для разгрома педологии имело идеологический характер. В конце концов, это была весьма опасная затея — педологическое изучение социальной среды, в которой живет ребенок. Голод на Украине, где вымирали целые села, раскулачивание, начавшиеся репрессии после убийства С. М. Кирова в 1934 году, — все это не могло не сказаться на личности ребенка, между тем педологи пытались «докопаться» до причин задержек психического развития и невротизации детей. Могло ли это остаться безнаказанным? Можно ли было допустить дальнейшее продвижение в этом направлении?

Столь же невозможно было разрешить изучать наследственность. «Советский человек» должен был быть *tabula rasa*, чистой доской, на которой раз и навсегда предстояло написать его новые черты и особенности, отличающие его, строителя коммунистического общества, от всего остального человечества. О какой наследственности могла идти речь? Это в равной мере касалось и биологической, и социальной наследственности: и та и другая не вписывались в задачи формирования «нового человека». Еще с большей силой борьба против изучения наследственности развернулась уже в конце 40-х годов под «всепобеждающим знаменем мичуринской биологии». Так что начало этой борьбе было положено в 1936 году.

Говоря о моем учителе, я, быть может, слишком много внимания уделил его педологическому прошлому и вообще истории педологии. Между тем в нашем общении это не было главенствующим предметом. Во всяком случае, учеником «компрачикоса» я себя не чувствовал. Григорий Алексеевич помогал мне освоить азы психологической науки, вводя ее в контекст мировой культуры. Это был образец ученого, для которого ученик не выступает как штамповщик диссертационного «кирпича». Он считал себя ответственным за все, вплоть до помощи в быту. Мне и жене практически негде было жить — Фортунатов подыскал комнату неподалеку от его дома и договорился с хозяйкой об аренде. Уже через четыре года после защиты он предложил мне написать с ним в соавторстве учебник по психологии для средней школы. Книга эта многократно переиздавалась в Москве и в союзных республиках. Она вышла на немецком, венгерском, румынском и японском язы-

ках. Легко представить гордость еще очень «зеленого» и мало кому известного вузовского преподавателя, каким я был в те далекие годы.

Не знаю, что обо мне думают те шестьдесят кандидатов наук, у которых я был научным руководителем. Разные приходили ко мне и уходили в автономное плаванье молодые люди. У меня же никогда не иссякнет чувство глубокой признательности и любви к моему первому учителю.

4. Под дамокловым мечом «сплошной павловизации»

Как бы ни были ужасны для развития науки последствия разгрома педологии и психотехники, но для меня — молодого научного работника в конце 40-х — начале 50-х годов это была история, своего рода «плюсквамперфект» (давно прошедшее время). Я жил настоящим, а не прошлым, да и вряд ли осознавал тогда всю пагубность случившегося в 1936 году, когда я учился в пятом классе.

Другое дело, когда сам оказываешься под дамокловым мечом, а науке, которой ты решил себя посвятить, как звучало в популярной песне, «до смерти четыре шага́».

Было ли для меня очевидно «судьбоносное» значение событий?

Все свершилось в начале отпусков — в конце июня 1950 года. Разумеется, я следил за сообщениями в газетах, где освещался ход научной сессии АН СССР и АМН СССР, посвященной физиологическому учению И. П. Павлова. В газетах было напечатано приветственное письмо «павловской сессии» товарищу Сталину и вступительное слово президента Академии наук Сергея Ивановича Вавилова. Вряд ли все это казалось чем-то роковым. Все было как полагалось. Это потом, лет через десять, мы могли задуматься над тем, что, к примеру, мог испытывать президент Академии, благословляя очередную идеологическую расправу над учеными и наукой. Сочувствовать ему? Презирать его? Тогда этот вопрос еще не возникал, хотя мы уже знали, что едва ли не на каждой встрече с зарубежными коллегами ему задавали библейский вопрос: «Скажи, где брат твой?» Не об Авеле спрашивали — это ясно, а о великом ученом, биологе, генетике Николае Ивановиче Вавилове. Что мог он ответить? Николай Иванович, безвинно репрессированный за семь лет до «павловской сессии», скончался от дистрофии в Саратовской тюрьме. Его брат ушел из жизни через год после описываемых здесь событий. Кто знает, может собственная смерть для Сергея Ивановича Вавилова была избавлением от нравственных страданий...

Ни о чем подобном я не думал в эти летние месяцы — завершил работу над диссертацией, в августе жена должна была рожать, в сентябре предстояла защита, затем отъезд из Москвы «по распределению».

История покатилась мимо меня, до времени не задевая и не пугая.

«Первой ласточкой» был приезд к нам в Вологду обществоведа Николая Сергеевича Мансурова. После окончания «павловской сессии» все стало разворачиваться очень быстро. Поэтому нет ничего удивительного в вопросах, которыми за-

сыпали члены кафедры психологии информированного и причастного к высоким сферам приезжего: «Как вы думаете, психологию не объявят ли "псевдонаукой", не закроют ли кафедры психологии?» Московский гость нас успокаивал, но своеобразно, говоря о том, что может все и обойдется, а на крайний случай будете преподавать педагогику, поскольку вы все кандидаты педагогических наук. Последнее было правдой — до начала 70-х годов ученых степеней по психологии не было. Однако умиротворения в наши души подобная перспектива внести не могла. Стало ясно — психология опять, как в 1936-м, висела на ниточке.

Что же происходило в это время в Москве?

На сессии были сделаны два главных доклада. С ними выступили академик К. М. Быков и профессор А. Г. Иванов-Смоленский. С этого момента они обрели статус верховных жрецов культа Павлова. По тем временам всем было ясно, чья могущественная рука подсадила их на трибуну сессии. Уже не было необходимости сообщать, что доклад одобрен ЦК. Это разумелось само собой. Попросту был учтен опыт августовской сессии ВАСХНИЛ. Информация о «высочайшем» покровительстве была сообщена тогда Трофимом Денисовичем Лысенко уже после того, как некоторые выступающие в прениях неосторожно взяли под сомнение непогрешимость принципов «мичуринской» биологии. Подобного грома средь ясного неба на «павловской сессии» дожидаться не стали. Полились славословия по поводу главных докладчиков, «верных павловцев», наконец якобы открывающих всем глаза на замечательное учение.

А. Г. Иванов-Смоленский... Помнится, я спросил о нем моего оппонента по кандидатской диссертации профессора Н. А. Рыбникова, одного из старейших психологов. Николай Александрович помолчал и, понизив голос, сказал: «Физиолог? Да нет! Скорее психолог, если хотите, психоневролог. Тогда, в 20-е годы, это трудно поддавалось различению. У него было прозвище "гусар"».

Я так и не выяснил причин отнесения «верного павловца» к этому романтическому роду войск, да и о его вкладе в психоневрологию. Николай Александрович высказался более чем сдержанно. Надо было разбираться самому...

Как бы то ни было, но два человека оказались во главе целого куста наук: физиологии, психологии, психиатрии, неврологии, дефектологии, да и вообще всей медицины. Трагические события (увольнения «антипавловцев», глумление, вынужденные покаяния, инфаркты) переплетались с трагикомическими. Отец моей жены, терапевт, профессор С. Н. Синельников рассказывал мне, что какая-то «авторитетная» комиссия, побывав на его лекциях, поставила ему в вину то, что он, демонстрируя изолированные препараты печеночной ткани, злостно игнорировал роль коры головного мозга и не излагал по этому поводу идеи Павлова и Быкова.

Итак, два главных докладчика, два человека, чье мнение выдавалось тогда за истину в последней инстанции... Кстати, почему два? Случайно ли это?

Выскажу гипотезу, которую, конечно, можно оспорить. Не действовал ли здесь сложившийся в годы сталинизма социально-психологический закон «диады» (так я позволил себе его обозначить)? Как известно, одним из тактических шагов Сталина в политике было стремление изобразить себя верным и едва ли не единственным соратником и продолжателем дела Ленина. Отсюда сакраментальная

формула: «Сталин — это Ленин сегодня». При этом возникала симметрия, столь важная для «отца народов»: «Маркс — Энгельс», «Ленин — Сталин». Эта симметрия отвечала тому, что в психологии обозначается понятием «прегнантность» (хорошая, законченная форма). В дальнейшем, когда начали формироваться по примеру культа личности Вождя новые «микрокультики», за которые чаще всего не несет ответственности тот или иной их персонаж, они конструировались по тому же диадическому принципу и своей прегнантностью поддерживали главную диаду «Ленин — Сталин». «Горький и Маяковский» — создатели литературы социалистического реализма, «Станиславский и Немирович-Данченко» — советского театра, «Сеченов и Павлов» — физиологии и психологии. Вообще, дальше все выстраивались строго попарно и фигурировали всегда в таком порядке: «Суворов и Кутузов», «Ушаков и Нахимов», «Белинский и Герцен», «Добролюбов и Чернышевский», «Пушкин и Лермонтов», «Ушинский и Макаренко», «Пирогов и Боткин», «Ворошилов и Буденный», «Циолковский и Жуковский» и т. д. и т. п. Вставить кого-либо третьего и употребить те же высокопарные эпитеты было, по существу, делом, предосудительным и опасным. Попробовали бы к Станиславскому и Немировичу-Данченко присоединить Таирова или Акимова, а к Циолковскому и Жуковскому — Цандера, к Сеченову и Павлову — Бехтерева. Такая затея кончилась бы плохо. Покушение на открытый мною закон «диады»! Понадобилось найти «напарника» для Лысенко (как можно без пары? непрестижно!) — вспомнили селекционера Мичурина, который был с тех пор безвинно осужден ассоциироваться в умах людей с лысенковским произволом и бесчинством в науке.

В 1950 году, казалось бы, начинает складываться новая пара «вождей», открывших своими докладами «павловскую сессию». Но ненадолго. Хотя в печати их имена еще слиты воедино, но в «кулуарах» об одном из них большинство ученых отзывается нелестно. В частном письме академик В. П. Протопопов в 1952 году пишет другу: «Иванов-Смоленский, этот “типичный временщик” в науке, насаждает “аракчеевский режим”». К сожалению, этот «аракчеевский режим», хотя и недолго существовавший, успел причинить долговременный ущерб не одной, а ряду наук. И многие ученые, в том числе и автор этой книги, оказались под дамокловым мечом.

Сессия с самого начала приобрела антипсихологический характер. Идея, согласно которой психология должна быть заменена физиологией высшей нервной деятельности (ВНД), а стало быть, ликвидирована, в это время не только носилась в воздухе, но и уже материализовалась... Так, например, хорошо известная мне ленинградский психофизиолог М. М. Кольцова заняла позицию, отвечавшую витавшим в воздухе настроениям: «В своем выступлении на этой сессии профессор Теплов (видный советский психолог) сказал, что, не принимая учения Павлова, психологи рискуют лишить свою науку материалистического характера. Но имела ли она вообще такой характер?» — патетически восклицала она. «С нашей точки зрения, данные учения о высшей нервной деятельности игнорируются психологией не потому, что это учение является недостаточным, узким по сравнению с областью психологии и может объяснить лишь частные, наиболее элементарные вопросы психологии. Нет, это происходит потому, что физиология стоит на по-

зициях диалектического материализма; психология же, несмотря на формальное признание этих позиций, по сути дела, отрывает психику от ее физиологического базиса и, следовательно, не может руководствоваться принципом материалистического монизма».

Не следует объяснять сколько-нибудь подробно, что означало в те времена отлучение науки от диалектического материализма. Тогда было всем ясно, какие могли быть после этого сделаны далеко идущие «оргвыводы». Впрочем, и сама Кольцова предложила сделать первый шаг в этом направлении. Она, заключая свое выступление, сказала: «...Надо требовать с трибуны этой сессии, чтобы каждый работник народного просвещения был знаком с основами учения о высшей нервной деятельности, для чего надо ввести соответствующий курс в педагогических институтах и техникумах наряду, а может быть **вместо курса психологии**» (выделено мною. — *А. П.*).

Передо мной как историком психологии не раз ставили вопросы, связанные с оценкой этого периода: как объяснить покаянные речи психологов на сессии, так ли была реальна опасность для психологии, а если она была столь уж велика, то почему тогда все-таки психологию не прикрыли?

Неужели они не могли решительно протестовать против вульгаризаторского подхода к психологии, закрывавшего пути ее нормального развития и ставившего под сомнение само ее существование?

Сейчас трудно представить себе грозную ситуацию 30-х и 40-х — любая попытка прямого протеста и несогласия с идеологической линией была бы чревата самыми серьезными последствиями, включая прямые репрессии. И все-таки поведение психологов на сессии я не считаю капитулянтским. Их ссылки на имена тогдашних «корифеев» были не более как расхожими штампами, без которых не обходилась тогда ни одна книга или статья по философии, психологии, физиологии. Иначе они просто не увидели бы света. Вместе с тем если внимательно прочитать выступления психологов, то их тактику можно понять.

Конечно, сейчас тяжело перечитывать самообвинения и «разбор» книг чужих и своих собственных: ведь тогда было принято скрупулезно высчитывать, сколько раз на страницах упоминалось имя Павлова, а сколько раз — о ужас! — оно отсутствовало. Нельзя отрицать, что в их выступлениях, как и в других речах, психология фактически привязывалась к колеснице «победительницы» — физиологии ВНД. Однако цель оправдывала средства. Психология отстаивала свое право на существование, которое оказалось под смертельной угрозой. Во время одного из заседаний Иванов-Смоленский получил и под хохот зала зачитал записку, подписанную так: «Группа психологов, потерявших предмет своей науки». Помню, что уже тогда многие предполагали, что эта записка была инспирирована самим Ивановым-Смоленским. Шутка была опасной. Ведь если бы в резолюции съезда было сказано, что психология не имеет своего предмета, то это означало бы ее ликвидацию. Такого рода опыт уже был. Основной пафос и смысл выступлений психологов на съезде — отстаивание предмета своей науки. Причем любыми способами, без изъятия. Вот почему тогдашнее «признание ошибок» лидерами психологической науки не должно вызывать сейчас никаких иных эмоций, кроме сочувствия и стыда за прошлое. Конечно, надо поклониться памяти людей, сумев-

ших занять мужественную позицию, пытаясь противостоять произволу. Были и такие — Л. А. Орбели, И. С. Бериташвили. Они шли на риск, масштабы которого нынешнее поколение даже не может себе представить. Но нельзя бросить камень в тех, кто тогда под угрозой упразднения важнейшей отрасли знания покаялся «галилеевым покаянием». Другое дело — отношение к тем, кто тогда выступал не с самобичеванием, а с обличением своих коллег.

В научных журналах психологию третировали, бесцеремонно переводили на «единственно правильный павловский путь» и постоянно ставили ей в пример «верных павловцев». Однако если гонителям психологии в печати хоть сколько-нибудь приходилось придерживаться академических манер, то в кулуарах, да и на собраниях (тем более в письмах к друзьям), уже не стеснялись... Некоторое представление о накале антипсихологических страстей в первой половине 50-х годов дают письма, которые писал один известный ученый (я не хочу называть его имя — оно славно не этими проклятиями по поводу «преступлений» психологов).

«Я давно пришел к убеждению, что все дело путает психология. У меня она вызывает к себе прямо-таки остервенение» (письмо от 08.05.1951).

«Нужно знать учение о ВНД как естественно-научную основу педагогики, и вечная слава Сталину, что он вывел великое учение наших физиологов о ВНД из подполья, куда его загнали было мракобесы-психологи. Теперь перед педагогикой открыты просторы научной работы. Пусть сегодня разные там психологи мутят воду, недалеко время, когда слово "психолог" будет ругательным словом» (07.04.1953).

Вскоре после окончания «павловской сессии» я приехал в Москву на совещание. Большая аудитория Института психологии была заполнена. Но уже с порога я обратил внимание, что третий ряд амфитеатра практически пуст. Только один человек сидит в середине ряда — старичок с седенькой бородкой. На узких серебряных погонах три звезды — генерал-полковник медицинской службы. И рядом с ним никого. Я спросил знакомого профессора: «Кто этот генерал?» — «Леон Абгарович Орбели», — был ответ. На вопрос, почему люди теснятся в проходе и не садятся рядом с генералом, мой знакомый только пожал плечами. Не решались усесться рядом со столь значительной персоной? Боялись приблизиться к «зачумленному»? На эти вопросы ни тогда, ни сейчас я не получил ответа.

Академик И. П. Павлов при жизни до его канонизации в истории советской науки — фигура, стоявшая особняком и обладавшая особыми привилегиями. В литературе и в воспоминаниях старых ленинградцев тому много примеров.

Он обращался к вузовцам «господа студенты» и вообще почти до конца дней своих не усвоил регламентированное «товарищи». В большие церковные праздники он, как помнилось некоторым старожилам, подъезжал на пролетке к боковому входу в Казанский собор. Там стояли студенческие пикеты — безбожники были готовы остановить профессоров, желавших вкусить «опиум», предназначавшийся для «невежественного народа». Профессоров полагалось стыдить, им вслед улюлюкать, и вообще вести среди них воспитательную работу. Выставив вперед бородку, Иван Петрович грозно наступал на цепочку воинствующих атеистов — те врассыпную. Это все-таки был Павлов — известно было, что партия

и правительство и не такое разрешали «старейшине физиологов мира». В конце концов, он был национальной гордостью. К тому же его всячески представляли «социально близким» к материализму, а может быть, даже к марксизму[1].

Но сколько веревочке не виться... Павлов писал обличительные письма Молотову и наркому Каминскому (они ныне опубликованы). Это уже была не научная «фронда», а вмешательство в политику...

Эпоха между 1934 и 1940 годами по-своему удивительна. В это время очень многие видные деятели слишком часто умирали «естественной смертью». Разумеется, всякая смерть естественна, как, впрочем, и жизнь. Но уж очень навязчиво тогда и в последующие годы напоминалось, что «такой-то» умер не какой-нибудь, а «естественной смертью», чаще всего от «острой сердечной недостаточности». К примеру, Серго Орджоникидзе.

В этом не было обмана, так как возможна еще одна трактовка утверждения «умер естественной смертью». Тогда вполне естественной была необходимость, чтобы сам человек предусмотрительно помог себе своевременно уйти из жизни. Или предоставил эту возможность кому-либо из окружающих. Пистолет, из которого застрелился Г. К. Орджоникидзе, естественно, оказался у него в руке не случайно. Как «удачно» тогда эти люди умирали! — В. Менжинский, В. Куйбышев, Н. Крупская, М. Ульянова, М. Горький, И. Павлов и многие другие.

Известна версия о том, что терпение вождя лопнуло, и группа неведомо откуда взявшихся врачей помогла крепкому старику безболезненно и скоро покинуть сей грешный мир. Мне она кажется правдоподобной. Как бы то ни было, но всех их хоронили торжественно, под звуки траурной музыки Шопена...

Хочу особо подчеркнуть — все, что творилось вокруг имени Павлова, не бросает тени на личность и творчество великого ученого. Еще раз повторю, его имя использовалось для унижения и уничтожения тех, кого власть хотела унизить и уничтожить. Да и сам он, есть основания полагать, оказался жертвой этой власти...

После «павловской сессии» психология оказалась в плачевном положении. Ее развитие ограничивалось раз и навсегда установленными рамками. Все, что не относится к физиологии мозга, не должно иметь места в психологических работах. По крайней мере десятилетие мы были лишены возможности обратиться к проблематике, которая не была хоть как-то связана с именем Павлова. Для того чтобы книга или статья была «проходной», надо было к месту или не к месту — это было неважно — вставлять в текст великое имя. Конечно, Павлов здесь ни при чем. Его труды и авторитет использовались как идеологическое оружие, с помощью которого были сокрушены многие области знания.

Именно тогда в обиход вошло словечко «приговаривание Павлова». Суть его предельно ясна. Если Павлов упомянут — все в порядке. Надо только, чтобы рефреном звучало его имя.

Все это было не так безобидно. Некоторые не в меру ретивые педагоги и психологи стали добиваться, чтобы обучение в школе осуществлялось на основе пав-

---

[1] См. раздел 7 главы 2 «О том, как профессор Колбановский академика Павлова в марксистскую веру обращал».

ловской теории. Другими словами, у школьников надо было вырабатывать условные рефлексы на уровне первой, но самое главное — второй сигнальной системы. И никто не посмел бы в те времена сказать, что советские дети и «павловские собаки» — это далеко не одно и то же.

Подобных продолжателей «павловского учения» серьезные ученые старались не замечать, но и спорить с ними не решались.

И все-таки еще раз зададимся вопросом: каким же образом психология, пусть загнанная в угол, лишенная практических применений, придавленная идеологическим прессом, тем не менее, сохранилась и не была объявлена лженаукой? Многие предполагали, что ее просто не успели «закрыть» до смерти Великого Вождя, а после этого уже было поздно — столь решительные действия уже не предпринимались.

Однако я знаком с другой версией. Директор Института дефектологии Т. А. Власова в те далекие времена работала инструктором в отделе науки ЦК партии. По ее словам, в отделе был подготовлен проект постановления о закрытии психологии с полной заменой ее физиологией высшей нервной деятельности. Одним словом, аналог истории с «лженаукой» — педологией.

С этим проектом заведующий отделом науки пришел к Сталину. Тот его внимательно выслушал и потом сказал: «Нет! Психология — это психология, а физиология — это физиология». Эта «научная» аргументация была столь убедительна, что никто не решился вновь вернуться к поставленному вопросу. Как бы то ни было, но психология была спасена.

У меня нет оснований не доверять рассказу академика Татьяны Александровны Власовой, с которой я работал много лет. Она всегда отвечала за свои слова. Думаю, что так и было на самом деле. Находившаяся уже на грани «клинической смерти», психология выжила и через 10–15 лет была окончательно реанимирована.

С середины 50-х годов, а в особенности после XX съезда, положение стало меняться: крайности антипсихологизма явно начали преодолеваться, хотя это и вызывало неудовольствие «верных павловцев». Об этом опять-таки свидетельствует эпистолярное наследие упомянутого мною видного ученого, в прошлом рефлексолога:

> «Некоторые наиболее развязные и наглые психологи так разнуздались, что уже имя Павлова для них ненавистно. Уже и Павлова подводят под "культ личности". Словом, конъюнктурщики в области психологии опять у власти... О чем можно говорить с психологами? Только чудак может вступить с ними в спор» (18.08.1956).

Эмоции здесь явно брали вверх над разумом. Имя Павлова, конечно, не было ненавистно психологам. Он был и остается по сей день великим ученым, разгадавшим многие тайны работы мозга.

Итак, повторю, что уже было сказано. Психология в нашей стране вступила в эпоху реанимации. До серьезных изменений в ее структуре, подготовки кадров и многого другого, что отличает развитую науку от слабо развитой, еще было далеко, но свет в конце тоннеля уже забрезжил.

5. Дни перед казнью и высочайшее помилование

Поделюсь результатами своеобразного историко-психологического исследования. Возможно, эти результаты окажутся в достаточной мере показательными для понимания положения, в котором находилась психология в 20–50-е годы.

Я мысленно насчитал несколько видных психологов, наших современников, чьи дети, жены и внуки продолжают семейные традиции при выборе профессии. К примеру, в семье Леонтьевых — 4 психолога, в семье Зинченко — 5, в семье Элькониных — 3. Скрупулезный опрос я не проводил, быть может, я преуменьшил количественные показатели. В моем семействе пять психологов — три поколения. Фамильная профессия!

Однако вот что выясняется. Ученые, работавшие в 20–40-е годы, не «отдавали» своих детей в психологию.

> Сын академика А. А. Смирнова — музыкант, у профессора Н. Ф. Добрынина сын — архитектор, дочь — орнитолог, у А. Н. Леонтьева сын — лингвист (вторую докторскую ученую степень по психологии он получил много позднее, чем первую — по филологическим наукам), выдающийся астрофизик академик А. Б. Северный — сын известного в 20-е годы психолога Б. А. Северного...

Перечень может быть продолжен. И он будет достаточно длинным.

К чему все эти выкладки и перечисления? Только для того, чтобы показать любовь к своим детям видных деятелей психологии упомянутого периода? «Отдать» сына в психологию — это по тем временам значило бы что-то вроде сдачи в солдаты во времена Николая Первого. Только не на 25 лет, а навсегда, без надежды на перспективы.

Я как-то сказал академику Владимиру Петровичу Зинченко, сыну известного харьковского психолога П. И. Зинченко:

> — Какой все-таки молодец был Петр Иванович. Он отпустил вас в Москву учиться «на психолога» во времена, когда другие ученые на подобное не отваживались. Наверное, он обладал даром предвидения и знал наперед, что у нашей науки есть будущее.
>
> — Не идеализируйте моего папу! — был ответ. — Он меня полтора года отговаривал.

Психология была не только не престижна, но просто подозрительна для ее официальных кураторов. На их тонкий нюх от нее всегда попахивало «идеализмом». Искореняя вредное философское направление, они держали психологическую науку «в черном теле». Только на рубеже 40–50-х годов в двух-трех университетах началась подготовка психологов. Однако было не очень понятно, для каких целей их готовили. Наука эта не была ориентирована на практику. Психологов подготавливали, чтобы они, в свою очередь, готовили психологов. Круг замыкался — электростанция производила электроэнергию исключительно для того, чтобы освещать свои помещения.

Разгром педологии фактически свел на нет права психологов «заглядывать в душу» ребенка. Любая попытка такого рода трактовалась как реставрация педо-

логии и подлежала суровому осуждению. Торжествовала марксистская педагогика, для которой ребенок был заведомо такой, каким он должен был быть. Что здесь изучать, когда и так все ясно! Тем более что никакая иностранная литература в руки к нам не попадала. Дореволюционные философские книги были изъяты. Психологических журналов не было. И вообще, по психологии выходило не более двух-трех книг в год.

В начале 50-х годов и мне было «все ясно». На любой вопрос, отнесенный к компетенции преподаваемого мною предмета, я мог отвечать вполне безапелляционно. Утверждаю, что здесь действует определенная закономерность: чем меньше человек знает, тем уже круг того, что он осознает как неизвестное. По мере обогащения знаниями, с увеличением информированности безмерно расширяется область того, в чем он готов признать себя невеждой. Если область познанного возрастает в арифметической прогрессии, сфера того, о чем он не решается судить, расширяется похоже в прогрессии геометрической. Отсюда уже не так далеко до пессимистического вывода: «Я знаю только то, что ничего не знаю!»

Прибавьте к этому самонадеянность молодости. Этот счастливый недостаток полвека назад у меня был в избытке. Невольно приходит на ум рассказ о возрастной эволюции самооценки одного композитора. Вначале — «Я!», затем — «Я и Моцарт!», еще позднее — «Моцарт и я!», и наконец, — «только Моцарт!». Если говорить о моей нынешней оценке корифеев психологической науки, то я явно перехожу к этому последнему этапу.

Однако в начале пути все казалось простым и легким:

— Артур Владимирович! — спрашивает студентка, возможно, озабоченная какими-то личными проблемами, — есть ли психологические основания у поговорки: «Любовь зла — полюбишь и козла»?

Я отвечал:

— Предполагаю, что учение Павлова может подтвердить эту народную мудрость. Происходит генерализация рефлекса. Реакция на одно какое-то положительное качество «козла» переносится на восприятие других его качеств, которые теперь, в свою очередь, вызывают положительный рефлекс.

Просто и изящно! Студентка удовлетворена. Ее чувство к неизвестному мне «козлу» получило психологическое объяснение и оправдание.

Как бы ни были наивны и упрощенны наши лекции по психологии, где рамки изложения были строго очерчены марксизмом и учением Павлова, психологию как учебный предмет любили. На лекциях никогда не шумели, вели записи, засыпали вопросами: «Как психолог, объясните, почему...»; «С точки зрения психологии, как вы смотрите на...?» и т. д. и т. п. У молодежи была потребность в самопознании, а обратиться было не к кому — не к преподавателю же истории КПСС!

Иной раз приходилось некоторую психологическую осведомленность переводить на уровень простейших житейских советов. Вспоминаю один очень давний случай. В больнице я всегда страдал бессонницей. Обычно в ночные часы я выходил из палаты, гулял по коридору, подсаживался к столику дежурной медсестры. С одной из них мы подружились, и она мне поведала о своих заботах. При этом конечно, была сказана традиционная фраза: «Вы, как психолог, скажите мне...».

Пришлось мне поверх больничной пижамы натянуть на себя парадные ризы «душевидца».

> Наденька (кажется, так ее звали) «дружила» с молодым человеком, сыном профессора, студентом одного из престижных вузов. Когда они полгода назад познакомились, она соврала, что учится на третьем курсе института. При этом не предвидела бурного развития событий. И вот она принята в профессорском доме, и не сегодня, так завтра, ей будет сделано официальное предложение.
>
> Наденька всхлипывала — вскоре ее ложь станет известна и ему, и его родным, и вообще, она «пропала». Тут она разрыдалась, из соседней палаты высунулась чья-то всклокоченная голова, и нас укорили в нарушении режима.
>
> Что мне оставалось делать? Девочку, этого «ангела залгавшегося» (метафора Бориса Пастернака), да и престиж «психолога» надо было поддержать — я предложил следующий сценарий.
>
> Когда он сделает вам предложение выйти за него замуж, заплачьте и откажите. Заявите: «Ты меня не любишь. Я для тебя не интересна. Ты уже добился от меня того, чего хотел, и я не верю в искренность твоего чувства!» Он будет уверять вас, что это неправда, что он вас любит и т. д. Тогда надо сказать: «Если бы ты любил, ты не должен был быть так ко мне безразличен. Почему? Объясняю: неужели ты не мог задуматься, что наши свидания не могли быть совмещены с моими занятиями в институте? Я с самого начала решила тебя проверить, понять, что ты во мне видишь: предмет для твоих удовольствий или человека, чья жизнь идет своим чередом? Нет, я за тебя не пойду — так не любят. К твоему сведению, я медсестра, а не студентка, а для тебя я как была вещь, так вещью и осталась. Зачем тебе было обо мне думать?»
>
> Наденька к моим советам отнеслась с недоверием, но через два дня на ночном дежурстве она не знала, как меня благодарить. Ее жених стоял перед ней буквально на коленях, клял себя за невнимательность и обещал все уладить дома. В порядке гонорара за совет я получил от счастливой Нади таблетки ноксирона, который был в ужасающем дефиците, и несколько ночей предавался блаженному сну.

Конечно, к научной психологии моя консультация прямого отношения не имела. Однако в те времена я не мог обратиться ни к трансактному анализу, пересказав в назидание некоторые рекомендации из популярной книги «Игры, в которые играют люди, и люди, которые играют в игры», ни объяснить ей трудности, которые неизбежны, учитывая различия в когнитивной сложности профессорского семейства и ее личности, и многое другое. В те давние времена все эти психологические тонкости, заимствованные из «реакционной буржуазной науки», и упоминать-то было небезопасно. Однако и мой предельно упрощенный план подействовал — свадьба состоялась.

Отвлечемся от судьбы осчастливленной «психологическими» рекомендациями медсестры и страдающего бессонницей пациента. Еще раз напомним, что в годы советской власти, особенно в предвоенные и послевоенные, психология была лишена права использовать достижения мировой науки для решения задач прикладного, практико-ориентированного характера. Не возбранялось заниматься механизмами памяти, ощущений, мышления, изучать темперамент и черты характера. Это пожалуйста! Это сколько угодно! Только вторгаться в проблемы личности, социальной, юридической, политической психологии было невозмож-

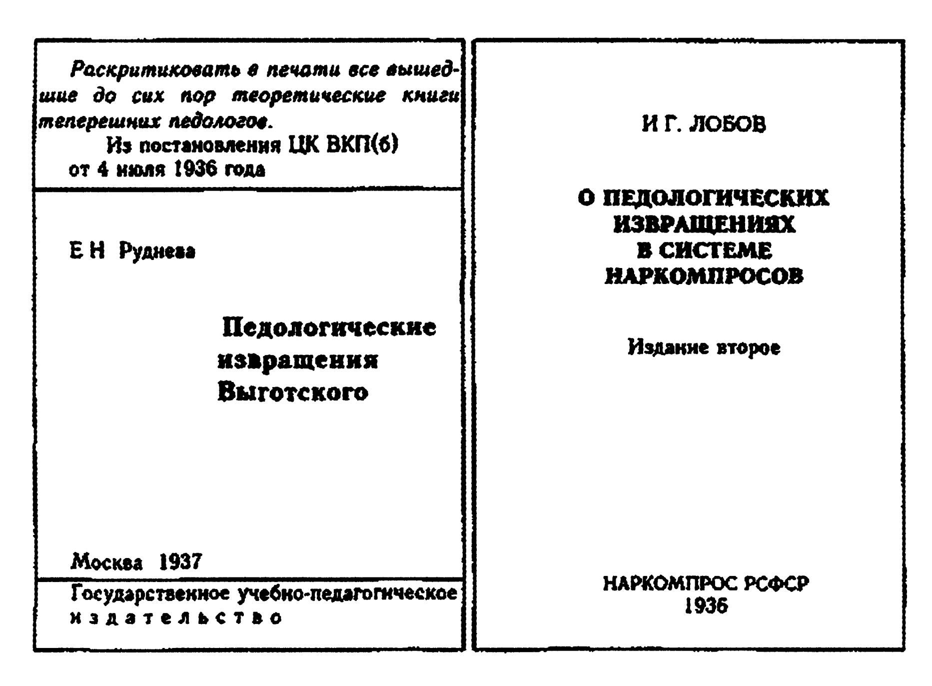
но. Это категорически возбранялось. Даже педагогическая психология оставалась долгие годы под подозрением. Позволю себе довольно большую цитату из книги работника ЦК ВКП(б) И. Г. Лобова, где психологии недвусмысленно указывалось на место, которое ей было разрешено занимать и носа дальше не высовывать:

> «Некоторые профессора психологии не прочь сейчас выступить с "прожектами" преподавания в педагогических учебных заведениях вместо педологии таких отдельных курсов, как "детская психология" и т. д. и т. п. По нашему мнению, сейчас не имеется никакой необходимости заниматься разработкой каких-то "новых" особых курсов, которые заменили бы прежнюю "универсальную" науку о детях – педологию... Создавать... новые, какие-то "особые" курсы детской психологии, педагогической психологии, школьной психологии и т. д. означало бы идти назад путем восстановления "педологии" – только под иным названием».

Предупреждение было недвусмысленным и по тем временам чреватым тяжкими последствиями — психология оказалась кастрированной. В учебниках для педвузов тех лет авторы явно стремились не допустить проникновения в умы будущих учителей «детской», «педагогической», «школьной» психологии, чтобы избежать обвинения в попытках «восстановить» педологию. Студенты педвуза получали еще очень долго фактически выхолощенные психологические знания в преддверии практической работы в школе. Обвинения в педологических ошибках постоянно нависали над психологами. Учебные курсы, программы и учебники по детской и педагогической психологии педвузы получили только через 35 лет.

Вполне понятно, что после грозных предупреждений и мысли не могло быть о свободном развитии психологии. В те времена нельзя было ссылаться на труды выдающихся психологов. Имя Льва Семеновича Выготского, которое в настоящее время широко известно и далеко за пределами нашей страны, было тогда под запретом. У меня сохранилась книжка, которая называется «Педологические извращения Выготского» (автор Е. Руднева). В чем только она не обвиняла замечательного ученого:

> «...Трудно найти какое-нибудь направление буржуазной психологии, возникшее за последние два десятилетия, которое бы не нашло места в его работах: Фрейд, Дьюи, Леви-Брюль, Адлер, Вернер, Пиаже, Клапаред, Коффка, Келер, Левин – все они в той или иной степени нашли место в его эклектической системе. ...В действительности обучение у Выготского играет внешнюю роль по отношению к развитию, не вносит изменений в развитие ребенка. Абсолютно неверное, клеветническое утверждение. Каждому учителю хорошо известно, как повышается развитие ребенка с приходом его в школу, как совершенно невозможно оторвать развитие от обучения. В целях выяснения положения о том, что перенос имени означает для ребенка и перенос свойств одной вещи на другую, Выготский и его ученики пытались устанавливать при помощи следующих абсурдных вопросов: "Если у собаки рога есть, дает ли собака молоко".
>
> Эта "методика" полностью подходит под оценку, которую дает постановление ЦК ВКП(б). Критика работ Выготского является делом актуальным и не терпящим отлагательства, тем более что часть его последователей до сих пор не разоружились» (Лурия, Леонтьев, Шиф и др.).

Раскритиковать в печати все вышедшие до сих пор теоретические книги теперешних педологов.
Из постановления ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 года

Е Н Руднева

Педологические извращения Выготского

Москва 1937
Государственное учебно-педагогическое издательство

И Г. ЛОБОВ

О ПЕДОЛОГИЧЕСКИХ ИЗВРАЩЕНИЯХ В СИСТЕМЕ НАРКОМПРОСОВ

Издание второе

НАРКОМПРОС РСФСР
1936

Рис. 1. Обложки книг И. Г. Лобова и Е. Н. Рудневой

Между прочим, передо мною пятьдесят пять лет назад стояла нравственная дилемма. Я тогда готовил к публикации книгу «История советской психологии». Те убийственные и абсолютно несправедливые оценки, которыми оснащала свою книгу Е. Руднева, я хорошо знал.

Может быть, следовало забыть об этом «грехе», не упоминать о нем, не называть фамилии женщины, которая работала в университете и была хорошо мне знакома? Поступок этот был совершен за многие годы до моих раздумий. Однако можно ли было простить, даже по истечении «срока давности», это поношение? Можно ли было так писать о Выготском, который уже не мог ответить на все эти бессмысленные обвинения (он умер за два года до выхода в свет брошюры)?!

Рассказывая в моей «Истории психологии» о наветах на педологов и Выготского, в частности, я написал: «Такова, например, брошюра Е. Рудневой, где вся книга “Мышление и речь” трактовалась как антимарксистская».

Самое удивительное в этой истории то, что Руднева не обиделась и даже попросила меня выступить оппонентом по ее диссертации.

Если бы речь шла обо мне, а я далеко не Выготский, то, когда бы горечь причиненной мне обиды ослабела, я бы не стал называть имя доносчика.

Один мой сотрудник, которому я буквально выстлал дорогу для получения докторской степени и профессорского звания, написал на меня десяток «телег» во всевозможные инстанции. Признаюсь, что к числу моих научных достижений руководство его диссертационной работой не может быть отнесено. Многие мои коллеги хорошо его знают, он автор недавно вышедшего учебника.

Перефразируя Маяковского, позволю себе стихотворные строчки:

Если написал донос бездарь и лгунишка,
Я такого не хочу даже вставить в книжку.

И не вставил... Не везло психологии и психологам. Я придумал своего рода градацию наук в годы советской власти. По первой категории проходили «репрессированные» науки. Например, педология, евгеника, генетика. По второй — науки-«лишенцы» (здесь использовано расхожее словечко послереволюционных лет «лишенец» — лицо, лишенное избирательных прав). К этой категории могли быть отнесены психология, отчасти кибернетика, психосоматика. Избежав ликвидации и объявления «псевдонауками» или «лженауками», они были остановлены в развитии, лишены возможности оказаться «востребованными», сохранялись, используя «тактику выживания». Третья категория — идеологизированные и потому подконтрольные в своих проявлениях, часто фальсифицированные — история, литературоведение, политэкономия, правоведение и другие. И наконец, четвертая категория — относительно счастливая: математика, физика, геология, астрономия, химия и т. д. Впрочем, это понятно: если бы они были ущемлены, то индустрия была бы разрушена.

Предполагаю, что опекуны науки в руководящих верхах прекрасно понимали, что наука, обращенная к сознанию и бессознательному в личности человека, к мотивам поведения в группах и обществе в целом, не должна рассчитывать на «беспривязное содержание». За ней надо было не только постоянно приглядывать, но и держать «на коротком поводке».

Борис Пастернак написал:

Напрасно в дни верховного совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена Вакансия поэта.
Она опасна, если не пуста.

Эти строчки можно отнести и к психологии. Там тоже стремились оставлять как можно больше не подлежащих заполнению вакансий.

ГЛАВА 2

Силуэты психологов на экране жизни

1. Время, назад!

В старой Москве — а для меня это старая Москва начала 30-х годов — было не так много кинотеатров: «Художественный» на Арбатской площади, «Колизей» на Чистопрудном бульваре. Был кинотеатр «Чары» — он помещался в одном из флигелей древних палат, которые находились в месте, где сливались Остоженка и Пречистенка. Теперь там стоит памятник Фридриху Энгельсу. Великий марксист явно с удивлением и возмущением взирает на возрожденный храм Христа-Спасителя, бросающий вызов старому безбожнику. Он, как известно, огорчил нас утверждением, что мы происходим не от Адама и Евы, а от каких-то малосимпатичных обезьян.

Помнится, был на Бульварном кольце кинотеатр «Экран жизни». Я смотрел там с замиранием сердца «Красные дьяволята» и «Процесс о трех миллионах», где главную роль играл Игорь Ильинский, а также американские фильмы «Знак Зорро», «Сын Зорро», «Наше гостеприимство». На экране мелькали бесцветные и беззвучные силуэты великих актеров: Чарли Чаплина, Дугласа Фербенкса, Мэри Пикфорд, Монти Бенса, Гарольда Ллойда и многих других.

Экран жизни... Теперь для меня таким экраном, где я вижу беззвучные и, к сожалению, лишенные четкости фигуры людей, оказывается моя память — экран жизни психологии и моей жизни в психологии. Вновь и вновь возникают фигуры выдающихся ученых, чьи лица знакомы современнику лишь по портретам в учебниках и хрестоматиях: С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова, К. Н. Корнилова, А. Н. Леонтьева, А. А. Смирнова и многих других. Все они внесли заметный вклад в психологическую науку. Однако рядом с ними всплывают силуэты тех, кого молодые психологи, да и психологи средних лет и на портретах не видели. Это Моисей Матвеевич Рубинштейн, Михаил Васильевич Соколов, Виктор Николаевич Колбановский, Владимир Алексеевич Артемов, Николай Александрович Рыбников, Николай Федорович Добрынин, Григорий Алексеевич Фортунатов, Николай Дмитриевич Левитов, Петр Алексеевич Шеварев, Федор Николаевич Шемякин... — всех не перечислишь.

За свои пять с половиной десятилетий жизни в психологии я у них учился, с ними встречался, работал, и их силуэты впечатались в мою память в не меньшей степени, чем хрестоматийные образы известных ученых. Недавно в России был предпринят выпуск серии книг «Психологи отечества». Задуманы 70 книг. Многие уже сейчас напечатаны. Была и мне оказана честь быть приглашенным в круг авторов. На вопрос, почему я все-таки отказался, не вдаваясь в обсуждение причин,

отшучиваюсь. Рассказываю об одном римском политическом деятеле. Кто-то спросил у него, почему его бюст не водружен перед Сенатом. Он ответил: «Я предпочитаю, чтобы спрашивали, почему рядом с бюстами многих замечательных римлян не стоит мой, чем о том, почему он там поставлен...» Тем не менее, подготовленную книгу («Психология в России. XX век») я опубликовал, правда, не в этой серии и в другом издательстве. Посему прошу числить меня «психологом отечества № 71».

Попытаюсь оживить и озвучить силуэты, возникающие на экране жизни моей и моей науки.

2. По скелету в каждом шкафу

Англичане в известных обстоятельствах говорят: «У него скелет в шкафу и он никогда об этом не забывает». Означает это, что с этим человеком связана какая-то мрачная тайна, что он боится возможного разоблачения, что «скелет», спрятанный им в доме, когда-нибудь найдут и хозяин будет наказан.

Думаю о моих коллегах. Боюсь, что, оглядываясь на прошлое, многие из них не могли не опасаться, что некто откроет створки шкафа и грозно скажет: «Ваши преступления срока давности не имеют!» За примерами недалеко ходить.

Профессор Борис Михайлович Теплов. Один из самых видных психологов был уважаемый, заслуженный и, казалось бы, вполне благополучный человек. Мало кто мог предполагать, что имелся и у него «скелет в шкафу» и что «кое-кто» об этом помнил. Всему виной явилась его любовь к музыке — он был крупнейшим специалистом по психологии музыкальной одаренности. Однако не его вина, а беда заключалась в том, что любил музыку и другой незаурядный человек — маршал Михаил Николаевич Тухачевский. Это стало причиной их добрых отношений. Когда маршал был расстрелян, Теплов не раз, как можно предположить, не без тревоги поглядывал в сторону символического шкафа — по тем временам и сосед по лестничной площадке «врага народа» мог стать «сообщником», «подельщиком».

К тому же, Теплов в 30-е годы служил «по военному ведомству», имел ромб в петлице (по нынешним временам генерал-майор, а тогда — «комбриг»), а все начальники и сослуживцы к моменту его ухода из армии уже были на Колыме или на «том свете».

Другому выдающемуся психологу — Александру Романовичу Лурии долго припоминали знаменитое путешествие в Узбекистан, предпринятое им в 30-е годы. Целью исследований было изучение интеллекта узбеков из дальних горных кишлаков. Ученый хотел выявить там рудименты примитивного мышления. Не более и не менее! «Блестящая идея»! Особенно, если принять во внимание обстановку всеобщей «бдительности», а также то, что замышлялось осуществить этот проект совместно с «буржуазным», а следовательно, заведомо «реакционным» немецким психологом К. Коффкой. На счастье Александра Романовича, его германский коллега по каким-то причинам не отправился с ним в солнечный Узбекистан для исследования «примитивного мышления» его обитателей. Это избавило

профессора Лурию от неизбежных обвинений в шпионаже в пользу иностранной державы.

Не думаю, что это анекдот, — скорее всего так и было.

> Рассказывают, Лурия был потрясен тем, что его испытуемые при предъявлении им геометрических фигур демонстрировали нарушение классических закономерностей зрительного восприятия. К примеру, не переоценивали длину вертикальных линий по сравнению с горизонтальными.
>
> Восторженный молодой психолог послал телеграмму своему другу Льву Выготскому следующего содержания: «Выяснил ЗПТ у узбеков иллюзий нет».
>
> Легко представить себе, как в те времена могла быть «там, где надо» интерпретирована такая информация.
>
> Выготский якобы ему ответил: «Выяснил ЗПТ ума у тебя нет». Таковы ли были телеграфные тексты, сейчас уже спросить не у кого.

Я не знаю, чем кончилась узбекская эпопея для дотошного исследователя иллюзий у братских народов, и были ли сделаны обычные в таких случаях «оргвыводы». Как-то не надумал спросить об этом Александра Романовича, хотя и мог это сделать. Известно мне только, что пострадала в связи с его изысканиями секретарь партбюро Института психологии Раиса Лазаревна Гинзбург (я с ней впоследствии работал в Вологде). Она получила выговор «за плохую постановку политико-воспитательной работы».

«Скелеты» могли годами стоять в шкафу едва ли не у каждого моего коллеги и в любое время с грохотом из него вывалиться. У нашего заведующего кафедрой профессора Добрынина отец был протоиереем в Бобруйске. Честный, любимый прихожанами, прятавший у себя евреев во время погрома, но... поп, а следовательно, «социально далекий».

Беда могла прийти к тем, кто и не подозревал о фатальном содержимом своего «шкафа». Так случилось с талантливым психологом, философом и педагогом Моисеем Матвеевичем Рубинштейном. В период идеологической борьбы с «безродным космополитизмом» кафедре психологии пединститута имени Ленина было необходимо выбрать «жертву на закланье». Чем-то надо же было отчитываться перед руководством. «Жребий пал» на Рубинштейна. Только вот незадача — не было на него «компромата». Тогда доценты Игнатьев и Громов выкопали изданную за двадцать пять лет до начала «избиения» профессора его книгу, где был параграф о половом воспитании школьников. Книга, изданная в 1927 году, была отрецензирована с позиций 1951 года. Далее все было просто — раз писал о половом вопросе, значит проповедовал «фрейдизм». То, что Зигмунда Фрейда профессор не упоминал, значения не имело. Не станет же Рубинштейн отрицать, что Фрейд, как и он, занимался проблемой пола, и в самом деле, отрицать это было невозможно — разоблаченному «фрейдисту» не должно было быть места в головном педвузе страны...

Страшновато было читать в архиве института протоколы заседания кафедры, на котором изобличали Рубинштейна во «фрейдистских извращениях». Старый психолог был изгнан из института, ослеп и вскоре умер.

Очень не хочется об этом писать, но руководитель кафедры К. Н. Корнилов и профессор Н. Д. Левитов, если судить по протоколам, «умыли руки» и не защитили своего коллегу.

Не могу обойти печальное продолжение последней истории. Моя дочь была у своей хорошей знакомой на похоронах ее отца. После погребения та сказала: «Я знаю, что Артур Владимирович психолог. Папа очень хотел узнать у него, помнит ли кто-нибудь в психологии Моисея Матвеевича Рубинштейна, его отца и моего деда. Но спросить не решились ни он, ни я».

Очень тяжело, что опоздал с вопросом, осознать. Не придешь на могилу и не скажешь тому, кто уже ничего не услышит: «Помнят твоего отца, и статьи о нем в энциклопедии пишут, и книгу его хотят переиздать...» Невозвратно случившееся!

В отличие от тех, кто не догадывался о существовании жутковатого предмета в шкафу, бывали случаи, когда скелет стоял на виду. Это относится, например, к моему хорошему знакомому, профессору Соломону Григорьевичу Геллерштейну. Скелета в наглухо закрытом шкафу он, пожалуй, не имел. Все было слишком явным и ни для кого не являлось тайной.

Упомянутый выше закон диады (Ленин — Сталин, Суворов — Кутузов и т. д.) имел и свою оборотную сторону. К примеру, Каменев и Зиновьев, Троцкий и Бухарин. Так, в нерасторжимой связи были два руководителя «репрессированной науки» — психотехники: Шпильрейн и Геллерштейн.

Исаак Нафтулович Шпильрейн был в 30-е годы расстрелян. Что же касается С. Г. Геллерштейна, то в последующие времена относительно спокойное продолжение его жизни было само по себе фактом удивительным.

Что он ощущал и что чувствовал все эти годы, можно было только догадываться...

Хочу покаяться, поскольку приложил руку к тревогам одного профессора. Правда, психологом он не был, но все советские ученые тех лет, в общем-то, находились в равном положении...

Сегодня из пяти человек, с которыми я повседневно встречаюсь, по меньшей мере, трое — профессора или академики. Не то было в юные годы. До Отечественной войны я вообще не видел ни одного профессора. Нет, конечно, видел их в кино. Там все профессора были как по одной мерке скроенные: седые бородки, длинные волосы из-под черной академической ермолки и милая чудаковатость — обратная сторона печати мудрости...

Первая встреча с живым профессором состоялась в конце войны в Оренбурге (тогда Чкалове) после моего возвращения с фронта. Произошла она не в студенческой аудитории — в вуз я еще не успел поступить, — а в многочасовой очереди за хлебом в большом нетопленом магазине, где были «прикреплены» наши продовольственные карточки.

Но все по порядку. В очереди я стоял за плотным, средних лет гражданином в потертом драповом пальто, читавшим какую-то, как мне показалось, медицинскую книгу. Он несколько раз выходил из очереди, вежливо напоминая мне: «Молодой человек, я стою перед вами». Стояли в очереди мы бесконечно долго, и я сумел пару раз сбегать домой попить чаю с сахарином. Я слышал, как кто-то сказал: «Я вот здесь стою — перед профессором Алешиным». «Интересно, — подумал я, пытаясь лучше разглядеть профессора. — Этот совсем не похож на ученых из кинофильмов: ни бородки, ни очков, ни седой шевелюры».

В очередной раз, заскочив домой, я успокоил маму, что очередь я не потеряю, так как стою за профессором Алешиным и хорошо его запомнил.

— Алешин? — задумчиво сказала она. — В 1918 году в Севастополе папа работал на биостанции, и мы хорошо знали Борьку Алешина. Уж не он ли?

Я усомнился — мало ли Алешиных в СССР.

— У Бориса была одна примечательная привычка, продолжала мать. — Когда он здоровался с кем-либо, он наклонялся к руке, которую пожимал, и забавно лязгал при этом зубами. Ты все-таки обрати внимание.

Мы еще долго стояли рядом, когда к нему подошла какая-то женщина и сказала: «Здравствуйте, Борис Владимирович». Он наклонился к ее руке, как будто собирался то ли ее поцеловать, то ли укусить, и... лязгнул зубами.

Он! — сомнений у меня не было, но спросить, помнит ли он моих родителей, я долго не смел. Все-таки я никогда до этого не разговаривал ни с одним профессором. Однако я наконец решился. Притронулся к его плечу и тихо спросил:

— Простите за беспокойство, вы профессор Алешин? Он благожелательно на меня взглянул:

— Да, молодой человек. Я профессор Алешин.

— Борис Владимирович?

— Да.

Он окинул меня взглядом. Кирзовые сапоги, поизносившаяся солдатская шинель, командирский кожаный пояс.

— Чем могу быть полезен?

Я ответил не сразу. Не знал, с чего начать.

— Борис Владимирович! Вы в 1918 году находились в Севастополе?

Долгое молчание. Еще более внимательный взгляд. Надо здесь заметить, что в 1918 году меня не могло быть даже в проекте, я родился на шесть лет позже. Наконец профессор ответил:

— Нет, в 1918 году я в Севастополе не был.

— Странно. Вы разве не работали на биостанции?

— Нет, не работал.

— Вот как? А вы, случайно, не помните некоего Владимира Васильевича Петровского?

— Нет, не помню.

— Ну, тогда прошу меня простить за беспокойство.

Я надолго замолчал, глядя ему в спину, которая вела себя неспокойно. То ли она у него чесалась, то ли холод проходил между лопатками. Мы уже были недалеко от заветного прилавка, когда профессор резко повернулся ко мне и тихо сказал:

— Молодой человек, я действительно был в 1918 году в Севастополе, работал на биостанции, помню Володю Петровского и его жену Сашу. А почему вы о Петровском спрашиваете?

Я смущенно пробормотал о причинах моей любознательности. Он сказал о том, что был бы рад повидать моих родителей, но особой радости в его голосе не было, как и объяснений по поводу того, что он отрекся от знакомства с ними. Но самое для меня удивительное было то, что он ушел, не дождавшись получения хлебного пайка.

Признаться, тогда в магазине я не мог понять, почему профессору надо было сначала солгать, а потом сознаться.

Теперь же нетрудно восстановить ход мыслей профессора и возможный внутренний монолог:

«Что это значит? Кто этот парень в полувоенной одежде? Он меня допрашивает? Почему в очереди за хлебом? В НКВД новые способы работы? 1937 и 1938 годы прошли для меня без неприятностей, неужели сейчас все-таки пришел мой черед? Владимир Петровский! Что с ним произошло за эти двадцать пять лет? Может, он троцкист? Враг народа? Что, если на допросе с применением специальных методов, а проще сказать — пыток, он приплел мое имя и причислил к составу какого-нибудь антисоветского заговора? Вот сейчас этот молодой человек еще раз притронется к моему плечу и скажет: "Пройдемте тут неподалеку, и мы там освежим память о 1918 годе и городе Севастополе". Признаться сейчас? Или там из меня выбьют и не такие показания?»

Больше я профессора Харьковского медицинского института Бориса Владимировича Алешина не встречал. Только знаю, что он давно умер.

Профессор и студент... Идет экзамен. Классическое противостояние! Один, как это часто бывает, выкручивается: мол, знал, да забыл; другой — припирает его к стенке. Но на этот раз врал и мучился профессор. Однако двойку все-таки заслужил «студент». Сегодня он может об этом откровенно рассказать, но не имеет права оправдать то зло, которое он когда-то мимолетно и бездумно причинил другому человеку.

...Еще один «скелет в шкафу»! На время я поместил его в «шкаф» профессора Алешина. К счастью, ненадолго. У других они пылились там многие годы.

Кончилась эпоха политического сыска. В прах рассыпались «скелеты в шкафах» ученых, писателей, артистов. Хочется надеяться, что и в будущем, оставшиеся пустыми, эти «емкости» станут заполняться иным, отнюдь не зловещим содержанием.

3. Гранды российской психологии

Надеюсь, что, прочитав это название, никто не будет от меня ожидать описания научного вклада или творческой биографии наших видных ученых. Подобной задаче посвящено не такое уж малое число моих книг. Нет, здесь речь пойдет о некоторых штрихах к их портретам. Не более чем беглые заметки, на которые мне дало право личное общение.

— Вы знаете, многие уверены, что вы племянник Брежнева? — ошеломил меня знакомый психолог (происходил этот разговор где-то в начале 70-х годов).

— С какой стати?

— Уж слишком быстро вы — два года назад доцент пединститута — возглавили Отделение психологии в АПН СССР. Шутка ли — академик-секретарь в сорок четыре года от роду. Вот все теперь к вашим бровям приглядываются, ищут сходство.

Нет, столь влиятельным родственником я похвастаться не мог. Однако в какой-то степени понимал сплетников. Уж очень быстро все произошло: в 1965 — защитил докторскую, в 1966 — профессор и завкафедрой, в феврале 1968 — избран членкором, в октябре того же года — академик-секретарь.

Ну как это понимать? Конечно, племянник Брежнева либо Суслова.

Между тем, я и сам не могу понять причину моего избрания на высокий академический пост. Во всяком случае, не отношу это к моим особым заслугам — их я тогда за собой не числил. Высоких покровителей, как было упомянуто, у меня не было и в помине ни в науке, ни тем более в партийных инстанциях. Гадал и гадаю до сих пор, чем было вызвано то, что из пятидесяти претендентов на звание члена-корреспондента АПН СССР избрали двоих — Владимира Дмитриевича Небылицына (ученика Б. М. Теплова) и меня.

Кажется, президенту Академии Владимиру Михайловичу Хвостову пришлось по душе одно мое публичное выступление. Еще одна столь же слабая догадка: на столе у президента я видел мою книгу «История советской психологии» с множеством закладок. Вот и все. Так что, скорее всего, это было случайное стечение обстоятельств.

Как бы то ни было, я оказался официальным руководителем Отделения, которое состояло сплошь из грандов психологии того времени. Хотя я и был избран тайным голосованием, но чувствовал — смотрят на меня с удивлением и изрядной долей скепсиса. Всем моим старшим коллегам было «за шестьдесят», а тут этот неведомо откуда на них свалившийся молодой человек. «Приняли» меня как своего не сразу и в том, что я для них оказался приемлем, смог убедиться окончательно, лишь когда меня выбрали в 1972 году на второй срок.

В последующие годы мне, к счастью, не пришлось уже доказывать, что я не брат, не сват, не племянник Леонида Ильича.

Гранды российской психологии...

Константин Николаевич Корнилов — помню его, широкоплечего, с пшеничными усами, которые он по-буденновски всегда разглаживал... Я с благодарностью вспоминаю Николая Федоровича Добрынина, заведующего кафедрой, куда я пришел студентом и где в дальнейшем много лет трудился. В последующие годы я работал и часто встречался с А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурией, А. В. Запорожцем...

Обычно мой день начинался с телефонного звонка Александра Романовича Лурии. Он был предельно лаконичен, высказывался четко и ясно, примерно так: «Я считаю, что нужно сделать так-то и так-то... А как вы смотрите на то-то и то-то?» Я ему отвечал, он говорил: «Хорошо, мы примем меры в этом направлении». И вешал трубку. У него была американская манера общения. Буквально каждый день он начинал с короткого делового разговора с несколькими людьми.

Алексей Николаевич Леонтьев звонил вечером и разговаривал подолгу. Мой телефонный аппарат имел длинный шнур, и это позволяло мне, когда я уставал сидеть, встать и расхаживать, не отрывая трубку от уха, потом ложиться на диван и продолжать разговаривать лежа. Разговор был всегда очень интересный, отвечающий особенностям богатого духовного мира моего собеседника. Он был дипломат и делал иногда шаги отчасти компромиссные. Но важно то, что Алексей Николаевич в своей дипломатической игре неоднократно выигрывал. Например,

включение в перечень дисциплин ВАКа девяти индексов по психологии — результат его дипломатических контактов с руководством, которое он сумел убедить в этом. В результате психология заняла достойное место в ряду других научных специальностей, имевших право присваивать ученую степень кандидата или доктора.

Кстати, как уже было сказано, и А. Н. Леонтьев, и М. Г. Ярошевский, и А. В. Запорожец, и вообще все психологи старшего и среднего поколений являлись кандидатами или докторами не психологических, а педагогических наук, поскольку когда-то защищали диссертации на соискание ученой степени кандидата или доктора педагогических наук, хотя и по разделу психологии. В дипломе у всех нас значилось «доктор педагогических наук». Но в 1970 году, по представлению Алексея Николаевича, было принято решение — считать докторов и кандидатов педагогических наук, защищавших диссертации по психологии, докторами или кандидатами психологических наук. Поэтому и Запорожец, и Леонтьев, и Ярошевский, и Ананьев, и я получили возможность обрести ученую степень, отвечающую нашей специальности. Безусловно, было очень важно ввести в число «ваковских» дисциплин психологию, а не прятать ее под общей шапкой «педагогические науки».

Надо сказать, что Алексей Николаевич в 60–70-е годы был, вне всяких сомнений, самой яркой фигурой в нашей психологической науке. Блестящий экспериментатор, к сожалению, оставивший экспериментирование в далеком довоенном прошлом, он полностью переключился на разработку психологической теории. Здесь не место для оценки его научных достижений. Достаточно сказать, что он единственный представитель психологического клана, удостоенный высшей награды тех лет — Ленинской премии.

Однако не скрою, он поражал меня своим подчеркнутым пиететом по отношению к высокопоставленным лицам, которые были зачастую рядом с ним не более чем пигмеями. Имя Сергея Павловича Трапезникова, ведавшего тогда в ЦК партии наукой, он произносил с нескрываемым почтением. Вот такой характерный эпизод. Идут выборы в Академию наук СССР. Для всех очевидно, что бесспорный претендент — А. Н. Леонтьев.

Звонит он мне как-то по телефону. У аппарата оказалась моя жена:

— Алексей Николаевич, почему у вас такой минор в голосе?

— Видите ли, в чем дело. Я сейчас пришел из ЦК. Там мне сказали, что на выборы они рекомендуют профессора Ломова и мне не следует подавать документы.

— И вы согласились?

— А что я мог сделать? Это мнение Сергея Павловича!

Как правило, моя супруга не позволяла себе в телефонных разговорах напрямую вмешиваться в обсуждение моих служебных и профессиональных проблем. Но на этот раз я не без удовольствия выслушал все то, что она крайне эмоционально высказала моему высокочтимому коллеге. Конечно, Леонтьев слишком легко пошел на поводу у партбюрократов. Эту непростительную ошибку нельзя было допустить.

Алексей Николаевич слабо оправдывался — видимо, он сам понимал, что его бесстыдно подставляют. Не в той весовой категории был другой претендент на это академическое звание. Правоту страстной женской филиппики, которая на него обрушилась, он не мог опровергнуть, но и преодолеть стереотип подчинения партийной дисциплине был не в силах...

Прошло двадцать лет с того дня, когда я стоял в почетном карауле у гроба Леонтьева. Запомнилось вот что. Когда «почетный караул» был уже отозван, и к телу покойного собирались подойти его близкие для последнего прощания, их опередили слепоглухонемые, которых пестовал и опекал Алексей Николаевич. Зрелище было шокирующее, но вполне объяснимое. Они ощупывали лицо покойного, катали его голову из стороны в сторону. У них впервые возникла возможность «увидеть» его внешность, и в самом деле примечательную. Предполагалось, что он мог бы без грима играть Воланда в фильме «Мастер и Маргарита». Когда он был в Канаде, газеты описывали его внешность, используя метафору «дьяволоподобный русский».

На юбилее директора Института психологии академика Анатолия Александровича Смирнова было много шуток и веселья. Профессор Горбов подарил юбиляру черепаху, дальнейшую судьбу этого презента я не знаю. Профессор Лидия Ильинична Божович преподнесла каждому видному психологу ехидную эпиграмму. На нее не обижались, но смех адресатов ее поэтических упражнений иной раз был несколько принужденным.

Алексею Николаевичу, ее старинному другу, тоже досталось. Он получил «свое»:

Был когда-то Мефистофель,
Женщин этим покорял.
Старый Черт теперь он в профиль
Для любви совсем увял.

Академик несколько растерялся, но вытерпел.

И все-таки, я думаю, безответственная пародистка была не совсем справедлива — на Алексея Николаевича женщины смотрели с умилением, а иной раз — с обожанием, едва ли не до последних лет его жизни.

Добрые отношения складывались у меня с замечательным человеком и ученым Александром Владимировичем Запорожцем. Я сменил его на посту академика-секретаря Отделения психологии и возрастной физиологии. Встречались мы не раз и в неофициальной обстановке — у него дома, на отдыхе в Эстонии. Он был страстным рыболовом и наибольшее удовлетворение испытывал, как мне кажется, от удачного улова...

Как сейчас, вижу Александра Владимировича, сидящего в глубоком кожаном кресле, пускающего колечки дыма в потолок — мне кажется, он никогда не выпускал сигарету изо рта, — щурящего на меня свои умные, с хитринкой глаза и рассказывающего истории, которые я мог бы сейчас воспроизвести дословно.

Героем одной из них был наш общий друг, видный психолог Вольф Соломонович Мерлин. Если бы можно было присваивать звания за благородство и научную честность, его следовало бы причислить к ордену Рыцарей науки и даже присво-

ить ему титул командора этого ордена. Его доброта удивительнейшим образом сочеталась с бескомпромиссной требовательностью.

Александр Владимирович рассказывал, что в годы войны он руководил психологическим отделом в эвакогоспитале, задачей которого была реабилитация солдат и офицеров с травмированной психикой. Одной из лабораторий этого отдела заведовал Вольф Соломонович и, на несчастье Запорожца, сотрудником этого подразделения была Тамара Иосифовна — супруга Александра Владимировича. Дама обаятельная, умнейшая, но, увы, не очень приспособленная к выполнению малоинтересных технических обязанностей лаборанта. «Едва ли не каждый день, — вспоминал Запорожец, — в мой кабинет врывался Мерлин с требованием, чтобы я немедленно уволил эту женщину, которая вновь что-то напутала, заполняя историю болезни».

Представляю себе Александра Владимировича, философически воспринимавшего вспышки праведного гнева своего коллеги. Вечером того же дня на пороге квартиры Запорожцев появлялся Вольф Соломонович, галантно целовал руку нерадивой лаборантке и, выложив на стол завернутые в газетную бумагу два кусочка сахара (предназначенные для его собственного стакана) — его вклад в семейное чаепитие, любезнейшим образом обсуждал с супругами злободневные проблемы военного лихолетья. На другой день сцена в кабинете шефа отдела воспроизводилась во всех деталях и практически ничем не отличалась от предыдущего разноса незадачливой сотрудницы.

Еще одно воспоминание о Вольфе Соломоновиче...

Был у него ученик Женя. Жить парню было практически не на что, а учиться хотелось — он мечтал стать психологом. Вольф Соломонович взял его на кафедру лаборантом, тот исправно расписывался в ведомости, получал зарплату, которая давала ему возможность жить. И только много времени спустя узнал, что ведомость была фиктивной, а зарплату ему платил профессор Мерлин, выделяя ее из своих, весьма скудных средств. Сейчас этот «лаборант» — академик РАО, Евгений Александрович Климов.

Все, что было мною здесь сказано, — это всего лишь беглые заметки. Люди, о которых шла речь, как и те, кто не был упомянут, заслуживают большего. Боюсь, что рассказы о них могли бы заполнить весь объем этой книги. Однако здесь действует общая закономерность: по мере увеличения числа персонажей повествования его содержательность неизбежно пострадает. Впрочем, о некоторых моих коллегах я дальше расскажу более подробно.

4. «Психолог-космополит» № 1

Я не принадлежу к числу людей, близко знавших Сергея Леонидовича Рубинштейна, друживших и работавших рядом с ним. И сейчас, признаюсь, плохо представляю, с кем он был в дружеских отношениях. Издалека, а я чаще всего видел его только издалека, в президиумах совещаний, на трибуне, в комнате сектора психологии Института философии, Сергей Леонидович казался мне отстраненным, холодно-корректным, не способным на какие-либо проявления ярких эмо-

ций. Вероятнее всего, я ошибался, но это впечатление усугублялось ощущением огромной дистанции, отделявшей его от всех остальных, очевидным превосходством его интеллекта и эрудиции, значительностью его имени и трудов.

Впервые я увидел его только в 1947 или в 1948 году во время печально известного обсуждения второго издания его книги «Основы общей психологии». Эта монография для моего поколения психологов тогда, да и многие годы после этого, была своего рода «библией» советской психологической науки, книгой «номер один».

Обсуждение книги происходило в конференц-зале Института философии, на втором этаже. Я сидел где-то на заднем ряду, Сергея Леонидовича в лицо не знал, и кто-то помог мне найти его взглядом среди большого числа сидевших в президиуме. Впрочем, лица его так и не разглядел, пока он не вышел на трибуну. До этого же видел только огромный лоб да изредка посверкивающие очки, когда он слегка приподнимал голову, отрывая глаза от своих записок.

То, что говорили выступавшие, меня, аспиранта 1-го курса, приводило в смущение и удручало: книгу безжалостно, одни грубо, другие академически пристойно, разносили и уничтожали.

Надо понять состояние молодого неофита, едва начавшего разбираться в психологии (мне было 24 года), при котором ниспровергают кумира. Однако было бы неправдой, если бы я сейчас стал доказывать, что тогда я это понимал как происходящую на моих глазах несправедливую расправу над ученым.

Во-первых, это было время, когда с наукой и учеными обходились круто — слова «псевдоученый», «лженаучные теории», «безродный космополит в науке» были обычными в обиходе тех лет. Чуть позднее ярлык «космополитизм» успели навесить в нескольких «теоретических» статьях в «Учительской газете» не только на С. Л. Рубинштейна, но и на Б. М. Теплова, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурию.

Во-вторых, откровенно говоря, я не мог тогда отличить, где кончался объективный анализ недостатков книги, а где начинались напраслина и демагогия. Мне недоставало опыта и знаний, к тому же, как и другие молодые психологи, я находился тогда под гипнозом многих догматических схем, порожденных влиянием стереотипов марксизма-ленинизма. Теперь, через 50 лет, легко понять, где были «злаки», а где «плевелы», тогда же отделить одно от другого было очень трудно. Да и вся история науки в те времена виделась либо в белом, либо в черном цвете, без полутонов. Я помню, как один выдающийся психолог в 1953 году писал, например, о теории фрустрации Диссеренса как о не только «реакционной», но даже «людоедской». Такая уж зубодробительная фразеология была тогда в ходу, и к ней нередко прибегали. Поэтому общей резкости оценок на этом совещании удивляться не приходилось, хотя и радоваться не было причины, тем более нам, молодым.

Одна из гневных филиппик мне особенно запомнилась. Некий оратор, оказывается, подсчитал, сколько раз С. Л. Рубинштейном упоминаются фамилии иностранных психологов и сколько — отечественных, и, найдя пропорцию неудовлетворительной, обвинил автора в низкопоклонстве перед Западом. Вывод этот по тем временам был убийственным и, что называется, чреватым...

Когда шел после этого совещания домой, а жил я неподалеку, то позволил себе рассуждения для тех времен крамольные: все-таки наша психология — это часть мировой науки, а никак не наоборот. Удивительно ли, что во всех других странах во все времена психологов было больше, чем у нас? Тем более я знал, что имена Л. С. Выготского, П. П. Блонского и многих других советских психологов, как бывших представителей «лженауки педологии», старались, по возможности, упоминать реже (но С. Л. Рубинштейн все-таки не обошел их в своей книге). Только через много-много лет после этого памятного совещания я обратил внимание, что С. Л. Рубинштейн дал в монографии 14 ссылок на Ленина и всего 6 — на Сталина, а в первом ее издании, 1940 года, соответственно — 25 и 3. Не провел ли кто-то тогда, в 1947 году, аналогичные подсчеты?..

Разумеется, все сказанное никак не может быть отнесено к разряду воспоминаний о встречах с С. Л. Рубинштейном; мне так и не случилось с ним познакомиться до конца 1953 года, когда он позвонил мне и предложил приехать к нему домой. Я только что вернулся из Вологды, был всего лишь ассистентом на кафедре психологии в Московском городском пединституте и потому недоумевал, зачем я ему понадобился и откуда он вообще узнал о моем существовании. Трудно было представить, что его внимание привлекли какие-то мои статьи в журнале «Вопросы философии» — дискуссионного и обзорного характера, значения которых я и тогда не преувеличивал. Однако в назначенный час мне открыла дверь его квартиры на Большой Калужской солидная немолодая женщина, как я понял, его домоправительница, и, предупредив, что Сергей Леонидович нездоров и лежит, проводила меня через столовую в его кабинет. Комната была освещена только настольной лампой, и мне опять, как и за шесть лет до этого, бросился в глаза купол его огромного лба и поблескивающие толстые стекла очков. Предложив мне сесть, он объяснил причину своего намерения встретиться со мною.

Оказывается, он получил задание (затрудняюсь сейчас сказать от кого, вероятно, от Президиума Академии педагогических наук РСФСР, действительным членом которой он состоял, а может быть, из более высоких инстанций) подготовить проспект психологического журнала, и ему был нужен в этом деле помощник, которым мне и предстояло стать.

Он коротко ввел меня в суть вопроса. Речь не идет о создании журнала — для этого понадобились бы организационный комитет, специальный аппарат. Пока нам предстояло поговорить лишь о выяснении возможности существования такого журнала, определении ресурсов для его создания, структуры, авторского состава, предполагаемого тиража и т. д. Современному читателю, вероятно, покажется странной такая постановка проблемы: есть ли в психологии материалы, которые могли бы обеспечить периодичность издания журнала? Однако именно такая задача была поставлена перед С. Л. Рубинштейном. Ему было сказано: «Если вы сумеете нам доказать, что располагаете материалами, которые для начала обеспечат хотя бы два-три номера журнала, мы перейдем к обсуждению вопроса об его учреждении».

Таким образом, был определен круг вопросов, которым предстояло стать содержанием нашего общения с Сергеем Леонидовичем в ближайшие две-три недели. Опыта в создании журналов не было не только у меня, но даже у моего руководителя. Дело в том, что последний номер журнала «Психология» вышел в 1932 году.

Двадцать два года не могло быть и мысли о периодическом издании. Тогда как за рубежом в те времена существовали сотни журналов по психологии.

Прежде всего, обсудили возможное название. В беседе фигурировали «Проблемы психологии», «Вопросы психологии», «Психологический вестник», «Вестник психологии», «Советская психология» и т. д. Не остановились ни на одном; было решено предложить на выбор все сразу. Волновал вопрос о подписчиках (собственно говоря, волновал только меня, Сергей Леонидович эмоций не обнаруживал). Сошлись на том, что их, вероятно, будет не более 4 тысяч. Как потом выяснилось, мы немного ошиблись: их оказалось 3 тысячи (сравним сегодняшний тираж «Вопросов психологии» — более 10 тысяч, а в 1985 году — 18 тысяч).

Затем обсудили состав возможных авторов. Я «выстрелил» привычную «обойму»: Рубинштейн, Леонтьев, Лурия, Смирнов, Теплов, Ананьев и кто-то еще. Сергей Леонидович возражать не стал, добавив Асратяна и неизвестного мне тогда Мещерякова, слегка ухмыльнулся: «Парад звезд». На первый номер имен хватало; и то, что они могут писать, и то, что им есть о чем писать, было ясно.

Прикинув несложную структуру журнала, которая в общем сохраняется без особых изменений уже более 50 лет, и получив задание продумать возможности привлечения авторов для двух последующих номеров, в особенности из среды способной молодежи, и назвать тематику их статей, я простился с Сергеем Леонидовичем. Я ушел и гордый и немного подавленный его доверием, потому что очень смутно представлял себе круг этих «возможных авторов», тем более молодых, так как в те времена психологи печатались крайне редко, в особенности молодые: просто негде было печататься. Каналами научной информации в то время были один психологический раздел в журнале «Советская педагогика», примерно одна-две статьи на три номера в году «Вопросов философии», редкие выпуски «Известий Академии педагогических наук РСФСР» — вот, пожалуй, и все, если не считать случайно попадавших в руки читателя-психолога Ученых записок различных институтов и университетов. Психологические монографии были редкостью и претендовать на их издание практически могли только «звезды».

Сколько раз я был у Сергея Леонидовича после первого визита — не припомню, может быть, три, но скорее раза два, не более. Обсуждали тематику статей, пути привлечения периферийных авторов, готовили какие-то документы. Все детали этих бесед начисто ушли из памяти. Как это часто бывает, запомнилось лишь то, что касалось меня лично (все-таки прошло более 50 лет): например, выбрав подходящий момент, я попросил у Рубинштейна совет.

Дело в том, что я к этому времени уже довольно много занимался историей отечественной психологии. В журнале «Вопросы философии» начиная с 1949 года печатались мои статьи о мыслителях XVIII — начала XIX века. А. Н. Радищеве, Д. С. Аничкове, П. М. Любовском. Как я об этом написал несколько лет назад, в настоящее время эти статьи особого научного интереса не представляют, но тогда они мне казались неким основанием для продолжения работы в этом направлении.

— Сергей Леонидович, — волнуясь, спросил я, — как бы вы мне посоветовали, стоит ли мне обратиться к истории советской психологии и написать об этом книгу?

Он некоторое время рассматривал меня через выпуклые линзы своих очков и потом очень спокойно, чуть суховато спросил:

— А кто вам мешает?

Я объяснил, что никто не мешает, и поделился сомнениями, которые по этому поводу высказал М. В. Соколов, известный историк психологии. Сергей Леонидович помолчал, потом обронил:

— Ну, его очень напугали лет двадцать назад, как педолога. Пишите, если решили. — И потом, после паузы, впервые за все это время сказал о том, что относилось лично к нему:

— Может быть, вам удастся достать журнал «Советская психотехника» за 1934 год, номер первый, я там напечатал одну, как мне кажется, интересную статью. Возможно, она вас заинтересует — сейчас ее немногие знают. Впрочем, вы вряд ли найдете журнал, в библиотеках его, наверное, нет.

Статью я, конечно, нашел, правда, не в библиотеках, откуда журнал уже изъяли, а, найдя, понял, что эта статья явилась тогда, в середине 30-х, основным ориентиром для развития психологической мысли в последующие годы.

Вскоре моя работа с Сергеем Леонидовичем прекратилась. Предложения по созданию журнала какое-то время не реализовывались. Первый номер журнала вышел, как известно, только в 1955 году, и главным редактором его был назначен А. А. Смирнов, а Сергей Леонидович стал одним из членов редколлегии. Виделся я с ним после этого редко, а когда встречался, разговоры были беглыми.

Один раз, по-моему, уже в конце 50-х годов, он спросил меня: «Пишете историю советской психологии?» Я обрадовался, что он помнит наш разговор, и сказал, что собираю материалы. Он покивал головой: «Пишите!»

В последний раз я его видел, как и в первый, в Институте философии, во время гражданской панихиды в час последнего прощания с ним коллег и близких. Встреч-то было мало, и коротки они были, но Сергей Леонидович Рубинштейн в мою память врезался глубже, чем многие и многие люди, с которыми я встречался чуть ли не ежедневно в то, уже далекое, время.

5. Удивительный мальчик — Вологда, 1950 год

Как я уже упоминал, в 1950 году я окончил аспирантуру в Москве и пошел в Министерство просвещения РСФСР, где состоялось распределение — направление на место работы. Заместитель министра Александр Михайлович Арсеньев спросил у меня о том, где бы я хотел работать. Я сказал, что был бы рад получить направление в Орловский либо Белгородский или Курский педагогический институт. Александр Михайлович заинтересовался моим выбором и попросил его аргументировать. Я объяснил, что недавно женился, жена харьковчанка, у нас двое маленьких детей. Заместитель министра был явно большим шутником:

— А теща где живет?

— В Харькове.

— Поедешь в Вологду! Подальше от тещи. Потом меня благодарить будешь.

Благодарить его за это мне не пришлось.

Так я отправился в далекую незнакомую Вологду. В Москве было еще тепло, но, глядя из окна вагона, я убеждался, что природа с каждым часом становится все более суровой: снега больше, люди на станциях уже в шубах и валенках.

Константин Симонов писал в одном из стихотворений:

> В деревянном, домотканом городке,
> Где на улицах гармоникой мостки,
> Где мы с летчиком, сойдясь накоротке,
> Пили спирт от непогоды и тоски...

Мне тогда казалось, что это именно о Вологде. Город был действительно домотканым, деревянным. Среди маленьких домишек гордо высился белокаменный Кремль с величественными соборами и колокольнями. Рядом с покосившимися лачужками попадались купеческие особняки, выстроенные в стиле «деревянного ампира», с посеревшими, некогда белыми колоннами, в многочисленных дырках которых проступали штукатурка и деревянный остов.

В отличие от Константина Симонова спирт я не пил уже хотя бы потому, что на полках вологодских продуктовых магазинов кроме ржавых банок крабов, полученных из США еще во время войны, и почему-то бутылок сладкого вина «Кюрдамир» ничего не было. Откуда вологжане доставали водку, а они употребляли ее в немалых количествах, — я не знаю. И накоротке я сошелся не с летчиком, а с доцентом педагогического института, где начал работать, Ильей Михайловичем Хайкиным.

Фигура эта была своеобразной. Очень невоенной внешности, мой приятель, как выяснилось, прошел рядовым-пехотинцем от Москвы до Берлина, упорно отказываясь от зачисления в школу сержантов. «Образование не позволяет», — объяснял он настойчивому в этом предложении старшине. Старшина спорил, поясняя, что у него самого три класса образования — и ничего, справился, а ты, наверное, может, даже и семилетку кончил. Справишься! Образование и в самом деле Илье Михайловичу не позволяло: он еще до войны стал кандидатом наук, но в воинской части никто об этом не знал, а в нарядах и в бою он от остальных рядовых ничем не отличался. Вот так и сиживали мы вечера в его холодной комнате. Пили, морщась, приторно-сладкий «Кюрдамир», закусывая маринованными помидорами.

Пединститут стоял на берегу реки, а рядом трехэтажное деревянное общежитие. Это было очень удобно. Пока звенит звонок на лекцию — ты успеваешь выйти из дома и попасть в аудиторию.

В день празднования Октябрьской революции колонны сотрудников и студентов института шествовали по центральной площади, демонстрируя высокому обкомовскому начальству, стоявшему на трибуне, свою законопослушность и приличествующие празднику радостные эмоции. Еще на подходе к площади я прислушался к тому, что говорил шедший неподалеку от меня молодой человек. Пригляделся. На вид — ученик восьмого или девятого класса. Детское пальтишко, потрепанная шапка-ушанка, короткие брючки, суконные боты на застежках. Их тогда называли «прощай, молодость». Однако дело было не во внешнем облике мальчика. Уж больно смело он разглагольствовал, и темы его рассуждений по тем временам были не-

безопасны. Не надо забывать, что это был 1950 год, и ГУЛАГ тогда отнюдь не пустовал.

Я подумал о том, что родителям этого мальчугана надо было бы ему как-то объяснить, что лишние разговоры могут обернуться неприятностями не только для него, но и для них. Я не сомневался, что кто-то из сотрудников института взял сына-школьника на демонстрацию.

Вдруг этот не в меру общительный мальчуган кому-то сказал: «Когда я защищал свою первую диссертацию...». Тут я не выдержал и спросил:

— Простите, а сколько у вас диссертаций?

— Вообще-то — три. Я кандидат исторических и философских наук. А еще написал диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Однако защитить мне ее не разрешили. Сказали, хватит, мол, тебе коллекционировать кандидатские дипломы.

— Простите, — я не мог сдержаться и задал бестактный вопрос. — А сколько вам, собственно, лет?

— Недавно исполнилось двадцать два. Что же касается моей юридической диссертации, то прочитайте в журнале «Вопросы философии» передовую статью о состоянии юридических наук. Статья, правда, не подписана, как всякая передовая, но писал ее я.

— Как вас зовут?

— Кон, Игорь Семенович.

В вузах не очень принято общаться на «ты», преподаватели привыкают именовать друг друга по имени-отчеству. Эта форма общения у нас с Игорем Семеновичем, невзирая на 50-летнюю дружбу, сохранилась и поныне. Так я познакомился с ним, и наши пути с тех пор многократно пересекались. И хотя маршруты у нас были разные, сегодня он, как и я, — академик Отделения психологии в Российской Академии образования.

Давно прошли времена, когда, приезжая в командировку из Ленинграда в Москву, Игорь Семенович останавливался в моей тесной квартирке, где на 17 квадратных метрах он оказывался седьмым, и его раскладушка с трудом втискивалась между столом и шкафом. Но это было уже после нашего возвращения из Вологды: моего — в Москву, Кона — в Северную Пальмиру.

В Вологде мы с ним работали два года и были, не без удовлетворения местного начальства, возвращены к прежнему месту жительства. Каждый из нас провинился. Первым отличился Игорь Семенович.

Как-то приехал на заседание ученого совета секретарь обкома партии по агитации и пропаганде Куприянов. Как полагалось, он стал поучать научных работников, объясняя им, «что» и «как» нужно читать студентам. Почему-то особенно доставалось преподавателям биологического факультета. Он объяснил, что ориентироваться надо в преподавании на замечательную работу Фридриха Энгельса «Естествознание в мире духов». При этом он упорно произносил слово «духов» с ударением на последнем слоге.

Секретарь обкома удостоил своим посещением две лекции на биологическом факультете. Впрочем, это больше напоминало лихой налет ОБХСС на подозрительную торговую точку. На ученом совете он делился с нами своими впечатлениями:

— Побывал я на лекции по зоологии. Что читал преподаватель? Он рассказывал о каких-то кистеперых рыбах. Ну разве это не отрыв от жизни нашей страны? Какая у нас главная промысловая рыба? Это должно быть известно доценту зоологии. Треска у нас на первом месте, а не кистеперые. О треске надо было говорить, о треске!

Пристыженный доцент что-то промямлил о программе курса, но Куприянов его не слушал. Он уже громил психологов.

— Вот на лекции доцент Гинзбург критиковала учебник психологии. Он, видите ли, по ее мнению, за десять лет в чем-то там устарел. Во-первых, это утвержденный Минпросом учебник. По нему учить надо, а не критиковать! А потом, товарищ Гинзбург, какие такие революции произошли в психологии, чтобы учебники менять и даже их критиковать?!

Вот тут-то Игорь Семенович спас несчастную жертву. Правда, при этом он прибег к иезуитскому приему, который и мне в дальнейшем приходилось не раз использовать.

Позволю себе маленькое отступление. Лет через 5 или 7 после моих вологодских «приключений» меня жестко критиковал один из видных идеологических кураторов издательства «Знание» за «легкомыслие», которое я проявлял в названиях моих брошюр:

— Что это за фокусы с названиями вы себе позволяете?! Пишете о психологии памяти, а название «Дверь, открытая в прошлое». Причем здесь двери? Кто из читателей это поймет? Вы несете в массы марксистские идеи, так извольте называть книгу так, чтобы она была уже, начиная с обложки, доходчива. Вспомнили хотя бы ленинскую теорию отражения. Вот и назвали бы «Психология отражения прошлого». Для нас такие выкрутасы в названиях ни к чему.

Тут я открыл дверь в вологодское прошлое и не без ехидства сказал:

— Вы, наверное, правы! Вот только неужели вам так не нравятся ленинские книги «Шаг вперед, два шага назад» или «Детская болезнь левизны»? Или, к примеру, Марксово «Святое семейство»?

Мой оппонент не нашелся и не ответил. В подобных дискуссиях оружие выбирает нападающий, следовательно, надо наносить удар тем же оружием. Содержательный ответ в таких случаях излишен — демагогу надо отвечать столь же демагогически. Это гарантия его поражения.

Итак, вернусь к ученому совету в Вологодском пединституте. Игорь Семенович вежливо возразил секретарю обкома:

— Пусть не посетует на меня товарищ Куприянов. Но мне кажется, что сессия АН СССР и АМН СССР разделила историю психологии на два этапа: «допавловский» и «павловский». Разве это не революция в психологии, товарищ Куприянов?

Доцент Кон прекрасно понимал всю бессмысленность и историческую нелепость подобной «периодизации» истории науки. Однако «оружие» для дуэли выбирал не он. Куприянов был просто подавлен — так «проколоться» перед коллективом института! Он пробормотал, что у него высокая температура, что он болен и отбыл восвояси. С тех пор при любом упоминании о его молодом оппоненте он морщился и говорил: «Этот!.. Я его хорошо знаю!»

Со мной было немного по-другому. Однажды, проходя мимо доски объявлений ученого совета, я совершенно неожиданно прочитал, что четвертым пунктом повестки дня значится представление кандидата психологических наук А. В. Петровского к званию доцента. Откровенно говоря — сердце забилось сильнее. В те годы я был

весьма честолюбив и вдруг такое... доцент! Однако в доценты меня в Вологде так и не произвели.

На ученом совете выяснился замысел руководства института. Партком решил убрать с должности заведующего кафедрой психологии Раису Лазаревну Гинзбург, а на ее место поставить «молодого и перспективного» Петровского, возведя его сразу же в «ранг» доцента. К сожалению, я обманул ожидания ректората и парткома и на эту рокировку не согласился, памятуя наставления моего тестя, старого профессора. Тот говорил мне, что в российских университетах тому, кто себе позволял пойти на «живое место», коллеги не подавали руки. После моего выступления на совете вопрос о представлении меня к званию доцента был тут же снят по предложению секретаря партбюро. Было короткое замешательство, и даже прозвучал вопрос: «А собственно говоря, почему?» Тогда поднялся один из старейших работников кафедры всеобщей истории и произнес фразу, которую я запомнил дословно на всю жизнь:

— Товарищи! Неужели вы не знаете, что мнение секретаря партийной организации — закон для всех членов партии... — Он медленно оглядел всех присутствующих и добавил: — И для беспартийных тоже.

Вопрос о доценте был снят с повестки дня подавляющим числом голосов.

Летом 1952 года я уехал из Вологды. Тогда же ее покинул и Кон, а также профессора Терентьев, бывший проректор Ленинградского университета, и Гольдман, бывший вице-президент Академии наук Украины, видный физик. Для двух последних Вологда была местом ссылки. Прошло еще несколько лет и в газете «Красный Север» было написано: «Вологодский пединститут очистился от слабых, не отвечающих задачам развития высшего образования преподавателей: Кона, Петровского, Терентьева и Гольдмана». Примечательно, что в последующие двадцать лет там оставался один-единственный доктор наук, очень славный старичок, профессор Чулков...

С Игорем Семеновичем мы виделись часто. Начинавший свою работу в качестве историка средних веков, он с каждым годом в своих научных интересах перемещался все ближе к психологии. Его книга «Социология личности» открыла возможность использовать богатство зарубежной социальной психологии, которую до начала 60-х годов хотя и не именовали лженаукой, но, по возможности, сторонились. Его работы в области сексологии получили признание не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Имя его украшено шлейфом многочисленных ученых степеней и академических званий.

Иногда мы вспоминаем Вологду. Хотя нам там приходилось и нелегко, но воспоминания эти проникнуты теплотой и грустью по давно ушедшей молодости. Как не вспомнить... Вот в перерыве между лекциями, освободившись на два часа, мы сбегали к реке, прыгали в лодку и выгребали на середину потока, с силой откидываясь назад, плыли мимо окон института, вдыхали чудесный речной воздух, ощущая неиссякаемую силу, неповторимую радость молодости, которой, как нам тогда казалось, не предстоит когда-нибудь испариться.

Забавно, в Вологде я жил всего 2 года, в Москве — всю оставшуюся жизнь, но ностальгические воспоминания об этом деревянном, домотканом городке не исчезли. Вот еще одна демонстрация феномена психологической двойственности времени.

6. Почему Михаилу Ярошевскому понадобилось взрывать Дворцовый мост?

В романе Орлова «Альтист Данилов» можно найти примечательный эпизод. Действие разыгрывается на спине громадных размеров быка. И так уж случилось, что герой романа догадался, что у быка чешется спина. Догадавшись, он ее почесал. После этого судьба ему благоприятствовала, поскольку волшебный бык, от которого многое зависело, с этого времени стал его тайным покровителем.

Когда мы в 1960 году приехали в Ереван на психологическую конференцию, каждого вновь прибывшего встречал доцент Мкртыч Арамович Мазманян. Он был очень гостеприимен и каждого лично сопровождал до гостиницы. Правда, размещение строго соответствовало «рангу» участника конференции. «Генералы» — Б. М. Теплов, А. А. Смирнов, А. Н. Леонтьев и другие академики — были поселены в «Армении» — лучшей гостинице города. Те, кто стояли на одну-две ступени ниже, — в гостинице «Ереван». «Третий сорт», к которому были отнесены я и почему-то профессор В. С. Мерлин, — во второразрядной гостинице «Севан». Все остальные — доценты и старшие преподаватели — в студенческих общежитиях в разных концах города. Неписаная «табель о рангах»!

Этот порядок я хорошо знал. К примеру, в Новосибирском академгородке для каждого участника того или иного совещания была предусмотрена особая форма обращения. Академику писали: «Дорогой Иван Иванович!». Члену-корреспонденту: «Глубокоуважаемый Иван Иванович!». К профессору полагалось обращаться путем титулования его «Многоуважаемый». К старшему научному сотруднику — просто «Уважаемый». Для всех остальных считалось уместным написать: «Тов. Иванов, в 12:00 состоится совещание... Явка обязательна».

Впрочем, в гостинице «Севан» мы чувствовали себя вполне комфортно и не завидовали обитателям «Армении». Однако именно последним было оказано наибольшее внимание и всевозможные почести в восточном стиле. Забегая вперед, скажу, что Мкртыч Арамович при благосклонном участии постояльцев, расквартированных в люксах «Армении», вскоре стал доктором наук, избран, минуя «членкорскую» ступень, сразу академиком и в республике удостоен высокого звания «Заслуженный деятель науки». Как не вспомнить героя повести Орлова, потрафившего волшебному быку.

Вот на этой конференции я и познакомился с ленинградцем Михаилом Григорьевичем Ярошевским. Мы гуляли по ереванским улицам и улочкам, любовались двуглавым Араратом, его серебряными куполами, восторгались розовым туфом Центральной площади, откуда можно было видеть гору, которая, к огорчению наших добрых армянских друзей, находилась на турецкой территории. «Масис» — называют армяне Арарат. По-моему, звучит более мягко, уходит рычащее созвучие. На дворе стояла золотая осень — «воскеашун».

Тогда мы не знали о том, что произойдет с нами в последующие годы, что Михаил Григорьевич вскоре станет доктором наук, а затем и оппонентом моей докторской диссертации, что мы с ним будем соавторами многих книг и соредакторами словарей и энциклопедий. Не подозревали, что позднее станем близкими друзьями. Не могли мы тогда предполагать, что придет время, — а оно сейчас при-

шло, — и профессора Ярошевского по праву будут называть старейшиной российской психологии.

То, что будущее для каждого всегда в тумане, вполне понятно, но и о прошлом моего друга я тоже знал очень немногое. Было известно, что он долгое время работал в Таджикистане. Филолог по образованию, он изучал творчество Потебни, всерьез занимался вопросами истории психологии, был он учеником С. Л. Рубинштейна. Вот, пожалуй, и все.

В 1973 или в 1975 году, когда я был академиком-секретарем Отделения психологии АПН СССР, я сделал попытку избрать профессора Ярошевского членом-корреспондентом Академии. В ЦК партии я столкнулся с резким противодействием. Все мои попытки добиться согласия оказались тщетными. Между тем от решения высшей инстанции, «квартировавшей» на Старой площади, в те годы зависело все. — Нет, нет, — сказал мне инструктор, курировавший Академию, и пояснил. — В данном случае речь идет не о «пятом пункте», как вы, очевидно, предполагаете.

— В чем же дело? Ярошевский — один из самых крупных и перспективных ученых.

— Нет, нет, — еще раз повторил куратор. — Здесь другое...

Что это — «другое», я тогда не знал. Понимание пришло сравнительно недавно. Михаил Григорьевич показал мне справку, в которой было сказано, что уголовное дело, возбужденное против него, прекращено... 7 мая 1991 года. Уточним сразу — через сорок три года после того, как оно было начато. Рекорд для книги Гиннесса?

В 1938 году молодой человек по имени Михаил Ярошевский был арестован органами НКВД и посажен в тюрьму. Его обвиняли в том, что он намеревался во время первомайской демонстрации взорвать Дворцовый мост и убить вождя ленинградских большевиков Андрея Александровича Жданова. Это подпадало под действие ст. 58, п. 8 — «террор», что обещало расстрел. Потом обвинение было смягчено — та же статья, п. 10 — «антисоветская агитация». Почти полтора месяца он пролежал на цементном полу камеры в «Крестах» рядом с Львом Николаевичем Гумилевым. Как вспоминает Михаил Григорьевич, его сокамерник получал открытки от матери — Анны Андреевны Ахматовой. Как это ни удивительно, у самого Гумилева память об этих посланиях не сохранилась. Когда во время какого-то интервью ему сказали, что академик Ярошевский рассказывал о письмах Ахматовой, которые ее сын читал в камере, Лев Николаевич заплакал и сказал: «Неужели Мишка это помнит!? А я забыл».

Из камеры выводили на прогулку парами. Как-то мой друг оказался в паре с комкором Константином Рокоссовским, будущим маршалом. Тот зло и громко сказал: «Вот выйду отсюда — обо всем напишу товарищу Сталину!» Об этом коротком эпизоде я вспомнил, когда смотрел фильм Никиты Михалкова «Утомленные солнцем». Там комдив Котов — как, впрочем, почти все мы в те годы, — наивно считал, что достаточно сообщить Сталину о злодеяниях НКВД — и справедливость будет восстановлена.

Михаил Григорьевич как-то сказал: «Я всегда с особым чувством смотрю из-под арки Главного штаба на Александрийский столп и на фасад Зимнего дворца».

Дело в том, что военный трибунал заседал в одной из комнат с видом на Дворцовую площадь. Обвиняемый отказался от показаний, которые он дал на следствии, объяснив, что это было результатом пыток. Ответ был короткий: «Вы клевещете на органы НКВД. За это с вас дополнительно взыщется». Будущему профессору повезло. Его дело рассматривал военный трибунал, а не «Особое совещание» (та самая зна-

менитая «тройка»). Приговор военного трибунала должен был быть утвержден в Москве. (Гумилевым же занималась «тройка», приговоры которой в дополнительном подтверждении не нуждались.)

Пересылка, рассмотрение документов в Москве и другая счастливая канитель выручили. В 1939 году, после ареста Н. И. Ежова, многие заключенные оказались на свободе — вынужденный жест «высокого» руководства, решившего списать санкционированный и организованный ЦК партии террор на «ежовщину». Ярошевский оказался на свободе. В последующие годы он работал в Таджикистане.

Я долго не решался задать Михаилу Григорьевичу один вопрос. Мне было непонятно, почему молодой, талантливый, подающий большие надежды психолог, любимый ученик Рубинштейна вдруг бросает Москву, Институт философии и уезжает в Среднюю Азию. Что он там нашел? Какая-нибудь романтическая история? Удобно ли любопытствовать?

Только когда мы стали с ним настоящими друзьями, я решился вызвать его на откровенность. Это произошло совсем недавно, — летом 1996.

— Ну что же, было время, когда о причинах этого моего путешествия в столь далекие края я не стал бы даже упоминать. Другие теперь времена. Так послушайте. Как-то летом 1950 года меня, младшего научного сотрудника Института философии, вызвал заместитель директора Трошин. Вы когда-нибудь встречались с ним?

— Видел издалека, как и многих других «великих философов»: Каммари, Федосеева, Константинова. Помнится, у Трошина нос был оттенков революционного цвета — не исключено, что он увлекался не только философией. Впрочем, ничего определенного я сказать о нем не могу.

Ярошевский пересказал свой разговор с Трошиным. Замдиректора спросил его: «Знаешь ли ты, что вошел в историю борьбы американской компартии против империализма?».

Трошин протянул мне свежий номер «Правды», где ТАСС сообщало, что в США судили руководителей компартии за распространение статьи советского психолога М. Ярошевского «Холодная война и психология».

— Чем же вы тогда так досадили американскому империализму? — поинтересовался я.

— Разоблачал его идеологические происки.

— Как полагается марксисту-ленинцу?

— А у вас тогда была другая позиция?

— Нет! Кто знает, может, я в те времена был марксист «покруче», чем вы. Тогда в этом отношении все были одного поля ягоды.

— Видите ли, — уточнил Ярошевский, — хотя я и подставил представителей передового отряда американского рабочего класса под удар, но никогда не давал негативной идеологической оценки ни одному советскому философу и психологу. По тем временам это было бы политическим доносом — не иначе. Помнится, как философ Ф. И. Георгиев устроил разносное обсуждение книги С. Л. Рубинштейна. Оно было настолько несправедливым и отвратительным, что в стенограмме были зафиксированы выкрики из зала: «Довольно!». Георгиев, правя стенограмму, уточнил, дописав к цитируемым словам: «Восклицание ученика С. Л. Рубинштейна — Ярошевского».

«Вот видишь, — продолжил Трошин, — американских идеалистов разоблачаешь, а о наших, внутренних, врагах молчишь. Не потому ли, что они пристроили тебя

в Институт философии — этот боевой идеологический штаб Коммунистической партии?» Из дальнейшего разговора стало ясно, что он имел в виду моего учителя Сергея Леонидовича Рубинштейна, которого на каждом сборище изобличали в «космополитизме» (запомнилось даже одно уж вовсе страшное обвинение: «Рубинштейн не только идеологически, но и организационно связан с врагами нашей Родины»). «Не из-за твоей ли биографии ты помалкиваешь? Придется принять меры», — добавил Трошин. Я понял, что меня уволят. Но «меры» оказались другими. Через несколько дней ко мне подошел молодой человек и, показав красную книжку сотрудника госбезопасности, пригласил в машину. Он привез меня на Лубянку и в своем кабинете завел разговор. Смысл его сводился к тому, что дело о моей контрреволюционной деятельности не закрыто и что если я не хочу дальнейших неприятностей, должен докладывать о настроениях и разговорах Рубинштейна. В этой ситуации я сделал единственно возможный выбор.

— Ну и что вы решили?

— Как, что решил? Вы же сказали, что «молодой, талантливый, подающий надежды» отбыл в Среднюю Азию. Между прочим, на 15 лет. Рубинштейн за мной туда, разумеется, не последовал. Так что проблема отпала сама собой.

— Так сразу и уехали? Все бросили? Все оставили?

— Все! Включая несколько пустых бутылок, опорожнив которые, я с большей легкостью принял решение и буквально через пару дней любовался из иллюминатора самолета среднерусским пейзажем, сменившимся потом безотрадной пустыней.

— Следовательно, все ваши неприятности с органами, обеспечивающими нашу государственную безопасность, остались позади?

— Не скажите!

Как он повествовал далее, с ним, таджикским жителем, где-то в начале 50-х годов приключилась другая история, также чреватая не меньшими опасностями.

В один из своих приездов в Москву из Куляба, где он одно время работал в педагогическом институте, Михаил Григорьевич зашел в редакцию «Литературной газеты». Это была заря всеобщего интереса к кибернетике. Два физика рассказывали о быстродействующих электронных счетных машинах, которым, по их словам, принадлежало будущее в науке и технике.

Рассказывали они так усложненно, оснащали свое повествование множеством таких малопонятных технических терминов, что перенести все это на газетную полосу не представлялось возможным. Тогда заведующий редакцией попросил, чтобы «таджикский» гость, основываясь на этом рассказе, написал очерк о перспективах ЭВМ. Очерк был написан и опубликован, а автор отбыл «по месту жительства», но ненадолго.

Вскоре он был вызван в Москву. В редакции «Литературной газеты» ему показали письмо военного прокурора, из которого явствовало, что М. Г. Ярошевский привлекается к уголовной ответственности не более, не менее по статье за разглашение государственной тайны. Легко представить состояние подследственного. Какая государственная тайна? Откуда она ему известна? Когда и как он ее «разгласил»? Постепенно туман вокруг этого обвинения стал медленно рассеиваться. Оказывается, моего друга подвел советский патриотизм. Когда в статье он рассказывал об успехах американских кибернетиков, то испытывал чувство ревности и обиды за советскую науку. По сему случаю он написал, что у нас в СССР уже существуют гораздо более совершенные технические устройства, чем американские ЭВМ.

Следователь допытывался: «А какие у вас были основания для этого утверждения? Каким образом вы получаете информацию о состоянии нашего машиностроения,

и в частности оборонной промышленности, и откуда вы знаете о новых поколениях ЭВМ? Понимаете ли вы, каковы возможные внешние политические последствия вашего утверждения?» Разумеется, злосчастный автор, узнавший об этих «загадочных» устройствах только лишь в редакции «Литературной газеты», ни на один вопрос ответить не мог и честно признался, что мотивом его заявления было желание «утереть нос» возомнившим о себе заокеанским «поджигателям войны».

— Может быть, мне было бы легче объясниться со следователем, — сказал мне Михаил Григорьевич, — если бы я сообщил, что это «вольный» пересказ разговора в редакции «ЛГ» двух физиков. Но я понимал, что это означало бы новый виток дознаний, в который их неизбежно втянут.

Его спасло то, что следователь сообразил, что много лет не выезжавшему из Куляба ректору педвуза и в самом деле неведомы тайны нашей «оборонки». В общем, автора статьи, напугавшей нашу контрразведку, отпустили, посоветовав найти другие способы проявления советского патриотизма.

Еще, казалось бы, совсем недавно мы отмечали восьмидесятилетие Михаила Григорьевича. Юбилей, как известно, явление заурядное, а иногда даже опасное для научного коллектива. Я знаю случай, когда юбиляру в момент празднования его 80-летия долго объясняли, как он много сделал и как жалко, что он уходит с работы, где он мог бы успешно продолжить свое творчество и свершить еще немало. К ужасу администрации, в заключительном слове юбиляр, прослезившись, сказал, что все понял, что он совершил ошибку и что не имеет права уйти с занимаемой должности. Выражения лиц директора института, его заместителей и ученого секретаря были достойны кисти Гойи.

Иное дело — Ярошевский. До последнего дня своей жизни он продолжал работать, и весьма продуктивно. В своем последнем письме к герою этого очерка я подписался: «Ваш “соавтор в законе”».

Одно я только не понял, зачем моему другу понадобилось взрывать Дворцовый мост, и как он собирался это сделать, располагая из всего технического снаряжения только электрическим фонариком?

7. О том, как профессор Колбановский академика Павлова в марксистскую веру обращал

Было это где-то в середине 60-х годов. По каким-то делам, возможно, диссертационным, мне предстояло разыскать отдыхавшего в летнее время, как всегда, на Оке, в Тарусе, профессора Владимира Алексеевича Артемова.

Владимир Алексеевич был весьма колоритной фигурой. В далеком прошлом — актер, вальяжной импозантной внешности. Несмотря на свою массивную фигуру, он передвигался легко, и долгое время годы на нем не сказывались. Говорили, что это был один из лучших в Москве хозяев застолий. Я действительно более остроумного тамаду никогда не встречал. Он заведовал кафедрой психологии в Институте иностранных языков и был еще знаменит тем, что там у него были собраны самые хорошенькие аспирантки и сотрудницы. Специалист по психологии речи, он, наряду с научными разработками, занимался идентификацией человека с по-

мощью специального анализа особенностей голоса. Это было что-то вроде дактилоскопии, но в сфере «вокала».

Добраться до Тарусы было сложно. Сначала поездом до Серпухова, потом пешком до речной пристани, а там уж теплоходом до Тарусы.

Владимир Алексеевич встретил меня на пристани и сразу же повел на широкий балкон, нависающий над Окой, какого-то не то чтобы ресторана или кафе, а скорее, популярной в этой местности «забегаловки». Внизу, за перилами — длинное, спокойное синее полотно Оки, заокские дали. И так — до горизонта. Я с удовольствием попивал в этот жаркий день холодное красное вино и с неиссякаемым интересом слушал моего собеседника.

Есть история психологии, которой я отдал многие годы жизни, написав немало книг и множество статей. Но это официальная, увы, казенная история, в прошлом подверженная идеологическому давлению и обставленная со всех сторон запретами — чем-то вроде «кирпичей» на дорожных знаках: «В эту сторону идти нельзя!» и «В другую — тоже запрещено!». Об этом читатель может судить по предыдущим рассказам. Кажется, только недавно все эти запретительные надписи сняли. Но легко представить себе, как жадно много более тридцати лет назад я выслушивал рассказы, где фигурировала неписаная и, конечно, не подлежащая публикации подлинная история науки, которой я себя посвятил.

Прихлебывая из граненого стакана вино, Владимир Алексеевич рассказывал о психологии 20-х годов такое, что мне все время хотелось прервать его словами: «Этого не может быть!»

Как об этом писал я и другие историки психологии, в 1923 году директора Психологического института — профессора Георгия Ивановича Челпанова — сменил Константин Николаевич Корнилов. С именем Корнилова мы связываем переворот в нашей науке и перестройку ее на основе марксизма. Создатель и первый директор института — Г. И. Челпанов, традиционно именовавшийся не иначе как «психолог-идеалист», был отправлен в отставку. Как все знали, читая историко-психологические сочинения (в том числе и мои), молодые сотрудники Психологического института А. Н. Леонтьев и другие активно поддержали «внедрение марксизма в психологию» и были опорой нового директора.

Между тем, по словам профессора Артемова, все обстояло иначе. В момент, когда решалась судьба института, скажем так, на «конспиративной квартире» одного из молодых сотрудников состоялось «сборище», на котором было принято решение — «не допустить, чтобы подпевалы большевистского режима узурпировали власть в науке». Впрочем, «либеральная интеллигенция» и на этот раз оказалась верна себе — дальше возмущения и громких слов в стенах частной квартиры дело не пошло. Тем более, что несколько умеренных и отнюдь не радикально настроенных психологов, среди которых был тогда мой будущий заведующий кафедрой — профессор Николай Федорович Добрынин, не поддержали «экстремистов». Как не вспомнить фразу из «Театрального романа» М. Булгакова. Супруга режиссера Ивана Васильевича (за которым легко угадывается К. С. Станиславский) говорила: «Мы против властей не бунтуем!» Однако, как это ни удивительно, «конспиративная сходка» почему-то начисто выпала из памяти ее участников.

Рассказывал Владимир Алексеевич и о так называемой реактологической дискуссии, которая развернулась в Психологическом институте в начале 30-х го-

дов. На этот раз роли поменялись — обвиняемым был Корнилов, которого уличали и в идеализме и в механистическом материализме одновременно. В роли штатного обвинителя на чуть ли не еженедельных разоблачительных собраниях выступал Виктор Николаевич Колбановский. Его я, кстати, хорошо помню. Небольшого роста, с неизменно категорическими интонациями в голосе, решительный в суждениях, он в мои аспирантские годы уже сколько-либо значительной роли не играл, но во времена реактологической дискуссии он был «грозой» в психологии и недолго состоял директором Психологического института. Кстати, название института многократно менялось. В середине 30-х годов его обозначала аббревиатура ГИППП — Государственный институт психологии, педологии, психотехники. Ввиду уничтожения педологии и психотехники и почти предсмертной агонии психологии в научном фольклоре его именовали Институтом трех покойниц — ППП. На институтских собраниях Колбановский избрал почему-то на роль «жертвы вечерней» именно своего хорошего знакомого и сослуживца — Владимира Артемова. С пафосом, который был присущ ему — выпускнику Института красной профессуры, — он изобличал и обвинял Артемова во всех смертных идеологических грехах. Между тем, в силу своих характерологических особенностей, Владимир Алексеевич всегда держался подальше от политики и идеологии.

— Витька! — говорил ему Артемов, — что ты делаешь?! Что ты говоришь?! Меня ж в конце концов посадят! Оставь меня в покое! Сегодня такая критика — дело нешуточное!

Ничего не помогало. С той же страстью и партийным рвением Колбановский вновь и вновь продолжал громить «махизм» своего уже не на шутку перепуганного приятеля. Надо было реагировать:

— Слушай, Витька, если ты не оставишь свои прокурорские речи и опять меня помянешь, я тебя побью!

Увы, Колбановского это не остановило. И тогда «Володька» встретил после собрания «Витьку» в тоннеле ворот университетского двора и побил его...

Я представил себе, как он это делал, потому что Артемов встал из-за стола и несколько раз опустил кулак сверху вниз. Если учесть, что он был на две головы выше Колбановского, то картина — вполне наглядная. Когда я поинтересовался, продолжалась ли критика «злостного махиста», Артемов улыбнулся и сказал: «Конечно, нет. Он понял, что это только первая порция». Мне подумалось, а может быть, это и не такой уж плохой способ для завершения научной полемики? Как-то раньше это не приходило в голову...

Между тем позднее стало очевидным, что полученная взбучка не многим способствовала научаемости марксистски ориентированного критика. Мне вспоминается следующее.

В начале 50-х годов труды Павлова не только изучались, но воспринимались как откровение. И вдруг обнаруживается, что в многочисленных изданиях его книг допущена ошибка, которую некоторые читатели готовы были расценивать не иначе, как происки «врагов народа». Разумеется, «кое-кем» писались соответствующие письма «куда надо». Только подумать! Павлов в статье «Условный рефлекс», подготовленной для 56-го тома Большой Советской Энциклопедии, пишет: «...С другой стороны, труд и связанное с ним слово сделало нас людьми...».

(Обратите внимание! Странно, почему «сделало», а не «сделали»? Впрочем, объяснения впереди.)

Так в Энциклопедии. Однако в Полном собрании сочинений И. П. Павлова (том III, книга вторая, 1951, с. 336) написано по-иному: «...с другой стороны, именно слово сделало нас людьми...». Что это было? Намеренная ошибка редактора Э. Ш. Айрапетянца, попытавшегося отлучить Павлова от марксизма? Ни в коем случае! Айрапетянц, как многим было известно, всегда стремился быть большим «павловцем», чем даже сам Павлов. Но почему Айрапетянц в этом же томе, приводя в редакторских примечаниях незначительные расхождения в опубликованных трудах Павлова, стыдливо обошел молчанием столь серьезное разночтение между редактируемым им томом и Энциклопедией? Все дело в том, что в 1936 году великого ученого бесцеремонно «поправили» — без его ведома вписали ему в текст статьи указание на роль труда в происхождении человека, дабы никаких разногласий с Энгельсом у него не было. Исправление в Полном собрании сочинений, по-видимому, — отзвук требования великого ученого не обращать его насильственно в марксистскую веру.

Вполне понятен вопрос: «При чем здесь Виктор Николаевич Колбановский, фигурировавший в рассказе Артемова?» Все очень просто. В. Н. Колбановский был редактором соответствующего раздела 56-го тома БСЭ и своей рукой поправил павловскую формулировку. Могу представить себе гнев Ивана Петровича.

Вообще говоря, Павлов особой любви к советской психологии не испытывал. Одно дело — Георгий Иванович Челпанов, изгнанный со своего поста директора Психологического института. Его он уважал и даже приглашал к сотрудничеству. По-иному выглядели в его глазах психологи-марксисты. Тот же В. А. Артемов, а впоследствии и М. Г. Ярошевский, говорили мне, что приехавший к Павлову в Колтуши в командировку Алексей Николаевич Леонтьев был встречен весьма нелюбезно и великий ученый не пожелал с ним разговаривать. Предполагаю, что история с редактурой энциклопедической статьи не прибавила «симпатий» к новому поколению психологов.

Впрочем, Павлов свое негативное отношение не раз проявлял не только к психологической науке, руководителем которой стал вместо Г. И. Челпанова К. Н. Корнилов, но и к советской власти, к идеологии которой пыталась тогда приспособиться, как и другие науки, психология. Известно, что он писал обличительного характера письма председателю Совнаркома В. М. Молотову. Кто знает? Может быть, именно это послужило причиной скоропостижной смерти великого ученого. Павлов проявлял симпатию к Наркому здравоохранения Г. Н. Каминскому (впоследствии расстрелянному). И все-таки, отвечая на его поздравительное письмо, не мог не высказать свою позицию в отношении коммунистического режима. Извлеченное из архива, это послание было опубликовано в «Литературной газете» 29 ноября 1989 года. Позволю себе привести его полностью, поскольку считаю это важным историческим документом (письмо было написано 10 октября 1934 года):

> «Глубокоуважаемый Григорий Наумович! Примите мою сердечную благодарность за ваш чрезвычайно теплый привет по случаю моего 85-летия. К сожалению, я чувствую себя по отношению к нашей революции почти прямо противоположное вам. В вас, увлеченного некоторыми, действительно огромными положительными достижениями ее, она "вселяет

бодрость чудесным движением вперед нашей Родины", меня она, наоборот, очень тревожит, наполняет сомнениями.

Думаете ли вы достаточно о том, что многолетний террор и безудержное своеволие власти превращает нашу и без того довольно азиатскую натуру в позорно-рабскую?.. А много ли можно сделать хорошего с рабами? Пирамиды? Да; но не общее истинное человеческое счастье. Останавливаете ли вы ваше внимание достаточно на том, что недоедание и повторяющееся голодание в массе населения с их непременными спутниками – повсеместными эпидемиями, подрывают силы народа? В физическом здоровье нации, в этом первом и непременном условии, – прочный фундамент государства, а не только в бесчисленных фабриках, учебных и ученых учреждениях и т. д., конечно, нужны, но при строгой разборчивости и надлежащей государственной последовательности.

Прошу простить, если я этим прибавлением сделал неприятным вам мое благодарственное письмо. Написал искренне, что переживаю.

Преданный вам Ив. Павлов».

Но вернемся к профессору Колбановскому.

Мне не хотелось бы рисовать его портрет в исключительно мрачных тонах. Он был по-своему искренним человеком и действительно верил, что в его обязанности входит сохранение «белизны риз» марксистско-ленинской идеологии. Я его помню в период стремительного возвращения нашей школы к обличию классической дореволюционной гимназии. Форменные курточки, коричневые платьица с белыми фартучками. Вместо отметки в дневнике «очень хорошо» — «отлично», вместо «удочки» (удовлетворительно) — «тройка» и т. д.

Виктора Николаевича влиятельная газета попросила написать статью, где содержалось бы «психологическое обоснование» раздельного обучения. Он отказался, написав нечто противоположное, поскольку эти нововведения, как он мне пояснил, противоречили принципам советского школьного образования, у истоков которого стояли Ленин и Крупская. Мой разговор с ним происходил, вероятно, где-то в 68-м или 69-м году, — точно сказать не берусь.

Я как-то разговаривал с моим старым другом Владимиром Михайловичем Ривиным. О нем можно прочитать во второй части этой книги. Он неожиданно для меня вспомнил В. Н. Колбановского и уточнил историю его возражений против сталинской образовательной политики. Как сказал Владимир Михайлович, это был «смертельный номер» даже со спасительной пометкой «Печатается в порядке дискуссии». На рубеже 40-х и 50-х мой друг был редактором отдела коммунистического воспитания в «Литературной газете». Именно к нему в апреле 1950 года Виктор Николаевич принес статью «Волнующий вопрос», содержавшую аргументацию, направленную против этой «реформы» образования. Как это ни удивительно, статью напечатали. В нескольких номерах газеты шло обсуждение или осуждение позиции профессора Колбановского. И, как считает бывший смелый редактор, именно эта полемика привела к отказу от реформаторских усилий, и «отката» к старым гимназическим порядкам не произошло.

...Пойду дальше в оправдании этого маленького, краснолицего и подвижного человека. При этом мне придется откровенно признаться, что однажды я совершил нечто похожее на конфликтную ситуацию «Артемов— Колбановский». Случилось это со мной 45 лет назад. Я только что защитил кандидатскую и был, как и полагается неофиту в науке, критичен и категоричен. У меня были очень хоро-

шие отношения с молодым преподавателем нашего пединститута Михаилом Викторовичем Пановым. Насколько мне известно, в дальнейшем он стал одним из крупнейших филологов. Но тогда оба мы были очень молоды.

Панов попросил меня выступить на защите его кандидатской диссертации в качестве неофициального оппонента и тем самым поддержать «соискателя». Я с готовностью согласился.

На ученом совете я сказал много лестных слов о диссертации. Однако, как это полагалось, для демонстрации объективности было необходимо сделать какие-либо критические замечания. Я и сам не заметил, как меня «понесло». Одним словом, мое критическое завершение фактически перечеркнуло все доброе, что я успел сказать о нем вначале. Не сразу поняв, что натворил, я был очень удивлен непривычной сухостью и сдержанностью Панова в отношениях со мной, хотя его защита, как мне казалось, прошла вполне благополучно.

Позднее, конечно, я «прозрел» и до сих пор не могу отделаться от чувства вины и стыда за то, что произошло в те далекие годы. Не знаю, прочел когда-либо Михаил Викторович эти строчки, а возможно, ему об этом кто-нибудь рассказал. По сей день я не могу себе простить мои критические порывы. А может быть, меня тогда надо было просто побить и больше уже не обижаться?

Было обидно, что я не всмотрелся в собеседника моего коллеги. По дороге мы еще долго говорили, и рассказы Артемова не переставали поражать меня точностью деталей. Вот в двери Института психологии вкатывается шариком Колбановский и первому попавшемуся ему на глаза сотруднику сообщает: «Я только что из ЦК...». Таково его традиционное появление в стенах вверенного ему научного учреждения.

Разумеется, отнюдь не один Колбановский был героем этих рассказов. До сих пор сожалею, что я не записал многое из того, что было мне поведано в этот жаркий летний день в Тарусе. Что ушло — уже не вернешь!

8. «Феномен Зейгарник» в Лейпцигской ратуше

Мне довелось участвовать в работе многих конгрессов и конференций психологов. В Лейпциге участников конгресса принимал в ратуше бургомистр.

Немного опоздав, я зашел в зал, когда все уже собрались. Еще в дверях я увидел странную картину — небольшую очередь, голова которой скрывалась за колонной. Подойдя поближе, я понял, в чем дело. Гости поочередно подходили к маленькой старушке и приветствовали ее. Кто пожимал, а кто — предполагаю, что это были галантные французы, — целовал ее руку. Прислушался. Некий господин — американец, если судить по произношению, — грубовато, но восторженно сопроводил рукопожатие возгласом: «Удивительно! Никогда не предполагал, что вы живы, и я буду иметь честь с вами познакомиться!»

Эту старушку я хорошо знал уже много лет. Блюма Вульфовна Зейгарник — профессор факультета психологии Московского университета. Ее лицо, как всегда, слегка подергивающееся — нервный тик, — выражало смущение. Она явно не ожидала оказываемых ей почестей. Однако ничего поразительного в этом не было. Не так уж много осталось известных психологов, которые приобрели имя

в науке еще в 20-е годы. Она принадлежала к их числу. Во всех психологических словарях и энциклопедиях, в какой бы стране они ни издавались, есть статья «Феномен Зейгарник» или «Зейгарник-эффект». Для Лейпцига ее появление было тоже своего рода «эффектом». Ученица и сотрудница знаменитого немецкого ученого Курта Левина незаметно возникла в парадном зале ратуши. Сам бургомистр, узнав о присутствии столь замечательной особы, подошел, чтобы лично ее приветствовать.

Что же представляет собой «феномен Зейгарник» и в чем его феноменальность? Вот как это было в далекие 20-е годы, когда Блюма Вульфовна, командированная для стажировки в Германию, работала под руководством Курта Левина.

Все началось с обеда в берлинском ресторане. Блюма Вульфовна и ее «шеф» заказали обед, состоявший из немалого числа блюд. Расторопный официант точно выполнил все пожелания. Обедающих удивило, что он, не записывая, ничего не забыл, и все было поставлено на стол. Психологи поинтересовались, как это ему удается. Тот пожал плечами — уж так он привык и без записей всегда обходится. Тогда любознательные посетители спросили кельнера: «Перед тем как мы приступили к обеду, вы рассчитывались с клиентами, сидевшими за соседним столиком. Скажите, что они заказывали?» Официант наморщил лоб, но тщетно. Он назвал немногие из тех блюд, коими час назад уставил стол их соседей. Этот забавный эпизод стал импульсом для исследователей. Курт Левин поручил своей сотруднице начать изучение памяти человека. Задача заключалась в том, чтобы выяснить, как влияет на запоминание завершенность или незавершенность действия. Эксперимент показал, что незаконченное действие лучше сохраняется памятью, чем то, что уже завершено. Выявленная закономерность получила название «феномен Зейгарник».

При каких только обстоятельствах ни свершаются научные открытия! Ванна Архимеда! Яблоко Ньютона! Рассказывают, что ученый Кекуле увидел сложную химическую формулу во сне, хотя долго бился над этой задачей, бодрствуя.

Не могу сказать, что натолкнуло поэта Андрея Белого на предсказание об ужасающих последствиях применения ядерного оружия. Но в одном из стихотворений, написанных в начале века, он предсказывает то, что произошло в 40-е годы. Он пишет о массовой гибели людей, о «гекатомбе», вызванной «атомной, лопнувшею бомбой». (Ударение в слове «атомной» для нашего слуха непривычное.) Наитие? Однако оказывается, что и в ресторане наитие может снизойти на человека. Уж очень редкий случай.

Когда в Германии воцарился нацизм, Курт Левин эмигрировал в Соединенные Штаты. Зейгарник вернулась на родину. Она скончалась в глубокой старости, не прерывая исследовательской работы в психологии до последних своих дней.

Ассоциация, несколько неожиданная, но, пожалуй, я позволю себе о ней сказать. Моя многолетняя сотрудница, Алла Борисовна Николаева, к которой испытывали симпатию практически все, кто ее знал, сочетала работу в качестве ученого секретаря психологического института с высоким призванием поэтессы. Один из последних ее поэтических сборников назывался: «Что держит нас». Название знаменательное. Держало ее в жизни многое. И та книга, которую мы затеяли с ней сделать — учебник социальной психологии, — и дела домашние, и не дающие покоя наплывающие поэтические строчки, которые просились на бумагу,

это явно держало ее, хотя жизнь с каждым днем, с каждой неделей ускользала от нее, и это не могли не видеть окружающие. Ее сборник стихов и ее уходящая от нас жизнь подвигли меня на два четверостишья, навеянные в равной мере мыслями о ней и памятью об эффекте Зейгарник. Эти бесхитростные стихи:

Сто лет назад в берлинском ресторане,
Где дух науки вовсе неуместен,
Никем не предусмотренный заранее,
Открыт закон, что ныне всем известен.
Задачи жизни я решал не раз,
Но память стерла след удачи.
Так что же, Алла, держит нас?
Жизнь — нерешенная задача.

К сожалению, задачи остались нерешенными, а ее жизнь ушла.

9. История моей могилы на Новодевичьем

Вынужден для пояснения этого несколько необычного названия обратиться к небольшой автобиографической заметке. В 1960 году Московский городской педагогический институт, в котором я много лет работал доцентом, объединился с Московским Государственным педагогическим институтом им. В. И. Ленина. Таким образом, на кафедре психологии собрались сотрудники и первого и второго педагогических институтов. Кафедрой психологии тогда заведовал профессор Николай Федорович Добрынин, личность весьма примечательная. Старик, очень красивый, с ясными голубыми глазами, он всегда носил широкий длинный галстук, не признавал узла, широкой лазурной лентой галстук спускался вниз. На заседаниях и конференциях, особенно учительских съездов участников, среди лиц явно рабоче-крестьянского происхождения фотографы выискивали Добрынина, запечатлевали лицо типичного старого русского интеллигента. Это всегда вносило необходимое многообразие в зрительный ряд. В связи с преклонным возрастом его просили подать заявление и «по собственному желанию» выйти на пенсию, однако он уговорил директора — тогда так называли ректоров — дать ему еще возможность поработать, потому что он хотел бы передать кафедру не кому-либо, и в частности не одному из тех, кто пришел из смежного института и не отличался теми нравственными качествами, которые он считал обязательными для человека, имеющего профессорское звание, — он просил подождать, пока защитит докторскую диссертацию его давний сотрудник. Ему пошли навстречу и в 1967 году, после того как я обзавелся докторской степенью по психологии, он торжественно, на заседании кафедры, объявил о своем уходе, представил преемника, в чем вообще-то говоря никакой необходимости не было, потому что я работал там и меня хорошо знали, и слегка смахнув слезу с седой бородки, направился садиться куда-то в задний ряд стульев. Я его остановил, сказал, что, Николай Федорович, вы были и остаетесь председателем нашего кафедрального коллектива, почетным президентом нашей кафедры, и ваше место всегда рядом с заведующим, мы с вами вдвоем будем вести заседание. Это его нисколько не удивило, по

всей вероятности он сам бы поступил таким же образом, случись это не со мной, а с ним, и с того момента мы были всегда рядом. Мне рассказывали, что когда я через несколько лет, став академиком-секретарем Академии педагогических наук отделения психологии АПН ССС, оставил свое председательское место к удивлению моего преемника, профессора Просецкого, Николай Федорович на первом же заседании, которое вел новый зав., сел рядом с ним, был возмущен, но возразить он не решался. Видимо, он придерживался других нравственных представлений, но высказать их вслух опасался.

Итак, став заведующим кафедрой, я еще раз напомнил себе, что ровно 10 лет назад до этого кафедрой заведовал Константин Николаевич Корнилов. Это была яркая фигура российской психологии. О ней стоит сказать, потому что время было инструментом, перекраивающим отношение к этому ученому. Дело в том, что, пожалуй, раньше всех, в 1923 году, алтайский учитель, Константин Корнилов, прочитал и осмыслил статью Ленина «О значении воинствующего материализма» и сделал из этого далеко идущие выводы, выступив на 1-м Психоневрологическом съезде с докладом на тему «Психология и марксизм». Это, конечно, был вызов всей традиционной психологической науке. С этого момента на протяжении длительного времени в истории психологии мы, я подчеркиваю, и я в том числе, всегда говорили о нем, как о человеке, который положил начало к построению марксистско-ленинской психологии в нашей стране. Нельзя сказать, что обращение к марксизму было столь драматично в те годы для психологической науки, поскольку она в основном использовала принципы гегелевской диалектики, обращала внимание на психологию развития, на детскую психологию. И это было, конечно, полезно, тем более это освещалось с соответствующей идеологической поддержкой. Однако заслуга Корнилова — а она была реальной заслугой — заключалась в том, что именно тогда зрело представление о психологии как идеалистической науке, которую надо вообще ликвидировать, не допустить «поповщину» в Психологический институт, директором которого, вместо ушедшего в отставку Георгия Николаевича Челпанова, стал профессор Корнилов.

Такие высокие оценки деятельности Корнилова продолжались на протяжении многих лет. Тогда на психологию надвигалась грозная опасность — как справа, так и слева. Опасность, прежде всего, что она будет объявлена «идеалистической» наукой и будет как псевдонаука закрыта, ликвидирована, объявлена враждебной, как впоследствии и случилось, в частности, с педологией. Другая опасность шла слева, со стороны рефлексологии, как связанной с трудами Бехтерева, так и с совершенно откровенной вульгаризацией трудов Ивана Петровича Павлова. Защитив психологию от обвинений в идеализме справа и от захвата ее слева — механистическими представлениями, предельно упрощающими психическую жизнь человека, его сознание, его личность, Корнилов, в конечном счете, спас психологию на этом этапе и, пожалуй, явился первым, кто начал борьбу за выживание психологии как науки. Именно в этой борьбе на два фронта, в условиях самых трудных, с возможными обвинениями в «протаскивании» то ли идеализма, то ли механицизма, объявившей настоящей марксистской психологией не менее механистическую, чем рефлексология, пестуемую им реактологию, Корнилов, — весьма противоречивая фигура, при всей значительности места, которое он занимал в истории советской психологии рассматриваемого периода. Нет надобности оста-

навливаться на его исследовательских работах в области психологии воли, они не выходили за пределы традиционных исследований в области характерологии.

Встречался я с ним пару раз. Последняя памятная встреча произошла в июньскую ночь 1953 года, как раз в то время, когда был арестован Лаврентий Павлович Берия. Поэтому она мне и запомнилась. С этого времени начался пересмотр истории ряда наук: философии, естествознания, литературоведения и, среди других, психологии. Процесс об этот затянулся на многие годы, но об этом сказано отдельно.

Корнилов умер в 1956 году. Я находился в это время в Китае и на его похоронах не был. Когда я приступил к исполнению обязанностей заведующего кафедрой психологии, зная, что 10 лет назад и на протяжении предшествующих более чем 30 лет кафедрой заведовал Корнилов, решил посетить его могилу. Я знал, что она на Новодевичьем кладбище. Мне дали координаты. Я вошел в главный вход, сделал несколько шагов по центральной аллее, которая шла прямо от входа, и, как мне объяснили, повернул направо, на узкую дорожку, прошел несколько шагов и остановился пораженный. Среди богатейших шикарных мраморных и гранитных памятников маленький земляной холмик, с дощечкой, где значилось: «профессор Константин Николаевич Корнилов» и годы рождения и смерти. Это могло только позорить психологическое сообщество. Кафедра обсудила этот вопрос и приняла решение устроить Всесоюзный сбор средств, а требовались средства немалые, для того чтобы установить памятник первому заведующему нашей кафедрой. Взялась за это дело научный сотрудник, а до этого аспирантка, Любовь Михайловна Цыпленкова. Сбор прошел успешно. Деньги — были. Мраморный памятник — заказан. Для того чтобы мы имели возможность выполнить все необходимые формальности, семья Корнилова передала мне права на этот участок. Они действительно получили в свое время деньги на похороны, но уж как-то так случилось, что им нашлось лучшее применение. Когда все документы были в порядке, сотрудник конторы подвел меня к участку и сказал: «Вот ваша могила. Вы можете ложиться в нее хоть завтра». Видимо, это была дежурная шутка, которая была в обороте Танатоса. Был сооружен памятник с соответствующей надписью, мы все сфотографировались около него, и некоторое время всей кафедрой поддерживали порядок на могиле, но через некоторое время я счел неудобным оставаться владельцем этой могилы и вернул документы и права родственникам покойного. Теперь им уже не требовались никакие затраты, и они охотно приняли от меня этот «щедрый дар».

Вспоминается разговор, который произошел уже через много лет после этого, уже в наши годы. Я рассказал эту историю, сообщил, что был владельцем могилы, участка, что я имел право похоронить по моему усмотрению рядом с Корниловым не только самого себя, но и кого угодно, и вообще представил эту историю в юмористическом свете, как собеседник нетерпеливо прервал меня: «А вы представляете, сколько сотен тысяч долларов стоит этот участок земли рядом с Главными воротами Новодевичьего? Неужели вы не жалеете, что так легко уступили его родственникам, не столь уж чтившим память своего отца или деда?» Пришлось ответить, что я никогда не торговал ни покойниками, ни могилами и никогда не стал бы заниматься подобной коммерцией. Однако мой собеседник, по-моему, не слышал. Он шевелил губами и, насколько я мог уловить, подсчитывал число 600-х «мерседесов», которые можно было бы приобрести в случае удачной сделки.

ГЛАВА 3

Психология: время реанимации (фрагмент университетской лекции по истории психологии)

Изменения в экономике и политике, которые произошли во время и сразу же после «горбачевской перестройки», не могли не сказаться на общей ситуации в российской науке вообще и на обществоведческих науках в частности. Это обстоятельство в полной мере касается психологии. Тоталитарное общество было заинтересовано в существовании лишь такой науки, которая отказывалась от анализа психологии человека, чтобы тем самым не привлекать внимание к реальному состоянию дел в общественной жизни. В этой связи уже во второй половине 80-х годов в российской психологии начинают давать о себе знать новые подходы и тенденции, свидетельствующие о начале коренной ломки привычных стереотипов.

Официальной идеологической базой психологии советского периода был марксизм-ленинизм. Отход психологии от этих казавшихся незыблемыми и несокрушимыми позиций при всей его неизбежности и радикальности не имел революционного характера и был скорее эволюционным движением, которое за истекшее десятилетие привело к необратимым изменениям в содержании и структуре научного знания.

Сравнительно легко и безболезненно прошло освобождение от традиционной марксистской атрибутики, которая пронизывала все выходившие из печати психологические книги и статьи на протяжении 50–60 лет в СССР. Ни одна монография, ни один вузовский учебник не мог быть опубликован без обязательного набора цитат и ссылок на труды «классиков марксизма-ленинизма». По существу, это были инкрустации, не драгоценности научной мысли, а подделки, подобно тому как бриллиант заменяется даже не фионитом, а просто гранеными стекляшками. Конечно, случалось, что цитата была к месту, и устранять ее не было необходимости — далеко не все, что можно было извлечь из трудов «классиков марксизма-ленинизма», нельзя было рассматривать как популяризацию, а иногда и подкрепление в соответствующем месте текста. Попросту говоря, произошло уравнивание той или иной цитаты из трудов Маркса или Энгельса и соответствующих выдержек из работ Канта, Гегеля, Владимира Соловьева, Бердяева и других. Навязанные приоритеты утрачивали свою определяющую роль.

Преодолеть эти начетнические штампы не представляло труда в связи с тем, что при их исключении из текста той или иной публикации серьезных содержательных изменений в нем не происходило. Дело в том, что все эти дежурные клише имели для авторов значение сугубо ритуальной идеологической защиты от

цензурного контроля. Когда необходимость в подобной страховке отпала, эти цитаты и ссылки оказались попросту излишними.

Времена изменились. Я помню, как в начале 50-х годов меня поучал сотрудник журнала «Вопросы философии» Александр Петрович Белик: «Вы должны писать так, чтобы каждый абзац вашей статьи либо включал цитату из трудов классиков марксизма, либо мог быть подтвержден их трудами». Самое забавное состоит, во-первых, в том, что все подобные поучения начинались предупреждениями о необходимости не допускать «начетничества и догматизма». Во-вторых, при том что воспитывающий меня сотрудник редакции знал, как надо писать философские статьи, он все-таки стал жертвой борьбы с теми же самыми «начетничеством и догматизмом». Еще долго в критических статьях в 50-е годы использовали штамп: не допустить в философию «беликовщину».

Несопоставимо большие трудности были связаны с постепенным изменением менталитета психологического сообщества, которое десятилетиями формировалось с опорой на убежденность в том, что единственной верной, правильной и надежной основой плодотворного развития психологической науки является марксизм. Даже самое осторожное сомнение в истинности этого тезиса решительно и жестоко подавлялось. Однако было бы ошибкой считать, что только лишь страх был причиной безоговорочного принятия этого мировоззренческого принципа. Нет оснований предполагать, что самые известные психологи, в том числе Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, не говоря уж о других ученых (среди которых и автор этой книги), были неискренни в своей постоянной ориентации на идеи марксизма. Рассказывают, что в начале 30-х годов замечательный психолог Л. С. Выготский сокрушенно говорил: «Они не считают меня марксистом!» Его огорчение явно не было показным, а вполне отвечало собственному самовосприятию. Разумеется, это было во многом, если не главным образом, результатом мощной многолетней идеологической обработки, следствием «промывания мозгов», жертвой которого оказались столь многие в России. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что многие диалектические идеи, идущие от Гегеля и Маркса, были конструктивным началом разработок, к примеру, психологии развития, основ детской и педагогической психологии и других разделов и отраслей науки, о чем уже было сказано.

Ошибка психологов в годы советской власти была не в том, что они обращались к трудам Маркса и Энгельса, а в том, что они стремились видеть в этих трудах единственный источник философской мысли, все определяющий в психологической методологии и теории. Этот подход предельно сужал философские основы психологии, вынуждал игнорировать и даже огульно отрицать все, что не получало подтверждения в трудах «классиков марксизма», которые в итоге закрывали собой весь огромный спектр философских учений, которые могли способствовать развитию психологической мысли.

Впрочем, где и как можно было разглядеть этот спектр? В библиотеках, в том числе и научных? Там труды классиков мировой философии XX столетия ни в каталогах, ни на полках найти нельзя было. Они были заключены в «спецхран». Для того чтобы получить туда доступ, надо было иметь соответствующую бумагу с места работы. А там возникал вопрос: «Почему вас интересуют труды этого “заведомо реакционного” ученого?» Но вот вы, наконец, объяснили, зачем это нуж-

но, и необходимая справка получена. В спецхране «Ленинской библиотеки» вас предупреждают: «Вы не имеете права использовать книги, находящиеся в нашем отделе, для цитирования в открытой печати». «А если я буду цитировать с целью критики этих философов и психологов?» — «Это тоже недопустимо, — был ответ. — Любая цитата из трудов этих реакционеров и мракобесов является скрытой пропагандой их взглядов. Этот хитрый прием нам хорошо известен, и мы не допустим, чтобы он получил распространение». Кстати, таким образом, я прочитал труды по истории русской философии эмигрантов Лосского и Зеньковского «без права их цитирования». Но замечу, что в каждом спецхране был еще один спецхран. Попытка добраться до книг, к примеру, Троцкого или Бухарина могла окончиться тем, что любознательный читатель мог сам оказаться в «особого рода спецхране», причем на длительный срок.

Следует иметь в виду, что при всей оправданности и необходимости развернувшейся в настоящее время деидеологизации психологии были бы ошибочными попытки сбросить Маркса «с парохода современности», отказаться от обращения к его трудам только на том основании, что коммунистическое руководство сделало все возможное, чтобы превратить его в икону, а его работы в некий «Новый завет». Маркс — один из выдающихся мыслителей XIX века, и не его вина, что в XX столетии он был канонизирован догматиками, оказавшимися у власти.

В настоящее время деидеологизация науки сняла ограничения с творческой мысли психологов. Однако нельзя рассчитывать на то, что это обстоятельство само по себе обеспечит формирование теоретической базы для развития психологической науки. Деидеологизация психологии для этого необходимое, но еще не достаточное условие. Это только начало перестройки психологии, но никак не ее завершение.

Едва ли не до середины XX века умы русских мыслителей волновала проблема «кому и как разрабатывать психологию». В общем-то, странная постановка вопроса. Казалось бы, ответ простой: психологам! А кому же еще? Однако на роль учителей и разработчиков психологической науки в разные времена претендовали теологи, философы, естествоиспытатели и, прежде всего, физиологи, а в советские времена — партийные деятели. Может быть, в этом одна из причин, почему так нескоро сложились условия для построения основ теоретической психологии, создания системы психологических категорий, своего рода категориальной «матрицы»[1].

Только в самом конце 90-х годов нами сделаны первые шаги в этом направлении. Пусть это звучит несколько неблагозвучно, но воспользуемся стародавней мудростью и скажем философам — философово, физиологам — физиологово, а психологам — психологово. Так теперь и будет.

Прямым следствием деидеологизации психологии стала реконструкция ее историографии, т. е. переоценка тех характеристик психологических теорий и взглядов психологов, которые нашли в недавнем прошлом отражение в трудах историков науки[2].

---

[1] *Петровский А. В., Петровский В. А.* Категориальная система психологии // Вопросы психологии. 2000. № 5. См. об этом главу 6 в этой книге.

[2] *Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Теоретическая психология. — М., 2001.

Можно указать на некоторые специфические особенности реконструкции историографии в конце XX столетия. Идеологически заданная двухмерная схема на протяжении многих лет вынуждала историка весь массив психологических учений и научную деятельность психологов разнести по двум философским «ведомствам» — материализму и идеализму. Далее все то, что было отнесено к идеализму, глобально характеризовалось как «реакционное», «консервативное», не говоря уже об использовании более беспощадных эпитетов явно ругательного свойства. Несколько по-иному обстояло дело с материализмом. Если труды и взгляды ученого оказались отнесенными к механистическому материализму, то это отчасти выступало в роли своего рода индульгенции, позволявшей приступить к изложению его воззрений, разумеется, при заведомо критическом их рассмотрении. Это, к примеру, характерно для оценки работ В. М. Бехтерева. Что касается трудов, которые были воплощением идей диалектического и исторического материализма, то они априорно приобретали «знак качества». Таким образом, картина исторического развития науки предельно упрощалась и обеднялась, содержательный анализ подменялся наклеиванием идеологических ярлыков.

Негативные результаты подобного разведения по двум «враждующим лагерям» не только лишали возможности обратиться к трудам и деятельности ученых, заклейменных печатью идеализма (С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, Г. Г. Шпета и др.), но создавали трудно преодолимые препятствия при анализе трудов многих психологов, чье научное творчество не поддавалось стремлению втиснуть его в двухмерную схему, с помощью которой описывалась «идеологическая борьба на два фронта». Это относится к оценке Н. Н. Ланге, А. Ф. Лазурского, Д. Н. Овсянико-Куликовского, М. М. Рубинштейна и многих других. В самом деле, историку психологии, когда он обращался, допустим, к работам Ланге или Лазурского, было крайне трудно отнести их к тому или иному философскому лагерю. Приходилось прибегать к недозволенным приемам, не украшающим исследователей. К примеру, когда я излагал психологические воззрения Н. Н. Ланге, который по существу сделал первые шаги в направлении конструирования теоретической психологии, я не делал акцент на этом важнейшем аспекте его научного творчества. Нет! Я отыскивал «доказательства», что он был знаком с «гениальной» работой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Отсюда следовало, что Ланге, при всей неопределенности его философского кредо, все-таки мог быть отнесен если не к числу последователей диалектического материализма, то хотя бы в разряд «сочувствующих». Не менее легкой задачей представлялось акцентирование внимания на связи, к примеру, идей В. Н. Мясищева и А. Ф. Лазурского, который фактически был его учителем. Мясищев стоял на позициях диалектического материализма, а сколько-нибудь определенное заключение о «философской платформе», на которой стоял А. Ф. Лазурский, сделать было трудно. И уж совсем тяжкой задачей для историка была интерпретация теоретических воззрений И. П. Павлова. С одной стороны, Павлов должен был быть в теоретическом плане безгрешен, а с другой — непонятно было, как оценить его вылазки в сферу социальной психологии, где он выдвигал, к примеру, идеи о наличии «рефлекса цели» и «рефлекса свободы». Рассуждение о «рефлексе свободы» выводило историка на более чем скользкий, по тем временам, путь. При этом полагалось забыть о фрондировании великого ученого, выступившего в Политехническом музее на

тему «О некоторых применениях учения о физиологии высшей нервной деятельности», изрядно напугавшего партийных вождей. Что касается истории педологии, психотехники и других наук, подвергшихся репрессированию, которые полагалось предать забвению, то об этом уже было сказано в первой лекции.

Отказ от примитивной схематизации истории психологии — важная тенденция развития наук в канун третьего тысячелетия.

Реконструкция историографии российской психологии должна осуществляться, в первую очередь, усилиями самих историков, вместе с тем она тесно связана с пересмотром взаимоотношений отечественной и зарубежной психологии.

Если до начала 30-х годов все еще сохранялись контакты российских психологов с их зарубежными коллегами, то сразу же после года «Великого перелома» эти связи стали очень быстро истончаться. «Железный занавес» опустился в середине 30-х, наглухо закрыв возможность включения трудов психологов, физиологов, социологов в контекст развития мировой науки. В работе Международного психологического конгресса в Нью-Хэвоне (1929) принимала участие немногочисленная, но представительная делегация из СССР (И. П. Павлов, А. Р. Лурия, И. Н. Шпильрейн, С. Г. Геллерштейн, И. С. Бериташвили, В. М. Боровский). Это был последний «массовый» выезд советских психологов на международный психологический форум. На протяжении последующих двадцати пяти лет психология в России стала «невыездной». За этот достаточно длительный период психология не только оказалась полностью отрезана от общего потока научной мысли, но и подвергалась гонениям за малейшие попытки обратиться к иностранным источникам, литературе, концепциям, зарубежному опыту. Изоляционизм приобрел особо жесткие черты на рубеже 40-х и 50-х годов в период «разоблачительных» кампаний против «безродного космополитизма», «преклонения перед иностранщиной», «антипатриотизма» и др. Только в 1954 году появились первые признаки позитивных сдвигов. Так, в Монреаль приехала делегация из СССР, в которую входили А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, Б. М. Теплов, А. В. Запорожец, Г. С. Костюк, А. Н. Соколов, Э. А. Асратян. С этого времени визиты психологов на Запад участились, прием зарубежных ученых стал возможным.

Кульминационным пунктом в этом процессе явилось проведение в Москве в 1966 году XVIII Международного психологического конгресса, на который приехали крупнейшие психологи Западной Европы и Америки. После этого события международные контакты советской психологической науки приобрели систематический характер. В дальнейшем они уже не прерывались. Общество психологов СССР вошло в Международный союз психологов. Оказалось возможным постепенное освоение идей, получивших развитие на Западе и фактически неизвестных психологам в Советском Союзе из-за невозможности получить доступ к иностранной периодике и книгам.

Таким образом, могло сложиться впечатление, что сдвиги в сфере взаимодействия с мировым психологическим сообществом обрели принципиально новый характер. Однако это утверждение не будет в должной мере точным.

Только со второй половины 80-х годов оказался возможным кардинальный поворот, снявший идеологическое «табу», которое столько лет перекрывало путь к включению отечественной психологии в общий поток мировой психологической науки.

Основная тенденция, которая в этом отношении характеризует конец XX столетия в российской психологии, — это отказ от принципиального противопоставления ее зарубежной психологической науке. Отказ от аксиоматического утверждения, что «советская марксистская психология» — единственно верное и перспективное направление для развития науки, привел к изменению ситуации в международных связях российских психологов. Если в недавнем прошлом практически вся зарубежная психология была заклеймена как «буржуазная наука», а иной раз как «служанка империализма», то теперь эта контраверза «советская—буржуазная» полностью вышла из научного употребления. Так, например, ученые Москвы и Петербурга, развивающие гуманистическую психологию в духе Роджерса или Франкла, уже не опасаются, что им приклеят ярлыки пособников реакционной науки, «пропитанной тлетворным духом чуждой культуры и идеологии». Именно эти фундаментальные изменения позволяют надеяться, что российская психология укрепит свои позиции и в международном сообществе психологов.

Построение совершенной и единственно правильной психологической науки в одной отдельно взятой стране потерпело неудачу. Это сейчас осознано всеми, и именно это открывает возможности для плодотворного развития психологического сообщества.

Развитие психологии в годы советской власти жестко определялось руководящей ролью коммунистической партии. Ее вмешательство в жизнь научного сообщества началось с конца 20-х годов и приобрело характер абсолютного диктата к сороковым годам. Отдел науки ЦК отслеживал все отклонения от «генеральной линии» партии, которые обнаруживались или мерещились ему в социальной сфере. Приоритеты в области не только общественных, но и естественных наук, как это было показано выше, определялись специальными постановлениями ЦК. Он же мог объявить любое научное направление, любую отрасль знания реакционными, «враждебными интересам рабочего класса», «лженаукой». Это в полной мере сказалось на судьбе психологии в СССР. Она не менее двух десятилетий находилась, как было рассмотрено выше, под дамокловым мечом возможной полной или частичной ликвидации.

Партийные чиновники среднего уровня определяли судьбу каждого научного учреждения. Именно они, а не официальные руководители этих учреждений и организаций, решали все вопросы в сфере управления наукой: партаппарат диктовал кого назначать, а кого снимать с должности директора научно-исследовательского института, кого послать на конференцию за рубеж, а кого сделать навсегда «невыздным», кому быть редактором журнала, какую книгу отметить премией, а какую подвергнуть уничтожающей при всей ее фактической необъективности критике. На протяжении пятнадцати лет, начиная с конца 60-х годов, абсолютной властью в психологии обладал ее «куратор» в ЦК КПСС В. П. Кузьмин, даже не психолог по специальности. Без его санкции ничего значительного в среде психологов не могло произойти.

У Б. Пастернака мы читаем:

> Кому быть живым и хвалимым,
> Кто должен быть мертв и хулим
> Известно у нас подхалимам
> Влиятельным только одним.

В научных учреждениях такой же абсолютной властью на своем уровне обладали парткомы, которые получили право «контроля над действиями администрации».

Позволю себе воспроизвести ситуацию на одном из заседаний Президиума АПН СССР, в котором я участвовал, будучи академиком-секретарем Отделения психологии.

> «Верховодил» на этом заседании отнюдь не президент Академии, а наш «куратор» из Сектора школ аппарата ЦК КПСС. На заседании пересматривался состав руководителей лабораторий институтов, подведомственных Отделению психологии. «Споткнулись» на заведующей лабораторией Института дефектологии Марии Семеновне Певзнер, крупнейшем специалисте в области детской психоневрологии. Профессор Певзнер с полным правом могла быть названа «величиной общесоюзного значения». «Куратор», которому явно не понравилась ее фамилия, возразил против сохранения ее в качестве заведующей лабораторией. Президент отмалчивался. Другие члены Президиума, глядя на куратора, сидевшего рядом с президентом во главе стола, в свою очередь, никак не реагировали на происходящее. Тогда я позволил себе явно запрещенный прием. Я поочередно показал пальцем на каждого из сидящих за столом и сказал: «Не думаете ли вы, товарищи, что кому-нибудь из вас понадобится обратиться за помощью в связи с какими-либо нарушениями психики ваших детей или внуков. Не будет Марии Семеновны — не к кому будет обращаться». Последовало гробовое молчание. Это был, что называется, «удар ниже пояса». И «синклит», в том числе и наш «куратор», капитулировал. Профессор Певзнер осталась работать в Институте.
>
> Месяца через два или три позвонил мне все тот же «куратор» и сказал, что к нему обратился второй секретарь ЦК (сейчас уже не помню, какой среднеазиатской республики) с просьбой указать специалиста, способного дать консультацию в связи с некоторым психоневрологическим расстройством, обнаруженным у его сына. Я не отказал себе в удовольствии ответить: «Конечно, конечно, у нас есть профессор Певзнер. Мы с вами, как вы помните, ее не уволили». В трубке молчали. Я сказал, что сам переговорю с Марией Семеновной.

После случившегося в конце 1991 года приостановления деятельности КПСС ситуация резко изменилась. Парадигмальные изменения, которые произошли в психологии на рубеже 80–90-х годов, в качестве своего прямого последствия имели обращение ее к социальной практике. У психологов исчезли опасения, что правда, которую могут нести их изыскания, не понравится кому-то из власть предержащих. От психологии ждут, и не без оснований, что она предложит ориентиры для понимания и построения жизни общества и откроет то, что практически не доступно другим отраслям знаний.

К концу XX века в России психология становится востребованной наукой, с большим или меньшим успехом отвечающей вызову времени.

Часть 2

ПСИХОЛОГИЯ НА ОБОЧИНЕ «ОСОБОГО ПУТИ»

ГЛАВА 4

А все-таки она движется!

Перечитал первую часть книги и осознал, что, пожалуй, ввел в заблуждение читателей, которые могли ожидать, что получат достаточно полную информацию о развитии психологии XX века в России. И в самом деле, история психологии — это не только судьбы ученых, иногда трагические; не только сложные отношения научного сообщества с властью, не раз ставившей ее на грань полного уничтожения или оскопления. И это не только использование учеными, иногда успешное, иногда неуспешное, тактики выживания, — перипетии борьбы с удушающим науку временем. О самой же науке рассказано было крайне мало. И это так. Разумеется, наилучший способ уйти из-под огня обоснованной критики — это сослаться на то, что мною было написано немало книг, где подробно излагается история российской психологии.

Однако мы все-таки рискнем хотя бы вкратце, применительно к ограниченному кругу вопросов, рассказать о движении идей внутри отдельных отраслей психологического знания. Но здесь автора ждут немалые трудности. Сама стилистика повествования должна быть изменена: язык науки теряет живость, текст иссушается... Многообразие жанров, представленных выше, навряд ли удастся мне сохранить. А уж если читатель — не профессиональный психолог, то почему бы и не возмутиться ему: «Неужто так трудно обойтись без этого “птичьего языка”?!»

Впрочем, людей, понимающих психологию (или «в» психологии), не так уж и мало. В любом случае, хотелось бы рассчитывать на интерес и внимание, как принято писать в аннотациях, вдумчивого читателя...

Задача, поставленная в этой части книги, сколь скромной бы она не была, определяется названием книги: каковы бы ни были условия, в которые эпоха ставит психологию (впрочем, и другие науки), движение мысли исследователей не прерывается. «Рукописи не горят», и, продолжим, продуктивные идеи — не умирают. Проходит время, и они обретают новую жизнь. История науки не знает нескончаемой стагнации.

Я счел бы совершенно обоснованным еще одно недоумение, которое может возникнуть у читателей книги. В предыдущей части рассказывается о том, что психология в России пошла своим особым путем, оказавшись в стороне от дорог, по которым продвигалась вперед наука в других странах (и где, надо думать, накапливался основной фонд психологических знаний). Меня могут спросить: «А было ли место для поиска истины при движении науки по “особому пути”, когда главным было доказать непогрешимость идеологических основ советской психологии и разоблачить принципиальную порочность психологии “буржуазной”?» В конечном счете, читатель мог бы воскликнуть: «А был ли мальчик?!» — читай: «Была ли наука вообще?» — коль скоро ученых преследовали, а им, в свою очередь, приходилось каяться в своих идеалистических, механистических и про-

чих «ошибках», «заблуждениях», а то и «преступлениях», под «дамокловым мечом», о котором шла речь в этой книге ранее?

В самом деле, все было именно так — идеология «правила бал». Так, — если иметь в виду политическую историю психологии. Но при этом мы по существу выделяем только один аспект исторического исследования, оставляя в стороне другие, гораздо более важные стороны движения науки. Для многих ученых часто не находилось места на «особом пути». Они оказались на «обочине» этого утрамбованного и тщательно очищенного тракта. Однако там, в стороне от «столбовой дороги советской науки», они могли позволить себе уклониться от давления идеологем и директив, развивая свое собственное научное видение и понимание.

Сформулированный нами выше постулат психологической двойственности исторического времени[1] обнаруживал свое действие не только в быту, повседневности, но и в жизни научного сообщества.

Интенсивная работа шла в лабораториях, на кафедрах вузов, оставляя следы в рукописях, которые не всегда становились книгами, но с течением времени оказывались общедоступными, многоопределяющими в исследовательской практике, и в особенности — теоретических изысканиях[2].

Именно там, на отнюдь не обширном плацдарме, ускользающем от внимания идеологических надзирателей, развивались: культурно-историческая теория Л. С. Выготского, теория установки Д. Н. Узнадзе, представления о модели потребного будущего Н. А. Бернштейна, концепция ориентировочной основы умственных действий П. Я. Гальперина, учение о динамической локализации высших психических функций А. Р. Лурия, теория формирования психических способностей в филогенезе В. А. Вагнера и многие другие. Таким образом, именно на «обочине» творилась подлинная история психологии.

Не обращаясь к перечисленным выше классическим образцам достижений науки, ограничусь только несколькими фрагментами исследований, которые осуществлял я совместно с моими коллегами. Это — социальная психология малых групп, психология развивающейся личности и теоретическая психология.

По поводу развития творческой мысли ученых, каковы бы ни были идеологические запреты и ограничения и прежде и теперь, можно воскликнуть, перефразируя слова Галилея: «А все-таки она движется!»

---

[1] См.: «Введение. Время в психологическом измерении».

[2] *Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Теоретическая психология. — М., 1991.

ГЛАВА 5

Социальная психология «без всякой политики»

1. Социальная общность. Не общий взгляд

Боюсь, что на слух читателя предложенное выше название главы может показаться абсурдным. Как если бы было сказано «Теоретическая физика без всякой математики». В самом деле, какая же еще отрасль психологии в большей степени должна быть политизирована, чем социальная психология? Кажущаяся нелепость названия скорее более, чем менее резала бы слух, к примеру, в начале 60-х годов прошлого века. Помню, мне позвонила родственница, работавшая в Центральной библиотеке по народному образованию имени К. Д. Ушинского, и попросила помочь ей решить вопрос, поставленный перед ней библиотечным начальством: куда ставить каталожные карточки, в которых отражена проблематика социальной психологии? Туда, где размещаются основные отрасли психологии: общая, педагогическая, инженерная и др., или поместить их под рубрикой «буржуазная психология»? Я взял на себя смелость не относить «социальную психологию» к «буржуазной» и найти ей место среди других разделов психологической науки. Сейчас ситуация выглядит несколько комичной, но 45 лет назад это была серьезная проблема, имеющая определенный политический привкус.

Социальной психологией я стал заниматься как раз в эти годы. И в центре моего внимания была проблема коллектива. Возможно, некий историк науки, кстати, такие находились уже, сразу же делает вывод: автор обратился к социальному явлению, вполне идеологически выдержанному. Тогда газеты, да и научные публикации пестрели словами: «Трудовой коллектив N-ского предприятия взял на себя повышенные обязательства в связи...» или: «Товарищ В., поначалу попытавшийся противопоставить свое мнение позиции коллектива, был вынужден признать свои ошибки». Таких примеров множество. Коллектив может быть только в социалистическом обществе, за рубежом люди в коллективы не объединяются, если только не вступают на путь революционной борьбы. Словом, заниматься проблемой коллектива, казалось, можно было, только твердо ступив на «особый путь» развития психологии — под знаменем марксизма. Социальной психологией можно было заниматься только путем отрицания «буржуазной психологии», показывая ее идеологическую неприемлемость и игнорируя ее конкретные успехи в области исследовательской практики.

Созданная мною лаборатория сделала попытку заняться проблемами социальной психологии, и в частности коллектива, не сходя с той «символической обочины», о которой шла речь. Мне с самого начала было ясно, что в равной мере можно

сказать «Коллектив советских космонавтов» и «Коллектив американских астронавтов». Я не видел какой-либо разницы в этих обозначениях.

Задача заключалась в том, чтобы найти психологические механизмы, которые определяют существование коллектива: его структуру, складывающиеся в нем межличностные отношения, оказывающие влияние на эффективность совместной деятельности и опосредуемые самой этой деятельностью. Именно тогда было положено начало создания теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах разного уровня развития.

Конечно, сейчас мы легко можем заменить термин «коллектив» какими-нибудь более созвучными времени словами (к примеру, «команда» и др.), но это ничего не меняет в его психологических характеристиках и относится исключительно к словоупотреблению. Состояние личности в коллективе, команде, словом, деятельной социальной общности, можно было исследовать, избегая каких-либо политических включений. В этом отношении оказывается справедливым название данного раздела книги.

Но это, конечно, не означает, что вся социальная психология, как научная отрасль, может быть понята за пределами обсуждения ее политических детерминант. Третья часть настоящей книги посвящена главным образом политическим аспектам социальной психологии, хотя и не оставляет в стороне тот круг вопросов, о котором пойдет речь далее в этой главе.

Основы социальной психологии закладывались первоначально под влиянием гештальтпсихологии, бихевиоризма и психоанализа. Это влияние ощущалось и в последующей методологической направленности работ психологов.

Вторая мировая война активизировала исследования процессов группового развития. Сплоченность и боеспособность групп, устойчивость их структуры при действии сил, направленных на разрыв и разрушение внутригрупповых связей, эффективность деятельности групп в зависимости от типа или стиля руководства — все это явилось предметом экспериментального изучения. Группы (формальные и неформальные, первичные и вторичные и др.) стали объектом особого внимания, а изучение межиндивидных отношений — ведущим направлением в социальной психологии.

Исследования групповых феноменов вышли за рамки социальной психологии и стали широко использоваться в управлении промышленностью. Эти феномены учитываются при решении сложных вопросов подготовки кадров, научной организации труда, комплектовании различных человеческих общностей. В центре исследований оказалась и малая группа — своеобразное промежуточное звено в системе «личность—общество». По отношению к личности малая группа рассматривалась как та социальная среда, которая жестко детерминирует поведение и особенности человека, а по отношению ко всему обществу малая группа выступала, таким образом, аналогом, своеобразной моделью общественных отношений.

Соответствующий раздел социальной психологии получил название «исследование малых групп», или «групповая динамика».

К. Левин видел источники и движущие силы развития взаимоотношений людей в их социальной жизни. Он рассматривал потребности как стержень направленности личности, называя их главным генератором, источником активности человека. Центр внимания переместился на изучение эффективности группового

взаимодействия, лидерства, коммуникаций, распространения влияния и создания авторитета. К. Левин применял понятия «силовое поле», «напряженность», «вектор», заимствованные у физики, пытаясь применить ее законы к человеческому поведению.

На общее развитие групповой динамики как особой области социальной психологии оказали в наши дни несомненное влияние не только теория поля К. Левина, но и иные социально-психологические концепции, связанные с именами Дж. Морено, Л. Фестингера и др.

Одна из характеристик особенностей развития социальной психологии за рубежом, в первую очередь в США, — огромное количество накопленного эмпирического материала (библиография только по прикладным аспектам социальной психологии достигала к концу 70-х годов в США свыше 10 000 наименований).

В 60-е годы требования научно-технического прогресса в нашей стране способствовали интенсивному изучению социально-психологической проблематики на производстве, в научных коллективах, школе, а также в других общностях, объединенных по каким-либо специальным критериям. В центре внимания психологов оказалось понятие «коллектив». Большинство авторов, работающих в этой области, рассматривали коллектив как определенный вид малой группы.

К началу 70-х годов в качестве «зон роста» выделились исследования:

- в области групповой дифференциации, проблемы групповой совместимости и сплоченности — В. В. Шпалинский;
- некоторые вопросы социальной перцепции (главным образом восприятие человека человеком) — А. А. Бодалев и др.;
- проблемы поведения личности в условиях группового давления (проблема конформности) — А. В. Петровский, В. А. Бакеев и др.

Становилось очевидным, что правильное понимание сущности коллектива в социологическом плане само по себе не может еще обеспечить решения многочисленных конкретно-психологических задач, и главным образом задач, связанных с дифференциальной диагностикой групп и коллективов, качественным и количественным исследованием их важнейших параметров. Собственно социально-психологическая задача научной интерпретации межличностных взаимоотношений в коллективе оборачивалась методической проблемой: осознавалась необходимость разработки и использования адекватных экспериментальных методик изучения группы и личности в группе. Дефицит экспериментальных приемов остро ощущался всеми. Крайне обострился интерес исследователей к измерительным методикам, которые позволили бы при изучении процессов групповой динамики оперировать количественными характеристиками в дополнение к преимущественно описательному подходу к социально-психологическим феноменам. В этих обстоятельствах целый ряд социально-психологических лабораторий Москвы, Ленинграда, Минска и других научных центров, не прекращая поисков своих путей решения вставших перед ними проблем, обратились к работам американских и европейских психологов в расчете обрести необходимый экспериментальный инструментарий. Что же могла в этом отношении дать им западная наука?

В широком спектре американских социально-психологических исследований заметно выделяются многочисленные работы, направленные на изучение малых

групп, контактных общностей, где осуществляются взаимоотношения и взаимодействия индивидов. Если оставить в стороне весьма длинную предысторию, то можно сказать, что начало такого рода исследованиям положил состоявшийся в 1946 году в Гарварде семинар по малым группам, который выделил и соответствующую проблематику, и заинтересованных в ее разработке психологов (Р. Бейлс, А. Зандер, Д. Картрайт и др.).

Четко очерченная область экспериментального изучения, изобретательность в создании методических приемов и, наконец, многообещающая перспектива понять механизм взаимодействия людей в процессе совместной производственной деятельности, перспектива, которая привлекала к себе особый интерес и, соответственно, инвестиции предпринимателей, — все это способствовало превращению данной области социальной психологии в одну из наиболее популярных.

Однако что же представляла собой та традиционная психологическая теория, на которую опирались многочисленные исследования в сфере малых групп? Как уже было выше отмечено, малая группа рассматривалась в свете отношений преимущественно эмоционального характера (симпатия, антипатия, безразличие, изоляция, податливость, активность, подчинение, агрессия и т. д.). Едва ли не главным объективным ее критерием признавалась частота взаимодействий, с которой оказываются связанными и многие другие параметры группы.

С точки зрения анализируемой теории малая группа есть группа лиц, связанных друг с другом в течение какого-то периода (Г. Хоманс); некоторое объединение взаимодействующих людей, находящихся в непосредственном контакте (лицом к лицу) или серии контактов, причем так, что у каждого члена группы существует перцепция (восприятие) всех остальных (А. Хейр). Приведенные и другие близкие к ним определения отличались тем, что в них, с одной стороны, черты малой группы оказывались нарочито психологизированными, выхваченными из более широкого социального контекста, который и придает статус реальности всякой действующей группе (если только речь идет не о ее лабораторных эрзацах), а с другой стороны, собственно «психологическая» часть определения сводилась к указанию на поверхностные связи и отношения в группе и была заведомо упрощенной. Такая трактовка малой группы, очевидно, не могла послужить основой для построения адекватной социально-психологической концепции группового взаимодействия.

Стремление во имя «чистоты» эксперимента отказаться от обращения к содержательной стороне деятельности группы и работать преимущественно с незначимым материалом, со случайными общностями, имеющими характер диффузных групп и людских конгломератов, вообще формализовать исследование вело к тому, что полученные в нем выводы оказывалось невозможным экстраполировать на реальные группы, объединенные общими и значимыми целями и ценностями. Если здесь допустима историческая аналогия, то можно напомнить неудачу, которая постигла в начале нынешнего столетия «экспериментальную дидактику» при попытке распространить действие некоторых закономерностей памяти, подмеченных немецким психологом Г. Эббингаузом при исследовании запоминания бессмысленных слогов (искусственных сочетаний речевых элементов), на запоминание учебного материала, который требовал осмысленного заучивания.

Методологическая критика распространенных попыток представить малую группу аналогом общества и подменить законы его исторического развития психологическими закономерностями в течение долгого времени не затрагивала центрального пункта теории групповой динамики — закономерностей функционирования малых групп и межличностных взаимоотношений в них. Более того, некоторые наши психологи полагали, что, в самом деле, можно трактовать эти закономерности как повсеместно действующие, пригодные для объяснения взаимосвязей людей в любых группах, в том числе и в особого типа сообществах — коллективах.

Для того чтобы найти теоретически адекватное решение данного вопроса, требовалось обнаружить скрытый механизм групповой динамики, некоторую «клеточку», «молекулу» межличностных отношений. Это позволило бы понять, что является действительной основой связей людей в группе вообще и в коллективе как особом ее виде в частности. Тогда можно было бы определить стратегию развития социальной психологии групп, изучения межличностных отношений вообще. Образно говоря, следовало решить, должна ли она катить свой камень на вершину пирамиды, уже воздвигнутой усилиями традиционной психологии, или следует разобрать эту пирамиду до основания и, заложив в него другой «краеугольный камень», строить новую.

Имея в виду эту общую методологическую задачу, мы обратились в конце 60-х годов к проблеме конформности индивида в группе, по поводу которой за последние 20–30 лет был накоплен большой экспериментальный материал и получены достаточно впечатляющие и сами по себе, казалось бы, не вызывающие сомнений выводы.

2. «Молекулы» межличностных взаимоотношений в группе

Бесспорен тот факт, что человек в группе оказывается объектом воздействия со стороны своего ближайшего окружения. С позиции традиционной социальной психологии, он в условиях группового давления может принимать суждения окружающих на веру и действовать в соответствии с тем, чего ждет от него группа, или, точнее, с тем, чего как ему кажется, должна ждать от него группа. Все это совершенно справедливо. И сама собой возникает дилемма, которую требуется решить в отношении каждого. Либо этот человек — конформист, на каждом шагу оглядывающийся на окружающих, чтобы не сделать чего-нибудь идущего вразрез с тем, что делают другие, соглашатель по самому своему существу, либо — нонконформист, негативист, бунтующий против всех социальных запретов и ограничений, действующий вопреки принятым нормам поведения и настояниям общества. Вот и выбирай: конформист ты или нонконформист? — третьего не дано; на этом выборе настаивали все социальные психологии как в нашей стране, так и за ее пределами.

Казалось бы, логика на их стороне: дихотомическое деление, закон исключенного третьего...

Однако так ли это в действительности? Положим, хиппи в 60–70-е годы, бунтующие против общепринятого порядка, — нонконформисты? Что это был, как говорят, протест и что их действия шли вразрез с общественными нормами поведения — очевидно. Но столь же очевидно и иное: что хиппи ничуть меньшие конформисты, чем обычные добропорядочные англичане. Все эти молодые люди были жестко связаны обязательствами и требованиями с социальной группой, образующей их микросреду. И, в конечном счете, их экстравагантный наряд (лохмотья, допотопные продавленные цилиндры и т. д.) был не менее строго регламентирован и узаконен соответствующим обычаем, чем смокинги, фраки и дамские вечерние туалеты в светском обществе.

На XIX Международный психологический конгресс (Лондон, 1969) мною был представлен доклад, который назывался «Конформизм и коллективизм»; с него, собственно, и началось наше исследование личности в группе.

Начиная с экспериментов С. Аша и М. Шерифа (40-е гг., США) считалось установленным, что под влиянием давления группы, по меньшей мере, треть индивидов меняет свое мнение и принимает навязанное большинством, обнаруживая нежелание высказывать и отстаивать собственное мнение в условиях, когда оно не совпадало с оценками остальных участников эксперимента, т. е. проявляя конформность. Индивид, находясь в условиях группового давления, может быть либо конформистом, либо нонконформистом. Все дальнейшие исследования носили характер уточнения этого вывода. Выяснялось, усиливается ли конформность при увеличении группы; как сами испытуемые интерпретируют свое конформное поведение; выявлялись половые и возрастные особенности конформных реакций и т. д.

Указанная альтернатива оборачивалась вполне определенной педагогической дилеммой: либо видеть смысл воспитания в возможности личности противостоять воздействию социального окружения, либо — воспитывать индивидов, склонных всегда соглашаться с остальными, не умеющих и не желающих противостоять влиянию группы, т. е. конформистов. Очевидная неудовлетворительность подобной постановки вопроса наводила на мысль о ложности исходной альтернативы. Очевидно, в самом понимании сущности взаимодействия личности и группы крылась некая серьезная методологическая ошибка, заводящая психолога в тупик. Выход из этой ситуации, по-видимому, состоял в том, чтобы пересмотреть сущность концепций групповой динамики и выяснить, насколько правомерно использование предложенной в ней модели группового взаимодействия.

Взаимодействие в группе, групповое давление... Казалось бы, групповая динамика учитывала общественный фактор. Однако на поверку оказалось не так. Что представляет собой группа, которая воздействует на индивида в классических экспериментах С. Аша, Р. Крачфилда, М. Шерифа? Это случайное объединение людей, то, что может быть названо «диффузной группой» (от латинского слова *diffusio* — «рассеивание», «разлитие», антоним «сплоченности»). По условиям эксперимента предусматривалось изучение чисто механического воздействия группы на личность, группы как простой совокупности индивидов, ничем, кроме общего места и времени пребывания, друг с другом не связанных.

Исследование конформности проводилось с помощью так называемой «подставной группы». В таком случае либо используется группа людей, сговорившихся-

ся дезинформировать «наивного» постороннего индивида, либо экспериментатор намеренно искажает информацию, поступающую от группы, с помощью контроля над линиями связи между группой и «обрабатываемым» индивидом. Методика предполагала решение задач, не значимых для испытуемых. Например, им предлагалось определять длину отрезков прямой линии, продолжительность кратких интервалов времени и т. д. Во всех этих экспериментах испытуемые могли прочувствовать давление, оказываемое подставной группой, от имени которой им предъявлялось якобы правильное решение предъявленной задачи. Об одном из таких экспериментах я рассказал в притче о «белой вороне»[1].

Эксперименты показали, что число лиц, в большей или меньшей степени проявивших конформность, весьма велико. Продолжив его, оказалось возможным выделить индивидов, обнаруживающих тенденцию к конформности. Так, если через некоторое время дать задание определить продолжительность минуты в отсутствие группы, то выявляются индивиды, которые со снятием группового давления возвращаются к своей первоначальной (правильной) оценке. Остальные же продолжают сохранять прежнюю позицию. Очевидно, что первые, не желая выделяться из группы, чисто внешне приняли ее позицию и легко отказались от нее, как только давление устранялось (тенденция к конформности), а вторые бесконфликтно приняли «общую точку зрения» и сохраняли ее в дальнейшем (тенденция к внушаемости).

Эти исследования, проводившиеся 40 лет назад в нашей лаборатории, исходили из концепции подчинения или сопротивления групповому давлению и повторяли основные сюжеты экспериментации Р. Крачфилда[2].

Критика традиционных концепций конформизма здесь, как и в работах других отечественных авторов, сводилась главным образом к утверждению о недопустимости экстраполяции экспериментально-психологических ситуаций, описанных С. Ашем, на жизнь общества в целом. Само по себе это было верно, но недостаточно для оценки концепции «группового давления» и выработки методологически адекватного отношения к ней. Здесь невольно затушевывалась упрощенная по своей сути трактовка взаимоотношений индивидов в группе, где личность оказывалась подчинена действию сил притяжения и отталкивания, а ее ценностно-ориентационная направленность если и признавалась, то реально не учитывалась.

Концепция «группового давления», позволяя выяснить, бесспорно, важные особенности некоторых форм взаимодействия личности с группой, вынуждала исследователей, хотели они того или нет, вращаться в замкнутом кругу представлений о том, что единственной альтернативой конформности является нонконформность, асуггестивность (устойчивость личности к внушению).

В группе людей, лишь внешне взаимодействующих друг с другом, притом по поводу объектов, не связанных с их реальной деятельностью и жизненными ценностями, иного результата и не приходилось ожидать — подразделение членов группы на конформистов и нонконформистов становилось неизбежным. Однако давало ли такое исследование конформности возможность сделать вывод о том, что перед нами была модель взаимоотношений в любой группе, в том числе

[1] См.: Часть 3, глава 7.
[2] Там же.

и в коллективе, деятельность в котором имеет личностно значимое и ценное для самой группы содержание?

В свете данного вопроса и становится понятным, что составляет суть концепции «малой группы», принятой исследователями групповой динамики. Взаимоотношения людей мыслятся ими как непосредственные, взятые безотносительно к реальному содержанию совместной деятельности, оторванные от социальных процессов, частью которых они на самом деле являются. В этой связи нами была выдвинута гипотеза, что в общностях, объединяющих людей на основе совместной, значимой не только для них самих, но и для их социального окружения деятельности, взаимоотношения людей опосредствуются ее содержанием и ценностями. Если это так, то подлинной альтернативой конформности должен выступить не нонконформизм (негативизм, независимость и т. д.), а некоторое особое качество личности, которое предстояло изучить экспериментально[1].

Гипотеза определила тактику экспериментальных исследований. Была сделана попытка сопоставить внушающее воздействие на личность неорганизованной группы и сложившегося коллектива. И совершенно неожиданно выяснилось, что внушающее влияние мнения случайно собравшихся людей на индивида проявляется в большей степени, чем влияние мнения организованного коллектива, к которому данный индивид принадлежит.

Но парадоксальность этого экспериментально обоснованного вывода лишь кажущаяся. Процедуры, предусмотренные методиками, которые направлены на выявление внушаемости, апеллировали преимущественно к неосознанным позициям и действиям личности, в то время как поведение человека в коллективе определяется его осознанными установками по отношению к каждому из членов коллектива. Хорошо зная коллектив в целом, многих его членов, индивид сознательно, избирательно реагирует на мнение каждого, ориентируясь на отношения и оценки, сложившиеся в совместной деятельности, на ценности, которые приняты и утверждаются всеми. Состояние же индивида в незнакомой, случайной, неорганизованной группе, в условиях дефицита информации о лицах, ее образующих, способствует повышению внушаемости (связь между неопределенностью ситуации и внушаемостью отмечалась многими авторами). Таким образом, если поведение человека в неорганизованной, случайной группе определяется исключительно местом, которое он выбирает для себя — чаще всего непреднамеренно — в градации «автономия — подчиненность группе», то в коллективе существует еще одна специфическая возможность — осуществление самоопределения личности. Личность избирательно относится к воздействиям данной конкретной общности, принимая одно и отвергая другое, в зависимости от опосредствующих факторов — оценок, убеждений, идеалов.

Таким образом, было выявлено, что дилемме «автономия — подчиненность группе» противостоит самоопределение личности в коллективе, а противоположность неосознаваемым установкам внушаемости составляют осознаваемые волевые акты, в которых реализуется самоопределение. Все это позволило сформу-

---

[1] Идея самоопределения личности была развита в книгах Э. Г. Исаевой, посвященных проблемам внутриличностной конфликтности и гармонизации.

лировать задачу новой серии исследований, которые были ориентированы на углубленный анализ самоопределения личности.

Если, используя методику «подставной группы», побуждать личность якобы от имени коллектива, к которому она принадлежит, отказаться от принятых в нем ценностных ориентаций, то возникает конфликтная ситуация, разделяющая индивидов, проявляющих конформность, и индивидов, способных осуществить акты коллективистического самоопределения, т. е. действовать в соответствии со своими внутренними ценностями.

Самоопределение личности возникает в том случае, когда поведение личности в условиях специально организованного группового давления обусловлено не непосредственным влиянием группы и не индивидуальной склонностью к внушаемости, а главным образом принятыми в группе целями и задачами деятельности, устойчивыми ценностными ориентациями. В коллективе, в отличие от диффузной группы, самоопределение личности является преобладающим способом реакции личности на групповое давление и потому выступает как формообразующий признак. Обратимся к конкретному эксперименту.

Сначала выявлялись общие позиции согласия или несогласия членов группы с предложенными этическими суждениями. Как правило, выделялась основная масса испытуемых, которые выражали согласие с общепринятыми нормами, отраженными в предложенных экспериментатором суждениях, и небольшая группа лиц, которые занимали негативистскую позицию. В дальнейшие эксперименты последняя группа не включалась, так как изучение негативизма как психологической проблемы не входило в задачи данного исследования. По отношению ко всем остальным возникал вопрос: что означает психологически их согласие с предложенными этическими суждениями? Является ли оно результатом подчинения групповому давлению, которое неявно выражено в самом факте общепринятости моральной нормы, содержащейся в суждениях экспериментатора? Другими словами, не свидетельствует ли их согласие о стремлении быть такими, как все, не выйти за рамки поведения, которое они не без основания приписывают другим членам группы как нормативное, ожидаемое, социально одобряемое? Не результат ли это конформности индивида в группе, как следует из экспериментов и теоретических обобщений традиционно мыслящих социальных психологов? Но можно было выдвинуть — что мы и сделали — диаметрально противоположное предположение: быть может, согласие есть не подчинение групповому давлению, не конформность, а результат совпадения ценностей личности с общепринятыми этическими ценностями, выраженными в предложенных суждениях? И тогда то, что внешне выглядит как конформность, несет в себе иной психологический смысл и выступает как подлинная альтернатива конформизму.

Последующий эксперимент был построен таким образом, чтобы давление группы (это была, разумеется, «подставная группа») направить вразрез с общепринятыми ценностями и создать конфликтную ситуацию, в которой должно было быть подтверждено или опровергнуто одно из выдвинутых выше предположений. Тем самым производилась экспериментальная дифференциация группы на конформистов (скажем сразу, что их оказалось меньшинство) и людей, которые обнаруживают самоопределение личности, беря на себя защиту общегрупповых ценностей даже в тех случаях, когда от них «отказывается» остальная часть группы.

Описанное исследование проводилось на материале этических ценностей. Однако самоопределение личности предполагает защиту не только нравственных ценностей, но также целей и задач, принятых группой в процессе совместной деятельности.

Итак, самоопределение личности по отношению к целям деятельности группы — такой же реальный феномен внутригрупповой активности, как и самоопределение личности в сфере нравственных ценностей, принятых коллективом.

Именно самоопределение личности, а не нонконформизм и не «устойчивость личности» в группе, за которыми могут скрываться негативизм и нигилизм по отношению к групповым требованиям, ожиданиям и воздействиям, составляет альтернативу конформизму.

Феномен самоопределения личности оказался той самой искомой «молекулой», в которой обнаруживаются важнейшие социально-психологические характеристики живого социального организма. Отношения между двумя или несколькими индивидами не могут быть во всех случаях сведены к непосредственной связи между ними. В группах, осуществляющих совместную деятельность, они неизбежно опосредствуются содержанием, ценностями и целями совместной деятельности.

Относительно непосредственные взаимоотношения могут быть зафиксированы в диффузной группе, в группе высокого уровня развития они имеют преимущественно опосредствованный характер, обусловленный совместной деятельностью.

И таким образом, нам приоткрывается целое поле ранее не исследованных феноменов. Имена у всех этих феноменов разные, но все-таки это члены единой фамилии. Каждый такой феномен — еще один аргумент в пользу того, что межличностные отношения в развитой группе (коллективе, команде) опосредствуются содержательными — деятельностными — отношениями, существующими в этой группе. Все эти феномены были предметом специальных психологических разработок, многочисленных публикаций и диссертаций, в разное время защищенных моими сотрудниками и учениками, легли в основу предложенной нами теории деятельностного опосредствования межличностных отношений[1].

Рассмотрим еще несколько феноменов-«молекул» межличностных отношений в группе.

Опосредствованность межличностных выборов. В дальнейшем, говоря об опосредствованности, я всякий раз буду иметь в виду деятельностные основания и детерминанты внутригрупповых явлений. Среди них и предпочтения, оказываемые одними членами группы другим. Стремление психологов, занимающихся социометрическими замерами, установить с помощью простой процедуры выбора симпатии и антипатии членов группы неизбежно сталкивает исследователя с проблемой скрытых оснований выбора. Оказывается, что искомые внутренние детерминанты выбора лишь отчасти могут быть описаны в терминах симпатии и антипатии. Такой взгляд, в отличие от традиционного, формируется при ис-

[1] *Петровский А. В.* Психологическая теория коллектива. — М., 1979; *Петровский А. В., Шпалинский В. В.* Социальная психология коллектива. — М., 1978; *Петровский А. В.* Личность. Деятельность. Коллектив. — М., 1982; *Петровский А. В.* Социальная психология. — М., 1987.

следовании так называемого «мотивационного ядра межличностных выборов»: мотивов, в силу которых личность предпочитает одних членов группы другим (В. А. Петровский, 1972). По сравнению с формальной картиной деловых связей, социометрическая развертка межличностных отношений в группе выступает в роли психологической структуры социальных связей; она сама становится формальной структурой по отношению к тем содержательным факторам, которые определяют психологическое единство группы. В. А. Петровский следующим образом поясняет разработанную им методику выявления мотивационного ядра межличностного выбора (специальные статистические аспекты реализации процедуры мы опускаем). Допустим, школьнику, не подготовленному к сложному диктанту по пройденному материалу, предоставлено право свободно выбрать для себя соседа по парте; при этом школьникам предлагают оценить (проранжировать) всех своих одноклассников по разным критериям. Вот, например, один из таких критериев: «Даст или не даст списать». Если испытуемый делает ставку на списывание, то при сопоставлении двух рядо́в (отвечающих социометрическому выбору: «с кем хочешь сидеть за партой?» и оценке: «даст ли списать?») такие ряды совпадут. И в этом случае затаенная надежда школьника получить помощь — единственное содержание мотивационного ядра выбора соседа по парте. Подобным же образом можно составить упорядоченные ряды применительно к разным достоинствам личности. Если затем выстроить эти ряды в иерархическом порядке и сравнить с тем рядом, который был получен на базе социометрической инструкции, то становится видно, входят ли соответствующие личностные достоинства членов группы в мотивационное ядро выбора или нет, а также какова их возможная роль в предпочтении.

Выявление мотивационного ядра выбора способствует пониманию взаимоотношений всякий раз, когда возникает вопрос, почему социометрическая картина в данной группе именно такова; почему такой-то член группы предпочитает такого-то; почему некоторая часть группы числится в категории «звезд», а другая — в числе «отверженных». Экспериментально установлено (Н. М. Швалева), что содержание мотивационного ядра выбора партнера в структуре межличностных отношений может служить показателем того уровня, которого достигла данная группа. На начальной стадии формирования группы выбор характеризуется непосредственной эмоциональной окраской, а ориентации в выборе партнера направлены в большей степени на его внешние достоинства (общительность, внешняя привлекательность, манера одеваться и т. п.). Выбор же в группе более высокой стадии развития осуществляется не только на основании чувств, возникающих при первом впечатлении, но исходя из оценки более глубоких личностных качеств, которые проявляются в совместной деятельности и в значимых для личности поступках.

По мере развития группы повышается статус таких качеств личности, которые характеризуют наиболее ценные ее особенности, формирующиеся и проявляющиеся в совместной деятельности.

Референтность versus аттракция. Ценности, которые составляют глубинный фундамент социально значимой деятельности группы, образуют вместе с тем основание для внутригрупповой предпочтительности и выбора по признаку референтности. Создатель социометрии Дж. Морено, как известно, выделил в группо-

вой организации две главные структуры: формальную (официальную, видимую, внешнюю) и неформальную (внутреннюю, неявную, динамическую), скрытую за или под формальной. Надо полагать, что такая дифференциация структур оказалась достаточно продуктивной. Однако Дж. Морено отождествил неформальную, динамическую структуру с социометрической сеткой, а связи внутри этой структуры охарактеризовал исключительно как эмоциональные. Между тем за формальной структурой, помимо социометрической, оставалась скрытой еще одна неформальная групповая структура, значение которой не менее, а, быть может, более важно для понимания групповой жизни, в которой аккумулированы ценностные ориентации субъекта.

Разработанная в рамках теории деятельностного опосредствования идея референтометрии состояла в том, чтобы, с одной стороны, дать возможность испытуемому ознакомиться с мнением любого члена группы по поводу заранее отобранных и, несомненно, значимых объектов (в том числе с оценкой его, испытуемого, личных качеств), а с другой — строго ограничить число таких избираемых лиц. Это вынуждало испытуемых проявлять высокую степень избирательности к кругу лиц, чье мнение и оценка его привлекали раньше всех других. Исследование было предпринято нашим аспирантом Е. В. Щедриной. Беседуя наедине с каждым испытуемым, экспериментатор говорил ему о возможности узнать — если представится такой случай — некоторые из оценок (или межличностных выборов) окружающих его членов группы. После того как испытуемым был назван кто-то один из группы, экспериментатор объявлял, что можно сделать еще один и, вероятно, последний выбор. И наконец, испытуемому разрешалось сделать действительно последний выбор, — на этот раз окончательный. Инструкция была специально составлена таким образом, чтобы испытуемый не знал в точности, с каким количеством оценок ему в дальнейшем разрешат ознакомиться. Это делалось для выявления строго упорядоченного круга лиц, оценки которых могли бы заинтересовать испытуемого[1].

Исследование явлений референтности с помощью референтометрической процедуры привело к весьма интересным результатам. Прежде всего они полностью подтверждают гипотезу о наличии в каждой группе особой системы предпочтений и выборов, основанием которой является признак референтности. В формальном отношении эта система связей обладает теми же характеристиками, что и социометрическая. Референтометрическая процедура дает представление о статусной структуре (кто есть кто в группе), взаимности предпочтений или ее отсутствии, открывает возможность выявления мотивационного ядра выбора, а также проведения аутореферентометрического эксперимента (где испытуемый прогнозирует свое место в системе выборов), позволяет осуществлять математическую обработку данных, выражать их графически, составлять карты и матрицы выборов и т. д. Но, в отличие от социометрической сети, основанием выбора оказываются не симпатии или антипатии, а ценностный фактор.

Может возникнуть вопрос: а как соотносятся между собой обе системы внутригрупповых выборов? На этот вопрос также был получен ответ в эксперименте. Как выяснилось, совпадение не исключается, но более чем возможно несовпаде-

---

[1] *Петровский А. В.* Психологическая теория коллектива. — М., 1979. — С. 122.

ние и даже существенное расхождение референтометрических и социометрических выборов.

Больше чем в половине случаев имело место слабое взаимодействие между выборами (когда всего один человек, кем-то выбранный в социометрии, оказывался им же выбранным в условиях референтометрии) или же выборы вовсе не совпадали. Нередко те, кто принадлежали в социометрическом эксперименте к «отверженным», тем же самым лицом избирались в референтометрической серии. В некоторых группах этот феномен имел место в 25–28% возможного количества таких случаев. Интересно сопоставить эти данные с результатами сравнения выборов по двум полярным социометрическим критериям — критерию отдыха и деловым критериям. Здесь совпадение подобного «разнонаправленного» выбора отмечалось лишь в 1% случаев.

Отсюда можно сделать вывод, что в социометрическом выборе непосредственной детерминантой явно выступает эмоциональный фактор, доминирующий независимо от того, для чего избирается человек — для дела или для развлечения. В случае социометрического выбора по признаку делового сотрудничества хотя и избирается партнер для совместной работы, лицо, осуществляющее выбор, сплошь и рядом исходит из эмоционального предпочтения, оставляя в стороне его ценностные характеристики. Иное дело — выбор, основанный на факторах референтности (ценностно-нормативном, сравнительном, оценочном и факторе стремления к повышению социального статуса). Социальная значимость этих факторов, их доминирующая роль в общей детерминации коллективной деятельности представляется бесспорной.

Принципиальное различие между социометрической и референтометрической системами групповых предпочтений подтверждают и другие результаты. Были получены низкие по величине корреляции между социометрическими и референтометрическими статусами индивидов. Примечательно, что многие лица (но, разумеется, далеко не все), пребывавшие в категории социометрических «отверженных», оказались в ранге референтометрических «звезд». Таким образом, то, что индивид не избран другим индивидом «по зову сердца», еще не является решающей характеристикой его положения в системе внутригрупповой дифференциации. Необходимо еще выяснить, не окажется ли он своего рода «оракулом» группы, ее «доверенным лицом», «авторитетом», не его ли глазами предпочитает смотреть группа на людей, события и обстоятельства деятельности, вообще надо узнать, насколько он значим, референтен для своих товарищей.

Но, быть может, референтометрический выбор не свидетельствует о том, что избираемость осуществляется именно по признаку референтности? Что если индивид просто выделяет тех, чье мнение ему пока неизвестно, и обходит тех, чье мнение у него никаких сомнений не вызывает? И это предположение было проверено экспериментально. Предварительно была выяснена степень уверенности индивида в оценках, которые давали ему товарищи по группе. При этом более чем в половине случаев испытуемые выражали высокую степень уверенности в предполагаемых оценках (10% — уверенность практически стопроцентную). И, тем не менее, оценку собственной персоны индивид запрашивал через экспериментатора именно у этих членов группы. «Данный показатель, — пишет Е. В. Щедрина, —

может быть, по-видимому, назван парадоксом стремления испытуемых к получению избыточной информации о значимом объекте от референтных для них лиц»[1].

В самом деле — парадокс! Но разве не ту же психологическую подоплеку имеет извечный вопрос, который не устают задавать друг другу влюбленные, — «Ты меня любишь?» Казалось бы, все ясно, выбор давно осуществлен, доказательства получены, и достаточно неопровержимые, но, тем не менее, именно это, «самое референтное» в мире существо вновь и вновь спрашивает: «Ты меня любишь?»

Таким образом, очевидно, что референтный выбор отражает существенную сторону психологии межличностных отношений, позволяет осуществлять референтометрическое «видение» групповых связей, базирующихся на ценностном основании, открывает новые пространства для социально-психологического исследования. Он не оставляет социометрический подход и социометрический тест в качестве единственного инструмента познания групповой дифференциации, причем апеллирует не к поверхностному слою внутригрупповой активности (отношения «аттракции» — эмоциональной привлекательности), а к ее глубинным слоям, обусловленным содержанием и ценностями деятельности. Это, безусловно, более содержательная характеристика групповой дифференциации по сравнению с социометрией. Если последняя позволяет дать пунктирный абрис межличностных отношений в группе как некой общности, где связи являются внешними и преимущественно эмоциональными (хочу быть с ним — не хочу быть с ним, он мне нравится — он мне не нравится), то психологическое изучение группы, где отношения между ее членами содержательно опосредствованы, с необходимостью требует учета показателей референтности.

Ценностно-ориентационное единство. Приняв в качестве исходных эмоционально-психологические отношения между индивидами, находящие выражение в коммуникативной практике малой группы, прежде всего в частоте, длительности и порядке взаимодействия, психологи, по существу, не ставили перед собой задачи установить, от чего зависят сами эти отношения. Таким образом, содержательный аспект групповых взаимоотношений, в том числе феномена сплоченности, как правило, устранялся из социально-психологического исследования. Ведущим же способом выявления сплоченности стала регистрация взаимодействия, коммуникативных актов, взаимных выборов и предпочтений, базирующихся на симпатиях и антипатиях, а практические рекомендации психолога относительно повышения сплоченности группы по преимуществу были связаны с возможным изменением ее социометрической структуры. «При изъятии лиц с низким социометрическим статусом из группы и включении в нее лиц с высокой степенью социометрического статуса улучшалась сплоченность группы»[2], — писал Дж. Морено.

Таким образом, достаточно произвести некоторые преобразования в сложившейся структуре группы (к примеру, вывести конфликтных лиц), и разобщенная группа станет собранной и сплоченной. Быть может, в отдельных случаях далеко зашедшего межличностного конфликта прибегнуть к «остракизму» и следует, но это отнюдь не генеральный путь повышения сплоченности.

---

[1] *Петровский А. В.* Психологическая теория коллектива. — М., 1979. — С. 124–125.

[2] *Морено Дж.* Социометрия. — М., 1958. — С. 158.

Такая программа исследований сплоченности не предусматривает изучения норм и ценностных ориентаций, которые складываются в группе на наиболее важной для нее основе — на основе активной совместной деятельности, имеющей предметный характер, определенную направленность, смысл и цель. Не случайно исследования сплоченности были главным образом сугубо лабораторными, где объектами изучения становились искусственно сформированные группы, функционировавшие в условных ситуациях кооперации или конкуренции, авторитарного или демократического стиля лидерства и т. д. Сплоченность как устойчивость структуры группы, ее способность оказывать сопротивление силам, направленным на ослабление или разрыв межличностных связей, трактуется как такое состояние группы, к которому она приходит в результате возрастания взаимодействий между членами группы, причем чем больше частота взаимодействия между членами группы, тем больше степень их симпатий друг к другу, выше уровень сплоченности, и наоборот. Сравнивая между собой эти коэффициенты, психологи стремятся извлечь определенную информацию об особенностях протекания процессов внутригруппового развития. В большинстве своем методики опираются на гипотезу о том, что между количеством, частотой и интенсивностью коммуникаций в группе и ее сплоченностью существует прямая связь, а поэтому количество и сила взаимных положительных или отрицательных выборов — свидетельство сплоченности.

Источники групповой и индивидуальной активности, формирование установок, ценностных ориентаций и норм — все это, таким образом, рассматривается как производная от уровня межличностного отношения и эмоциональной окраски коммуникаций. Коэффициент групповой сплоченности в связи с этим чаще всего определяется как частное от деления числа взаимных связей на их количество, теоретически возможное для данной группы. Этот коэффициент должен был отразить интенсивность общения членов в группе. Однако оживление межиндивидуальных контактов может говорить не только об укреплении дружеских и деловых взаимоотношений, направленных на общественную пользу. Наблюдения свидетельствуют, что в условиях конфликта число контактов заметно возрастает, и потому, используя в качестве исходных данных только число членов группы и частоту взаимодействий, невозможно судить о «качестве» или «знаке» сплоченности.

Т. Ньюком для анализа групповой сплоченности использует понятие «согласие» (consensus), имея в виду однородность суждений индивидов в отношении объектов ориентации: «Под понятием “согласие” я подразумеваю ни больше, ни меньше как существование между двумя или более личностями сходных ориентаций по отношению к чему-нибудь». Уровнем согласия этот автор характеризует сплоченность любой группы. Однако согласие оказывается здесь связанным лишь с частотой взаимодействий, и круг тем самым еще раз замыкается, а сплоченность вновь сводится к эмоционально-психологическим характеристикам. Любая форма коммуникации, считает Ньюком, имеет своим следствием возрастание степени согласия. Согласие рассматривается также как одна из групповых характеристик, объясняющих механизм образования норм, или один из способов трансляции обычаев и нравов от одного поколения к другому. Но и в этих случаях согласие связывается с теорией коммуникации и взаимодействия. Поэтому, пытаясь изме-

рить степень согласия, существующего между членами группы, исследователи постоянно испытывают неудовлетворенность, ибо вынуждены вновь и вновь прибегать к анализу числа коммуникаций, их продолжительности и силы. Причина такой вполне понятной неудовлетворенности заключается в самом подходе к изучению сплоченности, игнорирующем социальную сущность внутригрупповых процессов, их деятельностную природу и сводящем ее к эмоциональной привлекательности.

Итак, групповая сплоченность традиционно рассматривалась социальными психологами как взаимная привлекательность и согласие в отношении важных объектов ориентации. И, казалось бы, с этим нельзя было не согласиться. Однако, указав на сходство позиций и установок среди членов группы как важный ее признак, Р. Бейлс, Т. Ньюком, Г. Хомманс и другие психологи, тем не менее, в методологии своих исследований, по существу, игнорировали его, считая, что сходство позиций членов группы в конечном счете определяется частотой их общения. Качественные характеристики групп определены условиями и последствиями коммуникативных актов, пишет Ньюком. При конкретном определении коэффициентов сплоченности исследователи в качестве исходных данных использовали обычно только два параметра: число членов группы и количество коммуникаций независимо от их эмоциональной окраски.

Представление о сплоченности как эмоционально-коммуникативном объединении индивидов, более или менее точно отражающее реальный феномен психологии диффузных групп, оказывалось непродуктивным, когда становилось теоретической основой экспериментального исследования групп, объединенных в первую очередь целями, задачами и принципами совместной деятельности. Очевидно, что для выявления сплоченности и получения индексов ее выраженности необходимо обратиться к содержательной характеристике групповой совместной деятельности. Так возникло представление о сплоченности как ценностно-ориентационном единстве коллектива (В. В. Шпалинский).

Ценностно-ориентационное единство в качестве показателя групповой сплоченности выступает как интегральная характеристика системы внутригрупповых связей, показывающая степень совпадения мнений, оценок, установок и позиций членов группы по отношению к объектам, наиболее значимым для осуществления целей деятельности группы и реализации в этой деятельности ее ценностных ориентаций. На такой основе могла быть построена и собственно экспериментальная программа получения индекса сплоченности, в качестве которого была принята частота совпадений мнений или позиций членов группы по отношению к значимым для нее объектам.

Расшифровывая индексы сплоченности как ценностно-ориентационного единства, можно сопоставлять различные группы по уровню развития, вообще получать данные для более глубоких представлений о характере взаимоотношений личностей в группе, чем при использовании социометрических индексов сплоченности, которые, как было уже отмечено, не обладают достаточной информативностью.

Высокая степень ценностно-ориентационного единства не создается в результате коммуникативной практики группы, а является следствием активной совместной групповой деятельности. Именно она составляет основу общения между чле-

нами группы и всех феноменов межличностных отношений. Поэтому и характер взаимодействий в группе оказывается следствием единства ценностных ориентаций ее членов.

Ценностно-ориентационное единство группы как показатель ее сплоченности отнюдь не предполагает совпадения оценок во всех отношениях, нивелировку личности в группе. Ценностно-ориентационное единство — прежде всего сближение оценок в нравственной и деловой сфере, в подходе к целям и задачам совместной деятельности.

В результате конкретных экспериментальных исследований и анализа полученных данных был сделан вывод о том, что в группах высокого уровня развития коэффициент ценностно-ориентационного единства по сравнению с диффузными группами весьма высокий. Если в первых коэффициенты сплоченности были близки к единице (от 0,6 до 0,92), то во вторых коэффициенты групповой сплоченности колебались от 0,2 до 0,5. Все это дает основание отнести сплоченность как ценностно-ориентационное единство ко второму слою в стратометрической структуре коллектива, оставив сплоченность как эмоционально-коммуникативную объединенность группы в качестве одной из характеристик поверхностного слоя внутригрупповой активности.

Возложение ответственности. Феномен возложения ответственности изучался в традиционной социальной психологии как индивидуально-психологическая характеристика человека, проявляющаяся или не проявляющаяся в зависимости от того, что представляет собой другой индивид, на которого может быть возложена ответственность за неудачу или которому могут быть возданы почести за успех, и что представляет собой ситуация деятельности — кооперативная или конкурентная (Г. Келли, А. Тилл, С. Шерман и др.). Так, была показана зависимость возложения ответственности от внешней привлекательности другого лица. Выяснилось, что ответственность за хорошие поступки и успешные дела приписывается хорошеньким женщинам, а женщинам внешне непривлекательным приписывается ответственность за неудачи и плохие поступки. Обычно акты возложения ответственности изучали в игровых условиях, вне связи с конкретной социальной средой, значимой совместной деятельностью в группах. Поэтому интересный сам по себе феномен по существу не был объяснен и использован в целях интерпретации процессов и явлений внутригрупповой активности.

Эксперименты, проведенные с позиций теории деятельностного опосредствования, свидетельствуют, что характер возложения ответственности обнаруживает зависимость от уровня развития группы. Подтвердилась гипотеза, что в группе высокого уровня развития акты возложения ответственности носят в основном объективный характер, а индивидуальный вклад каждого оценивается адекватно практически вне зависимости от конечного успеха или неудачи совместной деятельности. Противоположная картина наблюдалась в низкоразвитой группе, где в случае успеха совместной деятельности субъект оценки отмечает свои заслуги, а в случае неудачи готов переложить вину на других или по крайней мере на «объективные обстоятельства». Можно предположить, что в такой группе акты возложения ответственности обусловлены главным образом индивидуально-психологическими особенностями субъекта оценки, и это как раз та сфера, где обнаруживают действие все те закономерности и зависимости, которые были экспериментально

получены в традиционной социальной психологии и неправомерно отнесены к характеристике малых групп вообще.

Неадекватность в приписывании ответственности за успехи или неудачи реально выполняемой и социально оцениваемой деятельности является конфликтогенным фактором в любой группе. Так как сплошь и рядом участники совместной деятельности не в состоянии объективно измерить собственный вклад в общее дело, то их оценки имеют явно субъективный характер. Нравственная сила, блокирующая крайности субъективизма, создает условия для совместимости людей на основе принятых моральных норм: не уклоняться от ответственности, не перекладывать вину «с больной головы на здоровую», не приписывать себе успех, умаляя значение другого в общих достижениях, не ссылаться на «объективные обстоятельства» и т. д.

Подводя некоторые итоги, скажем, что сплоченность группы высокого уровня развития и совместимость ее членов образуют своего рода иерархию уровней. На самом нижнем уровне оказываются сплоченность, выражающаяся в интенсивности коммуникативной практики группы, совместимость как взаимность социометрических выборов, психофизиологическая совместимость характеров и темпераментов, согласованность сенсомоторных операций при выполнении действий и т. д. Сплоченность на этом уровне является необходимым условием для интеграции индивида в группе, где межличностные отношения в минимальной степени опосредствованы содержанием и ценностями социальной деятельности. Необходимые и достаточные для характеристики диффузной группы, эти условия недостаточны и не столь уже принципиальны для характеристики высокоразвитой группы.

Соучаствование. Характеризуя сплоченность, мы только что говорили о ценностно-ориентационном единстве членов группы, а также адекватности возложения ответственности. Однако, не менее, а может быть, и более показатель сплоченности группы — это «соучаствование».

Первоначально данный параметр групповой жизни получил название «действенная групповая эмоциональная идентификация» (В. А. Петровский, 1974), что точно соответствовало сути происходящего. Термин был предложен В. А. Петровским, и он был автором метода исследования этого феномена, о чем пойдет речь дальше.

Со временем мы обратили внимание на то, что в русском языке есть слово, позволяющее выразить смысл этого явления без обращения к специальным научным терминам и построения искусственных языковых конструкций. Искомое, или, скажем так, «заветное» слово, как оказалось, уже имеется в культуре. Оно часто использовалось в философских трудах выдающегося русского мыслителя А. Н. Радищева. Слово это — «соучаствование», что, в частности, означает активное «сорадование» и сострадание. А. Н. Радищев писал: «Обыкнув себя применять ко всему, человек в страждущем зрит себя и болезнует... Человек со-печалится человеку, равно он ему и совеселится»[1].

При «соучаствовании» отношение одного человека к другому в своих деятельностных проявлениях совпадает с его отношением к самому себе; по сути, речь

[1] *Радищев А. Н.* Избранные философские сочинения. — М., 1949. — С. 292.

идет о нравственном императиве: защищать интересы другого, как если бы это были свои. Соучаствование как деятельное отношение — это и сочувствие, и соучастие.

«Соучаствование» характеризует не только взаимоотношения в диаде, но также и особое качество взаимоотношений между членами группы, реализующей совместную деятельность. При соучаствовании происшествия, случающиеся с одним членом группы (вместе с сопутствующими им переживаниями), даны всем другим как мотивы их собственной деятельности. Речь идет о деятельности, имеющей двоякую направленность. Прежде всего, это общая для всех членов группы цель (она не сводится к построению или поддержанию взаимоотношений в группе). Во-вторых, это блокирование негативных факторов (фрустраторов), затрагивающих одного или нескольких членов группы лично.

Соучаствование — глубоко личный и в то же время групповой феномен, детерминированный вовлеченностью личности в совместную деятельность. В процессе такой деятельности, объединяющей в себе усилия разных участников, устанавливается общая для всех точка отсчета: то, ради чего люди действуют, общаются, готовы к риску, самоотдаче, способны жертвовать временем, иногда подвергать себя всевозможным испытаниям и лишениям. Этим общим являются: цель коллективных усилий, ценности, стоящие за ней, задача «для всех». Принципиально, что в одиночку со всем этим справиться действительно невозможно. Отношение к объекту деятельности, как мы говорим в этом случае, опосредствуется отношением к другим людям (субъект-субъект-объектное отношение), а отношение к другому человеку, в свою очередь, опосредствуется отношением к объекту групповой деятельности (субъект-объект-субъектное отношение). Можно сказать, что эти отношения «переплетаются», а еще точнее — вплетаются одно в другое. Вот тут-то и устанавливается особый тип равенства участников друг другу: объективно, они, как соучастники производимого, в равной мере друг перед другом ответственны и одинаково полагаются друг на друга. Партнерство (от *part* — часть), т. е. способность быть «частью» единого целого, распространяется здесь за пределы простого соучастия в деятельности. Перед нами носители единой участи, они соучастны друг другу, проникнуты духом взаимопричастности.

Перед нами феномен дорефлексивности переживания общности людей друг с другом. Чувство общности, присущее группе, образует своего рода фон происходящего, в то время как они ясно осознают цель совместной деятельности и пути ее достижения. Таково соучаствование — не альтруизм как жертвенность, и не эгоизм как отстаивание своих и только своих интересов. Подобно тому, как дилемма «либо конформизм, либо негативизм» преодолевается в понятии «самоопределение», так и дилемма «либо альтруизм, либо эгоизм» преодолевается, когда мы обращаемся к феномену соучаствования, где контроверза «Я» и «Они» в форме дорефлективного «Мы».

По мысли В. А. Петровского, все концепции разумного эгоизма (Н. Г. Чернышевский и др.), «альтруистического эгоизма» (Ганс Селье) не различают рефлексивной и дорефлексивной позиций субъекта деятельности и личностного отношения к другим людям. И тогда начинает мниться, что, к примеру, порыв бескорыстной помощи не только может, но и должен быть осмыслен как поиск выгоды для себя, будь то биологическая целесообразность, личное самоутвержде-

ние или что-то еще, подобное этому. Конечно, когда мать спасает тонущего малолетнего сына, ее действия можно трактовать как расчетливо-эгоистические. Не исключено, что и она сама, постфактум, как существо совестливое, пытливое, склонное к самоанализу, со временем усмотрит в своем поведении признаки эгоистичности. Однако подобный подход вводит нас в заблуждение. Бросаясь в воду, мать тонущего ребенка не рефлектирует, а именно действует, истоки ее поведения «дорефлексивны». Теория разумного эгоизма, во всех ее вариантах, эту «дорефлексивность» поступков заведомо игнорирует. Правда же состоит в том, что «эгоистическая» трактовка истоков альтруистического поведения — чаще всего не более чем иллюзия совестливого самосознания.

На дорефлексивном уровне человек именно действует, а не занимается анализом, расщепляющим предмет его действия: а) на помощь другому человеку и б) на прагматическое или нравственное основание его порыва. Нравственная норма, безусловно, содействует альтруистическому порыву оказать помощь другому человеку, но это не цель, а причина, часть общего поля детерминации этого акта. Рефлексия же пытается расставить все по своим местам, изображая подлинные движущие силы поступка в превращенном, а то и в превратном виде.

Для того чтобы уловить присутствие в группе феномена соучаствования, была применена особая экспериментальная процедура. Использовалась специальная аппаратура, позволяющая фиксировать, как ведет себя каждый испытуемый в условиях, когда наказание грозит всем членам группы, и в том числе ему (интегральные санкции), и когда наказание угрожает кому-либо одному из числа его партнеров, участвующих в эксперименте (парциальные санкции). При этом предусматривается такой тип задачи, когда скорость решения, торопливость заведомо увеличивают число ошибок, за которые полагается наказание. В зачет соревнования с другой группой входит только показатель скорости выполнения задания; необходимость же корректной, безошибочной работы лишь подразумевается. Таким образом, повышение скорости выполнения задачи — цель групповой деятельности, однако быстрота работы повышает вероятность ошибок, а следовательно, и возможность наказания. Это обстоятельство и составляет основную предпосылку для будущей квалификации уровня развития соучаствования в группе[1].

Гипотеза исследования состояла в том, что в группах разного уровня развития групповое поведение, в котором обнаруживаются скрывающиеся за ним межличностные отношения, будет в случаях интегрального и парциального санкционирования качественно различным, и эти качественные различия окажутся доступными для количественного выражения и измерения. Если в группе отсутствует сколько-нибудь выраженное соучаствование, то в ситуации парциального наказания (за всех расплачивается один) группа должна работать значительно быстрее, чем при интегральном санкционировании. То обстоятельство, что партнер по работе в группе подвергается фрустрации, не принимается в этом случае в расчет, так как все остальные и каждый в отдельности оказываются вне опасности. Усилия, которые затрачивались на блокирование фрустратора на первом этапе экспе-

[1] Для испытуемых всегда остается скрытой истинная задача эксперимента, который воспринимается ими только как тест на согласованность и эффективность деятельности в условиях соревнования с другими группами.

римента (при интегральном санкционировании), становятся ненужными. За счет этого эффективность выполнения действия возрастает.

Если же время решения задачи в ситуациях как интегрального, так и парциального наказания приблизительно равно, то это свидетельствует о выраженности соучаствования, феномена действенной эмоциональной идентификации в группе; хотя опасность грозит лишь одному из всех, все члены группы действуют так, как если бы и они подвергались непосредственному наказанию за ошибку. Есть основания полагать, что в этом случае выявляется тип взаимоотношений, для которого характерно переживание состояний другого, как своих собственных.

Описанный параметр внутригрупповых взаимоотношений был исследован в ряде работ, отвечающих ранее выдвинутым гипотезам[1], предполагающим, что проявления этого феномена в группах разного уровня развития принципиально различаются.

Первый и основной вывод, полученный из проведенных экспериментов, — подтверждение реальности соучаствования как специфического социально-психологического феномена, свидетельствующего о способности группы к сопереживанию с любым из ее участников. Второй вывод: наиболее благоприятные условия для возникновения этого явления существуют в высокоразвитых группах. В диффузных группах и, например, группах правонарушителей соучаствование слабо выражено или вовсе отсутствует (исследования А. Н. Папкина). Члены же подлинного коллектива соучаствуют друг другу. Кроме того, оказывается, что для таких групп не столь уж важно каково число вовлеченных в совместную деятельность участников (исследование М. А. Туревского), «полагается» ли наказание новичку или ветерану (исследование А. С. Горбатенко), каковы индивидуальные особенности испытуемых в соответствии с данными личностных опросников (исследование Е. В. Романиной). Последнее, может быть, особенно интересно для развития представлений о личности как индивидуально-психологического и при этом социально-психологического образования. Добавим к сказанному интересные результаты, полученные Л. П. Хохловой, показавшей, что члены высокоразвитой группы, будучи включенными в группу, состоящую из незнакомых для них людей, в известных уже нам условиях парциального наказания обнаруживают феномен соучаствования. Отталкиваясь от изучения этих закономерностей, на примере соучаствования, можно, таким образом, предположить, что индивидуально-психологическое в личности выступает как социально-психологический феномен, как свойство межличностных отношений, а межличностные отношения, запечатлеваясь в свойствах индивидуальности, обнаруживают устойчивость, относительную независимость от непосредственного окружения.

Эти исследования вплотную подводят нас к фундаментальной, или, как говорил Л. С. Выготский, «вершинной» проблеме психологии — проблеме личности, — ее специфических свойств, отличимых от индивидуальных особенностей, являющихся предметом традиционных исследований в области дифференциальной психологии.

---

[1] См.: *Петровский В. А.* Эмоциональная идентификация в группе и способ ее выявления // К вопросу о диагностике личности в группе. — М., 1973; *Петровский А. В.* Некоторые новые аспекты разработки стратометрической концепции групп и коллектива // Вопросы психологии. 1976. № 6.

3. «Личностное» в человеке[1]

Рождение новой концепции в психологии, как однажды заметил Лев Семенович Выготский, всегда начинается с выделения каких-либо новых явлений, интерпретация которых выходит за рамки имеющихся объяснительных моделей и схем.

Следуя этой логике, и обсуждение проблемы личности в психологии начнем с анализа данных довольно простого эксперимента, проведенного с детьми. В распоряжении испытуемых — учеников начальных классов — множество занимательных игрушек, которыми они могут свободно пользоваться на протяжении всего эксперимента. При этом им строго-настрого запрещается открывать красную коробочку, лежащую среди этих игрушек. За каждым ребенком, оставшимся наедине с игрушками, ведется незаметное наблюдение. Как и следовало ожидать, некоторый процент от общего числа детей нарушает запрет. Во второй серии эксперимента детям запрещают развинчивать разноцветную пирамидку, разрешая играть любыми другими предметами. Но при этом на видном месте перед испытуемыми находится большой портрет их педагога. В эксперименте показано, что при предъявлении портрета одного воспитателя процент «нарушителей» уменьшается, второго — остается тем же, что и в первой серии, а третьего — заметно возрастает. Одно напоминание об учителе по-разному влияет на детей. Таким образом, оказывается, что можно исследовать личность педагога даже в его отсутствие.

С помощью подобного приема исследования получены и другие факты. Например, испытуемому дважды предъявляется один и тот же личностный опросник (или две его «параллельные» формы). При втором предъявлении предлагается вообразить, что в момент заполнения рядом с испытуемым находится другой, хорошо ему известный человек. Различия между заполнением испытуемым опросника наедине с самим собой и при воображаемом контакте с другим человеком показывают характер тех изменений, которые индуцированы «присутствием» этого другого лица. Аналогичный прием можно использовать при обращении к весьма популярным проективным исследовательским методикам. Результаты этих экспериментов подводят нас к выводу о существенности того влияния, которое один человек своим реальным или идеальным присутствием оказывает на других людей. Таким образом, выделяется особая сфера явлений, требующих психологического анализа. Это — идеальная представленность и продолженность человека в человеке, в которой непосредственно обнаруживается несовпадение между бытием человека как индивида и бытием человека как личности.

---

[1] Основу этого раздела образуют совместные разработки и публикации с В. А. Петровским. См.: *Петровский В. А.* К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. 1981. № 2; *Петровский А. В., Петровский В. А.* Индивид и его потребности быть личностью // Вопросы философии. 1982. № 3; *Петровский А. В.* Личность. Деятельность. Коллектив. — М., 1982; *Петровский А. В.* Проблема развития личности с позиций социальной психологии // Вопросы психологии. 1984. № 4; *Петровский В. А.* Принцип отраженной субъективности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4; *Petrovsky A. V.* Studies in Psychology. The Collective and Individual. — Moscow. Progress Publishers, 1985.

4. Личность в трех измерениях

Для характеристики личности необходимо исследовать систему социальных отношений, в которые, как было сказано выше, она включена. Личности явно тесно «под кожей» индивида, и она выходит за пределы его телесности в новые «пространства».

Каковы же эти «пространства», в которых можно разглядеть проявления личности, понять и оценить ее?

Первое — это «пространство» психики индивида (интраиндивидное пространство), его внутренний мир: его интересы, взгляды, мнения, убеждения, идеалы, вкусы, склонности, увлечения. Все это образует направленность его личности, избирательное отношение к окружающему. Сюда могут быть отнесены и другие проявления личности человека: особенности его памяти, мышления, фантазии, но такие, которые так или иначе резонируют в его общественной жизни.

Второе «пространство» — это область межиндивидных связей (интериндивидное пространство). Здесь не сам по себе индивид, а процессы, в которые включены по крайней мере два индивида или группа (коллектив), рассматриваются как проявления личности каждого из них. Разгадки «структуры личности» оказываются скрыты в пространстве вне органического тела индивида, в системе отношений одного человека с другим человеком.

Третье «пространство» — реализации индивидом своих возможностей как личности — находится не только за пределами его внутреннего мира, но и за границей актуальных, сиюминутных (здесь и теперь) связей с другими людьми (метаиндивидное пространство). Действуя, и активно действуя, человек вызывает изменения внутреннего мира других людей. Так, общение с умным и интересным человеком оказывает влияние на убеждения, взгляды, чувства, желания людей. Иначе говоря, это «пространство» идеальной представленности (персонализации) субъекта в других людях, образующееся суммированием тех изменений, которые он внес в психику, сознание других людей в результате совместной деятельности и общения с ними.

Можно предположить, что если бы мы сумели зафиксировать все существенные изменения, которые данный индивид произвел своей реальной деятельностью и общением в других индивидах, то мы получили бы наиболее полную его характеристику именно как личности. Индивид может достигнуть ранга исторической личности в определенной социально-исторической ситуации только в том случае, если эти изменения затрагивают достаточно широкий круг людей, получая оценку не только современников, но и истории, имеющей возможность точно взвесить эти личностные вклады, которые в конечном счете оказываются вкладами в общественную практику.

Личность метафорически можно трактовать как источник некоей радиации, преобразующей связанных с этой личностью людей (радиация, как известно, может быть полезной и вредоносной, может лечить и калечить, ускорять и замедлять развитие, становиться причиной различных мутаций и т. п.). Индивида, обделенного личностными характеристиками, можно уподобить нейтрино, гипотетической частице, которая бесследно пронизывает плотную среду, не производя

в ней никаких изменений; «безличность» — это характеристика индивида, безразличного для других людей, человека, чье присутствие или отсутствие ничего не меняет в их жизни, не преобразует их поведение и тем самым лишает его самого личности.

5. Потребность быть личностью. Порыв к бессмертию?

Приняв идею существования трех измерений, в которых обнаруживает себя личность (интра-, интер- и метаиндивидные проявления), мы тем самым видим ее под новым углом зрения: важнейшие характеристики личности, которые традиционно пытались усмотреть лишь в наборе неких качеств индивида, оказалось возможным найти не только в нем самом, но и в других людях.

Итак, прокладывается новый путь интерпретации личности — она выступает как идеальная представленность индивида в других людях, как его «инобытие» в них (а также в себе как «другом»), как его персонализация. Сущность этой идеальной представленности, этих «вкладов» — в тех реальных смысловых преобразованиях, действенных изменениях интеллектуальной и эмоциональной сферы личности другого человека, которые производит деятельность индивида и его участие в совместной деятельности. «Инобытие» индивида в других людях — это не статический отпечаток. Речь идет об активном процессе, о своего рода «продолжении себя в другом», о важнейшей потребности личности — обрести вторую жизнь в других людях, производить в них долговечные изменения.

Феномен персонализации открывает возможность прояснить всегда волновавшую человечество проблему личного бессмертия. Если личность человека не сводится к представленности ее в телесном субъекте, а продолжается в других людях, то со смертью индивида личность «полностью» не умирает. «Нет, весь я не умру... доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит» (А. С. Пушкин). Индивид как носитель личности уходит из жизни, но, персонализированный в других людях, он продолжается, порождая у них тяжелые переживания, объясняемые трагичностью разрыва между идеальной представленностью индивида и его материальным исчезновением. В словах «он живет в нас и после смерти» нет ни мистики, ни чистой метафоричности — это констатация факта разрушения целостной психологической структуры при сохранении одного из ее звеньев. Персонализация обеспечивает доверительную, интимную связь между людьми, между поколениями, когда люди впитывают в себя не только передаваемые знания, но и черты личности передающего. На определенном этапе жизни общества результаты персонализации как объективно значимого процесса превращаются в предмет особой потребности — потребности «быть личностью» (потребности персонализации). Складываясь в реальной деятельности и деятельных формах общения, она субъективируется в многообразных побуждениях индивида, будь то мотивация достижения, притязание на внимание, славу, дружбу, уважение, лидерство и т. п. Подобно тому, как индивид стремится продолжить себя в другом человеке физически — произвести потомство, продолжить род, личность индивида стре-

мится продолжить себя, обеспечив идеальную представленность, свое «инобытие» в других людях (что далеко не всегда осознано самим индивидом как субъектом этой потребности).

Итак, гипотетическая социогенная потребность быть личностью, очевидно, реализуется в стремлении субъекта быть идеально представленным в других людях, жить в них, что предполагает поиск средств продолжения себя в другом человеке.

Допустимо предположить (эта гипотеза требует масштабного эмпирического исследования для своего подтверждения), что оптимальные условия для персонализации индивида существуют в деятельных социальных общностях — коллективах, где персонализация каждого выступает в качестве условия персонализации всех. Не менее оправданно и другое предположение: есть группы, в которых каждый стремится быть персонализирован за счет деперсонализации всех остальных; деятельность таких групп, скорее всего, замкнута на личный интерес каждого и не более. Эти предположения вытекают из основных положений концепции деятельностного опосредствования межличностных отношений. Например, альтруистические побуждения (а альтруизм — чистейший случай продолжения себя в «другом») в зависимости от того, опосредствуются ли они «ценным для всех» содержанием совместной деятельности или нет, могут в одном случае выступать в форме взаимопомощи, заботы, самоотверженности, а в другом — как всепрощение, попустительство, имитация помощи и т. д. Русский язык хорошо передает различия в личностной представленности инициатора альтруистического деяния. В первом случае о нем говорят: «добрый человек», во втором: «добренький». Человек, продолжающий деянием свое бытие в «другом», получает возможность удовлетворить свою потребность в позитивной персонализации, если его деяние в наибольшей степени соответствует содержанию деятельности, ценность которых выходит за пределы исключительно личных интересов каждого.

6. Способность быть личностью. Трехфакторная модель «значимого другого»[1]

Способность быть личностью — не что иное, как индивидуально-психологические особенности человека, благодаря которым он совершает социально значимые поступки, обеспечивающие его персонализацию в других людях. Таким образом, в единстве с потребностью в персонализации, являющейся источником активности субъекта, в качестве ее предпосылки и результата выступает человеческая способность «быть личностью» как возможность передать людям свою неповторимость, индивидуальное своеобразие. Очевиден драматизм человека, который из-за внешних условий и обстоятельств (в классовом обществе их характер понятен) лишен возможности реализовать свою потребность в персонализации. Но бывает и так, что у человека вообще атрофирована или сведена к минимуму

[1] В основу раздела положена статья: *Петровский А. В.* Трехфакторная модель «значимого другого» // Вопросы психологии. 1991. № 1. — С. 7–18.

способность «быть личностью», либо она приобретает совершенно уродливые формы. Бездеятельный человек, равнодушный к судьбам людей, в большей или меньшей степени утрачивает способность быть идеально представленным в делах и мыслях, в жизни других людей. Последовательно придерживаясь принципа «я сам по себе — я вас не трогаю и вы меня не трогайте, я яркая индивидуальность, и меня с собой не равняйте», такой человек, в конечном счете, деперсонализируется, перестает быть личностью. Парадокс: человек подчеркивает свою «самость», индивидуальность и тем же самым он в глазах других лишается индивидуальности, теряет свое лицо, стирается в сознании окружающих, не внеся в них сколько-нибудь значимых «вкладов».

Взаимодействие людей может быть эффективным лишь в том случае, если его участники являются взаимно значимыми. Безразличие и слепота к индивидуальным особенностям и запросам партнера, игнорирование его внутреннего мира, оценок, позиции искажают результат взаимовлияния, тормозят, а порой и парализуют само взаимодействие. Именно поэтому в современной психологии с особой остротой встает проблема «значимого другого».

Если обратиться к истории вопроса, то нетрудно выстроить развернутую во времени цепочку нарастания заинтересованности проблематикой значимых отношений, первые знания о которой на десятилетия предваряют 30-е годы прошлого столетия, когда во многом усилиями американского ученого Г. Салливана в психологическом лексиконе прочно утвердилось понятие «значимый другой». С этой точки зрения имена У. Джеймса, Ч. Кули, Г. Салливана, Г. Хаймана как бы символизируют качественные точки в континууме, отражающем поступательное движение научной психологической мысли от момента зарождения проблематики значимых отношений до периода 30–40-х годов, когда она стала одной из ключевых в психологии. Понятно, что условные промежутки между этими ориентирами легко могут быть заполнены работами других, куда более многочисленных исследователей.

Несмотря на интенсивную разработку проблематики значимых отношений, остается открытым вопрос: какие характеристики индивида ответственны за преобразования, которые он производит в мотивационно-смысловой и эмоциональной сферах людей? Важно понять, что реально значимо для других людей как объектов его намеренного или мимовольного влияния. Имеются в виду не узко-индивидуальные характеристики этого «значимого другого» (например, его характер, интересы, темперамент и т. п.), а его представленность в тех, с кем он имеет дело, т. е. собственно личностные проявления. По существу этот вопрос связан с проблемой научного определения критериев значимости другого, т. е. оснований четкого и обоснованного дифференцирования именно тех партнеров по взаимодействию и общению, которые являются действительно значимыми для человека, и тех, кто не может на это претендовать.

В 1988 году автором книги была предложена трехфакторная концептуальная модель «значимого другого».

Первый фактор — *авторитет*, который обнаруживается в признании окружающими за «значимым другим» права принимать ответственные решения в существенных для них обстоятельствах. За этой важной характеристикой стоят фундаментальные качества индивидуальности человека, которые позволяют ок-

ружающим полагаться на его честность, принципиальность, справедливость, компетентность, практическую целесообразность предлагаемых им решений. Если вести отсчет от исходной точки 0 к Р (рис. 2), то можно было бы, в случае точного измерения, зафиксировать множество состояний нарастаний этой представленной личности, иными словами, градации усиления «власти авторитета». Впрочем, авторитет — лишь высшее проявление этого типа позитивной значимости человека для других людей, и поэтому обозначим этот вектор более осторожно как референтность P^+. Вместе с тем существует и прямо противоположное позитивной референтности качество — то, что можно было бы условно назвать «антиреферентностью». Если, к примеру, обладающий таким негативным качеством человек порекомендует своему знакомому посмотреть некий кинофильм или прочитать книгу, то именно из-за похвал и оценок этого человека и книга не будет прочитана, и кинокартина не вызовет интереса. Обозначим антиреферентность P^-. Его крайняя точка выражает максимальное и категорическое неприятие всего, что исходит от негативно значимого человека. В некоторых случаях при этом «с порога» могут отвергаться и вполне разумные, доброжелательные его советы и предложения.

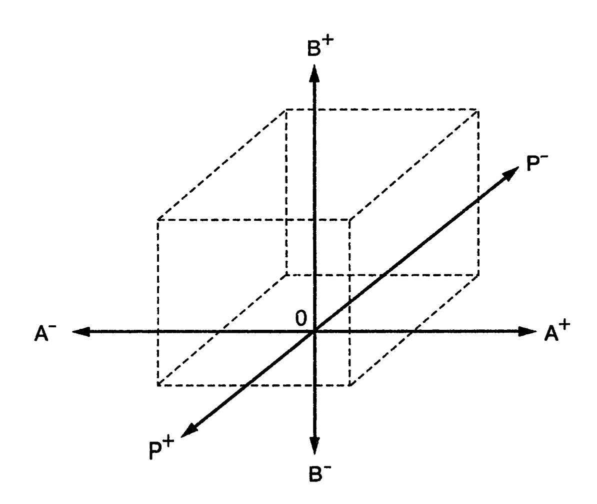

Рис. 2. Трехфакторная модель «значимого другого» по А. В. Петровскому

Второй фактор — *эмоциональный статус* «значимого другого» (аттракция), его способность привлекать или отталкивать окружающих, быть социометрически избираемым или отвергаемым, вызывать симпатию или антипатию. Эта форма репрезентации личности может не совпадать с феноменами референтности или авторитетности, которые в наибольшей степени обусловлены содержанием совместной деятельности.

Однако их значение в структуре личности «значимого другого» не следует недооценивать: враг в известном смысле не менее значим для нас, чем друг, эмоциональное отношение к человеку может не способствовать успеху совместной деятельности, деформировать ее. На рис. 2 аттракция А представлена множеством

эмоциональных установок, располагающихся как по нарастанию от точки 0 к точке A^+, так и в противоположном направлении — к точке A^-.

Третий фактор репрезентативности личности — *властные полномочия субъекта*, или статус власти. Как это ни парадоксально, но генерал менее значим для солдата, чем сержант, с которым рядовой взаимодействует непосредственно. Разрушение той или иной организации автоматически включает механизм действия статусных отношений. Выход субъекта, наделенного властными полномочиями, из служебной иерархии нередко лишает его статуса «значимого другого» для его сослуживцев. Это происходит, разумеется, если его служебный статус не сочетался с более глубинными личностными характеристиками — референтностью и аттракцией. Примеры подобного «низвержения с Олимпа», а следовательно, утраты значимости конкретного лица может привести каждый. Но пока статус индивида достаточно высок, он не может не быть «значимым другим» для зависимых от него лиц. У него в руках не «власть авторитета», но «авторитет власти». На рис. 2 возрастание статусных рангов получает отражение на векторе, ориентированном условной точкой B^+.

В то время как в одном направлении от исходной точки властные полномочия усиливаются, в другом нарастает прямо противоположный процесс все большей дискриминации «значимого другого» (здесь понятие «значимость» приобретает весьма специфический смысл — так может быть «значим» раб для господина, поскольку под угрозой жестокого наказания будет выполнять прихоти последнего). Обозначим подобную статусность B^-. По сути дела речь идет о том, что в случае «плюсовой» B-значимости с полным основанием можно говорить о субъектной значимости другого (субъект влияния), а в ситуации «минусовой» B-значимости — о его объектной значимости (объект влияния).

Построив модели «значимого другого» в трехмерном пространстве, мы получаем необходимые общие ориентиры для понимания механизмов взаимодействия людей в системе межличностных отношений.

Следует иметь в виду наличие для каждого индивида не одной, а многих сфер взаимодействия с другими людьми (деловые отношения, политическая позиция, семейные ситуации, область досуга и т. д.). В каждой из этих областей возможны не совпадающие с другими сферами бытия человека конфигурации указанных трех факторов значимости. Вероятно, в исследовательских целях следует выделить 2–3 области, являющиеся жизненно значимыми для субъекта. И трехфакторная модель «значимого другого» в этом случае должна быть использована применительно к каждой из них. Особой задачей в этом случае окажется построение математической модели, позволяющей дать конечную обобщающую характеристику «значимого другого». Таким образом, мы открываем для себя возможность более обоснованно подойти к выявлению меры личностной значимости и влияния человека в группе. В качестве примера рассмотрим несколько позиций в пространстве позитивных значений выделенных нами критериев значимости. Для обозначения их с целью возможной наглядности приходится прибегать к метафорам.

Позиция 1 — «кумир». Некто наиболее эмоционально привлекательный, обожаемый, непререкаемо авторитетный, но не имеющий формальной власти над субъектом ($B = 0$; P^+; A^+).

Позиция 2 — «божество». Те же характеристики, которыми наделен окружающими «кумир», но при этом высочайшие возможности влияния на судьбу человека, которые дают ему прерогативы власти (B^+; P^+; A^+).

Позиция 3 — «компетентный судья». Высокостатусный по своей социальной роли и авторитетный, знающий руководитель, но не вызывающий симпатии, хотя и неантипатичный (B^+; P^+; $A = 0$).

Позиция 4 — «советчик-компьютер». Этот человек не располагает высокой властной позицией, он несимпатичен, хотя и неантипатичен для окружающих, но, тем не менее, последние подчиняются ему или, во всяком случае, считаются с его решениями, понимая, что в данной области он реальный авторитет и, отказываясь от его советов и рекомендаций, можно проиграть ($B = 0$; P^+; $A = 0$).

Позиция 5 — «деревенский дурачок». Не располагающий статусом по своей социальной роли, глупый, но при этом симпатичный человек ($B = 0$; $P = 0$; A^+).

Позиция 6 — «заботливый начальничек». Обладающий властью руководитель, который вызывает у работающих с ним сотрудников благодарность за доброжелательное отношение, но профессионально не компетентный и потому не референтный. Авторитет его личности минимален, что легко обнаруживается в случае утраты им служебного положения (B^+; $P = 0$; A^+).

Позиция 7 — «кондовый начальник». Субъект, наделенный властными полномочиями, но не авторитетный для окружающих; беззлобный, в связи с чем не вызывает ни симпатий, ни антипатий (B^+; $P = 0$, $A = 0$).

Понятно, что́ описанные выше позиции не охватывают возможности, которые могли бы быть включены в полную модель «значимого другого». Рассмотренные несколько случаев — лишь частная иллюстрация эвристичности предлагаемого подхода. Так, например, в его рамках находят место и характеристики, связанные с антипатией, антиреферентностью и даже с «антистатусностью» личности, ее полным бесправием, фактически рабским положением, потерей не только власти, но и элементарной свободы действий. К счастью, в настоящее время в окружающей нас действительности последний случай встречается не слишком часто. Хотя, к примеру, положение «отверженного» («опущенного») в исправительно-трудовой колонии дает известные основания говорить именно о полной беззащитности и рабской покорности. Заметим, что прошлое открывает широкие возможности для отыскания параметров «значимого другого», являющегося заведомо безвластным, но обладающего высокими значениями по выраженности других, и в частности позитивных, факторов. Так, ученые типа С. П. Королева, являясь заключенными в бериевской «шарашке», при заведомом бесправии могли иметь и имели высочайшую референтность для начальника, поскольку от их творческих решений зависела его карьера и судьба. Это противоречие между статусом власти и авторитетом хорошо показано А. И. Солженицыным в книге «В круге первом».

Важность выделенных параметров определяется двумя обстоятельствами: во-первых, представлением о необходимости и достаточности именно этих характеристик «значимого другого», без учета которых нельзя понять сущность межличностных отношений, во-вторых, тем, что эта гипотеза ориентирована на получение необходимых данных для каждого конкретного случая значимости — и реализуемые властные полномочия, и референтность, и аттракция доступны для измерительных процедур.

Последнее обстоятельство позволило экспериментально подтвердить эвристичность трехфакторной модели «значимого другого», которая первоначально носила гипотетический характер.

Так, например, в одной из экспериментальных работ (М. Ю. Кондратьев) трехфакторная модель, будучи использована в качестве теоретического ориентира исследования статусных различий и процессов группообразования в закрытых воспитательных учреждениях разного типа (детские дома, интернаты, колонии для несовершеннолетних правонарушителей и др.), позволила выявить ряд важных социально-психологических закономерностей. В результате была получена развернутая картина межличностных отношений воспитанников как в их среде, так и при взаимодействии с воспитателями.

Подросток в этих условиях заведомо признает властные полномочия представителя вышестоящего статусного слоя и безоговорочно ему подчиняется. Но, как правило, этот человек подростку антипатичен ($В^+$; $Р^+$; $А^-$). Для высокостатусного же воспитанника «опущенный» не только не является «значимым другим», но и нередко вообще не воспринимается как личность, наделенная индивидуальными особенностями и способная к самостоятельным поступкам, его мнение не принимается во внимание, а образ негативно окрашен ($В^-$; $Р = 0$; $А^-$).

Таким образом, определяющей для характеристики отверженного члена этой группы является роль невольной и постоянной жертвы, которая ему уготована в этой общности.

Таковы в общих чертах характеристики потребности и способности быть личностью, выступающие перед нами в неразрывном единстве. Анализ способов и особенностей их реализации открывает путь к построению теории личности, реализующий принцип деятельностного опосредствования. Возможным способом экспериментального исследования феномена «личностного» в человеке является предложенный В. А. Петровским метод отраженной субъектности. Его суть состоит в исследовании личности субъекта косвенным образом — путем анализа изменений смысловой и эмоциональной сферы личности других индивидов, находящихся с ним в реальном или идеально представляемом взаимодействии (включая его воображаемое присутствие). Этот методический принцип оказывается общим для ряда конкретных экспериментальных методик.

Некоторые примеры применения метода отраженной субъектности даны в начале этой главы: выясняя наличие и направленность сдвигов в смысловых структурах испытуемых, исследователь фиксирует способность субъекта персонализироваться в других индивидах и качественные особенности этой способности.

7. Развитие личности

Развитие личности можно представить как реализацию потребности индивида в персонализации, вступающую в противоречие со сложившимися возможностями ее осуществления в данной общности и происходящую в определенной системе межиндивидных отношений. В том случае, если индивид попадает в относитель-

но стабильную социальную среду, он проходит через три фазы своего становления как личности.

Первая фаза предполагает усвоение действующих норм и овладение соответствующими средствами и формами деятельности и тем самым относительное уподобление индивида другим членам той же общности (адаптация).

Вторая фаза порождается обостряющимся противоречием между необходимостью «быть таким, как все» и стремлением индивида к максимальной персонализации, что характеризуется поиском средств и способов для обозначения своей индивидуальности (индивидуализация).

Третья фаза (интеграция) обусловливается противоречиями между стремлением индивида быть идеально представленным своими особенностями и отличиями в общности и потребностью общности принять, одобрить и культивировать лишь те его индивидуальные особенности, которые способствуют успеху совместной деятельности, обеспечивают развитие общности и тем самым развитие самого индивида. В результате происходит интеграция личности в группе или — в случае неустранения противоречия — дезинтеграция и как следствие — либо вытеснение личности из данной общности, либо деградация с возвратом на более ранние стадии развития.

Однако социальная среда, в которой происходит развитие личности, отнюдь не стабильна, а динамична. Личность формируется в группах, координированных со ступенями индивидуального развития. Тип развития личности определяется типом группы, в которую она включена и в которой она интегрирована: в дошкольном и младшем школьном возрасте это преимущественно просоциальные ассоциации; в подростковом и раннем юношеском возрасте — просоциальные или в отдельных случаях асоциальные ассоциации сверстников; в юношеском возрасте — коллективы или корпоративные группы.

Примечательно, что традиционная психология личности абсолютизирует абстракт каждой из указанных стадий, из которого «растет» та или иная психологическая система: психоаналитическая (из абсолютизации абстракта развития в раннем детстве), необихевиористская «социального научения» (из абстракта психологии дошкольника и младшего школьника), гуманистическая с ее акцентом на «самоактуализацию» (из абстракта подросткового самоутверждения). Очевидно, что в качестве модели психологии взрослого человека неправомерно принимаются модели личности человека, еще не интегрированного в обществе.

В перспективе исследование личности в русле излагаемой концепции будет проводиться в трех основных направлениях.

Первое направление — это рассмотрение взаимосвязи (взаимопереходов) между тремя определяющими личность сторонами: ее интра-, интер- и метаиндивидными проявлениями. Здесь могут быть выделены две несовпадающие стратегии в исследовании.

В первом случае исходным пунктом становится внутренний мир человека, личность которого подлежит изучению: его побуждения, способности, знания, воплощаемые в поступках и оказывающие то или иное влияние на жизнь других людей. Будет выявлено, как те или иные известные качества индивидуальности субъекта отражаются в жизни других людей. Допустим, человек конкурентен, агрессивен и не отличается высоким интеллектом; каковы последствия взаимодей-

ствия с ним для других людей (его сослуживцев, домочадцев и др.)? Продвигаясь по данному пути, мы не открываем каких-либо новых индивидуальных качеств исследуемого человека, зато выявляем, быть может, не известные до сих пор характеристики его «личностности» — стимуляцию чувства тревоги у одних, реакцию активного противодействия у других и т. п. Помимо более или менее предсказуемых (вроде перечисленных), могут обнаружиться и несколько неожиданные феномены, к примеру, активизация процессов межличностного познания (рост восприимчивости), изменение уровня самоуважения партнеров по общению и т. д. Двигаясь от события-причины (индивидуальные проявления, особенности) к событию-следствию (влияния, запечатления), исследователь как бы оспаривает тютчевское «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется».

Другой путь исследования — это продвижение от событий-следствий (эффекты влияний) к их возможным причинам, лежащим в сфере жизненных проявлений субъекта влияния, т. е. индивида, чья личность интересует исследователя. В этом случае мы, возможно, придем к открытию некоторых новых качеств индивидуальности, которые оказываются причиной перестройки поведения и сознания других людей. Например, одна из таких черт — способность человека своим присутствием изменять уровень стремления к риску у других людей. Сделав этого человека «наблюдателем» за поведением испытуемых, можно проследить подобное влияние. Основной эффект заключается в существенном повышении «рисковости» испытуемого в контакте именно со знакомыми ему наблюдателями. Конечно, указанием на факт знакомства не могла быть исчерпана интерпретация феномена. Необходимо было выяснить, что же в наблюдателе (в чертах его личности) обусловливает эффект сдвига к риску. Этот вопрос оказался достаточно сложным. Никакие из известных нам черт характера, которые, казалось бы, могли объяснить происходящее, и никакие известные характеристики взаимоотношений наблюдателя и испытуемого не приближали нас к пониманию истоков такого влияния. И тем не менее искомое качество субъекта, оказывающего влияние, все-таки было найдено; оно заключалось в том, что он сам был подвержен влиянию других людей, которое увеличивало его собственное стремление к риску. «Подверженность наблюдателей влиянию» пока неизвестным образом «передавалась» испытуемым, «транслировалась» им. В поле зрения психолога, таким образом, оказалось совершенно не известное ранее качество индивидуальности, обусловившее соответствующие эффекты влияния.

Как можно видеть, оба пути исследования (от индивидуальных качеств субъекта к тем влияниям, которые он оказывает на окружающих, и наоборот — от эффектов влияния к качествам индивидуальности) перекрещиваются. Область их пересечения — исследование деятельности и общения, в которых осуществляется персонализация индивидов друг в друге.

Второе направление в разработке проблемы персонализации — это диагностика индивидуальных черт человека по эффектам отраженной субъектности. Простой пример. Допустим, нас интересует интеллектуальный уровень определенного индивида. Вопрос состоит в следующем: какие приемы исследования окружающих его людей нужно использовать для того, чтобы в условиях их реального или воображаемого взаимодействия с ним сделать вывод об уровне его интеллекта? Речь идет о построении специальных процедур, реализующих метод отраженной

субъектности и при этом отвечающих основным требованиям, которым должен «подчиняться» тест. Решение этой и подобных задач требует большого объема экспериментальной работы.

Наконец, третье направление в разработке концепции персонализации определяется задачей развития личности, и в частности ее самосознания. Если «я» субъекта реально погружено в сферу бытия других людей и этот факт может быть осознан им самим, то, вероятно, могут быть выделены такие периоды в развитии индивида как личности, в которые он наиболее восприимчив к принятию идеи бессмертия как своей идеальной представленности и продолженности в других людях. Речь идет, прежде всего, об эмоциональном, а не только о рациональном признании подобного пути к бессмертию личности. Известно, что большинство детей 4–5 лет верят в собственное бессмертие (Е. В. Субботский), однако далее утрачивают это чувство. Если сказанное здесь о продолженности человека в человеке как условии и проявлении бессмертия есть реальность, то, может быть, удастся поддержать и укрепить веру ребенка в бессмертие, претворив ее в чувство личной ответственности за происходящее в мире, в котором он живет и действует.

Л. С. Выготский еще в начале 30-х годов сформулировал принцип «социальной ситуации развития личности»: отношение между ребенком и окружающей его социальной средой выступает как условие формирования его личности. Этот принцип получает свое продолжение в наших разработках проблематики развития личности — упомянутая выше идея о существовании и преодолении в деятельности противоречия между потребностью индивида в персонализации и объективной заинтересованностью значимой для него общности принимать лишь те проявления его индивидуальности, которые соответствуют целям и задачам развития этой общности и, следовательно, самого индивида как личности, в эту общность включающейся. Это позволяет построить новую социально-психологическую периодизацию развития личности, указать основные фазы восхождения человека к социальной зрелости, выделить моменты обострения противоречий в процессе развития личности и наметить пути их успешного разрешения.

В концепции персонализации интегрируются идеи общей, социальной и возрастной психологии, возможности и интересы практической психологии личности, что выражает одну из современных тенденций построения общей психологии, о создании которой в свое время размышлял Л. С. Выготский и которую, разумеется, нельзя путать с общей психологией в расхожем смысле этого слова, о чем еще пойдет речь далее.

ГЛАВА 6

«Сухой остаток» истории психологии

1. Предтеча категориального синтеза

Особое место среди прочих областей психологии занимает так называемая «общая психология». Общая психология в книгах и учебниках всегда рассматривалась как отрасль психологической науки, задачей которой является изучение ее наиболее общих закономерностей. В содержание общей психологии включалось также рассмотрение методов изучения, которыми пользуется эта наука, принципов, которых она придерживается, основных научных понятий, вошедших в ее обиход. Сюда же включалась краткая история развития психологической мысли. Тем самым общая психология выступала как объединение несистематизированных, разнообразных проблем, для которых не нашлось места в конкретных отраслях психологического знания (педагогической, инженерной, военной, юридической и многих других). Как правило, основное содержание учебников по общей психологии, в том числе написанных автором настоящей книги, составляло подробное рассмотрение различных психических функций. Таким образом, общая психология в том виде, в котором она представлена в различных руководствах, выступает в качестве пропедевтики психологического познания. Лишь абстрагируясь от конкретных исследований, осуществляемых в отраслях психологии, перечисленных выше, можно обнаружить и описать эти общие принципы, методы, закономерности и понятия. Общая психология иногда именуется теоретической психологией.

Однако в том виде, в каком она обычно представлена в книгах, у нее нет основания претендовать на этот статус. В ее состав обычно входят: описание характеристик ощущений, восприятия, памяти, воображения, мышления, психической саморегуляции; дифференциально-психологических особенностей психики человека.

Таким образом, перед нами классический пример понимания психологии с позиций функционализма. Общая психология в этом случае не рассматривается как сколько-нибудь целостная упорядоченная система знаний. Различные психические функции выступают здесь как рядоположенные друг другу, не интерпретируются в качестве системообразующих и потому не имеют категориального характера. Стремясь преодолеть функционализм и заявляя на словах об отказе от него, авторы учебников привычно следовали за традиционным описанием психических функций, где, к примеру, «категория» ощущения оказывалась рядоположенной категории личности, а «категория» навыка — категории деятельности. В перечне когнитивных процессов возможен был любой порядок изложения. Он мог начинаться, как это было принято, с ощущения, а мог иметь своим началом

аффективно-потребностную сферу человека, запускающую в ход «познавательный» процесс.

Функционализму традиционной общей психологии должен быть противопоставлен иной принцип построения психологического знания — теоретическая психология.

Предметом теоретической психологии является саморефлексия психологической науки, выявляющаяся и исследующая ее категориальный строй (протопсихические, базисные, метапсихологические, экстрапсихологические категории), объяснительные принципы (детерминизм, системность, развитие), ключевые проблемы, возникающие на историческом пути развития психологии (психофизическая, психогностическая и др.), а также само психологическое познание как особый род деятельности.

Термин «теоретическая психология» встречается в трудах многих авторов, однако он не был использован для оформления особой научной отрасли.

Элементы теоретической психологии, включенные в контекст как общей психологии, так и прикладных ее отраслей, представлены в трудах российских и зарубежных ученых. Анализу подвергались многие аспекты, касающиеся природы и структуры психологического познания. Саморефлексия науки обострялась в кризисные периоды ее развития. Так, на одном из рубежей истории, а именно в конце XIX — начале XX столетия, разгорелись дискуссии по поводу того, на какой способ образования понятий должна ориентироваться психология — либо на тот, что принят в науках о природе, либо на тот, что относится к культуре. В дальнейшем с различных позиций обсуждались вопросы, касающиеся предметной области психологии, в отличие от других наук, и специфических методов ее изучения. Неоднократно затрагивались такие темы, как соотношение теории и эмпирии, эффективность объяснительных принципов, используемых в спектре психологических проблем, значимость и приоритетность самих этих проблем и др. Наиболее весомый вклад в обогащение научных представлений о своеобразии самой психологической науки, ее состава и строения внесли российские исследователи советского периода П. П. Блонский, Л. С. Выготский, М. Я. Басов, С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов. Однако до сих пор не были выделены ее собственные составляющие из содержания различных отраслей психологии, где они существовали с другим материалом (понятиями, методами изучения, историческими сведениями, практическими приложениями и т. п.). Так, С. Л. Рубинштейн в своем капитальном труде «Основы общей психологии» дает трактовку различных решений психофизической проблемы и рассматривает концепцию психофизиологического параллелизма, взаимодействия, единства. Но этот круг вопросов не очерчивается им как предмет изучения особой отрасли, отличной от общей психологии, которая обращена прежде всего к анализу психических процессов и состояний. Теоретическая психология, таким образом, не выступила для С. Л. Рубинштейна (как и для других ученых) в качестве особой интегральной научной дисциплины.

Особенностью формирования теоретической психологии в настоящее время является противоречие между уже сложившимися ее компонентами (категориями, принципами, проблемами) и ее непредставленностью как целостной области, как системы психологических категорий. Нами сделана попытка устранить это противоречие.

Мы имеем дело с «открытостью» этой научной отрасли для включения в нее многих новых звеньев. В этой связи целесообразно говорить об «основах теоретической психологии», имея в виду дальнейшую разработку проблематики, обеспечивающую целостность научной области.

В контексте теоретической психологии возникает проблема соотношения эмпирического знания и его теоретического обобщения. При этом сам процесс психологического познания рассматривается как особого вида деятельность. Отсюда, в частности, возникает также проблема соотношения объективных методов исследования и данных самонаблюдения (интроспекции). Неоднократно вставал сложный в теоретическом отношении вопрос о том, что фактически дает интроспекция, могут ли результаты самонаблюдения рассматриваться наравне с тем, что удается обрести объективными методами (Б. М. Теплов). Не получается ли так, что, заглядывая в себя, человек имеет дело не с анализом психических процессов и состояний, а только лишь с внешним миром, который в них отображен и представлен?

Важной стороной рассматриваемой отрасли психологии выступают ее прогностические возможности. Теоретическое знание является системой не только утверждений, но и предсказаний по поводу возникновения различных феноменов, переходов от одного утверждения к другому без непосредственного обращения к чувственному опыту.

Выделение теоретической психологии в особую сферу научного знания обусловлено тем, что психология способна собственными силами, опираясь на собственные достижения и руководствуясь собственными ценностями, постичь истоки своего становления, перспективы развития. Еще памятны те времена, когда «методология решала все», хотя процессы возникновения и применения методологии могли не иметь с психологией ничего общего. У многих до сих пор сохраняется вера в то, что предмет психологии и ее основные категории могут быть изначально взяты откуда-то извне — из области внепсихологического знания. Огромное число распространенных методологических разработок, посвященных проблемам деятельности, сознания, общения, личности, развития, написаны философами, но при этом адресованы именно психологам. Последним вменялось в обязанность особое видение своих задач — в духе вполне уместного в конце XIX века вопроса «Кому и как разрабатывать психологию?», т. е. в поиске тех областей научного знания (философии, физиологии, теологии, социологии и т. д.), которые созидали бы психологическую науку. Конечно, поиск психологией в себе самой источников своего роста, «ветвлений», расцвета и появления ростков новых теорий был бы абсолютно немыслим вне обращения психологов к специальным философским, культурологическим, естественно-научным и социологическим работам. Однако при всей значимости той поддержки, которую оказывают психологии непсихологические дисциплины, они не способны подменить собой труд самоопределения психологической мысли. Теоретическая психология отвечает на этот вызов: она формирует образ самой себя, вглядываясь в свое прошлое, настоящее и будущее.

Теоретическая психология не равна сумме психологических теорий. Подобно любому целому, она представляет собой нечто большее, чем собрание образующих ее частей. Различные теории и концепции в составе теоретической психологии ведут диалог друг с другом, отражаются друг в друге, открывают в себе то об-

щее и особенное, что роднит или отдаляет их. Таким образом, перед нами — место «встречи» этих теорий.

До сих пор ни одна из общепсихологических теорий не могла заявить о себе в качестве теории, действительно общей по отношению к совокупному психологическому знанию и условиям его обретения. Теоретическая психология изначально ориентирована на построение подобной системы научного знания в будущем. В то время как материалом для развития специальных психологических теорий и концепций служат факты, получаемые эмпирически и обобщаемые в понятиях (первая ступень психологического познания), материалом теоретической психологии являются сами эти теории и концепции (вторая ступень), возникающие в конкретных исторических условиях.

Неразрывно связанные области психологической науки — история психологии и теоретическая психология — тем не менее существенно различаются по предмету исследования. Задачи историка психологии состоят в прослеживании путей развития исследований и их теоретического оформления в связи с перипетиями гражданской истории и во взаимодействии со смежными областями знаний. Историк психологии следует от одного периода становления науки к другому, от характеристики взглядов одного видного ученого к анализу воззрений другого. В отличие от этого теоретическая психология использует принцип историзма для аналитического рассмотрения результата развития науки на каждом его (развития) этапе, вследствие чего становятся явными составляющие современного теоретического знания в наиболее значимых характеристиках и подходах. Исторический материал в этих целях привлекается для осуществления теоретического анализа.

Поэтому целесообразно обратиться прежде всего к деятельности российских психологов, чьи труды в силу идеологических препон оказались очень слабо представленными в мировой психологической науке. Вместе с тем предложенные для рассмотрения основания теоретической психологии можно было бы построить на материале, полученном путем анализа американской, французской, немецкой или какой-либо другой психологии. Правомерность подобного взгляда можно объяснить тем обстоятельством, что в российской психологии фактически оказались отраженными (при всех трудностях их ретрансляции сквозь «железный занавес») основные направления психологической мысли, представленные в мировой науке. При этом имеются в виду работы российских психологов И. М. Сеченова, И. П. Павлова, В. А. Вагнера, С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского. Именно инвариантность теоретической психологии дает возможность рассматривать ее внутри ныне существующих и не утративших своей значимости научных школ и направлений. Поэтому для характеристики теоретической психологии нет основания использовать наименование «история психологии» и в такой же мере — «теория психологии», хотя и история, и теория психологии входят в ее состав.

В 1971 году М. Г. Ярошевский ввел понятие о «категориальном строе психологической науки» в отличие от традиционного понятия об общефилософских категориях, охватывающих всеобщие формы бытия и познания[1].

---

[1] *Ярошевский М. Г.* Психология в XX столетии. — М., 1971.

Это нововведение не было результатом умозрительных построений. Занимаясь историей психологии, М. Г. Ярошевский рассмотрел причины распада некоторых психологических школ и течений. Он обнаружил, что их создатели ориентировались на один относительно изолированный, заведомо приоритетный для исследователей психологический феномен (к примеру, бихевиоризм положил в основу своих взглядов поведение, действие; гештальтпсихология — образ; и т. д.). Иными словами, в ткани психологической реальности они выделили якобы единственную инвариантную «универсалию», ставшую основанием для конструирования общей психологической теории во всех ее ответвлениях. С одной стороны, это позволяло легче выстроить логику развития системы исследований, перехода от одних экспериментально проверенных утверждений к другим, уверенно прогнозируемым. С другой стороны, это сужало сферу применения исходных принципов, поскольку не опиралось на основания, явившиеся исходными для других школ и направлений. Введение категориального строя как фундамента, на котором выстраиваются основные психологические понятия, имело принципиальное значение. В психологии, как и во всех науках, категории выступили наиболее общими и фундаментальными определениями, охватывающими наиболее существенные свойства и отношения изучаемых явлений. Применительно к бесчисленному множеству психологических понятий выделенные и описанные категории были, как позднее выявилось, системообразующими, позволяющими строить категории более высокого порядка — метапсихологические категории (по А. В. Петровскому). В то время как базисными категориями являются: «образ», «мотив», «действие», рожденные, соответственно, в гештальтпсихологии, психоанализе, бихевиоризме, к «метапсихологическим категориям» могут быть отнесены, соответственно, «сознание», «ценность», «деятельность» и др. Ниже (см. раздел 2 настоящей главы) будет показана также возможность и необходимость расширения категориального строя психологии за пределами базисного и метапсихологического уровней, что позволяет судить о предшествующих базисному уровню «протопсихологических категориях» и выстраивающихся над метапсихологическим уровнем «экстрапсихологических категориях». Если базисные категории — своего рода атомы психологического знания, то метапсихологические категории можно сравнить с молекулами, хотя подобные аналогии в высшей степени условны.

Выделение наряду с базисными метапсихологических категорий и соответствующих им онтологических моделей (см. главу 2) позволяет переходить к наиболее полному постижению и объяснению психологической реальности. На этом пути открывается возможность рассмотреть теоретическую психологию как научную дисциплину, имеющую метафизический характер. При этом метафизика понимается здесь не в традиционном для марксизма смысле — как противоположный диалектике философский метод (рассматривающий явления в их неизменности и независимости друг от друга, отрицающий внутренние противоречия как источник развития).

Между тем этот плоский подход к пониманию метафизики, игнорирующий ее реальное значение, уходящее корнями в учение Аристотеля, может и должен быть здесь отброшен при обращении к идеям русского философа В. С. Соловьева. С его точки зрения, метафизика — это, прежде всего, учение о сущностях и явлениях, закономерно сменяющих друг друга, совпадающих и не совпадающих друг с дру-

гом. С позиции В. С. Соловьева, противопоставление между сущностью и явлением не выдерживает критики — не только гносеологической, но и просто логической. Эти два понятия имеют для него значение соотносительное и формальное. Явление обнаруживает, проявляет свою сущность, и сущность обнаруживается, проявляется в своем явлении — а вместе с тем то, что есть сущность в известном отношении или на известной ступени познания, есть только явление в другом отношении или на другой ступени познания. Обращаясь к психологии, этот философ подчеркивал (ниже используем типичную для него фразеологию):

> «...слово или действие есть явление или обнаружение моих скрытых состояний мысли, чувства и воли, которые непосредственно не даны постороннему наблюдателю и в этом смысле представляют для него некоторую “непознаваемую сущность”».

Однако (по В. С. Соловьеву) она познается именно через свое внешнее явление; но и эта психологическая сущность, например определенный акт воли, есть только явление общего характера или душевного склада, который в свою очередь не есть окончательная сущность, а только проявление более глубокого — задушевного — существа (умопостигаемого характера, по И. Канту), на что непререкаемо указывают факты нравственных кризисов и перерождений. Таким образом, и во внешнем, и во внутреннем мире провести определенную и постоянную границу между сущностью и явлением, а следовательно, и между предметом метафизики и положительным в науке совершенно невозможно, и безусловное их противоположение есть явная ошибка.

Метафизические воззрения В. С. Соловьева имеют важнейшее значение для осмысления объяснительного принципа построения категориальной системы в теоретической психологии. В метапсихологических категориях проявляются сущностные характеристики базисных категорий. Вместе с тем сами метапсихологические категории могут выступать в качестве сущностных для других категорий более высокого порядка.

Метафизика — в понимании указанного автора — может стать предметом особого внимания при разработке системы теоретической психологии. Еще в начале 60-х годов автор книги, не будучи знаком с трудами В. С. Соловьева, в те времена практически недоступными и тем более не цитируемыми, пришел к заключению, которое ныне можно рассматривать как предтечу понимания взаимоотношений базисной и метапсихологической категорий. Для него было очевидно, что потребность является сущностью, а мотив — проявлением этой сущности. Последний, «опредмечиваясь», порождает внутреннюю цель активности человека, идеальный предмет (здесь он обозначен как «ценность», отнесенная к экстрапсихологическому уровню категориальной системы). Отсюда — построение кластера «нужда» — «потребность» — «мотив» — «ценность» — «идеал». Именно эта «вертикаль» категориальной системы психологии послужила для автора моделью для построения всех других кластеров, и тем самым системы категорий в целом. Для подтверждения вышесказанного целесообразно привести цитату из статьи «Потребность», написанной автором совместно с М. Б. Туровским для 4-го тома «Философской энциклопедии» (1967): «Отношение между потребностями и мотивами не может быть понято как отношение между членами одного ряда. Рассматривая отноше-

ние потребности к мотивам как отношение сущности к явлениям, можно найти адекватный подход к проблеме мотивации. Специфические трудности этой проблемы связаны с тем, что мотивы поведения даны непосредственно, тогда как потребность в качестве сущности скрыта. Представленная в потребности зависимость личности от общества проявляется в мотивах ее действий, но сами они выступают как форма кажущейся спонтанности поведения индивида. Если в потребности деятельность человека по существу зависима от ее предметно-общественного содержания, то в мотивах эта зависимость проявляется в виде собственной активности субъекта. Поэтому открывающаяся в поведении личности система мотивов богаче признаками, эластичней, подвижней, чем потребность, составляющая ее сущность». (Понятие «нужда», как предшествующая «потребности», в которой она проявляется, фигурирует в цитированной выше статье «Потребность».) С этой же целью можно привести цитату из более ранней статьи тех же авторов «Мотивы», опубликованной в 1964 году в 3-м томе той же «Философской энциклопедии»: «Поскольку потребности человека детерминированы его общественно-исторической деятельностью, то мотивы, как форма проявления его потребностей, всегда означают то объективное, в чем эта потребность конкретизируется в данных условиях и на что направляется деятельность, как на побуждающее ее. В качестве побуждений сознательной деятельности мотивы являются “идеальными силами” и “идеальными стремлениями”».

Таким образом, более 30 лет назад автором был имплицитно заложен принцип построения категориальной системы психологии, которая в настоящее время оформляется им в качестве основы теоретической психологии.

2. От «клеточки психического» к матрице психосферы[1]

Посредством выявления категориального строя историзм психологического анализа дает историку психологии возможность перейти на позиции разработчика теоретической психологии.

Формулируя в качестве одного из принципов теоретической психологии принцип открытости категориального строя, исследователи получают возможность расширить базисные категории за счет психологического осмысления других понятий, фигурирующих в психологии, и, таким образом, могут быть построены новые диады: базисная категория — метапсихологическая категория. Так, например, к четырем базисным категориям, впервые введенным М. Г. Ярошевским при характеристике категориального строя психологии, присоединяются еще две — «Переживание» и «Субъект».

Метапсихологическое развитие этих категорий (на основе других, базисных) может быть найдено, соответственно, в таких категориях, как «Чувство» и «Я».

[1] Основу этого раздела образуют исследования, предпринятые и опубликованные автором совместно с В. А. Петровским.

Итак, в данный момент разработки проблем теоретической психологии может быть отмечена возможность восходящего движения конкретизации базисных психологических категорий в направлении метапсихологических категорий различной степени обобщенности и конкретности. Вырисовывается следующий ряд соответствий между базисными и метапсихологическими категориями:

Образ → Сознание

Мотив → Ценность

Переживание → Чувство

Действие → Деятельность

Взаимоотношения (интеракция, взаимодействие)[1] → Общение

Субъект → Я

Ситуация → Предметность[2]

Определяемое ниже соотношение базисных и метапсихологических категорий может быть осмыслено следующим образом: в каждой метапсихологической категории раскрывается некоторая базисная психологическая категория через соотношение ее с другими базисными категориями (что позволяет выявить заключенное в ней «системное качество»). В то время как в каждой из базисных категорий каждая другая базисная категория существует скрыто, «свернуто», каждая метапсихологическая категория представляет собой «развертку» этих латентных образований. Взаимоотношения между базисными категориями психологии можно сравнить со взаимоотношениями лейбницевских монад: каждая отражает каждую. Если же попытаться метафорически выразить взаимоотношения между базисными и метапсихологическими категориями, то будет уместно вспомнить о голограмме: часть голограммы (базисная категория) заключает в себе целое (метапсихологическая категория). Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на любой фрагмент этой «голограммы» под определенным углом зрения.

В логическом отношении каждая метапсихологическая категория определяется через слитную субъект-предикативную конструкцию, в которой положение субъекта занимает некоторая базисная категория (один из примеров: «Образ» как базисная категория в метапсихологической категории «Сознание»), а в качестве предиката выступает соотношение этой базисной категории с другими базисными категориями — «Мотивом», «Действием», «Отношением» («Взаимоотношениями», «Интеракцией»), «Переживанием».

Так, метапсихологическая категория «Сознание» рассматривается как развитие базисной психологической категории «Образ», а, например, базисная категория «Действие» обретает конкретную форму в метапсихологической категории «Деятельность» и т. п. Базисную категорию в функции логического субъекта какой-либо метапсихологической категории будем называть ее «категориальным ядром», а категории, посредством которых данная ядерная категория превращается

---

[1] Думается, М. Г. Ярошевский, введя в качестве базисной категории «психосоциальное отношение», по сути, имел в виду то, что может быть более кратко обозначено как «взаимоотношения», или «интеракция».

[2] Соотношение категорий «Ситуация» → «Предметность» получает в последующем необходимое пояснение.

в метапсихологическую, обозначим как «оформляющие» («конкретизирующие»). Формальное соотношение между базисными и метапсихологическими категориями изображено на рис. 3.

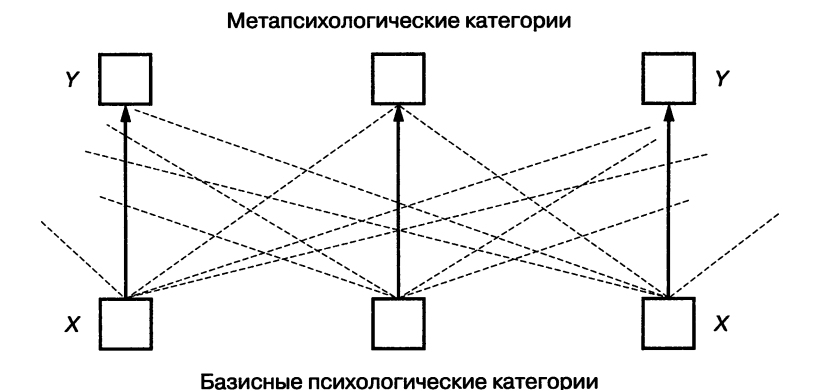

Рис. 3. Базисные (ядерные) категории связаны с метапсихологическими категориями жирными вертикальными линиями, а оформляющие – тонкими наклонными пунктирами

Из приведенного рисунка видно, что в соответствии с принципом открытости категориальной системы теоретической психологии ряд базисных психологических категорий, как и ряд метапсихологических, открыт. Это объясняется тем, что некоторые категории рождаются только сегодня (к примеру, «Ситуация» → «Предметность»); как и все, возникающие «здесь и теперь», они оказываются пока отчасти за пределами актуальной саморефлексии науки.

Предлагаемый способ восхождения к метапсихологическим категориям с опорой на категории базисного уровня далее кратко иллюстрируется на примере их соотнесения.

Образ → Сознание. Действительно ли «Сознание» является метапсихологическим эквивалентом базисной категории «Образ»? В литературе последнего времени высказываются мнения, исключающие подобную версию. Утверждается, что сознание не есть, как полагал, например, А. Н. Леонтьев, «в своей непосредственности... открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния», и не есть «отношение к действительности», а есть «отношение в самой действительности», «совокупность отношений в системе других отношений», «не имеет индивидуального существования или индивидуального представительства». Другими словами, сознание якобы не есть образ — акцент переносится на категорию «Отношение». Подобный взгляд, как нам представляется, вытекает из ограниченного представления о категории «Образ». Упущена связь между понятием «Образ» и имеющим многовековую традицию в истории философской и психологической мысли понятием «идея». Идея есть образ (мысль) в действии, продуктивное представление, формирующее свой объект. В идее преодолевается оппозиция субъективного и объективного (вполне резонно полагать, что «идеи творят мир»). Выявляя в образе то, что характеризует его со стороны его действенности (а значит, «Мотивов», «Взаимоотношений», «Пере-

живаний» субъекта), мы определяем его как «Сознание». Итак, «Сознание» есть целостный образ действительности (что в свою очередь означает область человеческого действия), реализующий мотивы и отношения субъектов и включающий в себя его самопереживание, наряду с переживанием внеположности мира, в котором существует субъект. Итак, логическим ядром определения категории «Сознание» здесь является базисная категория «Образ», а оформляющими категориями — «Действие», «Мотив», «Взаимоотношения», «Переживание», «Субъект».

Мотив → Ценность. Проверка на прочность идеи восхождения от абстрактных (базисных) к конкретным (метапсихологическим) категориям может быть проведена также на примере развития категории «Мотив». В этом случае возникает сложный вопрос о том, какая метапсихологическая категория должна быть поставлена в соответствие этой базисной категории: «значимость» (Н. Ф. Добрынин)? «ценностность» (Н. И. Непомнящая)? «смысловое образование»? «ценностные ориентации»? Однако при всей несомненности того, что все эти понятия находятся в перекличке друг с другом и при этом соотносятся с категорией «Мотив», они не могут — по разным причинам — считаться метапсихологическим эквивалентом последней. Одно из решений этой проблемы — привлечение категории «Ценность». Спрашивая, каковы ценности этого человека, мы задаемся вопросом о сокровенных мотивах его поведения, но сам по себе мотив еще не есть ценность. Например, можно испытывать влечение к чему-либо или к кому-либо и вместе с тем стыдиться этого чувства. Являются ли такие побуждения «ценностями»? Да, но только в том смысле, что это — «негативные ценности». Данное словосочетание должно быть признано производным от исходной — «позитивной» — интерпретации категории «ценность» (говорят о материальных и духовных, предметных и экзистенциальных, познавательных и нравственных ценностях и т. д. и т. п.).

Таким образом, ценность — это не просто мотив, а мотив, характеризуемый определенным местом в системе самоотношений субъекта. Мотив, рассматриваемый как ценность, выступает в сознании субъекта как определяющая характеристика его существования в мире. Мы сталкиваемся с подобным пониманием ценности как в обыденном, так и в научном сознании («ценность» в обычном словоупотреблении означает «явление, предмет, имеющий то или иное значение, важный, существенный в каком-нибудь отношении»; в философском плане подчеркивается нормативно-оценочный характер «ценности»). Ценностно то, что человек, по словам Гегеля, признает своим.

Однако прежде чем мотив выступит перед индивидуумом как ценность, должна быть произведена оценка, а порой и переоценка той роли, которую мотив играет или может играть в процессах самоосуществления индивида. Иначе говоря, для того чтобы мотив был включен субъектом в образ себя и выступил, таким образом, как ценность, субъект должен осуществить определенное действие (ценностное самоопределение). Результатом этого действия является не только образ мотива, но и переживание данного мотива субъектом в качестве важной и неотъемлемой части его самого. Вместе с тем ценность есть то, что в глазах данного субъекта ценимо и другими людьми, т. е. обладает для них побудительной силой. Посредством ценностей субъект персонализируется (обретает свою идеальную представленность и продолженность в общении).

Мотивы-ценности, являясь сокровенными, активно раскрываются в общении, служа тому, чтобы «приоткрыть» общающихся друг другу. Таким образом, категория «Ценность» неотделима от базисной категории «Взаимоотношения» («Интеракция»), рассматриваемой не только во внутреннем, но и во внешнем плане. Итак, ценность — это мотив, который в процессе самоопределения рассматривается и переживается субъектом как его собственная неотчуждаемая «часть», что образует основу «самопредъявления» (персонализации) субъекта в общении.

Переживание → Чувство. Категория «Переживание» (в широком смысле слова) может рассматриваться как ядерная в построении метапсихологической категории «Чувство». С. Л. Рубинштейн в «Основах общей психологии» различал первичное и специфическое «Переживание». В первом значении (его мы рассматриваем как определяющее для установления одной из базисных психологических категорий) «переживание» рассматривается как сущностная характеристика психики, качество «принадлежности» индивиду того, что составляет «внутреннее содержание» его жизни; С. Л. Рубинштейн, говоря о первичности такого переживания, отличал его от переживаний «в специфическом, поддернутом смысле слова»; последние имеют событийный характер, выражая «неповторимость» и «значительность» чего-либо во внутренней жизни личности. Такие переживания, на наш взгляд, и составляют то, что может быть названо чувством. Специальный анализ текстов С. Л. Рубинштейна мог бы показать, что путь становления событийного переживания («чувства») есть путь опосредствования: образующее его первичное переживание выступает при этом в его обусловленности со стороны «Образа», «Мотива», «Действия», «Отношений» субъекта. Рассматривая, таким образом, «Переживание» (в широком смысле слова) как базисную категорию психологии, категорию «Чувство» — в логике восхождения — можно рассматривать как метапсихологическую категорию.

Действие → Деятельность. Метапсихологическим эквивалентом базисной категории «Действие» является категория «Деятельность». Деятельность есть целокупное (имеющее первоначально коллективно-распределенный характер) **самоценное действие**. Источником деятельности являются мотивы субъекта, ее целью — образ возможного в качестве прообраза того, что свершится, ее средствами — отдельные действия в направлении промежуточных целей, и, наконец, ее результатом — переживание отношений, складывающихся у субъекта с миром.

Интеракция (взаимоотношения) → Общение. Категория «Интеракция» («Психосоциальное отношение», «Взаимоотношения», «Взаимодействие», «Общение») является системообразующей (ядерной) для построения метапсихологической категории «Общение». Будучи включенным в диаду базисный — метапсихологический уровень «Интеракция» выступает как общение людей. «Общаться» — значит относиться друг к другу, содействовать или не содействовать, реализуя индивидуальные цели друг друга, закрепляя сложившиеся или формируя новые взаимоотношения. Конституирующей характеристикой отношений является принятие на себя позиции другого субъекта («проигрывание» его роли) и способность совместить в мыслях и чувствах собственное видение ситуации и точку зрения другого и таким образом действовать совместно с ним. Это возможно через совершение определенных действий. Цель этих действий — производство об-

щего (чего-то «третьего» по отношению к общающимся). Среди этих действий выделяются: коммуникативные акты (обмен информацией), акты децентрации (постановка себя на место другого) и персонализации (достижение субъектной отраженности в другом). Субъектный уровень отраженности заключает в себе целостный образ-переживание другого человека, создающий у его партнера дополнительные побуждения (мотивы).

Субъект → Я. В логике «восхождения от абстрактного к конкретному» категория «Субъект» может рассматриваться в качестве базисной при построении метапсихологической категории «Я». Может быть предложено следующее понимание «Я» (в ранге дефиниции): Я есть идея самобытия (в терминах Гегеля, «в-себе-» и «для-себя-бытия»), присущая субъекту. Эта идея включает в себя столь же субъект, сколь и присущие ему образ и переживание себя в системе взаимоотношений с другими субъектами в тех или иных ситуациях, а также — процессы самоотражения и «самостроительства» как его внутренне мотивированные действия (самоценность *cogito* и самополагания).

Как это очевидно из вышесказанного, было бы ошибкой зафиксировать лишь приведенную двучленную категориальную сетку как завершенную и конечную. Базисными и метапсихологическими категориями не исчерпывается категориальный анализ психологического познания, и его необходимо достроить, показав, что в каждой психологической категории представлено единство явления и сущности. В этом — принципиальная характеристика категориальной системы психологии.

В свое время в поисках отграничения специфической предметной области психологии Н. Н. Ланге ввел понятие «психосфера», призванное охватить богатство и многоплановость феноменов этой науки. При соотнесении представления Н. Н. Ланге о психосфере с фундаментальными идеями В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере возникает перспектива понять и описать подлинное место психосферы в едином пространстве, образуемом природой и социумом. По В. И. Вернадскому, биосфера представляет собой активную оболочку Земли, в которой совокупная деятельность живых организмов (в том числе человека) проявляется как фактор планетарного масштаба и значения. В. И. Вернадским вслед за Э. Леруа и П. Тейяром де Шарденом ноосфера понимается как новое эволюционное состояние биосферы, при котором разумная деятельность человека становится решающим фактором ее развития. Для ноосферы характерна тесная взаимосвязь законов природы с законами мышления и общества. Отсюда очевидно, что психосфера (сохраняя собственную уникальную предметность) интегрирует в превращенном виде процессы, совершающиеся в биосфере и ноосфере, тяготея в одних случаях к первой, в других — ко второй. Сказанное позволяет, исследуя базисные и метапсихологические категории, обратиться и к пространству биосферы, в недрах которой сложились протопсихологические категории, сущностно проявляющиеся в базисном категориальном строе психологии. Вместе с тем уровень метапсихологических категорий содержит сущностные характеристики по отношению к экстрапсихологической категориальной развертке, детерминированной специфическими характеристиками ноосферы. Отсюда следует, что, к примеру, «Потребность» (протопсихологическая категория) выступает, что было уже показано в предыдущем разделе, как сущность, а «Мотив» (базисная категория) — как

явление, в котором эта сущность обнаруживается. В свою очередь «Ценность» (метапсихологическая категория) проявляется в «Идеале» — категории экстрапсихологической. Итак, мы можем представить себе категориальную систему психологического познания как своего рода сетку, образующую пять уровней категорий (из которых первая не является собственно психологической, но остается сущностной по отношению к вышележащим психологическим категориям): биологические, протопсихологические, базисные психологические, метапсихологические и экстрапсихологические, охватывающие в целом всю психосферу и порождающие весь понятийный аппарат психологической науки. Например, условная вертикаль «нужда — потребность — мотив — ценность — идеал» включает величайшее множество психологических понятий (влечения, желания, интерес, склонность, ценностные ориентации и т. д.).

Ниже приведена таблица (табл. 1), достаточно полно характеризующая категориальную систему психологии[1].

Таблица 1

Категориальная система психологии

Кластеры / Плеяды	**Субстанциональность**	**Направленность**	**Активность**	**Когнитивность**	**Пристрастность**	**Событийность**	**Действительность**
Экстрапсихологические категории	Личность	Идеал	Свобода	Разум	Смысл	Сопричастность	Мир
Метапсихологические категории	Я	Ценность	Деятельность	Сознание	Чувство	Общение	Предметность
Базисные психологические категории	Субъект	Мотив	Действие	Образ	Переживание	Интеракция	Ситуация
Протопсихологические категории	Существо	Потребность	Рефлекс	Ощущение	Аффективность	Сосуществование	Поле
Биологические категории	Организм	Нужда	Метаболизм	Сигнал	Избирательность	Синергия	Среда

[1] Уже при беглом просмотре этой таблицы читателю, возможно, бросится в глаза то, что в ней отсутствует категория «психика». Разумеется, это не случайно. Психика, не являясь, по-видимому, «клеточкой» психологии, тем более не может быть размещена в клеточке таблицы. «Психика» — целокупность взаимопереходов между объективными и субъективными определениями бытия человека (шире — живых существ) (Петровский В. А., 2004) — может рассматриваться как условие построения самой категориальной таблицы, но отнюдь не в качестве «наполнения» одного из ее блоков.

Могут быть специфицированы как «параллели» (плеяды), так и «меридианы» (кластеры) категорий, которые упорядочены в приведенной таблице. Характеризуя плеяды категорий, мы выскажем здесь всего два суждения, обоснование которых требует специальной работы.

Каждая из категорий любой из строк, при всей своей специфичности, неотделима от каждой другой категории той же строки (например, категория «Я» из плеяды метапсихологических категорий немыслима вне соотношения с категориями «Ценность», «Деятельность», «Чувство», «Сознание», «Общение», «Предметность», а категория «Образ» (плеяда базисных психологических категорий) неотделима от категорий «Субъект», «Действие», «Переживание», «Интеракция», «Ситуация»).

Содержание категорий внутри каждой из пяти плеяд в строках таблицы характеризуется особым познавательным статусом. Ячейка в первом столбце последней строки таблицы, т. е. плеяда биологических категорий, указывает на явления, которые могут быть изучены объективными методами, «извне», подобно тому, как физики изучают объекты «подведомственной» им области знания. Интерпретация накапливаемых фактов при этом осуществляется на основе схем естественной причинности. Вторая строка таблицы — плеяда протопсихологических категорий — заключает в себе то, что на языке философии обозначается как ноумены — умопостигаемые сущности. Действительно, каждый из соответствующих объектов не дан наблюдателю непосредственно ни в показаниях датчиков, ни тем более путем прямого наблюдения извне. Например, даже такая, казалось бы, вполне наблюдаемая форма проявления активности, как рефлекс, не может быть осмыслена без введения особых конструктов, природа которых исключает возможность их «созерцания» (например, понятия о «промежуточных переменных» у Э. Толмена, «настроения» у М. Я. Басова и т. п.). Кроме того, и в интроспекции категории этой плеяды непосредственно не выступают (например, «потребность» приоткрывается нам исключительно в виде мотивов — переживаемых побуждений к действию). В отличие от плеяды протопсихологических категорий следующая плеяда — базисные психологические категории — заключает в себе явления, в той или иной мере доступные интроспекции. Это — плеяда феноменов. Данное положение справедливо даже по отношению к такой трудно уловимой категории, как «Субъект» (мы ощущаем свою субъектность, когда, например, совершаем выбор между двумя возможными действиями, или тогда, когда неожиданно обманываемся в своих ожиданиях, или тогда, когда действуем намеренно неадаптивно — в направлении непредрешенных исходов возможного опыта и т. д.). Метапсихологические категории — это плеяда идей. Каждая идея — это не просто мысль о чем-либо; это — единство мысли и мыслимого, мысль, заряженная импульсом самоосуществления. Например, категория «Я». Она представляет собой идею самоотраженности субъекта. А это значит, что сама мысль о себе как субъекте, способном себя созерцать, переживать, мыслить, творит его Я, ведя за собой процесс отражения. Вот почему невозможно изучать Я подобно тому, как мы изучаем физические тела. «Я», «Ценность», «Деятельность», «Чувство», «Сознание», «Общение», «Предметность» — все это идеи, творящие свой объект. И наконец, — плеяда экстрапсихологических категорий. Познавательный статус этих категорий парадоксален. Они будто играют в прятки с исследователем. Любой шаг познания здесь как бы

отталкивает от себя познаваемое содержание; объект исследования вступает в конкурентные отношения с самим исследователем, доказывая свою несводимость к чему-либо, что могло бы быть известно заранее. С каким, например, наслаждением признал свое «поражение» в попытках «понять» личность один из выдающихся ее исследователей, Р. Кеттелл, говоря, что личность подобна любви, все знают, что она **есть**, но никто не знает, **что** она есть. Напомним: споры об идеалах; принципиальная невозможность построить алгоритм творчества[1]; сопротивляемость личностных смыслов переводу их на чужой язык[2]; сокровенность миропостижения; интимность соучаствования.

Все это — приметы категорий особого рода; они могут быть названы «категории-контроверзы».

Обсудим теперь подробнее кластеры категорий, образующие столбцы приведенной матрицы.

Кластеры категорий психосферы («меридианы», вертикали, столбцы матрицы). Каждый из столбцов матрицы содержит в себе вполне определенный кластер категорий. Мы говорим о кластерах категорий, потому что каждая из вертикалей символизирует, и притом вполне отчетливо, то или иное фундаментальное психологическое измерение бытия человека.

Кластер субстанциональности. Объединяет в себе такие категории, как «Организм» (нулевой уровень), «Существо», «Субъект», «Я», «Личность» (высший уровень). Действительно, если под субстанциональностью понимать то, что соответствует этому термину в истории человеческой мысли, а именно свойство быть первоосновой чего-либо, что в конечном счете означает «быть причиной себя» («*causa sui*»), то можно убедиться в том, что именно такова суть всех категорий означенной вертикали. Свойство субстанциональности при этом все более полно раскрывает себя при переходе с нижней на все более высокие ступени в этом ряду. Так, если качество «самопричинности» применительно к организму раскрывается весьма ограниченно, означая «не более чем» жизнеспособность органического тела живого существа при взаимодействии с окружающей средой (воспроизводство собственной телесной целостности), то применительно к человеку данное качество означает также превращение окружающей природы в органическое тело самого человека (что предполагает уже не просто приспособление к природной среде, но и ее подчинение своей собственной воле). Точно такое же «нарастание» силы по мере продвижения вверх каждой из родовых категорий, охватывающих каждую из вертикалей, мы можем зафиксировать во всех других рассматриваемых случаях. Конспективно рассмотрим каждый из них.

Кластер направленности. Синонимы: «телеология», «устремленность». Род категорий, включающий в себя «Нужду» (нулевой уровень), «Потребность», «Мотив», «Ценность», «Идеал» (высший уровень). Категория «Нужда», характеризуя то, что насущно необходимо, не означает, что необходимое для существования организма изначально уже «записано» в нем, — речь может идти лишь о том,

---

[1] *Петровский В. А.* К пониманию творческой активности субъекта // Семинар по методологическим проблемам творчества / Под ред. М. Г. Ярошевского. — М., 1974.

[2] «И, может быть, в эту минуту / Меня на турецкий язык / Японец какой переводит / И в самое сердце проник», — весьма саркастически писал Осип Мандельштам.

в чем совершенно объективно нуждается организм; иными словами, последний может, так сказать, «и не догадываться» о своих подлинных интересах, и даже более того — никоим образом не обнаруживать их вовне. Что же касается потребности, то она как бы сама заявляет о себе активностью (потребность есть «зависимость как источник активности»). Далее — категория «Мотива»; в отличие от потребности вообще, мотив есть не что иное, как субъективированная устремленность — феноменальная данность потребности. Продолжая подъем «вверх» по вертикали, мы застаем такую форму интенциональности, как «Ценность» — здесь перед нами признанный самим индивидом, ставший целью его собственных действий мотив. И наконец — «Идеал»: осознанная личностью ценность, направляющая его деятельность, и более того, предъявляемая в общении как образец для всех.

Кластер активности. Этот кластер обобщает в себе такие категории, как «Метаболизм» (нулевой уровень), «Рефлекс», «Действие», «Деятельность», «Свобода» (высший уровень). Здесь сохраняется та же логика все более глубокого и существенного раскрытия родового определения бытия человека, что и в других случаях[1].

Каждый шаг продвижения вверх внутри кластера раскрывает категорию активности все более полно. Предлагаемая трактовка «активности» объединяет в себе две эпохи философии причинности — кантианско-гегелевскую и античную. В определении «активности» вообще мы следуем наиболее емкому из всех мыслимых определений, принадлежащему И. Канту: «Активность есть причинность причины». Высший уровень активности — «первопричинность» или, что то же самое, — «свободная причинность». В развитие взглядов Гегеля, свободная причина может быть осмыслена как *causa sui* («причина себя»), что и задает нам общее представление о высшей категории кластера активности («Свобода»). Такое понимание применительно к категориям психосферы конкретизируется в соответствии с учением Аристотеля о четырех причинах («материальной» — имеется в виду то, из чего строится что-либо, «формальной» — то, по форме чего строится, «действующей» — то, что или кто строит, и «целевой» — то, ради чего строится) и гегелевским пониманием «свободной причины».

Первый уровень кластера активности — «Метаболизм». Организм воспроизводит свою собственную телесность, а именно то, из чего он состоит, «материю» своего бытия; в этом случае мы говорим о материальной самопричинности; формальная, действенная и целевая причинности здесь еще не выступают самостоятельно: внутри самого тела не «записано», в каком направлении, кто и зачем будет действовать. Чтобы представить происходящее, можно воспользоваться аналогией «круговорота воды в природе»: нет здесь ни формальной, ни действующей, ни целевой причинности, между тем как материальная самопричинность, сохранение водной массы, налицо.

Второй уровень кластера — «Рефлекс» (целостный рефлекторный акт поведения). Рефлекторная активность образует условие осуществления метаболизма, когда он невозможен в настоящем или, если ничего не менять, — в будущем.

---

[1] Подробнее идея активности раскрывается В. А. Петровским в книге: Личность в активности, парадигма субъектности. — Ростов н/Д., 1996.

В этих случаях организм осуществляет «опережающее отражение действительности» (П. К. Анохин), восстанавливающее или подготавливающее протекание метаболизма. Перед нами проявления формальной причинности, выступающие самостоятельно в качестве условия существования организма (однако здесь еще рано говорить об автономизации действующей и целевой причинности). Любопытно, что метаболизм обеспечивает превращение как бы случайного, пробного, разового акта опережающего отражения собственно в рефлекс, играя роль «подкрепления»; в результате воспроизводится не просто материальный состав организма, а целостность более высокого порядка — тело, наделенное рефлексом. На языке концепции причинности, перед нами в рефлексе формальная самопричинность, что означает проявление свободы.

Третий уровень кластера — «Действие». Действие («произвольная активность») выступает на передний план тогда, когда свободное протекание рефлекторного акта без дополнительных преобразований обстоятельств невозможно сейчас или потом, и для его обеспечения живое существо должно строить помимо образа среды еще и образ себя во взаимодействии с нею. В этом случае рождается собственно субъектность («кто») — действующая самопричинность (еще одно, более высокое проявление свободы).

Четвертый уровень — «Деятельность». Здесь обеспечивается само существование деятельной способности субъекта, что и составляет конечный ориентир активности, — ее целевую причинность. Заметим, что деятельность объединяет в себе множество действий, субъекты которых могут не быть идентичны. Иными словами, тот, «ради кого» осуществляется деятельность, и тот, «кто» действует, не обязательно одно целое. Таким образом, «целевая причинность» может выступать здесь обособленно от «действующей» и, соответственно, «формальной» и «материальной» причинности. И наконец, об успешности деятельности говорят лишь в том случае, когда она воспроизводима; а это в свою очередь свидетельствует о целевой самопричинности деятельности — свободе субъекта в ее осуществлении.

На пятом, высшем, уровне активности четыре причины выступают совместно, опосредствуя друг друга, содействуя друг другу, принадлежа друг другу и образуя подлинную цель друг для друга, что и означает: «Свобода».

Кластер когнитивности. Синонимы: «идеальность», «запечатленность», «репрезентированность», «отраженность», «отображенность». Данный кластер заключает в себе категории «Сигнал» (нулевой уровень), «Ощущение», «Образ», «Сознание», «Разум» (высший уровень). Общим для всех этих категорий является то, что они обозначают факт представленности чего-либо в чем-либо, «бытия вещи вне самой вещи», как об этом говорит философия[1].

Прослеживая путь восхождения от «Сигнала» к «Миропостижению», мы видим, как все более приоткрывается мир человеку, как освобождается картина мира от гнета сиюминутных нужд, диктата потребностей, пристрастности мотивов, наводки ценностей человека. Видим, как относительно более простая способность организма отзываться на биологически значимое воздействие (уровень сигнала) перерастает в значительно более сложную и загадочную «раздражимость»

[1] См.: *Ильенков Э. В.* Идеальное // Философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. — М., 1962.

особи к абиотическим воздействиям (способность ощущения), превращается далее в способность субъекта к перцепции (возникновению образов), приходит далее к способности личности осознавать мир и, наконец, восходит на ступень миропостижения, на котором человеку открываются принципиально разные, принципиально незавершимые в своей распахнутости или потаенности миры. Перед нами ступени продвижения к истине («ясному и отчетливому», «подлинному», «аутентичному», «всеобщему» или, наоборот, «уникальному» знанию).

Кластер пристрастности. Синонимы: «значимость», «субъектность». Термин «пристрастность» может рассматриваться как возможное обозначение для родовой категории, объединяющей в себе «Избирательность» (нулевой уровень), «Аффективность», «Переживание», «Чувство» и «Смысл» (высший уровень). В то время как избирательность еще совершенно «безадресна», объективна, телеологически нейтральна (хотя, разумеется, и не беспричинна), смысл заключает в себе вполне осознанное личностью самоценное чувство, не только выражающее, но и превосходящее частные интересы деятельности и общения. Таковы лишь полярные категории, репрезентирующие атрибут «пристрастности», — специальный анализ может показать, как при подъеме вверх по «меридиану» все плотнее и нерасторжимее связываются в «пристрастности» многообразные проявления бытия человека. По сути, речь идет об углублении процессов субъективации при восхождении к бытийным «смыслам».

Кластер со-бытийности. Синонимы: «социальность», «общность», «сопричастность». Данный кластер включает в себя категории «Синергия» (нулевой уровень), «Сосуществование», «Интеракция», «Общение», «Соучаствование» (высший уровень). Восхождение по ступеням этого ряда — это переход от идеи функциональной связанности, нерасторжимости двух частей организма или двух существ к идее автономии и в то же время отраженности бытия их друг в друге (со-бытийность на ступени «Сосуществования» характеризуется тем, что особи принимают друг друга в расчет только в той мере, в какой их присутствие может нарушить естественные проявления их собственной жизнедеятельности (это существование «рядом», но не «вместе»). Со-бытийность на ступени «Интеракции» означает взаимную поддержку, иначе говоря, реализацию хотя бы одним из субъектов инструментальной функции по отношению к другому (предоставление информации, присоединение собственных усилий, в том числе и физических и т. п.). Общность на ступени общения — это, собственно, «производство общего» (В. А. Петровский). Подобное «производство» может и не иметь своей подлинной целью достижение отраженности, «присутствия» человека в человеке. Но если признать правоту М. Хайдеггера в том, что «человек есть присутствие», то надо будет признать также и то, что «человеческое в человеке» достижимо лишь на высшей ступени со-бытийности, знаменуемой соучаствованием[1] людей.

Кластер действительности. Данный кластер включает в себя категории «Среда», «Поле», «Ситуация», «Предметность», «Мир». По мере продвижения вверх внутри по вертикали категории все шире раскрывают область бытия сущего на

[1] Понятие «соучаствования» встречается у А. Н. Радищева, что стало предметом специального рассмотрения автором в его кандидатской диссертации: Психологические воззрения А. Н. Радищева. — М., 1950.

каждом из его уровней. «Среда» — это область физико-химических предпосылок и результатов функционирования организма. «Поле» — это и совокупность «стимулов» (в парадигме бихевиоризма), и «поле» как фундаментальная категория теории К. Левина; поле — область проявления рефлекторной (импульсивной) активности живого существа. Термину «ситуация» соответствуют такие понятия, как «проблемная ситуация», «проблема» (познавательная, экзистенциальная и тому подобная социальная ситуация развития — Л. С. Выготский, Л. И. Божович); говоря о ситуации, мы подчеркиваем, что субъект действует, разрешая ее, «поднимаясь над ней». Следующая категория — «Предметность» (центральная для развертки общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева). И наконец — наиболее интегральная категория «Мир» (будь то версия С. Л. Рубинштейна, автора «Человек и мир», или «жизненный мир» М. Хайдеггера). Мир — это «множество миров» (А. Г. Асмолов), можно сказать, что мир — это единство качественно своеобразных миров, что речь должна идти не только о многомерности, но и о многомирности универсума. Становление личности есть вхождение субъекта в «мир четырех миров» — Природа, Культура, Общение, «Я сам», каждый из которых является проекцией универсума, обладающей существенно различными законами построения (например, «параметры» пространства и времени в этих «мирах» могут иметь мало общего друг с другом), а высший уровень открытия мира личностью дан последней в переживании «актуальной бесконечности» постигаемого[1].

Таким образом, выше сделана попытка дать крайне обобщенную и максимально краткую характеристику кластеров и плеяд, с помощью которых оказывается возможным описание структуры психосферы.

Необходимо отметить, что каждая категория теоретической психологии является родовой по отношению к определенному кругу психологических (в широком смысле) понятий. Так, например, категория «Образ» может быть конкретизирована в таких понятиях, как «Восприятие», «Представление», «Воображение», «Память» и т. д. Возьмем, например, категорию «Потребность». Встречаются самые различные способы типологизации потребностей человека: по их предмету (материальные и духовные потребности), по их происхождению (естественные и культурные), хотя, конечно, возможны и иные «рубрикации» потребностей. В некоторых случаях выделение видовых по отношению к той или иной категории понятий представляет известную сложность. Каковы, например, понятийно-видовые спецификации категории «Сознание»? Интересно, что в связи с введением весьма популярного в наши дни понятия об «измененных состояниях сознания» («измененном сознании») сознание, так сказать, в норме не ассоциируется психологами с каким-либо специальным термином (хотя психиатры используют в этом случае точное слово, говоря о «ясном состоянии сознания», «ясном сознании»).

Следует отметить еще, что особую проблему в рамках предложенного подхода может представлять разграничение видов в рамках одной категории. К примеру, разграничение субъекта созерцания, субъекта мышления, субъекта переживания и т. п.

---

[1] *Петровский В. А.* Парадигма субъектности в образовании // Психологическая наука и образование. 1996. № 2.

Наряду с возможностью установления родо-видовых отношений, существующих между той или иной категорией и понятиями, что свидетельствует о многообразии психологической реальности, богатстве ее форм, открывается также возможность описания понятийной архитектоники каждой из таких категорий, ее внутреннего устройства, что говорит нам о сложности психологической реальности, представленной в категориальной модели. Используем для примера категорию «Образ». Какие бы психологические трактовки образа мы ни взяли, в любой из них мы сталкиваемся с рядом понятий, посредством которых содержательно раскрывается данная категория. Здесь перед нами, например, такие конструкты, как «чувственная ткань», «перцепт», «значение» (А. Н. Леонтьев), или, например, образующие перцепт «первичные сенсорные образы» и «образы представления» о мире (Г. Гельмгольц) и т. п. Другой иллюстрацией сказанного о понятийной архитектонике категорий может быть психологическое строение категории «Я». Заключая в себе идею самоотраженности субъекта, категория «Я» содержательно раскрывается, например, через такие понятия, как «самооценка» и «концепция Я», или, скажем, в понятиях об «эго-состояниях» Родитель, Взрослый, Ребенок (Э. Берн) и т. д. и т. п.

Предложенная «подборка» иллюстраций может показаться слишком разрозненной и фрагментарной, впрочем, полную удовлетворенность могло бы принести только обращение ко всему понятийному аппарату, зафиксированному в психологических словарях. Легко заметить, что каждая из категорий образует центр той или иной психологической разработки, концепции или теории, иногда нескольких концептуальных систем (между тем каждая из таких теоретических разработок содержит в себе ряд понятий, сцепление которых образует существо категории). Очевидно, что само перечисление этих концепций в пределах данной работы весьма затруднительно, не говоря уже об «исчислении» понятий, в этих концепциях содержащихся. Но вместе с тем нельзя не отметить, что такова перспектива, закономерно открывающаяся перед теоретической психологией, коль скоро она пожинает плоды с «грядок», расчерченных параллелями и меридианами психосферы. Безусловно, авторы считают возможным в дальнейшем, в случае необходимости, уточнение «элементов» предложенной таблицы[1].

Но это отнюдь не означает, что при этом может измениться логика построения категориальной системы. Имеется в виду неизменность определяющих принципов взаимосвязи категорий: 1) восхождение от абстрактного к конкретному посредством синтезирования системообразующих (ядерных) и оформляющих категорий; 2) сущность как явление и это же явление как сущность; 3) встречная детерминация психосферы со стороны биосферы и ноосферы (биогенетическая и социокультурная детерминация).

Отмечу в этой связи, что некоторые термины, соответствующие элементам-категориям разрабатываемой таблицы, являются условными и в дальнейшем могут быть заменены более удачными.

---

[1] Именно с этим обстоятельством связано некоторое отличие предложенной выше категориальной системы от той схемы строения психосферы, которая зафиксирована в книге А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского «Основы теоретической психологии». — М., 1998. — С. 517.

В приведенной выше табл. 1 получают фактическое воплощение три объяснительных принципа построения психологического познания: принципы детерминизма, развития, системности.

Категории каждой из вертикалей таблицы в своей эмпирической реализации детерминированы как «снизу», так и «сверху». Так, категория «Я» (метапсихологическая) включает в себя (в снятом виде) биологическое начало, поскольку сохраняет типологические и индивидуальные особенности нервной деятельности организма. Но в то же время приоритетной для этой категории детерминантой (если иметь в виду эмпирическое ее наполнение) выступает ноосфера, порождая бесчисленное множество вариантов межличностных проявлений. Таким образом, обусловленность со стороны биосферы не теряет здесь своей силы, хотя приоритет, в данном случае, бесспорно принадлежит культурно-исторической детерминации.

Переход между категориями мыслится согласно схеме восхождения от абстрактного к конкретному. Протопсихологический ряд отвечает в известной степени идее преформизма[1], в нем в свернутом виде содержится все богатство, обнаруживающее себя на более высоком категориальном уровне.

При этом определяющую роль играет та категория, которая находится непосредственно ниже по вертикали; она носит характер примата по отношению к категории «выше», имеющей, соответственно, характер деривата. «Оформляющие» категории выступают в качестве условий «проращивания» возможностей, присущих категориальному ядру. Категория «Ценность», как было показано, является прямым развитием категории «Мотив», получая свое «оформление» через категории «Переживание», «Отношение» («Интеракция»), «Действие» и др.

В логике развертки категорий представлена реальная история развития человеческого рода и конкретного индивида — как социогенеза, так и онтогенеза. Категории, выстроенные по вертикали и расположенные на четырех горизонталях таблицы, образуют узловые пункты развития психосферы. Так, категория «Личность» появляется лишь на высшей ступени социо- и онтогенеза и т. п.

В приведенной выше категориальной сетке в полной мере представлен принцип системности, столь важный для теоретической психологии. К сожалению, многократно и на протяжении последних двух-трех десятилетий принцип системности хотя и декларировался как приоритетный для психологической науки, но так и не получил конкретного воплощения и теоретического обоснования (см. главу 3). Не были выделены общепсихологические системообразующие признаки и принципы. Приметой системности настоящей категориальной сетки является уже сам факт реализации в ней идеи восхождения от абстрактного к конкретному. Это представлено положением о преформизме[2] переходов между категориями разных уровней, выделением категорий, имеющих характер примата и деривата, «ядерных» и «оформляющих», участвующих в категориальном синтезе.

---

[1] Позиции преформизма в XVIII в. иногда иллюстрировались «примерами»: «В яичнике праматери Евы потенциально содержатся все последующие поколения человечества».

[2] Используя биологическую метафору, можно сказать, что в категориальном развитии реализуется единство преформизма и эпигенеза.

Также это обнаруживается в демонстрации идеи восходящего и нисходящего детерминизма (представленной положением об эмпирическом наполнении каждой из категорий содержаниями вышележащих и нижележащих уровней, — в конечном счете, граничащих с ноосферой и биосферой). Таким образом, можно говорить о единстве социогенеза и онтогенеза.

Осталось лишь прямо указать общие механизмы системообразования. В этой связи предлагается различать механизмы и соответствующие эффекты горизонтального и вертикального (синхронического и диахронического) сопряжения категорий в процессе их синтеза.

Действие механизма горизонтального сопряжения (плеяды) категорий основано на существовании так называемых системных качеств, объективно присущих одноуровневым элементам категориальной сетки. Подразумевается, что наряду с явным содержанием, отличающим каждую категорию «на горизонтали», в ней присутствуют, хотя и скрыто, некие содержания, обусловленные другими категориями той же «горизонтали». Возникает аналогия с принципом полного взаимодействия субстанций, сформулированным И. Кантом («Все сущее в данный момент времени заключает в себе определения, присущие всему остальному, существующему в тот же момент времени»). Каждая из одноуровневых категорий несет на себе «отпечаток» других категорий того же уровня. Каждая категория — это предельно насыщенный сгусток мощных пластов бесчисленного множества эмпирических данных, зримых глазами экспериментаторов в сотнях лабораторий. Они могли употреблять другие слова (так, в павловской школе говорили, например, не о потребности, а о подкреплении, не об аффективности, а о «сшибке» и т. п.). Но их категориальный смысл, будучи расшифрован средствами теоретической психологии, позволяет диагностировать роль созданного в России учения о поведении в развитии категориального ствола мировой психологической мысли.

В свете сказанного следует обратить внимание на два обстоятельства. Как показал М. Г. Ярошевский[1], сложившаяся на почве русской науки трактовка поведения, оказав влияние на американскую психологию, приобрела в ней особую направленность, обернувшись бихевиористской версией, которая воцарилась в этой психологии на все XX столетие.

Второе же обстоятельство связано с необходимостью разграничить поведение, представляющее фундаментальный протопсихический уровень жизни, и его нейромеханизмы, реконструируемые в иных, а именно физиологических, категориях (биологический уровень категориальной сетки).

Рассмотрение любого категориального уровня выявляет его патогенетический аспект. Если выпадает или нарушается функционирование одной из расположенных на «горизонтальной» линии категорий, системное качество категориального уровня оказывается деформированным, что сказывается на всех других его компонентах.

---

[1] В настоящем разделе используется написанный при участии М. Г. Ярошевского параграф «Категориальная система — ядро теоретической психологии» (см.: *Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. — М., 1998. — С. 515–524).

Все это позволяет видеть в категориальной системе возможности обращения не только к фило- и социогенезу, но и к патогенезу личности.

Категориальная система психологии не может быть выращена из какого-то одного-единственного «зернышка». Это особенно важно подчеркнуть, потому что для каждой сколько-нибудь значимой в истории психологии теоретической системы (научной школы) были характерны поиски «клеточки», которая могла бы стать отправной точкой для построения общей конфигурации заявляемого учения. Первым на бесперспективность такого подхода обратил внимание М. Г. Ярошевский в начале 70-х годов. Для адептов физиологии ВНД такой гипотетической «клеточкой» был «условный рефлекс», для реактологии — «реакция», «структурной» психологии — «гештальт», для бихевиоризма — «стимул — реакция», для раннего З. Фрейда — «либидо», в общепсихологической теории А. Н. Леонтьева — «деятельность», в учении Д. Н. Узнадзе — «установка», в трудах В. Н. Мясищева — «отношение» и т. д. Видимо, испытывая неудовлетворенность результатами поиска подобной «клеточки», идеолог этих изысканий Л. С. Выготский последовательно переходил от «речевого рефлекса» к «знаку», затем — к «значению», далее фигурировали «смысл», «переживание». Не исключено, что если бы так рано не оборвалась жизнь замечательного ученого, он бы отказался от этих фактически безнадежных поисков и попытался найти иное теоретическое решение. Ничуть не удивительно то упорство, с которым советские психологи были заняты поисками этой сакраментальной клеточки психического. Представлялось более чем соблазнительным перенести в сферу психологических построений классическую «клеточку» политэкономии марксизма — «товар». В ходе последующего критического рассмотрения каждая из этих «клеточек» так и не выступила единственным созидателем психического, что привело к невозможности обрести целостную картину психического мира. Основа содержательной интерпретации психосферы — это не отдельно взятая «клеточка» в ее развитии, а сложная, многоступенчатая, внутренне связанная, но качественно своеобразная система категорий, находящая источники своего развития и внутренней организации в природе и обществе.

Еще раз подчеркиваю: не клеточка, даже в своем вершинном развитии, а динамическая система категорий способна охватить и отразить в себе психический мир человека. Этим же объясняется отказ от претензии построить одну-единственную, все объясняющую теорию психологии. Вместе с тем целесообразна попытка сохранить и реализовать стремление сконструировать теорию теорий психологии.

Предложенный здесь проект «теоретической психологии», как можно полагать, заключает в себе искомую модель «теории теорий» — инструмент разрешения исторического кризиса психологии, о котором писал Л. С. Выготский в те далекие годы. Мы говорим о категориальном подходе в построении «теории теорий», чтобы избежать двойственности в интерпретации последнего словосочетания. Впрочем, вполне допустима и другая версия того, чем должна быть и чему служить «теория теорий»: например, раскрывать закономерности спонтанного становления теоретических систем, инварианты движения психологических концепций и школ. Характерной иллюстрацией такого движения могут служить судьбы психоанализа, рефлексологии, гештальтпсихологии и персонализма в понимании автора «Исторического смысла психологического кризиса». «Эти судьбы, — пи-

сал Л. С. Выготский, — схожие как четыре капли одного и того же дождя, влекут идеи по одному и тому же пути»[1].

Л. С. Выготский детально описывает внутреннюю логику движения идеи, закономерные стадии ее зарождения и отмирания. Идея неотвратимой логики движения научной мысли на примере «развитых наук» весьма активно и плодотворно обсуждалась в работах Г. П. Щедровицкого и его школы (идея «исторической теории» решения научных проблем, «генетической реконструкции»), в работах других выдающихся философов. В данном понимании «теория теорий» нацеливала бы нас на анализ и обобщение тенденций, которые, как мы еще раз подчеркиваем, спонтанно проявляются «с такой удивительной закономерностью, постоянством, с такой правильной однообразностью в самых различных областях, что положительно допускают предсказание о ходе развития того или иного понятия или открытия, той или иной идеи»[2].

Но, говоря о «теории теорий», мы придерживаемся иного взгляда (впрочем, вполне сочетающегося с первым). Видим в ней не только обобщение и не только принцип построения психологии как целостной области знания. Идея, что «клеточки» категориальной системы психологии, — а речь здесь идет о каждой, начиная с протопсихологических категорий, — сотканы из «системообразующих» и «оформляющих» нитей-связей, исходящих из «клеточек» нижележащего уровня, есть основание для того, чтобы задуматься, насколько теоретически и эмпирически «проработаны» эти связи. Определяя категорию «Ценность», мы должны, например, обратиться к категориям «Мотив», «Субъект», «Действие», «Образ», «Переживание», «Интеракция», «Ситуация». Вполне вероятно, что чисто формально эта и другие подобные дефиниции смогли бы вместить в себя все перечисленные категории. Но вполне правомерен вопрос: обеспечены ли уже сейчас предлагаемые дефиниции наличными психологическими разработками? Совершенно понятно, что «проработанность» межкатегориальных связей (предмет конкретных исследований) и «предначертанность» таких связей (методологическая функция категориальной таблицы) — далеко не одно и то же. Поиск соответствующих теоретических и эмпирических аргументов в пользу предлагаемых дефиниций (что необходимо для установления общего взгляда, построения «теоретической психологии») есть в то же время путь развития каждой из конкретных областей психологического знания. Теоретическая психология, в ее категориальном прочтении, призвана — применительно к каждой конкретной теории — ответить на вопрос: что есть эта теория для психологии в целом и что есть психология как целое для каждой данной конкретной теории.

Л. С. Выготский, разрабатывая основы новой общей науки, помышлял о создании особого инструмента («орудия»), позволяющего овладеть практикой психологического познания. Окажется ли предложенная категориальная модель «теории теорий» как раз таким искомым инструментом познания, выполнит ли она задачу интеграции и развития частных психологических исследований — покажет будущее.

Такова еще одна грань проблемы «Психология и Время».

---

[1] *Выготский Л. С.* Собр. соч. Т. 1. — М., 1982. — С. 308.

[2] Там же. С. 302.

Часть 3

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ (ХРОНОПСИХОЛОГИЯ)

ГЛАВА 7

Наш человек вчера и сегодня

1. Это загадочное слово — «менталитет» (фрагмент университетской лекции)

Менталитет — загадочное слово? Да, поскольку в оказавшихся мне доступными словарях и энциклопедиях не встретился этот термин. Правда, в «Большом энциклопедическом словаре» есть близкое по смыслу понятие ментальность. Приведем эту энциклопедическую заметку полностью: «МЕНТАЛЬНОСТЬ (от позднелат. *mentalitate* — умственный) образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе». Здесь, разумеется, все понятно и правильно. Однако при таком понимании термин многословно описывает сознание отдельного человека или общественное сознание. Но это все-таки относится именно к термину «ментальность», а не «менталитет». Между тем, в современной публицистике, в политическом обиходе и даже в бытовой лексике мы довольно часто встречаемся со словоупотреблением понятия «менталитет». Используется оно с такой легкостью, которая могла бы быть объяснена лишь всеобщей договоренностью о его реальном значении. Есть ли подобное всеобщее понимание? Боюсь, что это не так.

Вот сказано: «менталитет советского человека». Если ориентироваться на понятие ментальность, то можно считать, что это «совокупность умственных навыков и духовных установок»; и тогда забота родителей о благополучии детей или навыки устного счета станут компонентами менталитета. Но причем здесь «советский человек», что в этом было собственно «советского»? Нет, тут что-то другое! Но что? Уж коль скоро словари и энциклопедии нам не в помощь, попробуем разобраться в этих загадках самостоятельно. Наиболее полное выражение менталитета обнаруживается в языке общества, стереотипах мышления, расхожих словах.

Если внимательно приглядеться к тем обстоятельствам, в которых у нечто утверждающих или по какому-то поводу дискутирующих людей возникает необходимость использовать интересующее нас понятие, то легко поймем, что оно применяется для выделения неких явлений в сфере сознания, которые в той или иной общественной среде характеризуют ее отличия от других общностей. Я бы позволил себе следующее «математическое» сравнение: если вычесть из общественного сознания то, что составляет общечеловеческое начало, в остатке мы найдем менталитет этого общества. Любовь к родным, боль при их утрате, гневное осуждение тех, кто стал причиной их гибели, являются общечеловеческими свойствами и не оказываются чем-то специфическим для одних и отсутствующим у других общностей. В то же время оправдание кровной мести в соответствующих обстоятельствах — яркая черта менталитета некоторых народов.

Продолжим наши рассуждения. Нравственное оправдание кровной мести, вендетты — это, бесспорно, черта менталитета, утверждаемая народной традицией, отвечающая ожиданиям окружающих призывами «вырезать род обидчика до седьмого колена» и т. п. Позволительно все же высказать предположение, что если бы сознание каждого отдельного человека в обществе, где кровная месть — это норма взаимоотношений, автоматически «управлялось» менталитетом, то, вероятно, эта общность через некоторое время подверглась бы полному самоуничтожению — число жертв увеличивалось бы в геометрической прогрессии. Как будто бы такого пока не случалось. Может быть, это не происходит потому, что менталитет общества не определяет полностью и без изъятия индивидуальное сознание. Где-то, как-то, у кого-то «срабатывают тормоза» и смертоубийственная карусель замедляет ход и останавливается. Общечеловеческое начало пересиливает косность традиций, закрепленных в менталитете. Отсюда вывод: менталитет общности и сознание индивида, члена этого общества, образуют единство, но не тождество. Менталитет общества в большей или меньшей степени выраженности присутствует в сознании индивида, но не превращает последнее в свой автоматически действующий придаток.

Итак, менталитет — это совокупность принятых и в основном одобряемых обществом взглядов, мнений, стереотипов, форм и способов поведения, которая отличает его от других человеческих общностей. Менталитет общества представлен в сознании отдельного его члена, конкретной личности в степени, которая зависит от его активной или пассивной позиции в общественной жизни. Выступая наряду с наукой, искусством, мифологией, религией, менталитет не закреплен в материализованных продуктах, а, если можно так сказать, растворен в атмосфере общества, имеет надсознательный характер. Войдя в структуру индивидуального сознания, он с большим трудом оказывается доступен рефлексии. Обыденное сознание проходит мимо феноменов менталитета, не замечая их, подобно тому, как незаметен воздух, пока он при перепадах атмосферного давления не приходит в движение. Быть может, по этой причине он так и не стал у нас объектом анализа. Впрочем, уход от анализа этого явления скорее связан с причинами идеологического плана.

Каким же образом то, что выступает как проявление общественного сознания, способно проникнуть в структуру личности конкретного индивида и стать компонентом его сознания? Есть основания считать, что здесь действует механизм психологической установки.

Установка действует на бессознательном уровне — человек не осознает свою зависимость от установки, сложившейся независимо от его воли. Именно поэтому менталитет не дает возможности субъекту осуществить рефлексию. Носитель его пребывает в убеждении, что не ему нечто навязали, а он сам сформировал свои позиции и взгляды. В этом обстоятельстве заключаются огромные трудности перестройки сознания человека в изменяющемся мире.

Каковы же основные составляющие менталитета советского человека, в той или иной степени внедрявшиеся в психику людей на протяжении 70 лет после 1917 года? Они могут получить условные наименования, метафорический характер которых способствует прояснению их сущности и смысла.

Блокадное сознание. Политика, которой придерживалось государство с первых лет своего существования, формировала в сознании советских людей постоянное ощущение опасности, связанной с угрозой нападения внешнего врага. В роли потенциального агрессора в разное время выступали различные страны: «панская Польша», Англия, Германия, Соединенные Штаты, Финляндия, Япония, Китай и др. В некоторых случаях для этих опасений были основания, как об этом, к примеру, свидетельствует нападение гитлеровского Третьего рейха на СССР в 1941 году. Между тем, нередко, даже если реальной угрозы не было, пропагандистские органы раздували страх перед потенциальным агрессором, неизбежной войной. Едва ли не до начала 90-х годов в менталитете общества сохранялось напряженное ожидание «неспровоцированного нападения» на страну, делающую, как утверждалось, все возможное в неустанной «борьбе за мир». Страх перед ядерной войной в сознании конкретного человека обеспечивал готовность выдержать и оправдать любые тяготы и лишения во имя спасения детей и себя от надвигающейся угрозы «ядерного уничтожения» (расхожая формула в обыденном сознании: «Лишь бы войны не было»). В настоящее время заметны изменения менталитета. Налицо отход от «блокадного сознания». Все большее число людей осознает, что ожидать неспровоцированного ядерного удара нет оснований. Образ внешнего врага все больше и больше тускнеет, «испаряется» из сознания людей.

Рудименты этой формы менталитета можно наблюдать и сегодня, и, как это ни огорчительно, для этого имеются серьезные основания. В 80–90-е годы угрозой для всего мира и для России, в частности, выступает международный терроризм. Причины его возникновения многочисленны, однако в настоящее время отчетливо высвечивается главенствующая роль исламского фундаментализма. Неспровоцированное нападение чеченских бандформирований на Дагестан, похищение людей в интересах работорговли, взрывы домов на российской территории оказываются эхом взрывов посольств иностранных государств в Африке, зверств албанских террористов, уничтожения пассажирских самолетов в воздухе и всего того, что не может не тревожить граждан в цивилизованных странах. Это свидетельствует о том, что и в существенно ослабленных формах способна восстанавливаться такая черта менталитета, как тревожное ожидание смертельной опасности — аналог «блокадного сознания». В настоящее время угроза международного терроризма в большей или меньшей степени получает отражение в общественном сознании, а тем самым в сознании отдельного человека.

Социальная ксенофобия. Блокадное сознание в качестве своего аналога, относящегося к внутренней жизни государства, имело то, что может быть названо социальной ксенофобией (от греч. *xenos* — чужой и *phobios* — страх). В годы советской власти она приобретала черты по преимуществу классовой ксенофобии. Формировалось навязчивое (здесь навязанное) состояние страха и ненависти к чужим. В качестве составляющих в образе врага выступали в разное время купцы, дворяне, священнослужители, «кулаки», а также представители любых партий и общественных движений, за исключением коммунистических. Классовая ксенофобия в большей или меньшей степени распространялась и на иностранцев как представителей буржуазного общества, потенциальных противников и недоброжелателей. Будучи чертой менталитета советского общества, она в сознании от-

дельного человека выражалась в подозрительности, уверенности во враждебных намерениях, оправданности санкций и репрессий, применяемых к ним, их неискренности и фальши, заведомом моральном преимуществе пролетариата по сравнению с представителями других классов. В. Маяковский писал: «У советских собственная гордость: на буржуев смотрим свысока». На разных этапах истории СССР феномен социальной ксенофобии обретал различную идеологическую и административную форму. На этом основании совершалось физическое уничтожение офицеров-«золотопогонников», священников, была проведена ликвидация кулачества «как класса» (при этом в категорию кулаков зачислялись, по существу, все зажиточные крестьяне, да и многие «середняки», своим трудом добившиеся относительного благосостояния). Кроме того, проводилась кампания по выявлению «врагов народа», в число которых попали вчерашние борцы с остатками «вражеских классов». В их рядах были троцкисты, бухаринцы, зиновьевцы и другие бывшие оппозиционеры, но вместе с ними и «верные ленинцы», которых с последними объединяла ненависть Сталина к любым возможным конкурентам. Страх стоящей у власти олигархии за сохранение своего правления государством, а также ложь с помощью извращенной пропаганды порождали в менталитете общества феномены ксенофобии. Тем самым происходило их внедрение в индивидуальное сознание «советских граждан». Звучавшие на митингах и демонстрациях в 1937 и 1938 годах требования казнить «врагов народа, троцкистско-бухаринских изменников Родины, немецких и японских шпионов и диверсантов» нельзя рассматривать лишь как лицемерное угодничество и результат страха перед возможным наказанием в случае неповиновения. Это для огромного числа граждан, прошедших идеологическое «промывание мозгов», было показателем того, что черты социальной ксенофобии прочно вошли в структуру их сознания. В 40–50-е годы в менталитете общества появляются новые черты социальной ксенофобии в результате шовинистической истерии, связанной с борьбой против «безродных космополитов» и проникновением «иностранщины» в культуру и науку. Здесь начинали складываться новые особенности менталитета, в 20-е и 30-е годы отвергавшего расизм и шовинизм. Эти изменения менталитета получили резонанс в сознании отдельных людей, реанимировав, казалось, давно ушедшие проявления антисемитизма и национальной исключительности.

В настоящее время черты социальной ксенофобии стираются в сознании большинства людей, вытесняются меняющимся отношением к частной собственности в связи с крахом коммунистической идеологии, развитием рыночных отношений. Исчезая из структуры глобального менталитета общества, они не только сохраняются, но и в известной степени усиливаются в сознании представителей люмпенизированной части населения, которая «не хочет поступаться принципами» коммунистической идеологии и, соединяя последнюю с национал-патриотическими убеждениями, выступает в качестве непримиримой оппозиции к новой социально-экономической политике. Вместе с тем шовинистические страсти раздуваются в суверенных государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР. Происходит это под прикрытием лозунгов, утверждающих возрождение национального самосознания, и проявляется ксенофобия, нередко принимающая откровенную антирусскую окраску.

Итак, социальную ксенофобию сегодня, как это ни печально, нельзя считать «канувшей в вечность». Иначе как можно объяснить широко распространенную неприязнь к «лицам кавказской национальности», антисемитскую пропаганду, которая, к сожалению, находит сочувствующую аудиторию среди людей низкого культурного уровня, озлобленных тяготами жизни нынешнего времени.

«Беззаконопослушность». В отличие от правового общества, которое исторически сложилось в ряде цивилизованных стран, законы СССР не имели столь определяющего значения в жизни страны. Законопослушность, которая является основой взаимоотношения государства и его граждан, в менталитете «советского человека» была всегда существенно деформирована. Дело не только в игнорировании требований закона (известен афоризм: «Жестокость законов в России всегда умерялась их неисполнением»), а в непротивлении актам беззакония. Психологически оправдан «черный юмор» популярного анекдота тех лет: «Граждане, приходите завтра на площадь, будем вас вешать. Вопросы есть?» — Голос из толпы: «Веревку из дома брать или там дадут?» Так, в 30-е годы сотни тысяч неповинных людей были осуждены неконституционными внесудебными органами, «особыми совещаниями» (ОСО), «тройками». В «тройку» входили 1-й секретарь обкома, прокурор обкома и начальник НКВД. Однако не было ни одного известного нам протеста со стороны общественности по поводу очевидного беззакония. Моя мать рассказывала, что, когда арестовали мужа сестры, ей кто-то сказал, что его судило ОСО. Сестра пошла в юридическую консультацию выяснить, где находится ОСО, чтобы подать апелляцию. Услышав вопрос, юрист испуганно оглянулся и тихо сказал: «Вы меня ни о чем не спрашивали, я вам ничего не отвечал. Идите, идите и никому такие вопросы не задавайте».

Менталитет общества в данном случае соответствовал формуле: «НКВД зря людей не сажает...». На рубеже 40-х и 50-х годов, когда шла расправа с генетиками, языковедами, кибернетиками, литературными «критиками-антипатриотами» и другими (увольнение с работы, шельмование в печати, в которой нагромождались клеветнические измышления, не говоря уж об арестах), у этих невиновных людей исключалась мысль об обращении в судебные органы за защитой. Страх перед бессудным произволом властей, беззаконопослушность была одной из ярких черт менталитета «советского человека». Лишь в 60–70-е годы зарождается весьма ограниченное по своим масштабам и возможностям правозащитное движение, которое немедленно вызвало преследование со стороны партийно-советского руководства.

С конца 80-х годов беззаконопослушность как специфика менталитета общества начинает размываться в связи с расширением гласности и легализации различных правозащитных институтов. Однако пока процесс формирования правового государства не выйдет из эмбрионального состояния, беззаконопослушность сохранится как черта нашего менталитета. Сохранится, но обретет новые формы! Коммерсант, открывая на законных основаниях торговую точку, как правило, знает, что если он не обретет «крышу», то больших надежд на защиту со стороны закона от бандитских посягательств ему рассчитывать не приходится. Появление армии рэкетиров, на которых их жертвы и пожаловаться в органы защиты правопорядка не пытаются, свидетельствует о том, что формируются новые вариации

беззаконопослушности российских граждан, что и становится чертой их меняющегося менталитета.

«Семейная стриптизация». Уникальной особенностью советского общества было обнажение интимного мира семейных взаимоотношений, то, что можно условно назвать «семейной стриптизацией» (от англ. *striptease* — раздеваться). Поскольку семья рассматривалась в качестве ячейки общества, а советское общество идентифицировалось с государством, то в менталитете советского человека присутствовало неоспоримое естественное право государства и его партийного руководства управлять и командовать семьей как любой государственной структурой. Семья не видела ничего противоестественного в фактах вмешательства официальных инстанций в интимную сферу ее жизни. Вероятно, только в тоталитарном обществе в случае измены мужа женщина считала для себя возможным обратиться в официальные партийные или административные органы с просьбой, а то и с требованием вернуть супруга в лоно семьи. Разведенному полагалось писать в некоторых официальных документах: «Состою в разводе с гражданкой Н. Причины развода известны парторганизации».

Вспоминаю забавную историю. В Волгограде, тогда еще Сталинграде, на заседании парткома «прорабатывали» члена партии, изменившего жене, по поводу чего последняя представила неоспоримые доказательства. Не менее получаса шло гневное осуждение несчастного. И тут пришло неожиданное спасение. Один из членов парткома не выдержал и сказал: «Мужики! Что мы делаем! Восемь не пойманных судят одного пойманного!» «Морально неустойчивый» коммунист обошелся выговором «без занесения». Подумалось: все-таки насколько человечнее были члены парткома американских конгрессменов, которые «судили» президента Клинтона, готовя ему импичмент.

Нередкими были случаи, когда партийные комитеты обсуждали и принимали меры в отношении родителей, которые допускали, с точки зрения руководителей парткомов, ошибки в воспитании детей. При этом считалось вполне допустимым использование стенной печати, заводского радио, прорабатывание на партсобраниях и т. п. Всячески пропагандировался «подвиг» Павлика Морозова, донесшего властям на своего отца. Атавизмом «семейной стриптизации», с нашей точки зрения, являются родительские собрания в школах, где классный руководитель публично позорит родителей за проступки и недостатки их детей, усиливая унижение неумеренными похвалами по поводу других учеников, чьи отцы и матери присутствуют здесь же. Надо думать, что по мере становления правового цивилизованного общества степень открытости или закрытости мира семьи, за исключением очевидных криминальных обстоятельств, будет определяться самой семьей, что приведет к существенным сдвигам в сознании ее членов.

«Навязанное бессребреничество». Как следствие коммунистической идеологии, утверждавшей безусловный приоритет «общественного над личным» и противопоставлявшей «социалистическое» общество «буржуазному» («царству бессердечного чистогана»), в менталитет советского человека вошли принципы аскетизма, отказ от заботы о собственном благосостоянии. Целью жизни должно было быть исключительно благосостояние государства. В результате в сознание людей внедрялась необходимость быть, или, во всяком случае, казаться бессребреником. В служебных ситуациях всякие разговоры о достаточности или недоста-

точности вознаграждения за труд рассматривались как бестактные и неуместные. Порицалось использование понятия «жалование». Его требовалось заменять словом «зарплата», хотя действующая на основе распределительного принципа экономика на самом деле лишь жаловала работнику плату, а не предлагала получить то, что он фактически заработал. Однако феномен вынужденного бессребреничества, при всей его лицемерной сущности и очевидном противоречии интересам личности, оказался достаточно устойчивым к переменам в обществе. Примечательно, что рядовые труженики уходили от какой-либо рефлексии и мало задумывались о причинах их нищенской зарплаты по сравнению с такими же специалистами за рубежом. Они старались не замечать, а многие, может быть, и не знали, что партийно-советские руководители, насаждавшие идеологию аскетизма, сами менее всего вели жизнь бессребреников. Переход к рыночным отношениям размывает эти черты менталитета. Однако социально-экономические сдвиги у известной части населения начинают формировать качества диаметрально противоположного плана: мелочный меркантилизм, откровенное рвачество, крайние формы «погони за длинным рублем», рассуждения о том, что «деньги не пахнут», и т. д. Многое из этого имеет очевидный негативный характер. Однако все эти изменения в менталитете бывшего советского общества исторически объяснимы. У граждан, принадлежащих к формирующемуся «среднему классу», впервые за долгие годы появилась возможность не только неплохо зарабатывать, но и свободно тратить деньги при отсутствии привычного дефицита товаров.

Здесь были перечислены и предельно кратко охарактеризованы черты «советского менталитета». Возникает закономерный вопрос: совпадает ли менталитет народа, проживавшего и живущего ныне на территории бывшего СССР, с рассмотренными нами приметами собственно «советского» менталитета? Очевидно, что утвердительно ответить на него нельзя. Если речь идет о России, то как отказать менталитету россиянина в таких качествах, как бескорыстное гостеприимство и хлебосольство, терпеливость в невзгодах, отсутствие национального чванства, наличие патриотизма, лишенного агрессивности, и др.

Еще один пример. Предполагаю, что именно менталитету россиян присуща безотчетная готовность поддержать «обиженного». К сожалению, эту психологическую особенность наших людей умело эксплуатируют имиджмейкеры некоторых политических деятелей. Искусно и искусственно раздувая обиды, якобы причиненные неким деятелям, они тем самым «поднимают народ» на защиту «угнетенных и несправедливо обвиненных». Очень эффектный и эффективный прием, хорошо оплачиваемый и свидетельствующий о психологической компетенции имиджмейкеров, учитывающих специфику менталитета россиян.

Можно, конечно, сказать, что некоторые черты следует рассматривать в качестве общечеловеческих и потому выпадающих из категории менталитета. Действительно, не исключено, что будут названы народы, имеющие такой же или подобный набор черт менталитета, но это не говорит еще об общечеловеческом их характере.

Пример противоположного плана. Не буду называть страну, это большое государство в центре Европы, и приведу один пример проявления менталитета, являющегося прямой противоположностью тому, что свойственно россиянам. В одной моей официальной поездке (а было это лет 35 назад) мой сопровождающий

тратил огромные, по моим меркам, деньги в ресторанах, где он со мной обедал. Счет, полученный от официанта, он тщательно прятал в бумажник, застегивал его на кнопочку. Однажды мы с ним шли по улице, и я сказал, что хотел бы попить. Мы зашли в кафе, и передо мной на подносе сразу же оказался стакан минеральной воды. И тут во мне сработал неведомый механизм интуиции. Я положил мелкую монету на поднос. Мой спутник спокойно спрятал ее в карман... Я тогда подумал: вот кто-то сопровождает иностранца на московских улицах, тот сообщил о жажде, и вот они вдвоем около автомата с газировкой. Задача на знание психологии русского человека. Согласится он взять «одну копейку» у гостя из чужой страны? Вероятность получения отрицательного ответа стопроцентная.

Можно попытаться найти инвариант, который характерен для определенного рода человеческих общностей, но не для всего человечества. Надо думать, что общественно-государственные образования, где господствует тоталитарная идеология, могут обнаружить то, что вошло в свое время в структуру «советского менталитета». Впрочем, многие в чем-то исторически устойчивые, в чем-то меняющиеся черты менталитета россиянина, по всей вероятности, имеют аналоги в странах, стряхнувших с себя путы тоталитаризма.

Названными чертами не исчерпывается характеристика менталитета советского человека. Я назову еще несколько: конформность, феномены «крошки Цахеса» и «Ивана, не помнящего родства»[1], политико-семантическая глухота, ханжеская десексуализация и другие черты. Но обо всем этом — дальше.

2. Притча о «белой вороне» в научном освещении

Научно-популярных книг и брошюр написано мною множество. Однако наиболее ценимый мною жанр — научно-популярное кино. В дальнейшем я расскажу о нашей работе с киевскими кинематографистами, с замечательным режиссером Феликсом Соболевым. С киевлянами был сделан десяток фильмов, где я был в роли консультанта.

По узкой жердочке ходил режиссер — многие эпизоды, а иногда и сами фильмы у киноцензуры восторга не вызывали. Иногда ее стараниями из кинокартины вырезали некоторые сцены, иногда их так кромсали, что зрителю трудно было что-либо понять.

Вот, например, снимался фильм «Если не я, то кто же?». Психологическая проблема, решаемая режиссером, была связана с выяснением способности людей сопереживать попавшим в беду и действовать, помогать. По замыслу создателей фильма предполагалось несколько «кинопровокаций». Расскажу о двух, которых зрители так и не увидели, хотя они были отсняты.

...Дворец бракосочетаний. Он в черной «тройке», она в белом платье, на голове фата, счастливые, улыбающиеся. Вдруг из открытого окна дома, что напротив, женский крик: «Помогите! Помогите! Убивают». Ох, и рискованная это была инсценировка. Однако жених не оплошал, вырвавшись из рук судорожно вцепившейся в его пид-

[1] В двух последних случаях точная терминология заменена метафорами.

жак подруги жизни, он пересек улицу и вбежал в подъезд... Все обошлось... Его встретил «случайно» оказавшийся на месте милиционер и сообщил, что буяна он уже усмирил... Парень возвратился к новобрачной, смотревшей с обожанием на него и гордо на окружающих.

Другой эпизод тоже был запрещен киевскими властями.

Рядом со станцией метро «Крещатик», около верхнего ее выхода, поставили маленького мальчика — сына ассистента оператора — и ушли, оставив его одного. Мальчуган постоял, постоял и заревел — папа куда-то со своей камерой спрятался.

Заметим, что местоположение этого выхода имеет существенную особенность — рядом расположены правительственные и другие учреждения. Солидные товарищи в велюровых шляпах и габардиновых макинтошах проходили мимо, поглядывая на мальчика, но не делая попытки подойти. Метро выпускало из своих недр одну за другой «порции» пассажиров, но ситуация не изменялась. Наконец, вышла пожилая женщина с двумя хозяйственными сумками и участливо склонилась к малышу. Она и попала в «заставку» фильма. Все предшествующие события «начальство» велело выбросить. Это, впрочем, понятно. Не исключено, что среди равнодушных прохожих мог оказаться влиятельный чиновник — у студии могли начаться неприятности. Кому они были нужны?!

Психологический эксперимент на экране — «кинопровокации», «скрытая камера» — необходимость идти на риск. Однако самый острый и оттого самый рискованный фильм (разрешат ли показать? запретят ли? обвинят ли в клевете?) был еще впереди...

Над чем вы сейчас работаете в вашей лаборатории?

Подобным вопросом, более приличествующим интервьюеру, нежели кинорежиссеру, начал свой разговор о мной Феликс Соболев. Почему-то его заинтересовали скромные труды моей социально-психологической лаборатории.

Рассказывал я охотно — был тогда увлечен экспериментальным изучением феномена конформности. Хотя до полной реанимации психологии было еще далеко, но какие-то признаки ее оживления уже себя обнаруживали. Об этом говорила сама возможность обратиться к исследованиям явления, более чем сомнительного в идеологическом отношении. Конформность (конформизм) — это податливость чужому влиянию, давлению на личность со стороны окружающих. Когда на собрании некто поднимает руку только потому, что все проголосовали «за», он проявляет конформность. Ему не хочется оказаться в роли белой вороны, которую всегда готова заклевать стая ее черных собратьев.

Я был уверен, что Соболев удовлетворен коротким ответом. Он, как можно было думать, вежливо осведомился о моих делах и не более. Не тут-то было. Его, оказывается, интересовали методики изучения конформности, экспериментальные процедуры и вообще все, что относится к этой исследовательской задаче. Пришлось открыть ему наши профессиональные «секреты». Я был вынужден предложить Соболеву сухое научное изложение последовательности действий экспериментатора и испытуемых, реализующих придуманную мною специальную методику для изучения конформности человека.

Были сооружены изолированные кабинки, в которые поместили по одному «подопытному». В каждой из них на передней стенке — табло и чуть пониже кнопка. Вот и все ее оснащение. Испытуемым предлагали попытаться определить про-

должительность одной минуты, не прибегая к отсчету времени вслух или про себя и уж, конечно, обходясь без часов. Обыкновенно это не сразу удавалось. Большинство, как правило, торопились с заявлением о том, что минута кончилась. В дальнейшем начиналась тренировка, в результате чего вырабатывался навык определения продолжительности искомого отрезка времени с точностью до плюс-минус пяти секунд.

Вот теперь наступала решающая стадия эксперимента. Всех предупреждали, что перед ними на табло возникнет информация о том, в какой из кабин пришли к выводу, что минута уже окончилась. Таким образом, каждый получал сведения о решениях, принятых сидящими в пяти соседних кабинках.

Психолог-экспериментатор в девяти случаях из десяти — обманщик. Здесь тоже было предусмотрено надувательство. На каждом табло вспыхивали номера кабин в отрезке времени между двадцатью пятью и тридцатью пятью секундами «проблемной минуты». Это отнюдь не было результатом решения других испытуемых. Связь между кабинами была блокирована, и все было замкнуто на пульт коварного экспериментатора. Информацию на табло подавал именно он. Теперь было легко вычислить степень конформности каждого из испытуемых. Она определялась разницей между результатом, зафиксированным после формирования соответствующего навыка, и моментом нажатия на кнопку в основной стадии эксперимента. Одни из испытуемых почти сразу на нее нажимали, как только выяснялось, что соседи «решили задачу». Другие, буквально сжав зубы и с ненавистью глядя на подмигивающее им цифрами табло, тянули до последнего и продолжительность минуты определяли почти точно. Конформности они не обнаруживали. Самый жестокий вариант экспериментирования — полное отсутствие на табло какой-либо информации. Иной раз прошло уже полторы минуты, а соседние кабины, как вымерли — никаких сигналов, табло пустое. Случалось, что некоторые испытуемые женского пола плакали — подсказки не было, а «белой вороной» быть не хотелось.

Феликс Михайлович выслушал мои пояснения терпеливо и, казалось бы, внимательно. Однако я скоро понял, что он хорошо знаком с моими статьями, где описывались эти и другие эксперименты, посвященные проблеме внушаемости и конформности. Вскоре стало ясно: он решил снимать фильм об этих психологических феноменах. Так зарождался замысел одного из самых известных фильмов научно-популярного кино «Я и другие».

Предстояло найти кинематографическую версию экспериментально-психологической проблематики. Соболев проявил чудеса изобретательности. Перед испытуемым был поставлен портрет пожилого человека с резкими чертами лица, о котором сообщалось, что он закоренелый преступник. Предлагалось дать психологический портрет этого «негодяя». После внимательного рассмотрения фотографии почти все, как правило, говорили о том, что это человек злой, безжалостный, жестокий, коварный и т. д. Следующему, оказавшемуся перед этой же фотографией, сообщали, что это портрет выдающегося ученого, и предлагали охарактеризовать приметные черты его внутреннего облика. Хотя нередко делалась оговорка, что по фотографии судить о характере человека трудно, в психологическом портрете «ученого» тем не менее преобладали черты мягкости, ума, указывалось, что этот человек, видно, много работает и поэтому выглядит усталым, но

внутренне сосредоточен. Итак, на фотографию одного и того же человека экспериментатором проецировалось прямо противоположное «титулование». Подавляющее большинство участников эксперимента послушно принимали это на веру и шли у него на поводу.

Особенно эффектным был другой эксперимент. На стенде — пять портретов старых людей: четыре старика, одна старуха. По наущению экспериментатора несколько студентов (так называемая подставная группа) договариваются, что будут утверждать нечто уж вовсе невероятное. Их цель — доказать, что старуха на фотографии это не кто иной, как безбородый и безусый старик-грузин. Разумеется, между двумя этими изображениями не было ни малейшего сходства. Однако аргументация подставной группы оказалась настолько убедительной, давление на испытуемых настолько сильным, что нашлись и такие, кто в конце концов согласились с этой абсурдной версией.

Впечатляющий характер имели эксперименты с детьми. «Подставная группа», на этот раз состоявшая из ребятишек 6–8-летнего возраста, сговаривалась утверждать, что белые и черные пирамидки одного цвета — «обе белые». Большинство испытуемых, поглядывая с удивлением и испугом на «подставную группу», о коварстве которой они не догадывались, вынужденно соглашалось с этим утверждением. Впрочем, когда девочку, только что повторившую вслед за всеми слова «обе белые», экспериментатор попросил передать ему черную пирамидку, она немедленно это выполнила, не задумываясь над возникшим противоречием.

Самый фантастический результат в фильме был получен в результате давления подставной группы на взрослого человека, студента-старшекурсника. Перед ним поставили те же картонные пирамидки. При этом члены подставной группы последовательно и настойчиво утверждали, что они одного цвета — обе белые. «Обе белые», — как эхо повторил совсем сбитый с толку и уже не верящий своим глазам несчастный.

Было бы наивно рассчитывать на то, что мне удастся пересказать все эпизоды этого фильма, в котором в качестве экспериментатора выступала в те времена кандидат, а ныне доктор психологических наук Валерия Сергеевна Мухина.

Фильм «Я и другие», как это ни удивительно, не был тогда «положен на полку», хотя я знал, что, к примеру, в Ленинграде обком партии не рекомендовал выпускать его на экраны. Кто был тогда секретарем обкома? Толстиков? Романов? Не помню. Но их отношение к этой «идеологической диверсии» не могло существенно различаться. Как же! Фильм показывает, что большинство с меньшинством сумеет сделать что угодно. Легко заставить сказать на черное, что оно сияет белизной. Могло выясниться, что единогласное принятие решений — это результат конформизма, а не «единомыслия», которым гордилось партийное руководство. Не берусь утверждать, однако у меня нет больших сомнений в дошедшем до меня слухе о том, что член Политбюро Полянский где-то говорил о фильме, как о вражеской вылазке. Его можно понять — все еще сохраняла популярность ленинская заповедь: «Из всех искусств важнейшим для нас является кино». Важнейшим для нас? Наверное, но еще более «для них». И в самом деле, можно ли было допустить научно обоснованное и удачно популяризированное опорочивание единомыслия, единогласия и всеобщего «одобрямса», переходящего в овацию.

Было ли, действительно, рискованно снимать этот фильм? Я вспоминаю, как мы с героиней фильма, психологом Валерией Сергеевной Мухиной, пришли на просмотр, где киевские кинематографисты демонстрировали эту картину в «Доме литераторов», на улице Воровского, теперь Поварской. Показ фильма проходил на первом этаже в небольшом зале. Внезапно был включен яркий свет и какой-то человек в заднем ряду поднялся и сказал: «Откуда эта лента? Кто разрешил?» Потом оказалось, он пришел, когда демонстрация картины шла уже к концу, титров он не видел, где можно было прочитать, что это на «Киевнаучфильме», следовательно, официально, что это не самиздат, и вместе с тем ему было понятно, что эта картина идеологически неприемлема, поскольку разрушает фундамент мировоззрения советского человека. Может быть, это был кто-то из администрации Дома литераторов, может быть, из «органов». Ни мне, ни режиссеру фильма — не представился.

3. Крошка Цахес на исторической сцене

Сознаюсь, я выбрал не самый солидный вариант начала рассказа о весьма серьезных проблемах. В самом деле, как-то неудобно начинать обсуждение такой важной темы, как вопрос о политических лидерах и вождях, со стихотворения, метафорического и к тому же написанного эзоповым языком. Приведу его по памяти. «Дурной пример» всем нам показал Валентин Катаев, который в своей автобиографической повести «Алмазный мой венец» цитировал не по книгам, а ориентируясь на то, что сохранилось в памяти и, таким образом, определяло его отношение к событиям и людям, о которых шла речь. Решусь на это и я. Вот те стихотворные строчки, которыми я хотел бы начать обсуждение темы. Это фрагмент стихотворения Бориса Слуцкого:

...Однажды я шел Арбатом.
Бог ехал в пяти машинах.
От страха почти горбато
В своих пальтишках мышиных
Рядом дрожала охрана.
Было поздно и рано.
Смеркалось. Брезжило утро,
Бог глянул сурово и мудро
Своим всевидящим оком,
Всепроникающим взглядом.
Мы все ходили под Богом
У Бога почти что рядом.

Поэтически обработанная историческая правда. Все было именно так. Ни одна деталь здесь не мыслится надуманной. Все соответствует тому, что было в нашей жизни в годы, когда Сталин был для всех Богом. Вездесущим, всеведущим, за все отвечающим, всех одаряющим и спасающим.

Строчка за строчкой стихотворение Слуцкого разворачивается для меня конкретной картиной, образуя единый образный строй. Именно по Арбату с огром-

ной скоростью, по расчищенной не только от транспорта, но и от пешеходов улице мчался в нескольких машинах Вождь народов. Никто не знал, в какой именно он едет, поскольку все эти «паккарды» были одинаковы, и машины охраны было трудно отличить от автомобиля, где сидел Сам.

Мне случилось задержаться около кинотеатра «АРС-Арбатский» именно в тот момент, когда через минуту-другую должна была показаться вереница машин, в которой ехал, видимо, на «ближнюю» дачу, товарищ Сталин. Некто в сером плаще, резко и грубо подталкивая сзади, заставил меня завернуть в ближайший переулок. Обернувшись, я увидел, как пронеслись эти машины.

Поэтически точно охарактеризована ситуация с обожествлением Вождя. Да, действительно, первоначально атеизм исключал возможность какого-либо возвращения к той или иной форме идолопоклонства, но, вытеснив православную веру, марксистская идеология заменила ее псевдорелигией. Так появились на стенах вместо икон портреты основоположников марксизма-ленинизма — «святых» новой коммунистической эпохи. Вместо Библии и Евангелия были «Капитал» Маркса и «Краткий курс истории ВКП(б)». Вместо великомучеников — «образы» немногочисленных оставшихся в пропагандистском обороте героев гражданской войны.

И про то, что этого «бога» мы видели «живьем» — тоже историческая правда. Школьники Фрунзенского района на первомайских и октябрьских демонстрациях имели счастье идти второй колонной от Мавзолея и могли видеть стоящего там Самого. Он приветственно поднимал руку. Каждый из нас относил это приветствие к себе как благословение, как величайшее счастье, которым мы готовы были радостно поделиться со всеми, когда возвращались по набережной Москвыреки в свои извилистые переулки.

Вероятно, у читателя иных, молодых лет все-таки возникает вопрос: неужели мы были так политически ослеплены? Неужели мы не понимали, что в действительности происходит в стране? Какую роль реально играет Великий Вождь, и в какой мере разумно было видеть его таким, каким мы его видели? Для пояснения было бы проще всего сослаться на политико-семантическую слепоту нашего поколения. Я имею в виду именно подростков. Я не очень верю, что ею не страдало и старшее поколение, хотя многие сегодня говорят, что все тогда понимали, во всем разбирались и просто вынуждены были делать вид, что воспринимают мир так, как тогда это требовалось.

Основанием для этой политико-семантической слепоты было наличие у Сталина харизмы. Слово это сейчас находится в употреблении, и его можно было бы не пояснять, но все-таки используем обычное словарное определение.

Харизма – это ниспосланная человеку благодать, которая выделяет его среди других людей и делает предметом поклонения.

Вот такой харизмой в XX веке обладали очень немногие государственные деятели. Она иногда оставалась в их распоряжении ненадолго и потом исчезала. К примеру, таким свойством обладал Николай II и, естественно, причиной его харизматичности было то, что он являлся по законам христианской веры «помазанником Божьим». Харизма ему была ниспослана свыше. Однако к концу Первой

мировой войны она все более и более испарялась, и к моменту отречения от престола от нее мало что осталось. Для либеральной буржуазии и интеллигенции сравнительно недолго обладал харизмой Керенский. Уже к октябрю он потерял все, что имел в глазах окружающих.

Бесспорно, харизматической личностью был Ленин в качестве руководителя революции 1917 года. Впрочем, почти до самой его смерти, наравне с ним, столь же харизматичным был Троцкий. Эти два вождя делили между собой славу людей, уничтоживших «эксплуататорский класс» и «контрреволюцию».

Что касается Сталина, то понятие харизма наиболее соответствовало его личности и роли на протяжении многих лет и, кстати, после его смерти для определенной категории людей она сохраняется.

Примечательное обстоятельство: до 1924 года отношения Ленина и Сталина были весьма напряженными и, по всей вероятности, уход Ленина из жизни стал для последнего благодеянием, которое было явно ему «подарено богами». С этого момента он присоединил харизму Ленина к собственной и как бы надел на себя двойную корону, которая определялась диадой «Сталин — это Ленин сегодня», что усиливало эффект особого величия, которым с этого времени он обладал и которое возрастало с каждым годом его правления.

Возникают важные с психологической точки зрения вопросы. В чем заключается тайна харизмы? Является ли она прямым следствием неких особых личностных качеств человека? Заключена ли она в пространстве его тела? Порождена ли особым устройством его мозга, его внешностью?

Для ответа на эти вопросы обратимся к прекрасной сказке Теодора Амадея Гофмана «Крошка Цахес, именуемый Цинробером». Может быть, именно там нам легче будет разглядеть загадку появления харизмы и ее таинственного влияния на окружающих. Коротко содержание сказки:

> Бедная крестьянка родила отвратительного уродца, хилого, горбатого, обременявшего ее существование. Случившаяся неподалеку добрая фея по имени Розабельверде, сжалившись, наделила маленького уродца Цахеса удивительными возможностями. Все хорошее, что делалось окружающими, приписывалось ему, а все отвратительные поступки, которые он совершал, относили к действиям окружающих. И только очень немногим было дано во взрослом Цахесе, уже именовавшемся господином Циннобером, увидеть не мудрого красавца, а маленького мерзкого уродца. К числу последних относился студент Бальтазар, которому не повезло, и он оказался вместе с Цахесом на литературном чаепитии у профессора Моше Терпина. Вот что там произошло (привожу слова профессора):
>
> — Каких бед натворили вы, господин Бальтазар, своим мерзким пронзительным мяуканьем!
>
> Бальтазар не мог понять, что с ним творится. Лицо его пылало от стыда и досады, он был не в силах вымолвить ни единого слова, сказать, что ведь замяукал так ужасно не он, а маленький господин Циннобер.
>
> Во время этого же литературного чаепития выступал маэстро, один из величайших скрипачей, который услаждал слух собравшихся гостей виртуозным исполнением ряда музыкальных произведений. Вот его рассказ о том, что же произошло в конце концов после этого концерта:

— Когда я кончил, раздались яростные рукоплескания — *furore*, разумеется, чего я ожидал. Взяв скрипку под мышку, я выступил вперед, чтобы учтиво поблагодарить публику. Но что я вижу, что я слышу? Все до единого, не обращая на меня ни малейшего внимания, столпились в одном углу залы и кричат: «*Bravo! bravissimo*, божественный Циннобер! Какая игра! Какая позиция, какое искусство!»

Сказка есть сказка, но, как гласит народная мудрость, — в каждой сказке есть намек, и здесь он совершенно очевиден. Есть все основания включить в перечень психологических феноменов «феномен крошки Цахеса». Он очень многое объясняет в понимании личности человека и его места в общественной жизни.

Нет, не было у Вождя и Учителя доброй феи, которая могла бы наделить его особыми волшебными качествами. Уж скорее можно было ожидать, что такого рода покровительницей его могла оказаться какая-либо злая ведьма, прилетевшая из далеких германских земель с горы Брокин, где, как известно, собирались и бесновались ведьмы, черти и привидения. Но и такой покровительницы у него не было.

Однако в сказках всегда существуют «чудодейственные помощники» («золотая рыбка» и т. п.). В сказках о Сталине таковых было трое: *Большая Ложь, Великий Страх, Безответная Любовь*. Они могли обеспечить то, что было, видимо, чрезвычайно важным: все его злодеяния приписывались другим людям, а все доброе и хорошее, что делал советский народ — приписали вождю.

Большая Ложь? Ну как же мы можем назвать то, что постоянно настойчиво и упорно вдалбливалось в головы людей пропагандистской машиной, раз и навсегда заведенной для решения этой задачи. Геббельсу приписывают афоризм: «Ложь, повторенная миллион раз, становится истиной». Это — не точно. Правильнее сказать не «становится истиной», а воспринимается как истина. «Кто выиграл Великую Отечественную войну? Сталин, конечно!» Хотя история показывает, что только благодаря его страшным ошибкам, этой малопонятной веры в Гитлера, мы потеряли в первые месяцы войны миллионы наших солдат и сограждан, которые оказались в немецком плену, в оккупации. Я даже думаю, что была допущена пропагандистская ошибка. Употребленные В. М. Молотовым слова: «вероломное нападение Германии на Советский Союз» содержали в себе странное и опасное признание. Вождь коммунистической партии, оказывается, верил вождю немецких фашистов, а тот эту искреннюю веру сломал, нарушил. Удивительно, как не «отпелось» это Вячеславу Михайловичу в последующем. Однако ложью было то, что войну выиграл Сталин. Войну выиграли замечательные полководцы Жуков, Рокоссовский, Василевский, Конев, Ватутин, Черняховский и многие другие маршалы и генералы. Войну выиграл советский народ, а победу приписывали Сталину, и эта ложь утвердилась в умах надолго, едва ли не до наших нынешних времен. Так победа была приписана одному человеку — Верховному Главнокомандующему. Ну, а кто же был все-таки виноват в поражении? Ну, конечно, затесавшиеся в ряды Красной армии шпионы и диверсанты. Уже в первый месяц войны был арестован и расстрелян генерал-полковник Павлов, командующий Западным направлением и хорошо знавший о том, что Германия на границе с Советским Союзом сосредоточила огромные воинские силы и что в любой момент может начать нападение. Однако он был обязан выполнять и выполнял

указание Вождя: не поддаваться ни в коем случае на провокации и не готовиться к оборонительным действиям.

Кто был виноват в организации массовых репрессий 1937–1938 годов? Конечно, вина была приписана только одному человеку — наркому внутренних дел Николаю Ивановичу Ежову. Между тем, Ежов только выполнял, правда, весьма ретиво, указания Генерального секретаря партии, и расстрельные списки визировались Сталиным, как, впрочем, и другими членами Политбюро.

Массовый террор не щадил никого. В народе все это обозначалось одним словом — «ежовщина». Ну, разумеется, не «сталинщина»! Сталин был тогда вне подозрений.

Второй волшебный помощник — *Великий Страх.* Наиболее точно состояние, в котором находились люди в период его властвования, передает расхожий анекдот тех лет: «Живем как в трамвае — кто не сидит, тот трясется...» Шутка мрачная, но правдивая. Никто не знал, за что он может быть подвергнут репрессиям, и это порождало безотчетный страх, который преследовал людей, но который ни в коей мере не был связан с именем Сталина. Тем более, никто не решился бы даже помыслить о том, что человек, в буквальном смысле обожествленный, может рассматриваться в качестве источника этого страха. Страх сковывал человека, парализуя его волю, не позволял ему задуматься о причинах того, что происходит вокруг. Таким образом, складывался конформизм как одна из определяющих черт менталитета советского человека.

Наконец, третий чудодейственный помощник — *Безответная Любовь.* Сейчас в газетах определенного типа встречаются объявления: «Привораживаю». Привораживаю — это значит внушаю любовь, допустим, к девушке, хорошо заплатившей предприимчивой ворожее за ее искусство. Убежден, что обделенная любовью девушка напрасно потратит свои деньги — не поможет! Однако, когда в ход пускается гигантская пропагандистская машина, приворожить, внушить любовь к тому, кто заинтересован в успешной ее работе, удается в полной мере. Внушая любовь к Великому Вождю, славно потрудились решительно все: писатели, поэты-песенники, историки — одним словом, все, кто участвовал в этом процессе, включая учителей и пионервожатых. Прислушаемся к словам песни тех лет:

«Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полет.
С песнею борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет».

Опять:

«О Сталине мудром, родном и любимом
Прекрасную песню слагает народ...»

В любви к Вождю признавались буквально все, но не исключено, что его действительно любили, потому что предметом любви был не сам он, а образ, созданный той же самой пропагандистской машиной — образ гениального военачальника, мудрого ученого, друга советской молодежи, любящего детей, защитника угнетенных. Одним словом — образ человека, которого нельзя не любить. Решительно во всех газетах публиковался снимок: «Сталин держит на руках маленькую девочку Мамлакат Нахангову, которая отличилась при сборе хлопка». Прав-

да, никто не знал, что отец Мамлакат — узбекский партийный деятель, вскоре будет арестован и расстрелян. Никто не знал, сколько слез выплакала девочка после этих объятий Вождя. Любит ли народ Сталина или его иконописный образ, тогда различить не могли. Это исторический факт.

Запомнилось следующее: в дни семидесятилетнего юбилея, когда в Большом театре славословия рекой изливались на Великого Вождя, когда все ожидали кульминации празднества — выступления юбиляра, ждали с нетерпением, с надеждой, что наконец-то мы услышим его голос, который мы уже давным-давно не слышали, потому что выступал он крайне редко, — тем не менее, этого не случилось. Он не сказал ни одного слова в ответ на все те добрые, восторженные, любящие излияния, которые он молча выслушивал до конца юбилейного вечера, никак не реагируя на них.

Безответной была эта Любовь. Кто-то правильно сказал, что Сталин любил народ, но не любил население. Жалости к этому населению он не испытывал, хотя к каждому году своего правления приносил все новые и новые страдания этим любящим его людям.

Мой рассказ, разумеется, не о Сталине, о нем написаны и будут написаны многие книги. В них он получит достаточно полную, в том числе и психологическую характеристику. Такой задачи я перед собой не ставил. Мне было важно другое — показать, что среди многих феноменов психологии есть особый феномен, который, может быть, описан и включен в общий перечень психологических закономерностей — «феномен крошки Цахеса». Для меня рассказ об исторических событиях тех давних лет — лишь основание для того, чтобы раскрыть сущность этого удивительного социально-психологического эффекта. Знакомство с ним позволяет понять природу харизматического мышления как черты менталитета человека.

4. Семейная история Ивана, не помнящего родства

История... Гражданская история науки, история религии, история искусства и литературы. Известные, заслуженные, вполне узаконенные отрасли знания. Однако есть еще одна важная область изучения прошлого — история семьи, каждой семьи, рода, каждого из нас. Долгое время эта тематика не то чтобы была запретной, но в общем-то нежелательной, таящей неведомые опасности.

Тот, кто читал роман американского писателя Синклера Льюиса «Кингсблад — королевская кровь», вероятно, помнит, к каким ужасающим результатам привели генеалогические раскопки, предпринятые одним почтенным отцом семейства. Он, живя на Юге Соединенных Штатов, решил выяснить происхождение своей «королевской» фамилии. Вдруг его род имеет корни в царствующих домах Испании или Франции? Подтвердилось документально — его предки были... негритянскими царьками в Африке. Расист оказался в положении жертвы расизма.

В годы советской власти не принято было — да и страшновато — изучать родословную семьи. Вдруг узнаешь, что дед был надворным советником, или отец — поручиком и служил у Колчака? Как в таком случае ответить на сакраментальный вопрос: «А кто были ваши родители? Чем они занимались до семнадцатого

года?». И вообще, «владели ли они недвижимостью до Октябрьской революции?». Кстати, был такой вопрос в некоторых многолистовых анкетах.

Между тем, заинтересоваться генеалогией стоило. Это я недавно и сделал применительно к истории моей семьи. Попытаюсь открыть некоторые «семейные тайны». Мой отец рассказал мне, что у него была то ли тетушка, то ли бабушка, родная или двоюродная (не помню), по фамилии Бурцева. Я заинтересовался этим и сказал: «Может получиться, что мы в наших предках имеем такого замечательного человека, как генерал Иван Григорьевич Бурцов, герой Отечественной войны, декабрист, друг Пушкина», — и даже процитировал:

> Бурцев — ера, забияка,
> Собутыльник дорогой,
> Ради рома и арака.
> Посети домишко мой.

Отец остудил мои восторги, сказав: «Пожалуйста, не заносись. К генералу Бурцеву мы никакого отношения не имеем, потому что он был Бурцов, а тетушка или бабушка — я повторяю, что не помню точное родство — Бурцева (через «е»). И вообще, лучше не занимайся этими раскопками».

Прошли годы. Этот разговор мною был практически забыт и только где-то в конце 80-х годов, открыв журнал «Огонек», я увидел портрет человека, удивительно похожего на моего отца. Подняв глаза вверх по строчкам, я прочитал заголовок: «Неистовый Бурцев». Это был очерк Юрия Давыдова, посвященный Владимиру Львовичу Бурцеву — фигуре весьма примечательной. Начинал он как эсер, участник ряда акций, осуществленных этими неистовыми революционерами. В дальнейшем он отказался от участия в боевых операциях, а прославился как «охотник за провокаторами». Ему принадлежит центральная роль в разоблачении «великого» провокатора Азефа.

Как выяснил Бурцев, Азеф, будучи с 1893 года секретным сотрудником департамента полиции, выдал царской охранке многих эсеров — участников боевых дружин. Именно Владимир Львович разоблачил знаменитую фальшивку «Протоколы сионских мудрецов», которая была сфабрикована в царской охранке. На протяжении десятков лет, вплоть до последнего времени, она использовалась фашиствующими элементами (так называемыми национал-патриотами) в целях антисемитской пропаганды.

Явно не случайно известный черносотенец Пуришкевич считал, что Бурцева надо повесить. Когда же после 1917 года Владимир Львович эмигрировал за границу и стал издавать антисоветский журнал «Общее дело», Лев Троцкий требовал, чтобы его нашли и расстреляли.

Теперь представьте, что было бы с нашей семьей, членам которой приходилось не один раз отвечать на вопрос анкеты: «Есть ли у вас родственники за границей?», если бы мы сообщили, что такой «родственничек» есть, и что фамилия его Бурцев, а зовут его Владимир Львович.

Старшая двоюродная сестра рассказывала, что мой отец предпринимал розыски, связанные с его родственницей Бурцевой, но потом его что-то напугало, и он эти изыскания прекратил.

Нет, знаменитый «охотник за провокаторами» Бурцев к числу почетных родственников в те годы никак не мог быть причисленным, и вспоминать его было

явно небезопасно. Примечательно, что в своих мемуарах, изданных за рубежом, он полностью обходил какие-либо упоминания о своих родных и близких, и рассказ о себе начинал непосредственно с включения в революционную борьбу. Впрочем, должен заметить, что все, сказанное о Бурцеве, не является серьезным доказательством моих родственных связей с «охотником за провокаторами». Это всего лишь предположение, нуждающееся в проверке.

Еще один пример и опять-таки из семейной хроники. Моя жена рассказывала мне, что еще девочкой, играя со своими подругами во дворе харьковского дома, она увидела, как в их подъезд заходил «поп» в длинной черной рясе. Вернувшись вечером домой, она за ужином рассказала, как девчонки и мальчишки смеялись над его одеянием, показывали на него пальцами. За столом долго молчали, потом мать ей сказала: «Это нехорошо, смеяться над священником не нужно. Это больной, пациент папы, он к нему приходил уже не в первый раз и папа его лечит».

Прошли годы. Теперь уже моя дочурка играла около парадного. В это время к тротуару подъехала длинная черная машина. Из нее вышел священник в шелковой рясе, с большим золотым крестом на груди и поднялся по лестнице. Позже, дома моя дочь спросила:

— Кто к нам приходил?

— Это старый друг нашей семьи.

После этого прошел не один год, когда можно было дать все необходимые пояснения и рассказать, что «поп», вызвавший когда-то насмешки детей, и этот величественный священник в шелковой рясе — один и тот же человек, брат погибшего на Мировой войне первого мужа моей тещи. Его высокое духовное звание — Протопресвитер Русской православной церкви. Николай Колчицкий был главой Белого (немонаршествующего) духовенства. Теперь это уже не было секретом и чем-то предосудительным, сулящим какие-нибудь серьезные опасности.

Впрочем, не все в истории семьи моей жены было тайной, которую надо было тщательно скрывать. Ее дед, Николай Николаевич Синельников, был выдающимся театральным деятелем, художественным руководителем театра Корша в Москве, создателем и главным режиссером театра в Харькове, в Ростове-на-Дону, в Новочеркасске. Он воспитал многих замечательных артистов, работавших не только у него, но и Малом, Художественном и других театрах Москвы и Ленинграда. В одно и то же время, в начале 20-х годов, наряду с Качаловым, Москвиным, Неждановой, Шаляпиным он был удостоен звания Народного артиста республики. Несколькими изданиями вышли его книги «60 лет на сцене», были монографии, посвященные его творчеству, одним словом, скрывать здесь было нечего, все было общим достоянием. Так что исключение из правила налицо.

Возникает закономерный вопрос: «Почему автор приводит примеры исключительно из истории своей семьи?» Это вполне объяснимо. Как это ни странно, но до сих пор получить такого рода информацию об окружающих далеко не просто. В одном случае совсем не интересует прошлое своего семейства, особенно давнее, и о нем ничего не знают. В другом — опасаются об этом рассказывать из-за не выветрившегося страха, оставшегося после суровых прежних лет. Со временем этот синдром «Ивана, не помнящего родства», как я бы его обозначил, исчезнет. Наши современники окончательно перестанут быть «манкуртами», для которых прошлое их отцов и дедов — пустота, ничем не заполненная.

Семья без корней вряд ли может рассчитывать на то, что генеалогическое древо будет плодоносить. Мне посчастливилось написать предисловие к книге Д. С. Лихачева «Письма о добром». Вновь открываю книгу. Лучше, чем Дмитрий Сергеевич, не скажешь, когда затрагиваешь тему, которая стала содержанием моего рассказа:

«Совесть — это в основном память, к которой присоединяется моральная оценка совершенного. Но если совершенное не сохраняется в памяти, то не может быть и оценки. Без памяти нет совести.

Вот почему так важно воспитываться в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной. Семейные фотографии — это одно из важнейших "наглядных пособий" морального воспитания детей, да и взрослых. Уважение к труду наших предков, к их трудовым традициям, к их орудиям труда, к их обычаям, к их песням и развлечениям. Все это дорого нам. Да и просто уважение к могилам предков. Вспомните у Пушкина:

> Два чувства дивно близки нам —
> В них обретает сердце пищу —
> Любовь к родному пепелищу,
> Любовь к отеческим гробам.
> Животворящая святыня!
> Земля была б без них мертва.

Поэзия Пушкина мудра. Каждое слово в его стихах требует раздумий. Наше сознание не сразу может свыкнуться с мыслью о том, что земля была б мертва без любви к родному пепелищу. Два символа смерти и вдруг — "животворящая святыня"!»

Окончу эти заметки мудрой восточной притчей.

«Сидит около своего дома старый-старый человек. Проходит мимо путник и спрашивает:

— Старик, сколько тебе лет?

Тот отвечает:

— 92.

— И сколько ты еще намерен жить? — насмешливо вопрошает путник.

— Я буду жить ровно столько, сколько проживут мои внуки и правнуки, — ответил старец.

— Какой же ты жестокий человек, — сказал явно не отмеченный печатью мудрости прохожий. — Ты хочешь, чтобы из жизни так скоро ушли твои внуки и правнуки?

— Ты ничего не понял, — последовал ответ. — Я буду очень долго жить в них!»

Здесь мне надо найти в себе силы, чтобы удержаться и не обратиться к разрабатывавшейся мною много лет совместно с Вадимом Петровским теории персонализации. Суть ее в том, что после смерти индивида его личность не умирает, не исчезает, а продолжается в других людях, ставшими ее носителями. «Вклады», которые индивид в них совершил, образуют идеальную представленность его в них и, следовательно, свидетельствуют о принципиальной возможности бессмертия личности. Но это уже предмет для рассмотрения не в этой, а в другой книге[1].

---

[1] *Петровский В. А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. — М., 1996.

5. Бойтесь детей, вопросы задающих

Мальчик лет десяти спрашивает маму, которая уже на восьмом месяце беременности:
– Мамочка, у тебя в животике маленький ребеночек?
– Да.
– А ты его любишь?
– Люблю.
– Очень-очень?
– Да, очень-очень.
– Но если ты его очень-очень любишь, зачем же ты его съела?

Анекдот? Возможно, и нет. Дети воспринимают мир совсем не так, как мы, взрослые. Психология это уже давно изучает.

Детская логика! С ней нельзя не считаться, — столь непостижимой она оказывается.

Это так важно — дать возможность ребенку задать вопросы, осмысливать мир, понимать связь вещей и событий. К сожалению, взрослых нередко утомляют эти поиски «истины» и они готовы отмахнуться от не в меру любознательного собеседника. К чему это может привести?

О результате пишет Самуил Маршак:

Он лез ко всем с вопросом «Почему?»
Его прозвали «маленький философ»,
Но только вырос — начали ему
Преподносить ответы без вопросов.
И с той поры он больше ни к кому
Не подходил с вопросом: «Почему?»

Есть два сорта учителей: одни побуждают детей задавать вопросы и видят в этом проявление самостоятельности мысли; другие боятся вопрошающих детей и готовы их резко оборвать — это, мол, к теме урока не относится.

Уважаю и ценю первых и в то же время понимаю вторых. Впрочем, вопрос, адресованный педагогу, иногда настолько ставит его в тупик, что лишь наитие может вывести его из затруднительного положения.

Вспоминаю такой драматический эпизод на уроке:

— Наталья Николаевна! — Над партой поднялся Кузовлев. Вот уже три недели, которыми исчислялся пока педагогический стаж Наташи, этот верзила постоянно испытывал на ней свое тусклое остроумие. Учительница насторожилась.

— Наталья Николаевна! А ребята мне записку прислали. Я вам прочту.

И предупреждая ее протестующий жест, он торжественно произнес:

— Паша Кузовлев...

Оказывается, в записке минимальным количеством букв определялось то, что представляет собой Пашка Кузовлев с точки зрения ее авторов.

— Наталья Николаевна! А чего они обзываются! — Приняв смех ребят и негодующие восклицания девочек едва ли не за аплодисменты, Кузовлев уселся, ожидая дальнейшего развития событий.

Помедлив, — что только не пронеслось в голове Наташи, в какие только педагогические пропасти ее сердце не проваливалось, какие только моральные и психологические барьеры она в этот момент не преодолевала, — молодая учительница спокойно спросила:

— Кузовлев, ты сколько лет с этими ребятами учишься?

— Ну, восьмой год. А что?

— Вот видишь, Кузовлев, ребята знают тебя почти восемь лет, а я — только три недели. Им виднее... Так на чем мы остановились на прошлом уроке?

Уважительная тишина, установившаяся в классе после шквала хохота, пронесшегося над красным как рак Кузовлевым, свидетельствовала о том, что она вышла из положения, с точки зрения учеников, наилучшим образом. С точки зрения учеников...

Проплакав следующий час в пустой учительской, моя знакомая мучительно пыталась оценить то, что она сделала, понять, имела ли она право поступить так, как она поступила, соответствует ли ее решение педагогическим принципам или грубо им противоречит, но ничего, кроме отрывочных фраз из учебника педагогики, прочитанного перед госэкзаменом, на ум ей не приходило. Так ничего и не решив для себя, она пошла на урок...

Воистину — стоит бояться детей, вопросы задающих. Но уж если вопрос задан, отвечать надо, каковы бы ни были последующие издержки.

Около могилы Неизвестного солдата стоит мальчик с папой.

В торжественном печальном молчании вдруг слышу мальчишеский голос:

— Папа, в могиле неизвестно какой солдат лежит? И фамилию никто не знает?

— Да, только говори тише, пожалуйста.

— Папа! А вдруг там какой-нибудь предатель похоронен?

Папа дергает малыша за руку, вытаскивает его из толпы.

Продолжу рассказом об открытии, сделанном моей трехлетней внучкой Настенькой (около 25 лет назад).

Она в сотый раз, наверное, выслушала сказку о Курочке-рябе, снесшей яичко не простое, а золотое, которое ни дед, ни баба не могли разбить, а мышка, махнув хвостиком, это «колумбово яйцо» разбила. «А почему дед и баба плачут? Почему курочка их утешает? Они же хотели разбить это яйцо? Вот теперь они все золотые кусочки подберут».

Резонно? Непосредственность детского восприятия — это ценность, к сожалению, с годами исчезающая. Нередко ребенок ли, подросток ли за нее расплачивается.

И все-таки не затуманенный стереотипами и не запуганный запретами маленький «философ» может своими вопросами заставить взрослого человека попасть впросак. Причем в ситуациях не столь очевидных, как эта.

Здесь у автора возникла трудность деликатного свойства. Только что он упомянул внучку с ее интерпретацией истории владельцев Курочки-рябы, а теперь речь пойдет о дедушке, поставленном в тупик вопросом внука. Уточняю: дед — автор этой книжки.

Я бы с удовольствием обошел упоминание о родственных отношениях, но некогда в одном журнале уже описывал то, о чем дальше пойдет речь. Там я напрямую признал, что в затруднительное положение меня поставил именно собственный внук. Не называть же его просто знакомым мальчиком!

Воспроизведу разговор с 17-летним внуком. Было это 16 лет назад.

«Дед, — спросил он, — а что такое рабочий? Как это можно определить по-научному?». Умудренный почти тридцатилетним опытом написания статей для самых разных энциклопедий и словарей, я без каких-либо опасений приступил к составлению дефиниции: «Рабочий — это участник процесса разделения труда, который...». Дальше у меня дело не пошло, и я, к удивлению моего собеседника, начал что-то мямлить и, в конце концов, капитулировал, сказав, что еще подумаю.

Прежде всего, я обратился к справочным изданиям. Поскольку не спрашивалось о рабочих, живущих при капитализме и «вынужденных продавать свою рабочую силу частным собственникам» (об этом внук уже читал в учебниках и цитировал довольно точно), то меня интересовало общее определение понятия «рабочий» или «рабочие». И я обнаружил, что такого термина нет ни в одном из доступных мне словарей и энциклопедий. Всюду есть статьи «Рабочий класс», но понять из них, кто конкретно может быть в наших условиях отнесен к представителям этого класса, оказалось невозможно. Из статей можно было только извлечь, что это «класс тружеников общенародных предприятий, владеющий средствами производства, самая передовая и организованная сила общества».

Напоминаю, вся эта компрометирующая меня история развертывалась в советские времена.

Сосредоточившись на осмыслении понятия «труженики общенародных предприятий», представим на минуту большое книгоиздательство. Вряд ли кто возьмется отрицать, что в нем работают труженики (заведомые бездельники не в счет). Начнем с готовой продукции. Шофер на грузовике развозит ее по книжным базам. Упаковщик подготавливает пачки книг для отправки. Печатают, брошюруют, переплетают другие труженики. Все они рабочие? Конечно. А до этого с утра до вечера набирают текст операторы, скрупулезно вычитывают текст корректоры, не разгибая спины трудятся литературные и технические редакторы, художники-оформители... Да и автор не стоит в стороне от создания конкретного потребительского продукта — книги, предмета духовной и материальной культуры, стоимость которой представлена в денежном выражении. Они все рабочие? Нет? А почему? Где тот критерий, по которому можно провести границу между наборщиком-линотипистом и машинисткой, оператором компьютера и корректором, и т. д.?

Понимал, что подобная постановка вопроса выглядит несколько странно. В самом деле, ясно, кто такой рабочий?

Это и мне, как и всем, известно: шахтер в забое, сталевар мартеновской печи, ткачихи... Но только все это воспринимается на уровне «первой сигнальной системы», т. е. при оперировании эмоционально окрашенными образами. Однако если требуется научное определение, то яркими образами и расхожими представлениями не обойтись — необходимы точные критерии, которые могли бы одних тружеников предприятий отделить от других.

Как же быть? По-видимому, было целесообразно самим поискать какие-то основания для выделения рабочих среди других тружеников, коли авторитетные

энциклопедические издания их не содержат. Попробовал выдвигать гипотезы, которые помогли бы найти необходимые критерии, и попытался их подтвердить или опровергнуть.

Первая. По-видимому, нельзя принять приведенный выше тезис о владении средствами производства в качестве критерия. В большей ли степени фрезеровщик тогда владел средствами производства, чем директор завода либо начальник цеха, которые рабочими не считаются?

Вторая. Самая простая: рабочие — те, кто производит конечный продукт труда. Именно они, к примеру, завинчивают последние гайки на движущемся по конвейеру автомобиле. Не пройдет гипотеза. Чтобы ее подтвердить, необходимо игнорировать весь длинный производственный процесс создания автомобиля, в котором участвуют штамповщики, слесари, инженеры, сотрудники отдела технического контроля, конструкторы, дизайнеры и многие другие труженики. Что конкретно производит шофер, садящийся за руль машины, сошедшей с конвейера?

Третья. Рабочий человек трудится физически или сочетает физический труд с умственным.

Опять нас постигнет неудача. Уж куда как физически трудится скульптор, высекая из куска мрамора статую, т. е. производя конечный материальный продукт, имеющий культурную ценность. Более ли физический труд у машиниста электровоза (рабочий!), чем у командира-инструктора воздушного судна (не рабочий!)? А работа врачей? Например, микрохирургия глаза в клинике С. Федорова — сложный конвейерообразный процесс, в результате которого пациенту имплантируется искусственный хрусталик. Огромное физическое напряжение, микронная точность движений, умнейшие руки хирургов, использование разнообразных инструментов, филигранное мастерство. В чем принципиальные отличия этого хирурга от сборщика и наладчика сложнейших узлов приборов и деталей? Врач, делающий пластическую операцию на лице, создает красоту. Парикмахер занят тем же, колдуя над прической клиента. В плане профессионально-производственном разницы я не видел, а в социальном положении? Одни — рабочие, другие — нет. Почему? Можно множить эти примеры. Кассир багажный и кассир билетный, кто из них рабочий, а кто служащий? Вероятно, вы скажете: «Не знаю, по-видимому, багажный кассир — рабочий» — и ошибетесь: он служащий, а его коллега — рабочий!

Привел еще одно предположение (четвертую гипотезу): рабочие не чураются «грязной» работы. Между прочим, именно это вызвало вопрос, который поставил меня в тупик. Оказывается, внук, который учился в это время в медучилище, поспорил с кем-то, утверждающим, что рабочий не боится трудом запачкать руки в отличие от интеллигентов, в том числе и врачей. Юный медик заступился за людей своей профессии, сказав, что лаборант в больнице, целый день проводящий за анализом мочи, кала и мокроты, занят не менее «грязной» работой, чем слесарь, прочищающий унитазы. При этом он еще вспомнил врачей-урологов, патологоанатомов, проктологов. Не знаю, как другим, а мне эти доводы показались убедительными.

Опасался, что пятая гипотеза могла выглядеть даже оскорбительной для рабочего человека. Я привел ее только для того, чтобы отбросить буквально с «порога». Рабочий — труженик, у которого якобы отсутствует творческий подход

к делу. Он простой исполнитель заданного, выполняет то, что приказывают вышестоящие, дают чертеж — он ему следует. Но тогда чем он отличается от учителя, который тоже выполняет задачи по обучению в соответствии с учебными программами, инструкциями и методичками? Есть учителя-новаторы? Но не меньше рабочих — изобретателей и рационализаторов. Творческого начала рабочему не занимать — лишь бы ему не мешали. Столь же нелепо предположение, что рабочий по своей квалификации ниже тех, кто находится выше его на иерархической лестнице родного предприятия. Сравним токаря 6-го разряда и бухгалтера заводоуправления: у кого из них выше квалификация? Кстати, можно ли сравнивать этого же токаря с подсобным рабочим или продавщицей из овощного магазина? Этих тружеников объединяет только графа в листке по учету кадров.

Еще одна гипотеза (шестая). Рабочий — человек, недостаточно образованный. Однако я знал немало рабочих, окончивших вузы. Не введем же мы в искомую дефиницию формулировку «отсутствие высшего образования»? Все-таки живем в век НТР, компьютеризации, когда действительно стирается граница между трудом физическим и умственным. Да и в дипломе ли дело!

Нет, я думаю, никто не посмеет установить образовательный или какой-либо иной «общекультурный» ценз для присвоения звания «рабочий».

Сделал попытку построить седьмую, собственно психологическую, гипотезу. Быть может, демаркационная линия между рабочими и нерабочими проходит в сфере сознания людей? Упоминается же нередко классовое самосознание рабочего человека. Что на это можно было сказать? Может быть, так оно и есть, но если речь идет об обществе, в котором мы живем, то мне, психологу, неизвестны какие-либо исследования, дающие основания говорить о таких различиях (например, между работницей отдела технического контроля консервной фабрики, выбраковывающей перемещающиеся перед ней на конвейере банки с яблочным джемом, и корректором типографии, отыскивающим опечатки в тексте).

Здесь было выдвинуто семь гипотез, предлагающих возможные критерии, но ни одна не подтвердилась. Подобный способ анализа — один из вариантов метода «проб и ошибок». Можно было предложить другие гипотезы, которые бы внесли ясность в эту научную проблему. А она весьма значима, принимая во внимание, что при решении многих политических, юридических, социальных, психологических и экономических задач мы оперировали, казалось бы, само собой разумеющимся понятием «рабочий».

В одном я совершенно убежден — это не досужие рассуждения. Я с величайшим уважением отношусь к рабочему человеку, ко всем трудящимся и, как все, презираю тунеядцев и захребетников. Чем тяжелее труд человека, чем он больше приносит пользы обществу, тем большего уважения он заслуживает. Однако когда никем, в сущности, не определенное понятие использовалось в целях социальной стратификации и решения вопроса о власти, то здесь приходилось серьезно задуматься.

Вспомнил, как на одном из партийных съездов прозвучало: «Я представляю здесь его величество рабочий класс». С этим заявлением я бы не стал спорить, но возникает вопрос о подданных его величества в составе делегатского корпуса. Кто они были — инженеры, юристы, профессора, офицеры? Еще одно воспоминание. На другом съезде депутат от профсоюза выразил озабоченность, что в состав на-

родных депутатов избрано в 2,5 раза меньше рабочих и колхозников, чем их было в предыдущем составе Верховного Совета. Он говорил о чьем-то стремлении «убрать рабочих и крестьян с политической арены». На протяжении всего выступления доказывал, что надо «отдать приоритет защите интересов человека труда», что «нужен механизм, который бы защищал, в первую очередь, большинство простых людей, людей труда», «простых тружеников», «трудовое большинство» и т. д. Подобные высказывания и сейчас не такая уж редкость. Кстати, слова: «простой человек», «простые люди», как я предполагаю, являются стыдливым коммунистическим эвфемизмом, маскирующим презрительное определение «простолюдины», «простонародье».

Повторяю, я вообще не понимал и не понимаю, при чем здесь «простота»? Более ли люди труда «просты», чем, к примеру, тот же профсоюзный деятель? Очень интересно, считал ли он сам себя «человеком труда»? Неужели нет? Но тогда, чем он занимался?

Мне всегда казалось, что к категории «человек труда» относятся решительно все добросовестные и эффективно работающие, приносящие пользу обществу, те, кто трудятся по своим способностям, правда, не всегда получая по труду. И я не видел в этом смысле разницы между доцентом и стрелочником, актером и милиционером, кузнецом и дипломатом. Все они трудятся — кто это станет отрицать? Я тоже отдаю все приоритеты защите интересов людей труда. Но хорошо было бы знать, кто в это «трудовое большинство» не входит, кто остается в меньшинстве? Неужто речь идет о бомжах и уголовниках? Стоит ли из-за этого копья ломать? Бюрократы? Но нелепо изображать весь управленческий аппарат как армию бюрократов.

В этих рассуждениях я не претендовал на авторитетные заключения, так как не считал себя специалистом в данной области. Предполагал, что серьезное обсуждение этого вопроса входит в компетенцию не только психологов, но и обществоведов — социологов, историков, юристов, экономистов. Им разбираться, какими научными критериями некогда руководствовались Госкомтруд, Госстандарт СССР и др., составляя «Общесоюзный классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов» и разнося по двум его частям («рабочие» и «служащие») тысячи профессий и должностей — от министра до водолаза. Не будем забывать, что от принадлежности к той или иной части классификатора всегда зависело очень многое и в материальном и в правовом положении трудящегося.

Этими соображениями я поделился со знакомым, по социальному происхождению «из рабочих», инженером по образованию, доктором наук, который в своей лаборатории разработал несколько интересных технических приспособлений и участвовал в их внедрении на производстве. Он меня внимательно выслушал и сказал: «Вот что! До тех пор, пока ваши коллеги-обществоведы не договорятся обо всех этих критериях и дефинициях, извольте считать меня рабочим!»

Никто не станет отрицать — с расхожими стереотипами нелегко расставаться; они были очень удобны. Это своего рода набор универсальных отмычек, которыми мы долгое время пользовались, чтобы открывать двери в закрома идеологической мудрости. Ныне выяснилось, что мудрость и истина хранятся за другими дверями и отмычки к ним не подходят — для каждой надо изготовить особый

ключ. Хочешь не хочешь, отмычки на ключи приходится менять всем — и изготовителям, и пользователям. Это категорическое требование относится ко всем общественным наукам, и в том числе к психологии.

Хочу еще раз повторить: вопросы, которые ставят в тупик взрослых, свидетельствуют не только о любознательности младшего поколения, но и очень часто о нерешенности многих проблем старшими.

Уж таковы особенности нашего менталитета.

6. Секс по-советски

Трудно передать, сколько иронии звучало по поводу слов: «В Советском Союзе секса нет!» Это стало расхожей фразой, с помощью которой высмеивалось ханжество, присущее менталитету советского человека, якобы отсутствие каких-либо сексуальных интересов. Впервые это прозвучало на телемосте «СССР — США» из уст одной советской участницы той дискуссии.

Неужели эта особа думает, что в Соединенных Штатах кто-то поверит, что все советские люди готовы клятвенно подтверждать, что молодожены, ложась в постель, читают вслух труды Маркса, Энгельса и Ленина, что детей производят на свет по разнарядке, утвержденной парткомом? Как охотно все мы высмеивали эту женщину.

Между тем выяснилось, что все совсем не так, что на самом деле она сказала: «В Советском Союзе секса нет в кино и на телевидении», и это вполне соответствовало действительности. Несчастную травили, над ней издевались. В конечном счете она предъявила серьезные претензии Владимиру Познеру, который вел телемост. Как мне рассказывали, он был вынужден извиниться за то, что при монтаже выпали эти слова: «...в кино и на телевидении». Не такой уж редкий случай для нашего телевещания. Кстати, именно поэтому я предпочитаю выступления в прямом эфире, а не в записи. Никогда не знаешь, что с твоими словами сделают на монтажном столике.

В чем был реальный смысл высказывания? Собственно говоря, была озвучена совершенно справедливая мысль. В Советском Союзе секс отсутствовал как социокультурный феномен. Это то, что называется «святая правда». С какой удивительной легкостью обходилась тема физиологических отношений, не говоря уж об однополой любви, и литературой, и кино, и телевидением. Об этом не полагалось говорить вслух. Особенно оберегали от какой-либо информации, которая могла бы не только пробудить интерес к этому вопросу у подростков, но и признать, что нечто подобное, «столь неприличное», происходит со знакомыми им людьми. Да что там секс! Даже в школе нельзя было и заикнуться о любви.

Прав был Антон Семенович Макаренко, который говорил, что педагоги во все времена не любили любовь. Но он имел в виду главным образом то, что любовь отвлекала молодежь от цели воспитательного процесса. Однако здесь речь идет о другом. Запрещалось и думать о том, что уже 15–17-летние мальчики и девочки

могут испытывать друг к другу половое влечение. Это было не только предосудительно с точки зрения школы, но и просто недопустимо.

Конечно, читали лекции о любви и дружбе. Старшеклассники слушали их с огромным интересом, но когда переходили от дружбы (о которой говорили подробно и с полным знанием дела) к любви, их неизбежно ожидало разочарование. Да, речь шла о любви к Родине, к маме и папе, к нашей коммунистической партии, но только по возможности не об интимных взаимоотношениях между полами. Юношеская любовь трактовалась исключительно как дружба и полностью отвергала какие-либо интимные взаимоотношения.

Ханжи от воспитания особенно боялись, что молодые люди увидят где-то изображения обнаженного мужского или женского тела. Они невольно уподоблялись анекдотическому персонажу — старой бонне, о которой писал Ильф. Она боялась выйти на улицу потому, что там мужчины...

— Но они же одеты!

— Да, но под одеждой они голые!

Некий райкомовский деятель с дореволюционным партийным стажем якобы произносил такие рифмованные слова: «Купальник есть на ей, ну а под ним все голо. Куда же смотрят комсомол и школа?!»

В 1962 году я опубликовал в «Учительской газете» статью «Педагогическое табу». Это было первое выступление по поводу ханжеской десексуализации, процветающей в советской школе. Помню, как негативно отнеслась к этому педагогическая общественность. Выражали скрытое, а иногда и явное неудовольствие моим вмешательством в нормально протекающий воспитательный процесс.

Но на меня это не повлияло. Я напечатал в «Литературной газете» и в той же «Учительской» статьи «Признавая права возраста» («УГ»), «Купидон в классе» («ЛГ») и др.

Идиллические времена, не правда ли? Конечно, ханжество. Конечно, бесполая педагогика, которая была вполне закономерной стороной педагогического лицемерия советских времен.

Когда в начале 60-х годов я протестовал против «табуирования» полового влечения у школьников, против страха упомянуть физиологическую сторону интимных отношений, я никак не мог предположить, против чего я буду протестовать через тридцать лет.

Педагогический маятник качнулся и застыл на другом полюсе часов времени. В 1996 году в Российской академии образования шла дискуссия о половом воспитании в школе. Столкнулись две точки зрения. Одна была хорошо знакома мне: школьникам ничего не надо знать о половой жизни — придет время, сами разберутся. Другая сторона настаивала на том, что надо быть откровенными и все рассказать «до конца» уже первоклассникам. С трудом приходилось отыскивать разумное начало. Да, конечно, половое воспитание необходимо, и это не требует каких-либо доказательств. Однако как далеко можно и нужно зайти в области «полового просвещения» школьников? Между тем в ажиотаже попыток рассказать мальчикам и девочкам «все до конца» без изъятия даже весьма солидные ученые мужи не знали удержу. Не буду голословным. Вот на какие вопросы, разработан-

ные Институтом социологии РАН и Институтом международных исследований семьи, надо было отвечать, к примеру, семиклассникам:

- Где у женщины находится клитор?
- Что такое эрогенные зоны?
- Наиболее чувствительная в сексуальном плане часть женского тела? И т. д.

Предлагались варианты ответов. К примеру, на первый вопрос: а) глубоко во влагалище; б) около шейки матки; в) у входа во влагалище; г) между выходом уретры и лобковым холмом; д) никто точно не знает; е) я не знаю.

Все-таки остается непонятной цель подобного просвещения тринадцатилетних подростков. Ну, у девочек проблем нет — сами разберутся. А как будут практически в этом разбираться мальчики? Что они должны предпринять, чтобы позорно не признаться — «я не знаю». Вопросы уместны на экзамене по анатомии в медицинском институте.

Половое просвещение необходимо, это бесспорно. Но в том ли направлении оно пошло? Не надо бояться говорить о контрацепции, приходить в ужас от слова «презерватив». Одна из участниц дискуссии яростно протестовала против ознакомления подростков со способами контрацепции. Принимая во внимание ее солидный возраст, предполагаю, что она имела в виду презервативы советского производства, которые, на мой взгляд, если и отличались от галош, то лишь отсутствием красной байковой подкладки. Однако зачем подталкивать мальчиков к практическому освоению интимных частей тела одноклассниц? Ханжество в половом воспитании ни к чему хорошему не вело, но и бескрайнее половое просвещение вряд ли может способствовать развитию личности школьников.

Разумеется, у меня, тогда президента Российской академии образования, не было поддержки тем, кто выступал против полового воспитания школьников, и, конечно, не могло вызвать сочувствие их половое просвещение в подобной форме. Однако я понимал, что присущая советскому обществу ханжеская десексуализация неизбежно должна была породить в новых социально-экономических условиях свою прямую противоположность. Слишком долго была сжата пружина общественного интереса в этой особой сфере.

В период этих ожесточенных дискуссий в памяти всплывали проявления советского менталитета в его столкновении с атрибутами сексуальной революции, которая в 60-е годы бушевала во всех странах Европы. Вот когда закладывался тот протест против лицемерного морализирования и показной стыдливости, навязанной нашим соотечественникам, который сейчас приобретает, на мой взгляд, уж вовсе уродливые формы. Вспомним наши зарубежные командировки.

Легко можно представить себе состояние советского человека, «сшибку», которую он испытывал, оказавшись, даже мимоходом, в одном из «злачных мест» Лондона или Парижа: предположим, в кварталах Сохо или на Плас Пигаль.

...Лондон. 1969 год. XIX Международный психологический конгресс. Поздно вечером члены нашей делегации, посовещавшись, решились на «опасное» путешествие. Впереди шел профессор Борис Ломов. Помню, за ним увязался какой-то бродяга, который, оценив массивную фигуру нашего предводителя, обращался к нему по-

русски, титуловав его полковником, и просил пару шиллингов, очевидно, на «опохмелку».

В кварталах Сохо шли, как путешественники в джунглях, ежеминутно ожидавшие нападения диких зверей, или как дети в кондитерской лавке, избегающие смотреть на сладости, выставленные в витринах, — все равно не про них эти лакомства. Однако мы были в «коллективе», — а «на миру и смерть красна», да и ответственность за прогулку в столь поздний час можно было разделить на всех ее участников.

Другое дело — поход в одиночку. Вот здесь советский человек подвергался уже серьезной «опасности».

Вообще ощущение законопослушного человека тех лет в подобных ситуациях, мне кажется, точно выражено В. Егоровым в песне «Сохо»:

Как-то раз забрел я в Сохо.
И струхнул там не на шутку:
Мы такими в жисть не будем,
Мы мораль блюдем не ту.
Стало мне ужасно плохо —
Там и местному-то жутко,
А простым советским людям
Там совсем невмоготу.
Там на фото что ни девушка —
Будто ей одеться не во что.
Срамоту эту кромешную
Не приемлю же, конечно, я,
Но смотрел ее подолгу я,
Ибо полон чувством долга я
Всем поведать, кто не видели,
Чтоб, как я, возненавидели.

Герой этих стихотворных строк в сем злосчастном месте подвергается натиску некоей весьма предприимчивой девицы. На это он реагирует с достоинством, присущим советскому человеку:

Озарен моральным светом,
Опасаясь жуткой драмы,
Объяснил я ей по-русски
В этот вечер роковой,
Что на белом свете этом,
Окромя жены и мамы
И общественной нагрузки,
Мне не надо никого.

Мне кажутся достаточно показательными эти объяснения, пусть даже и в шутливой форме передающие сущность ханжеской десексуализации.

Все, что я рассказываю, разумеется, относится к временам, уже далеким. Сексуальная революция, которая на Западе подошла к своему завершению несколько лет назад, сейчас добралась и до нас, как это было показано даже применительно к школьному возрасту.

Сегодня командировочному не надо лететь в Лондон, Париж или Амстердам, чтобы прогуляться там по «улице красных фонарей». Достаточно ему выйти под вечер на Тверскую, чтобы встретить не менее предприимчивую девицу. И разговор по поводу нравственных проблем и какие-то оправдания не нужны — увы, «рыночные отношения».

Мне довелось увидеть на экране кинотеатра натуралистический и, на мой взгляд, омерзительный фильм. Его с экрана представлял профессор-искусствовед. Он сказал, что, подобно тому, как для художественной литературы вершиной является «Война и мир» Толстого, в этом же качестве для кинематографа выступает представляемое произведение. Речь шла о ленте «Империя чувств»...

Дальше читатель, вероятно, ожидает от меня проклятий по адресу порнографических фильмов. И ошибется. Предполагаю, что к порнографии этот шокирующий своим бесстыдством фильм никакого отношения не имеет. В самом деле, порнография предполагает возбуждение сексуальных эмоций и ощущений. Возможно, для некоторых людей, нуждающихся в услугах врача-сексопатолога, этот фильм мог бы раскрыться и в эротическом ключе... Но вряд ли он был рассчитан на эротизацию массового зрителя — скорее, на эпатаж.

— Так Вы, может быть, защищаете проникновение порнографии на наши книжный и видеорынки?

— Ни в коем случае!

На мой взгляд, существуют три уровня литературной и кинопродукции, ориентированной в большей или меньшей степени на стимуляцию сексуальных чувств и впечатлений. Сюда, в первую очередь, я бы отнес собственно порнографию. К примеру, известную поэму Ивана Баркова (которого, кстати, признавали талантливым человеком многие литераторы на рубеже XVIII–XIX веков). Вряд ли стоит приводить здесь для пояснения длинный список особых журналов, видеофильмов и т. п. Далее используем обозначение «эротика». Здесь задача создателей практически та же. Однако средства, которые при этом используются, не являются грубо натуралистическими, акцент приходится на красоту человеческого тела, многообразие ситуаций интимного общения. Помню, как в Финляндии мне более двадцати пяти лет назад посоветовали посмотреть фильм «Эммануэль» с обаятельной актрисой Сильвией Кристель. «Очень откровенная картина!» — предупредили меня. Я спросил: «Это порнография?» Был ответ: «Что вы? Что вы? Это эротика!» В те годы эта дифференциация была для меня за семью печатями. И наконец, художественная литература, а иногда и фильмы, где вкраплены эротические сцены. Число примеров бесчисленно, а мера откровенности этих сцен варьирует в широком диапазоне. Вспомним «По ком звонит колокол?» Хемингуэя, «Сто лет одиночества» Маркеса. Рискну в этот контекст поместить цикл рассказов Бунина «Темные аллеи». Для авторов здесь эротика — не самоцель, ее появление в тексте диктуется исключительно необходимостью развития сюжета, и, в конечном счете, она усиливает эмоциональное воздействие произведения.

Границы между первым, вторым и третьим, к несчастью, размыты. Почему «к несчастью»? Готов пояснить. Как ни удивительно, эти жанровые градации могли в определенных обстоятельствах обернуться уголовной статьей. Особенно ярко это обозначилось в эпоху проникновения в семейный быт видеоаппаратуры.

Именно тогда в квартиру моего знакомого в Харькове ворвалась милиция, реквизировала видеомагнитофон и кассету с «криминальным фильмом». Это, как мне говорили, была лента «Греческая смоковница». Всякий, кому случилось позднее увидеть этот фильм у нас на телеэкране, согласится, что его трудно квалифицировать как порнографический. Между тем, «эксперты» в те времена его аттестовали как «явную порнографию», и мой знакомый был арестован и получил «срок».

К чему все эти искусствоведческие изыскания?

Однажды ко мне, как руководителю Академии, обратилось одно из подразделений «высокой инстанции», стремящейся взять под контроль духовную жизнь России. Мне прислали проект обращения в высший представительный орган страны. В проекте предлагалось законодательно ограничить распространение эротики и порнографии. Меня попросили поставить и свою подпись под этим документом. Безусловно, моей нравственной позиции вполне отвечает идея ограничить расширение рынка подобных произведений. Однако подписать этот документ я отказался. Вот беда! Что в данном случае отнесут к этому законодательно осужденному жанру, а что — нет? Это будут решать уже знакомые мне «эксперты». Не читайте «Гавриилиаду» Пушкина вслух. Чревато! Границы-то, как я уже сказал, размыты...

Да что там эта богохульная поэма! Представьте, перепишу я на компьютере, а кто-нибудь скопирует с файла известное стихотворение «Вишня» («Румяной зарею покрылся восток...») в полном, а не школьно-хрестоматийном варианте.

Или я порекомендую студентам прочитать роман Мэрдок «Черный принц» или повесть Аксенова «Поиски жанра». Не обвинят ли меня в развращении умов молодежи? Позволю себе пофантазировать. Нашли у кого-то распечатку с компьютера и доставили ее «эксперту» на заключение. Цитирую:

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем.
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, виясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!
О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда склоняся на долгие моленья,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле —
И делишь, наконец, мой пламень поневоле!

«Так», — потирая руки, скажет эксперт, в прошлом лектор Общества «Знание», поднаторевший в чтении старшеклассникам лекций о любви и дружбе. «Так, — повторит он, — откровенная порнография. Откроем энциклопедический словарь. Там дается точное определение: “Порнография — непристойное описание половой жизни в литературе...”. Стихотворение полностью подпадает под это определение, и, следовательно, автора следует “посадить” в соответствии с Уго-

ловным кодексом. Это невозможно? Почему? Ах, это Пушкин написал?! Жаль! Не ожидал! Ну, а кто это распечатал и, возможно, распространял? Им и займемся...»

И опять-таки время катится с непозволительной скоростью. Не приведут к результату запреты. Просто соответствующие кассеты будут стоить дороже, а Интернет и многоканальное телевидение, где все это воспроизводится, трудно запретить. И пользователей не изловишь. Так что, опустить руки и делать вид, что ничего не происходит? Не думаю.

Может быть, кто-то помнит ток-шоу «Про это»? Будем откровенны. Я бы не отнес его к жанру сексуального просвещения. Это скорее половое воспитание с экрана. Возведение в норму того, что может быть достоянием только двух участников интимного общения, показ и обсуждение всего этого под аплодисменты зрителей. Мне известны требования запретить эти ночные «удовольствия» какой-то части телезрителей. Я не присоединюсь к этим начинаниям. На мой взгляд, лучшим оружием всегда служит смех. Удачно или неудачно, но я попытался пародировать творчество талантливой ведущей Элен Ханги.

Ток-шоу «Про это» в виртуальной реальности.

Элен: «Сегодня мы будем говорить о любви и (заговорщически-интригующе)... о сексе!!! (Бурные аплодисменты аудитории.) Мы с вами уже познакомились с садизмом, мазохизмом, лесбиянством, педерастией, онанизмом, бисексуальностью, сексом по Интернету и другими общечеловеческими проблемами, которые, к сожалению, не входят в программу не только начальной, но даже и средней школы. Сегодня мы обращаемся к очередной актуальной теме (волнующая пауза)... СКОТОЛОЖЕСТВУ!! (Овации в зале.)

– Встречаем Романа! (Аплодисменты.) На сцену выходит прыщеватый юноша лет двадцати пяти и садится в кресло.

Элен: «Расскажите о себе. Все рады с вами познакомиться».

Роман: «Я – зоотехник. Работаю в подмосковной сельхозартели. Образование среднее. Ветеринар. Не женат. Отец – офицер. Матери нет».

Элен, подкупающе-доверительно: «Когда вы впервые вступили в интимный контакт с предметом вашего интереса?»

Роман: «В нашей семье я один любил домашних животных. Мне тогда, наверное, было лет восемь. Я как-то раз засунул мою любимую кошечку Бетти в сапог и...» (Аплодисменты.)

Элен, с понимающим смешком: «Зачем в сапог?»

Роман: «Чтобы не царапалась». (Взрыв рукоплесканий.)

Элен: «Несколько экстравагантно, но идея богатая! Вам удалось достичь оргазма?»

Роман: «Трудно сказать. В это время в комнату вошел отец и выпорол меня офицерским ремнем». (Смех аудитории.)

Элен: «Кто ваш сексуальный объект сегодня? Как ее зовут?»

Роман: «Машка. Она здесь». (Оживление в зале.)

Элен, оглядывая аудиторию: «Вы привели ее сюда?»

Роман: «Нет, она за кулисами. Я не привел ее – привез на грузовике. Она бы просто не дошла. Она как-никак не на один центнер потянет». (Из-за кулис слышится тоскливое мычание.)

Элен, под грохот аплодисментов: «Провожаем Романа! Прежде чем мы встретим Оксану с ее любимым догом Рексом, я прошу нашего сексолога дать необходимые пояснения».

Сексолог, поглаживая щеки: «Прежде всего, обратимся к истории. Человечество от эпохи собирания плодов и, затем, охоты перешло к периоду скотоводства. Представляете безрадостную ситуацию: пастух многими неделями остается наедине с отарой прелестных овечек... Но вас интересует не история, а психология. Разве вы не обращали внимания на то, что некоторые женщины отзываются о мужчинах: "Все они козлы, скоты!" А иные юноши говорят о девушках: "Эти телки!" Так ли велика для них разница между человеком и животным? Вот вам одно из объяснений зоофилии – того, что называют скотоложеством». (Аплодисменты.)
Элен: «Спасибо, профессор! В следующую субботу мы с вами обсудим проблемы труположества, педофилии, кровосмешения и многие другие аспекты эффективного полового воспитания детей, подростков, юношей и даже пенсионеров, которые с интересом относятся к нашей передаче». (Овация аудитории смешивается с коровьим мычанием и собачьим лаем за кулисами.)
Элен: «А теперь встречаем Оксану и Рекса!». (Бурные продолжительные аплодисменты.)

Смех смехом, а единственный способ борьбы с проникновением непристойностей в души людей — все-таки, повторю, не запреты и даже не вышучивание, а общее повышение культуры, позволяющее ориентироваться на лучшие образцы литературы и искусства, которые по своей эстетической природе противостоят вульгарному отношению к интимной жизни человека. Короче, ханженской десексуализации должна противостоять не «сплошная сексуализация» населения, а гуманистическая культурная эволюция, на пороге которой мы пока еще переминаемся с ноги на ногу.

7. «Голубое» и «розовое» на палитре времени

Есть темы, к которым надо подходить очень осторожно, чтобы кого-то не шокировать, а кого-то не обидеть. В числе таких тематизмов — обсуждение проблематики гомосексуализма. Сейчас это актуально, но так было далеко не всегда. Вместе с тем наивно предполагать, что это явление отсутствовало в общественной жизни, что было когда-то время, когда не наблюдался этот специфический феномен в поведении людей. Знали его и дворцы римских цезарей, и эпоха Генриха Наварского, да и вообще было это во все времена и у всех народов. Но психолога интересует не само это явление, а отношение к нему, которое менялось, и эти изменения определялись социально-историческими обстоятельствами. Когда я говорю о психологии, я имею в виду социального психолога, а не специалиста в области клинической психологии, для которого гомосексуализм — это одна из многих сексуальных перверсий.

Могу сказать с уверенностью: у нас в России едва ли не до конца 80-х годов, гомосексуализм, как общественное явление, был незаметен. Я помню, так было в годы моего отрочества, юности, в зрелые годы. Нет, разумеется, об этом знали. Я вспоминаю, что среди моих знакомых было двое или трое, которые вызывали соответствующие подозрения. Об этом говорили вслух. Не стану отрицать, это рассматривалось, как проявление порока и вызывало негативные эмоции. Это было много лет назад. Больно было думать о Чайковском, чья изумительная музыка

как-то не вязалось со ставшими нам известными индивидуальными предпочтениями в интимной жизни. Кощунством казалось обсуждение этих вопросов. Но есть простое объяснение, почему так мало у меня сохранилось на этот счет воспоминаний. Просто во всей очевидности страх уголовного наказания заставлял представителей этой сексуальной ориентации скрываться, не быть застигнутыми и наказанными. Процент, по всей вероятности, гомосексуалистов был все тот же, что давным-давно зарегистрирован. Могу ошибиться, но, кажется, около 6%. Я хочу подчеркнуть только одно: что, присутствуя в знании индивида, он не включался в качестве заметного составляющего элемента в менталитет общества, не привлекал к себе внимания. Да, у тех, кто сталкивался при каких-то обстоятельствах с гомосексуалами, они вызывали сложную гамму чувств: от любопытства, сочувствия, недоумения и, на самых крайних точках этого континуума, — брезгливости, отвращения, возмущения. Тем не менее, все существенные изменения начинаются после 1993 года, когда из Уголовного кодекса была исключена статья, предусматривающая наказание за мужеложество. Это был, конечно, крутой поворот, свидетельствующий об изменении в теории и практике юриспруденции, что соответствовало демократическим принципам и было гуманной акцией нашей судебно-правовой системы. В самом деле, интимная жизнь людей не может быть предметом судебного разбирательства, если при этом не затрагиваются несовершеннолетние и не имеет место насилие. Юридический акт привел к неожиданным последствиям. А впрочем, уж не столь неожиданным. Господствующий тогда принцип «что не запрещено — разрешено» очень скоро изменил отношение сексуальных меньшинств к обществу и общества — к ним. Положение последних существенно изменилось, потому что они обрели название: «лица нетрадиционной сексуальной ориентации». Тогда возникает вопрос, что означает «нетрадиционная ориентация»? Половой акт, который является существом интимной связи, не может быть традиционным или нетрадиционным. А может быть только нормальным или ненормальным, естественным или противоестественным. Что касается традиций, которые могут сопровождать его, то они оказываются самыми разнообразными у различных людей и дифференцирующего характера не имеют. Кто-то в это время предпочитает включать рок-музыку, кто-то «Хабанеру» Бизе, кому-то надо, чтобы «свеча горела на столе, свеча горела». Конечно, нет никаких ограничений; вольному — воля; как решит, так и будет. Нет, традиционность здесь не при чем. К существу дела никакого отношения не имеет, и на интересующем нас явлении никак не сказывается, ничего не меняет. Может, было бы более справедливо, отказавшись от эвфемизма, говорить об анормальной или атипичной сексуальной ориентации? Почему анормальная, атипичная? Потому что при этом, в конечном счете, нарушается природный закон репродуктивности, определяющий условия сохранения или вымирания рода (автор, разумеется, не сводит сексуальные отношения к «детопроизводству»). Законы общественного развития, складывавшиеся на протяжении многих веков, возвели в норму гетеросексуальные отношения. В конце XX — начале XXI века некоторые государства пытаются «ненормативное» сделать «нормой», разумеется, необязательной для всех, но, тем не менее, вполне узаконенной (однополые браки, даже церковные). Россия к их числу не относится.

Проблема гомо- и гетеросексуальных отношений стала предметом широкого обсуждения. Это касается дискуссии по поводу возможности однополых браков

и права церкви считать допустимым благословление «священных уз». Перед нами пока что не массовое явление. Однако так, как говорится, «имеет место», и проходить мимо этого безразлично, вероятно, не следует, как бы не пропагандировались эти «новации» в средствах массовой информации и всевозможных шествиях.

Все это так, но нельзя игнорировать тот факт, что подавляющее большинство населения негативно относится к сексуальным меньшинствам. Что можно по этому поводу сказать? Если оставить в стороне эмоциональную сторону отношения, которая в силу своей субъективности не поддается запрету или какому-либо ограничению, а оставаться в границах сознания, следует исходить из того, что гомосексуализм это не вина человека, а его беда. И он заслуживает, скорее, сочувствия, нежели осуждения. Однако есть одно обстоятельство, которое невозможно игнорировать. Если бы гомосексуальные отношения исчерпывались рамками постели, то данную тему надо было бы убрать из сферы какого-либо обсуждения. Но, к сожалению, это не так. Принцип «То, что не запрещено, разрешено» интерпретируется сексуальными меньшинствами как право на любую публичность, любую демонстрацию, вплоть до проведения красочных гей-парадов, привлекающих множество зрителей, в том числе и подростков. Здесь вступает в свои права возрастная психология.

На границе между детским и подростковым возрастом вырисовывается зона неопределенной, аморфной сексуальной не столько ориентации, сколько дезориентированности. И в этой ситуации все будет зависеть от того, насколько привлекательной, в силу бескрайней публичности, демонстративности и эффектности, будет принадлежность к сексуальным меньшинствам. Здесь также надо иметь в виду, что в этом возрасте подростки проходят стадию индивидуализации, стремятся быть не такими как все, на других людей непохожими, щеголяющими своим нонконформизмом. Это легко может быть использовано в целях вовлечения их в среду гомосексуалистов. Уже только поэтому имелись должные основания для запрещения гей-парадов. Несмотря на это именно такое шествие состоялось в Москве в 2006 году.

Известно, что не удалось избежать инцидентов на улицах. В записках историка, милицейском протоколе или газетном отчете может быть только отмечено, что в результате нарушения установленного законом порядка состоялось несанкционированное шествие (гей-парад), которое привело к столкновению между «традиционалистами» и «нетрадиционалистами», которое было круто остановлено вмешательством милиции. Так сообщают СМИ, а некоторые газеты и радиопередачи смакуют происшедшее. Психолога не может устроить подобное описание случившегося, поскольку остается без каких-либо объяснений мотивация участников этой демонстрации. Для того чтобы в этом разобраться, надо выделить три группы заинтересованных лиц.

Первая группа: сами гомосексуалы, облеченные в голубые или розовые одеяния. Какова мотивация, которая вывела их на улицу? Могут быть высказаны некоторые предположения, в том числе и такие. По всей вероятности, за многие годы преследования, осмеяния, презрения у «геев» сформировался стойкий комплекс социальной неполноценности — явление, хорошо изученное в психологии со времен неофрейдиста Альфреда Адлера. Когда опасность уголовного преследования исчезла, у этой категории лиц, как можно предположить, начинает развиваться

гиперкомпенсация. Это явление также подвергалось психологическому изучению. Гиперкомпенсация, в свою очередь, нередко выступает в форме комплекса собственной исключительности и превосходства, в желании эпатировать «мещанское» сознание, утвердить свое «Я».

Вторая группа. Она остается за кулисами уличных событий. Здесь мы уже имеем дело не с психологией личности и различного рода комплексами, а с тем, что может объяснить политическая психология. Никак не случайно в некоторых средствах массовой информации не менее одного-двух месяцев раздувались дискуссии вокруг проведения демонстрации сексуальных меньшинств. Заранее обвинялись власти в ожидаемом насилии, неумении и нежелании защитить ни в чем не повинных людей. Эхо радиостанции «Свобода» доносило до нас слова, что в любой демократической стране все имеют право на проявление своей индивидуальности. Представители указанной группы «защитников» не сомневались, что все закончится насилием. И, стало быть, что у них будет еще один шанс заявить в Страсбурге и Брюсселе или другом правозащитном городе, что Россия возвращается к тоталитаризму, что она за это должна быть осуждена. Фактор времени здесь имеет особое значение. Как раз тогда России предстояло быть Председателем Совета Европы и руководить Большой Восьмеркой. Представители некоторых СМИ готовили на этот международный стол «горячее блюдо». По всей вероятности, они разумно рассуждали, что дорога ложка к обеду. Поэтому позволю себе предположить, что ожидаемое избиение демонстрантов, причем чужими руками, отвечало стратегическим интересам некоторых радио- и телепрорицателей.

Третья группа — «сочувствующие». К ним относятся те, кто понимает причины и мотивы публичности происходящего. Понимает и сочувствует, однако, повидимому, не может осознать, какой вред, и прежде всего молодым людям, могут принести подобные манифестации. Никакой политической подоплеки, как во второй группе, здесь, вероятно, нет; это просто эмоциональный отклик, усиливаемый протестными настроениями. Идентификации с теми, кто принадлежит к сексуальным меньшинствам. Сами сочувствующие к этой категории отнюдь не относятся.

Еще раз повторю, что историческое изучение событий должно обязательно сопровождаться и дополняться психологическим исследованием их истоков и механизмов.

8. История философии на родине слонов

Недавно, с опозданием почти на пятьдесят лет, я узнал, что некогда был «гонителем генетики». Один мой коллега обвинил меня именно по этому поводу. Он, правда, не учел, что времена изменились, и даже если бы он информировал, что я с давних времен являюсь тайным каннибалом, это никого бы надолго не заинтересовало. Чего только сейчас не прочитаешь в газетах.

Однако доля истины в его доносе была. В самом деле, в 1949 году в журнале «Вопросы философии» я написал статью «О естественно-научных взглядах А. Н. Радищева». Там-то я и впал в грех — процитировал, как мне помнится, что-то из тру-

дов Трофима Лысенко. Разумеется, уж коль со мной такое случилось, вынужден сознаться, что я, тогда вчерашний студент литфака, не очень-то разбирался в тайнах генетики и в «великих» открытиях Лысенко.

Я уже упоминал о полученной мною в 1950–1951 годах инструкции: при написании статьи обязательно упоминать в той или иной форме имена «классиков марксизма», а также И. П. Павлова, и по возможности цитировать их труды. Был бы этот разговор в 1947–1948 годах, когда я писал упомянутую статью, в эту славную обойму были бы включены имена Мичурина и Лысенко. Впрочем, все и без разъяснения знали «правила игры». И нужно или не нужно, но цитировали «классику» неукоснительно. В противном случае ни одна статья «не увидела бы себя» в печати.

Не вспомнил бы эту историю с запоздалыми обвинениями, если бы эта статья не привлекла, отнюдь не сейчас, а в те давние годы, внимания другого, ныне хорошо известного человека.

Моя мать мне рассказывала, что пришел к нам домой розовощекий молодой человек и спросил обо мне. Она ответила, что сын на работе и скоро придет.

— Как, он ваш сын?! — вскричал посетитель. — А мы-то думали, прочитав его статью, что он — пожилой ученый. Как хорошо! Уверен, что он нас поймет и поддержит!

Так и случилось. Во-первых, я действительно тогда был молод — вероятно, не более чем на два-три года старше маминого гостя. Во-вторых, я действительно в дальнейшем поддержал тех молодых людей, которые в этой помощи нуждались.

Так я познакомился с Юрием Федоровичем Карякиным, ныне известным публицистом, крупнейшим исследователем творчества Достоевского. Я оказался включен в кампанию, которая, как шутил Юра, занималась «щипаноедением»...

Тут необходимы разъяснения, во всяком случае, для читателей, не достигших шестидесяти-семидесяти лет. Это, надо сказать, было престранное время. Высокое идеологическое руководство охватило безудержное желание доказать, что СССР всегда был «впереди планеты всей» в науке, технике, искусстве, воздухоплавании и мореплавании, во всем решительно. Шутили: «Слоны сейчас живут в Африке? Может быть! Но родина слонов — Россия!» В ходу была и такая шутка: «Кто впервые разработал теорию сопротивления материалов? Начало теории сопромата положил простой русский мужик, сказавший: “Где тонко, там и рвется”». Между прочим, реальный приоритет российских первооткрывателей, причем значительный и несомненный, был буквально заслонен и затоптан нашествием пропагандистских «слонов». На этой мутной волне поднимались карьерные шансы многих «старателей» от науки и искусства. Не обошло это стороной и историю философии (как, впрочем, и психологии).

Главенствующими фигурами среди советских историков философии были профессора Щипанов, Васецкий, Горбунов, а их лидером — членкор Академии наук Михаил Трифонович Иовчук. Его грузная фигура, круглое простоватое лицо както не вязались с его политической изворотливостью и предприимчивостью. До момента его появления в Москве после нескольких лет отсутствия он работал в Минске на высоком посту секретаря ЦК КПБ по агитации и пропаганде. Минчане рассказывали, что его имя наводило страх на всех, поскольку именно он определял, кому быть, а кому не быть — во всех смыслах этой классической формулировки.

Мне известны две версии, объясняющие причины его ухода с высокого партийного поста.

Первая не имеет прямого отношения к сюжету этого рассказа. Однако я не могу ее обойти из-за того, что не хочу вводить читателя в заблуждение и излагать только лишь мою трактовку событий, относящихся к 1948 году.

Дело в том, что именно в этом году в Белоруссии в «автомобильной катастрофе» погиб известный артист Соломон Михайлович Михоэлс. Кто, как и зачем организовал эту «случайную катастрофу», уже давно известно. Но официальная версия состояла в том, что происшедшее было трагической случайностью. По-видимому, истинную подоплеку смерти артиста не знал и Иовчук.

Михоэлса хоронили при огромном стечении народа, запрудившего Малую Бронную и даже выплеснувшегося к Никитским воротам. Я стоял около памятника Тимирязеву и видел эту толпу около Еврейского театра, где был установлен гроб с телом артиста.

Как мне позднее рассказывали, профессор Иовчук допустил идеологическую промашку. Он сказал слово от ЦК партии Белоруссии на гражданской панихиде. «Наверху» в этом усмотрели несанкционированное своеволие. Вероятно, Иовчук тогда еще не знал о криминально-политической подоплеке смерти артиста, что все это было началом борьбы с «безродным космополитизмом». Не ведал, что Михоэлс, как и другие «космополиты», и прежде всего «врачи-убийцы», будет объявлен «врагом народа» и именоваться будет не иначе, как «этот лицедей Михоэлс».

Впрочем, в дальнейшем Михаил Трифонович вполне себя реабилитировал, оказавшись в первых рядах противников низкопоклонства перед Западом и «зловредного космополитизма». Однако в конце 40-х — начале 50-х многие утверждали, что Иовчук лишился своего высокого поста из-за чрезмерной идеологической прыти.

Будто бы (а этому можно поверить) он выступил с предложением выводить учение Ленина—Сталина не столько из трудов сомнительных по «пятому пункту» Маркса и Энгельса, а из чистого, исконно русского источника — произведений Радищева, Белинского, Добролюбова, Чернышевского и других русских революционных демократов. Но так как товарищ Сталин дураком никогда не был, революция в истории философии не состоялась, а чрезмерно инициативного аппаратчика убрали из белорусского ЦК и перевели на спокойную профессорскую работу в столицу. Хотя его эпохальный проект (был ли он на бумаге, не знаю) не удался, он в качестве «сухого остатка» обрел положение крупнейшего знатока истории русской философии. Его верным оруженосцем стал профессор Иван Щипанов.

Вот тогда и произошло то, что по тем жутковатым временам казалось невероятным.

Два молодых человека, аспиранты этих профессоров, позволили себе не согласиться с историко-теоретическим построением своих научных руководителей. Имена этих «возмутителей спокойствия» — Юрий Карякин и Евгений Плимак. Не то чтобы они принижали роль русских мыслителей конца XVIII — начала XIX века — этого как раз не было. Для них, к примеру, Александр Радищев являл собой философа, который осмыслил восемнадцатое столетие глубже, чем это смогли сделать не только российские, но и западноевропейские ученые. Однако видеть

в Белинском или Чернышевском предтечу диалектического и исторического материализма они решительно не собирались. И об этом заявляли открыто.

Так началась отчаянная схватка молодых исследователей, не только не обремененных учеными званиями, но поставивших и свои будущие звания под удар. Сражение с влиятельными и беспощадными носителями нетленных марксистских истин было по тем временам «смертельным номером». По существу, это была борьба ученых с фальсификаторами науки.

К примеру, в работе одного из этих именитых докторов философских наук можно было прочитать, что Д. Фонвизин резко критиковал мистицизм и идеализм графа Сен-Жермена. Отсюда следовал вывод, что Фонвизин придерживался позиции философского материализма. Здесь же в подтверждение этого историко-философского вывода давалась ссылка на одно из писем Фонвизина.

Отнюдь не ленивые аспиранты отправились в архивы, выудили оттуда искомое письмо и смогли прочитать в нем примерно следующее: «У меня геморрой. Врачи посоветовали мне некоторые средства. Не помогло. Обратился к графу Сен-Жермену — он пытался что-то сделать и тоже не помог. Теперь я понимаю, что он шарлатан».

Действительно, в 1862 году всемирно известный авантюрист был в Петербурге и мог встречаться с Фонвизиным. Вот только сетования писателя никак не свидетельствовали о его критическом отношении к «идеализму» Сен-Жермена.

Так, шаг за шагом, аспиранты разрушали историко-философские домыслы своих руководителей. Чаша весов явно склонялась под тяжестью разоблачений в пользу научной молодежи. Как раз в это время Юрий Карякин нашел меня, и уже в дальнейшем мы действовали более или менее согласованно.

В этих обстоятельствах «партия профессоров» сочла необходимым прибегнуть к безотказному средству. Ю. Ф. Карякин в нашумевшей статье «Не следует наступать на грабли» описывает эту последнюю схватку. Я в свою очередь также воспроизвожу ее по памяти. Происходило это в аудитории на последнем этаже нынешнего психологического факультета МГУ. В дискуссии принимал участие Михаил Трифонович Иовчук. После моего выступления членкор использовал последний, поистине «убийственный» аргумент. Он сказал:

— А вы знаете, товарищ Петровский, что профессор Григорий Александрович Гуковский, на которого вы ссылаетесь в подтверждение ваших сомнительных идей, только что арестован как враг народа?

Дело Карякина и его коллег все более и более обретало откровенно политический привкус, и в атмосфере философского спора витала тень 58-й статьи. Ну, разумеется, о защите кандидатских диссертаций для этих аспирантов философского факультета не могло быть и речи.

Не могу не сказать о Григории Александровиче Гуковском. Он жил в Ленинграде и раз в неделю на «Красной стреле» приезжал на два дня в Москву. Я слушал его лекции. Во время лекций он расхаживал по аудитории, курил (ему одному это разрешало наше институтское начальство) и так интересно рассказывал о писателях XVIII и XIX веков, что нам казалось — речь идет о его близких знакомых, с которыми он, может быть, вчера пил чай в домах близ Фонтанки или Мойки. Его гибель была, бесспорно, трагедией для российской науки.

С Юрием Карякиным мне довелось еще несколько раз встречаться. Приезжал он ко мне в Малаховку, где я жил недалеко от станции. Было это, вероятно, го-

ду в 57-м. Я провожал его на поезд, и мы, прогуливаясь по дощатой платформе в ожидании электрички, признавались друг другу в том, что в далекие предвоенные годы нам не было дано осмыслить время, в котором мы жили. Юра сказал:

— Ты знаешь, я тогда дружил с одной девочкой. У нее арестовали отца, я ее утешал, говорил, что с ее отцом, вероятно, произошла ошибка, но вообще-то врагов у нас хоть отбавляй. Она смотрела на меня с грустью, не пытаясь ни возразить, ни подтвердить мои «умные» соображения. Больно думать о нашей тогдашней дурости.

Ну что ж, я мог бы сделать такое же честное признание. Между прочим, недавно выяснилось, что Юрий Федорович помнит наш разговор.

Еще вчера казалось, от этой «дурости» мы действительно давно избавились, что возврата к прошлому нет, но так ли это?!

Очень многие помнят странное телешоу, удивительно похожее на «пир во время чумы», где оглашались результаты выборов в пятую Государственную Думу. Когда выяснилось, что победу одержали отнюдь не демократы, а их прямые противники, — Карякин вышел на сцену и сказал всего три слова. Эти слова потом вслед за ним повторяли и повторяли:

— Россия, ты сдурела!!!

Похоже, чтобы избавиться от «дурости», нам потребуются годы и годы.

9. «Ушибленные временем»

Первые послеоктябрьские полтора десятка лет проходили под девизом: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим — кто был ничем, тот станет всем!..». В этой цитате из «Интернационала» надо было изменить один падеж — не «насилья», а «насильем». «Голубые города» нового мира год за годом, подобно линии горизонта, оставались в той же призрачной дали, а разрушение шло споро и безжалостно. В 70-е годы поэт Аким очень точно охарактеризовал воплощение этого процесса, смоделировав его в описании маленького города Галича:

Здесь возвеличивались, меркли
Районной важности царьки.
Здесь быстро разбирались церкви
И долго строились ларьки.

«Кто был ничем — тот станет всем»? Кто не знает, что из «ничего» нельзя сделать «нечто»? — так и случилось. Вместе с тем вполне успешно проходил противоположный процесс — тот, кто был «всем», стал «ничем».

Все подлежало разрушению: любовь к отеческим гробам, к Родине, ее прошлому, ее героям. Само слово патриотизм стало ругательным. «Пролетарии не имеют родины» — лозунг, которым дополнялся коммунистический девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В детстве я не раз бывал в Севастополе. Наш дом стоял рядом с белокаменным Владимирским собором. На его стенах сохранились мраморные мемориальные доски: «Вице-адмирал Павел Степанович Нахимов...»,

«Контр-адмирал Истомин...» и другие с перечислением чинов, орденов и отличий. Играя в соборном садике, я видел, как подкатывали к храму грузовики, открывались тяжелые люки и в подвал на гробницы героев обороны Севастополя падали пятипудовые мешки с мукой — склеп был превращен в склад.

Да и было ли что в этих гробницах? Вглядываясь с яркого солнечного света в холодную темноту подвала, мы могли разглядеть лишь белые груды мешков и больше ничего. В самом деле, исчез же памятник Нахимову перед Графской пристанью. Заменен был памятником Ленину. И это понятно: что адмирал Нахимов, что адмирал Колчак — золотопогонники, не более. Это потом понадобилось учреждать ордена Нахимова, Ушакова и других флотоводцев для поднятия боевого духа.

Подъезжал к боковому вестибюлю Штаба крепости голубой двухместный «бьюик» с полукруглым багажником, где было откидное сиденье. Мы, мальчишки, зачарованно смотрели на золотые шевроны кителя командующего Черноморским флотом Кожанова. Не оглянувшись на собор, прославлявший его великих предшественников, он проходил мимо вытянувшегося в струнку краснофлотца. Шагал быстро, как будто — так мне сейчас кажется — торопился навстречу своему, уже недалекому, расстрельному будущему. Шел 1935 год...

Боюсь, что «изобретаю велосипед»! Может быть, «булгаковеды» об этом давно написали, а до меня не дошло. В романе «Мастер и Маргарита» многие имена Михаил Афанасьевич явно зашифровал. Маргарита громила квартиру гонителя Мастера критика Латунского. Известно, что это было alter ego критика Литовского. Не меньшие у нее основания были учинить то же самое у Мстислава Лавровича. Уверен, что это был враг Булгакова писатель Всеволод Вишневский (уж очень в ходу тогда были лавровишневые капли). Думаю, что за написавшим богохульную поэму Иваном Бездомным вырисовывается фигура Демьяна Бедного, автора «Нового Завета без изъяна евангелиста Демьяна». Поэта, глумившегося над верой его отцов.

Все подлежало уничтожению, осмеянию, забрасыванию грязью: русское офицерство, купечество, промышленники, поднимавшие Россию вровень с Америкой, дворянство, «гнилая» интеллигенция... И мы, «советские люди», ушибленные временем, полагали, что без этого «мы наш, мы новый мир» не построим.

Происходило то, что я впоследствии назвал политико-семантической слепотой. Прямой результат многолетнего «промывания мозгов».

Однако случалось и так, что кто-то «перегибал палку», и тогда его ставили на место. Видимо, действовал принцип, сверху санкционированный: «ври, ври, да не завирайся».

10. Время в неопознанном литературном жанре. Хронопсихология

Филологический факультет я окончил шестьдесят лет назад. Специальные знания, что вполне естественно, выветрились, оставив в голове необходимый общекультурный фонд, который должен сохранять каждый мнящий себя интеллигентом человек. Так, в частности, я не могу вспомнить, где проходит граница в се-

верных широтах России между «оканьем» и «аканьем» или какова драматическая судьба старославянского аориста. Все это никак не оправдывает попытку вторжения в литературоведение. Тем не менее, я позволю себе это сделать.

Как известно, в литературе законное место имеют два жанра: исторический роман и научная фантастика. Еще в ранней юности большинство из нас читало книги с памятными названиями: «Князь Серебряный», «Три мушкетера», «Петр Первый», «Из пушки на Луну», «Аэлита», «Затерянный мир». Не будем далее приводить этот длинный список. Решусь выдвинуть гипотезу: исторический роман и научная фантастика, путем некоего соития, произвели на свет незаконнорожденное дитя, в котором проступают черты обоих его родителей. Назовем его жанром «хроноперемещений», или «путешествий во времени». Суть данного литературного жанра в том, что герой произведения, наш современник, перемещаясь во времени, является не только свидетелем того, что происходит в отдаленные времена, но и активно участвует во всем, что происходит вокруг; его менталитет приходит в соприкосновение с общественным сознанием далекой от современности эпохи. В отличие от тех, кто окружает его, знает, что будет впоследствии, тогда как все остальные находятся в неведении. Есть две разновидности этого жанра: ретрохроноперемещение и футурохроноперемещение. Примером первого является роман Марка Твена «Янки при дворе короля Артура», где американец, живущий в конце XIX века, оказывается в средневековой Англии, и его прагматизм сталкивается с мифологизированным мышлением и романтизмом подданных короля Артура. Роман Герберта Уэллса «Машина времени» — классический вариант футурохроноперемещения. Писатель исследует результаты расслоения современного общества, выделяя классы эксплуататоров и эксплуатируемых. Конечный итог этого процесса, по Уэллсу: беспечно резвящиеся «элои» и потихоньку поедающие их жители подземного мира ужасные «морлоки». Заметим, что футурохроноперемещение, как правило, предполагает соединение научной фантастики не с историческим романом, а с утопией. В последние годы в литературе встречаем не утопию, а «антиутопию». Нарисованная Владимиром Войновичем «Москва 2042 года» никак не похожа на «Город Солнца» Томазо Кампанеллы. Слишком страшную картину коммунистического будущего нарисовал современный писатель. Подчеркиваю: все эти книги можно трактовать как психологические исследования, выявляющие изменения в сознании людей, определяемые временем, в котором они живут и действуют.

Для меня это, как это уже было сказано во Введении, — «хронопсихология», сравнительная социальная психология времени. Назвав книгу «Психология и время», автор рассматривает ее в основном как хронопсихологическое исследование.

Ниже приводится небольшой рассказ, написанный автором в жанре «ретрохроноперемещения». Дело происходит в 30-е годы XX века в одном из московских дворов.

На низенькой скамеечке против старого, еще дореволюционной постройки, дома сидел худощавый спортивного вида мужчина. Если верить документам, а верить им не следовало, — Александр Анатольевич Рахманов, 1910 года рождения, русский, уроженец села Ключевое Осташковского уезда Смоленской губернии, по специальности электрик. По правде сказать, никаким электриком он не был, да и год его рождения не 1910-й, а 2010-й. В дейст-

вительности числился он сотрудником Института времени и трудился в Отделе хронопсихологии. Сюда он прибыл сегодня утром в среднесрочную командировку с целью изучения менталитета советской молодежи и особенностей ее сознания в эпоху развитого тоталитарного общества. В психологии это называется «методом включенного наблюдения». Этот метод наиболее отвечал направлению работы его Отдела, который специализировался на проблематике экспериментальной хронопсихологии.

Александр Анатольевич поглядывал на окно второго этажа, ожидая, что там покажется голова хозяина комнаты, который обещал ему сдать угол на время, пока он не устроится на работу и не получит места в общежитии. Голова не появлялась. Очевидно, старик что-то там устраивал перед вселением квартиранта.

Позади скамейки был щелястый забор, многократно перекрашенный, так что определить его цвет было попросту невозможно. Многих досок не хватало, и в дыры вылезали углы каких-то каменных блоков.

Место для наблюдения было выбрано удачно: посмотрев направо, можно было видеть выход из парадного, а взглянув налево — двор, покрытый выщербленным асфальтом, почти лишенный зелени. У последнего из длинного ряда окон стояли двое — юноша и девушка. На подоконнике синий чемоданчик патефона. Точно такой Александр Анатольевич видел в Политехническом музее рядом с граммофоном, оснащенным огромной трубой, и транзисторным приемником, о котором гид сказал, что его в 60–70-е называли «радостью диссидента». Доносилась танцевальная музыка. Вспомнилась старинная песенка Окуджавы:

Во дворе, где каждый вечер играла радиола
И пары танцевали, пыля...

Казалось, эти двое сейчас обнимутся и поплывут в танце. Этого не случилось. То ли до вечера было далеко, то ли асфальт был неподходящим для легкого скольжения. Рахманов переключил свое внимание на открытую дверь парадного. Как раз в это время из него вышла маленькая старушка с пустой полотняной сумкой.

Навстречу из ворот появилась женщина с такой же сумкой в руке, но полной. Она окликнула старуху:

— Агафья Тихоновна! На четвертый талон крупу дают, гречку. Но вы не берите, она пополам с мышиным пометом. Черт знает, какую дрянь нам везут. У Молотова повидло сливовое, но очередь большая, так что скоро кончится. Карточки, смотрите, не потеряйте, а то до конца месяца 18 дней осталось. Было ведь уже такое, опять останетесь без ничего, наголодаетесь.

Женщина уже скрылась в глубине дома, а старуха все кивала, все соглашалась, но стояла на месте. Потом она вздохнула и, повернувшись лицом к забору, стала кланяться и креститься. Александр Анатольевич еще раз оглянулся на забор, который никоим образом не походил на иконостас. Да и церковный купол за ним не наблюдался. Наконец, он услышал ее бормотание: «Упокой, Господи, души рабов Твоих смиренных иереев, имена коих Тебе ведомы. Да пребудут они в Царствии Небесном...». Она продолжала класть мелкие поклоны. Помолившись, вышла за ворота.

Через минуту во двор вошел паренек. На вид ему было лет 16. Перекосившись на правый бок и отставив левую руку, он нес тяжеленный бидон. Он еще не добрался до дверей, когда из окна первого этажа выглянула женщина:

— Лешка, ты что, с ума спятил! Пошел за керосином и на час пропал! Скоро уж отец с работы вернется, а готовить не на чем! Что я ему дам? Где ты был? Не получишь сегодня денег на кино!

Паренек поставил бидон на землю и слушал, опустив голову, не возражая, но со скамеечки было видно, что он сложил за спиной пальцы в два кукиша. Очевидно, он был уверен, что в кино все-таки пойдет. Женщина высунулась в окно и приняла бидон.

Освободившись от домашних обязанностей, Лешка размял затекшую руку и повернулся к незнакомцу, сидевшему на лавочке. По-видимому, что-то показалось ему странным, потому что брови его удивленно поползли уголками вверх. Молодой человек был намного старше, но паренек запросто обратился к нему по-свойски:

– Послушай, дяденька, одет ты как-то больно странно, – протянул он, воткнув глаза в его майку.

Перед отправкой в путешествие по дорогам времени визитеру подобрали подходящую экипировку, которая, по мнению специалистов исторической костюмерной, соответствовала вкусам молодежи 30-х годов прошлого века. Костюм состоял из красной шелковой майки с широкой белой полосой поперек груди и светлых брюк.

– Почему ты решил, что я одет не так, как надо? Что тут удивительного? – последовал встречный вопрос.

Парень покачал головой:

– Футболка-то у тебя чемпионская, шелковая. Такую только мастерам спорта выдают. Как она у тебя оказалась? А брючки узенькие, сиротские. Не больно-то вяжутся с твоими штиблетами. Кстати, где ты достал такие фартовые?

Александр Анатольевич чуть не бухнул, что ему их выдали, но вовремя спохватился, однако Лешка ему помог сам:

– В Торгсине, наверное, купил?

Тот обрадовался неожиданной подсказке и подтвердил:

– Да, в супермаркете.

Что такое «торгсин», он не знал. Ситуация осложнилась.

– В супермаркете? – удивленно протянул парень. – Это что такое?

Наконец, Александр вспомнил нужное слово:

– В универмаге! В универмаге!

Но и это объяснение не удовлетворило Лешку. Он пробурчал:

– В магазине и спортсменки парусиновые на резиновом ходу не купишь, не то что такие...

Парень не мог отвести глаза от красной шелковой майки.

– Выходит, ты за «Спартак» играешь? Или просто болельщик?

Рисковать нельзя было, пришлось отшутиться:

– Конечно, болельщик. Не те у меня годы, чтобы мяч гонять.

– О вчерашнем матче с турками слышал?

Положение было затруднительное. Истинный болельщик не мог быть равнодушен к международному матчу – такой редкости в эти годы. А с другой стороны, он слышал о нем впервые. Он неопределенно улыбнулся и сказал:

– Все-таки наши – молодцы!

Лешка так и вскинулся:

– А чем это они молодцы при таком счете? Ничего себе молодцы, мля! Продули!!!

Потом паренек очень внимательно посмотрел на Рахманова и негромко спросил:

– А кто для тебя, дяденька, «наши», которые молодцами оказались?

Александр Анатольевич понял, что сел в лужу, и довольно глубокую. Очевидно, надо было убираться с этого скользкого футбольного поля. Хорошо, что он удержался и не спросил, почему старушка должна была получать повидло непосредственно у председателя Совета

народных комиссаров Молотова. Какое отношение имеет Вячеслав Михайлович к гречке с мышиным пометом? Где ему было знать, что крупу давали в кооперативе фабрики имени предсовнаркома. Жильцы так и говорили: «купил у Молотова». Один очень умный человек как-то сказал: «Помни, каждое слово, которое ты произносишь, лишнее». К сожалению, для Александра Рахманова этот афоризм остался неизвестным. И он продолжал задавать вопросы, чреватые самыми неожиданными последствиями.

А вот старушка вышла и все крестилась на забор и причитала. К чему это?

В бога она верит. А крестилась она не на забор, а на поповские могилы.

Конечно, не следовало уточнять, какое отношение забор имеет к «поповским могилам». Тут оба услышали раздраженный крик женщины из окна:

– Лешка, ты, наконец, бросишь трепаться и придешь картошку чистить?

Парень уже направился к двери, но незнакомец остановил его вопросом:

– А почему твой отец сегодня на работе? Воскресенье все же... На каком он заводе работает?

– Воскресенье? – как-то задумчиво проговорил Лешка и вполголоса добавил: – У нас же пятидневка[1]... А на каком заводе? Ты, наверное, думаешь на военном? Нет, они там в цеху шляпки дамские делают и радикюли всяческие.

После этого он надолго замолчал и глядел куда-то в сторону, не обращая внимание ни на женщину, которая высунулась из окна и что-то ему зло выговаривала, ни на по-прежнему сидевшего на лавочке незнакомца. Потом он крикнул:

– Мать, я тут к одному приятелю загляну на минуточку. Скоро вернусь.

И выскочил из ворот, не обращая внимания на ее возмущение.

Все было понятно. Александр Анатольевич прибыл в 30-е годы для изучения психологии молодежи, однако сам стал предметом изучения одного из ее представителей, причем методом включенного наблюдения. Сейчас Лешка прибежит в милицию. Конечно, он не знает, шпионом какой державы был появившийся во дворе странный человек, но там, где надо, сумеют разобраться. Следовало немедленно возвращаться из прошлого обратно в будущее. Конец.

Никаких затруднений с написанием этого рассказа у автора не было, поскольку был описан двор, где он провел свое детство и отрочество. И обитатели двора были ему хорошо знакомы, хотя бы тот же Лешка.

Поповские могилы? За забором были свалены надгробные плиты, которые вывезли с площадки строительства Дворца Советов, или, точнее, с территории только что взорванного Храма Христа Спасителя. Прыгая по камням, мальчишки могли прочитать имена протоиреев, дьяконов, архимандритов. Плиты были свалены на пустыре, и во дворе именовались «поповскими могилами».

Все это так. За вычетом некоторых элементов условности, рассказ о том, что происходило в московском дворике, с начала и до конца вполне реалистичен. Забрел бы туда в те годы какой-нибудь иностранец и стал бы задавать всяческие вопросы, путался бы в ответах, с ним могло случиться все то, что произошло с вымышленным путешественником из XXI века.

Вот только Отдел хронопсихологии — не только деталь фантастического повествования, а нереализованная мечта автора. На протяжении ряда лет я руководил

[1] В те времена в Стране Советов семидневные недели были заменены пятидневками.

многими научными подразделениями, где разрабатывалась вполне традиционная социально-психологическая проблематика. Между тем, в своем воображении я рисовал себе картину создания лаборатории «хронопсихологии». Такого термина тогда еще в моей голове не было. Я называл ее лабораторией «исторической психологии», «сравнительной социальной психологии времени», «психологического изучения пространственно-временных феноменов общественной жизни» и т. д. Найти название было относительно нетрудно, поскольку было понятно, что могла бы изучать эта лаборатория. Однако речь шла о том, что к древу психологической науки надо привить новую веточку, разработать специфические методы исследования, подготовить научных работников, которые были бы способны решать соответствующие задачи. Все это было мне не под силу.

Весной эфирные волны принесли мне информацию об одном шоу, которое группа молодых людей, принадлежащих к одной из протестных партий, устроила на центральной площади большого сибирского города. Меня поразила атмосфера балаганчика. Ведущий провозгласил: «Господа! Поздравляю вас с наступающим новым 19... 37-м годом!» Исполнители этой комедии по молодости лет или в связи с исторической неграмотностью не представляют себе, что такое «1937 год». Нет, им, возможно, известно, что именно в это время проводились репрессии. Но их чудовищный размах, кровавый характер, последствия эти молодые люди, вероятно, не представляют. Тогда под каток массового террора пошли десятки миллионов судеб и жизней ни в чем не виновных людей. Ребятам, видимо, непонятно, а может быть, и безразлично, что число «1937» стали своего рода цифровым кодом, политической отмычкой, с помощью которой сегодня открываются емкости грязи, выливаемой на нашу страну.

Но вернемся в московский дворик. Пришелец из XXI века остался с глазу на глаз с аборигеном, если отнести это слово не к пространству, а к времени. Да, конечно, фантастика здесь была необходима, поскольку рассказ является способом психологического моделирования событий, которые могли произойти в любом дворе в годы советской власти. Таким образом, мы переходим в область сравнительной социальной психологии времени и будем экспериментировать с виртуальной, или гипотетической, реальностью.

Задаю вопрос о том, как отнеслись бы в наши дни молодые люди к поступку этого Лешки, который, столкнувшись с некоторыми несуразностями в вопросах и поведении странного гражданина, побежал доносить на него в органы. Не сомневаюсь, он будет осужден. Наш современник скажет о нем: «Все ясно! Этот тип ничего не смыслит в футболе, а корчит из себя заядлого болельщика, задает дикие вопросы, и вообще у него “крыша едет”. Но с какой такой видеть в нем шпиона иностранной державы?!»

Однако 70 лет назад была иная пространственно-временная ситуация. Тогда постоянно призывали к бдительности, поскольку было известно, что молодую советскую страну окружают враждебные державы, мало кто сомневался в неисчислимом количестве шпионов. Шпионы, конечно, были, но шпиономания — это социальная болезнь любого тоталитарного государства. Лешка поступил в полном соответствии с духом времени. Отнюдь не оправданным было бы предполагать, что молодые люди тех лет поголовно были потенциальными или реальными до-

носчиками. Сколько бы не расписывали тогда «героический подвиг» Павлика Морозова, донесшего на собственного отца, таких выродков было очень мало.

Если высказанные мною соображения не кажутся убедительными, попробую зайти с другой стороны. Время, к сожалению, принесло в нашу жизнь новые основания для бдительности, о которых юный герой моего рассказа и подозревать не мог. Представим, что парень поколения «Твиксов» и «Колы», зайдя в метро, видит, что под скамейкой на платформе лежит объемистая сумка. Как он поведет себя? По всей вероятности, он обратится к работникам служб метрополитена, которые «запустят» весь каскад антитеррористических мероприятий: от эвакуации пассажиров со станции до вызова взрывотехников. А что подумал бы об этом Лешка, попади он случайно в наши дни? «Вот раззява! Вернется, а его вещички уже тю-тю, стырили!»

Возникает вопрос, а какими конкретными методами может располагать хронопсихология? Исторические сопоставления? Да, но не только. Давайте поэкспериментируем.

Вопрос к старшеклассникам с просьбой ответить без промедления. «В бою под станицей Кочетковской столкнулись кавалерийский эскадрон деникинцев и конница Буденного. Наши победили! Вопрос: "Кто победил?"» Из опрошенных никто не ответил сразу. Двое после короткой паузы сказали «деникинцы», а остальные ушли в рассуждения, стараясь уклониться от ответа. У меня, конечно, не было никакой убедительной статистики, однако априори могу сказать: поставь я такой вопрос 50 или 70 лет назад, наверняка все бы ответили, как один — буденовцы. Таковы различия в менталитете наших соотечественников в разные периоды времени.

Значительные исторические события легко проследить, они оставили след и сохраняются в памяти. Однако в обратной исторической перспективе внешне неприметные события выпадают, представляются несущественными. Между тем, именно они определяют оттенки вкуса, атмосферу, особенности психологии повседневной жизни людей той эпохи.

Вот, может быть, не очень смешной, отчасти фривольный анекдот. Молодая женщина проснулась утром и с ужасом увидела, что проспала. Наскоро набросив на себя платье, она выскочила из дома. До службы она могла, хотя и с трудом, добраться вовремя. Однако опоздала. Ее строго спрашивали, как это могло случиться. Она отвечала: «Понимаете, я не успела надеть панталоны». «Может, мы обойдемся без этих подробностей», — возмутилось начальство. «Нет, в этом все дело. Я их в руках несла. Бегу, а меня все время задерживают, останавливают, спрашивают, где я их достала, где продаются. Вот и опоздала...»

В чем соль анекдота? Дефицит, который преследовал людей после времен НЭПа? Да, безусловно. Но в те времена суть анекдота воспринималась иначе: до службы надо было добраться в любом виде, но вовремя. По «Указу» за опоздание на 20 минут полагалось 5 лет тюрьмы.

Урок истории. Встает мой сосед по парте:

– Леонид Артемьевич, я вот тут читал книгу. Называется «Железный поток». Автор Серафимович. Там рассказывается о походе таманской армии во время Граждан-

ской войны. У командарма фамилия Кожух. Это что, его настоящее имя? И вообще, все так и было, как в книжке?

Наш учитель как-то смутился, ответил не сразу, помявшись. Пробормотал, что в книге все правильно, так оно и было, но вопрос о фамилии командарма обошел. Так уж случилось, что я знал, кто был прототипом Кожуха — герой Гражданской войны Ковтюх. Однако у меня хватило ума не выскакивать со своими познаниями и не ставить нашего «историка» в особо трудное положение. Дело в том, что Ковтюх упоминался в одном ряду с другими вчерашними героями, которые теперь стали «врагами народа»: Уборевичем, Гамарником, Якиром, Корком, Эйдеманом, Гаем и, конечно, Тухачевским. Все эти имена выкорчевывались из нашей памяти, и поэтому я не могу дальше продолжить этот перечень.

Между тем, важно понять, что превращение героев в «агентов» японской, французской, немецкой разведок тогда не вызывало большого удивления. Мозги были основательно «промыты» с ранних лет. Что мы знали? Что сосед Иван Иванович арестован, что в одном из домов нашего переулка, где жил высший комсостав Красной армии, почти на всех дверях весели сургучные печати. Из учебника Шестакова «История СССР» на нас смотрели 6 маршалов Советского Союза: Ворошилов, Буденный, Тимошенко, Тухачевский, Блюхер и Егоров. В один непрекрасный день было приказано три последних портрета заклеить. Но так, чтобы «вражеские» лица через бумагу не прорисовывались. Тяжело об этом говорить, но тогдашним школьникам это не казалось каким-либо особым деянием, а просто — выполнением учебного задания. Не было осмысленности в этих поступках. Все это просто не осознавалось, принималось как должное и, если и порождало размышления, то они оказывались полностью запрограммированными газетами и репродуктором на стене.

Только через много лет я обратил внимание на то, что упоминание героев Гражданской войны подчинено странной закономерности. Это были имена либо военачальников, ушедших из жизни (Чапаев, Котовский, Щорс, Лазо, Пархоменко), либо командиров Первой конной армии (Ворошилов, Буденный, Тимошенко, Городовиков, Апанасенко и другие лихие кавалеристы). Как известно, Конную армию курировал Сталин. Отсюда и такое странное сочетание живых и мертвых. Не помню, чтобы где-нибудь встречались ссылки на героев из других воинских соединений или воевавших на других фронтах, разве что Фрунзе... Очевидно, считалось, что достаточно этих «икон», чтобы разместить их на стенах красных уголков и пионерских комнат.

Возвращаясь к собственно научной проблематике, следует признаться, что все эти эпизоды, извлеченные из памяти, достаточно примечательны, но сами по себе еще не могут быть основанием для провозглашения хронопсихологии в качестве сложившейся отрасли социальной психологии. Но уверен, хронопсихология ждет своих исследователей.

Неопознанный литературный жанр хроноперемещений, в свою очередь, прокладывает путь к постижению времени в его психологическом измерении.

ГЛАВА 8

Четвертая власть и ее подданные

1. Журналистика в качестве прикладной психологии

Задолго до того, как принять решение посвятить себя не очень перспективной в те годы науке — какой была тогда психология, — я после лекции спросил у Григория Алексеевича Фортунатова:

— Бесспорно, очень интересно узнать о закономерностях памяти и мышления, особенностях темперамента и предпосылок развития способностей детей, но так ли много мы узнаем о психологии людей, тех самых, с которыми мы каждый день встречаемся не только здесь, в институте, но и на улице, в метро, в магазинах? Есть ли такая отрасль научной психологии, которая, по возможности, могла бы нам рассказать о них?

Мой учитель, помолчав некоторое время, сказал:

— Если у нас ее нет, то она должна быть!

Я обратил внимание на то, что слова «у нас» он произнес явно их выделяя. Это было логическим ударением. Затем Фортунатов продолжил:

— Вы видели у нас на кафедре приборы для психологических исследований?

Я, конечно, их видел — эти медные цилиндры, циферблаты и другое оборудование, которое применялось в часы практических занятий по темам: «ощущение», «восприятие», «внимание», «память» и т. д. Не вспоминая более об этом реквизите, Григорий Алексеевич пояснил свою мысль:

— Знаете, где я нахожу наилучшую лабораторию для психологического изучения? На рынке! Именно там обнажается психология человека частенько во всей ее неприглядности. Вам известно, как играет «джаз» на базаре?

Я растерялся. Трофейный аккордеон на базаре можно было услышать, а то и купить. Ну а джаз? Это что-то другое... Последовали разъяснения:

— «Джаз» — это группа мошенников, действующая по отработанному сценарию. Участники «джаза» — опытные физиономисты, фактически психологи — высматривают в толпе подходящую особу. Один из них предлагает купить у него часики: мол да, виноват, женины это часы, но душа горит — продам дешево. «Особа» колеблется — не за тем пришла на рынок, но и соблазн велик — за такие гроши и такие часы! В это время к нему бросается другой «джазист»: «Ты что делаешь? — кричит он на продавца. — Да я тебе за эти часы в два раза больше дам! Гони ее прочь! Пользуется тем, что тебя приперло». Однако продавец демонстрирует честность и принципиальность: «Ей первой обещал — ей и продам! Чего ты своими деньгами размахиваешь?» «Особа» уходит с рынка со своим «выгодным» приобретением. Впрочем, в дальнейшем нередко оказывается, что часы без механизма... Но какое это имеет отношение к научной психологии? Пока у нас (опять это странное логическое ударение!) никакого. Однако когда-нибудь вы, быть мо-

жет, будете участвовать в разработке того, что я назвал бы конкретной исторической психологией человека.

— Конкретная историческая психология? Как это понимать? Психология повседневной жизни людей?

— Да, скажем так: психология жизни, а не рассказ об отдельных психологических функциях. Уверен, вам это будет более интересно, чем то, что я читаю по утвержденной программе. Кстати, вы, я знаю, сотрудничаете в газетах. То, что вы пишете, или то, о чем по каким-то причинам не можете писать, — это, как правило, тоже элемент конкретной исторической психологии. Попробуйте рассматривать ваше литературное творчество с этой точки зрения. Одним словом, считайте, что вы занимаетесь прикладной психологией, которой пока еще нет...

И опять я обратил внимание на это эмоционально напряженное слово «пока». Я и в самом деле охотно, хотя и с минимальной прибылью, сотрудничал в различных печатных изданиях и на радио. Еще не подозревая, что я начинаю работать в области будущей «хронопсихологии»...

2. Странное время. Странная журналистика

Итак, я пытался зарабатывать при помощи пера. С этим была связана беготня по редакциям, надежда получить заказ на статью, на очерк, на сценарий радиопостановки. Одним словом — добыть денег хоть немного, для того чтобы можно было пойти в кино или пригласить девушку в кафе-мороженое.

Следует с большим опозданием осмыслить всю опасность этих перемещений по редакционным коридорам. Так, например, мы с моим другом и соавтором Яшей Прууписом, в дальнейшем ставшим редактором английского издания журнала «Новое время», нередко бывали в особняке на Кропоткинской улице, где был расположен Комитет защиты мира, затем Комитет советской молодежи. Там мы могли предлагать свои материалы. Это давало определенные деньги, очень небольшие, но для нас необычайно важные.

Нам повезло. Оказавшись в вестибюле этого особняка, мы не один раз проходили мимо дверей «Антифашистского еврейского комитета». Конечно, ничто не мешало нам зайти туда и выяснить, нет ли возможности подработать. Но как-то так случалось, что мы проходили мимо, поднимались на второй этаж и там, в молодежном комитете, у нас наладились связи, появилась возможность приработка. Почему я говорю о серьезной опасности, которой мы подвергались и которой случайно избежали, не заворачивая в вестибюле в левую часть особняка? Дело в том, что очень скоро практически весь Антифашистский еврейский комитет был репрессирован. Это связано с известным «делом врачей», арестом академика-физиолога Лины Соломоновны Штерн, убийством великого артиста Михоэлса, арестом актеров Еврейского театра. Одним словом, попасть туда — означало бы оказаться на неофициальном пересыльном пункте в «места не столь отдаленные».

Журналистика тех времен, конечно, ничего общего с сегодняшней работой в средствах массовой информации не имеет. Вообще надо просто представить себе, что газет тогда в обороте было практически не более полдюжины. Можно было

пересчитать по пальцам: «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Труд», «Красная звезда», «Советский спорт», «Вечерняя Москва». Сама верстка этих газет была удивительно серой, скучной, однообразной. Столбец за столбцом, без рисунков, без свободного размещения текста, без выделения заголовков. Конечно, не могло идти речи о цветной печати. Иллюстрации помещались, в лучшем случае, одна на четыре полосы. Ну и, естественно, содержание тщательно выверялось, дабы не допустить какие-либо идеологические промашки.

Для нас, только пробующих себя в журналистике, центральные издания, разумеется, были закрыты. Мы не могли и мечтать что-либо в них напечатать, но оставались многотиражные газеты различных ведомств, вообще газеты, имевшие достаточно узкий круг читателей. Вот там мы и имели возможность подработать. Это была, к примеру, газета «На боевом посту» московской милиции, «Боевой сигнал» — московской пожарной охраны. Особенный интерес для нас представляла газета «Красный воин», где мы достигли определенных успехов. Вот в этих изданиях мы и старались прирабатывать. Кроме того, Совинформбюро готовило радиопередачи на «зарубеж», которые транслировались на русском языке. Это тоже было если не «золотое дно», то во всяком случае животворящий источник денежных знаков. Он тонкой струйкой, но пробивался.

Вспоминаю задание, которое мы с моим другом получили примерно за неделю или за 10 дней до выборов в Верховный Совет СССР.

Заведующий редакцией сказал, что необходим репортаж о выборах на одном из избирательных участков Сталинского района Москвы. Именно в этом районе баллотировался в Верховный Совет СССР товарищ Сталин. Мы выразили полную готовность дать в эфир такой репортаж и спросили, на какой участок нам надо прибыть в день выборов. Он посмотрел на нас удивленно и сказал: «Зачем вам прибывать на участок? Вы пишите репортаж сейчас». — «Как сейчас?» Мы были потрясены. «Но ведь выборы только через 10 дней?!» — «А какое это имеет значение? Вы напишите сценарий этого репортажа, и мы его используем в день выборов в передаче для наших зарубежных (как теперь бы сказали, "русскоязычных") слушателей». Преодолев естественное смущение и боясь показаться невеждами в журналистской работе, мы согласно кивнули головами и пошли писать «репортаж». Нам явно предстояло оседлать «машину времени».

К сожалению, в моем архиве не сохранилась копия этого репортажа, поэтому попытаюсь примерно воспроизвести по памяти, как он прозвучал в эфире.

Начинался он так:

«Раннее утро. Мы находимся у закрытых дверей избирательного участка на Первомайской улице города Москвы. До открытия участка осталось примерно 30 минут. Между тем около нас довольно большая толпа. (Шум, возгласы: «Я пришла первая. Почему же они оказались впереди меня?!») Я задаю вопрос женщине: «Скажите, пожалуйста, когда вы сюда пришли?» — «Я пришла около пяти часов утра». — «Так рано? Ведь участок открывается только в шесть?» — «Я пришла голосовать за товарища Сталина! Я могла прийти и в четыре, и в три часа ночи, чтобы быть одной из первых». (Опять шум. Возглас: «Где здесь голосовать за товарища Сталина?» Ответ не ясен, но совершенно очевидно, что вновь прибывший ищет свое место в этой длинной очереди). Вот открылись двери избирательного участка. Председатель избирательной комиссии вежливо приглашает всех зайти. Его слова: «Заходите, това-

рищи! У нас тесно, но в тесноте — да не в обиде! Главное, что мы голосуем сегодня за кандидата в депутаты Верховного Совета СССР Иосифа Виссарионовича Сталина! Здесь все, кто пришли, кто за него проголосовал, будут считаться первыми! (Одобрительный гул толпы.)» Ну и так далее...

Наверное, для современного читателя подобная фальсификация кажется дикостью.

Однако, если принять во внимание психологию людей тех времен, то все было совершенно нормально. Поэтому нас, молодых соавторов, это удивляло не более 2–3 минут, затем мы приняли все как должное. Задавать вопросы: почему ты поступаешь вопреки всякой логике — не полагалось.

Я вспоминаю, как во время одного из комсомольских собраний в ремесленном училище, где я тогда работал воспитателем, была принята очень длинная приветственная телеграмма Великому Вождю народов, Генеральному Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Сталину. Когда кончилось собрание, я подошел к секретарю парторганизации и спросил: «Ну, а кто пойдет на телеграф? Ведь уже поздно!» Она взглянула на меня удивленно и спросила: «Зачем идти на телеграф?» — «Ну как же, мы приняли телеграмму товарищу Сталину, надо же ее передать». Она посмотрела на меня, как на откровенного идиота, и сказала: «Неужели вы не понимаете?» Но, подумав, что, может быть, мой вопрос является провокационным, сухо заметила: «Ну, мы пока подошьем текст телеграммы к протоколу нашего собрания». На этом все дело и закончилось. Я понял, что допустил глупость.

3. Волшебная сила печатного слова

Считайте, что я решил провести хронопсихологический анализ, сравнить эффективность действия печатного слова в годы советской власти и в наше время.

Конечно, я мог бы обратиться к собственным статьям в газетах и журналах, которые систематически публиковал. Насчитывается не менее сотни рассказов, очерков, статей, нашедших свое место в таких печатных изданиях, как «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Учительская газета», «Огонек». Только в одной «Литературной газете» я опубликовал 18 больших статей. Но меня интересует не столько то, как они воспринимались читателями, сколько выяснение того, как вообще могло воздействовать печатное слово в те времена на события реальной жизни, в чем и как проявлялась их сила. Для этого я хочу припомнить некоторые обстоятельства, связанные с творческой судьбой известного грузинского психолога и педагога, Шалвы Александровича Амонашвили. Одним словом, меня занимает хронопсихологический аспект проблемы.

Успехи его творческой деятельности казались несомненными, и трудно было кому-либо в Москве предположить, что все им совершаемое происходило не благодаря вниманию и поддержке образовательного ведомства Грузии, а вопреки усилиям последнего.

Тогда, в середине 70-х годов, школу-лабораторию Амонашвили неоднократно пытались прикрыть. В чем только не обвиняли ее руководителя. Ну и, конечно, в «абстрактном гуманизме». Это был дежурный приговор радетелей коммунисти-

ческого воспитания. Василию Александровичу Сухомлинскому предъявляли те же обвинения. Однако Шалва Александрович повинен был и в других педагогических «преступлениях».

Как это можно было допустить: Амонашвили позволил себе ввести в начальных классах «безотметочное» обучение!

Он считал, что нельзя обрушивать на голову малыша, только что переступившего школьный порог, ворох «двоек» и «троек». Нельзя с самого начала создавать нечто вроде конкуренции между учениками: одних возвышать, а других унижать, вызывая у последних психологический дискомфорт. Амонашвили добивался от детей понимания того, что им удается, а что пока не получается. Поэтому отсутствие отметки не означало отказа от оценки успехов или неудач школьника. Другими словами, Амонашвили давал качественную, а не количественную характеристику успешности их учебы. Как можно было вытерпеть чиновникам просвещения Грузии и его главе подобную «крамолу», отступление от инструкций и указаний?!

Когда я был в Тбилиси, сотрудники лаборатории Амонашвили, каждое утро приходя в школу, первым делом с волнением задавали вопрос: «Нас еще не закрыли?» И, услышав успокоительный ответ, радостно шли в классы. Дело в том, что министерство уже дало разрешение закрыть лабораторию Ш. Амонашвили, а Институт педагогики, которому принадлежало это научное подразделение, медлил по каким-то причинам с подписанием окончательного вердикта. Шалва нуждался в помощи.

Мне удалось опубликовать в «Правде» статью «Дневник без двоек», в которой я положительно оценивал его эксперименты. На какое-то время это задержало изничтожение «педагогического диссидента». Но ненадолго. Вскоре гонения возобновились. И тогда профессор Василий Васильевич Давыдов прибегнул к сильному средству, обратившись в отдел школ газеты «Правда» к моему тогда хорошему знакомому (подчеркну, тогда хорошему знакомому, никак не теперь — меняются не только времена, но и позиции людей). Впрочем, ни мне, ни Василию Васильевичу было не очень понятно, чем он может нам помочь, как сумеет выручить Амонашвили.

Оказалось, это было вполне в его силах. Он снял трубку и, позвонив грузинскому министру, спросил его, почему тот так ополчился на лабораторию Амонашвили, которая делает, с точки зрения его, «правдиста», полезное дело? Министр долго объяснял причины своего недовольства работами лаборатории. Его московский собеседник все терпеливо выслушал и потом сказал: «Ну, в конце концов, это ваше дело, и вам решать. Что касается меня, то мы собираемся ознакомиться с тем, как обстоят дела в общежитиях, вам подведомственных. Есть у нас кое-какие сигналы...».

Последовало длительное молчание. По всей вероятности, перед глазами руководителя грузинского просвещения мелькали картины «слишком веселого общежитейского быта и сомнительного благоустройства» в подведомственных ему учреждениях. Потом высокий руководитель сказал: «Послушайте, вовсе не обязательно нам закрывать лабораторию Амонашвили, никто ему мешать не станет. Это я вам твердо обещаю». Вопрос был исчерпан.

Как любит говорить один мой знакомый: «Из каждого свинства можно вырезать кусочек ветчины».

Надеюсь, трудно заподозрить, что моя книга содержит какие-либо восхваления советского образа жизни, преимуществ социалистического общества. Однако надо быть объективным. Подобно тому, как наши недостатки являются продолжением наших достоинств, сами эти недостатки иногда оказываются благоприятными для человека и оборачиваются достоинствами. Все это говорится в качестве некоего объяснения резкого изменения поведения министра, вчера еще готового не только закрыть, но и вообще «сжить со свету» всю научную лабораторию Шалвы Амонашвили. Министр прекрасно понимал, что в тбилисских общагах репортер может «накопать» такой компромат, после рассказа о котором в печати под ним закачается и затрещит министерское кресло.

Боюсь, что человеку, живущему в послеперестроечное время, не очень понятна связь между возможной критической статьей в газете и неприятностями для кого-либо по административной линии. Сегодня, если бы в любой газете было написано, что министр просвещения устроил в общежитии какого-нибудь интерната гарем, это взволновало бы и шокировало читателя на один день — не более, затем все было бы забыто, поскольку появились бы новые сенсации. Читатель достаточно спокойно относится к любой газетной «клубничке», зная, что с иного журналиста много не возьмешь и что с него никто не спросит за откровенную выдумку, а иногда и ложь.

Мне легко рассуждать на эти темы, которые были созданы «свободой слова». Правда, я боюсь, что написанное мной будет напоминать что-то вроде арии дона Базилио «О клевете» из «Севильского цирюльника» в исполнении автора книги. Вспоминается не самый приятный эпизод из моей жизни...

Итак, в мой президентский кабинет вошел следователь прокуратуры. Усевшись против меня, он торжественно сказал: «В отношении вас уголовное дело возбуждено, — он сделал эффектную паузу и закончил, — не будет». Не скажу, что эта пауза доставила мне большое удовольствие. Приход следователя не был для меня неожиданностью. Он уже месяц по поручению прокуратуры изучал бухгалтерские документы Президиума Академии и, как он мне потом пояснил, ничего компрометирующего Президента не «накопал». Впрочем, появление его в Академии имело свои причины.

Директор одного из научно-исследовательских институтов, Г., умудрился получить премию, которую ему выписал завхоз вверенного ему учреждения. За это мне пришлось объявить ему выговор. Уязвленный директор мне этого не простил. «Под его рукой» и в помещении института его сотрудником издавалась газетка, которая, несмотря на очевидную «желтизну», печаталась почему-то на белой бумаге. «Разоблачительные статьи» пошли одна за другой: «Коррупция или беспредел?», «Импичмент Президиуму РАО», «РАО разрушает физическое и духовное здоровье молодежи», «Огонь по штабам», «Нафталиновая тетя» и т. д. «Бдительный» директор проник и на страницы газеты «Правда» с громоподобной статьей «Вакуум совести в научной среде». После этого и последовала упомянутая мною реакция прокуратуры. Комиссия Академии по этике, состоящая из самых авторитетных ученых, поставила клеветника на место. Впрочем, он был уже вне критики, поскольку уехал за рубеж, где пребывает и поныне. Неужели непонятно, что мой личный опыт побуждает

меня, быть может, к излишнему недоверию к любым залпам из «гряземетов» компромата, на кого бы они ни были направлены.

Мне пришлось столкнуться с цинизмом, явно не знающим границ. В «Учительской газете» (№ 23 от 24 мая 1994 года), предназначенной для широкой массы учителей, журналистка написала статью, в которой буквально уничтожала двух весьма уважаемых людей. Несусветная ложь в статье подавалась весьма хитроумно оформленной: «Как говорят..», «По непроверенным данным...», «Есть и еще одна неофициальная версия...», «Высказываю гипотезы...».

Результатом статьи была госпитализация одной из жертв газетного беспредела. Однако самым интересным был постскриптум автора статьи. Привожу его дословно: «Для желающих подать в суд на автора сообщаю: гипотезы — неподсудны, потому что они — не факты, а гипотезы. Все, может быть, происходило и не так, но об этом могут рассказать только непосредственные участники этой истории. В чем я сильно сомневаюсь».

Вот до каких «геркулесовых столпов» цинизма можно дойти, чувствуя свою безнаказанность.

Приятели советовали одному из героев этого фельетона: «А ты напиши, что эта дама каждый день, как говорят, а некоторые даже утверждают, стоит у фонаря на Тверской улице, ожидая клиентов, но это только гипотеза, а гипотеза неподсудна». Разумеется, по этому пути ни один нормальный человек не пойдет — брезгливость не позволит.

Еще раз повторю, мне не хотелось бы, чтобы возникло впечатление о моем мнении по поводу какой-то особой нравственной силы и активной действенной помощи тем, кто в ней нуждается, которую можно было ожидать от советской печати. Вряд ли у кого-либо осталось сомнение в том, что газеты осуществляли хорошо разработанные пропагандистские кампании по разоблачению «врагов народа», число которых постоянно увеличивалось. Раздували подвиги одних, замалчивали героические дела других (к примеру, капитан Маринеску). Все это так. Но если уж газета высветила какой-нибудь конкретный криминальный факт, какое-то серьезное злоупотребление или заметное нарушение общественного порядка, это не только оказывалось предметом внимания читателей, но и приводило к «оргвыводам», весьма печальным для тех, кого это не могло не коснуться. У всех на памяти песенка, которой заканчивалась телепередача из серии «Следствие ведут знатоки»: «Если где-то кое-кто у нас порой честно жить не хочет...» И так писали у нас «порой» в прежние годы «иной раз» «кое о ком» открыто.

Но все-таки вернемся к идее сравнения нашей прессы в прежние годы и той, с которой мы имеем дело каждый день, открывая газеты и включая телевизор. В чью пользу будет это сравнение? На это мне, как ни печально, трудно ответить. Если с экрана нам объясняют, что некий олигарх купил «на корню» такой-то телевизионный канал, а другой канал тоже достался олигарху, воюющему с первым, то можно ли рассчитывать на то, что вдумчивые читатели и слушатели будут верить тому, что они видят и слышат с экрана, или тому, что могут прочитать на страницах газет. Между тем, газетные и телевизионные «короли» противопоставляют свою «независимую» прессу прессе, зависимой от правительства. Эта опереточная независимость полностью купленных ими СМИ ничего, кроме улыбки, вызвать не может. У людей складывается твердое убеждение в том, что все журналисты продажные, что все, о чем говорят и пишут, куплено, и притом за большие

деньги, и что за эти «зеленые» потоки, текущие в их карман, они готовы облить грязью любого неугодного их хозяину политического деятеля.

Представляю себе то возмущение, которое вызовет у многих журналистов подобное обвинение. И это понятно. Но я не считаю, что можно инкриминировать факт получения высоких гонораров за их профессиональную работу. К примеру, не вижу особой разницы между журналистами и футболистами. Игрока перекупают более богатые клубы, и он уходит из той команды, в которой ему не могли платить столько, сколько предложили в новой. Не исключено, что он, при случае, может во время матча «подковать» бывшего товарища по команде. Здесь нет ничего обидного, и я не помню, чтобы футболисты обижались по случаю подобных шуток. И все-таки, к чести журналистов, в отличие от футболиста, которому могут «ненароком» сломать ногу, они, ведя криминальное расследование, реально рискуют жизнью...

Так неужели мы попали «из огня да в полымя»? Выбравшись из трясины партийной большевистской пропаганды и критики, угодили в царство информационного беспредела? Так что же лучше? То положение дел в средствах массовой информации, что было в прошлом, или то, что есть «здесь и теперь»? Отвечаю на вопрос, поставленный в начале моих рассуждений: «Оба хуже!»

Написал предшествующий абзац и задумался. Все-таки хорошо, что я, хотя и подвизаюсь много лет на страницах газет и журналов, не вхожу в Союз журналистов, а то попал бы в неловкое положение, нарушил бы неписаный нравственный кодекс, провозглашаемую корпоративную этику. Вдруг в том, что я напишу, усмотрят нарушение общепринятой толерантности. Мне не раз приходилось слышать, что работники средств массовой информации критиковать друг друга не должны, какой бы напраслиной они бы ни пробавлялись, что бы не позволили себе писать о чем-либо или о ком-либо. Журналисты должны относиться к коллегам, как к покойникам — *aut bene, aut nihili*. Большинство предпочитают второй императив, поскольку говорить хорошее о конкуренте в борьбе за высокие рейтинг, инвестиции, благоволение рекламодателей, тиражи не очень хочется.

Выше я признался, что хотел быть журналистом. Всегда меня тянуло взять в руки публицистическое перо. Недавно я даже сочинил нехитрые строчки: «Ученым — хорошо, журналистом — лучше. Я б в Леонтьевы пошел, пусть меня научат!» А почему бы и нет? Не был бы тогда этот бесстрашный и бесшабашный воитель одним, в аналитико-информационном поле, воином. Однако, поколебавшись, я решил остаться научным работником. Как сказал поэт: «Доходней оно и прелестней». Прелестней-то оно прелестней, но никак не доходнее. Ну что ж, так тому и быть. Пусть официальная журналистика не досчитается в своих рядах еще одного борзописца.

4. Очень ответственный редактор

Мои вольные похождения в качестве внештатного корреспондента радио и газет завершились к концу сороковых годов. Вновь к журналистике я вернулся в середине пятидесятых, став ответственным редактором многотиражной газеты городского педагогического института «За педагогические кадры».

Ответственный редактор являлся лицом и в самом деле весьма ответственным. Не столь значительным, но тем не менее прекрасно понимавшим, какие последствия могут возникнуть, если в газете будут найдены те или иные ошибки или возникнут какие-либо накладки. Дело было не только в том, чтобы газета была идеологически выдержана, чтобы она содержала хвалу, а не хулу по поводу того, что происходит вокруг, поскольку в социалистическом отечестве, которое ежеминутно и ежесекундно занимается построением светлого коммунистического общества, ошибок и недостатков должно быть во много раз меньше, чем достоинств и успехов. Это и следовало отражать в газете. Если этого не происходило, то, естественно, ответственный редактор должен был отвечать перед парткомом со всеми вытекающими отсюда неприятностями. То, о чем я говорю, являлось самоочевидным применительно к тем далеким и в достаточной мере жестким временам. Но были особые требования, которым надо было подчиняться.

Когда я приходил в издательство «Московская правда», где осуществлялся набор и печатанье газеты в находящейся здесь же типографии, то читал газету от начала до конца, от первой буквы и до последней не менее двух раз. Прочитав весь текст, я начинал сверять строчки в соседних колонках таким образом, чтобы при случайном прочтении текста не только по вертикали, но и по горизонтали от одной колонки к другой, не возникала бы какая-либо «антисоветчина». Затем газета передавалась в открывающееся в соседнюю комнату окошко — там сидели цензоры. Они назывались по-разному. Иногда именовались политредакторами, иногда представителями Главлита, но суть не менялась. Их задачей было осуществление предварительной цензуры. В прошлом в России предварительная цензура то возникала, то исчезала, но за содержанием того, что предавалось тиснению в газетах и журналах, в общем-то, всегда следили очень внимательно, в особенности в годы «сталинщины». А впрочем, и до Октября на этот счет высказывались вполне определенно. И хотя официально предварительная цензура отменялась, поэт-юморист писал: «хоть предварительной у нас и нет цензуры, но помним твердо мы, что “предварилка” есть». Здесь имелась в виду тюрьма, где осуществлялось предварительное заключение подследственных.

В период, о котором идет речь в моем рассказе, наличие цензуры скрывалось. «В Советском Союзе цензуры нет» — так утверждала наша законность. Однако политредактор в соседней комнате был печальной реальностью, и к нему вполне были применимы стихи поэта-юмориста дореволюционных лет: «Здесь над статьями совершают вдвойне убийственный обряд, как православных их крестят и как евреев обрезают».

И в самом деле, то, что происходило в соседней комнате, полностью отвечало этим поэтическим определениям. Иногда в тексте что-то крестообразно перечеркивалось, а то, что цензор считал неприемлемым, отбрасывалось безоговорочно.

Иной раз синим карандашом ставили соответствующие отметки, которые заставляли меня ломать голову, каким образом, не производя существенной переверстки текста, убрать то, что вызвало какие-то сомнения.

После того как цензор давал «благословение», газета могла идти в печать. Но волнение ответственного редактора не утихает. Идя домой, он перебирает в памяти наиболее уязвимые места газетной полосы, мучительно вспоминая, не допус-

тил ли все-таки какую-то ошибку, которая потом отзовется весьма неприятными последствиями.

Напомню эпизод в фильме режиссера Тарковского «Зеркало»: задыхаясь, взволнованная, бежит в редакцию сотрудница для того, чтобы еще раз проверить текст, который уже ушел в набор, и выяснить, не допущена ли там ошибка. По эпизоду фильма нельзя с уверенностью сказать, чего она опасалась и какая ошибка ей мерещилась, но есть основания полагать, что несчастной показалось, что в слове «Сталин» вторая буква заменена другой, очень близко стоящей в русском алфавите. Пусть тревога оказалась ложной, но вполне можно понять, чем могла кончиться подобная накладка.

Признаюсь, когда я читал студентам лекцию на тему: «Психология внимания», стремясь иллюстрировать ее содержание конкретными примерами, у меня не раз возникало желание упомянуть о моей работе над газетной полосой. То, что я мог рассказать, легко укладывалось в психологическую характеристику феномена «устойчивости внимания». Однако я был многоопытен и, конечно, понимал, что после обращения к подобным примерам читать лекции мне уже больше не придется. Впрочем, скоро моя карьера ответственного редактора оборвалась по не зависящим от меня причинам. Я был командирован на работу в Китайскую Народную Республику, а когда через год вернулся, газетой командовал другой редактор, а я и не помышлял о том, чтобы вновь занять это, не отличавшееся мягкостью, руководящее кресло.

5. Газетные ляпы как предмет психологического анализа

Разумеется, когда в годы господства «культа личности» в тексте допускалась невольная «политическая» ошибка (был ли виной тому редактор или корректор), то это кончалось ГУЛАГом. Однако в последующие годы газетные ошибки, может быть, и не приводили к столь трагическим «оргвыводам», но сами по себе не предвещали ничего хорошего тем, кто был в них повинен. Думаю, что ошибки и опечатки — это неустранимая болезнь любого печатного издания. Недаром в записных книжках Ильфа можно прочитать такую шутливую заметку (привожу ее по памяти): «Британскую энциклопедию редактировали сто редакторов и правку осуществляла тысяча корректоров, а когда первый том вышел в свет, на титульном листе было напечатано: “Британская энциклопудия”». Однако ошибка ошибке — рознь.

Появление газетных ошибок и опечаток, — того, что в журналистском обиходе называют «ляпами», — зачастую имеет серьезное психологическое объяснение. Казалось бы, чем внимательнее, напряженнее человек к чему-либо прислушивается или во что-то вглядывается, тем меньше опасений, что он пропустит нечто важное там, где ошибка недопустима. Это мнение не соответствует действительности. Приходится вспомнить известный психологический закон Йеркса—Додсона. Суть его конкретно сводится к тому, что оптимальной является средняя по интенсивности мотивация деятельности. Слабая же или сверхсильная — ведет

к ошибкам. Проще говоря, если человек не может сосредоточиться на деле, поскольку оно для него не интересно, то он допускает промахи. В то же время перенапряженное внимание предельно усиливает эмоции, которые препятствуют точности восприятия и действия. Замечали ли вы, что иной раз на вокзале, напряженно прислушиваясь к всевозможным сообщениям по радио и, наконец, услышав нужную информацию, вы не успеваете удержать в памяти самое главное — время прибытия ожидаемого поезда. Впрочем, многие ошибки объясняются рассеянностью человека. Рассеянность в одном случае имеет в качестве причины невозможность на чем-либо сосредоточиться, а в другом — одностороннюю сосредоточенность на чем-либо, и это стирает все другие впечатления, все, что рядом говорится и делается.

Между прочим, боязнь ошибиться неуклонно ведет человека к ошибкам. Обычно на лекции по психологии внимания — пусть меня простят физики-химики — в качестве иллюстрации я нередко использовал рассказы о рассеянности замечательного ученого, академика Ивана Алексеевича Каблукова. Возможно, многие из них были апокрифами. К примеру, легенда о том, что входя в трамвай, как в любое другое помещение, он снимал галоши. Лично мне довелось услышать только два образца рассеянности академика. Прочитав великолепную лекцию по химии на радио для школьников, Иван Алексеевич, облегченно вздохнув, сказал прямо в микрофон: «Ну, слава богу! Ровно в полчаса уложился!»

Второй случай был пострашнее. Как и полагалось, свое выступление накануне выборов в Верховный Совет он закончил здравицей в адрес Великого Вождя и ...забыл его имя и отчество. Справившись с волнением, он сказал: «Да здравствует Вождь народов... — последовала мучительная пауза — Виссарион Григорьевич Сталин!» (Еще одно проявление закона Йеркса—Додсона.)

Как это ни удивительно, ему все сошло — великому ученому можно было простить рассеянность.

Мой друг писатель и переводчик Морис Николаевич Ваксмахер составлял весьма удивительную коллекцию. Он собирал газетные «ляпы». Мы, его друзья, обязаны были поставлять материалы для его собрания, и каждый старался найти что-нибудь особенно интересное в печатной продукции. Так, помню, я дал ему вырезку из газеты «Вечерняя Москва», где рекламировалось цирковое шоу под названием «Романтики» с участием дрессированных обезьян. Однако мой вклад выглядел вполне рядовым экспонатом его коллекции. Там были шедевры.

В день Советской Армии — 23 февраля, как известно, газетная полоса должна была включать военную тематику. Не оставалась в стороне от этой традиции и «Учительская газета». Это произошло лет 30 тому назад. На первой полосе «Учительской» была помещена фотография, относящаяся к военному быту, весьма примитивная по сюжету. Танк стоит на лесной полянке, двое танкистов сидят на броне. Один стоит рядом, положив руку на гусеницу. На переднем плане несколько деревьев, позади танка густая чащоба. Вполне невинная фотография, но... Цензоры особенно внимательно приглядывались к фотографиям, где изображалась боевая техника, явно опасаясь, не выдаст ли фоторепортер какую-либо военную тайну (та самая односторонняя сосредоточенность, о которой шла речь выше). На этот раз цензор ничего предосудительного на фотографии не обнаружил, и «Учительская газета» пошла подписчикам и в розницу. А затем началось нечто страш-

ное для редакции. Уже с утра читатели беспрестанно звонили по всем редакционным телефонам, и бедные сотрудники не знали, куда деться от этих звонков. Что оказалось? С точки зрения сохранности военной тайны фотография действительно была вполне невинной. Однако, обращая внимание исключительно на воинскую технику и солдат, цензор проглядел, что на переднем плане высится береза, на которой вырезаны три «классические» буквы. Не о том думал представитель Главлита. Не на то глядел. Конечно, эта «Учительская» стала украшением коллекции моего друга. Не помню, чем кончилось все это для тех, кто был повинен в оплошности при публикации фотографии, но большого скандала, кажется, все-таки не было. Гораздо хуже складывались обстоятельства для редакции другой газеты.

Там произошла вовсе ужасная история. Не могу припомнить: материалы какого из очередных съездов партии печатали тогда в газете — XXIV? XXV? Боюсь ошибиться. Однако все газеты обязаны были печатать материалы съезда полностью от слова до слова. И произошла следующая серьезная накладка. К заведующей корректорской подошла молодая сотрудница и сказала: «Мне кажется, что здесь смысловая ошибка». Начальница ее резко осадила: «Ваше дело отслеживать орфографические, а не смысловые ошибки». Девушка пожала плечами и отошла к своему рабочему месту. Газета вышла в свет, после чего, как я слышал, и главный редактор, и другие ответственные сотрудники лишились своего места. Что же произошло? Обычно при публикации отчетов с партийных съездов жирным шрифтом выделялись ремарки: «Шум в зале», «аплодисменты», «смех в зале» и т. д. Так же, традиционно, на самом съезде поименно перечисляются деятели коммунистической партии и рабочих движений, которые ушли из жизни после предшествующего партийного форума. Так было и на этот раз. Не помню, какие имена «великих» революционеров были перечислены председательствующим — Пальмиро Тольятти? Хошимин? Морис Торез? Не в этом дело. После перечисления имен председательствующий, как то и положено, предложил почтить их память вставанием. Далее следовало ожидать, что в публикуемом отчете будет в скобках написано: «Все встают. Минута молчания», и все это жирным шрифтом. Однако в скобках жирным шрифтом было набрано нечто другое: «Бурные аплодисменты, переходящие в овацию». Как это произошло? Из какого текста были выдернуты эти фразы, мне не известно. Но что было — то было.

6. Обратная сторона расхожих слов

Человек не мог увидеть обратную сторону Луны до начала космических путешествий. Однако обратную сторону медали он мог разглядеть значительно раньше.

Известно парадоксальное высказывание: «Язык дан человеку для того, чтобы он мог скрывать свои мысли». Осмелюсь продолжить: расхожее слово дано человеку для того, чтобы он мог заменять им свои мысли или вытеснять их из сознания.

Очень часто в нашей повседневной жизни не берется в расчет реальное значение слов, их семантика. Нам навязывают содержание нашего мышления. В ре-

зультате чужие мысли становятся нашими, и часто мы даже не замечаем, как это произошло.

В стихотворении известного в прошлом поэта Виктора Гусева есть такие строчки:

«Мы исполняли гимны в начале торжественной части,
В конце торжественной части их повторяли мы».

В 1934 году, когда проходил XVII съезд ВКП(б), делегаты, наверняка стоя, пели «Интернационал». Однако, если бы охранявшие съезд чекисты способны были осознать антисоветскую сущность услышанного, никто бы из участников «съезда победителей» живыми из зала не вышли. Все присутствовавшие на съезде страдали политико-семантической глухотой.

Задумаемся над словами гимна:

«Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов...»

О чем пели большевики? О невольниках Черной Африки? Или о несчастных обездоленных, заклейменных проклятием сплошной коллективизации, крестьянах, живших около Купинска или Чугуева? Ведь в это время едва закончился страшный голодомор, оставивший сотни тысяч трупов на Юге страны.

О чем думали участники «Съезда победителей»? Скорее всего, ни о чем не думали. Слова «Интернационала» заменяли им мысли. Именно поэтому вожди партии, сидевшие в президиуме, не были напуганы словами «Весь мир насилья мы разрушим»...

Но это дела давние. Поищем что-нибудь поближе.

Вспоминается разговор с одним молодым человеком. Я его спросил:

— Что вы знаете о событиях осени 1993 года?

Почти без запинки он ответил:

— Это когда Ельцин расстрелял парламент? Об этом я знаю.

— А как он расстреливал? Всех парламентариев подряд или каждого третьего?

— Не могу сказать. Стреляли из пушек по парламенту — я сам видел. Кажется, с моста.

Однако если человек, в свое время видевший телевизионную картинку, через десять лет не может сказать о «расстреле парламента», что же будет через 30 лет? Расстрел парламента может быть поставлен в один ряд с Ленскими расстрелами в эпоху царизма или с расстрелом рабочих в Новочеркасске в советские времена.

Разумеется, пальбу по зданию на Краснопресненской набережной нельзя рассматривать как простой шумовой эффект, может быть, и предотвративший штурм Верховного Совета. Выстрелы из пушек были подобны ударам молотка по гвоздям, забиваемым в гроб демократической репутации Бориса Ельцина. Однако расстрела парламента в действительности все-таки не было. Громкое слово заменило восприятие объективной реальности. Насколько я знаю, никто из парламентариев в «Белом доме» не был убит.

Здесь я не намерен давать какие-либо оценки этих событий. Это задача историка, а не психолога. Меня интересует обратная сторона расхожего слова, то, почему оно так прочно закрепилось в сознании людей.

Предполагаю, что, во-первых, потому что это кому-то надо, во-вторых, в связи с тем, что в менталитете нашего общества слова «расстрел» и «высшая мера наказания» сливаются воедино до неразличимости.

Опять-таки слово вытеснило из сознания то, что было в действительности, заменило его трагической картиной убийства людей. Мифология заняла место истории.

«Народ», «свобода слова», «права человека», «демократия» — святые слова...

В радиопередаче успел услышать и записать на листке: «В демократическом государстве власть должна принадлежать народу, а не коррумпированной бюрократической верхушке». Замечательные слова! Однако как их реализовать? Господин Великий Новгород умел решать такие проблемы. Собиралось вече, и всенародно принимались военные, хозяйственные и кадровые установления. На острове Хортица запорожские казаки под крики «Любо!» диктовали дипломатическую ноту турецкому султану.

Однако в наше время подобные простые решения затруднительны. Не соберешь 150-миллионный народ на одной площади. Впрочем, не беда. Можно использовать демократический путь — выборы депутатов, которым делегированы права принимать законы от имени народа. Избирается парламент и начинает законодательную деятельность.

Может быть, психологи, мои собратья, придумают тесты, позволяющие выявлять отсутствие бюрократичности и коррумпированности. Правда, не знаю, кому будет поручено проверить эти тесты на надежность и валидность.

Но как бы то ни было, законы надо исполнять. Назначается управляющий орган — правительство. Кто будет выполнять его распоряжения? Ну, конечно, вчерашний электорат.

Закономерный вопрос — у кого будет власть? У народа? Комментарии, по-моему, не требуются.

Я перевернул листок и написал на обратной стороне: «демагогия».

Нам не занимать опыта использовать слова «народ» и «демократия». Это было всегда универсальной отмычкой, но идеологическое начальство знало, что слушающие эти слова не пропускают их в сознание. Так, в социалистический лагерь входили «страны народной демократии». Переведем на русский язык: «страны народного народовластия». Звучит эффектно.

Слово «демократия» в настоящее время тоже подвергается популистской обработке. Появилось ходкое словечко «управляемая демократия». Управляемыми могут быть люди, народы, даже некоторые государства, но не демократия, а также диктатура, тирания. Они являются управляющими, но не управляемыми. Однако для политтехнологов, изобретающих эти слова, это — не термин, а ярлык.

Очень часто в СМИ можно услышать обсуждение вопроса, есть ли в нашей стране свобода слова. Утверждается, что нарастает авторитаризм, господствует управляемая демократия, быть может, ГУЛАГ не за горами. Заявляется, что появились у нас политические заключенные, узники совести, хотя не очень понятно, есть ли у этих узников совесть и являются ли эти заключенные именно политическими.

Мне кажется, что к проблеме свободы слова надо подходить дифференцированно. Поставлю вопрос: «Кто у нас имеет наименьшие возможности использовать свое конституционное право на свободу слова?» Предполагаю, что это — президент страны. (Впрочем, в других государствах аналогичная ситуация.)

Руководители такого уровня вынуждены считаться с дипломатическими, политическими, экономическими, вообще, статусными ограничениями. Каждое неосторожное слово может быть поставлено им в строку.

Хрущев 50 лет назад обещал показать империалистам «кузькину мать». А сравнительно недавно Ельцин собирался «лечь на рельсы».

Здесь наблюдается обратная зависимость: чем выше ответственность государственного деятеля, тем осторожнее он должен обращаться со словами, грамотно их использовать. Тем труднее говорить, что хочется, кому хочется и где хочется.

Однако если спуститься по информационной вертикали вниз, то у ее подножия гнездятся так называемые независимые, радикально протестные СМИ. Свободные и безответственные, подобно ораторам Октябрьской площади в «красные дни календаря». Они действительно совершенно независимы от тех организаций и лиц, которые их не финансируют, и они не обижаются, когда их перепродают на медиарынке.

Именно в этих изданиях чаще всего звучат слова об отсутствии свободы слова. Комизм ситуации заключается в том, что эти слова звучат на фоне безоглядного словоговорения и свободомыслия.

Оппозиция, конечно, необходима. Без нее невозможно нормальное развитие жизни общества. Часто приходится слышать, что оппозиция должна быть конструктивна. Это невозможно оспаривать. Но, к сожалению, конструктивность зачастую подменяется глумливостью, не несет в себе созидающего начала. Однако если оппозиция будет действительно конструктивна, кому-то не грех к ней присоединиться.

Еще одна расхожая сентенция, привычно звучащая образцом благородства и гуманности: «Мне чужды ваши взгляды, но я готов жизнь отдать, чтобы вы имели право их высказывать».

Это пришедшее из глубины веков эхо вольтерианства, на мой взгляд, дико звучит в XXI веке, когда публично благословляется однополярное насилие, поднимает голос ксенофобия, не умолкает ультрарадикальная риторика, доступ к телеэкрану и микрофону обрели пособники террористов. Эти опасности увеличиваются стократ благодаря Всемирной паутине. Призыв к толерантности как самоцели становится анахронизмом.

Не будем абсолютизировать. Мне могут быть чужды взгляды какого-либо литературного критика, возмущения экономиста использованием резерва стабилизационного фонда или восторги по поводу тяжелого рока. Разумеется, не об этом идет речь. Почему мне нужно отдать остаток моей жизни для того, чтобы кто-то мог цитировать и комментировать страницы «Майн кампф»? Моей жизни я могу найти лучшее применение.

Меня могут спросить: «Разве вы не сторонник либеральных ценностей? Может быть, вам претит толерантность?» Отвечу: популистский либерализм, на мой взгляд, представляет серьезную угрозу для демократии, поскольку расчищает путь экстремизму. Попустительство создает для него благоприятные возможности.

7. Терроризм и его гулкое эхо

«Так что же, опять во всем журналисты виноваты?» Такой возмущенный возглас не раз приходилось слышать от корреспондентов газет или ведущих телевизионных программ, когда читатель или зритель выражал неудовольствие по поводу сообщения, вызвавшего у него раздражение. Ничего удивительного в этом нет. В стародавние времена гонцу, который приносил дурные вести, могли сгоряча и голову отрубить. Тем более, что информация весьма мрачного свойства весьма часто появляется в печати и на телевидении. Следует разобраться в обстоятельствах, которые приводят к этому взаимному неудовольствию.

Подойдем к этому с позиций социальной психологии. В этом отношении представляет интерес психология спонсоров, организаторов, заказчиков, по указанию которых совершается массовое убийство. Каковы мотивация их действий, интересы и социальные ожидания?

Эти господа пребывают в своих респектабельных особняках и офисах и не видят тех, кому суждено по их приказу погибнуть. И личными врагами эти несчастные для них не являются. Целью служит не конкретный человек, а государство, в котором он обитает. Их мотивация имеет исключительно политический характер. Их цель — дестабилизация общественной жизни в этой стране.

Выскажу гипотезу. Об эффективности используемой ими стратегии они судят не по числу убитых и раненых в результате террористического акта, хотя это тоже для них небезразлично, но главным образом — по продолжительности времени, на протяжении которого отголоски свершившегося преступления сохраняются на страницах газет и не исчезают с экранов телевизоров. Не сам террористический акт, а его сколь угодно долгое информационное эхо является основным показателем успешности их замысла. Целью их является нескончаемое обсуждение подробностей свершившегося преступления, рассказы очевидцев и обвинения как причастных, так и непричастных к событиям, начиная от стрелочника, кончая президентом, сообщения о новых готовящихся злодеяниях. Все это, как рассчитывают организаторы террора, должно порождать страх, уныние, повышать тревожность, чувство незащищенности, сомнения в способности власти обеспечить безопасность граждан. Как ни звучит это парадоксально, они рассматривают наши средства информации в качестве проводников их стратегических решений и намерений. Расчет простой и понятный. «Ну, значит, недаром были затрачены деньги, недаром погибли наши боевики». Так, вероятно рассуждают террористы в смокингах.

Здесь надо остановиться. Иначе слова, которыми я начал эту статью, придется отнести к самому себе. У меня даже нет мысли обвинять журналистов в поддержке терроризма. Они так же ненавидят этих негодяев, как все мы. И это совершенно нормально. Мы живем в демократической стране, и право каждого гражданина — знать о всех примечательных, в том числе и трагических, событиях, которые происходят в нашем Отечестве. Это и обеспечивается существующей свободой слова. Прямая обязанность журналистского сообщества сделать доступной для нас всю необходимую информацию.

К счастью, прошли те времена, когда от народа скрывалось все трагическое, в частности и то, что, по меркам нашего времени, и скрывать, казалось бы, не было смысла. Помню, в 1948 году случилось разрушительное землетрясение в Ашхабаде, после которого пришлось город много лет отстраивать заново. Погибли по всей вероятности тысячи его жителей. Но из печати и по радио мы ничего об этом не узнали до времени. Не призывать же вернуться к такой практике. Как же быть?

Можно сказать и так: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...». Это *нам* не дано. А журналист, который каждый день стоит перед микрофоном или на которого смотрит телевизионная камера, равно как и лица, определяющие редакционную политику данного СМИ, они не только могут, но и должны предугадать, какой эффект за сим последует.

Но что может изменить журналист в этой, как кажется, тупиковой ситуации? Автор этой статьи ничего не имеет предложить. Единственное, что он хотел бы сделать, это еще и еще раз указать на существующее противоречие. Но указать все-таки надо, поскольку оно свидетельствует о наличии социально значимой проблемы.

ГЛАВА 9

Улыбки и гримасы эпохи

1. Шут или оракул?

Однажды, когда я выходил из редакции философии в здании «Советской энциклопедии» на Покровском бульваре, встретил на лестнице человека, чья внешность, порывистость движений, то ли бормотание, то ли нетихое покрикивание показались мне странными, необычными. Через несколько дней, когда я снова пришел в редакцию, где сотрудничал, мой друг и соавтор, замечательный философ Марк Борисович Туровский спросил: «Знаете, кто приходил к нам на днях?» И, выдержав интригующую паузу: «У нас был Енчмен!»

Наверное, если бы он мне сообщил, что в редакцию наведывался Огюст Конт или Бенедикт Спиноза, я бы вместе с шутником посмеялся, не более. А тут мне говорят, что здесь побывал левый из «левых коммунистов» (а может, ультралевый эсер) Э. Енчмен, который должен был давно сгинуть в недрах ГУЛАГа. Это за шутку нельзя было принять — так не шутят. Значит, и в самом деле приходил. Уж не его ли я встретил тогда на лестнице?

Для историков философии и психологии это имя более чем известно.

Э. Енчмен оставил две книжки, в которых изложена созданная им «теория новой биологии». Первая была издана в 1920 году и называлась «Восемнадцать тезисов новой биологии»; она представляла собой написанный в виде декларации «Проект организации Революционно-научного совета республики и введения системы физиологических паспортов». Над заголовком гриф «Российская коммунистическая партия (большевиков)» и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Предлагал он осуществить... внедрение в человеческие организмы открытых им «пятнадцати анализаторов», что, по его утверждению, вызовет «бурные органические революции», «органические катаклизмы, органические перерождения в миллиарде с лишним современных ему человеческих организмов» (здесь физиологическим термином «анализатор» обозначалась «идея», внедрение которой в «организм» способно вызвать эти «катаклизмы» и «перерождения»). Енчмен уведомлял, что необходимо подготовиться к введению системы «физиологических паспортов для всех человеческих организмов», причем в каждом таком паспорте будет указана цифрами напряженность, сила («коэффициенты консервативности реакций») многих наиболее существенных реакций (цепей рефлексов) человеческого организма. Эти «физиологические паспорта» должны были стать, по мысли автора, «карточкой» на «труд» и «потребление».

Обращаясь к гуманитарным областям знания, Енчмен рассматривал психологию как «эксплуататорскую выдумку». Он пророчествовал: «...рабочие в простых блузах, вооруженные теорией новой биологии», в ближайшем будущем уничто-

жат «специальные орудия эксплуататорского обмана — кафедры психологии буржуазных и социалистических университетов и академий». Он смеялся над неким советским философом, который на протяжении нескольких сот страниц разговаривает перед рабочими разные, с начала до конца эксплуататорские разговоры о совершенно непонятных им эксплуататорских агентах: «О Гоббсе или Локке, или Беркли, или Юме, или Махе — об их материализме, идеализме, психологизме, эмпиризме, феноменализме, сенсуализме, рационализме и т. д.».

Енчмен в своих прозрениях предсказывает, как в Большом энциклопедическом словаре коммунистического общества будет определяться «гомерический хохот»: «Гомерический хохот — это особый, очень веселый хохот, которым смеялись хором сначала русские рабочие, а потом рабочие всего мира, когда, прозрев, наконец, от вековечного эксплуататорского обмана материального и духовного, материализма, идеализма и т. д., они собирались вместе и начинали читать вслух философские книги».

Даже у видавших виды адептов «классового подхода» к любому факту действительности, уверенных, что даже пищеварение имеет классовый характер, прозрения Енчмена вызвали оторопь. Н. Бухарин дал ему отповедь, написав «Енчмениаду». «Марксизм дыбом» — так окрестили «новую биологию». Должен признать, что и я сам уже в недавние времена писал о «патологическом марксизме» Енчмена и замечал, что его нельзя было принимать всерьез.

Но давайте попробуем игнорировать эпатаж творца «новой биологии». Ну, шут, ну, напялил он на себя колпак с бубенчиками! Ну, всех раздразнил! Ну, может, он был более других, как я уже сказал, ушиблен беспределом революционного времени! Однако так ли уж были глупы шуты при королевских дворах?! Нередко они были сродни пророкам, и к их шуткам и иносказаниям не грех было прислушаться.

Енчмен подозревал, что внедрение пятнадцати анализаторов произведет величайшие органические «катаклизмы», «органические революции», «перерождение в организмах миллиарда с лишним современных ему людей». Павловское физиологическое понятие «анализатор» для него синоним укоренившейся в сознание людей «идеи». Позвольте! Но именно так и случилось. В сознание (а глубже — и в сферу бессознательного) миллионов советских людей были внедрены эти «анализаторы», образовавшие базу для формирования их менталитета. С их помощью «человек социалистического общества» осуществлял анализ окружающего мира. Пролетарии (даже если это не более чем люмпены) — это соль и гордость человечества, буржуи — это всегда отъявленные негодяи и эксплуататоры, кровопийцы. Уголовники в лагерях — социально близкие, осужденные по 58-й статье УК — социально чуждые. Религия — опиум народа, коммунизм — «светлое будущее» человечества. Кто не с нами, тот против нас, значит — враг. Империалисты не сегодня, так завтра сбросят на нас водородную бомбу, а мы ни о чем другом кроме борьбы за мир и не помышляем... Что касается числа «анализаторов» — 15 или 20? Может быть, Енчмен и ошибался. Суть же конструирования системы анализаторов, осуществляемого гигантской пропагандистской машиной, явно предвидел. Между тем машина эта в годы, когда он создавал свою теорию, только-только набирала обороты.

Бог с ним, с пасквильным стилем Енчмена. Гомерический хохот рабочих в простых блузах, может быть, и не громыхал при чтении философских и психологических книг. Но до исполнения енчменовского предсказания «в интересах рабочего класса» постарались захлопнуть все философские книги, где излагались взгляды, хоть в чем-то отличающиеся от ортодоксального марксизма. Что же касается кафедр психологии, то на рубеже 40-х и 50-х годов они оказались на грани закрытия. Сплошная «павловизация» психологии почти по Енчмену представляла душу человека как результат «цепи рефлексов», а психология как наука о душе (об этом еще будет мною сказано) превращалась в науку о том, что у человека души нет. И уж никак не ошибся «патологический марксист», когда писал о системе «физиологических паспортов». Идея, конечно, фантастическая, но, по сути, провидческая. К примеру, многолетнее отсутствие у колхозников паспортов лишило их прав иметь карточки «на потребление» (попросту продовольственные) и «на труд» (право уехать из села в город и поступить на производство)... Хотя, может быть, те колхозные ведомости, где «палочками» отмечались заработанные трудодни, и были подлинными карточками на потребление и труд?

Я думаю, что идеи Енчмена нашли наиболее полную реализацию в «физиологических» паспортах, которые хранились «где надо». В этих досье, наверняка, указывалась и «сила консерватизма реакции» на различные политические события, и «коэффициент стенизма» (силы) в ответ на партийные призывы. Многие при реабилитации в 1956–1957 годах смогли познакомиться с этими «паспортами», а попросту говоря, со своим следственным делом и приговором и другими документами, ставшими основанием для получения лагерного пайка и карточки на труд, где фиксировался срок работы на лесоповале или в шахте.

Так не для того ли приходил Енчмен в «Философскую энциклопедию», преодолев, по всей вероятности, колымские или чукотские горькие версты, чтобы сказать, что напрасно его высмеивал Бухарин и другие философы. Я, само собой разумеется, не утверждаю, что Енчмен был пророком, что он в деталях предвидел, куда приведет нас сталинизм. Но уж как-то все сошлось...

Все это, связанное с Енчменом, осталось загадкой. Я не знаю, что произошло с этим возмутителем спокойствия далеких 20-х годов, который показался в 60-е годы нам «человеком ниоткуда». Не знаю, что было с ним в дальнейшем. Пока мне не удалось о нем узнать ничего нового.

2. Тайна исчезнувшего тома энциклопедии

Как мне уже случалось писать, по образованию я филолог, хотя уже около шестидесяти лет сфера моих научных интересов — психология. Впрочем, формального психологического образования не имели многие известные ученые: Л. Выготский, Б. Теплов, А. Леонтьев, А. Запорожец, М. Ярошевский и ряд других психологов. Дело в том, что в СССР факультеты психологии были открыты только в 50-е годы.

Лейтмотивом лекций на филфаке по истории литературы XIX и XX веков было в годы моего студенчества постоянное сопоставление двух «реализмов», между

которыми вырывалась непреодолимая пропасть. Буржуазной литературе присущ «критический реализм», все критикующий, но ничего прогрессивного не утверждающий. Советской же литературе свойствен «социалистический реализм», отражающий правду жизни в ее революционном развитии. Имелось в виду, разумеется, движение к «светлому будущему» всего человечества — коммунизму.

Нами, студентами, это принималось как аксиома, и хотя уже тогда было не очень понятно, куда отнести, к примеру, любимые нами романы Ильфа и Петрова (не буржуазная же это литература?), но мы готовы были рассматривать подобные неувязки в качестве исключения, без которого не бывает правила. И вообще, не очень обо всем этом задумывались.

Только много позднее в ходу появился все поясняющий «грузинский» тост. Вот как он провозглашался:

> Царь, по несчастью, одноглазый, позвал художников и приказал написать его портрет. Первый художник написал, точно передав отсутствие левого глаза царя. За оскорбление царского достоинства он был немедленно казнен. Второй наделил царя на портрете двумя глазами и был обезглавлен за нарушение жизненной правды. Третий художник удостоился высоких царских милостей — он нарисовал властелина на охоте, стреляющим из лука и, соответственно, прижмурившим левый глаз. «Так выпьем же, друзья, — восклицал тамада, — за всепобеждающую силу социалистического реализма!»

Через пару лет после окончания вуза, я, тогда аспирант кафедры психологии, возвращался домой после какого-то собрания. Случайно я оказался попутчиком Евгения Борисовича Тагера, одного из самых любимых нами преподавателей. По пути мы разговорились, и речь зашла о литературных жанрах.

— Наконец-то, — сказал я, — появилась научная дефиниция, точно определяющая социалистический реализм. Раньше были только описательные пояснения. Евгений Борисович взглянул на меня искоса и, кашлянув, спросил:

— Кто же дал это определение?

Я удивился совершенно искренне:

— Как кто дал? Георгий Максимилианович Маленков с партийной трибуны.

Мой попутчик некоторое время молчал и потом с какой-то странной интонацией сказал:

— Ну, Маленков так Маленков.

В его словах было что-то недосказанное, но что, я тогда понять не мог. Причина его странной реакции стала проясняться позднее.

Дело в том, что партийные вожди любили и считали просто необходимым поучать интеллигенцию, по-товарищески «вправлять им мозги». Напомню слова песенки Ю. Алешковского: «Товарищ Сталин, вы большой ученый. В языкознанье вы познали толк, а я простой советский заключенный, и мне товарищ — серый брянский волк...». Это по поводу брошюры Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». А. А. Жданов обвинял Михаила Зощенко в семи смертных антисоветских грехах и аттестовал Анну Ахматову как «блудницу». Он же, присаживаясь к роялю, учил ошеломленных композиторов, как писать музыку, понятную и нужную народу.

Кстати, о «блуднице» Ахматовой. В августе 1997 года я получил письмо от члена-корреспондента РАН Юрия Андреевича Жданова[1], с которым мне несколько раз приходилось встречаться и разговаривать в Ростове-на-Дону.

Цитирую фрагмент письма:

«И еще об одном. На стр. 111 вы сообщаете читателю, что А. А. Жданов ...аттестовал А. Ахматову как "блудницу". Просил бы вас взять "Стихотворения и поэмы" А. Ахматовой (Л., 1979 г.). Там есть строки на 1 января 1913 года. Вот они:

Все мы бражники здесь, блудницы, Как невесело вместе нам!

Такова самоаттестация Анны Андреевны. А. А. Жданов прекрасно знал поэзию и "золотого" века и "серебряного", но предпочитал первую: Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, А. К. Толстого».

Я отнюдь не сомневался в знании секретарем ЦК КПСС А. А. Ждановым литературы «серебряного» и «золотого» веков и, пожалуй, вслед за ним предпочитал последний. Однако образованность, литературная эрудиция никак не связаны с обличительным партийным пафосом, который охватывал «вождя ленинградских большевиков», когда он имел дело с врагом на идеологическом фронте. В данном случае в этой роли — М. Зощенко и А. Ахматова.

Кстати, о «серебряном» веке литературы. Относился для А. А. Жданова к этой замечательной эпохе поэт-сатирик Саша Черный? Я думаю, что уважаемый Юрий Андреевич мог бы открыть книгу Саши Черного «Стихотворения», вышедшую в «Библиотеке поэта» и основанную М. Горьким. Цитирую эпиграф к этой книге. Критику:

Когда поэт, описывая даму,
Начнет: «Я шла по улице. В бока впился корсет», —
Здесь «я» не понимай, конечно, прямо —
Что, мол, под дамою скрывается поэт.
Я истину тебе по-дружески открою:
Поэт — мужчина, даже с бородою.

Может быть, эти строчки открыли бы Ю. А. Жданову тайну самообвинений А. Ахматовой, которая якобы относила себя к разряду «блудниц». Впрочем, там есть и самоаттестация поэтессы как «бражницы». Все-таки хорошо, что высокое партийное лицо не заклеймило Анну Ахматову как запойную пьяницу.

Еще раз повторю, будем осторожны и критичны, когда мы встречаемся с самооценкой творческой личности.

Надо сказать, что А. А. Жданов следовал примеру Сталина, который оценил одно из произведений великого Шостаковича с большевистской прямотой: «сумбур вместо музыки» — с последующими «оргвыводами». Между прочим, Сталин и литературоведение не обделил вниманием. По поводу милой сказки Максима Горького «Девушка и смерть» он изрек, что эта штука «сильнее, чем "Фауст" Гете». Этим он поставил в тупик специалистов по мировой литературе и философии, исписавших десятки томов, посвященных творчеству великого немецкого мыслителя.

---

[1] Ю. А. Жданов имеет в виду мою книгу «Откровенно говоря», 1996 г. — *А. П.*

Однако «обида», нанесенная Иоганну Вольфгангу Гете, была не такой уж бедой для ученых. Для филологии возникла куда более грозная опасность. В своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» Сталин объявил, что современный русский язык восходит корнями к курско-орловскому диалекту. Хотя это и было, с точки зрения лингвистики, откровенной ахинеей, но с этим приходилось считаться. Возникла дилемма: либо ломать русскую филологию, подгоняя ее под сталинские формулировки, либо возражать — при полном понимании, к каким драматическим последствиям приведет подобная дискуссия. Положение казалось безвыходным. Никто не решался на опровержение. И все-таки такой человек нашелся — языковед Г. Г. Санжеев. Он написал письмо Сталину, где заметил, что в гениальный труд вождя вкралась маленькая, вовсе незначительная неточность, связанная с местом курско-орловского диалекта в истории русского языка. Крупнейшие филологи, и среди них академик В. В. Виноградов, с замиранием сердца ждали, чем окончится эта смертельно опасная затея. Редчайший случай — критика утверждений вождя сошла Санжееву с рук. Фельдъегерь доставил ему письмо, в котором Хозяин начертал всего одну строчку: «Благодарю за исторический комментарий».

Хрущев сурово воспитывал художников и поэтов, искореняя «абстракционизм» и «формализм».

По стопам упомянутых «вождей» советского народа пошли новые руководители. Последовал этому примеру и секретарь ЦК Г. М. Маленков.

С высокой партийной трибуны он дал определение социалистического реализма, подчеркнув, что для него характерна, помимо правдивости изображения, верность передачи «типичных характеров в типичных обстоятельствах».

Предложенное Маленковым понимание соцреализма стали немедленно провозглашать как капитальный вклад марксизма-ленинизма в литературоведение, как творческое развитие марксизма и т. д. Забвение этого «вклада» случилось позднее, и о нем, как я предполагаю, знают сейчас немногие. Хотя, очевидно, Е. Б. Тагер во время того памятного разговора со мной не мог не предполагать, что рано или поздно правда выйдет наружу.

Как не быть скандалу с последующим забвением всего, что с ним было связано, если через некоторое время вдруг выяснилось, что тогда на съезде «творческое развитие марксизма» в литературоведении осуществил не товарищ Г. М. Маленков, а «враг народа» троцкист Дмитрий Мирский. Троцкистская вылазка секретаря ЦК?!

Для того чтобы дать необходимые пояснения, надо, во-первых, сказать о некоторых особенностях пользования книжными фондами библиотек в давние годы, а во-вторых, «реабилитировать» «верного ленинца» Г. М. Маленкова.

Дж. Оруэлл в своей антиутопии «1984» писал о том, что в тоталитарном государстве, где функционировали Министерство правды и Министерство любви, с предусмотренной периодичностью во всех библиотеках содержание решительно всех книг изменялось в соответствии с политической конъюнктурой текущего момента. В СССР таких фантастических возможностей, конечно, не было. Поэтому в обыкновенных библиотеках сборники и книги, написанные не теми авторами, не о том, что надо, и не так, как надо, попросту сжигались или перерабатывались с целью производства заведомо идеологически чистого картона. Иное дело

государственные библиотеки, «Ленинская» в Москве, имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Там они попадали в «библиотечный ГУЛАГ» — спецхран, о чем уже было мною сказано.

По-видимому, в каких-то закрытых хранилищах спичрайтеры Маленкова откопали работу крупного литературоведа Д. Мирского, к тому времени репрессированного как «троцкист». (Мирский был сыном князя П. Святополка-Мирского. Вернулся в СССР из эмиграции лишь в 1932 году и был заведомо обречен.) Скорее всего, упомянутые формулировки были списаны у него. Видимо, были уверены, что до этого источника никто уже не доберется. Если же он имеется у кого-то дома, то владелец никогда не признается, что хранит «троцкистскую» литературу.

И все было бы хорошо, и все бы было тихо, если бы не «безобразно непредусмотрительное» отношение отдела агитации и пропаганды к хранению энциклопедических изданий. Все они оставались на библиотечных полках. Каждый мог, к примеру, прочитать в первом издании БСЭ статью о наркоме просвещения А. Бубнове, фельдфебеле, которого партия сдала в «Вольтеры» народному образованию. И портрет его в этом томе можно было увидеть с четырьмя ромбами в петлице (по-нынешнему — генерал армии). И статья и портрет! А сам Бубнов был в 1938 году расстрелян как «враг народа».

Я позволю себе все-таки высказать гипотезу о том, из каких источников извлечена выдержка из работы Д. П. Мирского, трактующая проблемы социалистического реализма и затем пересаженная в доклад Маленкова. Дело в том, что непонятно по какой причине в первом издании Литературной энциклопедии отсутствует X том. Сразу же за IX идет XI. Мне удалось выяснить, что верстка X тома хранится в Государственном литературном музее. Именно в этом X томе должна была быть статья Д. П. Мирского «Социалистический реализм». Я дозвонился до Литературного музея и от главного хранителя узнал, что верстка X тома действительно была некогда в фондах музея, но по невыясненным причинам оттуда исчезла. Еще мне сказали, что другой экземпляр этой верстки, как им известно, хранился у Евдокии Федоровны Никитиной, хозяйки знаменитых литературных «никитинских субботников». Однако и оттуда верстка X тома столь же загадочно пропала. Одним словом, кто-то (а кто — можно догадаться) позаботился о том, чтобы никаких следов не осталось. Но вот что не было учтено: в IX томе Литературной энциклопедии, который, как уже было сказано, стоял на полках всех библиотек, а также и у меня дома, содержалась статья того же Д. П. Мирского «Реализм», где на с. 550–551 можно было прочитать аналог «творческих открытий» Маленкова в области марксистского литературоведения. Насколько мне известно, наружу эта история не выплыла. Только втихую посмеивались специалисты и злорадствовали партфункционеры: хорошо подставили шефа!

Однако вскоре двое заведующих отделами в ЦК партии были удалены из аппарата. Один «падший ангел» оказался в Горьковском обкоме партии, другой — в Ростовском. Мне говорили, что якобы они подсунули Маленкову этот «компрометирующий» текст. Впрочем, могли быть и другие, более серьезные причины для отставки.

О ком же идет речь? Человек, которому я мог доверять, называл два имени: Дмитрий Иванович Чесноков и Юрий Андреевич Жданов.

С первым у меня было «шапочное» знакомство. На рубеже 40-х и 50-х годов я неоднократно печатался в журнале «Вопросы философии», где он был главным редактором. Помню холеное, мясистое, с пористой кожей лицо, мягкую, какую-то неживую ладонь. Он даже не пытался изобразить рукопожатия. Потом видел, как он, став неожиданно для всех членом Президиума ЦК, подъезжал к дому на Волхонке, где находилась редакция журнала. Величественно выходил из машины, оснащенной атрибутами его высочайшего статуса — центральной противотуманной фарой и серебряными дудками клаксона, называемого в народе «кукушкой», и, ни на кого не глядя и ни с кем не здороваясь, шествовал к подъезду.

Мне говорили — хотя это нуждается в проверке, — что ему было поручено идеологическое обоснование одной из последних репрессивных акций или, как сейчас бы сказали, этнических чисток, которую задумал Сталин и которая не состоялась ввиду смерти ее инициатора на кунцевской даче в марте 1953 года.

О знакомстве с Юрием Ждановым я уже писал. Разумеется, я не спрашивал его о таких деликатных обстоятельствах, как причины его перебазирования сорок с лишним лет тому назад на берега Тихого Дона.

Примечательно, что в большом письме, фрагмент из которого был приведен выше, историю о социалистическом реализме Юрий Андреевич не подтверждал и не опровергал, хотя письмо было весьма длинным и затрагивало многие вопросы (к примеру, соотношение субъективного и объективного и др.). Однако сожалею, что не позволил себе выяснить то, что мне, историку российской науки, было особенно интересно.

На этом можно закончить рассказ о мине, заложенной в IX томе Литературной энциклопедии и от взрыва которой, быть может, кто-то из влиятельных и сильных мира сего пострадал. Скажу только, что страницы первого издания ЛЭ пестрят именами огромного количества репрессированных писателей. Недаром же ее издание было оборвано на XI томе, где печатались статьи, начинавшиеся на букву «Ф».

Своего рода эпилогом к этой истории может послужить разговор с моим старым другом патентоведом Р. М. Вербуком, жителем Харькова. После того как я рассказал ему об исчезнувшем томе ЛЭ, он вспомнил один эпизод из давнего прошлого.

В дни безденежья он решил продать некоторую часть своей библиотеки и, связав стопку томов старой Литературной энциклопедии, понес это в букинистический магазин, помещавшийся на углу Пушкинской улицы, недалеко от его дома.

Старый букинист, переняньчив в руках каждый том, сказал ему:

— Ну, что я вам, молодой человек, могу дать за эти книги? По трешке за том? Тридцатку, не более. Вот если бы вы мне принесли десятый том! Вот тогда бы вы получили за это...

Он не стал продолжать, а поставил указательный палец над большим, показал моему другу, какая толстая пачка денег была бы предложена в этом случае.

По всей вероятности, ни букинист, ни неудачливый клиент не знали ничего о судьбе столь редкостной книги. Пришлось моему другу завязать снова стопку энциклопедических томов и отнести ее домой.

3. Идеологически выдержанная панихида

Это солнечное сентябрьское утро не предвещало никаких особенных событий. Ни «больших хлопот», ни «дальней дороги». Рабочий день, как всегда. Уже в полдень я сидел в аудитории кафедры психологии Московского государственного педагогического института, которой я тогда заведовал, и принимал экзамены у аспирантов. Но тут меня позвали в деканат к телефону. Звонил Президент АПН СССР академик Хвостов. Он сказал: «Артур Владимирович, мы направляем вас в командировку в Кировоград. Как вам уже, вероятно, известно, умер член-корреспондент нашей Академии Василий Александрович Сухомлинский. Президиум поручает вам представлять Академию на его похоронах».

О кончине Сухомлинского я знал. Однако мне было непонятно, почему на его похороны командируют именно меня, академика-секретаря Отделения психологии и возрастной физиологии. В моем Отделении он не состоял и, по всей очевидности, представлять Академию должен был кто-то другой, например вице-президент, главный ученый секретарь, и уж, конечно, в первую очередь, академик-секретарь его Отделения. Я спросил об этом у Хвостова. Он несколько раздраженно повторил: «Вас, именно вас, командирует Академия!» И, не пускаясь в дальнейшие объяснения, перешел к делу: «Сейчас за вами вышлют машину. Она предварительно заедет к вам домой, за вещами, необходимыми в дороге. На аэродроме вас встретят с билетами и командировочным удостоверением».

«Очень странно», — подумал я. Никогда еще Президент не разговаривал со мной столь директивно. Да и мотивы моего командирования остались для меня неизвестны. Я передал аспирантов доценту кафедры и стал собираться. Однако меня снова пригласили к телефону. «У меня к вам просьба, — голос Хвостова и его интонации говорили о том, что это была не просьба, а приказ. — Вам, вероятно, предстоит выступить на гражданской панихиде. Так вот, мы просим вас при этих обстоятельствах говорить о Сухомлинском, как о прекрасном учителе, опытном директоре школы, защитнике Родины в годы Великой Отечественной войны, наконец, о хорошем семьянине, но ни в коем случае не говорить о нем, как о теоретике педагогики и авторе книг по воспитанию».

С таким напутствием я полетел в Кировоград. В самолете у меня было время для размышления. Мне думается, я и тогда уже осмыслил причины странных предупреждений моего высокого начальства.

Дело в том, что Василий Александрович Сухомлинский для АПН тех лет, и особенно для сектора школ ЦК партии, был изгоем, отщепенцем и едва ли не врагом советской школы и системы коммунистического воспитания. Я вспомнил, как на одном из больших совещаний неожиданно поднялся на трибуну инструктор ЦК Абакумов и предупредил заведующих кафедрами педагогики о нежелательности использования трудов Сухомлинского при работе со студентами. Сам факт появления сотрудника ЦК на трибуне не мог не вызвать удивления — эта категория аппаратных работников, как правило, не позволяла себе публичных выступлений и заявлений. Значит, были какие-то чрезвычайные обстоятельства, вынуждающие нарушить это неписаное правило и традиции.

Я, конечно, знал, что Сухомлинский подвергался жестокой критике в печати за «абстрактный гуманизм», «проповедь доброты», «ориентацию на общечеловеческие, а не классовые ценности». Не только у меня, но и у многих на памяти была статья в «Учительской газете», подписанная тремя педагогами-теоретиками, «Нужна борьба, а не проповедь». Это был в полном смысле слова артиллерийский выстрел по Сухомлинскому. В чем только он не обвинялся авторами, какими эпитетами не награждался, какие только ярлыки к нему не приклеивались! Мне рассказывал академик Э. И. Моносзон, что он был свидетелем одной примечательной сцены. Сухомлинский в перерыве какого-то педагогического сборища в Центральном доме пионеров, заложив руку на спину, прохаживался по коридору. К нему подошел один из участников совещания и, поздоровавшись, сказал: «Я давно хотел с вами познакомиться». Подошедший представился. Услышав хорошо знакомую фамилию одного из авторов зубодробительной статьи в «Учительской газете», Сухомлинский быстро убрал за спину уже протянутую для рукопожатия руку, круто развернулся и, не говоря ни слова, зашагал по коридору.

Однако тогда в самолете, я не мог до конца осознать всю глубину трагедии замечательного педагога, чьи воззрения и работы пришли в противоречие с господствующей идеологией и ее отражением в педагогике. Уже в наши дни в моем распоряжении оказались архивные документы, которые проясняют многое из того, что происходило вокруг Сухомлинского и в его душе. Вот передо мной эти материалы:

«Демократизм, несовместимый с “безоговорочным подчинением” – таков идеал В. А. Сухомлинского...»

«У В. А. Сухомлинского культивирование “свободы личности” заслоняет все остальные воспитательные задачи...»

«Немарксистская трактовка принципа свободы личности приводит В. А. Сухомлинского к глубокому искажению целей коммунистического воспитания...»

«Нравственному кодексу строителя коммунизма, являющемуся, как известно, программой личности советского человека, В. А. Сухомлинский противопоставляет внеклассовое и внепартийное требование воспитания человечности...»

«Многие высказывания роднят его с идеями современных чехословацких правых...»

Все эти цитаты взяты мною из статьи «О педагогической концепции В. А. Сухомлинского», сохранившейся в архивах Академии.

Не надо быть психологом, чтобы понять, какой тяжелой душевной травмой обернулись эти обвинения для Сухомлинского. Он отнюдь не был сознательным противником марксистской идеологии и коммунистического воспитания. По-видимому, его целью было коммунистическое воспитание «с человеческим лицом» и не более. Но даже такие скромные поправки к господствующей системе взглядов были тогда неприемлемыми. Все написанное о нем имело характер откровенного политического доноса. Не случайно упоминаются события в Чехословакии. Имя возмутителя педагогического спокойствия приплетается к только что завершившемуся разгрому «пражской весны». Как не понять душевное состояние Сухомлинского!

Он писал редактору журнала «Народное образование» А. Е. Бойму:

Александр Евсеевич!

Если бы вы могли сказать этому человеку несколько слов, я бы просил вас сказать, что он провокатор. Никто нигде в газете буржуазной меня не хвалил, они только радовались, что нападают на своего. Это вызывало удивление, изумление и огромную радость. Если бы ему еще раз удалось напасть – сомневаюсь в этом – радовались бы еще больше.

Вы должны понять, что я прежде всего учитель. И если бы вы могли сказать этому негодяю несколько слов, я бы просил сказать следующее: то, что я пишу, рассуждаю, это написано кровью. Пусть он идет на мою работу и потрудится! Он ничего не смыслит в работе! Я не считаю себя ученым – я прежде всего учитель. За что он меня ненавидит? Не ему учить меня быть патриотом.

Когда в 1942 году я был тяжело ранен на фронте, фашисты повесили, выкололи глаза моей жене, а родившегося в застенке ребенка убили, как щенка, ударом головы о каменную стену и выбросили – выбросили тельце моего сына на свалку, где он лежал три дня. Вот об этом расскажите ему, пусть прочитает об этом в послесловии к немецкому изданию книги «Сердце отдаю детям». Пусть узнает, как хвалили меня за эту книгу в ФРГ. Эта книга – удар по фашизму! Может быть, в моем сердце и живет такая глубокая любовь к детям, что я все пережил, что мою жену, 22-летнюю Веру за распространение антифашистских листовок несколько суток истязали, мучили, что она в застенке родила сына, ей выкололи глаза и повесили... Это и сейчас у меня в душе, это и сейчас на моих глазах. Если бы я встретился с ним где-нибудь, я бы ему прямо сказал: провокатор. Так только делают провокаторы, стремящиеся вывести из строя того, кого им надо вывести. Ведь если я не выдержу и погибну, то убийцей будет он, провокатор.

Ваш В. Сухомлинский

Это письмо написано 15 декабря 1969 года. В сентябре 70-го не стало Сухомлинского. Выводы из сопоставления этих двух дат может сделать каждый...

Страшное обвинение. Он убийца. О ком писал Сухомлинский? Имени он не назвал. Сделать это не имею права и я, хотя и знаю этого человека, даже с ним знаком. Во избежание недоразумений хочу подчеркнуть, что эти страшные обвинения в данном случае не относятся ни к одному из трех авторов некогда нашумевшей статьи в «Учительской газете», о которой я уже упоминал.

Кстати, не могу не сказать о парадоксальном повороте, который совершил один из этой троицы — мой ныне покойный коллега Борис Тимофеевич Лихачев. В конце 60-х он с полным правом мог сказать словами старой песни: «...И вся-то наша жизнь есть борьба, борьба!» Идеологическая, конечно. Где уж тут проповедовать! Недавно мне попала в руки сама по себе интересная книга Бориса Тимофеевича «Философия воспитания». Вот уж где у автора обнаружился талант проповедника! Правда, эта «проповедь» имела религиозно-мистическую подкладку. Был бы жив Василий Александрович и случись ему прочитать эту монографию — как бы он удивился.

Сухомлинского обвиняли в «абстрактном гуманизме». Но его гуманизм был вполне конкретен. Это был столь же конкретный гуманистический подход к проблемам воспитания, как у Я. Корчака, Ш. Амонашвили, С. Соловейчика, В. Матвеева и многих других.

Самолет подлетал к Кировограду. После всех раздумий мне было ясно, что моя командировка на похороны Василия Александровича была последней поще-

чиной, которую должен был получить уже мертвый выдающийся педагог. «Пусть едет психолог», — очевидно, рассуждали на Старой площади. «Мы этим самым подчеркиваем, что педагогика не признает “абстрактного гуманиста” и не горюет по нему, а психологу мы запретим говорить о нем, как о теоретике воспитания гражданина». Таким образом, формально Академия как бы участвовала в последнем прощании, но уровень ее представительства был сознательно снижен.

Из Кировограда в Павлыш, где находилась школа Сухомлинского, я ехал в одной машине с заместителем министра просвещения Украины Алексюком. Присутствия на похоронах представителя научно-педагогической мысли Украины явно не предполагалось.

Мы шли за гробом по деревенской улице, на которой пушистым ковром лежали цветы. Впереди процессии школьники несли их целые охапки и щедро бросали под ноги идущим. Рядом со мной молодая женщина, очевидно учительница, спросила меня: «Скажите, пожалуйста, как относятся в Академии к Василию Александровичу?». Я покривил душой: «Как относятся? Ну конечно, прекрасно относятся. Как может быть иначе!»

Моя спутница вздохнула: «Очень хорошо! А то такое пишут... Василию Александровичу это так больно!» Она говорила о нем, как о живом и, по-моему, не очень-то мне поверила.

Должен сказать, когда я произносил слово над гробом Сухомлинского и видел осененное прикосновением смерти его спокойное лицо, то менее всего думал о наставлениях, полученных от Президента Академии. Я говорил о нем, как о великом педагоге, гуманисте — учителе учителей. Могло ли быть иначе...

6. Психология анекдота в исторической и виртуальной реальности

Значение слов из века в век изменяется. Этот факт филологи давным-давно описали. Подверглось трансформации и слово «анекдот». Достаточно многозначное в прошлом, оно утеряло одно из своих важнейших значений. Произошло это сравнительно недавно, и даже можно более точно указать соответствующий интервал времени. Словарь иностранных слов, вышедший в 1949 году, указывает лишь одно значение этого слова — шутка, вымышленная история. В словаре иностранных слов, который был издан в 1912 году под редакцией выдающегося лингвиста Бодуэна де Куртенэ, приводятся и другие трактовки этого термина — действительно произошедший случай, краткий рассказ о нем. Таким образом, нельзя обойти молчанием зафиксированное Иваном Александровичем Бодуэном де Куртенэ и другое значение. Именно оно и было связано на протяжении столетий с этим пониманием анекдота.

Итак, на равных правах с анекдотом бытовым находится исторический анекдот. Обратимся к А. С. Пушкину. Многие историки, да и не только они, с большим интересом относятся к личности автора весьма фривольных «шутливых од» — Ивану Баркову. Не случайно А. С. Пушкин включил в число записанных им «застольных бесед» вот такой исторический анекдот: «Никто не умел сердить

Сумарокова, как Барков. Сумароков очень уважал Баркова как ученого и острого критика и всегда требовал его мнения касательно своих сочинений. Барков, который обыкновенно его не баловал, пришел однажды к Сумарокову: "Сумароков — великий человек, Сумароков — первый русский стихотворец!" — сказал он ему. Обрадованный Сумароков велел тотчас подать ему водки, а Баркову только того и хотелось. Он напился пьян. Выходя, сказал он ему: "Александр Петрович, я тебе солгал: первый-то русский стихотворец — я, второй — Ломоносов, а ты — только третий". Сумароков его чуть не зарезал».

Обязательные условия эффективности исторического анекдота — общеизвестность имени и деяний его основных персонажей. История сама по себе определяет его место на своих страницах, а тот, кто рассказывает анекдот, лишь добавляет нечто, вносящее в облик его героя некоторые новые, иногда парадоксальные черты и приметы.

Одно из самых распространенных недоумений — кто выдумывает анекдоты, кто их автор? Это, вероятно, величайшая загадка, которую не может разрешить никто и на которую не бывает ответа. В разное время выдвигались различные предположения, но все они никогда не получали серьезного подтверждения. Так, в первой половине 30-х годов уверяли, что автором политических анекдотов является видный партийный деятель Карл Радек. Однако после того, как он исчез «без права переписки», ручеек опасных анекдотов отнюдь не иссяк. Нельзя же было предположить, что он сообщал их из Магадана по телефону своим знакомым.

Анекдотов о Вожде народов в период его правления фактически не было. Он явно не мог вызвать у кого-либо охоты шутить и что-либо по его поводу выдумывать.

Однако анекдоты, где Хозяин фигурировал, уже начинали зарождаться. Как правило, они его показывали в выгодном свете, и нельзя сказать, что случаи из его жизни были выдуманы. В конце концов, к разным людям в разное время этот человек мог повернуться «казовой» стороной. Психологический эффект данных рассказов невероятно усиливался в связи с тем рабским почтением, которое вызывали другие стороны его личности.

К середине 50-х подобные анекдоты, в которых фигурировали Сталин, Молотов и другие государственные деятели, стали «общедоступными». Мой друг, хорошо знакомый с нашей великой киноактрисой Любовью Орловой, профессор Лев Борисович Ительсон, рассказывал мне, с ее слов, об истории, относящейся к периоду борьбы с «безродным космополитизмом». Именно тогда был убит Михоэлс, раскручивалось «дело врачей-убийц», якобы замышлявших отравление членов Политбюро. Шла борьба с так называемыми «критиками-антипатриотами», пышным цветом расцветал государственный антисемитизм. И тем не менее...

Сталин любил устраивать вечера у себя на даче, куда иногда приглашал артистов и музыкантов. В их числе бывал там, и не один раз, певец, солист Большого театра Марк Рейзен. Однако в это время артисту не везло: руководство театра искало возможность удалить его из состава труппы, как «безродного космополита». Наконец, директор театра объявил ему об увольнении. И надо было так случиться, что именно в этот день на квартиру певца позвонили из Кремля:

— Марк Осипович? Здравствуйте. — Рейзен узнал голос Поскребышева, помощника Сталина. — Товарищ Сталин ждет вас сегодня вечером на даче к 10 часам.

— К сожалению, я не могу приехать.

— В чем дело? Вы больны?

— Нет, но у меня неприятности на работе. Я боюсь, что сегодня вечером я буду не в лучшей форме.

Трубка замолкла, видимо, на другом ее конце шли какие-то переговоры, затем вновь заговорил секретарь Вождя и, уже не задавая никаких вопросов и не выслушивая никаких возражений, сообщил, что машина будет послана к 9 часам вечера.

Рейзен вошел в кабинет Сталина, освещенный лишь настольной лампой, хозяин усадил его в глубокое кресло. Наконец глаза артиста адаптировались к темноте, и он увидел, что у стены стоит директор Большого театра и провожает глазами Сталина, который, покуривая трубку, расхаживает по комнате. Некоторое время длилось молчание. Потом Сталин подошел к креслу, где сидел гость и, указав на него директору трубкой, спросил:

— Скажите, пожалуйста, кто это такой?

Испуганный голос директора:

— Это Марк Осипович Рейзен.

— Неверно! Это солист Государственного ордена Ленина академического Большого театра, народный артист Республики — Марк Осипович Рейзен. Повторите!

Прерывистым голосом директор, как автомат, произнес титулы артиста. Опять хождение по кабинету, и опять вопрос:

— Скажите, пожалуйста, а вы кто такой?

— Я директор Государственного ордена Ленина академического Большого театра, такой-то.

— Неверно! Вы г...о! Повторите!

— Я г...о.

— Вот теперь верно, идите! — Директор буквально выполз из кабинета. Хозяин подошел к Рейзену и спросил:

— Марк Осипович, теперь вы довольны? Ну, тогда пойдемте ужинать.

«Суаре интим», который задумал вождь, не мог ничем и никем быть испорчен...

Впрочем, то, о чем шла речь выше, к жанру исторического анекдота не могло быть отнесено без соответствующих оговорок. Все-таки сообщено это мне было конфиденциально. Между тем, в ходу были достаточно краткие исторические анекдоты, хотя за подлинность того, что в них содержалось, я не ручаюсь. К примеру, рассказывалось, что некий генерал-майор после окончания войны пытался вывезти из Германии чуть ли не вагон «трофейного» имущества. Соответствующие «службы» его задержали. Он послал Сталину жалобу на «произвол». На заявление генерала Хозяин наложил резолюцию: «Разрешить полковнику такому-то (засим следовала генеральская фамилия) вывезти указанное имущество по месту жительства».

Очень боюсь, рассказывая исторические анекдоты, оказаться невольным плагиатором. Вполне возможно, что уже повествовалось о тех событиях и людях, которые могут мною быть упомянуты.

Вероятно, надо в таких случаях профилактически каяться и не настаивать на приоритете первооткрывателя. Да и как могло быть иначе, — уж слишком громкие имена в такого рода анекдотах фигурируют. К их делам и личным качествам многие годы было приковано всеобщее внимание. После такой подстраховочной тирады я рискну пойти на пересказ еще одной истории, имеющей характер анекдота.

Известный историк, академик с 1927 года, Евгений Викторович Тарле в начале 30-х годов привлекался по делу так называемой «Промпартии». Дело это было полностью сфабриковано ОГПУ, однако многие из членов этой псевдоорганизации были репрессированы. Мне рассказывали, что в списке членов «теневого правительства» в качестве министра иностранных дел фигурировал Е. В. Тарле. Надо думать, что «список» этот был, по всей вероятности, составлен в одном из кабинетов здания на Лубянской площади.

Однако ученому повезло — его не посадили, но дали понять, что ему следует забыть о своих высоких званиях и активной деятельности. Прошло несколько лет. Евгений Викторович написал книгу «Наполеон» и ему удалось ее каким-то чудом опубликовать. Однажды в его квартиру позвонил правительственный фельдъегерь и передал пакет. В нем содержалась короткая записка Сталина, который одобрял книгу и вместе с тем делал несколько замечаний, что следовало учесть при повторном издании. Между тем, главным для получателя этой записки, как мне говорили, было другое — на конверте рукой Хозяина написано: «Академику Е. В. Тарле». Ученый якобы немедленно отправился в Президиум АН СССР.

Попал на прием к президенту и, показав ему конверт, принес извинения, что он так долго не принимал участия в работе Академии. Никаких объяснений больше не требовалось. «Бывший» академик Тарле вновь стал академиком Тарле.

А теперь об анекдотах бытовых. Анекдот — это форма отношения к некоторым фактам и событиям, которые, если речь идет о бытовых анекдотах, развертываются в виртуальной реальности. Обычно за подобными анекдотами нет подлинных событий, как это мы могли видеть в историческом анекдоте, о котором шла речь выше. Но, тем не менее, они несут на себе отпечаток мыслей и чувств, волнующих людей, которые могут получить выражение в смеховой культуре общества.

Мне довелось, или, скорее, посчастливилось два-три раза разговаривать с нашим замечательным артистом Ю. В. Никулиным. Он, как известно, коллекционировал анекдоты, этим был славен, хотя общение с ним изначально ни в коей мере не предполагало обращения к этой тематике. Мы оба были доверенными лицами Бориса Николаевича Ельцина на выборах президента в 1996 году. В телефонном разговоре возникла тема анекдота. Я имел смелость, а может быть и нахальство, предложить Никулину совместно написать книгу «Социальная психология анекдота». Замысел был примерно таков: каждая эпоха, каждый период нашей жизни, каждое десятилетие или двадцатилетие знают определенное количество анекдотов, которые наиболее полно их отображают. Поэтому я предложил построить матрицу, где в строчках были бы годы нашей истории, а в столбцах — различные темы, затронутые в тех или иных анекдотах. Темы самые разнообразные: так называемые детские анекдоты; анекдоты, связанные с сексуальной жизнью; политические; обращенные к национальным особенностям и т. д. Таким образом, в этой

решетке можно было поместить характерные анекдоты, которые передают специфику времени.

Юрий Владимирович выслушал меня с некоторым интересом, потом сказал, что, вообще-то говоря, в социальной психологии он не очень-то смыслит, хотя идея ему кажется достаточно занимательной, но хватит ли у него и у меня времени для написания такой книги? Разговор, собственно, на этом кончился, и мы перешли к первоочередным делам. Книга так и не была написана. Никулин вскоре умер. Тем не менее, анекдоты, отражающие исторические эпохи, но, повторяю, не в действительных событиях, а в виртуальной реальности, я попытаюсь воспроизвести, конечно, в высшей степени отрывочно, в этих записках.

Знаменитая реплика в «Ревизоре» «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!», конечно, могла бы быть лейтмотивом этого рассказа, но иногда важно понять, что чувство юмора только тогда может быть полноценным, когда человек способен смеяться не только над другими, но и над самим собой. Между тем, все, что случалось в истории нашей страны — это то, что происходило с нами. Если мы над чем-нибудь смеемся — кто бы ни был персонажем анекдота — мы смеемся над собой, поскольку именно мы породили ту ситуацию, которая могла стать анекдотичной. Итак, попробуем привести в хронологической последовательности хотя бы два-три примера подобного рода «веселых» рассказов.

Двадцатые годы. Провинциал приезжает в Москву. Его друг-москвич показывает ему столичные достопримечательности.

— Это Большой театр.

— А что там делают?

— Там поют.

— А это что такое?

— Это Исторический музей.

— А что там?

— А там собраны разные древности, очень ценные, очень интересные.

— Понятно. А это что такое?

— А это Кремль.

— А там что?

— Там живут Ленин, Троцкий и другие вожди.

— А почему такие стены высокие?

— Чтобы бандиты не перелезли.

— Оттуда?!

Так ли уж нелеп этот анекдот? Обыватель весьма и весьма настороженно относился к советской власти и ее руководителям с момента ее прихода. События «военного коммунизма», продразверстка, репрессии, начинавшие уже тогда набирать силу, — все это вызывало определенное, а иногда и значительное недоверие к руководству государства, что в анекдоте точно подмечено. Все это очень сложно сочеталось с харизмой «вождей», бесспорной для другой части населения, охваченной «революционным энтузиазмом».

Тридцатые годы. Одна за другой наплывают на советскую страну волны репрессий. Никто из ее граждан не чувствует себя гарантированным от того, что «карающий меч» не падет на его голову, ни в чем, впрочем, не повинную. Это тоже получает отражение в анекдотах весьма мрачного свойства.

Большая коммунальная квартира. Три часа ночи. В дверь раздается резкий звонок. Никто не решается высунуться из своих комнат. У всех один вопрос: «За кем из нас пришло НКВД?» Наконец, самый смелый идет и открывает дверь. Потом поворачивается к выглядывающим из своих комнат соседям и радостно кричит: «Граждане, граждане, все в порядке! Просто у нас в доме пожар!»

* * *

Вторая половина 90-х годов. Время тяжелых материальных потерь, проблемы с получением вовремя зарплат, шахтерские забастовки. Общее ощущение нестабильности.

Мама будит утром Вовочку:

— Вставай, уже поздно, ты опоздаешь в школу!

— Не хочу! Не пойду! Не встану!

— Вовочка, еще раз тебе говорю, вставай, опоздаешь!

— Не пойду, там холодно, батареи не работают, учителя все злые — им уже четыре месяца зарплату не платят. Не пойду!

— Вовочка, вставай! Ты уже большой — тебе сорок лет, ты же директор школы!

Позволю себе примечание. Этот анекдот мне рассказал тогдашний министр общего и профессионального образования Российской Федерации Владимир Георгиевич Кинелев. Он эту ситуацию в школе знал прекрасно.

Считаю, что самый великий психолог всех времен — это народ. Он подмечает слабые стороны, смешное в том, что происходит вокруг, обрабатывает это и выдает законченные суждения, которые не имеют характера научных дефиниций, а в форме анекдота отображают историческую реальность, пусть в виртуальном ее варианте. Так или иначе, но анекдот исторический и анекдот бытовой являются психологическим эквивалентом жизни, сохраненным в смеховой культуре общества.

Кстати, можно ответить и на вопрос: «Кто же придумывает анекдоты? Кто их автор?» Еще раз повторю. Да кто же иной, как не народ?! Кто как не он!

7. Новая версия сказки о голом короле с драматической предысторией

Чеченские события 1994–1996 годов, отозвавшиеся болью в душе народа, для меня имели глубоко личное значение. Так иногда бывает, в судьбе одного человека оказывается сфокусирована, обобщена и персонифицирована историческая реальность.

С профессором Виктором Абрамовичем Кан-Каликом я познакомился лет 25 назад. Встречались мы с ним в Москве, Дербенте, Ростове. Вместе с ним ездили

в Дагестан, участвовали в конференциях, совещаниях. Он принадлежал к числу немногих теоретиков педагогики — отрасли науки, не перенасыщенной талантами. Давний житель Северного Кавказа, он знал там всех, и все знали его.

Приезжая в Москву, он бывал у меня дома, с огорчением говорил о том, что ситуация в Чечено-Ингушетии осложняется все более и более, что жить там становится опасно — могут произойти события непоправимые и страшные. Виктор Абрамович рассказывал о митингах, на которых звучали антирусские призывы и лозунги. По его словам, особенно усердствовали наезжавшие из Прибалтики эмиссары: «Чеченцы, ингуши! Где ваши кинжалы?! Чего вы ждете?! Вспомните о Шамиле!» Толпа одобрительно гудела.

Все это было фоном, на котором разворачивалась активная организаторская работа моего друга. Дело в том, что Кан-Калик неожиданно для всех был назначен ректором Чечено-Ингушского университета в Грозном. Гадали о причинах выдвижения его на столь высокую должность. По всей вероятности, это было связано с межнациональными отношениями в республике. Предполагали, что чеченцы не хотели видеть в ректорском кресле ингуша, а ингуши — чеченца. Предпочтительнее оказался горский еврей. Вряд ли тогда, в 1990 году, Виктор Абрамович мог предположить, что кабинет ректора ненадолго сохранится маленьким академическим островком в бушующем море страстей, сотрясающих этот горный край. Он рассказывал, что в первые дни его ректорства к нему пришел один из деканов, поздравил его с назначением, сказал много лестных слов и любезно заключил:

— Мы вас будем поддерживать. Обязательно будем поддерживать.

— Большое спасибо! Мне без этого действительно будет трудно работать.

— Да, да, мы вас, повторяю, будем поддерживать.

— Ну, разумеется, у меня нет опыта руководящей работы. Без помощи со стороны ученого совета, профессоров мне не справиться.

— Виктор Абрамович! Вы меня не поняли. Мы будем вас поддерживать каждый месяц!

Ректору стало ясно, о какой ежемесячной поддержке идет речь, и хотя сумма «поддержки» не была названа, он понимал, что «помощь» будет весьма солидной. Доброхота пришлось выставить из кабинета и задуматься о том, к чему приведет вежливый отказ от предложенного «вспомоществования». Начались неприятности. Новый ректор ввел жесткую систему контроля над объективностью оценок на вступительных экзаменах. Это не понравилось многим. Значительное число абитуриентов знало, сколько стоит поступление на тот или иной факультет университета, существовала негласная «квота» — в зависимости от ранга преподавателя или администратора ему полагалось дать возможность принять в вуз без «лишних ненужных формальностей» закрепленное за ним количество студентов. «Формальности», которые были узаконены новым ректором, разрушали эту хорошо налаженную систему, и, в сущности, уже тогда он был обречен.

Вскоре была предпринята попытка подбросить в его кабинет пачку денег. Кан-Калик был настороже и пресек поползновения обвинить его в получении взятки.

Тогда озлобленные доброхоты зашли с другого конца. В газете «Советская культура» появилась статья собкора, в которой ректор обвинялся во множестве грехов, в частности в разжигании национальной розни. Обвинения были необоснованными и бессмысленными. Не считая возможным молчать, я написал ответ-

ную статью. И послал ее в ту же газету. Однако этот материал не был опубликован. Впрочем, ректора с работы не сняли, и, таким образом, атака не принесла победы ее организаторам. Выстрел собкора оказался холостым.

Далее произошло уже вовсе невероятное событие. Не попавший в цель корреспондент подстерег на улице жену Кан-Калика, как она рассказывает, и попросил (а может быть, потребовал — я точно не знаю), чтобы ее муж заплатил ему крупную сумму. «За что? — поразилась женщина. — За ту клевету, которую вы написали?». Тогда корреспондент объяснил ей, что он твердо обещал тем людям, которые проявили соответствующую заинтересованность, что после его публикации ректора обязательно снимут. И так как этого не произошло, то от него требуют возвращения полученного авансом «гонорара». История более чем удивительная и, пожалуй, не имеющая аналогов. Не могу припомнить, чем завершился этот эпизод, о котором я рассказываю со слов Виктора Абрамовича.

В 1991 году к власти в Грозном пришел перебравшийся из Прибалтики в Чечню генерал Дудаев. Криминальная обстановка в Грозном накалилась до предела. Начался отток русскоязычного населения. Люди бросали квартиры, а иногда и особняки со всем их содержимым и, радуясь, что успели унести ноги, переселялись в соседние области юга России. За ними последовали многие чеченцы, лучше других понимавшие, чем может кончиться это «смутное время». Таким образом, по разным данным из Чечни бежало 500–800 тысяч человек.

Мы договорились с Кан-Каликом о его переезде в Москву и профессуре в Российском открытом университете. Последний телефонный разговор. Он сказал, что через три дня вылетает в столицу для решения задач трудоустройства и жилья. Но события развернулись неожиданно и трагически.

Позвонив жене и предупредив, что он скоро будет и она может разогревать ужин, Кан-Калик вышел вместе с проректором из вестибюля университета. У тротуара стояла чья-то «волга». Когда они поравнялись с машиной, из нее выскочили трое и силой затащили Виктора Абрамовича на заднее сиденье. Проректор, чеченец по национальности, попытался его отбить. Его тело осталось на тротуаре, а машина умчалась. Все это произошло на глазах многих свидетелей.

Потянулись месяцы, а о судьбе похищенного мы ничего не знали. Наши обращения к Дудаеву с просьбой произвести расследование и сделать все, чтобы найти бесследно исчезнувшего ректора, ни к чему не привели. О развязке этой трагедии узнали не скоро...

Где-то неподалеку от Грозного, около селения, пастухи обратили внимание, что коровы отказываются лакомиться сочной травой на небольшой лужайке, упорно ее обходят. Опытные люди, они сразу поняли в чем дело. Были произведены раскопки. Как мне рассказывали, нашли труп зверски изуродованного ректора. О подробностях писать страшно, и страшны эти подробности.

Профессор Кан-Калик много сделал для превращения Чечено-Ингушского университета в сильное и перспективное высшее учебное заведение. Он успел осуществить свою мечту — в университете был создан медицинский факультет, приглашены на работу профессора из Сибири, с Урала и из городов центра России. К счастью, им удалось вовремя уехать из Грозного.

Иногда я думаю: вот кончатся трагические события, на Северном Кавказе будет воссоздан университет, и справедливо, если он получит название «Чеченский

университет имени профессора В. А. Кан-Калика». Может, этого и не произойдет, но мечтать об этом я имею права и основания...

Это было в период избирательной кампании в Парламент... В дверь моей квартиры позвонили. На пороге стояли две женщины. В руках у них были какие-то бумаги.

— Мы собираем подписи для регистрации движения «Выбор России», — пояснили они. — Вы согласитесь дать подпись в пользу этого движения?

У меня не было основания отказываться. В политическом спектре российских партий и движений это был для меня тогда наиболее приемлемый вариант. Я уже стал искать ручку в кармане пиджака, но что-то меня остановило. Я спросил:

— А кто будет возглавлять список этого движения? Наверное, Егор Тимурович Гайдар? Это прекрасно!

— Да, он первым номером.

— А кто еще?

— Сергей Адамович Ковалев.

Это заставило меня задуматься...

С самого начала скажу: аналогия не есть доказательство. Но что делать с теми набегающими ассоциациями, которые не считаются ни с какой логикой. Мне вспомнилось зверское убийство Виктора Абрамовича, десятки тысяч растерзанных, убитых, изнасилованных тел, повсюду остававшихся на чеченской земле. Подумал о тысячах и тысячах, в страхе покинувших Чечню. Все это воскресило вдруг в памяти образ «великого правозащитника», который сидел в Грозном в бункере генерала Дудаева. Почему-то подумалось, что «сухой паек» он наверняка с собой из Москвы не брал, но и нет большой беды в том, что он получал пищу, по всей вероятности, из рук генерала-президента. Хуже другое — информацию он черпал из того же источника. Что-то я не помню, чтобы оттуда доносились слова об «этнической чистке» русского населения, которая осуществлялась в «Ичкерии». Или, может быть, этот термин тогда еще не был в ходу? Но голос из грозненского бункера звучал камертоном, по которому настраивался весь громоподобный оркестр средств массовой информации. Они тогда целиком и полностью звучали в унисон, творя симфонию продудаевской пропаганды.

Со страниц газет, с экранов телевизоров стыдили, обвиняли, чуть ли не проклинали российских генералов, офицеров и солдат, которые лежали в снегах на подступах к Грозному и гибли сотнями. При этом им полагалось знать, что они участвуют в «грязной войне против гордого чеченского народа, отстаивающего свою независимость». Что и говорить, военная кампания была бездарной, и невольно возникает мысль, что все происходило по ленинской формуле: «Шаг вперед — два назад». Однако это проблемы историков, а отнюдь не психолога. Мне же, принимая во внимание мою специальность, приходится констатировать, что упомянутое моими посетительницами имя Сергея Адамовича воссоздало все эти образы как «ассоциацию по смежности». Отсюда и навеяны мгновения мысленного прочтения страшных страниц нашего недавнего прошлого.

Наряду с «ассоциацией по смежности» существует, как известно из учебников психологии, и «ассоциация по сходству». И вот тут возникает та самая аналогия, которая хотя и не служит доказательством, но толкает на некоторые соображения. В силу действия закона ассоциации передо мной воскресает образ Владими-

ра Ильича Ленина, который при содействии генерального штаба рейхсвера пересек «со товарищами» воюющую с Россией страну. Предполагаю, что жандармы стыдливо отводили глаза от его вагона, поскольку имели на этот счет специальные инструкции. Не думаю, что Владимир Ильич получал спецпаек и что еду в его купе носили из вокзальных буфетов. И немецким шпионом, вопреки первоначальной версии, он не был. Перед ним стояла другая задача — осуществить пропагандистскую информационную кампанию, которая могла бы развалить русский фронт, открыв дорогу немецким войскам, что способствовало бы превращению войны империалистической в войну гражданскую. То, что русский солдат, воткнув штык в землю, получит немецкую пулю в сердце, видимо его не волновало.

Дудаев наградил Сергея Адамовича Ковалева высоким орденом. Видимо, его заслуги представлялись президенту «Ичкерии» несомненными. Правда, далее следует загадка, суть которой я не могу понять. Сообщалось, что правозащитник почему-то передал этот орден... солдатским матерям. В чем был замысел? Совершенно непонятно. Могу предположить, что эта награда не могла служить утешением женщинам, чьи сыновья были убиты или оказались в заложниках. Впрочем, возможно Ковалев преследовал какие-то иные, оставшиеся неизвестными миру, высокие нравственные цели. И вот тут уж никакой аналогии с Владимиром Ильичом. Хотя тот, бесспорно, заслуживал получить в качестве награды «Железный крест» из рук кайзера за ту помощь, которая была оказана рейхсверу. Но то ли потому, что в это время Вильгельм сбежал от революции, то ли в силу идеологических расхождений награждение так и не состоялось.

Всплывает еще одна историческая аналогия. Вождь большевиков призывал пролетариев всех стран поддержать революцию в России, а голос из дудаевского бункера взывал к мировой общественности воздействовать всеми доступными и даже самыми жесткими мерами на Правительство России, заставив прекратить военные действия в Чечне.

Меня могут упрекнуть, сказав: «А какое отношение имеет прекрасная сказка Ганса Христиана Андерсена ко всему, что было сказано выше о Сергее Адамовиче Ковалеве?»

Кто не помнит историю «голого короля»? Кто не помнит, как мальчишка, в отличие от тех, кто хором восторгался золототкаными королевскими одеяниями, удивленно воскликнул: «А король-то голый!» И всем это стало очевидно. Однако Андерсен оставил в стороне то, что произошло после того, как для всех стала ясной призрачность парадных одеяний их повелителя. Выдвигаю предположение, что когда мальчуган вернулся домой, то отец его выпорол, сказав: «Если ты позволил себе сказать такое о короле, что же ты можешь ляпнуть про меня?» Еще одно предположение. Когда огорченный мальчишеской выходкой король возвратился в свою опочивальню, мошенники-портные совлекли с него парадные одежды и в дальнейшем выставили их, снабдив соответствующей «документацией», на аукционе Кристи, после чего новое платье короля приобрел известный коллекционер за несколько тысяч долларов. Теперь это платье висит в особняке коллекционера за стеклянной витриной рядом с черным квадратом Малевича. В этот дом, разумеется, нахальных мальчишек никто и на порог не пустит.

Сочувствую правдивому малышу. Вероятно, трудно ему пришлось. Предполагаю, что столь же трудно придется тому, кто позволит себе сказать нечто подобное

применительно к общеизвестному, правда, одностороннему, «защитнику обиженных и угнетенных». Еще раз скажу, социальные стереотипы и психологические установки с огромным трудом поддаются устранению и пересмотру.

Я убежден, что Ковалев, во-первых, — мужественный человек, поскольку бомбы сыпались не только на дудаевцев, но и его могли не обойти. Во-вторых, — он поступал так, как действовали «инакомыслящие».

Ковалев — профессиональный диссидент. Я склоняю голову перед диссидентами 60–70-х годов, которые, рискуя всем, подняли голос против тоталитарного режима. Он был среди них. Но сейчас мы имеем дело с удивительным социально-психологическим феноменом. О нем особо.

Диссиденты боролись с диктатурой. Коммунисты, хотя и были атеистами, придерживались идеи, что власть, если не каждая, то, во всяком случае, советская, «от Бога». Как с диссидентами тех времен не согласиться! Но вот прошли в корне все изменившие годы. Теперь и время другое, и власть другая. Но психологическая установка диссидентов оказалась предельно ригидной и потому всесильной. Они взяли на вооружение большевистскую догму: «Государство — это аппарат насилия». При этом вывернули наизнанку религиозную формулу и действуют на основе принципа: «Власть всегда от дьявола». Во всяком случае, в той стране, где они живут. Тогда даже самый кровавый мятеж против власти заранее оказывается ими «нравственно оправданным», кто бы его ни учинил. И пусть во имя великой правозащитной идеи Россия корчится от любых санкций. Быть может, я преувеличиваю наличие у современных диссидентов уже не большевистского, а, скорее, анархистского неприятия всякой власти. Позволю себе привести один пример. В газете «Аргументы и факты» (№ 21 за 2000 г.) было опубликовано обширное интервью с Сергеем Адамовичем Ковалевым. Беседе с ним предпослано краткое предисловие: «Недавно Сергею Ковалеву стукнуло 70. Но даже в этом возрасте у него нет примирения с властью, *какая бы она ни была* (выделено мною. — *А. П.*)».

Предвижу возмущение почитателей правозащитника: «Как вы можете такое писать об этом замечательном человеке? Когда вы спокойно работали и писали книги, он “топтал зону” за колючей проволокой!» Ну что же, чекисты, которые без каких-либо оснований расстреляли поэта Гумилева и многих других выдающихся русских людей, тоже, возможно, в дореволюционные времена познали и тюрьмы, и ссылку. Оправдывает ли их прошлое то, что ими было содеяно в подвалах ЧК?

Однако вернемся к пришедшим ко мне «агитаторшам». Было неудобно задерживать их в прихожей. Я сказал:

— Если ваш список возглавляет Ковалев, я свою подпись не дам.

Одна из женщин вздохнула и заметила:

— Так уже было в трех квартирах вашего дома. Причина была та же.

Мне оставалось лишь пожать плечами и вежливо попрощаться...

Профессора Кан-Калика хоронили в Москве. Как мне рассказали, хотя его жена и дочь уже жили где-то в столице, на похоронах их не было. Очевидно, был велик страх, что их увидят, проследят за ними и расправятся как с их мужем и отцом. Дополнительные свидетельские показания родных, разумеется, не устраивали убийц.

8. Интеллигенция при наличии отсутствия[1]

Мне позвонили из редакции одной московской газеты и предложили принять участие в дискуссии на тему «Почему сильная власть боится слабой интеллигенции?». Я задал вопрос:

– Почему вы исходите из того, что власть заведомо сильная, а интеллигенция слабая, и что первая боится второй, а не наоборот? И вообще кто-то кого-то боится?

Если бы состоялась дискуссия «Почему сильный пол находится в страхе перед слабым полом?», то возникли бы аналогичные вопросы. В таких темах уже содержится утверждение, которое само нуждается в доказательствах. Это уже нарушает законы логики. Интервью явно не заладилось. Сомневаюсь, что мои ответы могли появиться на страницах этой газеты. Я, правда, не решился сказать моей симпатичной, судя по голосу, собеседнице, что возможно противоположное развитие событий, когда сильная власть не боялась своего антипода. Интеллигент Васисуалий Лоханкин, один из героев Ильфа и Петрова, лежал на диване, жил на жалованье жены и размышлял о роли русской интеллигенции и трагедии либерализма. По этому случаю, он забывал гасить свет в уборной. По безбоязненному решению ответственной квартиросъемщицы ее опричники, отставной дворник Никита Пряхин и «простой мужик Митрич», при всенародном одобрении выпороли его на коммунальной кухне. Лоханкин имел такое же право именоваться интеллигентом, как бывший камергер двора Его Императорского Величества Александр Дмитриевич Суховейко существовать в этой коммуналке в качестве «простого мужика Митрича».

Контакт «интеллигента» и «народа» вовсе необязательно имел такой драматический финал, как это случилось в «Вороньей слободке». Замечательный поэт-сатирик Саша Черный еще в дореволюционные годы рассказал о счастливом завершении рандеву поденщицы Феклы и интеллигентного квартиранта:

Квартирант и Фекла на диване,
О, какой торжественный момент!
Ты — народ, а я интеллигент,
Говорит он ей среди лобзаний.
Наконец-то, мы сейчас вдвоем,
Ты меня, а я тебя поймем.

Однако оставим в стороне проблему «самоназвания». Пусть называются. И сформулируем вопрос: существует ли вообще такой социальный феномен, как интеллигенция?

Какие могут быть сомнения? Недаром мы в печати все время встречаем ссылки на роль интеллигенции в построении гражданского общества, об ответственно-

---

[1] Настоящий очерк был опубликован в «Литературной газете» под тем же названием 18 октября 2005 года и вызвал беспрецедентную дискуссию. На протяжении четырех месяцев в каждом номере газеты печатались выступления участников полемики. На сайте «ЛГ» вывесили сотни выступлений читателей, которые заинтересовались соображениями, высказанными мною.

сти интеллигенции за сохранение и развитие демократии, о возмущении интеллигенции действиями власти и т. д. Попробуем разобраться, где здесь истина.

Небольшое «лирическое отступление». Хотя оно отнюдь не лирическое. В 1913 или 1914 году писатель Виктор Шкловский ввел в литературоведение понятие «остранение» — новое, неожиданное, на первый взгляд странное восприятие и понимание какого-либо факта. Только три примера. Первый: в Третьяковской галерее некто говорит: «Это картина Врубеля “Демон”. Художник в погоне за внешними эффектами использовал броские, но недолговечные краски. Страшно подумать, как будет выглядеть через несколько лет это полотно. Перейдем в репинский зал». Второй: слушатель оперы видит и слышит не пылкого Ромео, который поет серенаду очаровательной юной Джульетте, а немолодого человека, сообщающего о любви не столько великовозрастной девице, стоящей на балконе, сколько театральному залу. Третий пример из области психиатрии, в которой известны два диагноза: клаустрофобия — боязнь замкнутого помещения и агорафобия — страх оказаться в огромном безлюдном пространстве. «Остраненный» взгляд психолога, как мне представляется, позволяет увидеть в этих, казалось бы, противоположных состояниях один и тот же аффект одиночества, заброшенности, отторжения от окружающего мира людей. Остранение в искусстве убийственно для эстетического восприятия. Остранение в науке, как мы увидим в дальнейшем, нередко способствует постижению истины.

Продолжим рассуждение. В социальной психологии используется два понятия: «реальная группа» и «условная группа». Первая — это сообщество людей, которые находятся в непосредственном взаимодействии, что называется «лицом к лицу». Это семья, воинское подразделение, рабочая бригада, экипаж космического корабля, школьный класс и т. д. Члены условной группы могут жить на расстоянии тысяч километров и вообще быть незнакомыми. Студенты, пенсионеры, лица нетрадиционной сексуальной ориентации, члены одной партии и другие сообщества. Судя по всему, интеллигенция претендует на статус условной группы. Именно отсюда начинается та путаница, которую постоянно используют в политических целях.

Все время смешивают два понятия: интеллигенция и интеллигентные люди. Существует ряд индивидуально-психологических особенностей личности, которые в совокупности образуют то, что называется интеллигентностью. К ним относятся любовь к книге, интерес к культурно-политической жизни, вежливость в общении, опрятность, отсутствие ксенофобии, свободное владение родной речью, нежелание использовать ненормативную лексику. Все эти качества, собранные в одном человеке, свидетельствуют, что он и ему подобные относятся к числу интеллигентных людей. Это совершенно справедливо. Однако в людской массе эти качества, конечно, встречаются, но в разнообразных сочетаниях. Некий индивид читает, а может, и пишет книги, опрятен, но, испытывая самодостаточность, беспардонно хамит окружающим. Другой читает трактаты Шопенгауэра, Розанова и других философов, прекрасно владеет русским языком, но на дух не переносит инородцев. Не буду множить примеры. Может ли какое-либо из перечисленных качеств интеллигентного человека стать признаком, который объединил бы людей на правах условной группы? Не представляется такой возможности. Конечно,

надо найти социально значимый системообразующий признак, на основании которого интеллигенция могла бы обрести особый статус.

Однако, пытаясь ее выделить, мы наступаем на те же грабли, как это когда-то случилось с теоретиками марксизма, которые в своих трудах и учебниках заявляли, что интеллигенция не более чем прослойка между двумя господствующими классами. Социально-психологические характеристики этой «прослойки» они старались не уточнять. Во всяком случае, наш профессор философии А. П. Гагарин предпочитал не касаться этой щекотливой темы, да и других скользких вопросов исторического материализма. Недаром студенты посвятили ему частушки: «Не хочу я чаю пить, не хочу я кофию, не хочу Гагарина слушать философию».

В конце 80-х годов, когда либерализм в журнале «Коммунист» достиг самого высокого градуса (в редколлегии были О. Лацис и другие прогрессивные социологи), я опубликовал в нем статью «Простой вопрос». В связи с тем, что в советских энциклопедических изданиях начисто отсутствовало определение того, что такое «рабочий» (для рабоче-крестьянского государства это было более чем странно), я подверг это понятие остранению и предложил семь гипотез, с помощью которых попытался выделить хотя бы один системообразующий признак, характеризующий этот класс. И все эти гипотезы был вынужден опровергнуть[1].

Рабочие, если это понятие рассматривать с точки зрения науки, а не идеологии, то это мифологема. А стоящая за этим социальная общность — фантом. Такой условной группы — нет.

Так что же представляла собой «прослойка между рабочим классом и трудовым крестьянством»? Собственно, между двумя фантомами. Конечно, это была тоже мифологема. Нет в словарно-энциклопедических изданиях, как прежних времен, так и нынешних, определения интеллигенции. Правда, фигурирует пояснение, что своей задачей она имеет распространение культуры и характеризуется напряженным умственным трудом. Ниже мы к этим описательным пояснениям еще вернемся. Поскольку никакой научной дефиниции я так и не нашел, выбрал уже привычный путь остранения. Контент-анализ доступных мне текстов обнаруживает в них признаки, которые приписываются именно интеллигенции. Последние иногда именуются напрямую, иногда подразумеваются.

Первая гипотеза — **либеральность**. Интеллигенция — она либеральна. Именно она и только она? Либерализм — это свободолюбие, утверждение и защита свободы. Неужели все другие общественные формации не хотят свободы, хотят жить в неволе? Если бы не закрепилось это наименование «либеральное» за правыми партиями и движениями, то им бы с удовольствием воспользовались бы другие объединения, включая ультралевых. Они тоже любят свободу, не будем уточнять, от чего и для чего. И не собираются ли они ограничивать свободы других. Не проходит эта гипотеза.

Вторая гипотеза — **образованность**. Интеллигенция — образованная часть общества. Если это так, то непонятно, где расположить планку в образовательной вертикали, ниже которой человек уже не может считаться интеллигентным. До революции девушка, окончившая гимназию, считалась образованной, интеллигентной, а за плечами у нее было всего 7 классов. Где сейчас эта планка? После

---

[1] См. выше раздел «Бойтесь детей, вопросы задающих» в гл. 7.

окончания средней школы, с момента получения вузовского диплома? В таком случае все или почти все — интеллигенты, что, впрочем, не подлежит опровержению или подтверждению. Единый государственный экзамен на обретение статуса интеллигента в платных, полуплатных и официально бесплатных вузах не введен. Есть интеллигенты с высшим образованием, есть со средним, есть те, у которых позади семилетка советских времен, но знаю кандидатов и докторов наук, которых к интеллигентам вряд ли кто-нибудь решится причислить. И это все единая «условная группа»?

Третья гипотеза — **креативность**, творческое начало. Часто говорят от имени «творческой интеллигенции». Правда, остается непонятным, что представляет собой остальная «нетворческая» интеллигенция. Это еще больше усложняет наши задачи, поскольку надо искать критерии, отделяющие одну часть интеллигенции от другой, и выяснять, каково между ними пропорциональное соотношение. Примем, однако, постулат, что интеллигенция в основном творческая, поскольку о какой-либо другой речь никогда не идет.

Кто же они, эти творческие интеллигенты? Ну, конечно, уважаемые члены творческих союзов: писатели, художники, музыканты и артисты. Подразумевается, что все они в большинстве своем высоко креативны. Но как быть с народным прикладным искусством: дагестанскими мастерами серебряных дел, живописцами Палеха и Хохломы, сказительницами на Севере. Это тоже творческая интеллигенция? Если бы я знал, что это такое, то предположил, что ее представленность у вологодских кружевниц в пропорциональном отношении не ниже, чем у художников-авангардистов.

Замечу также, что в творческой среде такое разнообразие политических взглядов, пристрастий, предубеждений, как, наверное, ни в одной другой. Какое же системное начало позволит объединить эту «тусовку», чтобы, ссылаясь на ее мнение, делать какие-либо заявления, ополчаться против кого-то или чего-то, соглашаться или не соглашаться с чем-то?

Четвертая гипотеза — **оппозиционность**, революционность. Следует предположить, что интеллигенция по сути своей оппозиционна, состоит из «критически мыслящих личностей». Расхожая фраза: «интеллигенция всегда должна быть в оппозиции к власти, особенно авторитарной». Действительно, оппозиция для власти необходима, иначе колеса государственной машины заржавеют и перестанут вращаться. Все это так. Но почему, если считать оппозиционность дифференцирующим признаком, только интеллигенция позволяет себе такую смелость? Вот идет 7 ноября по улице толпа с портретами Ленина и Сталина, несет лозунги: «Позор оккупационному режиму!» Что, в толпе сплошь критически мыслящие личности? На другой улице другая толпа. С плакатами: «Не позволим антинародной власти осуществить геноцид русского народа!» В чем разница? Возмущение против авторитарного режима, оккупационного режима, антинародного режима. Все они равнопротестны, и в этом отношении различий между ними нет. Тогда кто из них в большей степени имеет основания называться «интеллигенцией»?

Рассмотрим еще одну парадоксальную ситуацию. Как быть с лицами, входящими в состав дипломатического корпуса, генералитета, законодателей и администраторов всех уровней? Это все интеллигенция? Если так, то она должна по

определению быть в оппозиции к власти. Но они сами власть. Разве что предположить, что в нашем государстве «интеллигенции» во власти нет.

Пятая гипотеза — **интеллектуальность**. Это как в детской игре, где с завязанными глазами ищут спрятанный предмет: хочется сказать «теплее», потому что слова «интеллигенция» и «интеллект» имеют общий корень. Как известно, в речевой оборот слово «интеллигенция» в конце XIX века внес Боборыкин, имея в виду ту часть образованных людей, которые испытывали чувство вины за свое былое безразличие к бедам крепостного крестьянства. В иностранных языках это понятие не прижилось. Там используется слово «интеллектуалы», не несущее на себе никакой нравственной или политической нагрузки.

Напряженная умственная деятельность, как об этом упоминалось выше, фигурирует в словарях и энциклопедиях, но не ясно, каково содержание этой умственной работы. В шуточной студенческой песни звучали слова:

«Коперник целый век трудился,
Чтоб доказать земли вращенье...»

Кто с этим станет спорить? Но хакеру для того, чтобы «взломать» компьютеры банков и фирм, тоже необходимо напрягать все силы своего недюжинного ума. Где здесь общее «интеллигентное начало»? Если не устраивает ссылка на Николая Коперника за давностью его великих дел, пусть будет физик-теоретик. Это ничего не меняет: отнесем ли мы его и хакера к одной условной группе? Навряд ли, хотя оба, безусловно, интеллектуалы.

Шестая гипотеза — **просветительство**. Здесь я напрямую опираюсь на энциклопедические словари. Там подчеркивается, что признаком интеллигенции как общности является распространение культуры. Прежде всего, о какой культуре идет речь? Масскультура? Западная культура? Национальная российская? Мусульманская? Можно ли в этом контексте поставить рядом шоумена, писателя-постмодерниста, пушкиниста, муллу? Все полезны, все на своем месте в деле распространения близкой их сердцу культуры. Но опять-таки непонятно: почему они все принадлежат к одной общности? В этом случае к ним можно присоединить и почтальона, который разносит журналы и газеты. Он тоже распространяет культуру.

Седьмая, последняя по счету, но не по значению, гипотеза — **демократичность**. Бесспорно, демократия является самой прогрессивной формой управления государством и жизнью общества. Напомню, что это слово переводится, как народовластие. Если судить по СМИ, то основная примета интеллигенции в том, что она демократична. В этом ее принципиальное отличие. Но нет сомнения в том, что все существующие в настоящее время сообщества считают себя поборниками народовластия и его единственными защитниками. Никто не прочтет на чьих-то знаменах лозунг «Да здравствует бюрократия!». В этом отношении у «демократической интеллигенции» нет никаких преимуществ. Между тем, снова, как уже было показано выше, звучат заявления о ее уникальности. При этом узурпируется то, что принадлежит и всем другим, хотя бы по их собственным утверждениям.

Не будем увеличивать число гипотез. Приведенные выше семь из них не смогли подтвердить, что интеллигенция является особым сообществом и что можно

это идеологизированное понятие вводить в контекст каких-либо заявлений и дискуссий как семантически определенное.

Стремление к научной добросовестности не позволяет мне скрыть тот факт, что выделенные, рассмотренные и отвергнутые семь гипотез еще не содержат абсолютной истины. Можно выдвинуть не семь, а двадцать семь предположений, однако это не помешает появлению восьмой или двадцать восьмой, которые могли бы разрушить все ранее сделанные выводы. Таковы законы научного исследования, которым приходится подчиняться. Впрочем, если бы и появилась такая разрушительная для предложенных построений гипотеза, я бы отнесся к ней с уважением.

Отсутствие критики по поводу моего утверждения о том, что «рабочий» — это мифологема, во многом понятно. С исчезновением рабоче-крестьянского государства интерес к классовому расслоению был фактически утрачен. Иное дело — сейчас, когда речь идет об интеллигенции. Это куда как актуально!

Сделаем одно весьма существенное пояснение. Да, была интеллигенция в качестве условной группы. Это имело место в 20–30-е годы. В сознании современников складывался обобщенный образ интеллигента: шляпа, очки, галстук, может быть, троцкистская бороденка, подает женщинам пальто, ко всем обращается на «вы». Подходящий типаж для роли меньшевика в кинофильме. Что же было критериальным признаком для выделения интеллигентов из общей массы в те годы? Прежде всего, сформировавшийся у них комплекс социальной неполноценности, который проявлялся в осознании своей второсортности в сравнении с выходцами из рабочего класса. Происхождение у них могло быть самое неподходящее. Либо они, либо их родители являлись если не дворянами или священнослужителями, то имели классный чин. За границей были родственники (белые эмигранты). Для ВЧК—ОГПУ—НКВД они всегда были кандидатами на многочисленные вакансии вредителей и саботажников. Их неохотно принимали в партию, в 20-е годы им был закрыт доступ в вузы. Вообще, принадлежность к «гнилой интеллигенции» была своего рода клеймом, которого приходилось стыдиться, чувствовать себя обиженным судьбой.

Нет ничего удивительного, что преподаватель марксизма-ленинизма не мог предложить студентам опознавательные признаки «прослойки». Не говорить же ему о комплексе неполноценности. Впрочем, ему бы это и в голову не пришло.

Итак, сегодня нет системообразующего фундаментального дифференцирующего критерия, который мог бы выделить интеллигенцию как условную группу. Интеллигентные люди — это реальность, интеллигентность — это ценность, а интеллигенция как некая социальная общность — фикция, мираж, фантом, что мы видим на рис. 4.

Один из героев книги Ильфа и Петрова, слесарь-интеллигент Полесов, часто использовал оборот «при наличии отсутствия». Позаимствуем у него и скажем: «Такова уж интеллигенция при наличии отсутствия».

И все-таки, остается открытым вопрос: «Интеллигентные люди. Who is who?».

Разумеется, в обыденной речи мы используем слово «интеллигенция», имея в виду известную нам реальную группу людей, которых считаем интеллигентными (не путать с «интеллигенцией» в политическом пиаре!).

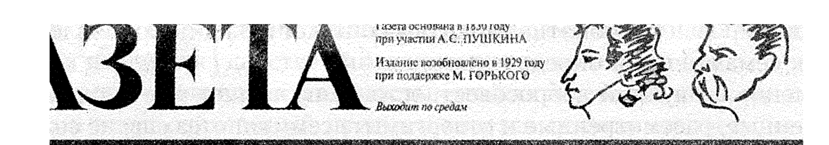

Рис. 4. Интеллигент-невидимка

Напомню еще раз, интеллигентность — это ценность. Эталоном интеллигентного человека для меня является академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. В предисловии к его книге «Письма о добром» я писал, что подобно тому, как мы говорим о «пушкинской эпохе», культуру нашего времени можно маркировать его именем. Примечательный штрих к характеристике этого человека.

В ту пору я был президентом Российской академии образования и перед общим собранием позвонил и испросил согласия на избрание его почетным членом Академии. Помолчав, он спросил, не вытеснит ли его кандидатура кого-либо из числа будущих почетных академиков. Я успокоил его на этот счет и тогда получил согласие.

Очевидно, не ограничиваясь конкретным примером, я должен попытаться объяснить, что имею в виду, говоря об интеллигентных людях, интеллигентности.

Переведу обсуждение проблемы в новую плоскость. Для начала назову несколько отличительных свойств человека: «несдержанность», «внушаемость», «рассудительность», «тревожность», «угрюмость», «смешливость», «флегматичность» — все они органически присущи субъекту и неотделимы от него. Теперь сравним их с такими качествами личности, как, например, «высокомерность», «подлость», «деликатность», «чуткость», ну и, конечно, «интеллигентность». Есть ли различия между этими рядами качеств? Разница — принципиальная. Одни люди видят в нашем знакомом человеке качества интеллигентности и чуткости, другие с этим не согласятся. Имея дело с известным нам человеком, видя его поведение, поступки и манеры, слыша, что и как он говорит, мы понимаем или предполагаем, что понимаем, какие чувства, побуждения, привычки, черты характера стоят за всем этим, и заключаем, интеллигентный ли он человек или нет. При этом ориентируемся на усвоенные нами культурные и, прежде всего, нравственные ценности.

Являясь итогом оценочных суждений, интеллигентность существует как феномен восприятия человека человеком. В качестве феномена сознания (или самосознания) она также реальна, как и само наше сознание.

Однако, все-таки, нужен ли нам миф о существовании интеллигенции как особой социальной общности?

Миф не содержит истины, порождает заблуждения, однако разрушение его может лишить человека чего-то ценного, неповторимо значимого. Признаю, что я действительно пытался разрушить МИФ, фигурирующий в средствах массовой информации. Не знаю, пострадают или нет нравственные ориентиры читателей. Понимаю, что интеллигентному человеку хотелось бы ощущать себя частицей большого, уважаемого, авторитетного, влиятельного сообщества, где он чувствовал бы себя защищенным и сильным, где все едины в понимании социальных причин добра и зла, где каждый может сказать каждому: «Мы с тобой одной крови. Ты и я». Как это было бы хорошо! Рад бы помочь, да не знаю как.

9. Он учил Ленина

Когда же это было? В моей записной книжке, которую я вел в 1977–1978 годах, есть короткая запись: фамилия человека и три восклицательных знака. Вот, собственно, все, что там было. Что это за имя, и каким был этот человек? Об этом стоит рассказать.

Действительно, в конце 70-х — начале 80-х годов я заведовал кафедрой психологии высшей школы в Московском государственном университете. Располагались мы тогда в вестибюле одного из крыльев главного здания МГУ — нам там выгородили помещение. И хотя, в конечном счете, рядом был проходной двор, мы находили нашу комнату достаточно уютной. Кафедра была очень интересной. При ней лаборатория, которой заведовала Галина Александровна Китайгородская. Теперь это имя хорошо известно за пределами Московского университета. Лаборатория занималась разработкой интенсивного метода обучения иностранному языку, или, как тогда это называлось — метода доктора Лозанова. Коллектив кафедры был дружный, и очень часто после завершения рабочего дня мы находили

повод для того, чтобы собраться за журнальным столиком, превращавшимся в банкетный, за бутылкой вина посередине и нехитрыми закусками, добытыми в университетском буфете.

Как-то раз мы сидели в этом узком кругу, о чем-то разговаривали, — одним словом, вечер был таким, как многие другие. Я обратил внимание, что в углу комнаты наш инженер Сергей Зорин о чем-то беседует с неизвестным мне стариком. Я спросил: «Кто это?» Одна из сотрудниц отмахнулась: «Да, это учебный мастер, он приходит к нам из корпуса, где расположен физический факультет. Не обращайте внимания», — и продолжала о чем-то рассказывать.

Я все-таки спросил:

— А почему он к нам приходит?

— Да видите ли, аппарат, который он когда-то изобрел, находится здесь, у нас на кафедре, стоит на антресолях...

— Какой аппарат?

— Терменвокс, — ответила сотрудница.

— Позвольте! — воскликнул я. — Это что? В нашей комнате Лев Термен?!

— Да, это Термен.

Я был потрясен. Трудно было представить, что человек-легенда, выдающийся изобретатель, чье имя ставили рядом с именами Маркони и Эйнштейна, находится здесь, в комнате в скромном обличье учебного мастера. Это как-то не укладывалось в моем сознании.

Я предложил: «Давайте его пригласим к нам за стол, пусть он примет участие в нашем маленьком торжестве по поводу успешного окончания рабочего дня».

Никакого энтузиазма мое предложение не вызвало, но спорить с заведующим кафедрой, очевидно, никому не хотелось. Я обратился к собеседнику Зорина: «Пожалуйста, присаживайтесь к нам, еще есть вино и кое-чем можно закусить, прошу вас!» Сергей сел во главе стола, а человек, представленный учебным мастером, явно испытывая некоторую неловкость от неожиданного приглашения, устроился рядом со мной. Сотрудники смотрели на меня без должного понимания. Тогда я поднялся и сказал: «Уважаемые коллеги! Я обращаюсь к вам с просьбой стоя выпить за здоровье одного из самых ярких и талантливых людей XX столетия, великого изобретателя, почтившего нас своим присутствием — Льва Сергеевича Термена!» Делать было нечего. Все поднялись с мест. Я чокнулся с гостем и увидел на его глазах слезы. Для него, механика шестого разряда, подобное чествование было неожиданным и, как мне показалось, его очень смутило, хотя и растрогало...

Откройте любую энциклопедию, к примеру, БЭС, т. 42; там никаких упоминаний о терменвоксе вообще нет. А в «Энциклопедическом словаре», вышедшем в 1979 году, вы найдете определение: «Терменвокс, электромуз. инструмент, сконструированный в 1921 году Л. С. Терменом (СССР)». И все. И только в «Энциклопедическом словаре», выпущенном в 1990 году, как и в последующих, строчек стало больше: «...в 1920 году советским физиком и музыкантом Л. С. Терменом (родился в 1896 году)».

Специальной статьи изобретатель тогда еще не удостоился, но сам факт расширения информации о нем был уже достаточно отрадным. Быть может, о нем

и сказать сколько-нибудь значимого было нечего (кроме изобретения электромузыкального инструмента)?

Бывает просто несправедливость, а бывает чудовищная историческая несправедливость. Дело в том, что Лев Термен был всемирно известным изобретателем начиная с 20-х годов. Его изобретения не ограничивались созданием музыкального инструмента особой, неожиданной, непривычной конструкции. Он сконструировал уже тогда телевизор, но поскольку еще не было электроники, он действовал на механической основе. Были и другие замечательные изобретения.

В 1927 году он оказался в Соединенных Штатах Америки. Поехал он туда не для того, чтобы любоваться Ниагарским водопадом или окунуться в воды Тихого океана в Калифорнии. В США он был весьма заметной личностью — другом Чарли Чаплина, великого музыканта Леопольда Стоковского. Однако не только музыка и технические новшества были исключительным и единственным предметом его внимания. Его занятия за океаном были сродни тем, которые прославили имена Зорге, Абеля, Филби и других знаменитых разведчиков, кто честно работал на пользу своей отчизны. Однако, когда в 1938 году Термен вернулся в Советский Союз, с ним произошло то, что было более чем «естественно» для всех, кто оказался в его роли. Почти без всякой задержки он был этапирован в Магадан.

Через какое-то время для соответствующих органов стало очевидным, что держать на общих работах такую «голову» до крайности нерентабельно. И Лев Термен оказался в тюрьме особого назначения, в так называемой шарашке. Научным руководителем этого странного исследовательского центра был выдающийся авиаконструктор Туполев (тоже зек). Среди других зеков, лежащих на соседних койках в той же то ли камере, то ли комнате, где находился Лев Сергеевич, было немало крупнейших наших ученых. На общие работы их, разумеется, не выгоняли. Каждый действовал в рамках той сферы, где был специалистом.

Позволю себе небольшое, отнюдь не лирическое, отступление.

А многим ли отличалась работа в «вольных» государственных научно-исследовательских институтов от того, что творилось в «шарашках»?

Вероятно, это было в 1948 году. В Харькове, в доме моего тестя прозвучали звонки междугородней телефонной связи. Он снял трубку.

— Профессор Синельников? Сейчас с вами будет говорить Лаврентий Павлович Берия. Не вешайте трубку.

— Я доктор медицинских наук, профессор Сергей Николаевич Синельников. Вам, вероятно, нужен...

В трубке раздались короткие гудки. Отбой.

Можно благодарить Бога, что Сергей Николаевич не назвал имя другого Синельникова — Кирилла. Если бы прозвучало это имя в ответ на информацию, что с ним собирается говорить Берия, — это могло бы плохо кончиться, поскольку тем самым было бы очевидно, что всемогущий руководитель органов государственной безопасности интересуется какими-то работами, которые осуществляются в Украинском физико-техническом институте, где директором был профессор Кирилл Дмитриевич Синельников. Кто знает, может быть вызвали бы другого профессора — врача на собеседование в здание МГБ на Совнаркомовской улице и стали бы выяснять: «Откуда вы знаете, что Лаврентий Павлович интересуется именно вашим однофамильцем? Что вы знаете о тех работах, что идут в УФТИ?

Почему вы назвали его, а не вашего коллегу профессора-анатома Рафаила Давыдовича Синельникова?»

Лучше бы не слышать подобных вопросов в этом учреждении и не отвечать на них. Между тем, в УФТИ, как я потом узнал, изготовлялись какие-то компоненты атомной бомбы. Соревнование шло с институтом Курчатова, и был график, подписанный Берией, курировавшим третье управление — своего рода «Министерство атомных дел».

Много позднее, в больнице в Харькове я разговорился с сотрудником Украинского физико-технического института, который помнил те далекие времена работы над атомным проектом. Он рассказал, что график, составленный Берией, был нарушен. Это естественно, поскольку творческий процесс трудно ввести в точные календарные рамки. Но между тем, руководителя института вызывали в Москву, и в секретариате Берии показали заготовленный проект постановления. Если не будет выполнено задание в срок, то это постановление вступит в силу. Что было в этом документе?

Руководителю работ и его заместителю — высшая мера наказания. Руководителям отделов — 15 лет тюремного заключения. Рядовым сотрудникам — не менее 5–10 лет. Одним словом, «всем сестрам по серьгам».

С этим харьковчане уехали и успели выполнить задание. Тогда вновь был пущен в ход этот документ, только в нем были произведены некоторые изменения: руководителям работ — орден Ленина; начальникам отделов — орден Трудового Красного Знамени; рядовым сотрудникам — орден Знак Почета и какие-то еще награды. Таким образом, документ сохранил свою силу, хотя в нем минус был заменен плюсом...

Термен изобрел, находясь в «комфортабельном творческом уединении», беспилотный самолет. Примечательно, что Лев Сергеевич был, бесспорно (я не боюсь сказать), гением в сфере техники, но не обладал познаниями в области аэродинамики. Поэтому ему в качестве консультанта приставили другого зека — Сергея Павловича Королева.

Рассказывают, что именно Термену принадлежит создание радиоуправляемой мины, взорвавшейся в оккупированном Харькове в подвале дома, где квартировал немецкий генерал. Что касается еще одного изобретения Льва Сергеевича, то оно фактически получило отражение, правда без упоминания его имени, в романе Солженицына «В круге первом». Речь идет об изобретении особого, в высшей степени эффективного, идентифицирующего голос подслушивающего устройства.

Это было где-то в канун 1947 года. Когда Сталину был дан список кандидатов на присуждение Сталинской премии, то он, просматривая его, остановил свой карандаш напротив имени Термена. «За что предполагается присуждение этому человеку Сталинской премии второй степени?» Ему объяснили за что. «Почему второй? Надо дать первой!» — изрек вождь и собственноручно исправил в этом списке двойку на единицу.

В 1947 году Лев Сергеевич вышел на волю.

Менее всего я претендую на сколько-нибудь подробное изложение биографии замечательного изобретателя. Скажу только, что освобождение не принесло ему особых радостей и дальнейшие годы его жизни отнюдь нельзя назвать счастливыми. По-моему, повезло ему только в одном — на его пути встретился человек, ко-

торый принял к сердцу все его трудности, тревоги и огорчения и верно, надежно, совершенно бескорыстно делал все возможное для того, чтобы поддержать его и помочь сохранить и работоспособность, и веру в людей. Этим человеком был тот самый инженер, Сергей Михайлович Зорин, рядом с которым я увидел впервые в нашей лаборатории Термена.

Может быть, когда-нибудь в серии «Жизнь замечательных людей» выйдет книга о Термене. Будет справедливым, если бы ее написал тот, кого можно было бы назвать его «земным ангелом-хранителем». Это не преувеличение. Я хорошо помню, в каком положении находился Термен в то время, когда он заглядывал к нам на кафедру. Что там происходило в его доме с его родными, я не знаю, но помню, что он не имел права прийти домой раньше определенного и довольно позднего часа. До этого времени он нередко топтался где-нибудь в булочной, а иногда даже засыпал, приткнувшись к теплой батарее.

Сергей Михайлович рассказал мне, как ему удалось «выбить» Термену комнату с помощью знаменитой летчицы Валентины Степановны Гризодубовой. По воспоминаниям тех, кто знал эту замечательную женщину, если она чем-то и отличалась от Матери Терезы, то совсем другими чертами характера и способом общения. Ей отнюдь не была свойственна христианская терпеливость и мягкость. Ее беспредельная доброта сочеталась с резкостью и прямотой. Великая летчица предложила, чтобы Зорин написал письмо на имя секретаря ЦК КПСС Михаила Васильевича Зимянина, где он описал бы положение изобретателя и испросил бы для него возможность получения комнаты, дабы он мог продолжать работать. Она это письмо подпишет.

Прочитав написанное Зориным послание, Гризодубова заявила, что подобные розовые слюни подписывать не станет. «Они не поверят, что это я написала», — сказала она и стала диктовать новый текст. Зорин записывал за ней и время от времени переспрашивал: «Так и писать?». «Так и пиши» — твердо говорила легендарная пенсионерка. Письмо, отличающееся резкостью и требовательностью, Зорин отнес и сдал в почту ЦК КПСС, а через три дня Гризодубова сама позвонила секретарю ЦК. В письме В. С. Гризодубова просила предоставить Л. С. Термену соответствующие условия на физфаке МГУ для продолжения его работы над многими гениальными изобретениями, которые он еще вполне мог успеть сделать. Просила она также помочь предоставить изобретателю отдельную однокомнатную квартиру, чтобы он мог спокойно работать над своими изобретениями и дома. Примечательно, что, несмотря на то что у нее не было кремлевской «вертушки», ее вскоре соединили с Зимяниным. Она ему сказала: «Миша, ты это должен сделать, если у тебя есть совесть и понимание того, что такому человеку нельзя не помочь!» Удивленному Зорину она потом объяснила, что Зимянин был когда-то в ее полку дальних бомбардировщиков скромным комсоргом, в боевых вылетах участия не принимал, и что она не собирается менять обращение к нему, хотя он и занимает сейчас столь высокое положение.

Зимянин обещал сделать все возможное и написал министру высшего образования Елютину. Вскоре от министра пришел ответ, суть которого я пересказываю со слов Зорина. Там значилось, что условия, в которых работает Л. С. Термен, вполне соответствуют служебному положению *механика* факультета физики

и оснований для их изменений нет. А по поводу улучшения жилищных условий нужно обращаться в другие инстанции.

Но Гризодубова была Гризодубовой и обратилась к московскому городскому начальству. Пусть не отдельную квартиру, но комнату Термен все-таки получил, и она сразу же превратилась в лабораторию, где он мог продолжать свои творческие искания. Никогда они не прекращались до самой его смерти.

Прекрасно понимаю, что читатель имеет все права спросить автора, почему он осмелился назвать рассказ: «Он учил Ленина»? Действительно, странное название. Насколько я знаю, Ленина после гимназии вообще никто не учил, даже Плеханов. Он сам предпочитал учить всех, однако на какой-то момент его учителем стал Термен.

Было это так. Узнав о терменвоксе, Ленин очень им заинтересовался, и ранней весной 1922 года изобретатель вместе со своим инструментом был доставлен в Кремль. Ленин со товарищи был на заседании Совнаркома и Термен имел несколько часов свободного времени, чтобы основательно подготовиться к демонстрации охранной сигнализации и терменвокса. После убедительной демонстрации этих изобретений Термен в сопровождении секретаря Ленина Л. Фотиевой (она аккомпанировала ему на рояле) исполнил несколько классических произведений на терменвоксе, двигая руками в воздухе и ни к чему не прикасаясь. Ленин не выдержал и подошел к инструменту, явно желая попробовать поиграть на нем. Стоя позади Владимира Ильича и двигая его руками на некотором расстоянии около двух антенн, Термен сумел обучить вождя игре на этом бесконтактном чудо-инструменте. Начали они «Жаворонка» Глинки вместе, а закончил эту мелодию Ленин самостоятельно. Поскольку у последнего были определенные музыкальные способности, учение прошло легко и доставило обоим большое удовольствие. Невольно сожалеешь, что Термен не мог научить председателя Совнаркома чему-то другому, к примеру, тому, как сделать, чтобы жизнь изобретателя, да и не только его, а миллионов людей пошла не по тому пути, который предрек стране его «способный ученик».

10. Возмутительница академического спокойствия

Эту историю, очевидно, надо рассказывать с конца до начала. Я позвонил писательнице Виктории Токаревой на дачу, где в эти дождливые дни она обитала. Не я один люблю ее рассказы, фильмы, поставленные по ее сценарию, «Джентльмены удачи», «Мимино», «Шла собака по роялю» и другие. Она прекрасная новеллистка. Поводом нарушения мною ее творческого уединения был один из ее рассказов, точнее, маленькая повесть «Первая попытка». Представившись, я спросил:

— Виктория Самойловна, не правда ли, прототипом героини вашей повести Мары Александровой была сотрудница Академии педагогических наук Галина..?

Я не успел назвать фамилию (в моем рассказе она немного изменена). Писательница меня прервала настороженно и суховато:

— А в чем дело? У вас ко мне какие-то претензии?

Стало очевидным, что возможная реакция людей, знавших ее героиню Галину Бельцину в жизни, по мнению самого автора, могла быть весьма негативной. Я ус-

покоил, сказав, что никаких претензий к ней не имею, что повесть очень мне нравится и портрет героини психологически достоверен. После этого Токарева разговаривала со мной спокойно и даже заинтересованно.

Дополняя друг друга, мы восстанавливали реальный, а не пропущенный через фильтр воображения художника облик женщины, давно ушедшей из жизни, но сохраненный в нашей памяти.

Викторией Токаревой удивительно точно создан образ «великой потребительницы» не столько каких-либо вещей, сколько жизней окружающих ее людей. Проделывала она это так жадно, хищно, безжалостно, но при этом оставалась существом страдающим, натурой сильной, человеком бесспорно талантливым.

Нет более бессмысленного и пошлого занятия, чем выискивание несоответствия между хорошо тебе известным лицом, с которым не раз встречался, и его образом в литературном произведении. Кажется, мне удалось преодолеть всяческие поползновения уточнять, что муж героини был не врач, а музыкант, и что ее «начальницу», доктора наук, «злодейке» не удалось выгнать с работы и оставить для нее единственную возможность найти себя в должности дворника. Не хочу вторгаться в сферу психологии творчества и пытаться уличить писателя в отступлениях от «правды жизни».

Новелла или повесть не должны воспроизводить жанровые приметы милицейского протокола. Виктория Токарева, когда ее принимали в творческий союз, не клала руку на стопку книг великого пролетарского писателя и не клялась писать «правду, только правду и ничего, кроме правды». Гиперболизация, заострение черт — нормальный прием, необходимый для типизации литературного образа.

Я не сказал Виктории Самойловне о том, что хочу рассказать о прототипе Мары Александровой. Тогда я еще не знал, стану ли писать о ней. Однако нашел в своем архиве рукопись Галины Бельциной, и это решило дело.

Как же произошла наша первая встреча? Вернусь на 30 лет назад.

...В Академии педагогических наук ее не любили, некоторые люто ненавидели, другие пожимали плечами и подыскивали ярлык пообиднее: «авантюристка», «хулиганка», «донельзя распущенная особа». Нужно сказать, что эти эпитеты были не так уж несправедливы — в сонной тиши Академии в 70-е годы, особенно в НИИ общих проблем воспитания (который в академическом фольклоре именовали «НИИ общих пробелов воспитания»), Галина Бельцина была особой нон грата. Уж слишком она была экстравагантна.

...По какому-то делу я зашел в одну из комнат Президиума Академии, где размещались сотрудники редакционно-издательского совета, в котором я тогда председательствовал, и заметил сидящую в углу незнакомую молодую женщину с собачкой на коленях. Она сказала:

— Смотрите-ка! Это Петровский! Знаете, он рецензировал мою брошюру о коммунистическом воспитании школьников в условиях их досуга. Он написал, что это дерьмо. Но все равно он мне нравится. Можно я вас поцелую?

Не дожидаясь ответа от явно оторопевшего рецензента, она вскочила с места, поставила на стол собачку и громко меня чмокнула в щеку.

Усевшись, она продолжила:

> — Я из Сочи вернулась неделю назад. Обучала там мальчиков тому, что хорошо знаю. В духе коммунистического воспитания. В часы досуга, конечно. Посмотрите, как ноги загорели. Я прямо как негритянка. — Мгновенно юбка взлетела на запредельную высоту. — Да вы потрогайте, потрогайте, не бойтесь, кожа-то как темный атлас...
>
> Сотрудницы сидели, опустив глаза, явно шокированные не только поведением, но и моим попустительством. Они-то Бельцину хорошо знали — это я видел ее в первый раз.

Как я потом слышал, Галине ничего не стоило зайти «без доклада» в кабинет вице-президента. Перед хозяйкой этого кабинета, академиком А. Г. Хрипковой, буквально трепетала вся Академия. Она ставила перед ней на письменный стол свою неизменную собачку и требовала погладить ее и приласкать. Но, самое удивительное, грозная дама терпела и не гнала ее вон.

Гораздо хуже складывались отношения Галины с ее институтскими руководителями.

Мне рассказывали о таком диалоге в начальственном кабинете:

— Вы же слово «педагогика» произнести не умели. Вы же говорили: «пи-да-коки-ка». Это я вас учила слово правильно выговаривать. За что же вы меня травите?!

— Я на вас в суд подам за оскорбление.

— Вот-вот, этого я и жду. Там-то я скажу, что я о вас думаю.

Оторопь брала от ее повествований с описанием самых немыслимых авантюр.

Например, о том, как ее, весьма взрослую женщину, по ее настоянию, чуть было не удочерил «большой человек». В повести Токаревой он фигурирует под псевдонимом «Мойдодыр». Однако сей престарелый «умывальников начальник и мочалок командир» не мочалками командовал, а советской наукой руководил. Это «мероприятие» не удалось, но она не горевала — мало ли у нее было столь же авантюрных планов.

Расскажу еще об одной встрече с Галиной Бельциной. Однако надо сказать несколько слов об экстрасенсорике, поскольку дальше об этом пойдет речь.

Надо признаться, что у меня никогда не складывались отношения с экстрасенсами, парапсихологами, корифеями психотроники и прочей эзотерической братией. Мне хотелось бы позаимствовать ворчание у одного из персонажей чеховского рассказа «Человек в футляре» — дворника Афанасия, стоявшего у дверей дома и постоянно бормотавшего: «Много уж их нынче развелось!» И в самом деле, много. Недавно я разговорился с одной милой девушкой, представившейся психологом из РОВД ближнего Подмосковья. «Какие задачи вы решаете?» — спросил я.

— С помощью психологических методов я способствую подбору и расстановке кадров милицейских подразделений.

— Какие методы вы используете?

— Главным образом астрологические. Выясняю год, месяц, день, час и место рождения. Затем сопоставляю эти данные с расположением звезд.

Я поблагодарил ее за «ценную информацию» и опять вспомнил дворника Афанасия, который, вероятно, имел дело с городовыми, зачисленными на службу не

столь хитроумным способом. Впрочем, милую девушку я ничем не обидел — переубеждать ее было бессмысленно.

Вновь вернемся к Галине Бельциной. Долго и настойчиво она добивалась приглашения побывать у меня дома и познакомиться с моей семьей. Столь же долго это приглашение откладывалось, но... «сколько веревочке не виться...». Вот в назначенный час моя машина около ее дома. Безрезультатно жду 15, 20, наконец, 30 минут. Я теряю терпение и прошу водителя подняться на четвертый этаж и позвонить в дверь. Он уходит и через некоторое время возвращается почему-то явно смущенный. На его звонки долго не было ответа. Потом послышалось шлепанье босых ног, дверь открылась. Пред ним была Галина — совершенно голая, впрочем, ничуть этим не смущенная.

— Вы, вероятно, от Артура Владимировича? Извините, из-за шума воды в ванной я не слышала звонка. Через 20 минут я выйду.

Дверь захлопнулась. Когда мой посланец спускался вниз по лестнице, он в чем-то уподобился дяде Берлиоза, побывавшего в передней «нехорошей квартиры». Вот только женщина, открывшая дверь, отличалась от булгаковской Геллы отсутствием маленького кружевного передничка и багрового шрама на шее.

У нас дома, за чаем, она рассказала много интересного. К примеру, о посещении кабинета председателя Высшей аттестационной комиссии, грозного для всех соискателей, профессора Кириллова-Угрюмова. Я поинтересовался, брала ли она с собой свою неизменную спутницу — белую собачку?

— А как же! — кивнула Галина, — она ему очень понравилась. Он даже предложил мне занять место инспектора в его ведомстве.

Так это было или не так — не знаю, фантазия у нашей гостьи не была в дефиците.

Узнав в разговоре, что у моей жены невралгические боли, она заявила, что может с ними легко справиться, поскольку является одной из лучших учениц замечательной целительницы. Преодолев сопротивление моей жены, Галина уложила ее на диван и, что-то приговаривая, стала проделывать пассы над так называемой воротниковой зоной. Минут через пять она уверенно сказала, что пациентке намного лучше и если сеанс повторить через день-два, то о невралгии и вспоминать больше не придется. Вежливость моей супруги в ответ на эти утверждения мне показалась несколько излишней. Впрочем, повторный сеанс не состоялся — поскольку не было первичного исцеления, не было и вторичного приглашения. В связи с этим я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть утверждения Бельциной о наличии у нее мощного биополя.

При весьма печальных обстоятельствах, о которых будет сказано ниже, Галина передала мне рукопись двух рассказов.

— Делайте с ними, что хотите. Можете выбросить, — сказала она по телефону.

Я решился опубликовать их, хотя, конечно, не могу поручиться за достоверность того, что было ею написано. Первый рассказ был связан с проблемами экстрасенсорики. По-видимому, героиня рассказа — это та самая целительница, у которой брала Бельцина уроки воздействия биополем. Хотя, читая рассказ, приходится задумываться над тем, он ли правдив или правдиво заявление о ее успешном ученичестве у целительницы. Тут налицо явное противоречие.

Чудесное исцеление от великой целительницы. Первый рассказ Галины Бельциной. Статьи о чудодейственной Сулико наводнили нашу отнюдь не падкую на рекламу прессу. Притягательное, таинственное слово «экстрасенс». Чудо века! Исцеляет самые безнадежные заболевания. Однако, как к ней попасть? У меня с ранней юности тяжелая гипертония, постоянные головные боли. А про Сулико известно, что она лечит только самых высокопоставленных и могущественных. Несмотря на это, сотни сотен страждущих мечтают прорваться к разрекламированному в солидных изданиях экстрасенсу.

Друзья решили помочь мне попасть к Сулико. Мудрый человек, согласившийся устроить нашу встречу, посоветовал: «Деньгами вы ее не прельстите: бывшая продавщица галантерейного отдела кутаисского универмага, затем массажистка, – сегодня московская миллионерша. Изберем иной путь: вы – журналистка и напишете о Сулико книгу. В процессе работы, регулярно общаясь с вами, она излечит гипертонию».

...Готовясь к этой встрече, мысленно прикидывала план будущей книги: литзапись, наблюдения за сеансами, интервью с исцеленными... Придумывала заголовки: «Феномен современности», «Ирреальная реальность», «Правда о Сулико»... Меня серьезно подготовили к этому знакомству: привезли два тома подобных отзывов самых высокопоставленных людей и несколько фотографий целительницы: таинственное лицо, проницательные глаза...

Встреча назначена на семь часов вечера. Целый день перед этим не нахожу себе места от волнения: неужели она меня вылечит? И не будет этой вечной тяжести в затылке. Вся надежда на нее!

В рассказах о необыкновенной целительнице основной мотив – она мгновенно определяет заболевание человека, едва приблизится к нему или проведет рукой... С моим спутником предварительная договоренность, что я ничего вначале не скажу о своей злосчастной гипертонии. В этом визите моя роль – роль восхищенной журналистки, мечтающей написать бестселлер времени. В тот день я не приняла ни одного из средств, снижающих артериальное давление. Решила в глубине души бросить первый пробный шар – проверить, почувствует ли великая целительница мою гипертонию, если я сяду рядом и близко-близко к ней...

Мы приехали к ней в дом. Второй этаж. На дверях надпись: «Прошу не беспокоить!». Позвонили без трех минут семь, чтобы не опоздать к назначенному времени. Дверь открыли сразу две симпатичные дамы в кружевных передничках-наколках – типичные горничные.

– Это ее обслуга, – поясняет мой сопровождающий. Одну из горничных я тут же узнала: бывший редактор иностранного вещания всесоюзного радио, владеет несколькими европейскими языками. Вторая горничная – соплеменница Сулико, – не то ассирийка, не то шумерка.

В небольшой передней подпирают стенку несколько девиц сомнительного вида: «фирменные» платья, длинные сигаретки, бездеятельные выхоленные пальцы, цинично-усталые лица. Таких, наверно, пачками наблюдаешь в ресторанах Дома кино или ВТО.

«Подруги Сулико», – разъясняет тот же сопровождающий. Девицы кивнули мне снисходительно-надменно.

Вхожу в комнату, где все сразу же меня ошеломило: длинно-широкая, нелепой планировки, обставленная кричащей безвкусной мебелью, бьющей в нос нуворишеской, снобистской роскошью. На стенах комнаты иконы-иконы-иконы, вперемежку с портретами и фотографиями Сулико: ценительница в фас, ценительница в профиль. И всюду изображения рук ценительницы, кричаще направленных на каждого, входящего в комнату, как бы призывая: «Приди! И я исцелю тебя!!!»

Внутри комнаты ниша, забитая с полу до потолка коньяками, ликерами, настойками с яркими этикетками. В центре ниши – огромная картина в полтора человеческих роста – голая

баба. Лицо бабы похоже на рембрандтовскую Данаю, ждущую благостного златого дождя (символично).

Тело точь-в-точь, как у аппетитной героини любой из картин Рубенса. Что картина плохая – видно невооруженным глазом, но чья – неизвестно. В центре комнаты толпится публика, чашечки кофе в руках, дымят сигаретами «Лорд» и «Данхилл».

– Друзья дома и миллионеры, – продолжает пояснять тот же спутник, – они приезжают по разрешению МИД СССР исцеляться к великой Сулико.

Один из миллионеров сразу же приковывает к себе мое внимание. Лет шестидесяти, а может быть семидесяти с маразматическим идиотски улыбающимся лицом. Бесформенный, оплывший, напоминающий медузу, он сидел в удобном кресле и кивал направо и налево. Нижняя губа его, слюнявая и сине-лиловая, выдвинута вперед, и весь его вид вызывает удивление.

– Миллионер из Голландии, – почтительно шепчет мой сопровождающий, – приезжает сюда исцеляться второй раз – паралич ног. В первый раз его внесли вперед ногами сюда.

Сочувственно взглянув на старую медузу, мысленно прикидываю, куда ногами вперед его вынесут на сей раз?

– А это представитель иракской кампании, – представил меня мой спутник темнокожему мужчине, почтительно прильнувшему к моей руке.

– А это болгарин Зденек (или как его там... не запомнила...) – друг дома. И еще какие-то иностранцы. Всех не упомнила. Отметила, что из русских среди публики оказался мужчина во всем фирменно-импортном, модно-кричащем, да и то – еврей. Гриша. Он бойко объяснялся с голландским миллионером и подозрительно походил на переодетого под «фирму» сотрудника некоторых органов.

Еще в комнате болтались какие-то девицы с порочными бледными таинственными лицами. Опять же подруги хозяйки дома.

Ее до сих пор не было. Все ее ждали.

– Она на эксперименте в университете, – поясняли всем горничные, бесшумно и вышколенно разносившие на подносах крохотные чашечки с отличным кофе. На диване как бы небрежно валялся один из последних номеров журнала «Шпигель», на обложке – великолепно выполненный, стилизованный под марсианку или таинственную инопланетянку портрет Сулико. В середине журнала на полном развороте – быт, квартира Сулико, ее сеанс.

Наконец – звонок в дверь. И почтительный ропот-шопот-гул...: «Это она! Это Сулико приехала с эксперимента!» Все ринулись ей навстречу. Вся напряженная, я поднялась с дивана. В комнату впорхнула тоненькая, как лента, изящнейшая женщина, одетая так, как по представлению продавщиц большого универмага должны одеваться в высшем свете на Западе: лаковые брючки в обтяжку. На голое тело тончайшая блузка натянута так вплотную, что две грудки – два веселых прыщика задорно торчат, как бы намекая, что новоявленная чудо-целительница не оплошает и в любовных утехах. Лицо – старо-юное – овал молодой и ассирийски-изысканный. Старыми были глаза: недобрые, пронзительные и лихорадочно-расчетливые, как у собирающейся обсчитать клиента продавщицы. Тембр голоса невыразительный и крикливый: «Нет! Вы себе и представить не можете, с какого я эксперимента! Я им всем в Университете показала! Я им доказала! Сто лягушек оживила – двести умертвила! Голодная, как собака! Я сейчас!» Небрежно скинув пальто на руки подбежавшей элегантной, похожей на царственную особу горничной, хозяйка убегает перекусить. Через несколько минут снова вихрем врывается в комнату. Обращается к голландской медузе-миллионеру: «Сейчас начнется сеанс!»

Я шепотом обращаюсь к своему спутнику, чтобы он попросил Сулико разрешить присутствовать на очередном исцелении.

– Ради бога! – она оборачивается ко мне, – я все это делаю при всех!

Мысленно прихожу в восторг от такого великодушия: никаких секретов, все таинства исцеления свободно обнародуются! Гости тем временем продолжают говорить стоя, сидя, переходя с чашечками кофе от группки к группке. Голландец миллионер с застывшим идиотским выражением лица весь подался вперед в ожидании. В эту самую секунду пятилетний сын Сулико включает заводной автомобиль со светящимися фарами и начинает с бешеным тарахтением (тарахтит и он и автомобиль) носиться по всей комнате под ногами у гостей и у голландца. Не обращая на него внимания, целительница быстро пристраивается позади голландца. Ее лицо принимает театрально-сосредоточенное выражение: она – в центре внимания. Над головой голландца по часовой стрелке рукою она выписывает какие-то кренделя. Мальчишка продолжает грохотать заводным автомобилем. Голова моя раскалывается от изумления, от боли. Гости переговариваются, шутят, пьют кофе, перекидываются новостями. Через 1–2 минуты сосредоточенно-торжественное выражение слетает с лица ценительницы. Она непринужденно вторгается в общую беседу, отдает приказания почтительно подходящим горничным, в то же самое время не забывая выписывать руками кренделя над головой разомлевшей голландской медузы. «Сеанс» продолжается не больше пяти минут. Затем Сулико обращается к своему иноземному пациенту: «А теперь одевайся и вали отсюда!»

Элегантный импортно-экспортный еврей Гриша любезно переводит голландцу по-немецки: «Мадам сказала, что сеанс на сегодня окончен. Вы свободны и можете ехать отдыхать». Как выбрался голландец – вперед ногами или наоборот – я не успела заметить, потому что Сулико, энергично тряхнув кудрями, оборачивается ко мне: «Теперь с вами. Идемте! Побеседуем покороче, так как у меня крайне ограничено время – через час, в одиннадцать вечера в одной из аудиторий Университета будут крутить фильм про меня, потом за полночь мне необходимо поспеть в одно посольство, затем – в другое!»

Мы входим в небольшую, метров четырнадцать, комнату, всю заполненную необъятных размеров постелью. Роскошное золотистое плюшевое покрывало.

В центре этого златого ристалища – вмятина. Помня, что Сулико дает сеансы массажа на дому таким знаменитым и немалогабаритным людям, как Расул Гамзатов, Роберт Рождественский, Аркадий Райкин, я сразу же смекнула, что вмятина – результат целительных пассов.

– Садитесь рядом, – предлагает Сулико, – а я здесь. Уютно поджав под себя ноги, она устраивается очень близко ко мне на кровати. Решаю сразу же начать с тщательно отрепетированного дома монолога о том, как много я наслышана о великой целительнице. Не хочет ли она, чтобы я писала о ней книгу? Максимально приблизившись к ней, ощущая, что голова моя разламывается от боли, от давления, усиленного легкомысленно выпитым кофе. Хочу начать говорить, однако она не дает вымолвить и слова:

– Я хочу вам заявить, что мне н-а-п-л-е-в-а-т-ь на славу! – высокопарно начинает она. – Вся моя жизнь без остатка принадлежит науке – экстрасенсологии! Я сплю лишь два часа в сутки, остальное время – людям! Я – уникальность! Я – феномен! Я – гений! Я – явление! (Голос Сулико приобретает скрежещущую визгливость.) Я! Я! Я! Я!.. Она лихорадочно вперилась в мое лицо и в то же время абсолютно не видит меня. – Я уникум! Возвращаю людям молодость! Возвращаю речь! Восстанавливаю сердце! Я – феномен! Я! Я! Я!

Голос... это уже не голос, а истошный самоуверенный кликушеский визг. Речь Сулико становится все быстрее-быстрее, все бессвязнее: «Вы знаете, что такое клетка? – кричит она мне в лицо. – Нет! Вы и понятия не имеете, что такое протоплазма, ядро! А вот я знаю! А вы знаете, скольких людей я излечила! И каких! Их фамилии вслух произносить нельзя! Вы можете представить, что такое человеческая болезнь? Что такое больной человек? Как сразу узнать и почувствовать болезнь? А я могу! У меня – биополе! Слыхали – биополе! А эти ублюдки из Минздрава, которые не понимают мою программу эксперимента! Они ни черта в науке не понимают! Понимает в науке только министр Ремизов и его жена Клавдия Андреевна! А я уникальность! Меня в прошлом году московские медики травили. Клиническая смерть! Но пусть травят! Пусть режут! У меня свои секреты! Я – человек будущего! И будущее принадлежит мне, а не Четвертому управлению! Моим секретам! Я хочу все отдать людям! Науке! Наука – это все! Я – гений.

Оглушенная потоком – водопадом этого лихорадочного бреда, вглядываясь в проницательные, пылающие острые точечки ее глаз, в упор смотрящих и абсолютно не видящих собеседника, наблюдая это упоенное словоизвержение, одновременно взглянув на моего спутника, сидящего тут же, весьма образованного и неглупого человека, внимавшего разинув рот с восторгом этому бреду, я с ужасом ощутила рождающуюся четкую ассоциацию: вспомнила Распутина, который сумел подмять под себя множество далеко не самых глупых людей своего времени.

– Сулико, милая, остановитесь на секунду! Дайте мне слово сказать! Прошу вас...

– Ну что? Что вы хотите мне возразить?!

– Я не возражать вам собираюсь, только хочу заметить: вы только что говорили, что можете мгновенно определить болезнь человека. Теперь я признаюсь вам, перед вами сидит тяжелейшим образом больная женщина, давление у меня 180/110 или 220/130... Невыносимая головная боль. Я оглушена седалгином-баралгином-пенталгином... Ну, как же вы это не почувствовали?

– Ложитесь! – вместо ответа энергично скомандовала она. – Расслабьтесь.

Мгновенно покорно нырнув во вмятину или Райкина, или Гамзатова, или еще кого-то из великих мира искусств, я расслабилась.

Приняв знакомое мне театрально-торжественное выражение, Сулико начала выписывать руками те же самые кренделя, что и над голландцем. Подумав про себя, что у голландца болят ноги, а кренделя она выписывала над его головой, а у меня болит голова, а кренделя – над ногами, я, не выдержав, захохотала...

– Молчать! – грозно цыкнула целительница. – Не мешайте мне работать!

Послушно замолчала, стараясь еще больше расслабиться. Но мешал невообразимый шум в прихожей: «Сулико! Мы опаздываем в кино на тебя!» – нетерпеливо гудела компания. Во время нашего сеанса в спальне беспрерывно трезвонит телефон. Не переставая одной рукою выписывать кренделя, другой Сулико хватается за телефонную трубку: «Да! Ни секунды отдыха! Все – людям! Беречь себя? Отдыхать? Ха! Моя жизнь принадлежит науке! Человечеству! Звякни завтра в три! Привет!»

Выписывая монотонные кренделя над моими ногами, Сулико непререкаемо убеждает меня: «Вам лучше! Вам лучше! Что вы сейчас чувствуете? Вам лучше!»

А мне... Мне становилось ни лучше, ни хуже (куда уж хуже – голова раскалывается...). Ощущаю неловкость от участия в дешевом и постыдном спектакле. Вдруг целительницу неожиданно осенило:

– Гипертония у нее! Слушайте, а любовники у вас есть?

– Какие любовники? Такая гипертония!
– Вот и зря! – непререкаемо заявляет целительница. – Вам необходим любовник и гипертонию как рукой снимет! Немедленно заведите себе любовника и лучше молодого мальчика! И в постель его! В постель! Мигом забудете про свою гипертонию! – Она фамильярно подмигивая мне, аппетитно и несколько кровожадно тычет пальцем в златое покрывало.
Вскакиваю с постели злая и разочарованная до такой степени этим балаганом, что не могу сдержать слез разочарования за пошлый этот вечер, за день, исполненный напряжения и несбывшихся надежд.
– Все, Сулико! Хватит! Спасибо! Извините меня!
– А токи! Токи! Я же должна снять с вас свои токи!
Она суетливо вращает рукою за моей спиной. А я наутек бегу, мчусь из этого вертепа...

До сих пор не убежден, не знаю, описан ли в рассказе реальный визит к целительнице или это некое художественное обобщение, плод богатой фантазии Бельциной.

Прошло не так много времени, когда я узнал, что Галина заболела. Какие-то ее недоброжелатели из числа сослуживцев звонили врачам и требовали, чтобы ей не давали больничный лист — симулянтка. У нее был запущенный рак грудной железы. Больную прооперировали на «Каширке». На следующий день после операции она выпорхнула из палаты. Увидев больных, подавленных своими нелегкими мыслями, она включила телевизор и, поймав веселую музыку, потребовала: «Давайте танцевать!» Представьте, к удивлению медсестер, танцы состоялись.

У меня на руках остался еще один рассказ, который я представляю вниманию читателей.

Визит Богдыхана. Второй рассказ Галины Бельциной. Начальница требует от меня годовую плановую статью «Специфика досуга узбекских старшеклассников». При этом командировку в Узбекистан категорически не разрешает. Узбека от туркмена или казаха я отличить не в силах даже по тюбетейке.
В программе годичного собрания АПН СССР, которое проходит в эти дни в Колонном зале Дома Союзов, я увидела фамилию министра просвещения Узбекской ССР. Меня осенило: «Вот и статья! Возьму у него интервью».
В перерыве захожу в комнату Президиума. Узбекского министра окружают корреспонденты радио и телевидения. Однако он тут же меня замечает: «Вы ко мне?»
– Садык Мухамедович, мне бы побеседовать с вами, так как у меня запланирована научная статья о досуге узбекских старшеклассников.
– Я к вашим услугам, – любезно ответил министр. – Я живу в № 403 гостиницы «Москва».
– Может быть, вы сами, когда найдете свободное время, мне позвоните?
– С большим удовольствием! – Он записывает мой номер телефона. В этот же вечер, не успела я открыть входную дверь, телефонный звонок в моей квартире.
– Это Мухаммедов. Как мы с вами встретимся?
– Я с радостью побеседую с вами, Садык Мухамедович, но ужасно устала. Может быть, вы придете ко мне?
– С удовольствием!
Он записывает мой адрес, уточняет, когда можно нанести визит.
– Приезжайте через час – в восемь вечера.

...Этот час я провела в доблестной борьбе с зеркалом, искусно сражаясь за собственную красу. Не успела я убедиться в том, что сражение выиграно в мою пользу – вместо недавно насмерть усталой и серой женщины на меня смотрела из зеркала совершенно другая: озорная, белозубая, с копной пышных каштановых волос и ярким веселым ртом, – как раздался нетерпеливый звонок и ввалился узбекский министр – коренастый, благодушный с коварной и самодовольной физиономией.

Должна пояснить, что живу я вместе с двумя кошками: степенным котом Бантиком и доброй сиамской кошкой Геллой. Кроме этого, с двумя собаками – вежливой доброжелательной Шери (что по-французски означает «дорогая»), эрдельтерьером, шалуньей пуделем Алиской – и говорящей мудрой вороной Галей.

Эта на редкость дружная компания повергла министра просвещения Мухаммедова в ужас.

– Немедленно уберите всю эту гадость! – скомандовал министр. Послушно выполняю его приказ – закрываю зверюшек в соседней комнате.

– И вообще, зачем у тебя так накрашены губы? – сказал он сердито и фамильярно. – Ты же знала, что я приеду!

– Но ...Садык Мухамедович, я накрасила губы потому, что ваш визит предполагает интервью о досуге узбекских школьников, а отнюдь не поцелуи.

– Будет тебе и то и другое, – властно распорядился министр.

– Вначале то, а «другое»... смотря по обстоятельствам, – потупилась я.

– Слушай, фигурка у тебя потрясающая, – снисходительно отметил министр, вручая принесенный им пакет: примитивный джентльменский набор – французский коньяк «Камю» и коробку шоколада. И тут же энергично заявил: «Умираю, хочу есть!»

– Дело в том, – застеснялась я, – что у меня в доме ни черта нет. Вот два холодильника: один пустой – в подтверждение я открыла дверцу. На полке сиротливо перекатывались два яблока. Второй холодильник – для зверюшек – был до отказа набит костями и гуляшом.

Министр пригорюнился.

– Не расстраивайтесь, – ободрила я его, – сейчас мы возьмем взаймы у собачек немного гуляша. Я его поджарю с луком и будет отличный ужин. Давайте не терять времени – снимайте пиджак и со мною на трудовую вахту к плите. Вы будете разделывать мясо, я – чистить лук и картошку.

Министр был ошеломлен:

– Я – к плите?! Ты что, смеешься? Мужчина у плиты?

– А что, Садык Мухамедович, у вас дома кто все готовит?

– Жена.

– Она не работает?

– Врач она. У меня трое детей. Я сам – доктор исторических наук, сын старший по моим стопам пошел...

– И что же, ваша жена, усталая, придя с работы, танцует вокруг вас, а вы, как богдыхан, только принимаете ее услуги?

– Мухаммедов недовольно заерзал, а я, спохватившись, что времени для перевоспитания узбекского министра у меня в обрез, перевожу беседу в другое русло, накрывая на стол.

Я принимаю министра в уютной кухне. Он снимает галстук и пиджак. Пока я, расставляя рюмки и тарелки, порхаю вокруг него, он по-хозяйски ощупывает мои бедра и попку, благодушно щуря глазки-щелочки и предвкушая пикантное и щедрое продолжение скудного ужина.

– Ну и хороша же ты – вся точеная!

– Да старая я уже, Садык Мухамедович, – кокетливо возражаю ему.

– Какая старая? Какая старая? Ну, сколько тебе лет?
– А вы как думаете?
– Ну, тридцать – тридцать пять...
– Ах, что вы, что вы... Мне уже тридцать шесть, – вру я, не моргнув и глазом.
– Тридцать шесть... – разочарованно протягивает Мухамедов. – Ну ладно, ничего, сойдет! – смилостивился он.
Пьем коньяк. Он предлагает тост за нашу любовь. Не соглашаюсь.
– Почему? – огорчается министр.
– Ах, какая может быть любовь, когда для меня специфика досуга узбекских старшеклассников выше всякой любви. Специфика досуга узбеков – это все! – мечтательно мурлычу я. – И к тому же, Садык, я не хочу вас любить, потому что вы хлещете коньяк, как водку-самогонку. А это же «Камю», понимаете, «Ка-мю-ю», – самый изысканный коньяк, который нужно смаковать крохотными микроглотками, растягивая наслаждение.
Министр послушно и неумело стал тянуть «Камю» мелкими короткими глоточками.
– И вообще, Садык, по тому, как вы пьете коньяк, я уже вижу вас с женщинами: что вам узбечка, что удмуртка, что европейская женщина, – все одно – нет вкуса у вас к самому процессу...
– Да что ты ерунду порешь! – обиделся министр и, допив коньяк, решительно приступил к делу.
И я также решительно приступила к делу. Однако цели и задачи у нас не совпадали. Моя цель – взять у министра подробное интервью о досуге юных узбеков, чтобы сделать плановую научную статью. Моя задача – выяснить у него, как можно подробнее, в чем же пресловутая специфика узбекского досуга школьников.
А министру решительно не хотелось интервью. Он жаждал страсти. В эти мгновения его меньше всего занимал досуг его юных соплеменников. Его волновала специфика своего собственного досуга.
Мы переходим в гостиную. Усаживаю министра в удобное кресло. Сграбастав меня в охапку, он сажает меня на колени. Я же четко и деловито включаю магнитофон «Филлипс», втыкаю микрофон в штекер и подношу микрофон под нос министру.
– Садык, милый! Ну сосредоточьтесь – рассказывайте о специфике досуга узбекских старшеклассников!
– Какая, к черту, специфика!!! Отвяжись ты от меня со своей «спецификой». Заладила: «специфика-специфика»... Нет никакой специфики! Трудятся все на хлопке наряду с взрослыми. В этом году выдали стране восемь миллионов тонн хлопка-сырца, школьники – два миллиона...
– Садык, мне не про хлопок, мне про досу-у-уг! Ну каковы факторы, влияющие и определяющие досуг старшеклассников Узбекистана?
– Никаких факторов нет! И досуга у детей почти что нет! Работают, помогают стране. А когда свободные минуты выдаются – танцуют и поют, как все дети...
– Ну, Садык, ну, милый Садык! Вы – такой красивый! Такой необыкновенный, элегантный, умный, гениальный... Ну расскажите хоть про какую-нибудь крохотную, вот такую самую-самую маленькую специфику узбекского досуга! – нежно воркую я ему в ухо, упорно тыча микрофоном в его рот. Министр яростно отмахивается от микрофона, вращая головой в разные стороны, как лошадь от назойливого, надоевшего овода. Руки Садыка Мухамедовича в то же самое время неустанно и умело шныряют у меня под мышками.
– Ну хорошо, – вздыхаю я, – устрой мне командировку в Узбекистан. Я сама там на месте разыщу эту специфику досуга.

– Будет твоя любовь – будет моя командировка, – отчеканивает Мухаммедов.
– Нет, Садык, любви не будет.
– Это почему? – изумляется министр.
– Я не хочу тебя, Садык. Не хочу! Не нравишься ты мне.
– Я!!!??? Не нравлюсь?! – министр потрясен. – Да тебе тридцать шесть лет, а меня сегодня двадцатипятилетняя ждала – телефон обрывала. И корреспонденты разные. Я все бросил и к тебе прибежал. Тридцать шесть лет – чего ты теряешь?
Вздохнув про себя, я печально подумала, что в пятьдесят один год я уже ничего не теряю и ничего не приобретаю... А ему ответила: «Не сердитесь, Садык. Я ничего не могу с собой поделать – без внутреннего тяготения это абсолютно неинтересно».
Министр стал пылко меня разуверять. Но в этот самый момент мои звери, сидевшие кротко и тихо в соседней комнате, не выдержали и, раскрыв настежь двери, ворвались в гостиную. Эрделька Шери протянула министру резиновую козу, вызывая на игру.
И тут... тут мой гость с силой и гневом пнул мою милую, вежливую и кроткую собаку ногой.
– Убери всю эту мерзость! Развела тут целое стадо! Звери прижались друг к другу, обиженно и удивленно глядя на Мухаммедова.
– Дети! Это очень недобрый дядя. Он не любит зверей, – сказала я, обнимая малышей, – следовательно, он не любит и детей.
Министр поднялся с кресла.
– Ты, значит, не оставишь меня у себя?
– Разумеется, нет.
– Раз так, я пошел! – рассердился министр. В передней он снимает с вешалки свой пиджак и вручает его мне. Несколько ошеломленная, я держу пиджак, пока он в него утрамбовывается. Все-таки гость... Затем он снимает с вешалки свое пальто и вновь вручает мне.
– Слушай, Садык, это ты в Узбекистане министр. И твои секретарши у тебя швейцары. Ты рассказал мне сегодня, что объездил весь мир, несколько раз был во Франции. И в Париже дамы подавали тебе пальто? Я этого делать не хочу.
Глаза его сузились в злые, холодные щелочки. И, не попрощавшись, он ушел, разъяренно хлопнув дверью...

Имя рассерженного министра изменено. Так ли все было, утверждать не могу, но эпизод, как мне кажется, впечатляющий.

Повесть Виктории Токаревой названа «Первая попытка». Как это понять? У Рея Брэдбери есть рассказ. В нем марсиане, принявшие облик родных и близких прилетевших на их планету астронавтов, заманивают их к себе, чтобы убить. Астронавт был потрясен, что его давно умершие родители с ним разговаривают. Он спросил: «Как это может быть?» Ему ответили странным объяснением: «Нам дали вторую попытку».

Галине Бельциной вторую попытку никто не мог дать.

11. Ученым можешь ты не быть...

Почему-то в моей памяти застряли строчки одного шуточного стихотворения неизвестного автора. Речь там шла о теме диссертационного исследования некоего научного работника из Армении: «...Мацони в эпоху царя Трдата». По поводу

этой эпохальной работы поэт иронизировал: «Говорят, чей-то дедушка, умирая, очень жалел, что не стал кандидатом...».

Стремление стать кандидатом наук, а то и доктором — не есть уникальная мечта оставшегося неизвестным дедушки из далекой Армении. Уж так случилось, что я подготовил множество кандидатов психологических наук. Как оппонент рецензировал десятки диссертаций. Прошел по всем ступеням квалификационной лестницы — от ученого секретаря Совета до председателя экспертной комиссии ВАК СССР и члена Президиума Высшего Аттестационного Комитета РФ. Сообщаю это не из тщеславия, а исключительно как свидетельство моей осведомленности в делах, связанных с присвоением ученых степеней и званий.

Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан. Эта грустная шутка, к сожалению, многими была принята всерьез. Я заметил, что по мере того как человек продвигается на очередную ступень научной карьеры, у него немедленно возникает желание как можно скорее переместиться на следующую ступеньку. Аспирант выращивает в себе жгучую потребность быть кандидатом. Многие, став кандидатами, уже в самих себе прозревают будущих докторов, независимо от того, каков их реальный научный потенциал. А далее манит звание профессора. Затем — члена-корреспондента, академика. Впрочем, сейчас уже можно обойтись и без первой (кандидатской) ступени, сразу за приличную сумму став «академиком», о чем я уже писал. Это нынче оказывается куда легче, чем защитить кандидатскую диссертацию. Заплати некую сумму — и, глядишь, ты действительный член («академик» одной из 100–120 «академий», которые, как грибы после дождя, выросли несколько в стороне от Российской Академии наук и пяти государственных «отраслевых» академий: образования, медицинских наук, сельскохозяйственных наук, архитектуры и строительства, художеств).

Я как-то познакомился с мэром одного из подмосковных городов. Как выяснилось, он член-корреспондент «Академии жизни».

Вообще, все это очень похоже на стремление естественного продвижения по лестнице, которую соорудил еще Петр I. Титулярный советник знал, что придет время — и ему предстоит стать коллежским асессором. Последний считал годы до чина надворного советника. А там — коллежский, статский, действительный статский и т. д. Но наука никак не укладывается в табель о рангах, и не стаж работы «столоначальником» в научных департаментах должен определять право на переход в более высокую категорию. Ну, а если нет для этого оснований, определяемых научными достижениями... Тогда остается одна возможность, которая сформулирована в житейском и справедливом афоризме: «если нельзя, но очень хочется, то можно». К сожалению, я не раз за эти годы сталкивался с тем, что этот афоризм вполне соответствует фактам.

Когда мне довелось руководить экспертной комиссией по психологии в союзном ВАКе, через который проходили все «кандидатские» и «докторские», я неоднократно встречался с подтверждением этого. Очень не хочу, чтобы меня обвинили в шовинизме, который мне органически не свойствен, но диссертационные работы, которые попадали в те годы к нам на экспертизу, я подразделял на три группы: «хорошие», «плохие» и «азербайджанские». Еще раз повторяю, ничего обидного в этом для народа Азербайджана нет. Тогда, в начале 70-х годов, я подозревал (но доказать это было трудно), что где-то на берегу Каспийского моря ак-

тивно и продуктивно работает некий «трест» по производству кандидатских диссертаций, создаваемых с помощью ножниц и клея из разнообразного сырья (авторефератов уже защищенных диссертаций, отрывков из монографий и статей, а иногда и целых глав, вручную переписанных в Ленинской библиотеке, придуманных «экспериментальных» данных). Тогда это была только гипотеза. Через много лет мне рассказали, что она была справедлива.

Проходила через экспертную комиссию диссертация некоего Мамедова: «Психологические взгляды В. М. Бехтерева». Я неплохо знал творчество В. М. Бехтерева и поэтому проявил интерес к этой работе, взяв ее на предмет рецензирования. Беглый просмотр «по диагонали» позволил мне судить о том, что диссертант серьезно обсуждает серьезные вопросы. Через некоторое время Мамедов появился в моем служебном кабинете с просьбой, чтобы я дал ему мой домашний адрес. «Зачем?» Он хочет послать мне поздравительную открытку. «Пошлите на адрес Академии». Это его явно не устроило. На том мы и расстались. Когда подошел срок осуществить экспертизу, я понял, почему мне исследование Мамедова показалось «серьезным» и, на первый взгляд, даже понравилось. По-видимому, у меня обнаружился комплекс своеобразного нарциссизма — я сам себе понравился, потому что при ближайшем рассмотрении оказалось, что диссертант переписал десятки страниц из моей книги по истории психологии.

Разумеется, он был вызван на очередное заседание экспертной комиссии, и ему доходчиво объяснили, что за плагиат ученая степень не полагается.

Обычно я задерживался, для того чтобы подписать протоколы заседания, и уходил из здания ВАКа последним. Уже стемнело. Вестибюль не был освещен, и когда от стены отделилась какая-то фигура, я сразу понял, что дискуссия о психологических взглядах В. М. Бехтерева еще не завершилась. Прикидывая, каким способом я могу предупредить нападение, и соображая, предполагает ли он пустить в ход нечто острое, я занял более удобную позицию и спросил его: «В чем дело? Вроде бы разговор у нас окончен».

Однако никаких драматических событий не произошло. Воспроизвожу запомнившийся мне диалог:

— А что если она признается?

— Кто?

— Ну, эта, секретарь ученого совета в Ленинградском университете, где я защищался.

— В чем признается?

— Ну, что она послала не тот экземпляр диссертации. Ошиблась, бывает же...

Тут у меня исчез всякий интеллигентский лоск. Обращаясь к нему на «ты», что вообще-то мне не свойственно, я напрямую спросил:

— Хочешь ее купить?

— Нет, зачем купить? Просто так признается.

То, что я ему ответил, приводить по известным соображениям не буду. Уже не опасаясь удара сзади, я повернулся к нему спиной и вышел на улицу.

Уйти-то я ушел, но этим все не кончилось. Инспектор ВАКа рассказала мне, что Мамедов после этого появился у нее в кабинете с новой блестящей идеей. Между ними состоялся следующий разговор:

— Это не я у него списал о В. М. Бехтереве. Это он у меня списал.

— Каким образом?

— Я опубликовал статью о В. М. Бехтереве в журнале. Вот он ее и списал.

— В каком журнале?

— В бакинском.

— На каком языке?

— На азербайджанском.

Инспектор Кира Витальевна Бахтиарова придвинула ему листок бумаги и сказала: «Пишите заявление, но помните, если факты не подтвердятся, вас будут судить здесь, в Москве, за клевету».

«Специалист» по Бехтереву произнес какие-то слова, которые инспектор не смогла мне перевести, повернулся на каблуках и ушел. Мой «плагиат» так и остался нераскрытым и неотомщенным.

Я уже стал забывать об этой истории, когда мне на глаза попался ВАКовский бюллетень, из него я узнал, что Мамедову (инициалы не помню) присуждена ученая степень кандидата философских наук. Он защитил диссертацию уже не по психологии, а по философии, несколько изменив название — «Философско-психологические воззрения В. М. Бехтерева». Эту диссертационную работу я так и не прочел. Поэтому не имел возможности порадоваться по поводу широкой популяризации моих идей в философской среде. Воистину, если «нельзя, но очень хочется, то можно».

Конечно, не надо думать, что так велик процент подобных кандидатов наук. Ученые советы и ВАК в общем-то всегда вели борьбу с просачивающимися в науку пронырами, останавливали их на уровне защиты, пытались «зарубить» на экспертных комиссиях и выше. Печально обстоят дела, если так шутят: «В доктора пошел середняк». Они-то и воспроизводят третьесортных кандидатов. Конечно, этот поток не смогли остановить всевозможные «строгости», которые изобретали «ваковские начальники»: ширина полей в диссертации — столько-то справа, столько-то слева, оформление библиографии без малейшего отступления от стандарта, максимально доступный допуск «неофициальных оппонентов», запрет на банкеты по случаю защиты и т. п.

Каждый диссертант должен был представить справку о внедрении его результатов исследования в практику. Скажу откровенно: это был чистейший абсурд. Представьте себе диссертацию по истории развития науки в Испании XVIII века. Какая организация в этом случае должна дать справку о внедрении результатов этих научных изысканий в практику социалистического строительства? Парламент в Мадриде? Как известно, крупнейшие научные учреждения нередко годами добивались внедрения итогов их работ в практику без каких-либо обнадеживающих результатов, а тут кандидат в кандидаты обязан был рапортовать ученому совету, что все его замечательные идеи приняты «на вооружение», а также представить соответствующую справку.

Бедные соискатели! Движимый чувством сострадания, я решил помочь им облегчить их тягостную участь. На 16-й полосе «Литературной газеты» я опубликовал полезные рекомендации под названием «Памятка диссертанту»:

Соискателю ученой степени не позавидуешь. Хорошо, если ему удалось раскрутить какую-нибудь спиральку генетического кода, прочитать ронго-ронго с о. Пасхи, обучить пятилеток фонематическому анализу или докопаться до женского имени, которое Грибоедов или Лермонтов тщились оставить скрытым от потомков. Такому и горя мало. А вот если тема вашей диссертации отнюдь не генетический код, а, к примеру, «Речевка "Баба сеяла горох" как средство трудового и физического воспитания»? А тогда так – берусь помочь, опираясь на богатый опыт.

Диссертация. Исходите из постулата, что диссертацию не читают, на нее ссылаются. А кому ее, собственно, читать? Оппонентам? Но если оппонент умный, он все поймет из автореферата, а в вашем случае – из названия. А если он – не очень-то, чтение двухсот страниц вашего кирпича ума ему не прибавит, и он все равно может вычитать там такое, что вам и не снилось. Членам специализированного совета? Если вам мнится: они штурмуют накануне вашей защиты читальню, чтобы узнать в подробностях, что вы думаете о бабе, сеющей горох, – то преддиссертационный психоз, по-видимому, обострил у вас и без того богатое воображение. Прочим смертным ваша машинопись с полями 2 см справа и 3 см слева попадается на глаза в публичной библиотеке, по счастью для вас, к тому сладкому времени, когда вы отметите ваш пятидесятилетний юбилей. «Рукописи не горят, – вздохнул один молодой кандидат наук, – а жаль...».

Автореферат. Это уже серьезнее, не забывайте, что он размножается в ста экземплярах. Напомню, схема автореферата незыблема: актуальность, новизна, достоверность, практическая значимость исследования. Итак, заполним ее.

Актуальность. «...Сейчас, когда в разгаре (начинается, только что закончилась) посевная (прополочная, уборочная) гороха, мы должны воспитывать наших детей в духе уважения к труженицам полей, которые...».

Новизна. Попытайтесь подчеркнуть отличие речевки как хорового выкрикивания стихов в ритме движения от сонетов Петрарки, экикиков по К. Чуковскому, сирвент Бертрана де Борна, частушек, записанных диссертантом в Раменском районе Московской области. Новизна подобных сопоставлений будет оценена оппонентом.

Достоверность. Следует лично засвидетельствовать достоверность методов и результатов собственного исследования в выражениях возможно более энергичных.

Практическая значимость. Обзаведитесь соответственно заверенной выпиской из протокола собрания детей и воспитателей ближайшего к дому детсада. Здесь должно быть отмечено, что: 1) сочетание трудовых операций (сеяние гороха) и физкультминутки («прыг-скок, прыг-скок») благотворно для развития детей; 2) безответственное поведение бабы, нашедшей на дороге, может быть, грязный пирожок («баба шла, шла, шла, пирожок нашла») и съевшей его («села, поела, опять пошла»), позволило всем детсадовцам осознать и усвоить гигиенические навыки и, наконец, 3) пляска после полеводческого труда и бодрящей прогулки является апофеозом эстетического развития личности ребенка («баба стала на носок, а потом на пятку, стала русского плясать, а потом вприсядку»).

Оппоненты. Впрочем, пусть об оппонентах думает ваш руководитель. Это пусть он выбирает их из числа своих приятелей, пишет для них «болванку» будущего отзыва, договаривается об ответных действиях, к примеру, выражает жертвенную готовность оппонировать работу аспиранта уважаемого оппонента на животрепещущую тему «Роль указки в учебном процессе» (Такая статья (правда, не диссертация) была действительно опубликована в «Ученых записках» одного пединститута). Это его забота, не ваша.

Защита. Сейчас как-то вышли из моды заблаговременные приглашения членов ученого совета на послезащитный банкет («Жду вас с вашей супругой в "Арагви" к 8 часам...»), заботы о транспортировке профессора на заседание («К какому часу подать вам машину? Может быть, с утра?»). Не в чести и прочие грубые ласки. Рекомендуются более деликатные формы. Вот примерная модель. При выборах в некую академию баллотирующийся поочередно попросил каждого выборщика: «Я не надеюсь пройти, но не хочу позора. Пусть будет хоть один голос за меня – ваш!». Говорят, прошел единогласно.

В вашем случае уместен следующий прием. Заранее готовятся два неофициальных оппонента (на защите по инструкции могут выступать все желающие). Первая, не скрывая родственных связей с вами, говорит о ваших редкостных способностях к науке, о том, что защищаемую речевку про бабу она своими ушами слышала от вас, когда вам было шесть лет, и тогда же предсказала вашу блестящую будущность. Во время ее речи вы должны страдать, ломать руки и шепотом умолять тетю Лушу покинуть кафедру. Будьте уверены, председатель одернет вас, так как он больше всего боится каких-либо процедурных нарушений. При этом члены совета кивками и улыбками будут выражать сочувствие вашему тягостному положению. К этому времени самая пора выпускать второго неофициального. Пусть, забравшись на кафедру, он первым делом чохом обвинит весь совет в некомпетентности, косности и кумовстве. Дальше он должен выразить уверенность, что вы все списали из какого-то ему неведомого, но сомнительного зарубежного источника. Наконец, объяснив, что он сосед по подъезду, и проинформировав совет, что вы побуждаете свою собаку гадить у него под дверью, призовет единодушно вас провалить. Теперь не тревожьтесь – голосование будет наверняка в вашу пользу.

Банкет. Компетентные лица уверяют, что еще не было случая, чтобы после успешной защиты диссертант и его знакомые не подняли стаканы и не сдвинули их разом. Другие, не менее компетентные, настаивают, что это предосудительно, с точки зрения ВАК. Неустранимый диссонанс между человеческой природой и регламентированием? Ничуть не бывало – есть, оказывается, выход. Просто надо заранее уговорить любящего дядюшку диссертанта перенести свои именины на день защиты. В святцы никто не заглянет, а для дяди защита племянника уже сама по себе именины сердца.

(П. Торик)

В конспиративных целях я использовал псевдоним, понятный только моим родным и близким (так меня называли в детстве). Желательно объяснить, почему мне это понадобилось. Не исключалось, что ВАК после ознакомления с моими соображениями по поводу процедуры защиты проявит нездоровый интерес к диссертациям, защищенным под моим руководством.

Я, конечно, мог бы продолжить рекомендации, но некий известный мне случай пресек мою тягу к советам и назиданиям. Один мой знакомый, филолог по специальности, ужасно боялся защиты. Ему казалось, что он не сможет слова вымолвить, излагая содержание своей диссертации перед грозным ученым советом.

Компетентный приятель посоветовал ему перед началом защиты немного выпить. Соискатели в эти решающие дни находятся на грани патологии и предельно внушаемы. Поэтому он послушался совета и в самом деле блестяще выступил. Эмоционально, с подъемом. А когда под одобрительный шумок зала сошел с кафедры и сел, чтобы выслушать выступление первого оппонента, он... заснул. Три года после этого ему пришлось добиваться разрешения повторной защиты.

Кстати, все-таки рискну дать еще один совет, тем более что совершенно безобидный. Никогда не забывайте о ревнивом отношении вашего оппонента к собственной персоне. Не преувеличивайте его скромность. Может случиться «прокол». Однажды после успешной защиты, где оба оппонента осчастливили диссертанта блестящими отзывами, на банкете произошел печальный казус.

Утративший, в силу понятных обстоятельств, должный контроль над собой диссертант не провозгласил тост в честь одного из оппонентов. Тот на банкете исправно пил и ел. Однако, вернувшись домой, тут же написал письмо в ВАК, где признал свою ошибку в оценке диссертации: теперь он видит, что работа соискателя ни в коей мере не соответствует высоким ВАКовским требованиям.

Диссертанты, будьте бдительны!

Смех смехом, но мне известно, что вырезку с моими несолидными «рекомендациями» многие соискатели тех лет сохраняли, а кое-кто о них помнит и сейчас.

Надо отдать должное сотрудникам Отдела сатиры и юмора «ЛГ» («Клуб 12 стульев») — они ничего не изменили в тексте «Памятки». Впрочем, несколько слов было изъято и заменено отточием. Вот как было изначально в моей рукописи: «Актуальность. В свете решений (задач)... съезда КПСС (указать порядковый номер, желательно римскими цифрами), сейчас, когда в разгаре...» (и далее по тексту). Совет был дельный и основанный на многолетнем опыте. О чем бы ни шла речь в диссертации, она в девяти случаях из десяти начиналась словами: «В документах XXV съезда...», «XXVI съезд в своих решениях...» «На XXIII съезде КПСС подчеркивалось...», «В постановлениях ЦК КПСС указывается...» и т. д. Это был обязательный ассортимент, которым оснащался первый абзац автореферата, подготовленного диссертантом.

В этом ошибаться было нельзя — чревато неприятностями. Вместе с тем я мог бы дать и другие рекомендации, значение которых и сейчас не утрачено. К примеру, соискатель в автореферате не мог позволить себе пропустить упоминания о вкладе, который внесли в разработку проблемы, явившейся предметом исследования, оппоненты, рецензенты и, по возможности, члены диссертационного совета. Впереди у диссертанта Экспертный совет ВАКа — а там одни «генералы от науки». Попробуй их не помянуть хотя бы общим списком в качестве отцов соответствующей отрасли знания. Первые страницы автореферата превращались в своего рода «телефонную книгу». И об этом следовало бы мне напомнить диссертанту, который в предзащитный период похож на зайца, убежденного, что кавалерийская атака направлена лично на него.

Из-за ограниченности газетной площади я многие из этих «рекомендаций» и тогда обошел. Например, что, составляя список «авторитетов», следовало тогда проявлять особую осмотрительность...

Шло заседание Специализированного совета в Академии МВД СССР. Вел заседание председатель, генерал-лейтенант Сергей Михайлович Крылов. Это был удивительно смелый, умный и инициативный человек. Судьба его сложилась трагически. После пристрастной проверки Академии комиссией генерал Крылов застрелился.

На этом совете диссертацию защищал мой аспирант. Являясь заместителем председателя, я сидел рядом с Крыловым. Процедура защиты уже близилась

к концу, когда к нам подошел ученый секретарь Академии, чем-то явно взволнованный. Подсев к столику, он тихо сказал, так что слышали его только я и председательствующий: «Сейчас позвонил из ЦК Александр Александрович Абакумов и сказал, что диссертант в тексте работы упомянул Неймарк. Он просит обратить на это внимание!»

Для нас было понятно, что стоит за «просьбой обратить внимание». Требовалось любым способом дезавуировать диссертанта. Причина была очевидна: профессор Мария Соломоновна Неймарк незадолго перед этим эмигрировала.

Сергей Михайлович долго молчал. Потом сказал: «Телефонный звонок к протоколу совета не пришьешь. Будем продолжать работу...».

До сих пор теряюсь в догадках, как наш «куратор» так ловко подгадал сообщить о «криминале» именно во время защиты. Случайность? А может, и нет. Сорвать защиту означало крупные неприятности для нас с Крыловым. Игнорировать звонок «сверху» — тоже несладко.

Надо сказать, идеологический контроль над делами аттестационными был строжайшим. Впрочем, история России знает несколько периодов, когда цензурный гнет был не менее строг, чем в советские времена.

Пятьдесят пять лет назад в журнале «Вопросы философии» мною была опубликована статья, где рассказывалось об аутодафе, жертвой которого стала в екатерининские времена диссертация магистра Московского университета Дмитрия Аничкова.

Д. С. Аничков оставил после себя много книг и речей, произнесенных на собраниях Московского университета и напечатанных в университетской типографии. Особый интерес представляет для нас его сочинение «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания, которое по приказанию его превосходительства Василия Евдокимовича Адодурова Императорского Московского Университета господина куратора и по представлению его высокородия Михаила Матвеевича Хераскова оного же университета господина директора с согласием притом всех господ профессоров, производимый ординарным публичным профессором в публичном собрании на рассмотрение предлагает философии и свободных наук магистр Дмитрий Аничков».

Как можно видеть из весьма распространенного заглавия, работа эта являлась диссертацией, которую Аничков представил для получения звания ординарного профессора. Это было в августе 1769 года в Москве. В то время там подвизался член Российской академии, известный всей Москве кляузник, протоиерей Архангельского собора Петр Алексеев. Протоиерей, которому попала в руки эта книга, донес на Аничкова, обвинив его в атеизме. 24 августа 1769 года состоялась университетская конференция, на которой группа реакционных профессоров заявила протест против материализма Аничкова. Профессор Рейхель, по свидетельству историка Московского университета Шевырева, «в особенной латинской речи» упрекал Аничкова в том, что он слишком увлекся Лукрецием, которого Рейхель называл «между философами пролетарием». Так как в «до-ношении» протоиерея Алексеева в Синод говорилось, что Аничков явно «восстает противу всего христианства, опровергает Священное Писание, Богознамения и чудеса, рай, ад и дьяволов, сравнивая их с натуральными и небывалыми вещами, а Моисея, Самсо-

на и Давида — с языческими богами, а в утверждение того приводит безбожного Эпикура, Лукреция да всескверного Петрония», то Синод определил отобрать все экземпляры книги Аничкова и сжечь ее в Москве на Лобном месте, что и было приведено в исполнение немедленно...

История, как известно, склонна повторяться.

Хронопсихология свидетельствует, что при изменении места и обстоятельств действия психологическая сущность феномена через десятилетия или столетия оказывается воспроизводимой, фактически идентичной. Неслучайно, что поведение римских цезарей выступало не один раз моделью для действий властителей в последующие эпохи. В историческом сознании они выступали как идентичные, различающиеся лишь в деталях и антураже.

ГЛАВА 10

Времени и вероятности вопреки

1. Чудеса, да и только

До сих пор мне приходится встречать людей, которые считают, что представители моей специальности, главным образом, занимаются «мистическими» тайнами души человека, к примеру ясновидением, телекинезом и прочими чудесами. Должен разочаровать. Действительно, иной раз мы обращаемся к этому. Но отнюдь не такова главная задача для психологов. Тем не менее, обойти этот вопрос я не могу — ожидания должны быть удовлетворены, хотя бы частично. Мелькают же на экранах телевизоров разные чудодеи и тьма гадалок, прорицательниц и целителей. Они появляются на экране и бесследно исчезают, уступая место новым кумирам. Помните мужа и жену по фамилии Глоба? Где они теперь? Кому ворожат? Только подумать, как смело супруги предсказывали, что с нами произойдет через четыре года, или объясняли, в каком районе Москвы более, а в каком менее благоприятную психологическую и деловую атмосферу обеспечивают сочетания созвездий. Что-то я не слышал о подтверждении прогнозов и рекомендаций. Однако писать об этих героях телевизионного экрана как-то не хочется. Уж слишком они напоминают мне Ходжу Насреддина из чудесной повести Л. Соловьева. Помните, как знаменитый «возмутитель спокойствия» исполнял роль мудреца и астролога перед эмиром бухарским, причем все: и головную боль эмира, и недостаток воды на полях, и повышение цен на пшеницу — объяснял исключительно путем ссылок на звезды. «Звезды Сад-ад-Забих, — говорил он скучным голосом, — противостоят созвездию Водолея, — в то время как планета Меркурий стала слева от созвездия Скорпиона. Этим и объясняется бессонница повелителя». При этом Ходжа Насреддин про себя отмечал: «Всемогущий Аллах, до чего он глуп! Он еще глупее калифа багдадского!».

Меня живо интересует вопрос: на каких современных эмиров, калифов и особ поменьше рангом рассчитывают современные астрологи? Но я не буду писать о них исключительно по причине мелочного чувства личной обиды, поскольку они смело предсказали результаты футбольных матчей сезона, а звезды их и меня подвели...

Но автор все-таки должен посчитаться с ожиданием многих людей, которые думают, что психолог — это именно тот человек, с которым можно поговорить о всяких загадочных явлениях: о чтении мыслей на расстоянии, мальчике, который своим взглядом все поджигает, экстрасенсах и других чудесах.

— Знаете, я видел НЛО, — сказал как-то осенью один из моих собеседников. — Поздним сентябрьским вечером над лесным массивом Заволжья завис светящийся

шарик, из которого к поверхности Земли потянулись световые «усики». По всем признакам НЛО. Что вы думаете об этом как психолог?

— Совершенно верно, это был именно НЛО.

— Вы не отрицаете?

— Ну как же? Неопознанный?

— Неопознанный.

— Летающий?

— Летающий.

— Объект?

— Объект.

Так что же здесь отрицать? Каждый из нас время от времени видит в небе что-то неопознанное и летающее. Другое дело, если бы вы утверждали, что видели корабль инопланетян, тогда, извините, это не ко мне. Я не специалист по межзвездным скитальцам.

Моя соседка по лестничной площадке как-то меня остановила:

— Вот вы не верили! А все подтвердилось! Оказывается, живут люди на других планетах, с ними уже научились разговаривать. Я сама об этом по радио слышала.

Пришлось ей объяснить, что она что-то недослышала. Да, действительно, проходил симпозиум по внеземным цивилизациям. Да, ученые ищут братьев по разуму. Пытаются расшифровать сигналы, идущие из глубин Вселенной.

Подобные погрешности восприятия теле- и радиоинформации, конечно, происходят не случайно, а отвечают известной потребности людей выйти за пределы обыденного. Причем выйти в такие области, которые современным уровнем научных знаний не объяснены. Логика здесь проста: раз уж мы смогли добиться при научно-техническом прогрессе удивительных результатов, то почему бы не сделать еще один шаг и не добраться до сверхудивительного? Я, естественно, не специалист ни по «летающим тарелкам», ни по «снежному человеку» или Бермудскому треугольнику. Все это явления чрезвычайно интересные, но абсолютно разнородные, и нет такой единой отрасли знания, которая объединяла бы все это. А если бы была такая возможность, я убежден, что кто-нибудь уже постарался бы обозначить все это какой-нибудь «логией». Ну, скажем, «неведомологией»...

Итак, не имея возможности в целом опровергнуть эти явления или в целом подтвердить, я могу лишь попытаться найти общую основу для обсуждения всего этого, но уже в совершенно иной области. Потому что общая основа разговоров, споров и ссор по поводу удивительного и загадочного действительно лежит в области психологии. Существует определенная психологическая предрасположенность, которая как бы заставляет нас верить в чудесное, причем иногда вопреки разуму, а иногда и в полном соответствии с ним. Эта общая закономерность — «психологическая установка».

Явление установки выступает в виде своеобразной веры во все, во что человек хотел бы поверить, или в то, что оказалось ему внушенным. Люди по-разному предрасположены к этим воздействиям. Некоторое время назад мне предложили принять участие в создании научно-популярного телевизионного фильма, который был посвящен психологической подоплеке веры в чудеса (он назывался «Жгучие тайны века»). Режиссером этой передачи был Л. Николаев. С ним

я много работал на Центральном телевидении. Продумывая вместе с режиссером и сценаристом план фильма, я предложил показать, как психологическая установка на «чудо» может создать иллюзии там, где у людей, казалось бы, есть полное ощущение объективности оценок. В этом фильме не было попытки опровергнуть что-то конкретное, как и не было поползновений что-то доказать. Мы пригласили разных людей. Некоторые из них утверждали, что сами видели «снежного человека», другие говорили, что они получили точную информацию от тех, кто видел, третьи высказывались скептически. Были и такие, кто относился с верой к тайнам Бермудского треугольника и кто не верил в его существование. В итоге были продемонстрированы разные точки зрения, но не сами они нас интересовали, а то, что за ними стояло, — психологические феномены.

Обе крайности опасны — и некритическое принятие «чуда» и отбрасывание всего, что не укладывается в рамки привычного. Уверен, что крайности здесь не нужны. И тех, кто пытается разобраться в природе очередного «чуда», нужно поддерживать, но в пределах той науки, которая в этом компетентна. Пусть вопрос о «снежном человеке» решают биологи, этнографы, антропологи. Раз люди ищут, я бы воздержался от скоропалительных заключений на этот счет. В конце концов, в поисках «философского камня» были открыты новые химические элементы. Поиски тунгусского метеорита тоже немало дали науке. Та или иная гипотеза фантастична, но если проверка ведется научным способом, то, как правило, говоря языком химиков, в «сухом остатке» что-нибудь и для науки да будет.

НЛО — неопознанный летающий объект. Я подчеркиваю: не инопланетный корабль, а объект, который люди действительно могут видеть. Но объяснение — уже вне объективного наблюдения. Оно идет от установки человека, от его прежних знаний и многого другого. Вот этот момент трактовки для психологии наиболее интересен. Нечто, напоминающее случаи с эпидемией интереса к НЛО, уже было в прошлом. Выдающийся русский психолог и психиатр В. М. Бехтерев в вышедшей в 1903 году книге «Внушение и его роль в общественной жизни» писал: «Вероятно, многие еще помнят, что при обострившихся отношениях с Германией начались странные полеты в Россию прусских воздушных шаров. Множество лиц свидетельствовало об одновременном видении этих шаров, несмотря на то, что современная аэронавтика не давала оснований верить в действительность этих полетов. Ввиду этого не без основания была высказана мысль, что эти полеты прусских шаров относились к области массовых галлюцинаций, обусловленных направлением умов в сторону возможных неприязненных действий против нас со стороны Германии. Не повторилась ли та же история и с шаром Андре[1], улетевшим к Северному полюсу?

Сколько было получено в свое время телеграмм из разных концов северного полушария о том, что масса людей видела шар Андре. Не имели ли и здесь дело с массовой иллюзией или галлюцинацией, подобно тому, как это было, по-видимому, с прусскими воздушными шарами? Такое объяснение, по крайней мере, напрашивается само собою, когда читаешь мельчайшие подробности о видении шара Андре несколькими лицами той или иной местности».

---

[1] Андре Саломон Август (1854–1897) — полярный путешественник, погибший при попытке достичь Северного полюса на воздушном шаре.

Трудно сказать, какие конкретные атмосферные явления (округлые облака, световые блики и т. п.) послужили толчком для подобных видений. Однако социально-психологические причины их очевидны. Воздушные шары видели люди, у которых фантазия была активизирована определенным эмоциональным состоянием, чьи мысли и представления приобрели определенное, заданное направление, другими словами, те, у кого сформировалась психологическая установка. Позиция человека, который с порога опровергает само существование явлений, не имеющих пока объяснений и потому кажущихся таинственными, ничуть не лучше наивной веры в чудеса. Позволю себе сказать, что только вдумчивое отношение к заинтересовавшему вас факту, пусть самому удивительному, серьезное знакомство с литературой вопроса, понимание сути эффектов предвзятости, действия психологических механизмов установки, может быть, позволят отделить «злаки от плевел» и обрести собственную точку зрения. После такого предисловия, как может показаться, тема «Психолог о чудесных явлениях» должна быть закрыта. Однако это не так. Нельзя обойти молчанием встречи с людьми, обладавшими способностями, поражающими каждого, кто с ними встречался, и в том числе автора этой книги.

Если бы я выбирал эпиграф к этой части моих записок, я совершил бы, не задумываясь, плагиат, покусившись на интеллектуальную собственность моих любимых писателей А. и Б. Стругацких: «А вы сами-то верите в привидения? — спросил лектора один из слушателей. — Конечно, нет, — ответил лектор и медленно растаял в воздухе».

Дело в том, что я человек недоверчивый. Правда, не в общеупотребительном значении этого слова. Когда я слышу рассказ о том, что барабашка завелся и разбушевался в некоей московской квартире, я скорее всего скажу, как пресловутый чеховский персонаж: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Это то, что я бы назвал профессиональной недоверчивостью. Примечательно, что палеонтолог может поверить в барабашку, но не верит рассказам о чудовище озера Лох-Несс, океанолог допускает возможность существования «снежного человека», но смеется над выдумками о Бермудском треугольнике, психолог готов согласиться с рассказами о внеземном происхождении архитектуры Баальбекской террасы, но не верит, как правило, в телепатическую связь «Москва—Владивосток».

Однако мне некуда деться, поскольку с удивительными историями, проходящими по «департаменту психологии», мне пришлось столкнуться в годы весьма ранние, не говоря уж о последующих событиях и встречах.

2. Мальчуган в коридоре Наркомпроса

Тетушка моя работала в библиотеке Наркомпроса, что на Чистых прудах. Уж не помню, в каком году это было. В 1936-м? 1937-м? Но я приходил к ней почитать журнал «Вокруг света» — там сохранилось несколько старых комплектов.

Вот сижу я за столиком, читаю. Тетя Маша куда-то ушла и, когда вернулась, рассказала мне удивительную историю. Только что пришел в Наркомпрос мальчик лет девяти с мамой. Мать зашла в один из кабинетов на третьем этаже и сказала, что она не знает, как ей поступить. Ее сын, во всем остальном ничем от сверстников не отличающийся, все помнит и ничего не забывает. Сотрудница позвала мальчика, дожидавшегося в учрежденческом коридоре, хотя и впрямь не знала, что ей с ним делать. Педологов только что разгромили, а это именно они занимались особо одаренными. Идеологический штамп того времени: СССР — страна талантов, страна героев. А поскольку «у нас все талантливы», то заниматься особо одаренными Наркомпросу не с руки. Достаточно было по тем временам одного Буси Гольдштейна в музыке и Мамлакат Нахангговой на уборке хлопка.

Но делать было нечего. Сотрудница попросила мать позвать мальчика. Собственно, она не знала, о чем его спросить. Мальчик, который, по-видимому, не в первый раз вынужден был участвовать в таких смотринах, догадался ей помочь:

— Тетенька, — предложил он. — Там у вас в коридоре висит стенгазета, я ее прочитал. Хотите, я ее вам перескажу?

Принесли огромную тоскливо-вымученную (как я теперь догадываюсь) «стеннуху», разложили на столе. Мальчик отошел к окну и, глядя на верхушки деревьев Чистопрудного бульвара, прочитал газету от первого слова до последнего, ни разу не сбившись. После чего предложил прочитать «шиворот-навыворот» от последнего до первого слова. Но наркомпросовская дама убоялась.

— Мистика! — сказала она, понимая, что за потворствование мистике можно и неприятности нажить.

Мальчика вернули в коридор, а натужливая беседа с его матерью продолжалась...

Услышав от тети Маши эту историю, я сразу же помчался на третий этаж.

Мальчик, немногим меня младше, сидел на деревянном учрежденческом диване и болтал ногами в коротких брючках. Чуть поодаль висела длинная простыня стенгазеты. Я подошел к ней, прочитал несколько строчек передовой статьи и, закрыв глаза, попытался их воспроизвести. Ничего не получилось. Там было много неизвестных мне слов (наверное, каких-то политических штампов).

Вздохнув, подошел к мальчику. И, не зная, что спросить, сказал:

— Это про тебя рассказывали? — Он, не переспросив, кивнул.

— А ты и вправду с конца прочитать сможешь?

— Могу.

— Ну прочти, — я отошел к стенгазете и крикнул:

— Читай!

Он медленно, но без запинки прочитал последнее слово, потом предпоследнее, потом следующее. Получилась какая-то абракадабра. Но слова были именно те.

В это время из комнаты вышли две женщины, взяли мальчика за руку и куда-то повели.

Уходя, он обернулся и показал мне язык. Было очень обидно.

Об этом обидевшем меня мальчугане я вспомнил через много лет, возвращаясь из лицея (московская школа № 1521) — своего рода питомника для высокоода-

ренных детей. Действительно, удивительное учебное заведение. Достаточно привести только один пример. Два ее ученика, окончив в 12 лет курс средней школы, сразу же были приняты в Московский университет. Они его за короткое время окончили, защитили дипломы, которые были им зачтены как кандидатские, и... уехали работать за границу. Так мне, во всяком случае, рассказывали.

Я вместе с группой сотрудников Президиума Академии сидел в кабинете директора школы. Побеседовав с директором, Хромовой, я попросил пригласить в кабинет мальчика, о котором мне рассказывали. Знал, что он учится в девятом классе и ему около одиннадцати лет. Директор сказала, что его сейчас позовут, а потом несколько смущенно заметила:

— Он хороший мальчик, но не всегда бывает вежлив. Как-то раз с ним беседовал корреспондент газеты и после нескольких вопросов, которые поставил «интервьюер», его собеседник сказал: «Извините, мне неинтересно с вами разговаривать». Встал и, попрощавшись, ушел. Но я все-таки его сейчас приглашу.

Мне стало понятно, что моя репутация психолога сейчас будет поставлена «на карту». В кабинет вошел невысокого роста мальчуган, на вид ничем не отличающийся от обычных пятиклассников. Поздоровался и сел против меня. По-видимому, ему сказали, с кем ему придется общаться. Он хмуро смотрел в сторону.

— Каким видом спорта ты увлекаешься? — спросил я.

Он явно удивился вопросу, но ответил: «Вообще-то, спортом я не увлекаюсь, но люблю ходить на лыжах». Тогда я попросил его: «Ты разрешишь пощупать твои мускулы?» Он мог ожидать что угодно, но только не такой вопрос и не такую просьбу. Но, тем не менее, послушно согнул и напряг руку. Я нащупал на предплечье небольшой желвак: «Ого! — сказал я. — У тебя прорастает неплохой бицепс. Перспективно!»

Мальчик просиял и не без гордости посмотрел на директора. Судя по всему, он привык к восторгам, связанным с его редкостным интеллектом. Однако никто, как можно полагать, не восхищался его физическими статями. Лед был сломан:

— После школы ты собираешься идти в университет?

— Угу.

— На какой факультет?

— Биологический.

— Тебя интересует какая-либо конкретная проблема в области биологии?

— Да, происхождение жизни на Земле.

— У тебя есть какая-либо гипотеза на этот счет? Какой версии ты придерживаешься?

— Космический ветерок занес, — улыбнулся мальчик. — Отсюда и жизнь пошла.

— А как ты определяешь, что такое жизнь?

— Вообще-то существует определение: «Жизнь — это форма существования белковых тел», но это не более чем метафора. Научной дефиниции нет ни у кого.

— А у тебя?

— Думаю. Но пока еще не стану говорить о моей позиции. Рано.

После этого говорить с ним было вовсе нетрудно. Оказывается, он интересуется не только биологией, но и историей. Мы с ним поспорили о личных качествах императоров Александра II и Николая II. К царю-освободителю у него были претензии,

связанные с некоторыми аспектами освобождения крестьян от крепостной зависимости. В оценках Столыпина мы с ним сошлись. Однако он заметил, что политическая «физиономия» этого государственного деятеля ему кажется сомнительной и что ему больше импонирует граф Витте. Мои сотрудники, присутствовавшие во время этого разговора, явно с удивлением прислушивались к дискуссии, которую вел одиннадцатилетний мальчик «на равных» с президентом Российской академии образования.

Когда мы возвращались, я невольно вспомнил мальчика в наркомпросовском коридоре. В отличие от него, «вундеркинд» из школы № 1521 язык мне не показал и вообще ничем меня не обидел.

Если поставить перед специалистом в области хронопсихологии этих двух мальчуганов, хотя оба они явно принадлежат к племени вундеркиндов, различаясь лишь направлением своей одаренности, то в глаза бросается нечто другое, не связанное непосредственно с их удивительными качествами. В тридцатые годы на проблему удивительных способностей человека было наложено идеологическое табу. Сотрудница Наркомпроса с опаской смотрела на юного посетителя. Она думала о возможных обвинениях, которые ей будут предъявлены, в воспроизведении «педологических извращений», поскольку педологи занимались одаренными детьми и якобы унижали этим юных пролетариев. В 90-е годы этих проблем уже не было и мистического ужаса, общаясь с вундеркиндами, я, разумеется, не испытывал. Времена — другие, и отношение к необычному — другое.

3. Человек, который управлял временем

В этом названии нет никакого обмана и никакой мистификации. Речь идет о человеке, который, используя свои удивительные возможности, мог осуществлять перемещения, к примеру, обыкновенного студента в XVII или XIX век. Это было не только ретрохроноперемещение, но и перевоплощение. Испытуемый становился одним из выдающихся людей прошлых времен. Он мог быть окружен другими людьми, известными нам из истории, мог с ними беседовать, соглашаться или не соглашаться, спорить и т. п.

Как ни парадоксально, «перемещение во времени», в частности, было темой научной работы, которой я намеревался руководить. За годы моей научной деятельности я подготовил множество кандидатов психологических наук. По отношению к трем моим ученикам я потерпел фиаско. Среди них был врач Владимир Леонидович Райков. Он-то и управлял временем. Долгое время я пытался добиться, чтобы он написал кандидатскую диссертацию. По-моему, он тогда меня (опасался) и уклонялся от переговоров, потому что был занят другим, — он создавал, фактически впервые в нашей стране, серьезную концепцию гипнологии, которая явно не вмещалась в рамки кандидатской диссертации. Однако я ему помогал получить помещение для экспериментов, находился с ним в постоянном общении и пригласил его для участия в съемках фильма, который я тогда консультировал.

Это была научно-популярная лента «Семь шагов за горизонт». Съемки проходили на студии «Киевнаучфильм», в 1967–1968 годах. Фантастики в картине не было. Мы показывали строго документально возможности человека на грани невозможного. Там были люди с феноменальной памятью, удивительные импровизаторы, чемпион мира по шахматам, игравший вслепую на многих досках, и другие «чудеса».

Вернемся к Райкову. Я видел результаты его работы и, естественно, не хотел доверять им без проверки. Поэтому передо мной была задача выяснить: не являются ли какой-то подтасовкой те удивительные эффекты, которых он добивается. То, что можно было наблюдать во время проводимых им сеансов, казалось неправдоподобным, невозможным. Состояние, в котором находились его подопечные, трудно назвать гипнотическим сном — они были невероятно активны, и между тем эта активность была уж очень необычной. Райков обучал молодых людей, погруженных в «гипнотическое состояние»... рисованию. Собственно, слово «обучал» здесь не очень подходит. Обучением это было назвать трудно. Но как же по-другому этот процесс обозначить? Тем более речь шла о людях, которые, может быть, ни разу со времени своего детства не держали в руках кисточки или цветные мелки.

Происходило это так. Используя обычные приемы, он вводил юношу в состояние гипноза, а затем внушал ему, что он... Репин. Ни более, ни менее! Юноша, еще пять минут назад студент первого курса педвуза, преображался до неузнаваемости. Взгляд его, ставший снайперски пристальным, буквально сверлил натурщика и сразу же впивался в листок бумаги, прикрепленный к мольберту. Лицо отрешенное, движения удивительно точные, смелые, как будто выверенные давним опытом. Карандаш, легко скользящий по бумаге...

Райков смотрит через плечо «художника». «Дима, — говорит он мягко и заискивающе, — ты не находишь, что пропорции лица нарушены и тень здесь не на месте?». Молчание. Еще несколько попыток привлечь внимание к себе, и столь же безуспешных. Тогда Владимир Леонидович говорит, чуть погромче:

«Илья Ефимович! Обратите внимание: рот здесь сужен и плечо на портрете слишком поднято».

Довольно быстро следует высокомерный ответ: «Милостивый государь! Вы меня учить вздумали?!» И опять уходит в творческий процесс. Тогда Райков показывает на меня:

«Илья Ефимович! Вот и Владимир Васильевич Стасов так думает. Что-то на вашем рисунке с правым плечом неладно». Имя знаменитого критика и искусствоведа производит на «Репина» впечатление, он поднимает бровь и сверяет еще раз рисунок с оригиналом. «Да, пожалуй, — цедит он сквозь зубы, — что-то здесь не так». И он, к моему удивлению, очень быстро и успешно исправляет рисунок.

Выдавая человеку легенду, что он — Рафаэль, гипнотизер внушал ему удивительный подъем творческой энергии, предельно обострял внимание к деталям натуры, возбуждал эстетическое чувство, оживлял в памяти образы художественных произведений, которые испытуемый видел в прошлом, и отсюда результат, поражающий наблюдателя. Все рисунки снабжались гордыми подписями: «И. Репин», «Рафаэль» и т. д. Вот только даты на рисунках «Рафаэля» не всегда совпадали с годами его жизни. Ошибка бывала и на столетие.

Мне было подарено на память несколько набросков. Есть и удачные. Многие из «учеников» Райкова и вне сеансов гипноза продолжали и продолжают упорно совершенствоваться в графике и живописи. Я видел интересную выставку их работ. Есть среди них и сравнительно слабые работы (хотя, по всей вероятности, ни я, ни многие из читателей все-таки не сумели бы так рисовать).

Удивляться я, конечно, удивлялся. И глазам своим доверял. Однако возникал вопрос: «Может быть, это все-таки какая-то инсценировка, и испытуемые, сидящие перед мольбертами, вовсе не находятся в особом состоянии, а просто изображают то, чего ждет от них гипнотизер». Тогда я предложил контрольный опыт, пусть не столь эффектный, но предельно объективный. На этот, совершенно неожиданный для него, эксперимент Райков согласился.

Есть такая психологическая методика — тест Бурдона, или корректурная проба. Ее применяют при изучении устойчивости внимания, степени утомления и т. д. Суть в следующем. Испытуемому дают печатный листок, где в строчку набраны в случайном порядке буквы алфавита, и предлагают, идя по строкам, вычеркивать две буквы: «с» и «в». Затем подсчитывается количество ошибок (пропущенных или ошибочно вычеркнутых букв) и общее количество строчек, просмотренных за установленную единицу времени. Я предложил использовать корректурную пробу в целях выяснения достоверности опытов Райкова.

> Опишу эксперимент. Сначала испытуемый выполнял корректурную пробу. Результаты были обычными по количеству просмотренных строк и числу ошибок. Затем Райков усыпил испытуемого и внушил ему, что тот... Эйнштейн. Я потом поинтересовался у гипнотизера, почему, собственно, Эйнштейн. Он объяснил: «Просто мне нужно вызвать образ заведомо талантливого человека».
>
> Уяснив еще раз под гипнозом сущность инструкции, «Эйнштейн» приступил к выполнению. Скорость и точность его работы были невероятны, карандаш буквально летал над строчками, а ошибок было едва ли не вдвое меньше, чем до гипнотизации. Таких итогов выполнения теста Бурдона я до тех пор не встречал. Мой скепсис исчез.

Примечательно, что Владимир Леонидович не раз оказывал помощь тем, кто испытывал трудности в общении, переживал то, что в театральном и музыкальном искусстве именуется страхом сцены, поднимал настроение и внушал уверенность людям, попавшим в трудное положение, в ситуацию, которая казалась им безвыходной.

Помню студента, до дрожи боявшегося идти на экзамен по английскому языку. Райков внушил ему, что он дипломат, работает в Лондоне и прекрасно говорит по-английски. Это было так называемое постгипнотическое внушение: то, что содержалось в приказах гипнотизера, сохранялось и после пробуждения. Не думаю, что студент на экзамене говорил так, как мог говорить советский дипломат. Однако он чувствовал себя уверенно и заслужил отличную оценку. У меня пропали все сомнения — Райкова можно допускать к съемкам фильма.

Для того чтобы представить этого человека зрительно, я не могу ссылаться на фильм «Семь шагов за горизонт», потому что многие из молодого поколения его не видели, но я могу напомнить фильм «Агония». Там министра Хвостова, дья-

вольски улыбаясь, как это свойственно Владимиру Леонидовичу, играет сам Райков.

В конце нашего фильма Райков поворачивается к зрителям и, глядя прямо в глаза каждому, говорит с экрана: «Дерзайте! Вы — талантливы!». Мне кажется, что он прав, и мне хотелось бы это же сказать всем читателям моей книги: «Дерзайте».

4. Кое-что о говорящей лошади

Примерно в конце 60-х годов внимание не только ученых, но и широкой публики было привлечено к удивительному явлению, о котором раньше мы практически не слышали (если иметь в виду массовую аудиторию). Не так много знали и психологи об этом явлении, условно названном «кожно-оптическая чувствительность». Обладающие такой чувствительностью люди умеют различать цвета, очертания предметов, контактируя с ними без непосредственного соприкосновения.

Эксперименты такого рода осуществлялись где-то с начала 40-х годов, и блестящий результат был получен одним из наиболее видных советских психологов. Он описал его в своей книге, но очень неохотно потом вспоминал об этих экспериментах, вовсе не потому, что они были недостаточно точными, не в достаточной мере проверенными или дали отрицательный результат, а совсем по другим причинам.

Дело в том, что он был представлен в эти годы к Ленинской премии и, по всей вероятности (и его понять можно), опасался, что это могло препятствовать правильному решению высокого руководства и получению той награды, которую он вполне заслуживал. Его опыты, приводившие к не укладывающимся в рамки материалистического мышления выводам, могли вызвать у кого-то обвинение в том, что он поддерживает чуть ли ни мистические направления, и он всячески старался уходить от этой тематики.

Между тем совсем в другом уголке нашей страны — на Урале, в Нижнем Тагиле и в Свердловске, проводились эксперименты, причем не какие-то локальные, а, я бы сказал, широкий фронт экспериментов по изучению кожной светочувствительности. Там использовались специальные технические средства, которые могли дать достаточно точные данные о возможностях человека поверхностью ладони на расстоянии различать цвет и форму почти так, как если бы он видел это глазами. Конечно, это предполагало тренировку, и результаты не носили характера каких-то удивительных достижений, но, тем не менее, это было в достаточной мере показательно.

Насколько я помню, на Урале было около ста публикаций по данной тематике, но ни одна из них не проникала в центральные научные журналы — в их редакциях бдительно следили за тем, чтобы какие-то идеалистические и иные, не вписывающиеся в рамки привычного, данные не оказывали негативного и растлевающего влияния на читателей.

Эксперименты вел А. С. Новомейский. Сколько помнится, он был тогда доцентом Свердловского педагогического института. С самого начала замечу, что

это тяжело отразилось на его судьбе. Разными способами и на разных уровнях его критиковали, преследовали, травили. В результате всего этого он попал, скажем так, в «специализированную» больницу, но тем не менее я знал об этих экспериментах и решил, что их можно включить в сценарий фильма «Семь шагов за горизонт».

Эта смелость в какой-то мере объясняется тем, что я был в это время академиком-секретарем Отделения психологии и возрастной физиологии Академии педагогических наук СССР и меня было труднее «достать», чем доцента из Свердловска. Можно было дать и мне соответствующие разъяснения: что следует и чего не следует показывать зрителю. Вообще весь фильм «Семь шагов за горизонт» был сплошным риском для его создателей, и прежде всего для замечательного режиссера Феликса Соболева и сценариста Евгения Загданского. Этот фильм для меня стал «восьмым шагом за горизонт» моих прав и возможностей.

В фильме показано, как специально тренировавшиеся студентки педагогического института различали сквозь непрозрачные среды форму букв, цвета бумаги, предложенные им для эксперимента. Он проводился очень чисто, при полной невозможности подглядеть, получить какую-либо подсказку, в фильме об этом повествуется достаточно полно. Не стану подробно рассказывать о фильме — его видели многие, он шел на экранах несколько лет. В последующие годы выросло несколько поколений зрителей, не знакомых с ним. Его и сейчас бы смотрели с достаточным интересом.

Скажу о другом — о том, чего не было в фильме. Начало этому движению положила полуграмотная женщина. Отсюда и название — «эффект Розы Кулешовой». Я общался с ней в период съемок фильма и не только тогда. Сначала в Киеве, а позднее в Москве, она была в моем служебном кабинете, и, надо сказать, что она мне доверяла. В какой-то мере и я ей доверял, исходя, правда, из принципа: «Доверяй, но проверяй!».

Роза Кулешова — молодая женщина (по-моему, ей тогда было около 30 лет). Как она мне рассказывала, работала техничкой в интернате для слепых детей. Открытие, которое она сделала для себя при фантастических обстоятельствах и по не менее фантастическим мотивам, стало отправной точкой для гипотез и экспериментов, проводимых учеными. Это чем-то напоминало открытие Колумбом Америки: не то искал, но нашел нечто, еще более ценное. Она наблюдала, как слепые дети учатся читать по рельефно-точечному шрифту Брайля. Ей очень хотелось поступить учиться то ли в техникум, то ли в училище, где надо было сдавать экзамены. Она решила: «А что если я попробую читать шпаргалку в кармане, перелистывая ее там, но не по Брайлю, а простой текст?» Вот с этого момента и начались ее тренировки.

Конечно, успех пришел не сразу. Не знаю, приходилось ли ей таким способом шпаргалить на практике, но читать обычный текст и различать цвета, не прибегая к помощи зрения, ладонями и пальцами рук, она научилась. Конечно, все подверглось сомнению, была проведена специальная проверка, организованная одной из газет. В составе экспертов были люди, которые не просто не верили тому, что видели, а с самого начала не хотели верить. Естественно, ее всячески дискредитировали, тем более, что она была склонна и к мистификации. Ей всегда было мало того, что она умеет. Она всегда хотела показать больше, произвести более яркое впечатление. По-

этому, когда я писал о ней раньше, отмечал, что она напоминает персонаж одного английского рассказа о том, как некий путник, выйдя на опушку леса, увидел крестьянина, копающегося на участке земли, а неподалеку — лошадь. И вдруг он слышит, что лошадь заговорила: «Сэр, помогите мне, он заставляет меня возить тяжести, а я благородных кровей, я — дочь английского короля!» Крестьянин прислушался и говорит: «Что она там такое заявляет? Она — дочь английского короля? Выдумки! Она — обыкновенная говорящая лошадь...».

Роза Кулешова очень напоминала героиню рассказа именно тем, что она, может, и не была дочкой английского короля, но как феноменальное явление действительно могла вызывать восторг и удивление всех, кто имел с ней дело. Ее не включили в состав участников фильма и не показали.

Роза не попала в фильм из-за того, что не смогла наладить отношения с режиссером, оператором и сценаристом. Я, к сожалению, улетел в это время в Москву, а верила она только мне. Роза была очень импульсивна: рассорившись со всеми, бросила съемочную группу и уехала. Но у нас с нею контакты еще продолжались. Я хорошо помню, как она приезжала ко мне с жалобой на трудное положение, на то, что ей не верят, ее обижают. Я искал возможность ей помочь. Написал в свердловский отдел культуры (так, кажется, называлось это ведомство в облисполкоме). Письмо было такого содержания: «Если вы не верите в то, что она действительно это делает, то рассматривайте, бога ради, это как цирковой фокус и показывайте ее на эстраде безо всякой необходимости давать какие-либо объяснения». Но ничего не помогло.

...Появление в моем кабинете Розы Кулешовой вызвало у сотрудниц жгучий интерес. Они буквально окружили ее, засыпали вопросами. Роза демонстрировала свои способности — читала рукой с завязанными глазами. Под подбородок ей подвели толстый бóльшой журнал, а повязку на глазах еще и прижимали руками, стоя за ее спиной, чтобы свет вообще не проникал, исключив таким образом подглядывание. И вот в таком положении она читала тексты — какие-то счета из бухгалтерии.

Потом, хитро улыбаясь, Роза сказала: «А я могу читать еще одним местом...» — «Как?» — «А вот так: положите на стул за моей спиной раскрытую книгу, завяжите мне глаза, я с вашей помощью подойду к нему, сяду и... прочитаю». Все ее пожелания выполнили. Она села и прочитала! Прочитала правильно! После этого потрясенные сотрудницы вышли, а Роза говорит мне: «Артур Владимирович, я ведь обманула их, я не умею читать этим местом. Когда я поднимала юбку, успела рукой прочитать то, что там было напечатано». Вот в этом — вся Роза! Можно еще много рассказать о встречах с ней — это было явление, конечно, совершенно поразительное, но история ее трагична. Эти удивительные способности никак не были использованы. Эксперименты, в силу того, что они были идеологически не выдержаны (с точки зрения того времени), игнорировались.

Я пытался что-то сделать и предполагал организовать поездку на Урал бригады, которая могла бы проверить эксперименты Новомейского, еще раз поработать с Кулешовой, но, к сожалению, тот, кто мог бы возглавить, по моим представлениям, эту группу, погиб в авиационной катастрофе. Я имею в виду профессора Владимира Дмитриевича Небылицына. Но, может быть, здесь есть и моя вина — я не

успел это продвинуть дальше. Вскоре я получил новую, более высокую должность, и передо мной возникло множество других проблем и задач. Что касается Розы Кулешовой, то ее удивительные руки были использованы только для исполнения роли судомойки в одной из столовых уральского города. Она умерла. Кажется, у нее была опухоль мозга.

Казалось бы, давно прошли времена, когда психология на каждом шагу рисковала обрести ярлык «псевдонаука». В конце 60-х — начале 70-х годов, когда снимался фильм «Семь шагов за горизонт», а на Урале проводились эксперименты по кожно-оптической чувствительности, об этом можно было забыть. Однако табуирование того, что выходило за рамки объяснений на основе диалектического материализма, продолжалось. И поэтому всякие попытки обратиться к официально не одобренной и не традиционной области экспериментальных исследований все-таки возбранялись. Я даже был удивлен, что областная печать опубликовала эти материалы. А в центральную — их не принимали. Таковы были времена и таковы нравы.

5. Как стать магистром парапсихологии

Не слишком ли много рассказов о всякого рода чудесах попало на страницы моих записок? Может возникнуть впечатление, что автор задался целью указать, что за его спиной могут легко укрыться астрологи, ворожеи, прорицательницы, спириты и им подобные. Времена сейчас позволяют безбоязненно заявлять где угодно и о чем угодно, без опасений, как некогда, за партбилет и штатную должность. Достаточно включить телевизор, чтобы всяческие невероятные сообщения, разнокалиберная эзотерика хлынули с экрана в твою комнату. Поглядишь, послушаешь и начнешь заглядывать во все углы квартиры — где там спрятался «барабашка»?

(Может быть, «начать с астрологов»? — но здесь что-то не то...) Повторю, особенно умиляют астрологи. Да как им не поверить, если они вечером во вторник честно предупреждают, что в среду звезды рекомендуют использовать для деловых встреч промежуток времени от 14 до 18 часов, а для любовных свиданий — от 21 до 24. Воистину трудно проложить фарватер между Сциллой шарлатанства и Харибдой тупого неверия тому, что выходит за пределы обыденного. С одной стороны, тебя втягивают в бесовский хоровод суеверий и вообще всяческой чертовщины. С другой стороны, грозит пальцем все тот же известный сверхнедоверчивый чеховский персонаж. При этом за взаимоисключающими позициями стоят люди, обремененные учеными званиями и гордо указывающие на свои дипломы и сертификаты.

Однако мне легко выбрать любую из этих позиций и стать «авторитетом». У меня есть десяток полученных в разное время дипломов и аттестатов, подтверждающих ученые степени, научные и почетные звания, членство в различных государственных академиях, лауреатские дипломы и т. д. и т. п.

Кроме этого, в моем письменном столе хранится уникальный диплом... «магистра парапсихологии».

Уникален он не тем, что написан красивым готическим шрифтом на немецком языке, а поистине чудесным способом его обретения.

Нет, никто не облекал меня в мантию магистра или доктора и не надевал на меня четырехугольную шапочку с кисточкой. И не надо думать, что причиной этому были заслуги, связанные с моими «шагами за горизонт». Все было весьма буднично, почти по бытующему в «ВАКовском» фольклоре анекдоту:

Выходит из здания ВАКа некий гражданин в кепке сверхъестественного размера и рассматривает только что полученный кандидатский диплом. На недоуменный вопрос знакомого о том, как это можно умудриться обрести эту «корочку», не защитив диссертации, звучит гордый ответ: «Ты думаешь, я его купил? Подарили!»

Диплом «магистра парапсихологии» мне подарил технический сотрудник одной близкой к разорению фирмы. И произошло это в самой прозаической обстановке — в лифте учреждения, где я работал.

Оказывается, эта фирма проявила редкостную изобретательность. Она специализировалась на продаже «ученых званий» в сфере эзотерических наук.

Была хорошо продумана процедура «остепенения» кандидата в «магистры». В Германии были заказаны солидные бланки дипломов, наняли прекрасного каллиграфа, наладили рекламу. «Соискатель» должен был написать реферат на парапсихологическую тему, к примеру, об успешном общении с духами, телепатической связи с дальним и ближним зарубежьем, о контактах с «пришельцами» и т. д. Предполагалось, что специальная высокоученая комиссия рассмотрит реферат и примет решение о выдаче диплома. Впрочем, этот документ получали все соискатели. Разумеется, при условии внесения в кассу фирмы солидной суммы. (Я получил бесплатно, см. рис. 5.)

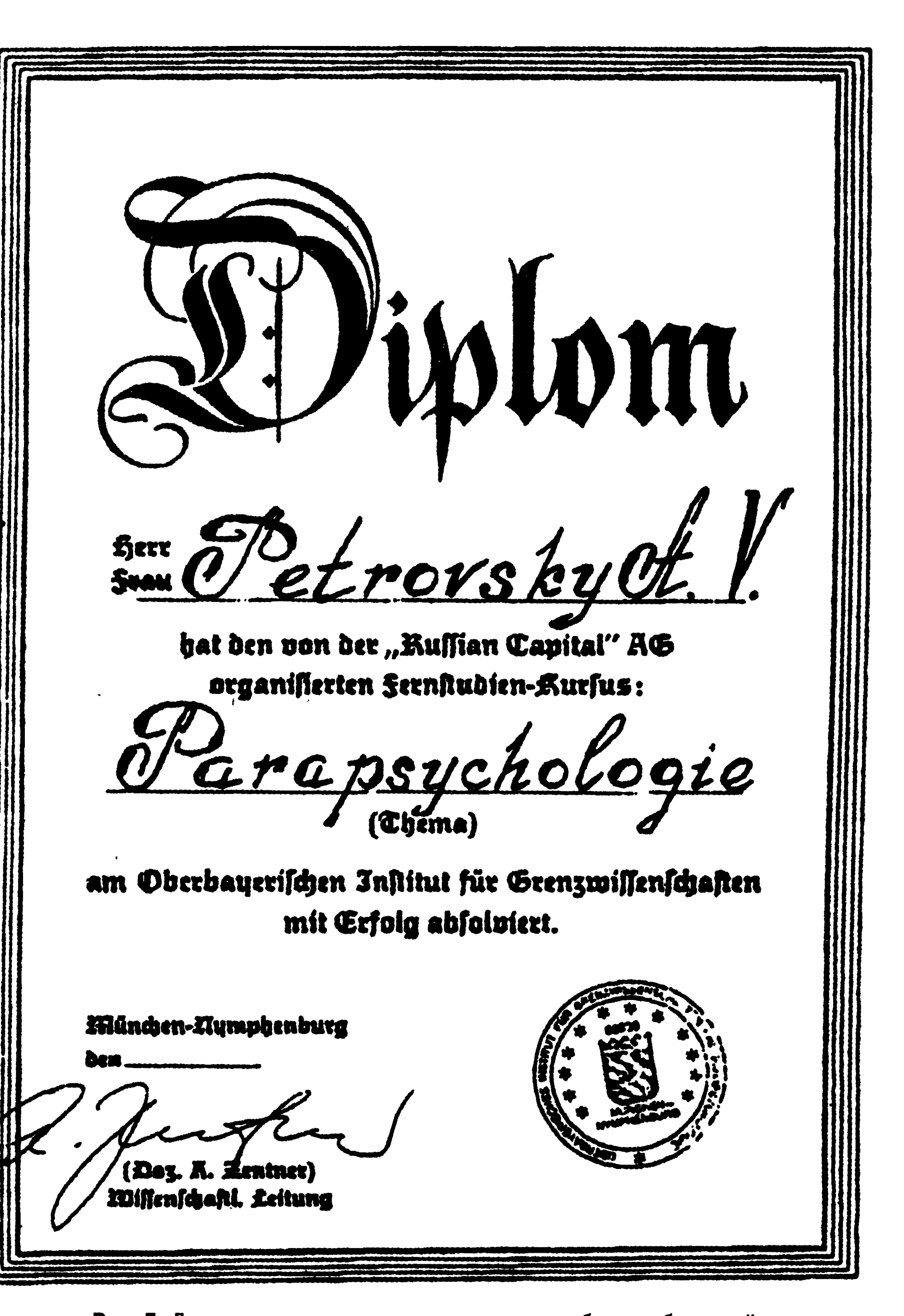
Человек, одаривший меня этим редкостным экземпляром диплома и попросивший каллиграфа вписать в бланк мою фамилию, изложил мне содержание одного из присланных на «экспертизу» эзотерических опусов.

Молодая дама писала о том, что «пришельцы» из космоса изъяли на время ее душу и этапировали на свой «звездолет». Когда же произошло возвращение на Землю, то она поняла, что за время межзвездных скитаний души ее тело кто-то «посетил». Однако это не осложнило для «магистра парапсихологии» получение роскошного «диплома».

Забавно? Очень немногим отличаются от предприимчивой фирмы бесчисленные «ассоциации», объявившие себя «академиями» (нет, почему бесчисленные? Их число к началу 1999 года в Российской Федерации перевалило за 100). Все эти «клубы по интересам» выдают не менее шикарные дипломы по соответствующей таксе.

У одной милой молодой женщины, кандидата педагогических наук, которая при знакомстве со мной представилась «академиком» какой-то неведомой мне академии, я спросил, не далось ли труднее получение кандидатской степени, чем введение в звание «академика». Она подумала и согласилась.

Весьма примечательно, что для некоторых лиц и организаций синонимом демократии служит не народовластие, а наглая вседозволенность.

Diplom

Herr / Frau Petrovsky A. V.

hat den von der „Russian Capital" AG organisierten Fernstudien-Kursus:

Parapsychologie

(Thema)

am Oberbayerischen Institut für Grenzwissenschaften mit Erfolg absolviert.

München-Nymphenburg

den ____________

(Doz. K. Zentner)
Wissenschaftl. Leitung

Рис. 5. Диплом на право творить чудеса, чудесным образом обретенный

Предполагаю, что у каждого человека где-то в глубинах его психики пульсирует авантюристическая жилка. Хотелось бы поставить такой «ненаучный» эксперимент. Раскошелиться и заказать для себя роскошную визитную карточку с золотым обрезом и с графской короной над фамилией, а под этим титуловаться «граф, кавалер ордена Владимира, командор ордена Почетного легиона, член Британского Королевского общества». «Визитка» из добротного бристольского картона это выдержит. Интересно, какова будет реакция тех, кому я эту карточку стану вручать. Возмутятся? Потребуют доказательств? Не думаю. Скорее всего, станут размышлять, как меня следует величать. «Ваша светлость»? «Ваше сиятельство»? А чему, собственно, изумляться и негодовать — размножаются же «члены» царской династии явно «вегетативным способом»! При этом некий господин с легкостью необыкновенной еще недавно возводил всех желающих в графское или княжеское достоинство. Вольному воля!

ГЛАВА 11

Заметки на страничках загранпаспорта

1. Под «железный занавес» ползком

Заметки на страничках загранпаспорта? Что-то уж очень странное название у этой главы. Кажется, всем известно, что для заметок существуют записные книжки, а отнюдь не паспорта. Во-первых, не утверждаю, что лично я делал эти заметки. Подобная привилегия остается за официальными инстанциями. Именно они испещрили страницы разноцветными визами, поскольку я не менее 30–35 раз выезжал за рубеж в разные годы. Эти штампы и записи служат своего рода узелками на память, вызывая в ней образы тех стран, в которых пришлось побывать, и поездок, заслуживающих описания. Впрочем, я не собираюсь превращать эту главу в путевые записки и постараюсь избежать классических туристических восторгов и ужасов. Во-вторых, рекомендация использовать в этих поездках записные книжки вполне уместна сегодня. Однако совершенно была неприемлема и даже предосудительна в прежние годы. Перед выездом за рубеж нас предупреждали, чтобы мы не брали с собой никаких записных книжек, тем более, если в них есть фамилии, адреса и телефоны. Как нам объясняли, многочисленные агенты спецслужб различных стран охотятся за подобной информацией. Итак, я надеюсь, название не будет приниматься всерьез, хотя оно в какой-то мере дает представление о тех социально-психологических проблемах, которые я намерен отразить в этой главе.

Представьте себе, что доцента одного из московских вузов приглашают на Смоленскую площадь, в один из кабинетов Министерства иностранных дел. Там по ходу вежливого разговора ему предлагают поехать в загранкомандировку вместе с женой на один год читать лекции по его специальности. Как вы думаете, не правда ли, лестное предложение? Тем более платить ему станут что-то около 500 долларов в месяц, да и 70% его московской зарплаты будет аккуратно переводиться на его текущий счет в сберкассу. Вряд ли кто усомнится в том, что ответ на подобное предложение и посулы может быть только положительным.

Все это так, но скорее применительно к психологии людей нашего времени. Я не знаю, все ли — такая статистика отсутствует — но, во всяком случае, очень многие в качестве лакомой приманки при поступлении на работу «заглатывают» обещания загранкомандировок.

Летом 1956 года таким вот молодым вузовским преподавателем, получившим предложение поехать на год за границу, был я. И нынешнему поколению, вероятно, могут показаться странными те мысли и сомнения, которые обуревали меня и многих других в аналогичной ситуации тогда, почти 45 лет назад.

Поездка за рубеж в 30-е, 40-е и в первой половине 50-х годов была, по-моему, подобна нынешней командировке в «горячие точки» Федерации. Помню, как в одном юмористическом рассказе советский чиновник старого закала сетовал по поводу неопределенности положения человека в новые «хрущевские времена». «Раньше — огорчался он, — все было ясно и просто. Съездил человек за границу. Потом отсидел сколько положено, и никаких тебе проблем!» Черный юмор? Нет — горькая правда! Положительный ответ на вопрос в анкете: «Есть ли у вас родственники за границей?» мог сулить многие неприятности. Что уж тут говорить, если в анкете сообщалось о выездах за рубеж. Советский человек, совершивший этот шаг, причем часто не по своей воле, а в силу служебной необходимости, в глазах соответствующих органов уже был вероятным кандидатом в шпионы иностранного государства. Иногда мне думается, если бы все эти спецслужбы осуществляли вербовку советских граждан с той быстротой, с какой принимают пальто и выдают номерок гардеробщики, притом работая круглосуточно, то многие годы потребовались бы для того, чтобы этими «вражескими» агентами заполнить какую-то часть ГУЛАГа. Однако психология людей, живших в ту странную эпоху, не предполагала обсуждения такого рода проблем. Мой родственник, кандидат технических наук, по инерции прошедших лет, узнав, что я еду в загранкомандировку, сказал: «Делай как знаешь, но если бы мне даже пообещали, что я, согласившись поехать за рубеж, буду иметь только одну задачу — получить на перроне вокзала того города, куда я прибуду, диплом доктора наук и сразу же возвращусь в Союз, я бы и то на такой соблазн не поддался бы».

Мне часто приходилось бывать за рубежом. В памяти мелькают лица, города, страны... Япония, Китай, США, Франция, Финляндия, Бельгия, Дания, Югославия, Польша. Этот перечень моих маршрутов легко можно продолжить.

Многочисленные вояжи были отнюдь не развлекательными. Это были служебные командировки. И потому почти всегда напряженные и утомительные. Конечно, оставалось время и для туристских радостей. Но его было крайне мало.

Трудными были поездки. Не преувеличивая их опасности (30–40-е уже миновали), все же скажу: это было подобно проползанию под «железным занавесом», он в любой момент мог опуститься и придавить охотника до перемены мест.

Загранкомандировка всегда начиналась с инструктажа в партийных инстанциях. Никаких документов (удостоверений, пропусков) с собой не брать, не говоря уже о партбилете. В отелях, даже в своем номере, никаких разговоров, затрагивающих деловые вопросы, не вести — подслушивающие устройства не исключены. Записных книжек с номерами телефонов своих московских знакомых, как уже было сказано, при себе не иметь. По улицам в одиночку не ходить. В отель позже десяти вечера не возвращаться, вступать в разговоры со случайными людьми — не позволительно.

Выйдя на улицу после подобных разъяснений, каждый мог почувствовать себя носителем ему самому неведомых государственных тайн.

«Господи! — шепнула мне во время инструктажа преподавательница английского языка, включенная в состав нашей делегации. — Ну о чем служебном я могу говорить в номере гостиницы? О методах преподавания, об обучении во сне? Я же действительно ни с чем секретным в жизни дела не имела!»

Эхо этих инструкций звучало в ушах каждого еще очень долго после отъезда за рубеж. Со мной произошел забавный казус.

Случилось так, что я довольно продолжительное время находился в Париже и при этом в полном одиночестве. Кроме двух-трех знакомых среди сотрудников ЮНЕСКО не с кем было говорить по-русски. Правда, я немного подружился с неким потомком аристократических русских фамилий — князем Багратионом. У него в роду были, с одной стороны Багратионы, а с другой — Новосильцовы (древняя дворянская фамилия). Своим происхождением он гордился, но держался со мной просто, по-товарищески, даже как-то помог совершить покупку в фешенебельном магазине «Самаритэн». Она обошлась мне в три раза дороже, чем в обычном супермаркете. Поскольку его русский язык был «мертвым», он забавно оснащал его словечками, заимствованными из сленга, имевшего хождение в 20-е годы. Так, он говорил мне: «Господин профессор, пойдемте пошамаем». Признаюсь, я один раз напугал моего милого знакомого, который сказал мне, что «гендир» (генеральный директор ЮНЕСКО) собирается ехать в СССР и намерен взять его с собой в качестве переводчика.

Понизив голос, я шепнул ему:

— Князь, поезжайте, только ни в коем случае не посещайте Грузию.

— Почему?

— Вы потомок царей Багратов? Они, как я помню, были властителями Армении и Грузии в далеком прошлом?

— Да. Я Багратион. Но почему мне нельзя появляться в Грузии?

— Дело в том, князь, что вы оттуда живым не уедете.

Мой собеседник побледнел. Ему, очевидно, пришлось испытать наплыв воспоминаний о прочитанных в газетах зверствах большевиков.

— Но почему? Почему?..

Он не мог закончить вопроса.

Я пояснил:

— Дело в том, князь, что когда узнают, что вы потомок грузинских царей, то вас там так будут поить, что вам несдобровать.

Конечно, подобные разговоры не могли утолить жажду моего общения с земляками.

Однажды я зашел в магазин «Тати». Должен признаться, что этот самый дешевый из больших универмагов Парижа все-таки был мне не по карману, но я туда иногда заглядывал. И вот я слышу в толпе покупателей русскую речь. Два молодых человека, судя по одежде, прибывшие недавно с моей Родины, о чем-то переговаривались, пересчитывая тощую пачечку франков. Я сразу понял — страдали оттого, что не могли ничего объяснить продавцу по-французски. Я не знал, чем им помочь, но позволил себе заговорить с ними и предложить содействие. Они испуганно уставились на меня и, разом повернувшись, быстро удалились. Я был сконфужен, почувствовав всю бестактность моего поведения.

Ах, эти проклятые инструкции. Они, конечно, решили, что я здесь же, в «Тати», попытаюсь завербовать их во французскую разведку.

Разумеется, все отъезжающие за границу знали, что отбиваться от стада «овцам» не полагается. Не позже 10 часов вечера весь состав нашей делегации должен возвратиться в отель. И вот когда мы были в Дании в городе Оденсе — родном городе Ган-

са Христиана Андерсена, — эта заповедь была нарушена переводчицей нашей группы.

Десять часов!..

Одиннадцать часов! «Упал двенадцатый час, как с плахи голова казненного». Переводчица все еще не возвращалась с прогулки по городу. Мы все собрались в одной комнате и, пугая друг друга рассказами о всякого рода провокациях, скандальных происшествиях с советскими командированными, совещались о возможных действиях: звонить в Копенгаген, в посольство? Сообщить полиции? В половине первого ночи, когда и ждать уже было бессмысленно, «двери вдруг залязгали, как будто у гостиницы не попадает зуб на зуб» (опять списал у Маяковского). Дверь отворилась, и в комнату вошла наша Ниночка. Как потом выяснилось, она не первый раз в Оденсе, и у нее был там друг. Оглядев гостиничный номер, наши каменные лица, оценив сгустившееся грозное молчание делегации, она подошла к сидевшему у двери профессору, повернулась к нему спиной, приподняла юбочку и сказала: «Бейте!»

Он не отказался. Так она обошла всю комнату, получила от каждого «по заслугам». Одним словом, дело кончилось смехом, а не слезами. А слезы были бы ей обеспечены — стала бы «невыездной». Насколько я знаю, ей это нарушение правил, к счастью, сошло.

Позволю себе еще одно датское воспоминание. Конечно, в этой самой богатой стране Европы не так легко было найти «несчастных трудящихся» — «жертв бессовестной эксплуатации». Кстати, я и не искал их. Однако в нашей делегации был некий руководящий товарищ из Белгородского облисполкома. Он заведовал там отделом культуры. По-видимому, он хотел получить живой материал для своих лекций и выступлений. И поэтому делал все возможное, чтобы найти этих «обездоленных». Прошло уже более тридцати лет с того времени, а мне почему-то до сих пор помнится его зеленая велюровая шляпа. Может быть, это связано с тем, что психологическое наблюдение за этим следопытом иной раз было интереснее для меня, чем посещение очередного музея.

Приехали мы на ферму, которая отстояла довольно далеко от шоссе. Хозяйство небольшое, тридцать (или около того) коров. Фермер охотно нам все показывал. Мы восторгались техническими ухищрениями в молочном производстве, пили невероятно вкусное густое молоко. Между тем «зеленая шляпа» углядела в углу коровника человека в синей спецовке. В глазах белгородского «культуртрегера» вспыхнул огонек, свидетельствующий о том, что «охотник приметил дичь».

Батрак! Вот здесь эксплуататор, вот там эксплуатируемый. Все ясно, как в учебнике политэкономии капитализма.

«Батрак» охотно отвечал, что живет он километрах в двадцати от фермы. Рейсового автобуса нет, но у него машина. Он показал на темно-синий «вольво», который стоял в стороне.

«Велюровая шляпа» растерялся:

— У вас там что, квартира?

— Нет, у меня дом.

— Ну и сколько у вас комнат?

Тут уже растерялся «батрак»:

— Честное слово, не считал... Могу только сказать, что у меня четыре спальни, а остальные комнаты... Собственно, что считать комнатами: холл, веранду, бар?

Для моего знакомого, осуществлявшего «дознание», этого, вероятно, было достаточно. Он погрустнел и потом всю обратную дорогу, которую мы проделали в автобусе, молчал. Однако когда мы въехали в пригород Копенгагена, он оживился: мелькнула неоновая реклама бензозаправочной колонки — «Shell». Мой сосед прочитал ее почему-то по-немецки: «Schnell» (быстро). Идеологический работник удовлетворенно хмыкнул — все становилось на свое место: «Все подгоняют, подгоняют! Все требуют: “Скорее, скорее!”. Потогонная у них система».

Хорошо быть туристом. Оплатил поездку, и все тебе обеспечено: и проезд, и питание, и развлечения... Иное дело командированные. Тем более, в составе научной делегации на какую-либо престижную конференцию или съезд. В прежние годы для советских ученых это путешествие, как правило, было сопряжено с весьма специфическими трудностями. Давно известна дата конгресса. Известно и то, что размеры вступительного взноса для делегата пропорционально возрастают по мере задержки его перечисления в кассу устроителей. Чем позднее сообщено об участии и названы имена делегатов, тем больше придется платить. Между тем очень часто ученый не знал, поедет ли он на конгресс или нет. Выяснялось это едва ли не за час до вылета делегации за рубеж.

Знаю случаи, когда загранпаспорта вручались уже в Шереметьевском аэропорту. Дело в том, что для окончательного оформления такой командировки требовалось решение ЦК. Оно же частенько запаздывало, а случалось, и вовсе отсутствовало.

Стоим мы как-то в коридоре Государственного комитета по науке и технике. Выходит чиновник со стопкой паспортов. И дальше все идет по детской сказочке: «Этому дала!.. Этому дала!.. Этому дала!.. А этому не дала...».

— А мне? — спросил академик Петр Кузьмич Анохин, увидев, как истаяла пачка паспортов.

— А на вас нет решения, — последовал спокойный ответ.

Не знаю. Может быть, по аналогии с этой детской считалочкой, выяснилось, что один из крупнейших наших физиологов «дров не рубил и воду не носил». А может быть, где-нибудь «дров наломал»? Однако, получив эту «пощечину», он, огорченный и встревоженный, ушел, так, вероятно, и не поняв, в чем причина «царской немилости».

Когда наша делегация прибыла в бельгийский город Льеж на конгресс по прикладной психологии, мы, как всегда, узнали, что места в гостинице для нас не забронированы. Оно и понятно. О том, в каком составе будет советская делегация и кто в нее войдет, организаторы конгресса выяснили не из официальной переписки, а непосредственно от нашего руководителя, на месте.

Одним словом, они не знали, что с нами делать и где нас разместить. Наконец, предложили с опаской — все-таки явные атеисты — поехать в монастырскую гостиницу. Они ждали возражений, но об этом не могло быть и речи. Для нас все были жребии равны. Мы устали и чувствовали себя без вины виноватыми.

Согласились. И нас повезли в маленькое селение неподалеку от границы Бельгии и Западной Германии. В монастырском отеле было все, как и должно быть. В маленьких номерах, похожих на кельи, беленые голые стены, Библия на столике и распятие в изголовье кровати.

Я повалился на кровать, произнес несколько богохульных проклятий по адресу организаторов нашей научной командировки, подложил Библию под тощую подушку и... заснул.

Все мои заметки на тему «Наши за границей», конечно, не характеризуют ситуацию сегодняшнего дня. Все изменилось. Изменилась страна, изменились люди. Поездка за рубеж уже давным-давно не является событием. По возвращении никто не досаждает окружающим рассказами о том, что он видел. Это обыденное дело, и немногим отличается командировка в Нью-Йорк от командировки в Новосибирск. Тем не менее вспомнить, как это было еще в недавнем прошлом, вероятно, очень полезно, поскольку те перемены, которые происходят сейчас, становятся более выпуклыми на фоне того, что было.

2. Нужны ли Венере брюки?

В Пекин мы с женой приехали осенью 1956 года. Наши вещи были вынесены из вагона, чемоданы и баулы поставлены на край тротуара, среди человеческого моря, которое их обмывало и вокруг них плескалось. Первоначально все китайцы казались нам похожими друг на друга как две капли воды и только много позднее мы увидели, что это далеко не так, и в этом отношении они от нас, русских, ничем не отличаются. Нас усадили в машину и повезли в гостиницу. Чемоданы же так и остались на вокзальной площади. Мы успели бросить прощальный взгляд с печальной уверенностью, что вряд ли когда-либо еще их увидим: как им уцелеть в этом месиве одинаковых синих хлопчатобумажных курток! К нашему удивлению, через полчаса наш багаж в целости и сохранности был доставлен в вестибюль гостиницы «Си-Цзяо», где нам с женой предстояло прожить долгий год. Много позднее выяснилось, что нам вовсе не следовало беспокоиться о сохранности нашего небольшого скарба. Во время встречи с группой советских специалистов премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай рассказал нам, что некоторое время назад до сведения всего народонаселения Китая было доведено важное распоряжение правительства. Суть его в том, что на протяжении одного месяца воры, грабители и прочий уголовный элемент должны добровольно явиться с повинной, что приведет к существенному сокращению сроков заключения или вообще смягчению наказания. Те же, кто пренебрежет этой возможностью, по истечении указанного срока будут найдены и казнены. И далее он сообщил, что на этот ультиматум откликнулись очень многие, что же касается остальных — «не внявших», — то они понесли заслуженную кару. Один из моих коллег спросил: «Сколько же пришлось казнить?» Чжоу Эньлай, общавшийся с нами через переводчика, но, как мы знали, прекрасно понимавший наши вопросы и, вероятно, неплохо говоривший на русском языке, практически не дожидаясь перевода, переспросил: «Сколько казнили?» Он некоторое время смотрел на носки своих желтых, немного стоптанных ботинок, а потом назвал цифру, которая нас ошеломила, — 750 000. Я не допускаю мысли, что переводчик ошибся, не хочу думать, что память меня подводит, но сегодня мне кажется, что рассказанное мной относится к области фанта-

стики. Не знаю также, только ли уголовники были в числе казненных. Пусть историки Китая проверят эти факты, и я готов принести им извинения, если что-то преувеличил или исказил. Тем более не берусь оценивать и вообще осмысливать нравственную сторону этой акции, не говоря уж о ее правовых аспектах. Что запомнил, то и привожу здесь. Очевидно, память об этом постановлении и его последствиях была причиной полной сохранности наших вещей на кишевшей людьми привокзальной площади. Да и в дальнейшем можно было забыть кошелек с юанями на подоконнике магазинчика главной торговой улицы Пекина и, вернувшись через час, найти его на том же месте. Правда, как мне впоследствии рассказывали, шаг за шагом преступность в Китае стала набирать темпы и вскоре достигла исходного уровня. Произошло это через пару лет после нашего отъезда.

Мне предстояло работать в Пекинском пединституте — читать курс лекций по психологии на факультете повышения квалификации профессоров и преподавателей педвузов Китая. Несколько забавно проходило первое знакомство с моими слушателями. Каждый из них, а все это, как правило, были профессора, поднимаясь с места, произносили стереотипные слова: «Мое имя Фу Тонсьен (или Джу Сяолинь и т. п.), я, к сожалению, окончил Оксфордский университет». Сожаления по поводу обучения в Сорбонне, Токийском университете, Чикагском университете, Гарварде поочередно считали необходимым выразить все мои слушатели. Думаю, что удивляться тут не приходится.

«Советскому специалисту» предстояло изжить «глубоко ошибочные» воззрения. Они же обучались в университетах империалистических стран!

Здесь надо остановиться и откровенно признаться, что я в те годы без каких-либо сомнений готов был сделать все возможное, чтобы перестроить психологическую науку в КНР на базе марксизма.

Мне пришлось ко многому привыкать. Необходимо было постоянно учитывать особенности психологии китайцев.

Так, например, ко мне после лекции подошел один из слушателей и задал сравнительно несложный вопрос. Я как можно более подробно на него ответил. Когда мы остались наедине с моим переводчиком, о котором я потом расскажу особо, он сказал мне:

— Извините меня, Артур Владимирович, но вы не так ответили на вопрос профессора Фу Тонсьена.

Я удивился: вопрос был несложный, и ответить было не трудно.

— Вы меня не поняли, — пояснил переводчик, — вам не надо было сразу отвечать на вопрос.

— Почему?

— Вы должны понять, что это задевает самоуважение профессора. Он не может выглядеть человеком, который спрашивает о том, на что так легко ответить. Он все-таки профессор, хотя и учился в буржуазном университете.

— А как я должен был отвечать?

— Вам следовало бы сказать, что вы благодарите его за вопрос, что он очень серьезный и требует размышлений, и что вы обещаете, подумав, ответить во время следующей вашей лекции.

— А если я отвечу на следующей лекции, его самолюбие будет удовлетворено?

— Отчасти, но еще лучше будет, если вы и на следующей лекции скажете: «Вопрос товарища Фу Тонсьена настолько важен и серьезен, что я прошу дать мне еще время на размышление». И вот тогда, через неделю, вы и ответите так, как вы ответили сегодня.

С тех пор я подобных ошибок не допускал и с подчеркнутым уважением относился к любым, даже самым случайным, пустяковым вопросам. «Китайские церемонии»! Их надо было постоянно учитывать, чтобы не попасть впросак. Представьте себе, например, толкучку должностных лиц у двери в помещение. Каждый предлагает другому пройти в дверь первым, однако вскоре все нормализуется, и все проходят строго по рангу. Первым пройдет министр, затем его первый зам., затем просто зам., затем начальник управления и так вплоть до последнего клерка, которому только что, как и всем другим, министр предлагал войти в помещение первым. Кстати, опять-таки, учитывая психологию китайцев, полагалось называть замминистра — министром, проректора — ректором, доцента — профессором и т. д. Другими словами, при обращении к собеседнику обязательно следовало повышать его в ранге на одну ступень.

В новой социально-психологической обстановке легко допустить бестактность. В конце концов, такт предполагает желание и умение учитывать ожидание окружающих. Бестактный человек — это тот, у кого сфера ожидания дефектна. Вследствие этого он часто ставит себя в неловкое положение, не прислушиваясь и не приглядываясь к тому, как другие люди воспринимают его поведение и высказывания.

Как-то нас пригласили на торжественный ужин к ректору Пекинского университета, академику Чен Юаню. Точно не скажу, но его именовали не то восьмым, не то девятым чудом китайской науки. В Китае вообще любили использовать количественные определения во всех случаях жизни: «384-е серьезное предупреждение незаконному тайваньскому режиму!» — это к примеру. Итак, мы на обеде у Чен Юаня. Первый тост произносит мой коллега из Московского пединститута. Поднимая бокал, он обращается к академику Чен Юаню: «Лао Чен!». Сразу же слышу шепот переводчика:

— Сергей Николаевич, нельзя говорить «Лао Чен», вы должны сказать «Чен Лао». Так нельзя говорить.

Сергей Николаевич досадливо отмахивается и вновь начинает: «Лао Чен! Пользуюсь случаем, чтобы сказать о вас...». Я вижу, что наши китайские коллеги во время его речи сидят с каменными, напряженными лицами. Что-то здесь не ладно. Но что? На обратном пути в гостиницу мой переводчик объясняет: «Сергей Николаевич не должен был так обращаться к профессору Чек Юаню, он не должен был сказать "Лао Чен", ему надо было сказать "Чен Лао", что значит глубокоуважаемый, почтенный, высокочтимый Чен».

— А в чем разница?

— Очень большая. Когда говорят «Лао Чен», это... не знаю, как сказать по-русски, кажется, так: «старина Чен», «старый хрыч Чен», нельзя так — он очень уважаемый человек, он — девятое чудо Китая!

Мой переводчик был южанином. Как правило, южане отличаются от жителей Пекина и других северных городов. Это было особенно заметно в их гастрономических пристрастиях. Наша знакомая полька пришла на прием к моей жене, работавшей в поликлинике, где обычно лечились иностранные специалисты. Жаловалась она на какие-то желудочные неприятности. Выяснилось, что пациентка побывала на банкете у одного из коренных шанхайцев. Сначала подали что-то, аппетитно хрустящее на зубах. Гостья поинтересовалась названием съеденного. «Я не знаю, как это называется по-польски, — затруднился хозяин, — а по-русски, это прусаки, тараканы». Вслед за хрустящей закуской подали самое лакомое блюдо. В большой миске что-то шевелилось. Оказалось, это были новорожденные мышата. Их следовало взять палочками, окунуть в острый соус и проглотить, не разжевывая, для того чтобы они могли пошевелиться в желудке лакомки. Хотя мышей наша приятельница так и не решилась отведать, общие последствия званого обеда оказались для ее желудочно-кишечного тракта поистине драматическими.

Черты китайского менталитета странным образом в 50-е годы накладывались на психологию людей, подверженных повседневной идеологической обработке. Не надо забывать, что единственным источником информации был громкоговоритель на столбе, который почти что не умолкал. Для того чтобы читать газету, надо было знать, по крайней мере, 4–5 тысяч иероглифов, каждый из которых состоял из 8–12 элементов, крючков и черточек. Через пару месяцев мне уже не казались странными вопросы, задаваемые мне переводчиком. Смотрели мы с ним альбом «Коллекции Лувра». На обложке — Венера Милосская. Стыдливо отводя глаза, Гун Хао-Жан, мой переводчик, спрашивает:

— Артур Владимирович, а почему она без брюк?

Что ему ответить по поводу этого «непристойного искусства» античных художников и скульпторов! Борьба за «нравственную чистоту» в КНР приобретала поистине удивительные формы. Впрочем, дело не ограничивалось страхом перед наготой. Десексуализация, немногим отличавшаяся от советской, распространялась и на сферу человеческих эмоций. Я спросил Гун Хао-Жана, видел ли он вышедший на экран Пекина советский фильм «41-й» (по одноименному рассказу Б. Лавренева). В двух словах напомню ход событий. Красноармеец Марютка, которой было поручено конвоировать пленного «белого офицера», попала с ним на необитаемый остров в Аральском море. Они полюбили друг друга, однако, когда к острову подошла шлюпка с белогвардейцами, Марютка застрелила своего возлюбленного, а затем в отчаянии обливала слезами его тело. На мой вопрос Гун Хао-Жан ответил неожиданным для меня вопросом:

— Фильм я смотрел, но я не понимаю, как она могла полюбить врага?

То, что Марютка застрелила человека, которого любила, казалось ему в порядке вещей. Но как она могла его полюбить? Область человеческих чувств должна была быть в полном подчинении у идеологии.

Во время нашего пребывания в Пекине там был популярен лозунг: «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые!». Если принять во внимание, что мы, приехавшие из страны социализма, были хорошо политически «подкованы», то вполне понятно наше недоумение: как это можно? А вдруг эти цветы бу-

дут ядовитыми, имеющими запах «тлетворной» буржуазной идеологии? Наши собеседники как-то странно реагировали на наши вопросы и уклонялись от прямых ответов. Через некоторое время все стало ясно. К либеральному лозунгу, обещавшему цветочное многообразие, было добавлено всего два слова: «Кроме сорняков!». Что можно отнести к цветам, а что — к сорнякам, следовало определить тем, кому это положено. И в самом деле, васильки, как и другие полевые цветочки, тоже сорняки? Нет! В бдительности нам не дано было превзойти наших китайских друзей. Да и формы ее проявления были уж очень своеобразны.

Случилось так, что я за какой-то книгой приехал в педагогический институт во внеурочное время. Младший из моих переводчиков оказался на месте. Пока я делал какие-то выписки из книги, он налил мне из термоса чай и устроился в кресле неподалеку от меня. Я не мог не обратить внимания на странный ритмичный гул, доносившийся откуда-то издалека: «Бу! бу! бу!», — затем перерыв и снова: «Бу! бу! бу!». В конце концов, я спросил: «В чем дело, что происходит?» Ответа не было очень долго, по-видимому, мой помощник размышлял, стоит ли снабжать меня информацией. Потом все-таки пояснил:

— Там критикуют.

— Кого?

— Одного ревизиониста.

— А что это за странные звуки?

— Это ему кричат: «Открой свое черное сердце партии!!!»

— А он что, ничего не отвечает? Я ничего не слышу.

— Нет, он отвечает, он занимается самокритикой.

— А почему они снова кричат?

— Ну, я не знаю, наверное, они считают, что он плохо себя критикует.

— И давно идет эта самокритика?

— Кажется, с девяти часов утра.

Я посмотрел на часы, было что-то около четырех.

Мой главный переводчик Гун Хао-Жан сам стал в годы культурной революции объектом критики и самокритики. Его зверски избивали и потом сослали в деревню. Да и как могло быть иначе? Он много лет работал с советскими специалистами. Как-то Гун рассказывал мне, что он был переводчиком у психолога Пушкина. «Это не тот Пушкин, — пояснил он, — который Александр Сергеевич, это другой Пушкин». Не простили Гун Хао-Жану ни этого Пушкина, ни философа С. А. Петрушевского, с которым он долго работал, ни меня. Как было его не перевоспитывать в годы «культурной» революции крестьянским трудом и полным запретом читать и писать!

После устранения «банды четырех» профессор Гун Хао-Жан перевел на китайский язык несколько моих книг, в том числе и учебник психологии, вышедший невиданным для нас громадным тиражом. Двадцать лет назад, после 30-летней разлуки мы с ним обнялись в Шереметьевском аэропорту. От него я узнал о печальной судьбе многих из тех, с кем мне довелось работать в «Поднебесной империи» в те далекие годы.

3. Уроки дипломатии у экс-премьера Франции

Если у советского человека, отнюдь не избалованного заграничными вояжами, спросили бы, в каком зарубежном городе он прежде всего хотел бы побывать, ручаюсь, девять из десяти назвали бы Париж. Думаю, случись это по их желанию, они бы не прогадали. Вряд ли я скажу что-либо новое об этом городе, который так прекрасно описали в книгах Дюма, Гюго, Бальзак, Стендаль, Мопассан и другие прославленные авторы.

Конечно, и я был счастлив, когда мне предложили поработать в Париже. В 1972 году я стал членом Международной комиссии ЮНЕСКО по развитию образования, штаб-квартира которой располагалась в Париже. Комиссия состояла из семи человек и была весьма пестрой. Судите сами: ее председатель, бывший премьер Франции — Эдгар Фор, министр образования республики Конго Анри Лопез, председатель Межамериканского банка развития Фелипе Эррера, бывший министр образования Ирана Маджид Рахнема, профессор из Сирии Абдул-Раззак Кадурра, вице-президент Фонда Форда Фредерик Чэм Пьон Уорд и автор этих строк. Всем нам предстояло разработать стратегию образования для развивающихся стран, а лично мне — выполнить поручение советского руководства по пропаганде успехов народного просвещения в стране социализма. Трудно было сочетать выполнение столь разноплановых задач при создании документа международной важности. Едва ли не во время каждого моего визита в Париж мне приходилось решать головоломно трудные проблемы. Представьте, например, что все члены комиссии считают необходимым записать в соответствующем обращении к правительству всех стран настоятельное пожелание, чтобы 1% от военных расходов был переведен для удовлетворения нужд образования. Прекрасная идея! Однако если вообразить, как на подобное предписание отреагировал бы министр обороны маршал Гречко, то в Москву мне возвращаться не следовало бы. Но и отказываться от того, чтобы поддержать это предложение, не хотелось. Нельзя было, как говорится, ударить в грязь лицом. Я же представлял интересы системы образования, а не ВПК. Пришлось не столько отказываться, сколько отшучиваться. Я говорил примерно так:

— Господа! А вы не опасаетесь, что мы тем самым будем способствовать раздуванию военного бюджета? Судите сами: при такой постановке вопроса чем больше будут расходы на армию, тем больше получит образование...

Шутка была явно натужливая, но моим коллегам было ясно, что консенсуса по этому вопросу достичь не удастся. Между тем единогласие при подготовке того документа было едва ли не основной задачей, которую решал председатель комиссии, опытный государственный деятель Эдгар Фор. Ему было важно привести корабль к пристани, даже если и пришлось бы при этом потерять кое-что из его такелажа. Вот конкретный пример уроков дипломатии, которые преподавал мне экс-премьер.

Разговор перед началом очередного заседания:

— Господин Петровский, против каких пунктов подлежащего сегодня обсуждению документа вы будете возражать?

— Против 2-го, 5-го, 6-го и 9-го.

— Так, это много. Я возьму на себя 2-й и 6-й, а вы выскажетесь против 5-го и 9-го, договорились?

Он прекрасно понимал, что если этот «коммунист» выступит сразу против четырех пунктов из десяти, то это может взорвать единство комиссии, привести к отказу того же Лопеза или Эрреры продолжать в ней работу. Этого нельзя было допустить.

Как бы то ни было, наш «корабль» вошел в «гавань» — вышла в свет монография «Learning to be» (название трудно поддается переводу. Что-то вроде «Учиться быть» или «Учиться, чтобы быть»). Вскоре она была переведена на 40 языков и опубликована едва ли не во всех странах мира, но только не в СССР. Впрочем, об этом отдельный разговор.

Члены комиссии поочередно устраивали торжественные обеды для своих коллег, выбирая лучшие рестораны Парижа. Не могу не упомянуть о чувстве досады и смущения, которые я испытывал на этих банкетах. Я-то не мог ответить членам комиссии тем же. Двадцать четыре доллара суточных, которые были мне положены как командированному за границу, не сулили мне возможность пообедать в хорошем ресторане даже в одиночку, не говоря уж об угощении всей компании. Однако о двух эпизодах, случившихся во время этих пиршеств, мне хочется вспомнить.

Эдгар Фор устроил обед для своих «подопечных» в роскошном ресторане близ Елисейских полей. Был июньский жаркий день. Обед был сервирован в небольшом саду ресторана. Стол стоял на круглой площадке, от которой звездообразно расходились аллеи, где располагались другие обедающие. В этот день Эдгар Фор был в центре внимания. Накануне вечером он выступал по телевидению в связи с подписанием какого-то соглашения с КНР. Дело в том, что он в свою бытность премьером первым из французских государственных деятелей ездил в Пекин с целью установления дипломатических контактов. Поэтому дамы и господа за ближайшими столиками явно прислушивались к застольным речам экс-премьера. Разговор шел на французском языке и вдруг я услышал отборный русский мат. Более чем громко наш председатель произносил слова, которым могли бы позавидовать старые московские извозчики. Оказывается, он делал это для того, чтобы продемонстрировать богатство русского языка и изобретательность россиян в этой области лингвистики. Я буквально втянул голову в плечи и боялся смотреть в сторону ближайших аллей, однако посетители ресторана слушали уважительно и явно с большим интересом — семантика этих чужих для них слов оставалась неизвестной, и только когда я увидел сдерживаемый смех известного польского педагога Богдана Суходольского, стало ясно, что чудовищный поток ругани, который изрыгал экс-премьер Франции, понятен только нам двоим.

Следующий банкет устраивал господин Рахнема в одном из самых шикарных ресторанов «Дом Ирана» на тех же Елисейских полях. Среди многих застольных разговоров мне запомнился один, более чем интересный. Я, если можно так сказать, передаю слово господину Фору:

— Как-то летом позвонил мне под вечер советский посол, с которым я был в давних дружеских отношениях, и попросил меня приехать в его загородную резиденцию. Зачем он меня пригласил, я не знал, но отказывать не хотел по очень многим причи-

нам. Мы с ним поужинали, но я так и не понял, что он собирался мне сказать. После того как встали из-за стола, посол предложил мне посмотреть фильм, который ему прислали из Москвы. Я не стал возражать. Кинокартина была действительно хорошей. Но после ее просмотра я стал собираться домой. Посол мне сказал: «Я вас очень прошу, переночуйте сегодня у меня. Вам приготовлена комната наверху». Это было уже слишком. Время было очень позднее, где-то около часа ночи. Я объяснил, что предпочитаю ночевать дома и плохо сплю на новом месте. Однако, обычно ненавязчивый, вежливый и деликатный человек, мой хозяин был невероятно настойчив и буквально вынудил меня принять его предложение. Когда утром я возвратился к себе домой, на Авеню Фош, все стало ясно. Той ночью, когда я был в гостях у советского посла, на мою квартиру совершили налет оасовские боевики. К счастью, квартира была пуста, моя жена находилась в это время в нашем имении в Нормандии. Думаю, что мне спасли жизнь...

Я был однажды в этой квартире. Именно там я допустил, быть может, самую страшную бестактность, которую мог позволить себе русский человек в беседе с французом. Когда в кабинете мне был предложен хозяином аперитив, я прихлебнул из рюмочки и сказал ужасающе невежливые слова: «Прекрасный коньяк, господин Фор! Но я, признаюсь, всегда любил армянский коньяк». Эффект был потрясающим. Обычная дипломатическая манера экс-премьера исчезла, как не бывало. Фор зафыркал, словно рассерженный кот: «Запомните, господин академик. Хороший коньяк бывает только в Коньяке. Никакого армянского коньяка быть не может, как не может быть французский боржом, боржом может быть только в Боржоми».

Видимо, есть темы, с которыми надо обращаться осторожно. Это я запомнил надолго...

Когда моя миссия закончилась, и я вернулся в Москву, выяснилось, что судьба членов международной комиссии ЮНЕСКО сложилась по-разному, хотя успех нашей работы — а он был повсеместно признан — следовало разделить так, чтобы он поровну достался каждому. Но этого не произошло, Эдгар Фор вскоре стал председателем Национального собрания Франции. Кадурра — заместителем Генерального директора ЮНЕСКО, Лопез — премьер-министром Конго. Не остались в забвении и без поощрений и другие члены комиссии, чего не могу сказать о себе. Мало того, что никто не поблагодарил меня за эту адскую работу, — похвал я и не ожидал. Было другое. Некоторые мои коллеги из Министерства народного просвещения РСФСР (один из них в ранге заместителя министра) избегали общения со мной. Как потом выяснилось, министр просвещения Украины Маринич распорядился, чтобы ему перевели нашу монографию. Назначенные им эксперты нашли, что мне не следовало подписывать ее вместе с другими буржуазными учеными и педагогами, поскольку она не являла собой классовый подход к проблемам и перспективам развития образования в мире. Хорошо было уже то, что никаких взысканий и особых неприятностей за безответственное сотрудничество с классово-чуждыми элементами я не получил. Книга «Learning to be», как уже было сказано, так никогда и не была переведена и издана в Советском Союзе. Хотя и по сей день она рассматривается мировой общественностью как наиболее важный документ, определяющий стратегию образования в конце XX века. Правда, мне лично от этого в те годы было не легче.

ГЛАВА 12

Облеченные и обличенные властью

1. От тюрьмы и от сумы

Удивительная страна — Россия! Все в ней происходило за последние 300–400 лет «не как у людей». К примеру, судьба государственных деятелей. Отрубили головы Людовику XVI и его супруге Марии Антуанетте, их придворным, затем отрубили головы тем, кто казнил их: Дантону, Робеспьеру, Демулену и другим якобинцам и жирондистам и, пожалуй, успокоилась Франция, а за ней и вся Европа на 200 лет. Уходят государственные мужи на пенсию, уезжают в свои поместья, за границу — лечиться и, вообще, спокойно доживают свой век.

В России было по-другому. Хозяева жизни неизменно опасались за свои головы и при Иване Грозном, и при Петре I, и при других царях и царицах. Но при Александре I все уже было как в «лучших домах Европы» — не катились уже к подножью престолов головы вчерашних друзей и сподвижников «помазанника Божьего».

Однако воистину российская история похожа на полосатый матрац — белая полоса закономерно сменяется черной.

Нет необходимости вновь упоминать о событиях 1937–1938 годов.

Но вот пошла в истории «белая матрацная полоса». После 1953 года никого из высокого нашего начальства не казнили, да и в тюрьму если и сажали, то ненадолго. Даже когда кто-то из них затевал государственный переворот, как в 1991 году, или призывал Кремль и Останкино штурмом взять... Иногда приходилось и приходится волноваться — не приближаемся ли мы опять к «черной полосе». История, как известно, плохая учительница. Да, из памяти человека, как мы, психологи, повторяем вслед за Фрейдом, плохое быстро вытесняется. Между тем забывать об этом небезопасно.

С государственными деятелями я до начала 70-х годов никогда не общался и о их судьбах знал только из книг и журналов.

Впрочем, было одно исключение. Хотелось бы вспомнить короткую случайную встречу в московском Доме ученых.

Членом Дома я стал в 1956 году. Тогда, и долгое время после, в нем были живы традиции, основу которых заложила Мария Федоровна Андреева, жена, хотя и не венчанная, Максима Горького. Портрет этой удивительно красивой женщины до сих пор висит в «голубой гостиной» Дома. Меня, защитившего кандидатскую диссертацию всего за 6 лет до принятия в члены этого престижного клуба, крайне удивляло, что официантки в столовой, принимая заказ, величали меня профессором. Одна из них объяснила:

— Мария Федоровна сказала: «Кто бы ни пришел в Дом, у вас должно быть одно обращение: “профессор”, уж коли вы не можете говорить “господин”».

Как-то раз я отыскал свободное место за столом, где уже шел разговор. Невольно я обратил внимание на беспокойное поведение одного из обедающих. Прерывая беседу, он нервно вскакивал, ненадолго отходил от столика, движения его были суетливы и в чем-то казались болезненными. Я прислушался к разговору:

— Представьте: иду я как-то к лифту. Вдруг слышу: «Подождите меня!» Обернулся — Ленин. Мы сели в лифт, и он быстро спросил меня: «Сколько?». Я назвал цифры. Ильич подумал и сказал: «Мало!». Когда мы вышли из лифта, он быстро попрощался и ушел.

Как я понял, это было продолжение какого-то рассказа. Я не выдержал и посмел задать вопрос, поскольку не понимал, о каких цифрах шла речь. Рассказчик пояснил: — Мне было поручено подсчитать и выразить в цифрах потери, которые понесла Советская Россия за время интервенции 14 держав. Результаты предполагалось выставить против величины государственного долга царской России западным странам.

Я спросил:

— Простите, пожалуйста, а кем вы были тогда, и почему именно вам поручили подготовить эти материалы?

Мой собеседник как-то приосанился и горделиво отчеканил:

— Владимир Ильич был председателем Совнаркома, а я был председателем Малого Совнаркома, — и не дожидаясь нового вопроса, добавил: — моя фамилия Гойхбарг.

Честно говоря, я тогда и не знал, что такое Малый Совнарком. Только вспомнилось, что Остап Бендер, собираясь унести ноги из дома «бриллиантовой вдовушки» — мадам Грицацуевой, утверждал, что торопится на заседание Малого Совнаркома. На этом мои исторические познания оказались исчерпанными. Я решил их восполнить, прочитав в энциклопедии о Гойхбарге и Малом Совнаркоме. Это был административный орган, состоявший из заместителей наркомов. Он готовил вопросы для принятия правительственных решений. Его председателем действительно был Александр Григорьевич Гойхбарг. Видный юрист, автор многих законодательных актов, принятых правительством после революции. В прошлом меньшевик, а после Октября состоявший в большевистской партии, А. Г. Гойхбарг с середины 20-х годов оказался вне ее. Надо полагать, что он во время одной из «чисток» партийных рядов был исключен. Как сложилась его дальнейшая судьба? Можно только догадываться, что сладкой она не была. Никогда никаких упоминаний о нем уже с начала 30-х годов я не встречал, хотя, работая над историей психологии СССР, я прочитал немало трудов по гражданской истории. По всей вероятности, он не миновал ГУЛАГа, однако утверждать что-либо определенное я не могу. Наша встреча произошла в 1958 году, именно когда началась реабилитация вчерашних зэков. Больше об этом человеке, некогда облеченном большой властью, я не слышал.

Повторяю, это единственная встреча лицом к лицу с представителем касты государственных деятелей тех давних времен. В других случаях приходится ориентироваться на рассказы очевидцев и участников событий.

Я оставляю в стороне уже совсем недавнее общение в разных случаях, по разному поводу и разной длительности с премьером В. С. Черномырдиным, вице-премьерами Г. Э. Бурбулисом, Б. Г. Салтыковым, В. Г. Кинелевым, О. Н. Сысуе-

вым и рядом других государственных деятелей. Это уже не история, а вчерашний, а то и сегодняшний день. Будет время — будет об этом рассказано.

Не стану вводить то, о чем я хочу рассказать, в контекст семейной хроники и пояснять, кто кем приходится в семье моей жены. Речь идет о ее родственнике Сергее Иллиодоровиче Космачеве, видном партийце, инженере, занимавшем крупный пост в руководстве промышленности на Украине. Он был в дружбе с вождями этой советской республики. Как рассказывала его жена, в начале 30-х годов (более точной даты я не знаю) он буквально день ото дня мрачнел. Она пыталась что-либо выяснить, но ее супруг, строго придерживавшийся партийной дисциплины, никогда о служебных делах в семье не распространялся. Несмотря на явно сгущавшиеся тучи, которые бросали тень на его жизнь, для всех оказалось неожиданным его самоубийство — Сергей Иллиодорович застрелился. Детей: его сына и племянницу (мою будущую жену) — на время похорон увели в особняк, где жил председатель Совнаркома Украины, друг покойного, Влас Чубарь. Вдова Космачева, разбирая бумаги уже после его смерти, нашла письмо, адресованное наркому Орджоникидзе. Оно начиналось словами: «Серго, тебя окружают б...!». Она не пересказывала аргументацию, которая была использована ее супругом в подтверждение этого сигнала. Ей было неизвестно, копия ли это некоего отправленного наркому письма или же его черновик. А может быть, он поручал ей выполнить невысказанный наказ? Это так и осталось неизвестным. Через некоторое время адресат этого послания последовал примеру своего харьковского товарища. Помню сообщение кремлевских врачей о смерти Орджоникидзе, вызванной «острой сердечной недостаточностью». Теперь известно, что Серго застрелился в момент, когда за ним пришли люди из НКВД.

Сын Чубаря, как рассказывала Мария Федоровна Космачева, удивлял отца и его друзей утверждениями, что ему предстоит голодать и, может быть, умереть от голода. Это казалось забавным.

Над мальчиком смеялись. Как же, сын председателя Совнаркома! О каком голоде для членов этой семьи могла идти речь!

От сумы и от тюрьмы... После того как арестовали и расстреляли вместе с Косиором, Постышевым, Скрыпником и другими руководителями ЦК партии и правительства Украины и Власа Яковлевича Чубаря, его жену и маленького сына забрали и сослали. Очевидно, не такими уж нелепыми оказались прозрения мальчика. Как «сытно» кормили в лагерях, мы теперь хорошо знаем. Сыну Чубаря повезло: он остался жив и, насколько я знаю, в настоящее время живет в Москве, в Доме на набережной.

Сколько таких историй поведали мне общие знакомые, но все их пересказать невозможно...

2. Нарком Ежов в семейном кругу

Переплетение людских судеб не перестает поражать. В 1938 году приехал в Москву из Горького мой двоюродный брат Юрий. Его отца, начальника финансовой части строительства автозавода, арестовали. Он поселился у нас в тесной комму-

нальной квартире. Моя мать не делала различий между нами — мы оба были для нее сыновьями. Только через много лет я понял, насколько опасно было это предприятие, — детям репрессированных полагалось жить не в семьях, а в детских домах. Я с интересом выслушивал рассказы брата о его горьковских друзьях, их проделках и приключениях. Среди многих имен он нередко упоминал своего приятеля Бориса Фейкенберга. Обращаю внимание: я никогда не видел эту фамилию где-нибудь написанной и воспринимал исключительно на слух. Поэтому буква «к» в середине его фамилии сомнения у меня не вызывала. Фейкенберг — и никак иначе. Запомнился же он мне только потому, что его друзья ему завидовали: тогда все мы были одеты кое-как. Между тем Борису его дядюшка подарил коричневый коверкотовый костюм. Однако и это обстоятельство, наверное, испарилось бы из моей памяти, если бы этим щедрым дядюшкой не оказался Николай Иванович Ежов — «железный сталинский нарком внутренних дел». Так навсегда закрепилась ассоциация «по смежности» — рядом с именем парнишки с нижегородской заводской окраины вырастала страшная фигура палача. Впрочем, вспоминал я об этой «связке» очень редко.

Прошли годы. Передо мной промелькнуло много лиц. Не перечислить, со сколькими учеными я был знаком, кого критиковал, о ком писал доброжелательные отзывы, у кого был научным руководителем. Довелось мне как-то написать предисловие к книге моего коллеги.

В нем было сказано много хорошего о ее авторе. Наверное, никогда доброе предисловие к книге не могло сыграть такую существенную роль в судьбе человека, который ее написал.

Произошло следующее. Профессор, автор книги, человек заведомо непьющий, предельно осторожный за рулем, не превышая скорости, неожиданно на несколько секунд потерял сознание, его машина выехала на встречную полосу и случилась тяжелая авария с человеческими жертвами. Все это происходило под Ржевом. Дознание вел местный следователь, никакой симпатии к нарушителю не испытывавший. Скажем прямо, — он был с ним груб и склонен подозревать во всем. Узнав, что он ученый, следователь и это не счел нужным принимать во внимание.

Однако он все же взял книгу профессора и стал небрежно ее перелистывать. И тут произошло неожиданное: его глаза остановились на фамилии автора предисловия. Незадачливому водителю невероятно повезло: следователь оказался моим бывшим студентом-заочником, у которого в зачетке первая «5» была поставлена мною. Неудобно об этом писать — наверное, это не к чести богини Правосудия — но дознание пошло несколько иным путем.

Назовем имя профессора. Иосиф Моисеевич Фейгенберг. Не много времени прошло после этого инцидента, и две фамилии с якобы разными буквами в середине оказались связанными в моем сознании.

Со временем выяснилось, что всплывший из моих юношеских воспоминаний Борис Фейгенберг (а не Фейкенберг, как мне слышалось) и Фейгенберг Иосиф — близкие родственники. Их теткой была супруга самого страшного по тем временам человека.

Так история страны переплеталась с историей семьи моих знакомых. Надо сказать, что клубок перепутавшихся семейных нитей нелегко было развязать

(«тетя Женя», ее племянники Борис и Иосиф, его дочь — психолог, сокурсница первой жены моего сына, первый ее муж, сокурсник моего сына — известный психолог. Затем, двоюродный брат Иосифа — замечательный врач — один из лучших кардиологов Москвы. И наконец, не удержусь, добавлю, что первая жена врача — моя хорошая знакомая — академик, прекрасный специалист в области педагогической психологии).

Наверное, нужно принести извинения читателю за нагромождение имен и профессий. Между тем это те люди, с чьих слов я рассказываю эту историю. В этом длинном списке был лишь один человек, с которым мне, к счастью, не довелось познакомиться. А главное — он со мной не был знаком. И за это надо благодарить судьбу...

В истории государства Российского остались пять фигур палачей: опричник Малюта Скуратов-Вольский, фаворит императрицы Анны Ивановны Бирон, «Кнутобоец» Шешковский, сталинские наркомы Николай Ежов и Лаврентий Берия. Имена, наводившие страх. История знает, что они были лишь орудиями в руках своих властителей, но их современники маркировали эпоху, обращаясь к этим именам: «бироновщина», «ежовщина» и т. д. Имена «кукловодов», дергавших за ниточки ужасных марионеток, оставались в тени. Во всяком случае, до поры до времени.

«Ежовщина»! Это наводящее ужас слово было на слуху (хотя и не произносилось). Историки и писатели так много написали о периоде массовых репрессий тех лет, что было бы самонадеянным и бессмысленным к этому что-либо прибавлять. Только, разве что, какие-либо детали.

Каждая из этих примет эпохи, наступившей после «съезда победителей» — XVII съезда ВКП(б) — столь чудовищна, что и писать о ней невероятно тяжело. Был у меня водитель служебной машины, лет пятнадцать назад. Он рассказывал, что его жена в те годы работала в московском крематории при Донском монастыре. Каждую ночь туда приезжали крытые грузовики, доверху набитые голыми трупами. Всю ночь после этого дымили трубы крематория... Несчастная женщина попала в психиатрическую больницу. Сколько военачальников, государственных деятелей, писателей, ученых, заметных и незаметных людей, клубами копоти ушли в московское небо — кто сосчитает?

Особый случай представляют собой рассказы людей, которым удалось избежать, казалось бы, неминуемой встречи с «заплечных дел мастерами» Лубянки, Лефортово, Суханова. Не могу не отвлечься от основного сюжета моего повествования и рассказать об одной из таких удивительных удач.

В истории другой семьи, с которой я давно дружу, сплелось явно несоединимое. Моя старинная приятельница Майя Ивановна была дочерью красногвардейца — «латышского стрелка» Ивана Христиановича Баумана. В 20-е годы он работал дипкурьером, ездил за рубеж по очереди со знаменитым Теодором Нетте. Между прочим, именно Иван Христианович и доставил в Москву тело своего товарища, павшего в «битве коридоровой», как написал об этом Маяковский. Мать Майи Ивановны — Вера Сергеевна, в прошлом личный секретарь Михаила Фрунзе, слыла женщиной умной и, главное, предусмотрительной. Это ее качество оказалось при известных обстоятельствах решающим.

Ее муж, в 1938 году вернувшийся из Испании, где он был «советником» в армии республиканцев, пошел в свой наркомат получить причитающуюся зарплату за многие месяцы «командировки» и повидаться со старыми друзьями. Деньги он получил сполна. А вот старые друзья... Их в знакомых кабинетах не было. Более того, на него глядели как на выходца с «того света» или кандидата «на тот свет».

Когда он, потрясенный, вернулся домой, Вера Сергеевна сказала только одно слово — «ежовщина»! Да и как она могла не знать этого слова! Даже я, тогда подросток, до сих пор помню карикатуру Бориса Ефимова на обложке «Крокодила» с подписью «ежовы рукавицы», где был изображен жалкий и гадкий корчащийся «враг народа», схваченный железной перчаткой, усеянной шипами.

Вера Сергеевна собрала узелок, сказала соседям на коммунальной кухне (разумная предосторожность!), что с мужем отправляется в баню и... вскоре они оказались на Курском вокзале. Последовали многомесячные переезды по осточертевшим им курортным селениям Крыма и Кавказа (отпуск был продолжителен). Нигде подолгу они не задерживались — все время были в дороге. Надо сказать, «в баню» они собрались вовремя — ночью за Бауманом «пришли», только вот «птичка» улетела. Вернулись они, когда волна арестов спала. Ежов уже не был наркомвнудел — в общем, для моих знакомых все обошлось благополучно.

К многократно описанному историками портрету главного страшилища тех лет я ничего не прибавлю. Я имею в виду официально документированную историю эпохи.

Мой рассказ иного рода. Желательно обратиться к известной в социальной психологии «теории ролей». Вот в чем ее суть. Каждый из нас в общественной жизни исполняет множество ролей. Он, к примеру, послушный сын своей матери и одновременно строгий отец дочери. Для врача он больной, а для начальника — подчиненный, для писателя — читатель, для прокурора — подсудимый, для экзаменатора — «шпаргалящий» студент, для студента — профессор, изощренный мучитель. Личность человека оказывается запрятанной под множеством иногда противоречащих друг другу обличий Впрочем, само происхождение слова «личность» восходит к «маске», «личине», которую сменял актер, исполняя ту или иную роль. Я не являюсь приверженцем «теории ролей». Человек активен и сам выбирает для себя роли, которые ему кажутся приемлемыми. Роль — это только одежда, которую личность на себя примеряет.

Так вот, страшный Ежов, безжалостный палач и мучитель, был совсем другим человеком в семейном кругу. Этот маленький, едва ли не карлик, синеглазый человек прекрасно пел. Он любил детей и дети любили его. С ними он охотно играл, выдумывал всякие забавы. Иосиф Моисеевич вспоминал, что нарком был всегда приветлив, и только одно удивляло мальчика — дядя Коля обожал стрелять по окнам соседних домов, при этом он говорил: «Ося, послушай, как там сейчас начнут кричать!»

Рассказ о том, что синеглазый карлик любил стрелять по окнам, я слышал от двух членов этой хорошо знакомой мне семьи. Но, признаюсь, я так до сих пор не понял, по каким окнам каких домов стрелял нарком. Самого Иосифа Моисеевича я своевременно не расспросил и не знаю, удастся ли мне когда-нибудь с ним снова поговорить — тот сейчас живет и работает за рубежом. Он упоминал, что со временем поведение «дяди Коли» стало меняться. С детьми он был по-прежнему лас-

ков, однако мальчик слышал, как буквально часами Ежов молча ходил из угла в угол в соседней комнате. Предполагаю, что эти воспоминания относятся уже к концу 30-х годов.

Затем Ежова освободили от поста наркомвнудела и назначили наркомом речного флота. Прием известный и хорошо рассчитанный Сталиным — надо было списать репрессии на их «исполнителя», как вождь однажды уже сделал, написав статью «Головокружение от успехов». Тогда печальные результаты сплошной коллективизации были отнесены за счет местных сельхозначальников.

Не припомню, не то я где-то прочитал, не то мне кто-то рассказал о заседании в наркомате речного флота, на котором присутствовал вождь. Один из выступавших посмел сказать, что работать-то не с кем. Все профессионалы были арестованы в то время, когда НКВД руководил Ежов. Последний встал, пролепетав, что он об этом не знал и таких указаний не давал. Сталин, попыхивая трубкой, иронизировал: «Товарищ Ежов не знал! Товарищ Ежов инициативы не проявлял! А кто проявлял?» Побледневший Ежов понял, что на этот вопрос ему лучше не отвечать. Очень скоро он и его бывший заместитель НКВД Фриновский были расстреляны. Концы ушли в воду.

Вскоре жена Ежова, Евгения Соломоновна, была помещена в специальную больницу, где интерьер палаты дополнялся решетками на окнах. Преданная семье домработница Поля позволила где-то вслух усомниться в психической болезни хозяйки. По сему случаю ее предпочли арестовать. Сама же Евгения Соломоновна сумела покончить с собой. Приемная дочь Ежова, как я слышал, была выслана на поселение куда-то на Север. Сейчас она зарабатывает игрой на баяне. Говорят, что у нее хорошо получается исполнение песен о Сталине.

3. Дочь Вождя, или Тщетная предосторожность

С нею я знаком не был. Однако знал людей, ее хорошо запомнивших. Попробую восполнить то, что не вошло в мемуары Светланы Аллилуевой, используя рассказы моих знакомых.

В 30-е годы в Москве были всего две «элитарные» школы. О школе № 32 (Московская опытно-показательная школа имени Лепешинского) речь впереди. Другая школа — № 175 была тоже питомником для детей руководителей партии и правительства «сталинского призыва». Среди учениц в этой школе были две Светланы — дочери Вячеслава Михайловича Молотова и Иосифа Виссарионовича Сталина. О первой из них ничего особенно приятного я не слышал от ее соученицы Аллочки Преображенской, моей подружки детских лет. О второй говорили хорошо и по-доброму. Ее в школе любили прежде всего за скромность и полное отсутствие какого-либо зазнайства. Она явно не ощущала исключительности своего положения. Аллочка как-то мне рассказала об одном забавном эпизоде. На перемене (они тогда учились в третьем классе) к ней и двум ее подругам подошла Светлана и пригласила их в гости на свой день рождения. Девочки смутились и не знали, что ответить. Именинница их уверенно успокоила: «Да вы не бойтесь — будут все свои: папа, Вячеслав Михайлович и Климент Ефремович!»

Просто и легко было учиться рядом с дочерью Вождя ее сверстникам. Иное дело педагоги — им было все это огромной нагрузкой. Бывший завуч 175-й школы Петр Константинович Холмогорцев рассказывал мне о том, как тяжко ложилось на плечи педагогов и дирекции это бремя. Соорудили в школьном дворе ледяную горку. Ребятишки с визгом и хохотом с нее скатывались и снова становились в очередь, чтобы не потерять ни минуты перемены. Села на фанерку и помчалась вниз Светлана. И надо же было! Неосторожное движение — и она упала. Далее события развивались с кинематографической стремительностью. Откуда ни возьмись, к горке подбежал какой-то человек. Его бледное лицо было перекошено. Появились еще какие-то люди, которых завуч никогда около школы не встречал. Пока Петр Константинович не столько утешал Светлану, сколько она успокаивала его, уверяя, что ей не больно, позади них происходило нечто невероятное. Когда завуч оглянулся, ледяной горки он не увидел — она исчезла, ее как не бывало.

Наряду с подобными драматическими случаями можно вспомнить и трагикомические. Пришла в класс молодая учительница. Она объяснила школьникам, что у нее особые требования к их учебе и дисциплине. При этом она распорядилась, чтобы все записали в дневнике: «Родителям прийти на родительское собрание завтра, во вторник», — и добавила, что явка строго обязательна. После этого она дала понять, какие меры будут ею предприняты по отношению к нерадивым отцам и матерям; а также их детям.

Как произошла эта «накладка», не берусь объяснить, да и узнать об этом уже не у кого. То ли ей не сказали, кто учится во вверенном ей классе, то ли она что-то в волнении пропустила мимо ушей. Не знаю. Только когда она после уроков рассказала завучу о своем строгом распоряжении, все решили, что для нее все уже кончено. Шутка ли! Вождь прочтет, что его явка обязательна и что за неповиновение его и дочку ожидают какие-то неприятности.

В одиннадцать часов ночи в прихожей ее «коммуналки» зазвучали многократные звонки. Бедная женщина все поняла и заметалась по комнате, соображая, что из белья ей разрешат захватить с собой в камеру. В дверях уже стояли двое в военной форме: «Внизу машина. Пойдемте!» Она обреченно кивнула.

Когда машина остановилась, ее повели какими-то коридорами. Где она находится, понять было невозможно. Наконец, открылась дверь, и она увидела, что к ней идет сам Учитель Всех Учителей.

Сталин учтиво усадил ее в кресло, угостил чаем с конфетами и сказал: «Вы уж меня извините. Завтра заседание Политбюро и я никак не смогу быть на родительском собрании. Может быть, вы великодушно согласитесь поговорить со мною о школьных делах сегодня?» Учительница, когда сумела осилить первые, с трудом давшиеся ей слова, «великодушно согласилась»...

Назавтра почти вся педагогическая Москва знала о великой скромности вождя и его внимании к простой молодой учительнице. «Реклама — двигатель торговли», да и не только торговли.

Мой коллега, профессор Владимир Михайлович Кларин был студентом исторического факультета МГУ в годы, когда там же училась Светлана. Опять-таки о ней сокурсники отзывались с симпатией и уважением. Конечно, они видели, что неподалеку от нее всегда находился гражданин явно не студенческого возраста и вида. Однако не могли не отметить, что самой Светлане это обязательное сопро-

вождение радости не доставляет. В дни экзаменов, когда его подопечная заходила в аудиторию, он, «страж», оставался у дверей, приглядываясь к очередному экзаменующемуся — не опасен ли он, не подозрителен ли.

Шел экзамен по истории партии. Экзаменатор почему-то нервничал, был раздражен, придирчив. У первых студентов, подошедших брать билеты, спросил: «Светлана пришла?» Узнав, что пока ее нет, стал просматривать какие-то бумаги. Уже ответили на его вопросы пять или шесть человек, когда он еще раз спросил, здесь ли интересующая его особа. Ее еще не было. Опять один за другим выходили к его столу студенты. Экзамен шел привычной колеей. И тут...

Прежде всего, надо дать пояснения технического свойства. Получив от подошедшего к столу студента зачетную книжку, раскрытую на нужной странице, каждый преподаватель всегда подсовывает ее под стопку других зачеток. Постепенно до нее дойдет очередь и после ответа экзаменующегося на этой странице будет поставлена соответствующая отметка. После чего она перекочует в экзаменационную ведомость. Эта процедура всем известна.

Преподаватель трудился в этот день очень долго — студентов в лицо не знал, и когда очередь дошла до Светланы, он был зол, придирался к ней явно несправедливо и «вкатил» ей в зачетку «тройку» («посредственно», по вузовской шкале отметок). Расписался, открыл первую страницу ее матрикула и пододвинул к себе ведомость. Тут-то и произошло страшное. Он прочитал фамилию студентки. Надо понимать, что он почувствовал. Светлана приходит домой, отец спрашивает как она «сдала» историю «созданной им партии», а она говорит: «На тройку».

Все дальнейшее развертывалось по схеме протекания аффекта. Мертвенная бледность. Дезорганизация двигательной сферы — авторучку не удержали пальцы, прерывистое дыхание, общее состояние, близкое к обмороку. Напрасно перепуганная девушка успокаивала его, уверяя, что она в самом деле плохо отвечала (что было неправдой), что никому она эту роковую «зачетку» не покажет — ничего не помогало. Его отпаивали какими-то каплями, но он не мог прийти в себя. Что было с несчастным после этого шока, я не спросил.

Недавно я узнал, что Светлана Аллилуева скромно и небогато живет за океаном. Повторяю, я с ней не был знаком — знал ее школьную соученицу, завуча школы, где она училась, сокурсника, не раз встречался с одним из ее бывших мужей. Вот и все. Но думал я о ней не раз, рассматривая судьбу этой женщины с позиций профессиональных, с точки зрения психологии времени.

Все, кто ее знали, отзывались о ней хорошо. По-видимому, она была добрым и скромным человеком. Только хорошее я слышал от сестры кинодраматурга Алексея Яковлевича Каплера (фильмы «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году»), который осмелился дружить с «табуированной» девушкой и за это поплатился, угодив в ГУЛАГ. Тэнна Яковлевна утверждала, что Светлана делала все возможное, чтобы спасти ее брата, но «отец народов» был неумолим. О том же говорила и другая сестра драматурга, Матильда Яковлевна, с которой была знакома моя мать. Заступалась она и за семью своего первого мужа, с которым ее развели.

Какую же личную драму пережила несчастная женщина! Любимица отца, во всяком случае, в детстве, она не могла вырвать из сердца чувство привязанности к нему, что бы она по этому поводу ни заявляла. Вместе с тем умная и чуткая, она не могла не осознавать, что была дочерью чудовища. Ужасающая ошибка, нескон-

чаемый стресс. Может быть, отсюда ее метания — бегство из СССР, возвращение, попытка жить в Грузии, где сталиниты готовили ей роль некоронованной королевы, опять отъезд за границу, наконец, горькое одиночество.

Это напоминает безнадежное бегство от человека, в ней персонализированного, который, хочет она того или нет, стал частью ее личности. Отец как индивид навсегда ушел, а как личность навсегда остался в качестве «отраженной субъектности» в умах современников и, конечно, дочери.

Когда-то Сталин произнес слова, которые породили у миллионов людей надежду: «Сын за отца не отвечает!». Он солгал — лагеря в Караганде и других местах вскоре заполнились лицами, принадлежавшими к разряду ЧСИР (члены семьи изменников Родины), дети «врагов народа», лишенные имени и фамилии, оказались в детских домах. Дочь была в ответе за преступления отца. Безвинно, в ответе перед собой и Богом.

4. Поздним вечером у малахитового камина

Геронтопсихологи (специализирующиеся на изучении особенностей психики престарелых) заметили, что в пожилом возрасте люди смелее высказывают мнение, которое не совпадает с общепринятым, не боятся остаться «белой вороной», не столь конформны, в отличие от молодых. Чем это объясняется? Отсутствие боязни осуждения со стороны тех, кто уже для них не значим? Снобизм? Самодостаточность? Не пишу научный трактат и потому не стану подтверждать или опровергать все эти гипотезы.

Буду говорить о себе. Известно, что кинематографисты — причем не только отечественные — признали фильм «Броненосец "Потемкин"» лучшим произведением мирового киноискусства. Лет 20—30 назад я и заикнуться не посмел бы, что я не понимаю и не приемлю этого мнения. Да, неповторимо эффектны кадры, снятые на одесской лестнице! Но для меня это не признаки шедевральности этой кинокартины. Понимаю, что теперь в меня готов будет бросить камень каждый культурный человек, но иду на этот риск, быть может, в силу возрастных особенностей. Что ж, Борис Пастернак писал: «Но старость — это Рим, который взамен турусов и колес, не читки требует с актера, а полной гибели всерьез». Даже если это гибель репутации знатока искусства и литературы.

Если бы задачу назвать лучшее произведение искусства кинематографа предложили мне, я бы, с болью отодвинув в сторону многие любимые мной киноленты, остановился бы на фильме Т. Абуладзе «Покаяние». Субъективен? Не спорю. Однако потребность покаяния, в конце концов, овладела не только сыном тирана, но и нами, кто был если и не соучастником преступлений, то, во всяком случае, безмолвным их свидетелем.

Кинокартина «Покаяние» шла первым экраном в московском Доме кино. Мой друг Михаил Григорьевич Ярошевский и вдова Николая Бухарина Анна Ларина сидели рядом. Совсем молодой, очаровательной она стала женой «любимца партии», как именовали ее мужа в послеоктябрьские годы, а после его ареста оказалась почти на 20 лет в ГУЛАГе.

Мы все были потрясены этим фильмом, но нетрудно представить, какое впечатление он производил на тех, кто прошел через ад сталинских лагерей. После фильма она рассказала моему другу о том страшном дне, когда она последний раз говорила с мужем. Он понимал, что ожидает и его и ее — иллюзий по поводу их будущего у него не было. Он слишком хорошо знал своего партийного товарища и руководителя. На пощаду рассчитывать не мог. Не могло спасти и то, что Сталин знал Анну, дочь старого большевика Ларина с детства, и был к ней всегда расположен и доброжелателен. Как она рассказала профессору Ярошевскому, ее муж стал перед ней на колени, просил простить его за то, что он сломал ее жизнь. Вручил впоследствии заученное ею наизусть послание, разоблачающее диктатуру. Попрощавшись перед неизбежным расставанием, уехал в ЦК. Как считала Анна Ларина, именно там он и был арестован и больше не вернулся.

Может быть, какими-то документами версия об аресте Бухарина в здании ЦК подкреплена. Не могу утверждать, что это не так. Однако я услышал другой рассказ о том, как для Николая Ивановича Бухарина завершился последний день на свободе...

На протяжении 70-х годов я активно сотрудничал в «Литературной газете». Как-то я подсчитал, что опубликовал в ней восемнадцать статей и очерков, был дважды удостоен премии за лучший материал года. «ЛГ» занимала тогда особое место в советской прессе. Это была любимая газета интеллигенции, во многом потому, что была более раскованна, позволяла себе затрагивать острые темы. В ней работали блестящие журналисты: Александр Борин, Аркадий Ваксберг, Анатолий Рубинов, Юрий Щекочихин и многие другие. С ними я был хорошо знаком и встречался не только в редакционных коридорах.

Первая «тетрадка» «ЛГ» — восемь газетных полос — была посвящена внутрилитературной жизни, делам, которые занимали Союз советских писателей. Второй публицистической «тетрадкой» руководил первый заместитель главного редактора Виталий Александрович Сырокомский. «Сыр» одобрил — значит, материал хорош и пойдет в номер, говорили сотрудники.

Газете многое позволялось. Это было очевидно. Опытные люди говорили, что партийные кураторы печати делают это осознанно — необходимо было иметь «клапан», чтобы «выпускать пар». Позволяться-то позволялось, но не дальше некоторого предела. К сожалению, Сырокомский как-то не заметил границу дозволенного, переступил через нее и поплатился.

Только не надо думать, что это было нечто вроде диссидентского демарша газеты. Такого тогда не могло быть. Просто появилась в газете статья на бытовую тему. Весьма обычная и в целом безобидная. Одну старушку выселили из дома, а ее квартира досталась какому-то чиновнику. Однако беда была в том, что дом этот принадлежал МИДу. От Сырокомского потребовали дать опровержение. Он отказался — нет оснований, факты подтверждены. Об этом было сообщено во второй статье о той же старушке. И тут возникли непредвиденные осложнения. Мне рассказывали, что вторая статья появилась в день рождения министра иностранных дел Андрея Андреевича Громыко. Получив этот подарок на именины, министр и член Политбюро разгневался, и Сырокомский был изгнан из газеты.

Прошли годы — началась «перестройка». Требовался опытный и инициативный журналист на должность главного редактора «Недели». Назначили Сыро-

комского. Через несколько дней, как началась его работа в новой должности, он позвонил мне и попросил написать несколько статей для его еженедельника. Темы — по моему усмотрению, но желательно обратиться, в первую очередь, к социально-психологической проблематике. Вскоре были опубликованы мои статьи «Нигилисты наших дней», «Власть толпы» и еще одна, названия которой не припомню. Для того чтобы договориться о дальнейшем, главный редактор пригласил меня к нему зайти.

Не следует удивляться, что я уделю здесь место излишне полному описанию его приемной и кабинета. Этому будет далее объяснение.

Итак: маленькая приемная в старой части здания «Известий». Из нее — и только из нее — вход в кабинет с окном на Пушкинскую площадь. Из окна можно увидеть далеко внизу спину и затылок статуи великого поэта.

В кабинете стены, обшитые дубовыми панелями, старинная мебель. Против письменного стола — нежно-зеленый малахит камина, чугунная решетка перед очагом. «Комнаты отдыха», которая обычно соседствует с начальственными апартаментами, не было.

Хозяин кабинета, увидев, что я с интересом оглядываю интерьер, разительно отличающийся от обстановки других редакционных помещений, спросил, знаю ли я, чей это был кабинет в прошлом? Я не знал. «Николая Ивановича Бухарина, тогда главного редактора газеты "Известия". Из этой комнаты он и переселился однажды в тюремную камеру. Загадочное это было переселение, точнее, исчезновение...»

По словам Сырокомского, произошло следующее. Бухарин не был арестован в здании ЦК (по-видимому, у Анны Лариной не было точной информации или ее собеседник в Доме кино неправильно ее понял).

Вернувшись с заседания, «любимец партии» прошел, поздоровавшись с секретаршей, в кабинет, закрыл за собой дверь. За окнами было темно. Далее начинаю откровенно фантазировать.

Представляю, вот он сидит в кресле напротив никогда не топившегося камина, смотрит в его черное чрево, думает, что его старый друг Коба, наверное, уже решил его участь, и страшна она и неизбежна.

Однако это мои домыслы, не более. Вернемся к реальным событиям этого позднего мрачного вечера.

Секретарша удивленно смотрела на дверь кабинета. Прошло много времени с тех пор, как «шеф» скрылся за ней — ни звонка оттуда, ни звука. Гнетущая тишина. Она приоткрыла дверь. Пусто в кабинете. Николая Ивановича в нем не было. Можно представить ее состояние. Мимо нее незамеченным он выйти не мог. Она подошла к окну — заперто изнутри. Еще раз прошлась по комнате — никого. Потрясенная, она вернулась в приемную. Бухарин как будто в воздухе растворился...

Загадка разъяснилась на другой день. Кто-то из технических сотрудников редакции вспомнил, что существовал в незапамятные времена персональный лифт главного редактора, неисправный и не функционировавший и поэтому всеми забытый. В кабинете дверь этого подъемника была замаскирована дубовой панелью и совершенно незаметна.

Надо полагать, что лифт был тайно от работников «Известий» кем-то — впрочем, понятно, кем — отремонтирован, и в этот вечер панель была отодвинута. Бу-

харин без малейшего шума был водворен в кабину лифта и вывезен из здания редакции.

Я припомнил эту почти детективную историю после просмотра фильма Никиты Михалкова «Утомленные солнцем». У меня, как и у многих зрителей, возник вполне понятный вопрос. Почему для ареста комдива Котова понадобилось разыгрывать всю эту романтическую трагикомедию с увозом его с дачи? Очень ли это правдоподобно? Не натяжка ли? Чего проще было вызвать его, как часто делалось, к примеру, в кабинет Ворошилова и при выходе задержать якобы для выяснения каких-либо обстоятельств.

Однако, восстановив в памяти рассказ Виталия Сырокомского, я пришел к мнению, что режиссер имел основание для построения такого нарочито усложненного и на первый взгляд маловероятного разворота событий. Я вижу психологическую подоплеку использования «испорченного» лифта. Таинственное исчезновение человека и к тому же такого, каким был для всех Николай Бухарин, должно было внушить каждому, что чекисты через стены могут пройти, если это им надо. Нагнетался всеобщий страх — краеугольный камень, лежащий в фундаменте диктатуры.

Еще одно психологическое обоснование выдвинутой мною гипотезы о возможных причинах постановки подобных эффектных спектаклей, роковых по своим последствиям.

После XX съезда стали относительно доступны некоторые стенограммы заседаний ЦК. Из одной мы узнали о странном появлении Н. И. Бухарина на одном из таких заседаний. Вообще-то ничего удивительного в этом не могло быть. Его избрали на XVII съезде кандидатом в члены ЦК, и он должен был участвовать в его работе с правом совещательного голоса. Поразительным было другое. Бухарина привезли из тюрьмы после изнурительных допросов, непередаваемых по степени жестокости. На него надели, скорее, напялили костюм, явно с чужого плеча. Смотреть на него было страшно. Сталин председательствовал — обсуждение вопросов, принятие решений. Бухарин сидел молча, иногда затравленно озирался. После заседания его увезли обратно на Лубянку.

Зачем это было предпринято? В чем была необходимость этого «шоу»? Ответ очевиден — наглядный урок для высоких руководителей. Им следовало понимать, что избрание в ЦК — это не панцирь, а смирительная рубашка. Не более...

Я открыл именной указатель, изданный в 1974 году по случаю 250-летия Академии наук СССР. В нем, где сотни фамилий членов Академии, есть и ее почетный член — Сталин (И. В. Джугашвили), однако нет фамилии «Бухарин Н. И.». Между тем последний был академиком АН СССР с 1929 года. Через восемнадцать лет после XX съезда все еще действовала рекомендация: «Нет человека — нет проблем», нет имени — не надо объяснений, почему оно забыто.

5. Пар из уст товарища Сталина

Как однажды заметила моя жена, надо быть очень здоровым человеком, чтобы лежать в больнице. В самом деле, легко ли выдержать раннюю побудку по случаю измерения температуры (в чем в большинстве случаев нет никакой необходимо-

сти), хождение по кабинетам, бесконечные анализы, а главное, далеко не комфортное общение с медперсоналом. Однако тридцать пять лет назад я был, по-видимому, достаточно здоровым, чтобы преодолеть все, что несет в себе отбывание срока в клинике. В данном случае это была вторая больница МПС, расположенная в парке Лосиного острова.

Попал я в весьма уютное отделение. В соседних палатах проходили ежегодную профилактику (другими словами, второй, оплачиваемый государством, ежегодный санаторный отпуск) «генералы» железнодорожного ведомства.

По вечерам собирались, выбрав место поудобнее. Этим бывшим и нынешним начальникам дорог, руководителям министерства было что рассказать. Помню, как один из них повествовал о давних годах работы в НКПС, где «царствовал» Лазарь Моисеевич Каганович. По словам рассказчика, в этом человеке странным образом сочеталось ласковое участие к «простым людям» и беспримерная жестокость к сотрудникам, ему непосредственно подчиненным. Он вежливо здоровался с уборщицами, спрашивал об их здоровье, о том, все ли благополучно в семье. В служебном же кабинете, взяв «за грудки», мог порвать рубашку на не угодившем ему помощнике.

Были бесконечные рассказы о расстрельных списках высших железнодорожных чинов, которые с легкостью визировал «сталинский нарком». Один из участников этих неформальных бесед вспомнил о том, что единственный начальник дороги, выйдя в 1958 году из заключения, встретил пенсионера Кагановича на Фрунзенской набережной, где тот проживал, и дал ему пощечину.

Они знали буквально все, относящееся к судьбам «сильных мира сего», ушедших из этого мира, нередко не по своей воле. Один из путейских генералов был, по его словам, хорошо знаком с вдовой Александра Васильевича Косарева, бывшего Генерального секретаря ЦК комсомола. Она рассказала ему о обстоятельствах гибели мужа.

Косарева и Берию объединяла взаимная ненависть. По-видимому, у комсомольского вождя были какие-то сведения о неблаговидной деятельности руководителя «грузинских большевиков». Берия был об этом осведомлен и готовил возмездие. Когда он стал Наркомом внутренних дел, для этого открылись широкие возможности.

Александра Косарева все считали любимцем Сталина. На одном из кремлевских банкетов Сталин провозгласил тост за здоровье первого комсомольца СССР. Все потянулись чокнуться с обрадованным, хотя и смущенным Косаревым. Протянул свой бокал и Берия — Александр этого «не заметил». Берия мрачно взглянул на него, на хозяина стола и сел на свое место. Между тем Сталин подозвал к себе Косарева, притянул его голову к себе и поцеловал. Потом слегка его отодвинул и тихо спросил: «Саша! А ты меня не предашь?» Ночью Александр Васильевич, рассказав жене о тосте и поцелуе вождя, шепнул: «Теперь я пропал. Все будет кончено». И очень скоро так и случилось.

Здесь я должен сделать оговорку, так как не вправе обойти то обстоятельство, что есть другая версия, несколько отличающаяся от услышанного мною рассказа об этом драматическом застолье. Она была опубликована в одном из журналов много лет спустя после моего «сидения» в лосиноостровской больнице. Но я не хочу отказываться от изложения услышанной тогда истории, поскольку она была

органически вплетена в ткань наших вечерних бесед, прерываемых лишь грозным требованием дежурного врача разойтись по палатам.

Другой начальник заметил, что, может быть, все было именно так, но, как он знает, донос на Косарева написала секретарь ЦК ВЛКСМ Мишакова. Я позволил себе включиться в разговор, хотя и понимал, что не могу выглядеть сколько-нибудь компетентным участником подобных обсуждений.

Мишакова? Кажется, ее звали Ольга Петровна..? Но, может быть, я ошибаюсь. Фамилию я помню очень хорошо. Дело в том, что когда в конце тридцатых нас принимали в комсомол, дежурным вопросом был такой:

«Назовите фамилии секретарей ЦК ВЛКСМ». Неофит робко перечислял: «Михайлов, Громов, Мишакова, Романов». Тогда ошибка была исключена — сейчас я, быть может, в этом перечне что-то напутал.

Мишакову я помню смутно. Кажется, это была пышная блондинка, не лишенная внешней привлекательности. Она напутствовала нас, группу студентов, направленных на агитационную работу в только что освобожденную Западную Украину. Опасная это была затея — там вовсю хозяйничали бандеровцы.

Впоследствии я дважды сталкивался с упоминаниями об этой властной женщине. Мой коллега, доцент кафедры философии Константин Евгеньевич Морозов, пересказал мне свой разговор с Мишаковой, который произошел после реабилитации А. В. Косарева. Его собеседница возмутилась, заявив, что лично товарищ Сталин показывал ей собственноручное признание бывшего генсека комсомола в шпионской и вредительской деятельности.

И еще один эпизод. Уже в 70-е годы Мишакова пришла в здание ЦК комсомола и потребовала, чтобы дежурный милиционер пропустил ее — она хочет еще раз побывать в своем прежнем кабинете. Смущенный страж порядка позвонил «наверх» и от помощника первого секретаря (Тяжельникова? Мишина?) услышал «резолюцию» шефа — «гнать ее немедленно!».

— Да, дама она была весьма амбициозная, — заметил, выслушав меня, один из участников наших вечерних посиделок. — Она, как я слышал, решила повторить опыт с Косаревым, написав Хозяину письмо с обвинениями нового первого секретаря — Михайлова. Будто бы она написала: «Либо я, либо он! Если он останется, то я готова уйти работать в школу». Сталин якобы на ее заявлении начертал: «Удовлетворить просьбу товарища Мишаковой и направить ее на работу в среднюю школу в качестве директора». Вполне возможно, что это легенда. Однако Хозяин такие шутки любил... Облеченные властью и ею же обличенные, низвергнутые! Сколько таких повествований за полмесяца моего больничного житья я услышал!

Спасением от засилья врачей были прогулки в прекрасном парке при больнице. Кружа по дорожкам, я часто встречал высокого, худощавого человека в роскошном синем бархатном халате. Вскоре мы стали друг с другом здороваться и, наконец, разговорились. Его палата была на другом этаже, и в наших коридорах я его не встречал. Так я познакомился с писателем Александром Ивановичем Воиновым. С этого момента прогулки по осеннему парку стали вдвойне привлекательными.

Литературный жанр, к которому был причастен Александр Иванович, имел созвучие с его фамилией. Фронтовая проза. Рассказывал он о своих приключениях. Капитан Воинов был сотрудником армейской газеты.

Случилось зайти ему в штаб фронта поболтать с приятелем, адъютантом командующего. Шеф адъютанта уехал в какую-то дивизию, кабинет был пуст. Другу писателя понадобилось на несколько минут выйти, и он попросил Воинова подежурить в приемной. Почти сразу же зазвонил телефон ВЧ-связи. Александр Иванович машинально снял трубку:

— Капитан Воинов слушает.

— Скажите, пожалуйста, товарищ капитан, с каких пор вы командуете фронтом?

— Товарищ Сталин, адъютант на одну минуту вышел, поэтому я... — капитан замолчал, не зная, что должно следовать за словами «поэтому я». Трубка тоже молчала, но было слышно дыхание человека, находившегося на другом конце линии связи. Отчетливо осознавалось в этот момент, что именно там, у телефонного аппарата решалась судьба адъютанта командующего, а может быть, и судьба «собеседника» Вождя. Слишком неосторожно он протянул руку к телефону, к которому не имел права и прикоснуться.

— Так, где же все-таки командующий? — прозвучал голос с заметно выраженным грузинским акцентом. Пришлось доложить о том, в какое воинское соединение отбыл командующий.

— Не находите ли вы, товарищ капитан, что слишком хорошо осведомлены о передвижениях командующего фронтом?

Конец! — решил Воинов. Из этой передряги ему уже не выбраться. В это время в комнату вошел адъютант и увидел своего приятеля, державшего в руке трубку телефона высокочастотной связи. Только взглянув на бледное лицо Воинова, он понял, с кем тот ведет «задушевный» разговор. Адъютант подбежал к телефону, а капитана Воинова как будто ветром сдуло из комнаты. Через минуту он уже ехал в редакционном «виллисе», воспроизводя в памяти разговор и с ужасом осознавая, что сказал: «Товарищ Сталин», не употребив его кодовое номерное обозначение.

Впрочем, у Александра Ивановича взаимоотношения с Вождем и Учителем вообще складывались как-то уж очень неблагоприятно...

Здесь я должен остановиться и, прежде чем продолжить, принести извинения читателям. Дело в том, что история, которую я хочу рассказать, быть может, им уже известна. Самому мне не довелось где-либо ее прочитать, но где-то и кем-то, как я слышал, она была пересказана. Однако буду ли я виноват, если воспроизведу ее в точности так, как услышал ее от Воинова, в послеобеденные часы бродя по дорожкам больничного парка? Далее события будут изложены от первого лица. Я привожу их слово в слово:

Однажды я на несколько дней прибыл в командировку в одну из тыловых частей фронта. Вечером должны были показать новый документальный фильм, только что привезенный из Москвы. Вот я сижу в переполненном зале. На экране — парад на Красной площади 7 ноября 1941 года. Как вы помните, воинские части проходили мимо Мавзолея и прямым маршем шли на защиту рубежей Москвы, к которым практически вплотную подошли фашисты. Сталин произносит речь.

Сама история спускается в зрительный зал. Холодно. На экране солдаты и офицеры обмундированы в соответствии с приказом — «форма одежды — зимняя». Впереди полков идут командиры. Крупный план. Иней на усах, на бровях, клубится пар изо ртов. Однако что-то меня поразило, что-то было не так. Потом я сообразил: «Господи! У всех пар изо рта, но только не у Верховного главнокомандующего. Он ведь тоже "взят" крупным планом. Какая-то фантастика!»

Демонстрация фильма завершилась традиционно продолжительными аплодисментами. Представителю киностудии стали задавать вопросы. Я не выдержал и спросил:

Скажите, пожалуйста, а почему у всех пар изо рта идет, а у товарища Сталина — нет?

«Киношник» замялся, но раньше, чем он ответил, в проход вышел военный в шапке-кубанке и, ощупывая меня взглядом, спросил:

— А почему вас интересует пар изо рта товарища Сталина? Знаете что, пройдемте со мной, я вам все там объясню.

Через несколько минут мы с ним были в комендатуре. Оставив меня на попечение дежурного и сказав: «Посиди здесь», — «кубанка» куда-то удалился.

— Чего это он тебя к нам привез? — поинтересовался дежурный.

— Да так, просто, — сказал я. — Обещал рассказать, почему на параде на Красной площади у всех от мороза пар идет изо рта, а у товарища Сталина — не идет.

— А почему ты удивляешься? — заметил дежурный. — Может, у товарища Сталина совсем другой организм, не такой, как у нас с тобой. Это все-таки Сталин!

Кажется, я нашел выход:

— Слушай, — сказал я дежурному, — ты наверняка прав, верно, у него другая физиология, — я нарочно ввернул научное словечко, понимая, с кем имею дело.— Ничего другого этот старший лейтенант в кубанке не скажет, хотя и обещал объяснить. Не стану его ждать, поеду к себе в часть.

— Поезжай, — равнодушно сказал дежурный. Как я добрался до своей части, даже не помню, кажется, в кузове полуторки. Мороз был крепкий, пар у меня изо рта шел. В этом ничего удивительного не было. Организм мой был совершенно обычный, явно не такой, «как у товарища Сталина».

Странная история, однако, она имела продолжение и объяснение.

Через несколько лет писатель совершенно случайно встретился с оператором, снимавшим в ноябре 41-го этот исторический фильм. Тогда-то и выяснилась загадка «физиологии Вождя». Оказывается, когда оператор снимал парад, что-то произошло с аппаратурой: то ли пленку перекосило, то ли еще что-то случилось с камерой, но только именно выступление Сталина оказалось непригодным к демонстрации.

Трудно передать масштабность тех страшных последствий этой технической накладки. Вне всяких сомнений, не только оператор и его помощники, но и все начальство советского кинематографа пошло бы под бериевский «каток». Что было делать? Действуя в соответствии с русскими пословицами: «Семь бед — один ответ», «Пан или пропал», «Голь на выдумку хитра»,— руководство студии обратилось к Верховному, разумеется, не раскрывая истинную причину неожиданной просьбы. Испрашивалось разрешение на съемку «дубля» его выступления с Мавзолея. Мотивировано это было тем, что условия съемки на Красной площади не

смогли позволить так, как надо представить его историческую речь. Ответ ждали, как ждут помилования после вынесения смертного приговора. Наконец, пришел ответ. Положительный! В одном из залов Кремля соорудили декорации. Все было точно воспроизведено. Сталин произнес речь, однако, поскольку съемки шли при комнатной температуре, пар изо рта не получился...

О чем только мне не рассказывал мой собеседник! Наше знакомство продолжалось и после того, как мы были выписаны из больницы. Он жил в районе метро «Аэропорт», буквально в нескольких шагах от моего дома.

Однако недолго пришлось нам продолжать прогулки по соседним улочкам. Вскоре А. И. Воинов умер. Сколько он унес с собой интересных историй, которые никто и никогда не услышит, — даже трудно представить. Да и я позволил себе вспомнить всего только две из множества им рассказанных.

6. Nomina sunt odiosa

Увесистые тома, глубоко-синего цвета переплеты: второе издание БСЭ! Предполагаю, что это самая лживая энциклопедия в мире. Создана она была в годы высшего стояния «культа личности» и под непосредственным наблюдением «вождя народов». Весь материал, все статьи были пропущены через мелкоячеистое идеологическое сито. Все, что в малейшей степени не соответствовало пропагандистским клише, не допускалось на страницы томов.

Мне рассказывали старые «энциклопедисты», что Сталин пригласил к себе утвержденную ЦК редколлегию БСЭ и подробно ее инструктировал.

Примечательной фигурой на этом совещании был Ф. Н. Петров. Многие годы, вплоть до середины 70-х, он олицетворял собой (правда, в единственном лице) преемственность старой, полностью истребленной, «ленинской» гвардии и новой, сталинской. В печати часто встречалось его имя с добавлением высокого титула — «старейший член большевистской партии» (с 1896 года). Одним словом, еще живым он был причислен к лику партийных «святых».

Закончив инструктаж, Сталин сказал:

— Присутствующие здесь члены Политбюро сочли необходимым включить в состав редколлегии товарища Петрова. Он был в составе редколлегии первого издания БСЭ, он поможет вам в практической работе. Товарищ Петров будет опираться на свой опыт, на свою практику. А практика, как учил нас товарищ Ленин, критерий истины, нам же нужна на страницах энциклопедии истина...

Тут он замолчал и, обращаясь к упомянутому «практику», вдруг спросил:

— Скажите, пожалуйста, товарищ Петров, а почему у вас в редколлегии и редакции первого издания было так много врагов народа? Членам Политбюро это интересно знать! Не правда ли, товарищ Берия?

Член Политбюро встрепенулся и явно проявил готовность к хватательным движениям.

— И еще, товарищ Петров, — продолжил Сталин. — В одна тысяча девятьсот девятнадцатом году вы со мной в Главнауке спорили...

Выражение лица Лаврентия Павловича свидетельствовало о том, что он понимает преступную неуместность дискуссии с будущим вождем народов в Главнауке в 1919 году. Вдруг глаза вождя утратили кошачий блеск, и он тихо сказал:

— Ну, что было, то было. Кто старое помянет, тому глаз вон, как говорит русская пословица. Не правда ли, товарищ Берия?

Было тягостное молчание членов редколлегии, которые хорошо знали о судьбе своих замученных предшественников: Бухарина, Затонского, Пятакова, Осинского и других. Все пока обошлось, но стало всем ясно, что надо «ушки держать на макушке», как об этом гласит другая русская пословица.

Может быть, как одно из последствий этого инструктажа, а возможно, по совокупности причин, на страницу 16-го тома БСЭ «запрыгнула» зеленая лягушка.

Не правда ли, удивительно. Почему вдруг из многочисленных видов этих квакающих созданий именно она одна была удостоена чести быть представленной на страницах державного значения энциклопедии.

Что же стояло по ту сторону 16-го тома БСЭ? Вспомним, что в сфабрикованном МГБ «деле врачей», которые в печати именовались не иначе, как «убийцы в белых халатах», были арестованы самые видные медики-терапевты Виноградов, Егоров, эндокринолог Шерешевский, невропатолог Гринштейн. По-видимому, дошла очередь и до профессора Зеленина (того самого, чьим именем названы популярные капли для «сердечников»), во всяком случае, его соавтор по популярному учебнику уже исчез. И вот незадача! Уже смакетирован энциклопедический том, где на с. 616 небольшая статья о докторе Р. Ф. Зеленине. Как быть? Сохранить ее — попадешь в соучастники к «преступникам». Изъять — придется переверстывать макет, что по техническим причинам практически невозможно. Единственный выход — заменить «крамольный» материал другим, равным по объему.

Эта задача технически более простая. Вопрос был — чем заменить? Попробуйте найти подходящий для энциклопедии термин. А втиснуть замену надо было между статьей «Зеленая лампа» (литературное общество) и «Зеленин» (однофамилец врача, известный этнограф Дмитрий Константинович). Вот и не нашлось ничего, кроме зеленой квакушки. Она и выручила редакцию.

Примечательно, что спасительное земноводное породило в энциклопедическом жаргоне специальный и всем понятный термин. Если надо было некий текст изъять из тома, а вместо него, чтобы избежать переверстки, нечто вставить, говорили: «Придумайте какую-нибудь “зеленую лягушку”».

Однако дошла очередь и до идеолога волшебных изменений текста энциклопедических изданий — Лаврентия Павловича Берии.

К середине 50-х годов многие подписчики БСЭ получили предписание изъять из пятого тома страницы 21, 22, 23, 24, содержащие парадную биографию и портрет «одного из виднейших руководителей ВКП(б) и Советского государства, верного ученика и ближайшего соратника И. В. Сталина» (с. 22).

Получил такое предписание и мой отец. Нам прислали страницы, которые следовало подклеить в 5-й том вместо изымаемых. В новых страницах, само собой разумеется, «верного ученика и соратника» и в помине не было, а его портрет был заменен фотоснимками Берингова моря. И, главное, «все сошлось». Страница 24 начиналась так же, как это было и на обороте прежней, 23-й страницы.

Ну чем не по Джорджу Оруэллу!

Но, честно говоря, ситуация с Лаврентием Берией хотя и отвечает в полной мере оруэлловской технологии, однако является уникальной. Как правило, действовал простой вариант следования рекомендации «*Nomina sunt odiosa*» (не надо упоминать имена). Вот, к примеру, вопрос «на засыпку» для студента исторического факультета тех давних времен: «Кто сменил в 1924 году В. И. Ленина на высоком посту Председателя Совнаркома и ряд лет был главой Советского правительства?». Случись такое, экзаменующемуся пришлось бы удрученно молчать — перед ним замаячила «двойка». Между тем нечего было бы тревожиться бедняге — не задали бы такого вопроса. Профессор себе не враг — вопрос этот там, где надо, был бы расценен как «провокационный». Поскольку Председателем СНК СССР после Ленина был (с 1924 по 1930 год) Алексей Иванович Рыков. В дальнейшем «правый уклонист» и, разумеется, «враг народа». Поищите в БСЭ-2 его имя или же статьи о Бухарине, Зиновьеве, Каменеве, Троцком. Безнадежная затея!

Мой отец, Владимир Васильевич Петровский, один из ведущих библиотековедов, понимая, что новые страницы 5-го тома окажутся когда-нибудь библиографической редкостью, как, впрочем, и изымаемые, рискнул не подчиниться и сохранил те и другие, не изуродовав тома (см. рис. 6).

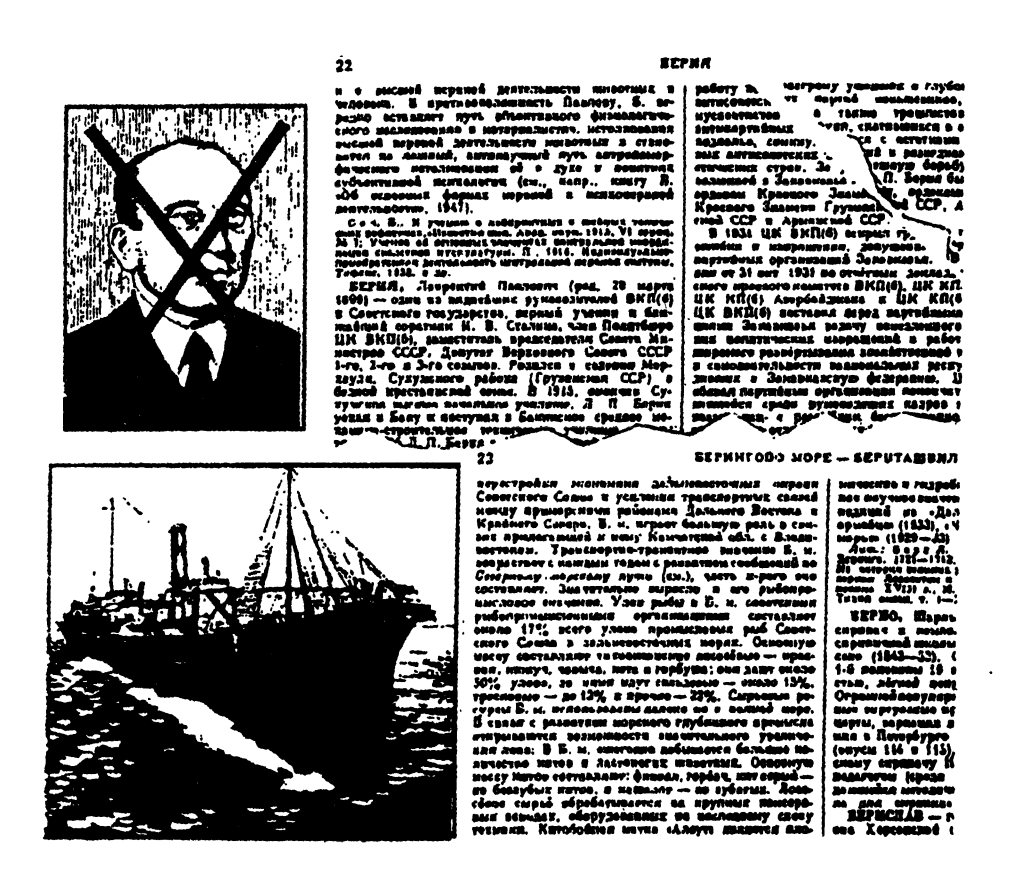
Во многих библиотеках можно найти 5-й том БСЭ, откуда Берия непостижимо исчез, и следов замены страниц там не найти. Но как это было выполнено технически, я не знаю. Очевидно, Бог меня уберег, и с Лаврентием Берией мне общаться не довелось. Однако...

Кварталы вокруг здания Городского пединститута в Гранатном переулке в 50-е годы были исхожены мною вдоль и поперек во всех направлениях. Случалось мне ходить по Вспольному переулку, заворачивая на улицу Качалова, чтобы сесть в троллейбус или автобус. Мы все прекрасно знали, кто живет в угловом особняке, двор которого был обращен в сторону Садового кольца. Хозяина этого мрачноватого дома жители окрестных мест не раз видели садящимся в машину, иногда он неторопливо прогуливался вдоль фасада, заворачивая в переулок, и снова возвращался по тому же маршруту. Моя сокурсница Мила, жившая в большом доме напротив особняка, рассказывала, что ей не раз случалось встречаться нос к носу с этим человеком, за которым неотступно следовали двое других, рослых и удивительно похожих друг на друга. Милочка вежливо здоровалась, называя соседа по имени-отчеству, он приподнимал шляпу и окидывал ее довольно безразличным взглядом. Она была явно не в его вкусе — худощавая, нельзя сказать, чтобы красивая, очень подвижная. О вкусах этого человека мы во многих подробностях узнали позднее, уже после 1954 года, потому что хозяином этого особняка был не кто иной, как Лаврентий Павлович Берия.

Сравнительно недавно умерла очень немолодая женщина. До последних лет она сохраняла обаятельную внешность, удивительную мягкость и такт в общении. Ее любили и уважали сотрудники института, где она многие годы работала. И только очень немногие знали о том кошмаре воспоминаний, который мучил ее на протяжении всей жизни. Высмотрев очаровательную девушку из окна машины, Берия на некоторое время насильно превратил ее в свою наложницу...

Приходится еще раз отвлечься от моего движения по Вспольному переулку по направлению к роковому дому. На другом его углу высится Дом звукозаписи.

Наша пожилая родственница, Валентина Васильевна Столбова, после войны работала в отделе писем Радиокомитета. Отдел располагался на верхнем этаже Дома. Окна, выходящие на Вспольный переулок и Садовую улицу, были расположены под потолком комнаты. Был жаркий июльский день. В помещении было душно. Решено было открыть хотя бы одно окно. Подставили к стене стол, на него стул, на который взгромоздилась самая высокая сотрудница. Она открыла окно и вскрикнула. Ее взгляд по гипотенузе миновал крышу особняка, и она увидела во дворе особняка нескольких голых девушек, которые плескались в чем-то, напоминающем бассейн. Кто стоял у внутренних окон или у дверей дома, она, разумеется, видеть не могла. В комнату вошла заведующая отделом, и разразился скандал, который закончился не то увольнением, не то чем-то похуже для нечаянной свидетельницы того, что видеть было не положено.

22 БЕРИЯ

23 БЕРИНГОВО МОРЕ — БЕРИТАШВИЛИ

Рис 6. Вырезка страниц из энциклопедии с портретом Берии

Однажды, не помню почему, я торопился добраться до троллейбусной остановки на Садовом кольце. Я вышел из здания института. В руках у меня был желтый, туго набитый книжками портфельчик. Когда я завернул за угол Вспольного

переулка, мне бросились в глаза две черные длинные машины, стоявшие у тротуара. Заметил я только что вышедшего из подъезда массивного мужчину в длинном темно-сером пальто и низко надвинутой на лоб того же цвета шляпе. Нижняя часть лица была замотана шарфом. Из-под шляпы поблескивали стекла пенсне. Берия! Сойдя с тротуара, он обошел радиатор автомобиля, шофер распахнул дверцу со стороны проезжей части. Берия сел на переднее сидение, дверца захлопнулась. В это время я со своим портфельчиком был уже около его лимузина. Из второй машины мгновенно выскочил огромного роста гориллоподобный грузин (впрочем, за его национальную принадлежность поручиться не могу) и, держа руку в кармане, буквально сверлил меня глазами. Он быстро оказался между мною и машиной «хозяина». Признаюсь честно, всякие были со мной передряги и на фронте и, как тогда говорили, на «гражданке», но никогда я не испытывал такого чувства страха. Портфельчик оттягивал мою руку так, как если бы в нем действительно была бомба.

Первая машина двинулась в сторону центра, за ней медленно поплыла вторая. Кто-то распахнул в ней дверцу, охранник, отвернувшись, наконец, от меня, прыгнул в нее на ходу. У меня отлегло от сердца — обошлось.

Мне бы не хотелось, чтобы у читателя возникло впечатление об утрировании моего тогдашнего страха и преувеличении опасности встречи с хозяином Лубянки и его подручными. Лет пятнадцать назад в Академии МВД проходили защиты кандидатских диссертаций. Я состоял там членом Совета, в который были включены московские ученые, писатели, деятели культуры. После того как первый диссертант «отстрелялся» и мы отправились в соседнюю комнату передохнуть и выпить по чашке чая, зашел разговор о давних временах, о хозяевах печально известного в прошлом Министерства государственной безопасности, последовательно сменявших друг друга его шефов после разоблачения и расстрела предшественников: Ягоды, Ежова, Меркулова, Абакумова. Вспомнили Берию.

Я рассказал о встрече на Малой Никитской (тогда улица Качалова). Крупнейший криминалист, профессор Генрих Миньковский, помешивая ложечкой чай, сказал: «А вам, Артур Владимирович, действительно повезло. Такая прогулка вдоль бериевских машин, да еще и с подозрительным портфельчиком в руках, могла окончиться очень плохо. У меня есть основания об этом говорить с уверенностью. В конце 40-х — начале 50-х годов я служил в Краснопресненском отделении управления внутренних дел Москвы. В часы моего дежурства в отделение позвонили, сообщив, что на углу улицы Качалова и Садово-Кудринской лежит труп человека. Когда разобрались, выяснилось, что это был сотрудник милиции в штатском, который, выполняя какое-то оперативное задание, прогуливался в этих местах. "Людям" Берии он показался подозрительным и они его "на всякий случай" пристрелили».

Еще раз о Берии, — это был всесильный человек и, вероятно, незаурядного ума. Это только обыденное сознание рисует палача обязательно с низким лбом, за которым и наличие мозга предположить трудно. Шеф карательных органов весьма и весьма заботился о своем престиже и нередко преуспевал в этом.

Когда, став руководителем НКВД после отставки и физического уничтожения Ежова, Берия освободил из лагерей значительное число заключенных, и было более или менее легализовано слово «ежовщина», многие вздохнули с облегчением:

наконец-то «органы» возглавил справедливый и честный руководитель. Разумеется, это не помешало ему вскоре не только восполнить потери «рабочей силы» в ГУЛАГе, но и удвоить ее. Однако психологический эффект первой волны реабилитации был в его пользу. С целью решения многих личных и политических проблем ему понадобилось обрести облик ученого и «интеллектуала». Вышла в свет книга Л. П. Берии «К истории большевистских организаций в Закавказье». Мне рассказывали, что была собрана группа видных историков, и им было предложено книгу с таким названием написать как можно скорее Авторский коллектив работал споро и продуктивно. Когда труд был завершен, Лаврентий Павлович вновь собрал хорошо поработавших историков и сказал: «Я прочитал. Мне как автору нравится». После этой высокой оценки со стороны «автора» успешно работающий коллектив был «выведен в расход».

Теплым июньским вечером в 1953 году мы, молодые научные сотрудники, возвращаясь с какого-то заседания, у ворот Института психологии расстались с профессором Корниловым и пошли провожать нашего заведующего кафедрой, профессора Николая Федоровича Добрынина.

Жил он за Каменным мостом на Якиманке. На углу Моховой и Знаменки горел красный свет светофора. На тротуаре нас остановили два сотрудника милиции. У одного на погонах мерцали подполковничьи звезды. Красный глазок светофора не гас. На огромной скорости в сторону Кремля мчались черные длинные лимузины. Вряд ли мы в это время понимали, что рядом с нами творилась история — заканчивался один ее период, начинался новый. Как потом мы узнали, за несколько часов до нашего нетерпеливого топтания около светофора был арестован Лаврентий Павлович Берия.

7. Отставной опричник в библиотечном интерьере

Я никогда не был знаком с Вячеславом Михайловичем Молотовым, хотя еще до войны мог разглядеть его, шагая в рядах демонстрантов, в дни первомайских или октябрьских праздников. Он, председатель Совнаркома, стоял на Мавзолее, а рядом с ним Генеральный секретарь Иосиф Сталин.

Впервые лицом к лицу с Молотовым я столкнулся в Ленинской библиотеке. Есть там Научный зал № 1, доступный только для академиков, профессоров, дипломатов, именитых иностранцев и других «непростых» людей. Очень удобный зал — отдельные столики для каждого читателя, ускоренная подача книг из основных фондов библиотеки, вдоль всех стен дубовые шкафы с энциклопедиями, словарями и другой справочной литературой.

Я стоял около места, где мы получаем заказанную литературу. Старичок, беседовавший с библиотекарем, сетовал, что одна из книг, которую он ожидал, была занята другим читателем, еще какая-то находилась в переплетной мастерской. Обычные огорчения для каждого посетителя библиотеки — ждешь книгу, а она как в воздухе растворилась. Когда сотрудница библиотеки вышла, раздосадованный читатель обернулся ко мне и спросил, что означает шифр «МК» на листочке заказов? Я пояснил — это отдел редких изданий, «Музей книги». Лицо этого че-

ловека показалось мне знакомым. Ба, да это же Молотов! Он проследовал к своему рабочему месту, явно с трудом дотащив до него тяжелую стопку каких-то книг и журналов. Оказывается, его стол находился рядом с моим.

Усевшись на свое место, я невольно искоса поглядывал на соседа. Его биографию я знал превосходно. Подпись Молотова стояла на списках тысяч обреченных на расстрел его давнишних друзей и соратников, наркомов, командармов, секретарей ЦК и обкомов партии, послов, разведчиков. В этих списках значилось бесчисленное количество людей, о большинстве которых он, вероятно, вообще ничего не знал. Дело в том, что Сталин требовал от своих товарищей по Политбюро визировать расстрельные списки, связывая всех круговой порукой.

Вскоре после XX съезда КПСС Молотова исключили из партии. Моя мимолетная встреча с ним относится, вероятно, к первой половине 70-х годов. Более точной даты указать не могу.

С каким чувством я тогда на него смотрел, что испытывал? Страх? Страха он уже давно ни у кого не вызывал. Отвращение? Презрение? Ненависть? Не стану выдумывать — этих эмоций не было. По-видимому, у меня не хватало воображения, чтобы представить страшную картину всех совершенных им злодеяний. Сидел рядом со мной неприметный, благообразный старичок, ничем не напоминавший, к примеру, Гиммлера или вообще кого-либо, принадлежащего к палаческому сословию.

Единственное чувство, которое он у меня вызывал, было простое любопытство. Что он чувствует, оглядываясь на свое прошлое? Понимает ли, какую страшную роль и какое место в Истории уготовил для него Сталин? Что он ответил бы мне, если бы я у него спросил о его нынешнем отношении к Хозяину? Конечно, я никаких вопросов ему не задавал, да и понимал, что он не стал бы на них отвечать. Между тем ответы на них я все же получил, но много позднее, притом не в Москве, а в далеком жарком Дагестане. Но для этого, как оказалось, мне понадобилось познакомиться с Расулом Гамзатовым, замечательным поэтом, славой и гордостью дагестанского народа.

Наша первая встреча была забавной. Он с товарищами выходил из гостиницы. Явно хорошо пообедал и не оставил без внимания кизлярский или дербентский коньяк. К слову сказать, я как-то спросил моего знакомого жителя Дербента:

— Как вы решаетесь пить коньяк стаканами?

— Я читал в журнале «Здоровье», что от коньяка расширяются сосуды. Это полезно.

— Но потом же они снова сужаются?

— А я не даю им сужаться.

Нас с Расулом познакомили у входа в гостиницу. Я вежливо сказал:

— Я так много о вас слышал, Расул Гамзатович, и очень рад, что я вас, наконец, увидел.

— Обо мне лучше слышать, чем меня видеть, — возразил поэт. По-видимому, он считал, что момент для нашего знакомства был явно не своевремен и, может быть, даже нежелателен.

В дальнейшем мы не раз с ним оказывались за одним столом. Дело в том, что мой друг, ректор педагогического института в Махачкале, был сватом Расула. Сын ректора был женат на дочери народного поэта.

Помню одно застолье в доме Магомедова. Расул сидел рядом со своей обаятельной женой Патимат, искусствоведом, видным музейным работником. На этот раз Расул пил только минеральную воду, а я... наоборот.

Рассказ о встрече Гамзатова с Молотовым начался уже за столом, но несколько раз прерывался витиеватыми восточными тостами. На другой день я попросил профессора Магомедова восполнить рассказ его нового родственника. Вот что он передал мне со слов Расула:

«Мы с моим приятелем как-то гуляли по московским улицам. Мой друг сказал мне: "Когда я лежал в Кремлевской больнице, то познакомился там и не раз общался с Молотовым. Он лежал в соседней палате". Мы стояли около Ленинской библиотеки, как раз против "кремлевки".

"Ты знаешь, — продолжал он, — я вспомнил. У Вячеслава Михайловича сегодня день рождения. Пойдем к нему и поздравим". Я сказал, что, наверное, это неудобно, он со мной не знаком. "Пустяки, — отрезал приятель, — он знает восточные обычаи, ты мой друг и этого достаточно!"

Из телефонной будки позвонили Молотову. Тот ответил, что будет рад гостям. Жил он неподалеку, и вскоре мы оказались в его квартире за именинным столом. Гостей не было. Хозяин, его жена и мы — два нежданных гостя. Молотов встал, поднял бокал и сказал: "Я знаю правила застолья, принятые как в Москве, так и в Дагестане: первый тост всегда за именинника. Однако разрешите мне следовать обычаю, принятому в нашей семье. Мой первый тост будет посвящен памяти великого человека, моего друга, моего вождя — товарища Сталина. Догадываюсь, о чем вы подумали. Да, моя жена, видный государственный и партийный деятель, заместитель наркома, была репрессирована. Но это не меняет сути дела. Величия Сталина это все не умаляет. Разумеется, я вас не принуждаю вслед за нашими словами встать и выпить с нами"».

На этом дошедший до меня рассказ Расула Гамзатова завершался. Во всяком случае Ахмед Магометович не мог сказать, какова была реакция гостей на провозглашенный тост. «Шахерезаду застало утро, и она прекратила дозволенные ей речи». Однако я получил ответ на так и не заданные мною вопросы в Научном зале № 1 Ленинской библиотеки.

Тема Молотова еще раз всплывает в моей памяти. В начале 80-х годов мы с женой были в подмосковном санатории, где отдыхали и лечились городские и партийные работники. Сидевшая с нами за обеденным столом райкомовская дама буквально с придыханием рассказывала о том, как она на даче Молотова вручала ему партийный билет. Генсек Константин Черненко восстановил Молотова в партии. Наша соседка восхищалась спокойствием и выдержкой старого большевика.

Когда мы ему сказали, что партийным решением он восстановлен в рядах КПСС, то Вячеслав Михайлович поправил нас, сказав, что ряды партии он никогда не покидал, партийные взносы ежемесячно отправлял но почте в ЦК, однако благодарит нас за приезд, поздравление и возвращенный партийный билет.

Далее последовали восторженные воспоминания рассказчицы о красоте хрустальных рюмок, качестве армянского коньяка, слоеных пирожках, приветливо-

сти этого «удивительного человека» и т. п. Одним словом, ария из оперетты «Перикола»: «Какой обед там подавали, каким вином нас угощали...».

Так что же, Вячеслав Михайлович «не поступился принципами»? Я так не считаю. Если он чем и не поступился, то своей беспринципностью. Принципиальность ему надо было проявлять и ею не поступаться, когда в 1937–1938 годах одного за другим вызывали в Москву из зарубежных стран советских послов и других дипломатов. И когда при его «благословении» их расстреливали. Некоторые, впрочем, не вернулись. Посол в Болгарии, бывший матрос Федор Раскольников остался в Париже и почему-то, утратив навыки, приобретенные на шаткой корабельной палубе, упал с балкона. Впрочем, это к ведомству Молотова, очевидно, отношения не имело. Такие проблемы входили в компетенцию других его коллег.

8. Писать ли слово «огурцы» через «и»?

Есть поступки, которые раз и навсегда должны определять отношение к человеку, их совершившему. Никита Сергеевич Хрущев, какие мотивы бы за этим ни стояли, свершил великое: положил начало развенчанию культа личности Сталина и выпустил из концентрационных лагерей миллионы ни в чем не повинных политических заключенных. Это обстоятельство невольно заслоняет все другие, весьма странные его деяния.

Хрущев с энтузиазмом брался за все новые и новые дела, при этом оказывался профессионально к ним не пригоден, бросал их и ввязывался в новые широковещательные кампании. Помню рассказ, который мне довелось услышать от экс-президента АПН СССР Михаила Ивановича Кондакова.

Хрущев одно время был одержим идеей ограничить обучение в средней школе семью классами — «стране нужны, прежде всего, высококвалифицированные рабочие, а им неполной средней достаточно». Как-то он позвонил из Пицунды, где отдыхал, тогдашнему президенту Академии педагогических наук РСФСР Ивану Андреевичу Каирову и распорядился, чтобы тот подготовил научно обоснованный документ, который позволил бы принять соответствующее правительственное постановление. Каиров вызвал тогда еще молодого научного сотрудника Кондакова, объяснил ему задачу, поставленную первым лицом государства. При этом Иван Андреевич добавил: «Напишите пространно, подробно, на языке науки, но так, чтобы Никита Сергеевич ничего не понял». Все было выполнено и документ отправлен по высокому адресу.

Через некоторое время последовал разгневанный звонок Хрущева: «Каиров! Что ты мне написал?! Я два раза прочитал и так ничего не понял: вы за сокращение учебы в школе или против?!» Михаил Иванович не привел те слова, которыми Хрущев в гневе завершил свой начальственный разнос. Боюсь, если бы он их привел, я все равно не мог бы их напечатать.

Каиров извинился, сказал, что он соберет специальную комиссию, которая «изучит вопрос» и даст вразумительный ответ. Комиссия, как это и должно было быть, трудилась полгода. За это время Хрущев забыл о своих поползновениях

«кастрировать» среднюю школу и перешел к новым проектам: перемещению Тимирязевской сельскохозяйственной академии в Курск, что, вероятно, привело бы к полному разрушению старейшего учебного заведения Москвы. Далее предстояло переселение Министерства сельского хозяйства за город, «поближе к земле», затем непримиримая борьба с художниками-абстракционистами и поэтами-формалистами, продвижение кукурузы в северные широты и многое другое, столь же безотлагательное...

В редакции «Литературной газеты» существовала традиция: три-четыре раза в год приглашать, как они писали, кого-либо из «видных деятелей науки, литературы и искусства» с просьбой дать обзор номеров газеты и высказать свои соображения и критические оценки. Дошла очередь и до меня. Собрание одного коллектива редакции вел замглавного Удальцов. Главный редактор Александр Чаковский сидел в первом ряду прямо передо мной. Он, казалось, внимательно слушал, но во время моего 40-минутного выступления почему-то несколько раз вскакивал, выходил за дверь и очень скоро возвращался обратно. Когда все кончилось, я не мог не поинтересоваться у журналистов: «Может, ему было неинтересно то, что я говорил?» Мне объяснили, что дело не в этом. Такая уж у него манера — никогда не может долго сидеть на одном месте...

Все это мне вспомнилось, когда мне рассказали об одном примечательном эпизоде, случившемся в кабинете главного редактора «ЛГ» в 1964 году.

Чаковский собрал писателей, ученых-филологов, учителей для обсуждения спорных проблем реформы русского правописания, на проведении которой был в этот период зациклен Первый секретарь ЦК. Главный редактор сидел, подперев рукой щеку, слушал выступающих. Потом, следуя своей привычке, вскочил и быстро вышел из кабинета в приемную. Журналистов это не удивило. Впрочем, в полуоткрытую дверь они увидели, что он о чем-то говорит по телефону. Вскоре он вернулся в кабинет.

Продолжилась дискуссия, к примеру, как писать слово «огурцы»: с буквой «и» или «ы».

Едва ли не каждое выступление специалистов начиналось сакраментальными словами: «Как справедливо указывал Никита Сергеевич Хрущев, реформа российского правописания должна...»

Чаковский спокойно слушал, по крайней мере, еще 40 минут, никого не перебивая. Затем, остановив очередное славословие какого-то лингвиста, он вдруг поднялся с места и сказал: «Товарищи, может быть, мы прекратим обсуждать эту бессмысленную реформу, которую Хрущев придумал для того, чтобы скрыть свою неграмотность!?»

Вряд ли в каком-либо из театров немая сцена в финале гоголевского «Ревизора» выглядела бы столь эффектно. Так ничего и не понявшие филологи не вышли, а буквально выкатились из кабинета.

Дело, разумеется, объяснялось просто. В приемной он по телефону узнал о том, что Никита Сергеевич Пленумом ЦК отправлен в отставку...

Первого секретаря партии мучил вопрос: как все-таки писать «огурцы» — через «и» или через «ы». На вопрос, в каком случае писать «огурцы» через «и», моя 7-летняя внучка ответила: «В крайнем».

9. Ошибка коллекционера с последующими оргвыводами

Когда я пришел работать в АПН СССР, Алексей Иванович Маркушевич был ее вице-президентом, Довольно высокого роста, массивный, с крупным, то, что называется породистым, лицом, он был заметной фигурой в Президиуме Академии. Мы тогда размещались в старинном особняке на Большой Полянке.

Что я тогда о нем знал? Прежде всего, что это был один из крупнейших математиков и входил в первую десятку алгебраистов. До появления в Академии он был заместителем министра просвещения РСФСР, потом его с этой высокой должности сняли — и не без скандала.

История его «падения» была довольно своеобразна. Как мне объяснили, по должности ему вменялось в обязанность визировать оглавления сборников ученых записок педагогических институтов. Вскоре после его визы кто-то из особо бдительных граждан углядел в одном из этих оглавлений статью «Развитие народного образования в Сибири при Колчаке». Можно себе представить, что тут началось! Как могло развиваться в Сибири образование при «палаче» и «враге» трудового народа, белом адмирале, о котором пелось в популярной песенке: «Улица, улица! Гад Деникин жмурится, что Сибирское ЧК “разменяло” Колчака»? Думаю, что ни автору статьи, попросту неуклюже назвавшему ее, ни самому Алексею Ивановичу Маркушевичу не приходила в голову мысль о том, что в действительности Колчак был одним из самых просвещенных, интеллигентных представителей русского офицерства. Обо всем этом мы узнали совсем недавно. Как бы то ни было, ужасающий прокол был налицо. Маркушевича вызвали «на ковер», на Старую площадь. Один из секретарей ЦК спросил его:

— Кто вы по своей основной научной специальности?

— Математик.

— Ну, если вы такой математик, как и заместитель министра просвещения, то я математической науке не завидую...

Так завершилась министерская карьера Маркушевича.

Однако Алексей Иванович был не только деятелем народного образования, не только выдающимся математиком, но и крупнейшим библиофилом, обладателем одной из самых значительных коллекций редких книг, равной которой в Москве, наверное, не было. У него было собрание инкунабул (книг, вышедших до 1500 года). У него их было не менее 70. Боюсь ошибиться, то ли на 5–6 больше, то ли на 5–6 меньше, чем в библиотеке Тартуского (бывшего Юрьевского) университета. Я был у него дома. В одной из комнат книжные полки стояли не только по стенам, но и посередине помещения, как в библиотеке, так что к ним можно было подойти с двух сторон. Он показывал мне уникальные издания — чудеса полиграфического искусства древности, книги, изданные при первопечатниках Иване Федорове и Мстиславце. Помнится, я держал в руках какой-то старинный фолиант, где на полях были пометки чуть ли не самого Исаака Ньютона, но сейчас, после стольких лет, поручиться за точность этого утверждения не могу.

Я спросил Алексея Ивановича:

— Какова будет судьба коллекции, после того как уйдет из жизни ее владелец? Все мы смертны. Он ответил:

— Я разговаривал на эту тему с вашим однофамильцем, ректором Московского университета, академиком Иваном Георгиевичем Петровским. Кстати, вы не родственники?

Честно говоря, я настолько запутался в многочисленных связях по отцовской линии, что ничего ответить не мог и только отрицательно покачал головой. Единственное, что я знал, так это то, что в родстве со «всеукраинским старостой» Григорием Ивановичем Петровским я общих предков не имел.

— Так вот, я спросил ректора, — рассказывал мне Маркушевич, — могу ли я, по завещанию, передать мою коллекцию в библиотеку Московского университета. Но при единственном условии: книги должны быть не рассредоточены в книгохранилище, а представлять собой единое целое. Таковы были мои условия дарения ее в МГУ. Иван Георгиевич вздохнул и сказал, что коллекцию не примет.

— Почему?

— Очень просто. Сегодня я ректор и, конечно, выделю отдельное помещение, ставку хранителя, но пройдет время, меня не станет, будет новый ректор, ему понадобится помещение для какой-либо лаборатории, потом ставка старшего лаборанта. С этого времени ваши книги будут стоять по томику в каждом из тысячи стеллажей библиотеки. Коллекция как таковая исчезнет. Нет, не приму ее — не буду брать грех на душу.

Единственное, что мог сделать Маркушевич, это завещать собрание инкунабул Государственной библиотеке им. Ленина. Об этом он мне сообщил во время нашего разговора у него дома.

Теперь надо объяснить, каким образом я оказался гостем вице-президента. Могу похвастаться — этой чести удостаивались немногие. ...В середине рабочего дня в мой кабинет по скрипучей внутренней лестнице спустился Маркушевич и задал мне вопрос, явно выходивший за пределы наших деловых отношений и моей служебной компетенции:

— Скажите, пожалуйста, вы знаете, кто такой граф Северный?

По счастью, я это знал и ответствовал, что граф Северный — это псевдоним великого князя цесаревича Павла, будущего императора Павла I. Маркушевич удовлетворенно хмыкнул, подсел к моему столу и показал мне книгу — небольшой томик в потертом кожаном переплете, текст был на французском языке. На полях можно было разглядеть какие-то значки: где одна вертикально поставленная палочка, где две, где какая-то закорючка. Никаких словесных пометок на полях не было. Алексей Иванович объяснил мне, что это французский перевод какого-то римского писателя (я забыл, какого именно), этот томик брал с собой Павел, когда инкогнито путешествовал по Европе. Задача, которую поставил перед собой мой собеседник, заключалась в том, чтобы узнать, что могли означать загадочные пометки на полях. В результате кропотливого анализа он пришел к выводу, что Павел пытался усмотреть аналогию между правами и положениями так называемых вольноотпущенников при дворе римских императоров и поведением фаворитов императрицы Екатерины. Одним словом, Павел как бы подбирал аргументы, черпая их из римских источников, чтобы обличать всесильных любовников государыни. Возможность обсудить со мной эти исторические обстоятельства,

по-видимому, и послужила причиной его приглашения познакомиться с коллекцией. В дальнейшем я не раз беседовал с этим интереснейшим и фантастически образованным человеком.

Все это произошло до трагедии, которая оборвала не только его карьеру, но и жизнь. Вот как это произошло. В одной из центральных газет был опубликован фельетон под названием «Автограф императрицы». Автор фельетона повествовал о возмутительном поведении вице-президента АПН СССР А. И. Маркушевича, который, потеряв всякую совесть, покупал у своего помощника книги, украденные из государственного архива древних актов, не обращая внимания на печати размером с куриное яйцо, которые свидетельствовали о подлинном хозяине этих материалов. В служебный кабинет к Маркушевичу пришел следователь из уголовного розыска. Была изъята пачка книг и арестован помощник вице-президента. Легко понять, как развивались события дальше. На партийном собрании звучали гневные речи его коллег. С удовлетворением отмечаю, что среди выступавших я не значился, за что сполна получил «все положенное» в таких случаях во время очередных перевыборов членов Президиума: «Как это вы могли отмалчиваться и не занять позицию, подобающую коммунисту и одному из руководителей Академии?!»

Что же на самом деле? Был ли виноват Алексей Иванович? В какой-то степени виноват: негоже руководителю вступать в отношения купли-продажи со своим помощником. Что же касается всего остального...

Помощник вице-президента в сговоре с сотрудником Государственного архива, который, пользуясь полной неразберихой в хранилище древних актов, тащил все, что попадалось ему под руку, перепродавал краденое. При этом он прикрывался легендой о том, что есть, мол, некий старик, живущий чуть ли не на чердаке, бедствующий и потому распродающий свою уникальную коллекцию. Действовал помощник Маркушевича беззастенчиво, например моей сотруднице Юне Александровне Кораблевой он показывал письма А. И. Герцена. Легко представить ее состояние: она в это время писала дипломную работу о Герцене. У нее руки дрожали, когда она брала эти драгоценные листочки. Предложил он несколько книг, используя ту же легенду, и своему патрону, который купил их, только печати «с куриное яйцо» отнюдь не были печатями государственного архива, как это можно было понять, читая фельетон в газете. Это были книги, в качестве трофеев вывезенные во время войны из Германии и, как многие другие, имевшие широкое хождение на книжных рынках. И печати эти были немецкого города Любека. Поэтому покупатель и представить себе не мог, что его приобретения похищены из государственного хранилища.

Алексей Иванович мне рассказывал, что его помощник предлагал ему приобрести письма Жозефины — супруги императора Наполеона. Он отказался, потому что коллекционировал книги, а не рукописи. И надо же! Один-единственный раз он приобрел маленькую «царскую грамотку». Именно таким образом была совершена трагическая ошибка. Надо было с помощью лупы тщательно обследовать не только лицевую, но и оборотную сторону этого документа. Там можно было обнаружить следы виртуозно счищенной печати государственного архива. Но дело не только в технической стороне. Здесь, скорее, было то, что относится к области психологии. Просто-напросто, «инстинкт» коллекционера несовместим с «ин-

стинктом» сыщика. Именно так мне объяснил свою «погрешность» Маркушевич. Эта психологическая нестыковка и погубила...

Читателя может заинтересовать, каким же образом было обнаружено, что из архива куда-то исчезают материалы? На одном европейском аукционе были проданы письма Жозефины ее царственному супругу. Эти письма значились в описях упомянутого московского архива. Тогда-то и начали раскручивать дело о кражах и обнаружили их виновника.

Что было дальше? Вице-президент был освобожден от работы, его помощник получил за воровство 8 лет тюрьмы, сейчас он уже на свободе. После этой истории Алексей Иванович Маркушевич, оплеванный так, как только возможно оплевать жертву общественного негодования, вскоре скончался.

10. Пришелец из Белого дома

30 сентября 1993 года, середина рабочего дня. В моем служебном кабинете мы с главным ученым секретарем Академии Н. Н. Нечаевым обсуждаем вопросы, связанные с предстоящим заседанием Президиума РАО. Входит секретарь, докладывает: «К вам пришел народный депутат Пчелкин, он из Белого дома (я нарочно немного изменил его фамилию. Прошло много лет, и, быть может, ему не хочется вспоминать о той незавидной роли, которую он тогда играл)».

Вот уж кого мне меньше всего хотелось бы увидеть! Слишком мало приятных воспоминаний связано с этим народным избранником. Член Комиссии Верховного Совета по науке и образованию, он вот уже полгода волкодавом висел на горле только что родившейся Российской академии образования.

Предыстория его появления в моей приемной заслуживает отдельного рассказа.

Наша академия с первых дней своего существования (с декабря 1991 года) стала буквально объектом преследования и изощренных издевательств со стороны Комиссии по науке и образованию Верховного Совета. Возглавлял ее тогда некто Владимир Павлович Шорин. Я мало знаю его прошлое. Кажется, он был в Самаре ректором одного из технических вузов, правда, недолго. До этого назначения, как мне говорили, служил проректором по заочному отделению. Однако, будучи избранным в Верховный Совет, с непостижимой быстротой обрел титул академика Российской академии наук.

Председатель Верховного Совета Руслан Имранович Хасбулатов за ним не поспел, удовлетворившись званием члена-корреспондента РАН.

Шорин нашу академию невзлюбил буквально с первых месяцев ее существования. При этом он опирался на группу членов бывшей Академии педагогических наук СССР, для которых создание Российской академии образования представлялось крушением устоев теории коммунистического воспитания и марксистской педагогики. Работа по созданию академии затянулась на полгода исключительно в результате стараний Комиссии Верховного Совета.

Шли бесконечные согласования. Перечеркивались результаты работы, если они обещали завершение строительства новой академии. Происходила перетряска списков действительных членов-учредителей РАО.

Вспоминаю диалог во время одного из таких заседаний в стенах Белого дома. Я удивился:

— Как можно настаивать на включении в состав членов-учредителей новой Академии явного реакционера в педагогике?

— Ну и что же, пусть и реакционер, — парировал заместитель председателя Комиссии, — нам и реакционеры нужны в Академии. У нас, слава богу, теперь плюрализм мнений!..

Наконец, в июне 1992 года, через 6 месяцев после того как Борис Николаевич Ельцин подписал постановление о создании Российской академии образования и назначил меня ее Президентом-организатором, мы смогли приступить к выборам новых академиков. Все это происходило под градом угроз в мой адрес, с требованиями приостановить выборы, предупреждениями, что и Р. И. Хасбулатов крайне недоволен моей активностью.

Конкретный пример: в моем кабинете действительные члены-учредители обсуждают кандидатуры новых членов Академии. Идут выборы. Дребезжащий телефонный звонок — «вертушка». Подхожу к аппарату «кремлевской связи». Звонит вице-премьер Борис Георгиевич Салтыков:

— Артур Владимирович, мне только что звонил Владимир Павлович Шорин. Он утверждает, что вы допустили при организации выборов серьезные ошибки, за которые вам предстоит отвечать. Шорин настаивает, чтобы до выяснения всех обстоятельств выборы были приостановлены.

— Борис Георгиевич! Если я вам, вице-премьеру, говорю, что никаких ошибок при подготовке выборов не совершено, то я понимаю меру своей ответственности. Буду продолжать то, что начал и, если можно, передайте это Владимиру Павловичу.

— Ну, как хотите, это ваше дело, вы самоуправляемая организация. Однако имейте в виду, Шорин сказал, что он лишит Академию финансирования и, в конце концов, ее вообще прикроют.

— Глубокоуважаемый вице-премьер, у Владимира Павловича был еще более радикальный предшественник. Он, как известно, «въехал в город на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки...».

— Ну, что ж, действуйте под свою ответственность. А что касается «щедринской» цитаты, то, поверьте, она вам еще не один раз пригодится...

Я поблагодарил вице-премьера за добрый совет и вернулся к столу, где сидели слышавшие этот разговор действительные члены Академии.

— Продолжим нашу работу, — сказал я, и мы перешли к обсуждению кандидатур...

И тогда двое из числа членов-учредителей отказались принимать участие в выборах. Нас было всего одиннадцать. Кворум для принятия решения — не менее чем восемь. Как выяснилось, замысел наших «доброжелателей» предполагал отказ от участия в выборах еще двоих (ректоров двух крупных университетов). Однако ректоры не пошли на срыв выборов, несмотря на очевидное давление, загодя на них оказанное. Идея оказалась неосуществленной,

Потом мне рассказывали, что Шорин в сердцах выругался, узнав о моем ответе, и сказал, что Петровский послал его к... Это не было правдой — не моя фразеология.

Итак, вернемся к утру 30 сентября 1993 года. В моей приемной — правая рука Шорина — Пчелкин, амбициозный куратор нашей Академии. Приглашаю его зайти.

Он протянул мне пачку бумаг.

— Вы сейчас из Белого дома?

— Да.

— И что это за бумаги?

— Это Президентский закон.

— Какого Президента? Ельцина?

— Нет, Александра Руцкого.

— Я такого Президента не знаю!

Однако надо было разбираться в кипе документов, выложенных передо мною. Сверху лежал, очевидно, для острастки, Закон РФ № 5789–1, подписанный «исполняющим полномочия Президента» А. В. Руцким.

Я внимательно прочитал этот грозный документ и спросил: «А кто передал исполнение полномочий Президента Александру Васильевичу Руцкому? Насколько я знаю, Президент России Борис Николаевич Ельцин подобных поручений своему вице-президенту не давал».

По-видимому, Пчелкин собирался пуститься в разъяснения, но у него это както не получалось. Он произнес несколько несвязных слов о законности и правах вице-президента. В полемику по поводу юридических тонкостей я не вступил и поинтересовался причиной его прихода из Белого дома. Оказывается, он принес «Закон» для того, чтобы Президент Академии расписался в его получении и строго выполнял «высочайшие предписания».

Читаю: «Ст. 64–1 (дополнения в Уголовный кодекс РСФСР)».

— Все понятно, — говорю я делегату из Белого дома. — Значит, расстреляете меня?

Он замахал на меня руками:

— Что вы! Что вы! Это к вам не относится! Это за другие деяния.

Продолжаю читать «Закон» — ага, вот оно! «Те же действия, повлекшие тяжкие последствия, а равно совершенные должностным лицом, наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой».

Трудное у меня, «должностного лица», положение! Имущества я почти за 70 лет накопил немало. Как же мне, бедному, теперь без него обойтись? Впрочем, это не существенно. Имущество — дело наживное. Мне же предстоит сидеть не менее пяти лет, если я буду «препятствовать деятельности» господина Руцкого. Так минимум на пять-то лет я могу рассчитывать? Не обязательно же десять?

Пчелкин смущен — он явно мне сочувствует, — но подтверждает, что пяти лет мне не избежать, если я немедленно не подчинюсь новоявленному «президенту».

Тяжело вздохнув, перехожу на бытовые темы.

— У вас в Белом доме, говорят, нет горячей воды?

Гость рассматривает свои руки, с очевидностью свидетельствующие о перебоях в горячем водоснабжении.

— Но холодная вода-то у вас есть?

— Есть, — с готовностью отвечает он.

ЗАКОН
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР

Статья 1. Дополнить Уголовный кодекс РСФСР (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, № 40, ст. 591) статьями 64-1 и 70-2 следующего содержания:

"Статья 64-1. Действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя

Действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, наказываются лишением свободы на срок от шести до двенадцати лет с конфискацией имущества или без таковой.

Те же действия, повлекшие тяжкие последствия, а равно совершенные должностным лицом, наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой или смертной казнью с конфискацией имущества или без таковой.";

"Статья 70-2. Воспрепятствование деятельности законных органов государственной власти.

Воспрепятствование деятельности предусмотренных законом органов государственной власти Российской Федерации наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или исправительными работами на срок до двух лет.

Те же действия, повлекшие тяжкие последствия, а равно совершенные должностным лицом, наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой."

Статья 2. Ввести в действие настоящий Закон со дня его подписания.

Исполняющий полномочия
Президента Российской Федерации А.В.Руцкой

Москва, Дом Советов России
22 сентября 1993 года
№ 5780-I

Рис. 7. Исторический «закон»

— Не кажется ли вам, что вы гораздо больше сейчас нуждаетесь именно в холодной воде! Она способна кое-что у вас остудить...

Гость, опустив голову, смотрит на разложенные перед ним бумаги. Наконец, он с надеждой спрашивает:

— Но вы все-таки подпишете, что они вами получены?

По-видимому, у него было строгое поручение — добиться от меня этой подписи.

— Нет, подписывать я ничего не буду и подчиняться вашему начальнику не намерен.

Депутат нервно сгребает кипу принесенных им документов и начинает:

— А как же я объясню?..

Комедия продолжается.

Академик Николай Николаевич Нечаев назидательно выговаривает:

— А где сопроводительное письмо из Белого дома, свидетельствующее о том, что вам поручено получить от нас документальное заверение в факте их получения? Вот возвращайтесь к себе за этой бумагой!

Наконец, до депутата «доходит», что его миссия потерпела полное фиаско, и никакие другие сопроводительные бумаги ничего нового в нее не внесут. Он встает и направляется к двери. Не прощаясь.

— Постойте, — кричит ему вслед Нечаев. — Заберите с собой всю эту писанину.

Но дверь уже закрылась и продукция, под которой стояли подписи Руцкого и Хасбулатова, осталась на приставном столике к моему рабочему месту. Впрочем, теперь я с благодарностью вспоминаю «забывчивость» депутата. Это дает мне возможность сейчас проиллюстрировать рассказ фотокопией уникального документа.

Читателя не должен ввести в заблуждение несколько легкомысленный характер моего поведения во время этого «рандеву». На самом деле, оснований для шутливых препирательств с посланцем Руцкого было мало. Черные тучи нависали над притихшей Москвой. Вооруженные до зубов, «сидельцы» в Белом доме уже планировали штурм телецентра в Останкино и мэрии. Уже было недалеко до воинственного клича: «На Кремль!». Чем кончится противостояние Президента и «лжепрезидента», в это утро было неясно.

Кто знает, быть может, статья 64–1 будет реализована на Практике с соответствующими последствиями для меня лично. Это я тогда прекрасно понимал.

Случай изгнания депутата из моего президентского кабинета был еще цветочки. Ягодки созрели раньше. Как раз в этот день или предшествующий моя жена подняла трубку. Звонили из Нью-Йорка. Мой бывший аспирант, Марк Т., спрашивал обо мне. Где я? Что со мной? Вскоре выяснилось, что он прочитал на первой полосе газеты «Известия» заметку, подписанную группой членов Российской академии образования, где первой стояла моя фамилия, в поддержку решений Бориса Николаевича Ельцина. Такую же поддержку дал, вместе с рядом писателей, Олесь Адамович. Там еще третья заметка, на ту же тему. Кроме этих материалов в газете ничего не было. В ходе разговоров вскоре выяснилось, что мой бывший ученик предполагал, что меня, возможно, посадили. К счастью он ошибся — опоздали.

11. Браки заключаются на небесах

В первый раз я услышал эти слова от Президента Академии педагогических наук СССР Всеволода Николаевича Столетова. Это было произнесено потому, что я удивился, узнав о назначении на высокую административную должность в нашей системе человека, который, по моим представлениям, ни в коей мере не годился на эту роль.

— Браки заключаются на небесах, — сказал Всеволод Николаевич. Я понимал, о каких «небесах» идет речь. Они находились неподалеку — не где-то там, за облаками, а на «Старой площади». Именно там решались все подобные вопросы, после чего уже что-либо обсуждать было попросту бессмысленно. Вообще-то мне не следовало удивляться освященному десятилетиями фатальному обряду. Уже первые месяцы моей работы в Президиуме Академии педагогических наук СССР научили меня, что именно так происходит и должно происходить. Вынужден дать короткую автобиографическую справку. В 1968 году, в феврале, я был избран членом-корреспондентом, а уже в октябре месяце стал академиком-секретарем Отделения психологии и возрастной физиологии. Однако ввиду того что я был не академик, а всего лишь членкор, я должен был именоваться с приставкой «и. о.». Так это и значилось на тех бумагах, которые я подписывал, так можно было прочитать на табличке, которая висела рядом с дверью моего кабинета. И где-то через семь или восемь месяцев меня встретил в коридоре главный ученый секретарь Академии, Николай Павлович Кузин. Он мне сказал: «Артур Владимирович, вы можете удалить из наименования вашей должности приставку “и. о.” — исполняющий обязанности. Теперь вы имеете право именоваться академик-секретарь Отделения. Смените, пожалуйста, текст на этой табличке» — и он указал на дверь моего кабинета. Я посмотрел на него с удивлением. До выборов в члены Академии оставалось около двух лет, и только там я мог обрести статус действительного члена, академика. Мое недоумение было разрешено очень просто. «Дело в том, что секретариат ЦК принял решение об утверждении вас в этой должности». Хотя Центральный Комитет никак не был «прописан» в уставе Академии, но, тем не менее, для меня никаких сомнений не было в том, что именно он решает все вопросы жизни академического сообщества напрямую. Приставка «и. о.» развеялась, как дым. В конце концов, я это принял как должное, поскольку менталитет советского человека не позволял задумываться над юридической обоснованностью подобных высочайших решений.

Не могу не рассказать о забавном столкновении нашего советского менталитета, носителем которого был в это время я, и менталитета, характерного для немецкого общественного сознания. В 1970 году я приехал в Берлин в служебную командировку. Мой сопровождающий попросил меня дать для прессы основные мои биографические данные, рассказать о том, где я работаю, в какой должности. Я сказал, что являюсь академиком-секретарем Отделения психологии и возрастной физиологии Академии педагогических наук СССР.

— Вы доктор наук?

— Да, я доктор, профессор.

— Так, — сказал он, — записываю. Доктор психологических наук, пишу, профессор, академик... Я сказал:

— Нет, я не академик, я член-корреспондент Академии.

— Но вы же сказали, что вы академик-секретарь.

— Да, я академик-секретарь.

— Но, если вы академик-секретарь, то, значит, вы академик.

— Нет, я член-корреспондент.

— Я ничего не понимаю! Значит, вы член-корреспондент, секретарь Отделения психологии и возрастной физиологии?

— Нет, я академик-секретарь.

Он никак не мог взять в толк, что, собственно, все это означает, как выйти из этого заколдованного круга. Я, конечно, мог помочь ему решить эту задачу, сказав, что я, будучи членкором, исполняю обязанности академика-секретаря. Но сделать это я не имел возможности, не нарушая партийную дисциплину. Не мог же я сказать моему немецкому коллеге, что секретариат ЦК партии взял на себя функции общего собрания Академии.

С сотрудниками аппарата ЦК к концу 70-х годов у меня явно не складывались отношения. Полагалось, по крайней мере, раз в две недели бывать у инструктора, а то и у заведующего сектором и рассказывать о том, что происходит в Академии и институтах, входящих в ее состав. Я избегал делать это, и хотя напрямую неудовольствия мне никто не высказывал, но мне уже было понятно, что я не самая приветствуемая ими фигура в составе Президиума Академии. Поэтому многие эпизоды моей жизни в то время как раз и определялись тем, что совершалось на «небесах».

Помню, когда я был в Болгарии, мне сообщили, что меня представили к ордену «Кирилла и Мефодия» за мою активную работу, во многом связанную с укреплением контактов между Советским Союзом и Болгарией, между двумя системами просвещения и педагогической науки. Об этом мне было сказано как о свершившемся факте. Однако через некоторое время мои болгарские друзья стали прятать от меня глаза и больше к этой теме не возвращались. Сработала «блокировка» на Старой площади — ордена я так и не получил.

Кто объяснит, почему дряхлеющее Политбюро решилось избрать Михаила Горбачева Генеральным секретарем? Почему Б. Н. Ельцин, перебрав, по слухам, не менее двадцати возможных кандидатов, остановил свой выбор на Владимире Владимировиче Путине как на премьере и возможном преемнике? Неисповедимы судьбы людей!

...И все-таки я могу рассказать, как однажды это произошло «там», где все решается, и тайны этих решений оказываются для всех недоступными.

...Жаркий июльский день. Я сижу с книгой в кресле у окна на нашей старой даче в городке Южный, километрах в двадцати-двадцати пяти от Харькова. Пивденное — так именуется он по-украински. Отогнув занавеску, защищающую комнату от солнца, выглядываю наружу. Вот уж поистине «омут зноя». На яблоневых и вишневых деревьях листок не шелохнется. Городок утопает в садах, и уж совсем нелепой выглядит установленная около клуба жестяная доска с написанным на ней бессмысленным лозунгом: «Превратим город Южный в город-сад». Какие уж тут превращения! Сплошное бесконечное море зелени: сады яблоневые, вишневые, сливовые...

Примечательное местечко этот поселок, недавно обретший статус города. Не могу не похвастаться моим «историко-литературно-географическим открытием». Как мне удалось выяснить и, кажется, до этого никто раньше не додумался, территория нашего городка — это не более и не менее как... «Вишневый сад», описанный Антоном Павловичем Чеховым.

Сначала историческая справка. В первые годы недавно закончившегося века разорившаяся харьковская помещица Алферова, вернувшись из Франции, где ее сын проиграл в Монте-Карло огромные деньги, продала свое имение застройщи-

кам. Они разбили ее поместье на дачные участки, проложили поперечные и продольные улицы, и в дальнейшем все это перешло в собственность Акционерного общества Южной железной дороги. Отсюда и название — «Южный». По чеховским биографическим материалам известно, что писатель незадолго до этого побывал в Харькове и поэтому, как я предполагаю, мог знать о намеченной сделке. Не случайно в пьесе «Вишневый сад» многократно упоминаются приезды и отъезды действующих лиц из Харькова и в Харьков, находящийся «в двадцати верстах» от имения. Не стану утверждать, а могу только предположить, что Чехов побывал в доме помещицы, от которого сейчас остались одни развалины, и именно тогда он разместил там события, случившиеся после приезда из Франции Любови Андреевны Раневской, которую постигла судьба ее реального alter ego, только разорил ее не сын, а любовник. Но предоставим слово покупателю имения Ермолаю Лопахину. Обращаясь к Раневской, Лопахин говорит: «...Ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога, и если вишневый сад и землю по реке разбить на дачные участки и отдавать потом в аренду под дачи, то вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч в год дохода. ...Местоположение чудесное, река глубокая».

Все правильно. Двадцать верст от Харькова. Рядом незадолго до этого проложенная Южная железная дорога, огромный старый вишневый сад разбит на дачные участки. В самом деле, на всем протяжении железной дороги от Харькова до Мерефы нет другой такой расчерченной «стритами» и «авеню» садовой территории — местности и в самом деле чудесной. Вот только река?.. Реки, увы, нет. Тут есть пруд, неширокий, но очень глубокий и длинный. Впрочем, я был уверен, что Чехов не ошибся, и оказалось, что все это было так. Как-то в харьковском пригородном поезде я разговорился с летчиком, работавшим на «кукурузнике» (У-2, если кто не знает), и он мне рассказал, что сверху отчетливо видно высохшее русло речки, разрываемое цепочкой прудов, в том числе и в поселке Южном.

Требуются ли еще какие-либо подтверждения моего предположения? Найти их можно только в тексте пьесы. На протяжении первых ее актов сосед Раневской, Пищик Симеонов, клянчит в долг деньги чуть ли не у всех действующих лиц. Однако в последнем действии он широким жестом раздает долги. Откуда же возникли у него такие финансовые возможности? Оказывается, у него в имении обнаружили запасы белой глины (каолина) и под перспективой производства, которое невозможно без этого полезного ископаемого, он неожиданно разбогател. Так! Понятно! В двух километрах от Южного поселка, если идти через лес, вдоль длинного зеленого пруда, остатков все той же протекавшей здесь речки, выходишь в поселок Буды. Здесь расположен знаменитый завод по производству фарфоровой и фаянсовой посуды. По-видимому, белой глины и на нынешние времена хватило.

Предвижу возражения: как можно столь вольно обращаться к художественному тексту? В нем всегда обобщенные образы, типизация, тем более что Чехов задолго до описываемых событий проявлял интерес к судьбе разоренных дворянских имений. Не стану спорить. Моя гипотетическая «Раневская — Алферова», как и другие персонажи пьесы, являются результатами художественного обобщения, и было бы наивно всегда искать их реальные прототипы. Однако мы знаем, что некоторые писатели привязывают действия вымышленных персонажей к кон-

кретному в топографическом отношении месту. Как мы увидим дальше, это может быть вполне отнесено к Достоевскому и Булгакову. Почему же Чехову мы откажем в праве поселить его героев в цветущем вишневом саду близ Харькова!

...Итак, сижу я с книгой в кресле в старом доме, который не намного моложе «алферовско-раневского гнезда». Ожидаю звонка из Москвы. Обещал со мной связаться мой друг Эдуард Дмитриевич Днепров, тогдашний министр образования России. Дело в том, что именно в эти дни происходила «перетряска» состава кабинета министров. Мы очень опасались, что под давлением комиссии Верховного Совета Днепров будет вынужден оставить свой пост.

Вероятно, нужно рассказать о человеке, с которым мне предстояло разговаривать.

Эдуард Днепров. В середине 80-х годов он, не «обремененный» высокими званиями, заведующий лабораторией одного из НИИ АПН СССР, посмел выразить сомнение в эффективности так называемой «андроповско-черненковской» реформы образования, заявив в печати, что эта реформа сама нуждается в реформировании. Именно тогда вокруг него и высказанных им идей закрутился, забурлил водоворот споров, страстей, произошла резкая поляризация сил в сфере образовательной политики и педагогической науки. На стороне Днепрова и предложенной им программы преобразования школы оказались немногочисленные члены Академии педагогических наук СССР, передовые журналисты и фактически все прогрессивно мыслящие учителя. Против, сменяя друг друга, то уходя в тень, то ввязываясь в противостояние, возникали «ученые-педагоги», партаппаратчики, позднее — Комитет по науке и образованию Верховного Совета. Борьба с Днепровым шла на уничтожение — слишком опасной оказалась концепция его программы для команды консерваторов.

Руководимый им ВНИК «Школа» подготовил школьную реформу. В работе ВНИКа участвовали А. М. Абрамов, Б. М. Бим-Бад, О. С. Газман, В. В. Давыдов, В. П. Зинченко, А. В. Петровский, В. А. Петровский, В. М. Пивоваров, В. И. Слободчиков, В. С. Собкин и другие. В июле 1990 года Днепрова избрали на Верховном Совете министром образования РСФСР (это было первое в истории России избрание, а не назначение министра образования). Однако нескончаемые нападки на Днепрова в консервативной прессе, приобретавшие иногда характер прямой травли, продолжались и вынудили его через 2 года к уходу из Министерства.

19 августа 1991 года министр Днепров, едва ли не первым из официальных лиц, уже в восемь часов утра, еще до известного обращения Президента Б. Н. Ельцина, дал четкую команду по своему ведомству подчиняться только Президенту России и не исполнять никаких распоряжений ГКЧП.

В эти драматические августовские дни 1991 года, как мне это хорошо известно, Министерство образования превратилось в своеобразный штаб сопротивления. Днепров создал шесть подпольных типографий, две радиостанции, подключил линии электронной почты для передачи информации по России и в зарубежные страны, организовал тиражирование свыше ста тысяч листовок и обращений к солдатам, к гражданам России, к учительству, мировой педагогической общественности. Сотрудники Министерства ездили с этими листовками по воинским частям, расклеивали их в метро, на улицах Москвы, развозили в различные регионы страны, стояли на баррикадах у Белого дома. После прекращения в ночь на

21 августа передач радиостанции «Эхо Москвы» Днепров лично продолжал передавать информацию о событиях по созданным им в Министерстве каналам радиосвязи. Когда были закрыты многие прогрессивные периодические издания, Министерство образования оказало активное содействие подготовке известной «Общей газеты».

В эти дни Эдуард Дмитриевич стал свидетелем события, которое могло быть названо историческим, хотя ничего героического, отвечающего пафосу событий этих дней, в нем не просматривалось. Как он рассказывал мне, в самые трагические часы в Белом доме, в кабинете Председателя Совета Министров собралась группа людей. Там были Иван Степанович Силаев — Председатель Совета Министров, генерал армии Кобец, ответственные чиновники Правительства: И. Гаврилов, В. Третьяков, А. Захарова и другие. Среди них — только что «переназначенный» министр образования Днепров.

Силаев и Кобец вышли в «комнату отдыха» при кабинете и о чем-то переговаривались. Потом Силаев в кабинете при всех позвонил по телефону Ельцину. Собравшиеся слышали этот разговор, разумеется, не то, что говорил Президент, а реплики Силаева, звучавшие в ответ на слова Бориса Николаевича.

— Нет, — говорил он, — сопротивление бесполезно... Мы обречены на поражение... Я не беру на себя ответственность... Мы должны немедленно покинуть Белый дом... Нет никаких надежд на успех... Я уезжаю...

Ельцин опять что-то говорил. Силаев слушал и вновь повторял:

— Нет, мы не можем сопротивляться... Это недопустимо... Мы должны уйти отсюда... Генерал Кобец того же мнения...

И снова что-то говорил Ельцин. Наконец, Силаев положил трубку телефона прямой связи с Президентом. Через несколько минут раздался звонок Ельцина. И опять тот же тяжелый разговор. Ельцин, вероятно, убеждал. Силаев не соглашался. После второго разговора он стал прощаться с собравшимися. Силаев подходил к каждому, пожимал руку, кого-то обнимал. Днепрову сказал: «Не держи на меня зла». Видимо, он имел в виду нелегкое принятие им идеи сохранения Эдуарда Дмитриевича на посту министра образования (всего за три дня до этого вышел соответствующий Указ Президента). Попрощавшись со всеми, Силаев через запасную дверь спустился вниз. С ним исчез и генерал Кобец. Через пару минут лимузин Предсовмина отъехал от подъезда

— Смылся! — сказал кто-то за спиной Днепрова. — Говорят, у него квартирка где-то подготовлена. Там попробует пересидеть.

Кончилось это так, как обычно бывает у русских людей. Выругались. Появилась бутылка коньяка, кому-то достались стаканы, кто-то выпил «из горла». После этого все разошлись по своим местам. Оборона Белого дома продолжалась...

Мне уже случалось писать, что история страны иногда тесно переплетается с историей семейной и судьбой отдельного человека. Порой обе линии оказываются неразделимыми, увязанными в один узел.

Мой сын стоял в живой цепи, которая должна была противостоять штурму Белого дома. Я помню, на следующий день он рассказывал, что рядом с ним, рука об руку, стоял молодой человек 15–16 лет; мальчика била крупная дрожь. Что случилось бы с этими безоружными защитниками, если бы на штурм пошла «Альфа»? Об этом даже думать не хочется.

Памятная для всей страны ночь с третьего на четвертое октября 1993 года. Многие помнят, как по радио Егор Тимурович Гайдар призывал москвичей прийти к зданию Моссовета с тем, чтобы хотя бы психологически противостоять мятежникам, засевшим в Белом доме. Там, ощетинившись оружием, стояли отряды Баркашова — все было готово к началу гражданской войны, братоубийственной, беспощадной.

И вот со всех концов Москвы начали стекаться люди на Тверскую улицу. Ничего не сказав нам с женой, из своей квартиры тихо исчезла наша дочь со своими взрослыми детьми. Вскоре они были там, где стали собираться люди. На велосипедах из Строгино прикатили муж моей внучки с братом и отцом. Все толпились около памятника Юрию Долгорукому, ожидая чего угодно и, вместе с тем, готовые на все ради защиты демократии, в которую тогда свято верили. В штаб привели мальчика, раненного в плечо. С крыш стреляли, как выяснилось, комсомольцы, приехавшие из Западной Украины. Все ждали того, что может произойти. Говорили, что будут раздавать оружие. Другие сомневались — женщины, дети, да и многие мужчины военному делу не обучены. Вероятно, что-то будет сказано, будут отданы какие-то распоряжения. Но никаких указаний не последовало. И надо сказать, что это молчание в «верхах» было спасительным. Однако там, на площади, никто не знал, что же происходит в этой «поднебесной канцелярии», откуда и должны были исходить указания.

Теперь я обращусь к рассказу Эдуарда Днепрова, который был активным участником того, что происходило в эти ночные часы в Кремле. Прежде всего, Днепрова поразило, что у входа в кремлевские ворота, когда он подошел к ним в 15 часов 3 октября, его встретили всего-навсего два охранника — мощная защита от возможного нападения! Площадь перед правительственными зданиями была пуста, как и сам Кремль. Войск не было. Под вечер появился Президент Ельцин и еще какие-то люди. Позднее (без Президента) собрались в одном из кабинетов. Днепров не мог припомнить, у кого конкретно. Возможно, в кабинете Бурбулиса, возможно — Филатова. Обсуждали, что делать. Трудно сказать, было ли это распоряжение Гайдара или это рождалось в сумятице мнений явно растерявшихся людей, не управлявших событиями, поскольку события уже управляли ими, но живо обсуждалась необходимость направления людей, собравшихся у Моссовета, к Белому дому. Для чего? Было трудно ответить на этот вопрос. Безоружные женщины, старики, да и мужчины, которые пришли бы к этой крепости, были бы обречены на уничтожение. По сравнению с этим «подвиг» Гапона казался бы детской шуткой.

Эдуард Днепров пытался остановить этот бессмысленный гвалт, царивший в комнате. Все-таки он был флотским офицером — капитан-лейтенантом запаса — и прекрасно понимал, чем мог закончиться этот «поход» на Белый дом. Но его не слушали. И тогда всегда сдержанный, скорее способный молчать, чем вмешиваться в разговор, отставной офицер схватил со стола стакан и с силой запустил его в стену. Все замолчали. Произнеся длинную фразу, которую он мне не воспроизвел (предполагаю, что это был так называемый «большой морской загиб»), он сказал, что надо прекратить эти безумные предложения и не подставлять людей под пули. Это оказало должное действие, — дискуссия прекратилась, и безоружным лю-

дям не довелось штурмовать Белый дом. Перешли к обсуждению более конструктивных идей.

Наконец договорились о том, что надо направить представителя Правительства в Министерство обороны. Днепров, в это время советник Президента, предложил свою кандидатуру, но, видимо, были какие-то основания отказаться от его предложения, и решили направить на Знаменку генерал-полковника Д. А. Волкогонова. Думаю, что спасены были все обреченные на расстрел там, на Краснопресненской набережной, и среди них — члены моей семьи. Как мне не думать с благодарностью об экстравагантной выходке моего друга. Всегда сдержанный, он все-таки был «взрывоопасен».

...Продолжительная трель междугороднего звонка. Днепров.

— Здравствуйте, Эдуард Дмитриевич. Что вы можете мне сказать?

— Ничего хорошего. Наши «друзья» из Верховного Совета постарались.

— Это очень опасно?

— Более чем.

— Могу ли я что-либо сделать?

Долгое молчание. Мой собеседник умеет выдерживать паузу. Наконец слышу:

— Не знаю.

Теперь молчу я. Что сказать? Смотрю в зеркало: сижу в кресле в одних трусах — жара — что можно предпринять, находясь в восьмистах километрах от «места действия»? Наконец я заговорил:

— Может быть, это более чем сомнительно, но я хочу сделать попытку. Насколько я помню, Ролан Антонович Быков должен быть у Ельцина по своим киношным делам завтра. Попробую ему позвонить, может быть, он что-нибудь сумеет сделать. Как вы на это смотрите?

Опять затяжная пауза. Наконец слышу:

— Вам виднее.

Я положил трубку, затем набрал московский номер квартиры Быкова. К счастью, он был дома, и я разъяснил ему ситуацию. Днепрова он знал и понимал его значение для реформирования школы. Быков задал уточняющие вопросы и сказал:

— Попробую поговорить с Борисом Николаевичем. На следующий день, ближе к вечеру, Ролан позвонил мне из дома:

— Я был у Бориса Николаевича. Все в порядке — кандидатура Днепрова будет поддержана.

— Как вам это удалось?

— Подождите, — перебил меня Ролан. — Кто такой Сабуров?

Я растерялся и не сразу смог понять, о ком идет речь.

— Это что, тот Сабуров, который «Сабуров и Первухин»? — продолжал Быков. — Вы помните, Молотов, Маленков, Каганович и примкнувший к ним Шипилов, а там еще были Сабуров и Первухин — так называемая антипартийная группа. Это тот Сабуров?

Я ничего не мог понять:

—А в чем дело? При чем здесь Сабуров?

Оказывается, разговор в кабинете Президента проходил таким образом: Быков высказал свое мнение по поводу Днепрова. Ельцин кивнул и сказал, что он

знает и ценит этого человека, и что эта кандидатура, пожалуй, подходящая и он сам думал, что вопрос о министре может быть решен именно так.

— Однако, — продолжил он, — надо поговорить с Иваном Степановичем.

Позвонил Силаеву:

— Мы тут как-то обсуждали кандидатуру министра образования. Давайте остановимся на Днепрове. Вы не возражаете?

Потом, как сказал Ролан, была пауза, и в заключение было сказано следующее:

— Ладно, так и договорились — вы берете Сабурова, а мы Днепрова назначаем на должность министра.

— Так кто такой Сабуров? — уже явно разозлился Ролан. — Вы мне это можете объяснить? Зачем его отдавать Силаеву?

Но я уже понял, в чем дело. Евгений Федорович Сабуров был заместителем министра у Днепрова по экономическим проблемам образования. Суть беседы, которой не мог понять Быков, заключалась в том, что происходила определенная рокировка, и Сабуров действительно через некоторое время оказался в должности заместителя Председателя Совета Министров.

Так в этот знойный летний день, правда, не в «заоблачной дали», а в Москве, был «заключен брак», во многом определивший развитие образования в первые годы президентства Ельцина. Днепров последовательно проводил реформистскую политику.

Какую роль играл я? Более чем скромную. Это было что-то вроде гласа с грешной земли, который донесся до небесных сфер — не более. Главную роль сыграл его величество Случай.

В который раз повторю: «Браки заключаются на небесах».

ГЛАВА 13

Психология повседневности в ретроспективе. 30-е годы

1. Плачу ль по квартире коммунальной?

«Поговорим о странностях любви». Нет, не любви. Но о чем-то для нее близком — о ностальгии, чувстве родственном, но по многим параметрам отличающемся от «страсти нежной».

Ностальгия... Корень этого слова означает понятие «возвращение». Возвращение в места, в которых ты раньше бывал, и возвращение во времена, давно прошедшие. И в первом, и во втором случае уместно использовать именно это понятие. Более точное значение — тяга к возвращению в пространстве и времени. Чувство ностальгии испытывает человек, который на многие годы покинул свои родные места. Этот психологический феномен в основном присущ старым людям — они постоянно испытывают тягу вернуться в свою молодость и осознавая, что это невозможно, что нет той машины времени, которая позволила бы им быть снова юными и здоровыми, переживают эту невозможность как безвозвратную потерю. Для того чтобы не только понять, но и прочувствовать феномен ностальгии, достаточно сравнить две повести Куприна, посвященные жизни воспитанников военно-учебных заведений. Первая повесть — «Кадеты», была написана Куприным еще задолго до Октября и повествует о быте кадетского корпуса с его ужасающей казенщиной, подавляющей все живое в воспитанниках, и жизнь кадетов рисуется в достаточно сумрачных, тусклых красках. В эмиграции Куприн пишет повесть «Юнкера». И здесь, оборачиваясь назад, в прошлое, он ностальгически переживает все, что происходило в его молодые годы. Вся книга пронизана этим трогательным, волнующим лейтмотивом грусти по утраченному счастью, которое проходит перед глазами старика, скитающегося по чужим городам и тоскующего по златоглавой, родной Москве. С полным основанием можно сказать об авторе, что «печаль его светла», на его воспоминания не ложится ни одна мрачная тень. Однако от лирики перейдем к грубой прозе жизни. Отметим некую странную форму ностальгии. Человек, который, быть может, в своем прошлом именно в этом конкретном месте переживал самые страшные дни в своей жизни, тем не менее, нередко испытывает неодолимое желание побывать там снова. Если это не так, то трудно понять, почему оставшиеся в живых рабы Освенцима и Бухенвальда оказываются в тех же самых местах уже не в качестве обреченных на смерть в газовой камере, а обыкновенными туристами. Именно в Бухенвальде, в этом ужасающем лагере смерти на горе, у подножья которой раскинулся очаровательный город Веймар, город Гете, Шиллера, Луки Кранаха, мне довелось побывать. Так вот, гид, пожилой немец, рассказал мне, что среди туристов, посещающих Бухенвальд, немало

тех, кто некогда испытал его ужасы. Что это? Проявление своего рода мазохизма? Вряд ли. Скорее другое. Ощущение сегодняшнего благополучия, которое несравнимо с тем, что пришлось пережить заключенному в этой фабрике смерти? И все-таки, боюсь, что это сомнительный способ понять причины подобного возвращения в прошлое. Мы помним строчки: «И дым Отечества нам сладок и приятен». Но это «Отечества». Но может ли даже в ретроспективе быть приятен дым из печей Бухенвальда и Освенцима?! Личность человека — это целостное образование, обеспечивающее единство прошлого, настоящего и будущего, всего, что с ним было, есть и будет. Цепочку воспоминаний о стародавнем невозможно разорвать. Как бы ни было неуютно и место, и время, в котором находился некогда человек, его тянет туда, потому что это позволяет не разорвать ее звенья.

У многих осталась в памяти популярная телевизионная рубрика «Старая квартира» и, в особенности, трогательная, удивительно волнующая песенка: «Плачу по квартире коммунальной...». В той квартире, о которой поется в песенке, «кухонька была исповедальней». — Позвольте, могли бы сказать многие зрители, которые жили в коммуналках, а также те, которые родились и всю жизнь провели в отдельных квартирах. — О чем здесь плакать? Кухонька не так уж часто была исповедальней, а скорее выступала в качестве поля битвы межкомнатных разборок и склок. Даже не обращаясь к памяти давних жителей коммунальных квартир, мы можем воспользоваться тем, что нам предоставляет художественная литература. Вот, к примеру, красочное описание результатов подобных баталий — рассказ Зощенко о том, как в итоге серьезных боевых столкновений на коммунальной кухне, в драке из-за прочищалки для примуса убили старичка. Еще об одном. Булгаковская героиня Маргарита, превратившаяся в ведьму, витая в воздухе, заглядывает в коммунальную кухоньку, где две «жилички» не исповедуются друг другу, а пререкаются весьма ядовито — о необходимости экономить электроэнергию в местах общего пользования. Стоит обратиться почти к каждому второму москвичу, родившемуся или жившему в двадцатые, тридцатые и сороковые годы, и он приведет множество примеров о том, какова была жизнь в тех жилищных условиях. Недаром другой герой Булгакова — Воланд говорит о том, что «москвичей испортил квартирный вопрос».

Казалось бы не о чем вспоминать и «ностальгировать», но, тем не менее, вспоминают и многие всхлипывают, глядя на телеэкран, когда шла упомянутая передача. В чем же дело? Здесь какое-то странное противоречие. И все-таки многое можно понять. На тему о психологии жителей подобных квартир я беседовал с женщиной, чья коммуналка могла быть идеальным образцом для эксперимента по выявлению психологической совместимости и сплоченности в условиях, приближающихся к экстремальным. Имя этой женщины уже упоминалось в моих записках — Валентина Васильевна Столбова.

Жила она в военные и послевоенные годы в огромной коммунальной квартире, перестроенной из отдельных номеров бани на Сущевском валу. Всего жильцов было сто тридцать семь человек. При этом, была одна уборная и один водопроводный кран. Казалось бы более ужасающих, заведомо конфликтных условий для совместного проживания огромной массы людей и придумать невозможно. Тем не менее, коммуналка представляла собой, как это ни удивительно, дружный спло-

ченный коллектив, где были взаимопомощь, взаимопонимание, взаимоподдержка, где отношения регулировались общественным мнением квартиры.

Вот что она рассказывала:

«Поехала я менять какие-то вещи на картошку в подмосковную деревню. Вернулась с мешком, наполненным почти доверху. Усталая с дороги, села к столу. Мама налила мне супу, подала лепешки. Пока я ела и согревалась, она начала составлять что-то вроде ведомости. Потом, заглядывая в нее, стала вынимать из мешка картофелины, при этом вслух рассуждала: «Так, у тети Тани три человека — значит откладываем три картофелины. У Маруси четверо — четыре картофелины. Паша живет одна — ей вот эта — покрупней». Постепенно, к моему ужасу, мешок пустел все больше и больше. Когда в нем осталось совсем немного, я взмолилась: «Мама, что ты делаешь? Нам же ничего не достанется!» А она говорит: «Ты чей суп ешь? Тети Тани. А лепешки чьи? Маруси. Так вот, каждый получит столько, сколько я могу дать, а что нам достанется? Посмотрим, может быть, что и останется».

Возможно и поэтому, видя на экране кадры передачи «Старая квартира», Валентина Васильевна плачет.

Ностальгия! Тяжелые жизненные условия, как оказалось, не помеха для возникновения этого рода эмоций. Вероятно, у кого-то есть возражения. Быть может дело не в том, в каких условиях жила шестнадцатилетняя Валя, а в том, что она была шестнадцатилетняя, и молодость всегда вспоминается с улыбкой и грустью по безвозвратно утраченному. Вполне возможно, что это так, но время и пространство всегда выступают в единстве, и ностальгические чувства по навсегда утерянному времени нашей молодости удивительным образом экстраполируются и переносятся на те места, где она протекала.

В Москве 30-х годов, куда я намерен заглянуть, смешное и трагическое в моей памяти сливаются воедино. И что бы там ни происходило, я ни от чего не хочу отказаться, я готов вернуться и вновь увидеть то, что тогда проходило перед моими глазами.

...Где-то я прочитал, что «географический центр» столицы находится в Лебяжьем переулке, близ самой короткой улицы в городе — Ленивки. До сих пор не знаю, что такое «географический центр» города. Но это, в общем-то, не суть важно. Дом, в котором я вырос и прожил почти тридцать лет, находился не более чем в километре от этого «центра». Это если двигаться по прямой линии. Однако такого прямого пути пройти нельзя было никогда.

Между этими точками лет двадцать, не меньше, зияла глубокая яма — широкий котлован, где на дне талые и почвенные воды образовали озеро. В этой яме мог быть легко утоплен Большой театр, и квадрига с Аполлоном не поднялась бы выше уровня земли. Позднее из котлована показались какие-то стальные конструкции, напоминающие скопище скелетов гигантских динозавров. Потом и они исчезли — пошли на переплавку стали для танков. Это уже в годы войны. Потом была опять заболоченная яма, потом соорудили огромный плавательный бассейн.

Но я еще помню другое назначение этого места. Наш Курсовой переулок упирался в гранитную ограду, окружавшую площадку, над которой высился храм Христа Спасителя.

Мне было 8 лет, когда храму, который именовали по радио не иначе как «безобразное произведение бездарного архитектора Тона», пришло время исчезнуть с лица земли согласно рескрипту «Великого вождя». Москве предстояло лишиться не только построенной на всероссийские пожертвования святыни, но и самого большого здания — Храм можно было увидеть из окон поезда задолго до въезда в город.

Мы с мамой вышли из горловины нашего переулка. Я так задрал голову, что моя «матросская» шапка с лентами упала в лужу. Психологию тогда, как это очевидно, я еще, разумеется, не изучал и поэтому не знал тех пределов, в которых действуют закономерности константности восприятия.

Для тех, кому постигать психологию не обязательно, дам короткое пояснение. Вот перед вами человек. По законам оптики его изображение, преломляясь через хрусталик глаза, ложится на сетчатку. Этот человек отошел от вас на десять шагов. При этом его «сетчаточный образ» значительно уменьшится. Но разве от этого вы сделаете вывод, что этот человек стал меньше, что перед вами карлик? Нет! В силу константности, то есть постоянства восприятия, никаких видимых изменений его роста не произойдет. Однако когда предмет удаляется на очень большое расстояние, возможности константности исчерпываются.

Вот стою я перед Храмом. На немыслимой высоте вижу, что один из золотых листов, образующих луковицу главного купола, косо висит, по-видимому, на одном гвозде. Видны ребра черной опалубки под ним. А по золоту ползает муравей. Так мне во всяком случае показалось. Рабочий, сдиравший золото купола (а всего было утилизировано около 500 кг), оказался за пределами действия константности восприятия и потому показался мне муравьем.

Вскоре Храм был взорван. Взрывная волна качнула соседние дома, но не сильно. Не помню и возмущения по поводу этого святотатства. Видимо, все были слишком запуганы, чтобы высказываться. Да и вообще... Все разрушалось до основания: церковь, обветшалые старинные дворцы, Сухарева башня, Иверская часовня, чудом уцелел Храм Покрова (Василий Блаженный).

Несколько позднее мне рассказывали, что архитектору, которому было поручено перепланировать Красную площадь с тем, чтобы по ней свободнее проходили во время парадов войска и техника, приказали предусмотреть снос Покровского собора. Он отказался. Его посадили.

Говорили, что каждого, кто с воли попадал в его камеру, он прежде всего спрашивал: «Василий Блаженный стоит?» И, узнав, что собор на месте, облегченно вздохнув, говорил: «Слава Богу!»

Все шло на слом. Честно говоря, жителей дома № 12 по Курсовому переулку, где я жил с первых месяцев после появления на свет, беспокоили другие проблемы.

В Москве в те годы действовало постановление, которое иначе как «драконовским» нельзя было назвать. При сносе дома жильцы получали две с половиной тысячи рублей на каждого — сумма по тем временам мизерная. Им отводили участок где-то в Подмосковье и... стройся! На эти деньги не то что дом поставить, но забор соорудить было трудно — не было стройматериалов, все было втридорога. Одним словом, это стало слегка закамуфлированной высылкой коренных москвичей с их насиженных мест.

Для нас беда была в том, что соответственно генеральному плану строительства на месте снесенного Храма должно было быть воздвигнуто самое высокое здание на планете — Дворец Советов, а на месте нашего скромного переулка проложена величественная «Аллея Ильича». Над обитателями нашего и соседних домов нависла смертельная угроза. К счастью, хотя страх был сильным и продолжительным, архитектурная утопия потерпела фиаско и наши опасения, и грандиозные сталинские планы утонули в грязной яме, оставшейся на месте белокаменного Храма Христа...

«На московских изогнутых улицах», как писал Есенин, предстояло ему умереть. Судьба распорядилась иначе — поэт умер в Петербурге... Мне, казалось, было суждено окончить жизнь на «изогнутой» улице центра города. Они были действительно изогнутыми. В Москве были Кривоколенный и Кривоарбатский переулки, но такое название могли получить многие застроенные старыми обветшалыми домами переулки моего детства. Впрочем, мог ли я тогда предполагать, что почти всех моих соседей и одноклассников обстоятельства забросят в новые районы из наших милых сердцу переулков...

Они были начинены тайнами старой Москвы. В окрестностях моего дома не было новостроек. Да они как-то неуместно выглядели бы у стен Зачатьевского монастыря, сооруженного во времена царя Федора Ивановича в качестве «родовспомогательного средства» для его бездетной супруги, царицы Ирины. Чего только я не слышал о монастырских преданиях и загадках.

Моя соученица, работавшая после войны во Фрунзенском райсовете, поведала мне об одной из них.

В жилотдел райисполкома пришел новый начальник. Разбирая ворох прошений, жалоб, распоряжений, он наткнулся на странное заявление. Писала жилица одной из келий бывшего Зачатьевского монастыря. Суть ее жалобы — не могу больше жить рядом с покойницей, дайте мне другую комнату. Ничего не понимая, начальник вызвал старого сотрудника. Тот пояснил, что, мол, видимо, старуха спятила — не в первый раз пишет в райсовет подобные «жалобы». Однако его новый руководитель оказался весьма дотошным. Они отправились в монастырь.

В бывшей келье, обдавшей их затхлым холодным воздухом, сидела у стола старушка и пила чай с вареньем.

— Мы к вам по вашему заявлению.

— А, наконец, сподобились! Что ж раньше не приходили?

— О каком покойнике вы пишете? Где он?

Райисполкомовец оглядел узкую, как щель, комнатенку — стол, стул, комодик с девятью слониками, застланная байковым одеялом кровать.

— Как где? Здесь под кроватью. Я ее вчера веником почистила. — Старуха продолжала прихлебывать из блюдечка. — Вы не бойтесь. Она чистенькая.

Сотрудник нагнулся и вытащил из-под кровати труп женщины. Он был легкий, мумифицированный.

Вскоре все стало понятно. Приехала в последний год войны сестра из деревни, прописалась, получила продуктовые карточки. Когда же она внезапно умерла, ее московская сестрица скрыла это обстоятельство и продолжала пользоваться ее пайком. Когда эпоха карточек кончилась, «выписала» сестру из домовой книги

«в связи с возвращением в деревню по месту прежнего жительства» и оставила ее под кроватью — благо монастырский воздух препятствовал разложению трупа...

Много, много интересного можно было бы рассказать об этих изломанных во всех направлениях улочках.

Еще одно яркое воспоминание. Холодным весенним утром 1938 года я завернул с Пречистенки за угол палисадника Дома ученых. Путь я держал на Плющиху, где жила моя двоюродная сестра. Остановился, остолбенев от удивления и ужаса. Прямо передо мною, над большим куполом дома на углу Староконюшенного и Мертвого переулков, развивался огромный, багрово-коричневый флаг со свастикой в белом круге. Вряд ли удастся передать, что в этот момент творилось в моей голове: неужели фашисты ночью ворвались в город и уже поднимают над его домами свои флаги? Только подойдя поближе, я понял, что нацистское знамя водружено над резиденцией австрийского посольства. Вероятно, я был одним из первых московских обывателей, который узнал о вторжении Гитлера в Австрию и начале так называемого аншлюса. Потрясенный, я шел по Мертвому (теперь Пречистенскому) переулку, тщательно обходя глубокую яму, в которой можно было разглядеть человеческие останки. Тогда раскопали рядом с церковью Успенье-на-могильцах (которую рачительная советская власть превратила в слесарную мастерскую) древнее кладбище. Некогда там хоронили жертв чумы в Москве. Наши мальчишки надевали черепа на палки и до смерти пугали девочек...

Дом наш стоял на месте слияния переулков, с трех сторон его обтекавших: Курсового, Савельевского и 1-го Зачатьевского.

Савельевский переулок, который старожилы по старой памяти называли Савеловским — по названию усадьбы родовитых дворян Савеловых, чей огромный особняк с колоннами стоял над горкой и садом. В далеком прошлом сад спускался к реке, но позднее застроился доходными домами. Зимой одно удовольствие было мчаться на рулевых санках-самоделках, установленных на старых коньках-«снегурочках» с «Савеловской» горки.

Много лет спустя я обиделся за наш переулок на писателя Михаила Булгакова.

Достоевского и Булгакова роднила топографическая достоверность описания перемещения героев по городским улицам. Можно было проследить с точностью до нескольких метров маршрут Родиона Раскольникова до дома старухи-процентщицы, им убиенной. И я, в самом деле, удивлен, что литературоведы не отыскали камень, под который незадачливый убийца сунул награбленное.

Я скрупулезно проследил путь Ивана Бездомного, следовавшего по стопам «консультанта-иностранца», пытавшегося скрыться в путанице московских улочек. Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» не менее точен, чем Достоевский в «Преступлении и наказании».

С уверенностью утверждаю, что в этой погоне поэт потерпел «фиаско» именно в Савельевском переулке — «профессор» необъяснимым образом там исчез.

Какими только эпитетами не наделял мой старый, добрый переулок писатель: «унылый», «безотрадный», «омерзительный». Свидетельствую, что Булгаков вслед за раздосадованным Иваном Бездомным занимался напрасным очернительством.

Я хорошо помню, что во времена, когда развертывались в Москве удивительные события, описанные в романе, Савельевский был вполне респектабельным и отнюдь не «омерзительным» переулком. Квартира, где Бездомного повергла

в смущение голая гражданка в ванной комнате, была хотя и коммунальной, но все же сохранившей следы дореволюционной благоустроенности.

Не слишком ли много я беру на себя, «привязывая» вымышленных персонажей к реальным улицам и домам? Отнюдь нет!

Я хорошо помню огромный дом, крылья которого выходили на Савельевский и 2-й Обыденский переулки, а фасад — на Остоженку. И квартиру, где жили друзья Булгакова — Лямины, знаю. Я не раз стоял в парадном этого дома с моей одноклассницей Майей, чья квартира была на первом этаже. Лямины же квартировали в бельэтаже. Может быть, Булгаков не раз проходил мимо нас, идя в гости к друзьям. Но это я уже фантазирую.

Однако проследим за дальнейшим маршрутом героя, созданного воображением писателя, по вполне реальному Савельевскому переулку. Цитирую: «Через самое короткое время можно было видеть Ивана Николаевича на гранитных ступенях амфитеатра Москвы-реки».

Вот когда я усомнился в топографической дотошности Булгакова. Сколько ни пытался, не мог вспомнить никаких гранитных ступеней против Савельевского переулка. Пришлось прибегнуть к следственному эксперименту. Я внимательно обследовал гранитный парапет набережной и неожиданно обнаружил, что именно против того места, к которому Иван Бездомный должен был выйти, спустившись с «савеловской горки», вставлены две явно «чужие» гранитные плиты. Похоже, что здесь был спуск к воде, почему-то заложенный. Полную ясность внесла старая фотография набережной, сделанная, по-видимому, с катера. Амфитеатр был именно там, где он и должен был быть по роману. И здесь Булгаков не отступил от правила помещать фантасмагорию в исторически и топографически достоверное место действия.

Левое крыло дома, о котором шла речь, выходило во 2-й Обыденский переулок. Если спуститься по переулку, то можно остановиться около Ильинской церкви. С историей ее возведения связано название: Обыденские переулки. Дело в том, что по обету там, где сейчас стоит каменный храм, в древности за один день — «об один день» была сооружена его деревянная предшественница.

Повернув налево, в 3-й Обыденский переулок и посмотрев вниз, можно увидеть возрожденный храм Христа Спасителя.

Если бы мне еще лет двадцать назад сказали, что я снова увижу храм Христа Спасителя не на картинке, а воочию — не поверил бы, рассмеялся. Чудеса бывают только в романах. Вернул же Воланд Мастеру заведомо сожженную рукопись книги, сказав при этом: «Рукописи не горят». Может, кто-то на небесах сказал: «Храмы не исчезают»... Стоит же он, будто спрессованный из воздуха, но зримый, тот же самый, который я видел взорванным, грудой развалин. Только кажется мне он не таким огромным, как когда-то. Впрочем, тогда для меня, ребенка, все дома были большими. Еще одна психологическая закономерность...

Итак, рассказав о переулках, на скрещении которых стоял дом, где я провел детские и отроческие годы, хотелось бы вернуться к нашему сплошь заасфальтированному двору, без единой травинки, кустика или деревца.

Двор был застроен двух- и трехэтажными домами. До Октября в них жили рабочие и служащие «Бутиковской мануфактуры». Квартиры были стандартными: три комнаты (и одна крохотная, для прислуги), темная кухня, уборная, один во-

допроводный кран. Начиная с 20-х годов это уже были «коммуналки» на две-три семьи.

Печать унылой бедности лежала на всем. Комнаты были скудно меблированы, лишены уюта. На весь двор (четыре корпуса) к концу тридцатых годов было три патефона и два велосипеда.

Кстати, о бедности. Здесь следует погрузиться в глубины социальной психологии времени, иначе трудно понять сущность этого феномена: поставленные «лицом к лицу» с бедностью, мы ее просто не замечали. Не было человека в этом огромном дворе, кто бы жил богато — в бедности все были равны. Все объясняется очень просто — отсутствие «материала» для сравнения. Даже завидовать некому было. Голодным никто не был, это точно — этого оказывалось достаточно для ощущения благоденствия. Что происходит за пределами первой страны «победившего пролетариата», мы не имели понятия, да и не очень об этом задумывались. Было известно, что в роскоши купаются там богатеи, а все остальные — это трудящиеся, удел которых — нищета и бесправие. Все каналы информации о том, что происходит в капиталистических странах, наглухо перекрывались. Простой вывод, который многократно подтверждает психология — истина познается только в сравнении.

Повторяю, все были равны в бедности. Сколько-нибудь состоятельных соседей что-то не припоминаю. Но встречались среди них влиятельные персоны. В одном из домов жил следователь НКВД Иван Иванович. Фамилию его я не помню. Жена жаловалась на него соседям: «Вот в кабинете рядом работает его приятель. У него в этом месяце три по десять и три по пять и одна “высшая мера”. Ему вторую шпалу нацепили. А мой Ваня, лопух, так с кубарями до старости будет ходить!» Иван Иванович — соседи по квартире слышали — кричал на жену: «Какие, к черту, шпалы?! Ты меня самого этими разговорами в Соловки загонишь!» Впрочем, на супругу это мало действовало.

В нашей «коммуналке» жил управдом с женой и дочерью Ирой. Мы с ней както раз играли в «подкидного дурака», когда в комнату вошли двое мужчин в военной форме. Меня с моей подругой из комнаты выставили. Я по детской наивности потом полюбопытствовал: «Кто это приходил?» Управдомша опустила глаза и сказала: «Знакомые». Позже мама мне говорила: «Не задавай Софье Васильевне глупые вопросы — она на службе».

Сейчас по переулку моего детства в час проходит, наверное, много больше автомобилей, чем в те далекие годы по улице Горького. Тогда две-три машины в день проезжали мимо нашего дома — не было рядом ни больших учреждений, ни посольств — глухой был переулок. Ночи были тихие — ни гудков, ни скрежета тормозов не доносилось с булыжной мостовой. Но если в ночные часы у дома останавливалась автомашина, все тревожно прислушивались — не «по их ли душу» прибыли незваные гости? Хотя жильцов дома по Курсовому, 12 Бог миловал. Правда, исчез куда-то следователь Иван Иванович, а его жена вскоре уехала, как говорили, в деревню. Перед войной я уже не встречал во дворе даму благородной внешности Фелицату Варлаамовну. Поговаривали, что она дочь царского генерала. Может быть, и врали. Вот и все известные мне утраты того времени, но о многом и многих мы, разумеется, не могли знать. Зато нам было известно, что в красивом доме на углу Курсового переулка и Соймоновского проезда, где жил

высший комсостав Красной армии, в 1938–1939 годах почти все квартиры опустели и были опечатаны. Все же скажу, репрессивная история нашей многострадальной страны катилась мимо нашего двора, почти не задевая его обитателей.

2. Микро- и макромир московских школьников

Уже описанный феномен двойственности времени исторического и личного в значительной степени, может быть более чем когда-либо и где-либо, проявлялся в жизни мальчишек московских дворов. Рядом с микромиром улицы, квартиры, школы был большой мир, но в жизнь каждого из нас он, практически, почти не входил. Да и откуда могла появиться возможность проникнуть в жизнь общества, я уж не говорю в жизнь других стран? Была пресловутая черная тарелка, сообщавшая нам последние известия и транслирующая симфонические и эстрадные концерты. Это был даже не приемник, а репродуктор, который воспроизводил одну-единственную программу. Дикторы радио не имели права отклониться ни на одно слово от текста, который был перед ними. Любая попытка такого рода была бы прелюдией к увольнению. Особенно страшными могли быть ошибки, имеющие политический резонанс. Это, правда, не про радио, но был такой случай, когда машинистка, уставшая в конце рабочего дня, вместо «ленские расстрелы рабочих», напечатала: «ленинские расстрелы рабочих». Она была немедленно арестована. Дикторы довоенного радио, конечно, не имели ничего общего с нынешними обозревателями, допускающими любую отсебятину, когда говорят о весьма важных событиях в жизни общества. Из прошлого же я знаю только один случай, когда диктор по фамилии Якимюк или Екимюк (я никогда не видел его имя напечатанным) позволил себе при изложении содержания первого акта комической оперы Оффенбаха «Прекрасная Елена» высказать некоторые дополнительные соображения к тому, что содержалось в тексте, записанном для озвучивания. Разумеется, он немедленно был уволен, и больше никогда его не допускали к микрофону.

Свидетельствовало ли это о том, что микро- и макромир московских школьников предвоенной поры не накладывались друг на друга, что эти миры не соприкасались? Да, конечно, они соприкасались друг с другом, и не могло быть по-иному, потому что газеты все-таки в наш дом приходили, и мы могли прочитать то, что вызывало у нас интерес. Не пропускать же в газетах столбцы стенографической записи известных политических процессов над троцкистами, бухаринцами, зиновьевцами и другими бывшими руководителями партии и государства, которые обвинялись в том, что они немецкие и японские шпионы. Нельзя было не видеть, как загонял их своими вопросами в тупик генеральный прокурор Вышинский, и как они отвечали — растерянно и откровенно признавались в том, что осуществляли вредительство всюду, где только могли. Особенно удивляло, хотя и не настораживало — только удивляло, что в качестве наймитов германской и японской разведок «были» выдающиеся советские военачальники: маршалы Советского Союза Блюхер, Тухачевский, Егоров; командармы Уборевич, Корк, Эйдеман, Путна, Якир, Примаков, Гай и многие другие. Хотя глубоко это в наше сознание

не входило, но все-таки было как-то не очень понятно, а, собственно, зачем это им надо было делать? Они же имели самый высокий ранг в стране и почему-то решили все это поменять на какие-то не очень понятные выгоды, которые могли получить от иностранных разведок.

Кстати, мы знали, что Якир по национальности еврей из Молдавии и как-то нельзя было усвоить: а каким образом он мог оказаться агентом Германии, в официальную доктрину которой входил антисемитизм. Однако все эти мысли не могли переступить порог сознания. В конечном счете, все это было напечатано в газете и посему принималось за «истину в конечной инстанции». Именно тогда впервые прозвучали слова: «врачи-убийцы». Выступали в этой роли два кремлевских врача — известный терапевт Плетнев и профессор Левин. Именно они были обвинены в том, что убили видных партийных деятелей: Куйбышева, Менжинского, великого пролетарского писателя Горького и многих других. Их осудили, и нам тогда невозможно было представить, что все обвинения сфабрикованы, сфальсифицированы, что не были ни шпионами, ни диверсантами политические руководители страны, военачальники, врачи. Странно, но это у нас даже не порождало серьезные вопросы. Печатному слову верили безоговорочно. Авторитет власти и, прежде всего, Сталина был безмерно велик, и мы не допускали мысли, что кто-то может нас обманывать.

Ну а если пойти глубже, попытаться понять, что же было первопричиной такой легковерности подростков (я о взрослых не говорю и мне будет трудно сказать, как они тогда все воспринимали), то, по всей вероятности, надо указать один ведущий и важнейший мотив, определявший наше поведение. Мы, мальчишки, были в полном смысле этого слова патриоты нашего советского государства и считали его безупречным. Задумывались ли тогда над этим? Все представлялось совершенно очевидным. В нашей стране должно было быть все справедливым, все делаться на пользу «пролетариата». Патриотизм советских школьников не имел, конечно, ничего общего с тем «профессиональным патриотизмом», которым сейчас пользуется в своих политических целях левая оппозиция. Он был доминирующим мотивом нашего поведения. Мы были убеждены, что «Красная армия всех сильней», что «если завтра война, если завтра в поход», то мы будем бить врага на его собственной территории «малой кровью могучим ударом».

Вспоминаю такое короткое четверостишье, которым характеризовалась наша уверенность в победе над любым агрессором:

«Если надо, Коккинаки
долетит до Нагасаки
и покажет там Араки,
где зимуют раки!»

Коккинаки был знаменитый летчик-испытатель, дважды Герой Советского Союза. Араки — японский военно-политический деятель.

Мы видели в качестве врагов советской страны исключительно фашистскую Германию, империалистическую Японию и заранее торжествовали победу, если они посмеют на нас напасть. Я хочу привести имевший хождение в мальчишеской среде анекдот, пусть и не вполне приличный. Но, однако, чего можно было ожи-

дать от ребят с нашего двора, у которых мат часто был в ходу едва ли не через каждые три-четыре фразы!

«Якобы представители оси Берлин — Токио хвастались, разговаривая с кем-то из руководителей нейтральной страны: — Мы разделим Советский Союз таким образом, что нам, немцам, достанется его территория до Урала, а Япония возьмет Сибирь до Уральского хребта с Востока. Будто бы представитель нейтральной страны сказал: — А я хотел бы при этом получить яйца. — Какие яйца? — удивились немецкие фашисты и японские самураи. — Ну, те, что вам достанутся от того, этого самого, который вы получите...»

Ребята с наслаждением хохотали, выслушивая эту шутку и старались пересказать ее всем окружающим.

Что нам было уже совсем непонятно, так это «Пакт о дружбе, ненападении и взаимной помощи СССР — Германия». Мы, собственно, старались об этом вообще даже и не думать. Однако значение пакта «О ненападении и дружбе с III Рейхом» и его вероятные трагические последствия (пакта), как-то не осознавались. Нам, правда, объясняли — необходима передышка, нельзя позволить большим «акулам империализма» таскать каштаны из огня чужими руками...

Шоком была фотография на газетной полосе, где Гитлер тянул ладонь к рукаву стоящего перед ним и явно смущенного этим Молотова. Принять такое было практически невозможно. Это создавало когнитивный диссонанс и, хотя мы сего психологического термина тогда не знали, но именно это испытывали, поскольку невозможно было совместить, с одной стороны, глубокую уверенность, что наши основные враги — это германские фашисты, а с другой — наш человек, близкий друг Сталина оказывается уже с ними заодно. Именно эта «ошибка», это противоречие заставляли нас просто уходить от обдумывания и обсуждения такого вопроса. Сейчас я бы сказал, что мы включали «защитные механизмы» (по Фрейду). Взрослые же говорили: «Пакт — пактом, а факт — фактом». Мы в эти слова не вдумывались.

Но вот фашистская Германия напала на Советский Союз, и все встало на место. Враг — есть враг и именно тот, которого мы с самого начала воспринимали как врага.

Однако не следует допускать крайностей и предполагать, что политика занимала уж слишком большое место в жизни ребят московских дворов. В общем-то, мы жили своими, ребячьими, проблемами, каков бы ни был политический фон нашей повседневности. Хотя некоторые аналогии нередко напрашивались.

Жили в коммунальных квартирах, и они поставляли материал для сравнений и умозаключений. И казалось, что мир — большая коммуналка. Соседи могли быть враждебными друг другу, но нередко образовывали блоки, своим острием направленные против одного из жильцов. Потом эти блоки распадались, и вчерашний противник превращался в союзника при новом раскладе сил.

В «коммуналках» шли бои местного значения, а на нас уже надвигалась большая, страшная по своим последствиям война...

Впрочем, сражения «до первой крови», как этого требовала ребячья этика, хорошо знали московские дворы. Родители в наши «разборки» старались не вмешиваться.

Однако оставим в стороне «военную проблематику».

Играли до самозабвения. Была такая игра — вариант классических «пряток». Называлась «двенадцать палочек». Не буду излагать ее жестокие правила, но тому, кто должен был искать спрятавшихся, иной раз приходилось «водить» до изнеможения. Спасение могло прийти, если отец или мать несчастного звали его домой. Это было свято — создавать семейную конфликтную ситуацию никто бы не посмел. Знали, что ослушника мог ждать ремень.

Вообще, родителей уважали. Можно было мальчишкам что угодно говорить друг о друге, но ни в коем случае не затрагивать достоинство отца или матери. За это могли чувствительно поколотить.

Вспоминаю такой случай. Был у нас во дворе скуластый и веснушчатый паренек Володька, по прозвищу Японец. Поздний сын уже пожилых родителей, настоящий семейный деспот, которому дома ни в чем не отказывали. Воспроизведу краткий ход событий, многим из моих товарищей запомнившийся надолго.

Из окна второго этажа женский голос:

— Вовочка, иди обедать!

Молчание. Снова тот же голос:

— Вовочка! Я тебя жду!

Никто не отзывается. В голосе женщины звучит отчаяние:

— Суп остынет, Вовочка. Иди домой!

От стайки ребят отделяется подросток и кричит:

— Не буду! Не хочу! Отстань!

— Но, Вовик, ты же сегодня плохо завтракал! Я тебя жду. Иди домой, пожалуйста, Вовочка!

Опять молчание. «Японец» колупает ногтем цементный шов стены и, наконец, принимает решение:

— Давай суп сюда! Здесь буду есть!

— Ну, как же так, Вовочка... Это же неудобно. Зачем же... Ну хорошо, я сейчас тебе вынесу тарелку.

Женщина сдается. Не тут-то было: новый приказ заставляет ее высунуться из окна, а мальчишек подойти поближе.

— Спускай суп ко мне! На веревке!

Ребята замерли: что будет?

— Японец, ты что, спятил, да тебя сейчас... — бросил один из них. Последовал самоуверенный ответ:

— А ты погляди, что будет, а после говори.

Сын лучше знал свою мать. Вскоре из окна медленно поползла вниз ловко обвязанная бечевкой тарелка супа (именно тарелка! Я хорошо помню!) и утвердилась на коленях усевшегося на корточки мальчика. Тем же путем были спущены хлеб и ложка, завернутые в большую салфетку. Он лениво хлебал суп и на удивленные возгласы товарищей обронил гордо:

— А она у меня дрессированная... Не то что ваши... Опустим словцо, которым он закончил фразу.

И тогда один из ребят с криком: «Какой же ты гад!» — ударом ноги выбил у него тарелку и съездил по физиономии. Тот с ревом убежал домой... Мы разошлись, опасливо поглядывая на окна второго этажа.

Через 2 или 3 года после запомнившегося нам «обеда» мы, ребята этого двора, ушли на фронт. Многие не вернулись. Не вернулся и Японец. Мать ненамного пережила сына и мужа (последний умер перед самой войной). Осталась на втором этаже пустая квартира. Новые жильцы рассказывали, что в комоде нашли письмо, содержавшее сообщение о расстреле солдата Владимира Р. за мародерство...

Уважительное отношение к старшим — не единственное достоинство ребят нашего двора. Дрались часто, но лежачего не били. Это было законом. Вообще, я ни разу не видел и не слышал, чтобы кого-нибудь били ногами, не помню, чтобы в ход шли «финки» или кастет. Не слышали мы и об изнасилованиях. Хотя одно «половое преступление» все-таки произошло в нашем дворе. Предательницы-девчонки шепнули ребятам, что их подружка вышла из дома без одной существенной части нижнего белья. Те окружили несчастную и убедились в правдивости полученной информации. Жертва с рыданьем с трудом вырвалась из рук хохочущих мучителей и убежала. Этот случай был предметом разбирательства на уровне родителей — главного «насильника» наказали. Вот, пожалуй, и все «чрезвычайные происшествия» в ребячьей среде.

В предвоенные годы мы очень быстро обучились тому, что можно и что нельзя спрашивать и говорить. Буквально всего два-три года понадобилось, чтобы все ребята во дворе прошли «школу бдительности», где формировалось умение держать язык за зубами. Когда в 34-м году убили С. М. Кирова, который моим родителям казался человеком достойным уважения, мой приятель Павлик сказал: «А чего его жалеть? Отец говорит, зазря не убьют...» Через короткое время подобная «утечка информации» о разговорах в семье была полностью исключена.

...Лет с четырнадцати начинает тревожить внешность, собственная, конечно. Например, одежда. Никого из моих сверстников щеголем назвать было нельзя. Какое там! Требовалась прежде всего соответствующая ширина и длина брюк. Брюки короткие и узкие (ширина внизу — 24–26 см) вызывали насмешки ребят — «сиротские штанишки». А купить можно было только такие (если вообще что-либо удавалось достать — прилавки промтоварных магазинов, как правило, были пусты). Ловчили, чтобы было не меньше 29 см: вшивали клинья. Некоторые умудрялись вколотить фанеру в мокрую брючину и растянуть превратившуюся в рядно ткань. Пижоны хлопали «клешами» в 33–34 см — им завидовали.

Когда я совсем обносился, моя мать отдала шить мне брюки из куска грубого сукна, которое многие годы подкладывала под простыни и пододеяльники, которые она утюжила. Брюки моему другу перешили из старых бостоновых, дядькиных. Они лоснились, но обеспечивали престиж: бостон в 30-х вообще был на правах «золотой парчи». Враль, трус и хвастун Японец утверждал, что ему шьют костюм из «бостона в клеточку». Поскольку ткань бостон всегда однотонная, над лгунишкой смеялись. Парень по прозвищу Чадо щеголял в отслуживших свой век матросских клешах.

Кстати, никому ни разу не задавал этот вопрос. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что сейчас никто не «перелицовывает» свои пиджаки. В давние годы пиджак носили предельно долго, а потом его «перелицовывали», огорчаясь, что он запахивался по дамскому варианту, справа налево, и скрыть это было невозможно из-за расположения пуговиц и петелек. Ловчили по-всякому, чтобы скрыть факт «перелицовки».

И вот еще об одном специфическом для этого времени увлечении московских мальчишек. Автомобили! Речь, конечно, не о мечте купить машину. Я лично не знал до войны ни одного владельца собственного автомобиля. Рассказывали, что чемпиону мира по шахматам Михаилу Ботвиннику правительство подарило «эмку». Вот и все известные мне автовладельцы. Но автомобили волновали. Шло своеобразное «коллекционирование» машин, которые мы видели «своими глазами». Это были, конечно, иномарки (у нас только ГАЗ, М-1, ЗИС-101). Район для составления этой коллекции был редкостный — арбатские переулки, где среди сугробов у посольских подъездов серебрились стылыми решетками радиаторов роллс-ройсы, плимуты, кадиллаки, крайслеры. До сих пор помню фигурки на капотах — серебряную собачку линкольнов, летящую женщину паккардов, крылышки на небольшой колонке роллс-ройсов. Рассмотреть со всех сторон, выяснить, сколько цилиндров, сколько лошадиных сил, запомнить общий контур (чтобы потом узнавать на ходу, небрежно бросив товарищу: «линкольн-зефир», 12-цилиндровый, 1936 год выпуска!). В этих расспросах был в те годы риск не только быть отруганным... Околачиваться возле посольств — тогда было более чем опасным занятием.

У меня появились взамен развалившихся новые желтые ботинки — мама отнесла свое обручальное кольцо в Торгсин и приобрела мне на «боны» (чеки для покупок в торгсиновских спецмагазинах) обувь. На сдачу после этого разорительного подарка она купила в Елисеевском магазине булочку. Я ее сам выбрал — аппетитную, золотисто-коричневую с вкраплением изюминок. До сих пор эмоциональная память хранит чувство разочарования — я сам себя наказал, сделав тот нелегкий выбор, — булочка была выпечена не из белой, а из ржаной муки. Черный хлеб у нас в дому был не в диковинку: по хлебным карточкам, разумеется.

Как уже было сказано, голода не знали тогда ни моя семья, ни другие жильцы дома. Что такое голод, я понял, когда мы с родителями в 33-м году поехали в мой родной город Севастополь. Поезд шел через Украину — Лозовая, Синельниково, Мелитополь. Остановка чуть ли не у каждого столба. И почти на всех станциях поезд окружали орды оборванных, грязных мальчишек. Они кричали: «Хлеба! Хлеба! Хлеба!» И скопом кидались на выброшенные из вагона газетные свертки с остатками дорожного продовольствия.

Нет, голода в Москве тогда не было. Однако мы испытывали другого рода голод. Сейчас его назвали бы «информационным». Ламповые радиоприемники стали появляться у очень немногих только в предвоенные годы. Конечно, о телевидении, как о чуде техники, мы слыхали, но первый телевизор в доме появился только в начале 50-х. О том, что происходит в большом и далеком мире, можно было узнать из газет с их однообразными столбцами статей и очень редкими фотографиями. О «свободной верстке» газетной полосы и броских заголовках редакторы не могли даже мечтать.

Нас, подростков, спасала «Пионерская правда». Там из номера в номер печатались «Золотой ключик, или Приключения Буратино» и «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого, «Два капитана» Вениамина Каверина. За это мы были благодарны. Но «голод» не отступал. Не было книг, а читать любили буквально все.

К сожалению, сейчас о подростках такого не скажешь, по-видимому, многопрограммный телевизор, «видики», а также трудно объяснимые, но для психолога

во многом понятные, смещения и потери в менталитете молодежной «субкультуры» тому помехой. Если бы я хотел, чтобы мое повествование покатилось по рельсам социально-психологического трактата, стоило бы об этом сказать подробнее и точнее, но не буду изменять избранному мною жанру.

«Дай что-нибудь почитать!» — эти просьбы повторялись очень часто. В ход шли растрепанные, перевязанные веревочками, с утраченными страницами томики Дюма, Конан Дойла и каких-то неведомых авторов, поскольку титульный лист и обложка нередко отсутствовали. Девочек привлекали столь же растерзанные книжки Чарской, Жейлиховской, не отказывались они и от дореволюционных журналов «Задушевное слово», «Детское чтение». Мальчишки эти издания презирали, предпочитая выудить откуда-нибудь разрозненные номера «Всемирного следопыта» или «Вокруг света». Последний журнал особенно ценился.

Одним словом, двор был озорной, но читающий запоем, если было что читать.

Исчезли из жизни города дворы. Дом за домом стоят на московских улицах, но нет душевного соприкосновения их обитателей друг с другом. Может быть, это одна из потерь того общинного начала, которое было присуще России.

Хотелось бы дальнейшее повествование продолжить классической строчкой: «В начале жизни школу помню я...».

Вероятно, для каждого школьная пора — неиссякаемый источник воспоминаний. Здесь Я неизбежно, может быть, впервые в жизни человека растворяется в МЫ.

Наша школа № 52 стояла в устье 2-го Обыденского переулка. Здание еще дореволюционной постройки. Когда-то здесь находилась женская гимназия, принадлежавшая мадам Констанс, которая и была ее директрисой. Но в то, что это была именно женская гимназия, нам как-то не верилось. Дело в том, что полированные перила лестницы были снабжены специальными шишечками, препятствующими скольжению по ним. Если бы речь шла о мальчишках, то все было бы понятно, но гимназия-то была женская... Трудно было вообразить гимназисток, способных скатываться вниз по перилам. Они мыслились нам чопорными, в строгой форме с белыми фартуками. Не то что наши девочки в незатейливых разномастных платьицах тех бедных лет.

Запомнился такой случай. Преподавателю физкультуры надоело добиваться от школьниц, чтобы те приносили на его уроки спортивные костюмы. Были ли у них «физкультурные» майки и шаровары? Он заставил их выйти в зал без платьев. В 4-м классе нам было по 11–12 лет (в школу поступали тогда с восьми). У девочек уже были такие изменения внешности, которые вызывали прилипчивый интерес одноклассников и, хотя и были предметом тайной гордости юных представительниц прекрасного пола, но и вынуждали стесняться новоприобретенных качеств. Под хихиканье мальчишек бедняжки вышли в своем немыслимом нижнем белье. Более жалкого и неприличного зрелища и представить невозможно. Девочки плакали, но учитель был неумолим и приказал им выполнять гимнастические упражнения. Антипедагогичность с оттенком садизма? Разумеется.

Школа была обычной, ни привилегиями, ни славой не пользовалась. Родители школьников преимущественно рабочие. Зато ниже, против Ильинской церкви помещалась знаменитая Московская опытно-показательная школа имени Лепешинского, сокращенно МОПШК. Ходили в нее, а чаще ездили, дети высокого на-

чальства. Тогда я не знал имен родителей. Слышал только, что учились там дети Г. Зиновьева, А. Микояна — другие мне были неизвестны. Знали мы только, что они никогда не подъезжали к школе на автомашине. Большевистский пуританизм, уже умиравший к началу 30-х годов, пока еще не допускал такого барства и буржуазных замашек. Шикарные «паккарды» и «бьюики» останавливались на Остоженке, а ученики без сопровождения шествовали вниз по переулку к «мопшику». Главной традицией нашей школы было следование лозунгу «Бей мопсиков». Мы сполна использовали наше тактическое преимущество. Самое удивительное, что никаких неприятных последствий эти «подвиги» не порождали.

3. Обер-бандит товарищ Троцкий на уроке истории

Недавно я прочитал книгу Александра Пятигорского «Философия одного переулка». Пятигорский в настоящее время живет за рубежом. Я его не видел много лет, с тех пор, как мы вместе с его соавтором, Иосифом Гольдиным, работали над фильмом, который должен был быть посвящен психотерапевтическим сеансам лечения заикания.

О каком же переулке пишет в своей книге Пятигорский? О том самом Обыденском, где находилась наша школа. В те годы я не знал Александра, но его сестра училась со мной в одном классе. В книге упомянут директор школы Булкин.

Это была примечательная личность. Коммунист с большим партийным стажем, человек очень добрый и потрясающе невежественный. В те времена на ответственные должности стремились ставить людей, на которых можно было положиться партийным органам, даже если профессиональная пригодность этих «выдвиженцев» была более чем сомнительна. Так бывший партизан стал директором нашей школы. Все-таки как директор Леонид Артемьевич Булкин был на своем месте, но, к сожалению, его «выдвинули» и на роль преподавателя истории, а это была уже беда.

Мы все знали о том, что вышел «Краткий курс истории партии», что там есть раздел о диалектическом и историческом материализме. Один любознательный мой одноклассник спросил Булкина: «Что такое материализм?» Учитель истории задумался, ответа некоторое время не было, а потом он сказал: «Видите ли, когда человек хорошо покушает, у него хорошее настроение, а когда плохо — плохое. В этом сущность материализма».

Мы записывали за ним отдельные словечки, которыми он уснащал уроки истории. Мне запомнились его фразы: «китайские церемоны», «Наполеон так обратно расставил свои пушки, что противник сдался». Рассказывая о Великой французской революции, он жирондистов почему-то называл «жандармистами». Надо сказать, что «жандармисты» ему очень не нравились. Он отождествлял их с меньшевиками, называл «соглашателями» и «врагами народа». Прямую аналогию с большевиками, говоря о якобинцах, учитель не подчеркивал, но, очевидно, имел ее в виду.

Робеспьер ему нравился, однако он почему-то называл его Роспером. Не помню, чтобы он когда-нибудь упоминал о его казни. Не исключено, что политические

соображения и нежелательные сопоставления блокировали его исторические изыскания. Уж слишком много современных ему «якобинцев» было возведено на «эшафот».

Одно из самых удивительных изречений Леонида Артемьевича, которое запомнили все его ученики, звучало так: «Контрреволюцией руководил обер-бандит, товарищ Троцкий». Необходимо напомнить, что это было сказано в 1938 году, и даже то обстоятельство, что титул «обер-бандит» предшествовал обозначению Троцкого как товарища, не могло уберечь историка от возможных неприятностей. Тогда этим не шутили, но, по-видимому, никто не донес на директора «куда следует». Его в школе любили и уберегли от неприятностей.

Последний раз я встретил Леонида Артемьевича уже после войны, когда мы, бывшие школьники, вернувшись с фронтов и из эвакуации, собрались повидаться друг с другом и нашими учителями. Был там и Булкин. Через некоторое время я узнал, что он умер. Смерть у него была достойная. Он проводил опрос на уроке. Выслушав отвечающего ученика, похвалил его и упал со стула, уже больше не поднявшись... Что называется, умер на педагогическом посту...

Когда мы перешли в 9-й класс, 52-я школа была упразднена, и все учащиеся перешли в 587-ю школу в Хилковом переулке. Здесь нас застала война, и из этой школы я ушел в армию.

На занятия я шел проходным двором, сквозь тоннель, образованный хаотическими пристройками к дому, сооруженному в XVIII столетии. Потом, прочитав книгу Г. Шторма «Потаенный Радищев», я узнал, что это здание принадлежало знакомой писателя, полковнице Ушаковой. Как предполагал Г. Шторм, где-то в его недрах, в каком-нибудь тайнике хранятся крамольные рукописи Радищева, запрятанные им накануне самоубийства.

Дом этот, с чудом сохранившимися старинными цветными стеклами в двух-трех окнах, стоял против школы. Все вокруг дышало историей. Именно садом школы (ее тогда, конечно, еще не было) немой Герасим вел свою любимицу Муму к Москве-реке, где и утопил ее. А шел он из тургеневского особняка, что на Остоженке, на углу Хилкова переулка. Как мы узнали, настоящее имя дворника, служившего в доме матери писателя, было не Герасим, а Андрей.

Подозвал нас как-то к окну наш любимый учитель Андрей Павлович Кечкин и сокрушенно сказал: «Ну, что от вас, ребята, ждать. Знаю, что вы лодыря гоняете. Это место уж такое роковое. Что называется, "перст судьбы"». Он указал на старинный особняк, фасадом выходивший в школьный сад. Посмеявшись над нашими недоуменными взглядами и репликами, он объяснил. Особняк этот некогда принадлежал доктору Лодеру. Курс лечения, который он предлагал тучным московским барам, включал то, что теперь именуется «бег трусцой». Впереди бежал доктор, а за ним вереницей пациенты. Москвичи толпились у решетки сада и хохотали: «Глянь-ка, Лодыря гоняют!». Куда нам, школьникам, было деваться от такой фатальной участи! Действительно — «заколдованное место»!

Началась война. Мои соученики очень быстро разлетелись по всем краям нашей страны: кто на фронт, кто в эвакуацию. Но связи друг с другом так и не потеряли. Год за годом мы встречались то в наших переулках, то в дальних районах Москвы, куда многие постепенно переезжали из центра города.

4. До и после Золотой Звезды

Это было время коллективных договоров, социалистических соревнований, лозунгов: «Выполним пятилетку за четыре года!», когда реалии общественной жизни входили в повседневный и даже семейный обиход. Неудивительно, что мой отец в январе 1930 года заключил с сыном договор, определяющий взаимные права и обязанности. Сыну было 5 лет и 7 месяцев. У меня сохранился это пожелтевший листок. Там было такое обязательство:

> «Ходить гулять в любую погоду и не соблюдать исключительно мужскую моду. Читать книжки для малышей и не более, и оставить Гейне и Лермонтова в покое. Перед Борей не преклоняться. Уметь в ошибках его разбираться».

Боря Дмитриевский был мой сосед по дому. Не могу утверждать, что я разобрался в его ошибках и что я перед ним преклонялся. Хотя во многих отношениях он был для меня примером, особенно в спорте и в тех потасовках, которые возникали во дворе и на улице. Друзьями мы стали на всю жизнь. Его — очень короткую.

Между станцией метро Фрунзенская и Пироговской улицей пролегает Хользунов проезд. Многие годы, как я там не бываю. Когда-то я часто проходил по этой улице и неизменно, минуя один из домов, — зима это была или лето — снимал шапку. Если рядом оказывался кто-то из знакомых, то он смотрел на меня удивленно, но никаких объяснений я никому не давал. Это была моя личная, закрытая для всех посторонних традиция, ритуал.

Дело в том, что позади этого дома, во дворе высилась школа, где рядом с подъездом висит мемориальная доска с указанием, что в этой школе учился и окончил ее Герой Советского Союза Борис Николаевич Дмитриевский.

С Борисом Дмитриевским связаны годы моего детства, отрочества и ранней юности. Он жил на третьем этаже, я на первом. Учились мы в разных школах, но остальное время были неразлучны.

Нередко можно слышать: «Вот ушел парень на фронт, самый обыкновенный, никто не мог ожидать, что он на какие-либо подвиги способен, а вот глядишь, вернулся — вся грудь в орденах!» С Борисом все обстояло прямо противоположным образом. Когда он уходил в армию, не только я, но и многие другие, его знавшие, были уверены, что коли его не убьют, то вернется он с Золотой Звездой Героя. Таким уж отчаянно смелым был этот паренек.

У нас во дворе друг против друга, но все-таки на значительном расстоянии, стояли трехэтажный и двухэтажный дома. Разбежавшись по крыше трехэтажного, Борис перепрыгивал эту пропасть и «приземлялся» на противоположную крышу. Это только один пример его бесшабашной смелости.

Гвардии старший лейтенант Борис Николаевич Дмитриевский, командир танковой роты, погиб 12 марта 1945 года в Восточной Пруссии, на окраине города Лауенбурга. Он был награжден многими орденами и еще до своей гибели знал, что ему присвоено звание Героя, однако Золотую Звезду он получить не успел. Не узнал он и о том, что жив его отец, взятый в ополчение, попавший в плен и

прошедший через все ужасы гитлеровских лагерей, вернувшийся в Москву уже после смерти сына и, как многие бывшие военнопленные, почти без задержки проследовавший в ГУЛАГ.

Не могу обойти это трагическое возвращение. Николай Михайлович Дмитриевский вернулся под вечер к жене, уже давно его похоронившей. О нем она ничего не знала все пять лет. Анна Ивановна через некоторое время пошла за хлебом, чтобы успеть до закрытия магазина. Ей встретилась дворничиха и сказала: «Пусть Николай Михайлович выкупается, отдохнет, поспит, я сегодня в милицию не пойду, повременю до завтра». Назавтра за ним пришли...

Борис жестоко мстил за отца, будучи уверен, что он больше никогда его не увидит, что этот тихий, мирный, близорукий человек, бухгалтер по профессии, живым не пройдет сквозь огонь войны.

В одну из своих кратких побывок в конце войны в Москве, куда я уже тоже вернулся, он рассказывал мне, что его головной танк с ходу прорвал колючую проволоку, ограждавшую один из лагерей для советских военнопленных. Когда он увидел эти «живые трупы» до последней степени истощенных людей, то приказал отдать им весь НЗ, тот неприкосновенный запас, который не имел права расходовать, не нарушая воинские законы. Он мне сказал тогда: «Плевать я хотел на законы, на трибунал, может быть, где-нибудь, в соседних лагерях был мой отец. Так что я, о себе буду думать?» Он, конечно, этого не знал, но это было именно так. Концлагерь, где буквально умирал с голода его отец, был в сотне километров от этого места. Затем, как он мне рассказывал, развернул свой танк и, встретив на какой-то глухой лесной дороге колонну эсэсовцев, всю ее передавил гусеницами... Жестоко, не правда ли? Пусть меня простят ревнители и защитники общечеловеческих ценностей, к которым, кстати, и я себя причисляю, но у меня не было слов для осуждения ни тогда, ни сейчас.

Прошли годы. То, что его образ не ушел из моей памяти, в этом нет ничего удивительного, но он был сохранен и в истории Отечественной войны. О нем написаны две книги — А. Глазова и В. Михайлова.

О героях войны в прежние годы правители государства вспоминали вообще-то неохотно. Слишком много их полегло на политых кровью полях Родины. Да и льготы участникам войны и инвалидам были учреждены сравнительно недавно. Однако уже в начале 60-х годов положение стало меняться. Меня пригласили в школу, которую оканчивал Борис. Пионерская организация поддерживала связь с воинской частью, где когда-то служил гвардии старший лейтенант Дмитриевский. Так случилось, что я на встрече со школьниками прочитал стихотворение, посвященное памяти друга. Именно тогда и началось мое знакомство, а затем и дружба с писателем, в то время собкором «Литературной газеты», Владимиром Михайловичем Михайловым (это его литературный псевдоним, а настоящая фамилия — Ривин). Он тогда начинал писать книгу о Борисе Дмитриевском и в школьном музее наткнулся на рукопись моего стихотворения о Борисе.

Это и привело ко мне в дом Владимира Михайловича. Мы с ним были ровесниками, в детстве, юности жили неподалеку друг от друга. И у него, и у меня были позади фронтовые будни. Я, как и он, сотрудничал в «Литературной газете» (я внештатно). Было о чем поговорить, вспомнить, поспорить. Можно ли было издать книгу, которую он задумал? Здесь возникали большие сомнения. Он хотел

рассказать правду о войне, пусть и грубоватую, шершавую. Но в те годы требовалась «лакировка», да и герой книги был отнюдь не стандартен и по многим бытовым деталям не вписывался в типовой портрет «советского человека». Существовали и другие трудности. Были живы родители Бориса. Не исключалось, что они будут возражать против того, что с их точки зрения принижало героя. Да и себя они могли не захотеть видеть в зеркале художественной прозы. Уже тогда мы решили, что писатель откажется от использования подлинной фамилии героя. Борис Дмитриевский в повести был назван Борисом Андриевским, как, впрочем, и я, которому была посвящена глава в повести, именовался профессором Эриком Александровичем Петровым.

Владимир Михайлович книгу написал, но издать ее смог спустя многие годы, в эпоху «перестройки». Может быть, я субъективен, но мне кажется, что повесть «В свой смертный час» — одна из лучших книг о войне и ее психологических последствиях. Я не могу не упомянуть один эпизод из книги В. Михайлова. Вот собрались однополчане Бориса в вишневом саду, куда они съехались по приглашению гостеприимного хозяина. Один из собравшихся говорит: «А вы помните, как Борис один на своем танке взял румынский город?» Его товарищ, бывший танкист, а теперь сельский учитель, сухо и лаконично заявляет: «Не было этого!» Рассказчик смутился и сказал: «Это ты прав, я это выдумал, просто меня пригласили в школу, рассказать о моих фронтовых делах, ну а что я расскажу, вот я и придумал эту историю про Бориса».

От себя скажу, хоть Борис в одиночку румынский город, вероятно, не брал, однако красочно расписать войну, которая была главным событием в жизни многих людей, хочется каждому. Но, честное слово, зная Бориса, я бы в эту байку поверил так же, как в нее поверили и слушатели-школьники. Владимир Михайлович попросил меня передать ему мои записки, которые я в разное время делал, вспоминая мое детство и юность. Я написал ему два или три письма, дав разрешение, если он сочтет это необходимым, все использовать.

У меня сохранилось только одно письмо Бориса.

Я долго не мог сообразить, куда же исчезли все остальные? Потом вспомнил. Его мать попросила меня отдать их ей. В те страшные мартовские дни 45-го я бы ей отдал не только письма, но и все, что у меня было.

Последнее письмо от Бориса пришло в мае, уже после его гибели. Потому-то и сохранился у меня этот треугольничек со штампом «полевой почты» («уголок», как называли тогда таким образом свернутый листок).

Вот он лежит передо мной. В письме он обещал, что скоро его «колдобина» проедет по Фридрихштрассе. «Колдобиной» он шутливо и ласково именовал свой танк, знаменитую «тридцатьчетверку».

Не пишут сейчас письма. И памяти часто не на что опереться. Цитирую, с некоторыми пропусками в тексте, посланные мною более 30 лет назад Владимиру Михайловичу мои письма о Борисе:

...Мы дружили. И как это бывает, обтесывали друг друга. На самодельный турник в первый раз подсадил меня Борис. «Понимаешь, Кисуля, это нужно. Ведь, как бывает. Придешь в чужой двор, ребята на тебя косоротятся. А ты подошел к турнику, поковырялся, сделал «перешмыг», зафиксировал, и «ваши не пляшут». Тогда «тронь-

тронь и рубашку разорви!». Последняя фраза пришла, кажется, от Вани Курского, нравился ему этот персонаж из фильма «Большая жизнь». Алейников играл. Потом я всю эту гимнастическую премудрость освоил.

А Борис дальше пошел. Если мороз, бывало, не приклеивает пальцы к турнику (перекладина из лома, утащенного с дальнего двора и закрепленного между двумя бревнами), разденется, оставшись в одной рубашке и брючках, «солнышко» крутит.

Жили мы в одном подъезде. У них были две комнаты в четырехкомнатной квартире. В маленькой комнатке у кухни жила противная старуха Краснощекова. Старуха? Может, ей было сорок? Сейчас усомнился. Бои шли в маленькой кухне, темной, без окон — за место у керосинки, за забытую миску. Боря ненавидел злобную бабку и, боюсь, не стеснялся сунуть ей под нос кулак. Она захлопывала дверь, щелкала тремя или четырьмя замками, оттуда злобно шипела. А в большой комнате... Большой? Так ли? Наверное, метров семнадцать, не больше. Там обитали мать и дочь «из бывших». Они казались богомолками, с иконописными ликами, с «опущенными долу» очами. Сейчас они мне представляются очень «нестеровскими» типажами. Между всеми соседями, за редким исключением, существовала нелюбовь, иногда переходящая в ссору с оскорблениями и шепотом в спину старшей «богомолки»: «офицерская подстилка». Была ли она в действительности женой «белого» офицера, — не знаю.

Могу почесть за заслугу — открыл для Бориса Ильфа и Петрова. Читали вслух, смеялись до колик. Отсюда, из «Двенадцати стульев», обращение друг к другу «Кисуля». Так называл Бендер Воробьянинова. Вечером ходили по переулкам: Курсовому, Зачатьевским, Обыденским. В 3-м Обыденском был дом, где, по слухам, когда-то жил Ильф. Нас поражал его ничем не примечательный вид. Проходя, мы примолкали — из почтения. Были темные сведения, что не то в Коробейниковом, не то в Мансуровском переулке дислоцировалась знаменитая «Воронья слободка». Ходили искать, но за отсутствием точных примет тогда не нашли. «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» знали наизусть. Устраивали устные викторины. Вопрос — «Где жила Эллочка-людоедка?» Ответ — «В Варсонофьевском переулке». Вопрос — «Как звали отца геркулесовского бухгалтера Берлаги?» Ответ — «Фома».

...Ездили в Лефортово. Что-то надо было отвезти сестре моей матери. Ее муж, слушатель бронетанковой академии («академик» в просторечье), квартировал в общежитии на Красноказарменной. У них в гостях сидел широкоплечий военный — брат моего дяди. Мы с Борисом смотрели на него, как на божество. В петлицах коверкотовой гимнастерки по два ромба[1], на груди два ордена Красного Знамени. Комдив, Сергей Байло.

Он рассказывал о гражданской войне, шутил с нами, спрашивал, кем будем. Потом, лет через двадцать пять, я прочитал в какой-то книге по истории Гражданской войны, что Байло командовал гайдамацким полком и перешел с ним на сторону «красных». Заходили еще какие-то командиры, помню серые гимнастерки, шпалы[2] в петлицах, их знакомили с комдивом. Шумно и весело было в комнате.

Борис тогда мечтал стать летчиком. Мы прислушивались к разговорам, речь шла о каких-то танковых проблемах, почему-то помнятся какие-то геометрические термины. По поводу чего? Способа построения танков для атаки? Не знаю. Не помню.

---

[1] Два «ромба» в петлице фактически равны двум звездочкам на погонах нынешнего генерал-лейтенанта.

[2] «Шпалы» (прямоугольники) в петлицах имели командиры Красной армии, начиная с капитана и кончая полковником.

Возвращаясь, говорили о том, кто на войне «главнее» — танки или авиация? Нам тогда еще не было известно, что артиллерия — «бог войны», а пехота — «царица полей», и моему другу было невдомек, что станет он не летчиком, а танкистом. Вообще не знали, кто есть кто в армии. Потом Борис — визит на него произвел впечатление — расспрашивал меня, встречал ли я еще раз комдива, где он? Ответить я не мог, родные по этому поводу отмалчивались. Как-то, кажется в один из приездов с фронта в Москву, он опять вспомнил Байло (к тому времени, как мы уже знали, расстрелянного по приговору военного трибунала). Сказал, что таких вот опытных военачальников здорово не хватало в первые годы войны, «пока из майоров вырастали генерал-майоры».

Рефлекс защиты друга у него был развит до уровня автоматизма.

Помню драку около церкви Успенья на Могильцах. Нас двоих била большая компания ребят. В письме Михайлову я задал ехидный вопрос: «Не было ли вас там, дорогой Владимир Михайлович? Вы жили именно в этих арбатских переулках в те же, заметьте, времена». Меня сбили с ног, надо мной закопошилась куча противников. Борису надо было бы убежать, но, увидев мое бедственное положение, он вернулся и отважно сражался до тех пор, пока я не смог к нему присоединиться. Были и другие драки — без этого, конечно, не обходилось. Его поведение всегда было безупречным.

Наши разговоры об этике драки были своеобразными. Борис: «Лежачего не бьют». Я: «А если фашист?». Борис: «Это не драка — это война. Ты, Кисуля, не путай божий дар с яичницей. Когда я стыкаюсь с Лыской, то я ему врежу, как надо. А если он у меня завтра закурить попросит? Что? Не дам? Дам! Какой-никакой, а человек!» Я: «А фашист?». Борис: «А он не человек. Он, понимаешь, аксолотль (почему ему пришло на ум сравнение с этим земноводным, мне невдомек). Я его — и стоячего, и лежачего, и сидячего, чтобы мокрое место осталось».

Между тем, на нас медленно и неприметно, сквозь пропагандистскую шумиху, лживые заверения в дружбе и взаимопомощи, в которые верилось и не верилось, надвигалась большая война. Уже не так много времени оставалось до того момента, когда разойдутся наши фронтовые дороги, и мы с Борисом надолго расстанемся...

Это было в середине марта 1945 года. Я вернулся из института после лекции, и уже в парадном соседка мне сказала: «Сейчас по двору под руки провели Анну Ивановну, еле живую, кричит, уняться не может...». В сердце стукнуло — что-то с Борисом... Через две ступеньки — на их этаж. Длинная, коридором лестничная площадка, жму звонок три раза. Открывает соседка — на три звонка она никогда не отзывалась, хоть час звони, а тут как будто ждала.

— Где Анна Ивановна?

— Туда нельзя! Там, — она почему-то показала в темноту передней, — Борю убили...

В один из дней Победы, вероятно, это было в начале 60-х годов, меня как «друга Героя» пригласили в его школу. Пионерская дружина его имени, парта с никелированной табличкой: «Здесь сидел Герой Советского Союза Борис Николаевич Дмитриевский...». Выступления директора, старшего пионервожатого, шефов. Стихи, песни, рассказы (последние по материалам, присланным из его воинской части, о ратных подвигах Бориса).

Мои воспоминания скудные. Что я могу рассказать интересного школьникам? Когда мы расстались, мне было 17 лет (только что исполнилось). Помню, побе-

жал куда-то, где их собрали, уже остриженных, растерянных, бодрящихся, выискивающих глазами родных за заборчиком. Кажется, все происходило на улице Малые Кочки — такую вы на карте Москвы теперь уже не найдете. Через толпу родственников не мог протиснуться, окликнуть. Обошел вокруг. У высокого забора с противоположной стороны никого не было. Подпрыгнул, подтянулся, «выжался на прямые руки» и позвал Бориса. Он, как всегда немного вразвалку, чуть горбясь (уличное прозвище Горбач), подошел, с грустным удивлением бросил: «Кисуля! Приветик», и через секунду сидел рядом со мною, на режущем ребре плохо струганных досок забора. Под нами были круглые, как бильярдные шары, головы призывников, далее за заборчиком пестрела толпа провожающих. О чем мы говорили, не помню. Потом прозвучала команда — началось неумелое построение. Надо было прощаться. Мы первый раз в жизни с ним поцеловались, были, вероятно, смущены непривычным проявлением чувств. Он соскочил в гущу ребят.

Я через несколько недель тоже ушел в армию. Не об этом же расставании мне было рассказывать школьникам. К описанию его подвигов я ничего добавить не мог.

Маленькая девчушка подняла руку:

— А как учился Борис Николаевич?

Как учился Борька? Я посмотрел в окно. Там тогда, кажется, была лестница (куда она исчезла?), по которой я должен был забираться, чтобы бросить ему шпаргалку на экзамене по математике. Задачку во дворе ему решал математически одаренный приятель из параллельного класса, а мне предстояло заниматься доставкой...

— Борис Николаевич учился на «отлично». Только на «отлично»!

Пусть простят мне эту ложь! А как можно было тогда иначе? С девочкой, сидящей за партой героя? Есть в психологии понятие «социальные ожидания» — «экспектации». Бестактность — это нарушение «социальных ожиданий», их эрозия. Нужна ли ей была в тот момент эта правда? Девочке, родившейся через столько лет после войны, трудно было понять, что отличник учебы и герой войны — это понятия, не находящиеся в необходимом сопряжении. Она не знала, что в популярной до войны песенке звучало: «Когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой». Любой! Без оглядки на дневники, табели, записи в классных журналах и вызовы удрученных родителей на расправу к директору школы.

— А как себя вел Борис Николаевич Дмитриевский на уроках? — не унималась та же искательница истины, поглаживая никелированную табличку на завоеванной ею парте с именем моего друга.

— Он был дисциплинирован и организован.

(«Вот так-то, Владимир Михайлович! Хотите — казните, хотите — милуйте!» — из моего письма.) В самом деле, стоило ли в тот торжественный момент поведать о том, что эта школа была для Бориса уже третьей, поскольку он существенным образом расходился во мнении с педагогами в том, как следует соблюдать режим школьной жизни. Чувствую, что я вполне уподобился однополчанину Бориса «Андриевского», который вводил в заблуждение школьников выдумкой о том, как Герой Советского Союза в одиночку взял румынский город.

Вот уже 60 лет, как не стало Бориса Дмитриевского.

В 1962 году 1-й Зачатьевский переулок, на перекрестке которого с Курсовым переулком стоит наш старый дом, был переименован в улицу Дмитриевского.

Я никогда не писал лирических стихов. И вообще в моих поэтических поползновениях ни разу не обращался к серьезным темам. По-видимому, требовался эмоциональный стимул, своего рода толчок для написания стихотворения.

Это произошло после переименования 1-го Зачатьевского переулка.

Мы идем, друзей теряя,
Оставляя вехами в пути.
И невольно думаешь: кто знает,
Может лучших мне и не найти.
Отошли далеко годы детства.
Вспоминать о них легко и горько.
Жил тогда со мною по соседству
Паренек плечистый, друг сердечный — Борька.
Били нас и мы кого-то били.
Ссорились. Рассвет встречая,
Много спорили, по городу ходили,
Вот в такие, как и нынче, ночи мая.
Так сегодня бродят по Арбату,
Спорят, ссорятся, читают книжки,
Шумные московские ребята —
В сущности, такие же мальчишки...
А потом — воздушные тревоги
И повестки из военкомата.
Разошлись военные дороги —
Кто их знает, есть ли путь обратно?
Он писал мне письма-уголки
С тьмой цитат из Ильфа и Петрова.
Строчки стерлись. Буковки мелки.
Я их наизусть читаю снова:
«Я вернусь! Ты жди меня, Кисуля,
В переулках у Москвы-реки.
Не отлили на Бориса пули
И не отольют уже враги.
В Пруссии весна. На марше наша рота.
Я лишь погляжу сквозь смотровую щель,
Широки ли Бранденбургские ворота,
И последнюю накрою цель».
Он убит в немецком городке.
Танками прошитом на рассвете...
Той весной... Иду к реке
Переулком, где играют дети,
Где старухи кормят голубей
И наряд свой надевают клены,
Где всегда мне легче и трудней
Думать о судьбе, войной спаленной...
Но сегодня в блещущей эмали,
Чтоб оно в веках звучало гулко

Имя друга на дома подняли
Нашего родного переулка.
И мне кажется, что в карауле вечном,
Возле дома у реки, под горкой;
Над ребячьим гомоном беспечным,
Высится его «тридцатьчетверка».

У меня за многие годы образовалась привычка — проезжая по Остоженке, останавливать машину около булочной. Подходить к первому дому дорогой для меня улицы, несколько минут стоять, глядя на доску с именем Героя Советского Союза и потом медленно возвращаться.

Случилось мне как-то оказаться на Остоженке. На этот раз, завернув за угол, я остановился потрясенный — там висела табличка: «1-й Зачатьевский переулок». Уже не было памятной доски с именем Бориса. Зато осталась другая — с именем красногвардейца Петра Добрынина, погибшего в перестрелке с юнкерами.

Трудно передать охватившее меня чувство боли и возмущения. Я ведь и впрямь был уверен, что имя моего друга будет «гулко звучать в веках». Ан нет! Кто решился так надругаться над памятью Героя? Кто эти люди? Очевидно, они не обратили внимания, что есть по соседству еще два Зачатьевских переулка? Может, этого хватило бы для сохранения исторической памяти?

Кстати, что-то я не помню, чтобы с карты столицы исчезли Добрынинская и Октябрьская площади и другие символы «победившего» большевизма.

Неужели от «дома у реки, под горкой», где жил мой друг, снимется и уйдет в небытие его символический танк? Неужто на его месте «застынет в карауле вечном» красногвардеец, громивший из пушек стены древнего Кремля?

Приходится давать некоторые разъяснения, пусть не оправдывающие, но хотя бы что-то объясняющие. Краеведы прокомментировали: «Муниципальные власти приняли решение восстановить в пределах Садового кольца все старые названия». Казалось бы, мне следовало смириться, как бы это ни было тяжело. Однако чем тогда объяснить отказ от старого названия соседнего переулка — того самого Савельевского, о котором я писал. Теперь он называется улицей... Пожарского! Почему? Говорят, что где-то в этих местах стояло лагерем войско князя Пожарского. Странно, господа муниципальные советники!..

ГЛАВА 14

У подножья Парнаса

1. Факультет непризнанных гениев

Мне повезло. Последние три курса я завершал в Московском городском педагогическом институте. Литературный факультет, который я окончил, блистал именами светил филологии. Курс по Достоевскому читал Леонид Петрович Гроссман, автор книги «Бархатный диктатор». Высокий, с какой-то львиной осанкой, представитель движения дендизма начала 20-х годов, он не изменял своим привычкам и моде тех давних лет. Носил немыслимо узкие брюки, фетровые гамаши над лакированными штиблетами, замысловатый жилет, пиджак с покатыми плечами. Он ловко управлялся с тяжелой с серебряным набалдашником тростью. Рядом с ним невзрачный седенький старичок — профессор Николай Николаевич Гусев, в прошлом секретарь Льва Толстого. Удивительно добродушный, он не сопротивлялся злу насилием, и посему студентки вовсю шпаргалили на экзаменах и с его разрешения говорили ему «дедушка». Профессор Сергей Михайлович Бонди читал лекции по пушкинской тематике. Боготворивший Пушкина, он читал на лекциях самые фривольные места из «Гавриилиады», не замечая, как краснеют студентки, которые в те идиллические времена были неискушенны в эротической литературе. Вспоминаю, что величайшим лириком в русской поэзии после Пушкина он считал Сергея Есенина, что при официальной тогдашней трактовке Есенина как преимущественно «кабацкого поэта» звучало достаточно смело. О каждом из наших профессоров можно рассказать много интересного. Ограничусь прямым перечнем имен, который тогда вызывал зависть у филфака МГУ: А. Б. Шапиро, Р. И. Аванесов, Г. О. Винокур, В. И. Сидоров, В. Г. Орлова, М. Б. Эйхенгольц, Г. А. Гуковский, А. И. Ревякин, А. А. Исбах, Е. Б. Тагер, Б. В. Томашевский. Нет, всех не перечислишь.

Но, пожалуй, самой колоритной фигурой на факультете был Александр Александрович Реформатский. Он тогда казался нам стариком. Как сейчас я понимаю, было ему не более 45 лет. Его рыжая, как говорят «кляузная», бороденка, железные очки и чуть сгорбленная фигура наводили страх на студенток. Теперь знаю, что он один из наиболее ярких представителей российского языковедения. Но тогда он был известен лишь как автор популярного учебника и славился как лучший лектор. Главное же — как невероятно ехидный и острый на язык насмешник. Его оценки особенностей внешности и интеллекта студентов и преподавателей передавались из уст в уста и разили наповал. Помнится, глядя вслед уходящей от экзаменационного стола длинноногой, но умом не блиставшей студентке, он сказал вполголоса, но достаточно громко: «Все поганки на тонких ножках». Как было не трепетать перед ним!

Я был у Александра Александровича на хорошем счету. Дело в том, что мне удалось успешно, на «отлично» сдать экзамен по первой части читаемого им курса. Второй экзамен предстоял в июне. А я, как назло, перед ним закрутился. Как бы это сказать помягче... Ну, скажу так — по молодым и явно далеким от учебы сугубо личным делам.

Второй экзамен я поехал сдавать, пытаясь постичь лингвистические премудрости путем чтения чужих конспектов в трамвае. Буду откровенен, тройку, первую и последнюю в моей зачетной книжке, Реформатский, посмеиваясь в бороденку, мне явно натянул.

Вот с этого времени начались мои муки. Я защитил кандидатскую диссертацию. Общие знакомые рассказали об этом Александру Александровичу.

— Вот интересно, троечник стал кандидатом наук! Ну и времена!

Прошли годы — я стал доктором психологических наук.

— Доктор и даже профессор? Если бы видели, как он плавал у меня на экзамене!

Избрали меня сначала членкором, потом академиком. Та же реакция («Сидел на экзамене красный как рак», «как он у меня тогда потел» и т. д.).

Надо заметить, что я не видел Реформатского со дня выпускного вечера в 1947-м, хотя жил он неподалеку от меня. И вот однажды, через тридцать лет после того выпускного бала, я увидел на платформе станции метро «Аэропорт» знакомую, но еще больше сгорбленную фигуру. Он! Несомненно, он! Ни на минуту не задумавшись, я петушком забежал перед ним. Потупившись, сказал:

— Александр Александрович! Когда можно прийти к вам пересдать вторую часть по курсу языкознания?

Не было даже паузы, реакция была мгновенной:

— Ну кто такие пустяки вспоминает, Артур Владимирович!

И опять знакомая ухмылка в уже совсем поседевшую бородку.

Встреча наша была незадолго до его кончины. Но общие знакомые успели мне рассказать, что старый профессор остался доволен:

— Он подходил ко мне, просил, чтобы я у него экзамен принял...

Одним словом, простил меня Александр Александрович Реформатский. С опозданием на треть столетия, но простил...

Иметь таких профессоров и не чувствовать себя чем-то большим, чем студентом скромного литературного факультета Мосгорпединститута, было каждому из нас просто непосильно. Скоропостижная смерть от внезапно нахлынувшей скромности ни разу нам не грозила. Боюсь, что мы все-таки плохо знали русскую литературу, хотя и учились на факультете, который предполагал, что мы овладеваем ею в должной степени успешно. Между тем, неплохо было бы заглянуть в ее историю и понять, что самооценка писателей и тот балл, который они себе выставляли лично, зачастую не имели ничего общего с тем, что было записано в «книге судеб» российской словесности.

Если собрать и воспроизвести то, как характеризуют свое творчество сами великие мастера пера, то зачастую просто берет оторопь.

Правда, не без исключений. Как не вспомнить строчки того, кто претендовал на звание «Короля поэтов»: «Я гений Игорь Северянин, своей победой упоен, я повсеградно оэкранен, я повсесердно утвержден». Но, повторяю, это всего лишь

исключение. А быть может просто эпатаж, с которым нам еще придется столкнуться немного позднее.

Позволю себе вернуться к фактам общеизвестным. Лев Николаевич Толстой, как сообщают его биографы, весьма неодобрительно относился к таким великим произведениям, как «Война и мир» и «Анна Каренина», и, по-видимому, считал, что если бы он написал еще один букварь или книжку для деревенских ребят, российская культура была бы удовлетворена в большей степени, нежели знакомством с произведениями, которые он считал сомнительными по своей ценности, а то и просто плохими.

Однако уникальный пример критического отношения к собственному творчеству продемонстрировал Антон Павлович Чехов. Хотя я и не отношу себя к числу литературоведов, которые считают более ценными комментарии к Шекспиру, нежели сами произведения великого драматурга, однако чтение комментариев всегда казалось мне неинтересным, особенно это относилось к полному собранию сочинений Чехова. Когда я прочитал книгу Корнея Чуковского, где анализируются именно комментарии к произведениям Чехова, все стало ясно. Кроме одного — мотивов этого самоосуждения. Однако позволю себе процитировать Чуковского: «рухлядь», «дребедень», «ерундишка», «жеваная мочалка», «канифоль с уксусом», «увесистая белиберда». Даже изумительная «Степь», этот — после Гоголя — единственный в мировой литературе лирический гимн бескрайним просторам России, и та названа у него «пустячком», а о ранних произведениях Чехова, о таких, как «Злоумышленник», «Ночь перед судом», «Скорая помощь», «Произведение искусства», которые нынче вошли в литературный обиход всего мира, объявлено тем же презрительным тоном, что это рассказы «плохие и пошлые...».

Такова была самооценка великих писателей. Еще раз повторю: что-то не припоминаю ничего подобного в нашей студенческой среде.

Я хотел стать писателем... В этом желании был не одинок. Десятка полтора парней с недавним военным прошлым, которые пришли на преимущественно девичий литфак городского пединститута, вероятно, в этом отношении от меня не отличались. Только что кончились бои. Все были переполнены виденным, ребята побывали в Европе, которая до этого времени казалась недоступнее Луны. «Будь здорова, красавица Польша! Ты опять Посполитая Речь! Не пылают пожарища больше, да и нечего, кажется, жечь...» — читал нам свои стихи покалеченный войной однокурсник. Впечатления переполняли нас, просили вылиться на бумагу. Тем более поблизости были заманчивые образцы.

Недалеко от Гранатного переулка, где находилось главное здание нашего педвуза, располагался Литературный институт ССП. Обедали мы в одной и той же студенческой столовой близ Пушкинской площади.

Вспоминаю, окончив обед, встал и вышел из-за стола мой «визави». Студент пединститута, сидевший рядом со мной, тихо спросил: «Знаешь, кто этот парень? — не дожидаясь ответа, добавил: — Это Немка Мандель». И после паузы: «Он — гений!»

Я посмотрел вслед гению, который с кем-то задержался в дверях, — плоское, как будто смазанное маслом лицо, какая-то не то кацавейка, не то капотка. Ничего вдохновенного я в нем не заметил. Теперь я понимаю, что у моего собеседника были для такой оценки Наума Коржавина (Манделя) веские основания.

В столовой я встречался и с другими восходящими звездами заманчивого писательского мира. Было немного досадно, что им открыта прямая дорога в литературу.

Однако это не было завистью — мои товарищи были достаточно самоуверенны, чтобы не сомневаться в своем конечном успехе. В ожидании этой счастливой поры пока самоутверждались на факультетском уровне. Буквально любое событие становилось поводом для литературных упражнений — эпиграмм, пародирования, розыгрышей, иногда, кстати, небезобидных.

Как-то раз очередной жертвой стал мой приятель Морис Ваксмахер (в последующие годы литературовед и переводчик французских и бельгийских писателей). Мы, что называется, «всем колхозом» сочинили бесхитростно-детское стихотворение и послали его в «Пионерскую правду» за подписью Мурик Ваксмахер. Там, ничтоже сумняшеся, стишок напечатали и безвинный «автор» был долго предметом подтрунивания и шуток.

Надо отдать должное Морису — он смеялся вместе с нами. Бывало и по-другому. Я позволил себе написать эпиграмму на сокурсника: «Александр Поликанов. Биография — роман! Среди наших графоманов — Самый главный графоман».

Саша обиделся. Причем, если верить злым языкам, главным образом за то, что автор этих строк будто бы намекал на его принадлежность к графскому сословию...

Во второй половине дня в нашем помещении занимались студенты-вечерники. Помню, как-то утром, придя на занятия, я увидел около стенгазеты «Голос Вечерника» хохочущую толпу. Протолкавшись к предмету всеобщего внимания, я понял, в чем дело.

В стенгазете было напечатано поэтическое произведение студента Я. Заборова. Воспроизведу его:

Остря коньки, вздымая лыжи,
Влезая в теплые штаны,
Я в них веселием забрызжу,
Как молодежь моей страны.
И, пожирая километры,
Студент, а завтра педагог,
Готов я спорить с бурей, ветром,
Где б враг меня не подстерег.

Боже, что тут началось! Вся стенгазета оказалась обрамлена листочками, эпиграммами и пародиями. Одни «защищали» стихотворца:

«Не удостоит он ответом...
Какое наводненье слов!
Что вы хотите от поэта?
Чтоб был на лыжах без штанов?»

Другие «восхваляли»:

«Останется в веках фамилия Заборова —
Прославлены штаны его, как пифагоровы» (каюсь, мои вирши).

Только подумать! Тяжелые, полуголодные послевоенные годы, гнетущая политическая атмосфера, постоянные разоблачительные кампании — то «критиков-антипатриотов» шельмуют, то генетиков, то «антипавловцев», то последователей академика Марра, то Зощенко и Ахматову смешивают с грязью! Аресты, расстрелы — «ленинградское дело», убийство Михоэлса, борьба с «безродными космополитами»... И никуда от этого нельзя было деться. Между тем молодость брала свое, юмор не иссякал, смех заглушал страх.

Помню, как у одного из нас в 47-м году возникла «умная» мысль. Пусть студенты разных факультетов образуют неформальный «семинар» и поделятся с коллегами знаниями, которые тем недоступны. Прекрасная идея! Собрались как-то у Мориса Ваксмахера, чтобы обсудить этот проект. Не передать, как волновалась его мать, как она пыталась повернуть это обсуждение так, чтобы оно выглядело дружеской студенческой пирушкой, а не опасным сговором. Она была старше и умнее, и понимала, что за столом наверняка сидит «сексот» и не один. Чудом эта затея нам благополучно сошла. Впрочем, семинар так и не состоялся...

Как это очевидно, ни стихи в стенгазете, ни публикации в многотиражке, ни записочки с эпиграммами не могли удовлетворить авторские амбиции литфаковцев. Всех одолевала «благородная страсть печататься». Не обошла она и меня.

Вдвоем с моим другом Яшей Пруписом мы сочинили детектив со всеми полагающимися атрибутами этого вечно популярного жанра. Здесь было убийство, совершенное весьма замысловатым способом, и, разумеется, шпион и таинственное исчезновение героя. Все, как положено. Назвали повесть «Синий дьявол» и понесли в редакцию газеты «Красный воин», трепеща от страха, что прогонят. Ответственным редактором газеты был полковник Валерий Алексеевич Косолапов. В дальнейшем его назначили вместо Твардовского главным редактором «Нового мира» и поэтому историки литературы к нему, вероятно, добрых чувств не испытывают. Что до меня, то я вспоминаю его с симпатией. Он не только согласился напечатать наше сочинение, но даже сказал секретарю, чтобы договор был напечатан на роскошной бумаге. Остался недоволен прилетом «синего дьявола» лишь заведующий литотделом газеты Анатолий Зеленяк. Печатаясь из номера в номер, мы «съедали» скудную долю гонорара, который был «положен» литотделу. Он безжалостно резал, сокрушал наш текст, стремясь выкроить газетную площадь для своих стихов. Мы ему отомстили как школьники.

Краткое содержание предыдущего. Ночью с аэродрома около города Картова поднимается самолет без экипажа. Сержант Лисовский встречается в лесу с человеком в маске. Неизвестный требует, чтобы сержант сообщил ему место расположения координирующей радиостанции «Синего дьявола». Сержант сначала отказывается, но, испугавшись угрозы неизвестного, что-то говорит ему на ухо. Их разговор подслушивает человек, спрятавшийся под обрывом. В парикмахерской военного городка бреются трое: Лисовский, боец Бурденюк и ефрейтор Морозов. Выйдя на улицу, Морозов прощается с Лисовским, причем его кольцо слегка царапает ладонь сержанта... Лисовский приходит в кабинет следователя Снегирева и, не успев ничего сказать, умирает... Выяснено, что Лисовский отравлен.

Как-то Яша позвонил ему и, изменив голос, быстро сказал: «Кудреватые митрейки, мудреватые кудрейки, кто вас, к черту, разберет!» и поскорее бросил трубку. Поясняю эту цитату из стихотворения Маяковского. Литературный псевдо-

ним у Зеленяка в те прежние годы был Кудрейко. Именно о нем и о другом поэте (Митрейкине) столь неуважительно написал Маяковский.

Повесть была напечатана. На первый литературный гонорар я купил на «толкучке» почти новый костюм, непризнанные пока «гении литфака» поздравляли и удивлялись нашей прыти. Вполне понятно, что мы немедленно написали новую повесть с не менее закрученным сюжетом и отнесли ее в журнал «Красноармеец». Наше творчество оценили благосклонно, обещали напечатать. Дорога на вершины Парнаса уже, казалось, была нами проторена. Однако мечтам не суждено было сбыться. «Историческое» постановление ЦК партии о журналах «Звезда» и «Ленинград», заклеймившее М. Зощенко и А. Ахматову, как это ни странно, оказалось фатальным для двух возомнивших о себе студентов. Последовало указание изъять из журналов «безыдейные произведения». Необходимо было отчитываться в успешной чистке редакционных портфелей. Нам сообщили, что наша рукопись как «безыдейная» удаляется из числа готовящихся к публикации. До сих пор не знаю, почему другие детективные опусы оказались более идейными. Скорее всего, дело было в статистической отчетности — надо было докладывать «наверх» о количестве рукописей, отнесенных к разряду запрещенных.

Мы сделали еще одну попытку проскользнуть в заманчивый писательский мир. Повезло — нас пригласил в гости к себе в Лаврушенский переулок Валентин Катаев. Собственно, приглашение было связано с заказом газеты написать о нем очерк. Вскоре этот очерк появился на страницах газеты «На боевом посту» под названием «Я сын трудового народа». Было бы место в этой книге, его стоило бы перепечатать, поскольку там было многое такое, о чем понятия не имел «широкий читатель» как тогда, так и сейчас. Но гораздо интереснее было то, что в газету не попало, да и попасть не могло: мы, вероятно, одними из первых услышали рассказ о том, как Валентин Катаев инициировал написание романа «Двенадцать стульев». Многое узнали: и то, что общий замысел поисков драгоценностей, зашитых в стуле, принадлежал Катаеву, но появление «милого жулика» Остапа Бендера им не было предусмотрено; что, как считает наш собеседник, прототипом «великого комбинатора» был брат одесского поэта Фиолетова, остроумный молодой человек авантюристического склада характера; что в соавторстве романа наряду с Ильфом и Петровым был не только Валентин Катаев, впрочем, от этой чести великодушно отказавшийся, но и некто четвертый — кто, хозяин дома нам не сказал, но, как я потом выяснил, это был, очевидно, Юрий Олеша. Фраза Паниковского, одного из персонажей «Золотого теленка», который распределял на троих — Бендеру, Балаганову и себе — украденные у подпольного миллионера деньги: «Какой может быть Козлевич, когда делят деньги», отдаленно напоминает пояснение причин исчезновения идеи о четвертом виртуальном соавторе «Двенадцати стульев». Кстати, в те времена, когда мы были визитерами у знаменитого писателя, о романах Ильфа и Петрова лучше было вообще не вспоминать. Они не проходили по категории «антисоветские произведения», но и в рамки «социалистического реализма» никак не вписывались. Дипломная работа одного из студентов филфака МГУ, посвященная творчеству великих сатириков, окончилась скандалом и чуть ли не отчислением из университета.

Однако разговор с Катаевым шел не только на литературные темы. Так, он рассказал, как на фронте подружился с летчиком, летавшим на истребителе. Выпили

они однажды больше, чем следует. Можно сказать, «перепили», что, как поясняют «специалисты», означает: выпили больше, чем могли, но меньше, чем хотели. Старший лейтенант, оставив на полу землянки пустые бутылки и стаканы, повел Катаева к своему истребителю, помог забраться в кабину стрелка-радиста, дал в руки турель пулемета и сказал:

— Сейчас поднимемся в воздух, увидишь какой-нибудь самолет — стреляй!

— А если это наши?

— Стреляй, говорю, все равно не попадешь!

Когда мы собрались уходить, получив необходимый материал для очерка о писателе, хозяин, задержав нас в передней и хитро улыбнувшись, спросил:

— Хотите, я дам вам сюжет, как когда-то Илье и Жене — напишете повесть.

Мы «дали маху», растерялись, и предложение повисло в воздухе.

Так завершилась моя «литературная карьера». Я решительно свернул на иные пути, обратившись к психологии, которой профессионально занимаюсь по сей день. Может, оно было к лучшему.

Не могу не заметить, что все-таки стали писателями многие из тех, о кем я учился, сотрудничал в многотиражке, занимался в кружках: Морис Ваксмахер, Александр Говоров, Александр Аронов, Александр Иванов (известный мастер пародии), Юрий Айхенвальд.

2. Опасный жанр

У каждого, кто участвовал в наших частых литературных посиделках на факультете, был свой излюбленный жанр. При этом все (кроме меня) предпочитали лирику, однако она входила, если можно так сказать, в «обязательный ассортимент». Лева Геллерштейн поэтически прощался с былым увлечением мистическим символизмом:

Я тоже ждал Прекрасной дамы
В багровой тусклости лампад,
Я бился о решетки храма,
Моля бессмысленно, упрямо,
Чтоб дивный «соловьиный сад»
Вдруг отдал мне зарытый клад...
Напрасно! Повернув назад,
Я, пораженный, встретил прямо
Мне посланный спокойный взгляд.
И хлынул буйный водопад
Червонным звоном жизни самой.
Так смыт был золотым потоком
Туманный мир, рожденный Блоком.

«Золотой поток» лирики молодых дарований буквально хлестал на наших вечерах самодеятельности. Повторю, лирические вирши — такой же неустранимый атрибут юности, как и склонность к воспоминаниям в старости.

Что же касается индивидуальных предпочтений, то тут было величайшее многообразие. Один мой однокурсник «специализировался» на сатирических портретах отрицательных типажей («бюрократ», «подхалим», «спекулянт» и т. д.), другой строчил фронтовую прозу в духе Хемингуэя. Еще один поражал друзей сатирической откровенностью: «На свет я родился в то время как папа, служа в губпродкоме, порядочно хапал, но, с детства ученый тащить безвозбранно, я все еще честен... Как странно! Как странно!»

За собой я закрепил право работать в жанре литературной пародии. Только теперь осознаю, что конкретно меня на это подвигло.

Психология творчества — одна из наименее развитых отраслей науки.

Пусковой механизм, включающий творческий процесс, — это эмоциональный толчок, часто не до конца осознаваемый мотив, с которого все начинается. Вот отчего так трудно писать «по заказу» — нет тех эмоций, которые ведут и влекут к открытию в себе еще не познанного, но уже ощутимого едва ли не физически. Может, и не надо поддаваться этому «зуду» — не таким ли путем вырастают графоманы? Но, сознаюсь, не устоял.

Очевидно, это было так. В подвале Политехнического музея был вечер молодых поэтов. Мои литфаковцы, конечно, не упустили случая приобщиться к писательской поросли с Тверского бульвара...

Итак, сводчатые потолки. Комната переполнена. Юноша (помнится, это был Владлен Бахнов) читает стихи. Он взялся продолжить знаменитую поэму Иосифа Уткина «О рыжем Мотэле»... Герой поэмы на фронте, он воюет с гитлеровцами, он наш современник. Здорово! Поэту аплодируют. Встает Семен Гудзенко, быстрый в движениях, на груди две очень длинные орденские планки. Нет, он не в восторге от поэмы:

— Чего же хорошего в подражании? У нас в ИФЛИ, — в голосе звучит гордость за свой ставший легендарным институт, — каждый мог писать под кого угодно: хочешь — под Маяковского, хочешь — под Сельвинского, хочешь — под Тихонова. Так ведь не писали же! Свой голос надо пробовать!

Семен Гудзенко. Статный, ладный... Был он старше меня года на два. Трудно тогда было поверить, что он вскоре напишет: «Мы не от старости умрем — от старых ран умрем». Так оно, однако, и случилось через несколько лет.

Вокруг него после окончания вечера была толпа студентов. На вопросы он отвечал скупо, неохотно. Я протиснулся вперед и спросил:

— Ты сказал подражать в поэзии не дело? А как быть с пародиями — они-то зачем?

Он явно разозлился — уж очень неуместным ему показался вопрос. Однако, быстро оглядев меня и по некоторым понятным для фронтовика приметам опознав во мне недавнего солдата, сказал:

— Ты, браток, чушь городишь! Что за вопрос? Пародия — жанр уважаемый. Я за одного пародиста Архангельского пять оригинальных поэтов не пожалел бы отдать, — впрочем их имен он не назвал, — пародия позволяет схватить особую стилистику писателя. Это требует умного анализа, проникновения в лабораторию творчества. А смех, который пародист вызывает, — это акцент, привлекающий внимание читателя к поэту. Я был бы рад, чтобы меня пародировали. Это означало бы, что у меня есть то, чего нет у других.

Фактически Семен Гудзенко меня благословил на написание пародий, сам об этом не подозревая.

Вернувшись домой, я, не откладывая, засел за сочинительство. Вполне понятно, что первой моей «жертвой» стал все тот же Иосиф Уткин.

Тут я должен принести извинения читателям. Я уже в солидном возрасте и, вероятно, ныне сюжет для пародий выбрал бы более благопристойный. Но тогда мне было двадцать два года. Какую особую благопристойность можно было ждать от юности, раскованной и, скажу «высоким штилем», готовой пройти по жердочке приличий над пропастью нескромности? Одним словом, сюжет был избран весьма фривольный. Увы, но это так.

Я как раз только что прочел «Восстание ангелов» Анатоля Франса и оттуда выбрал фразу: «Как приятно сжимать тебя так! Кажется, что у тебя вовсе нет костей!».

Вот как этот пассаж прозвучал бы у разных писателей. Я выбрал тех, кто имел свой неповторимый литературный голос: Маяковского, Багрицкого, Тынянова, Уткина, Пастернака, Симонова и других.

Не думаю, что надо уж слишком обильно цитировать того самого юнца, позволившего себе пародировать выдающихся писателей. Чем это для меня кончилось? Об этом будет сказано далее...

Итак, возвратимся к фразе из романа Анатоля Франса. Я попытался представить себе, как бы об этом написал вдохновивший Владлена Бахнова поэт Иосиф Уткин:

Жизнь — одна минутка, где в секунду год.
Мотэле — это ж не шутка! — двадцать второй идет.
И это должно случиться (как ни держи фасон),
Но в женщину или девицу ты-таки будешь влюблен.
И он влюбился сразу — платил за Цилю в кино!
И вскоре выдавил фразу: «Будьте моей женой!»
Женой так женой! Представьте, Мотэле свадьбу играл
И что же? Себе на горе! Ночью вышел скандал.
Жена расплылась, как тина, обиженно вопия:
Что ты сделал с периной?! Я же! Вот она я!..

Обращение к прозе замечательного писателя Юрия Тынянова — автора книг «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара» породило такие строчки:

«Грибоедов сел на пеструю тахту. Цвет был нагл — это он определил сразу. А хозяйка? Улыбалась неопределенно, качала ножкой, обутой изящно. Молчала. Задумался. Вспомнился Туркманчайский трактат — и тогда неудача. Впрочем... он дипломат. Вазир-Мухтар — говорят на Тегеранском базаре, но он ценит стратегию. Диспозиция, как у Паскевича: глубокий обход и части соединились. После победы благожелательное спокойствие и немного усталость. Почему-то вспомнилась лысина Фаддея Булгарина. Улыбнулся спокойно, философически. Повернувшись набок, задел соседку. Локоть ушел наполовину, как в тесто. Костей не было. Эх, Рассея!»

На вечере студенческой самодеятельности я рискнул прочитать эту и некоторые другие пародии. Принимали их хорошо — все-таки это был литературный фа-

культет. Стилистика стихов и прозы, которая моделировалась пародиями, была более чем известна.

Однако без неприятностей не обошлось. Последним в моем выступлении было обращение к творчеству Владимира Маяковского:

Похоть в глазах
кружит
карусель.
Сердце набатное,
стихло бы!
А тело размякло
И стало кисель
Возьми
и ложкой выхлебай!

Я еще упивался поощрительными аплодисментами, когда ко мне подошел однокурсник, распорядитель вечера, и встревоженно сообщил, что со мной хочет поговорить Усов. Это был преподаватель с кафедры истории партии, который «пас», точнее, курировал литфак по поручению парткома института. Я вышел за ним в коридор.

— Это хорошо, — сказал наш наставник, — самодеятельность, стихи и песенки разные. Но вы, вероятно, забыли, что сказал товарищ Сталин о Маяковском. Помните?

Я заученно отчеканил:

— Маяковский был и остался величайшим поэтом нашей эпохи!

— Вот видите! Вы это помните. Так зачем же его перекривлять? Прочитали бы что-нибудь из «Хорошо!» или «Во весь голос» — декламировать вы же можете. А то какие-то хаханьки. Несерьезно это. И почему вы всякие непристойности этого, как его, Анатолия Франса, выбрали? Что, других настоящих писателей во Франции не было? Вот, например, Дюма, Гюго...

Он наморщил лоб, вспоминая фамилии французских писателей. Судя по паузе, он, вероятно, хотел назвать Мопассана, но поостерегся. Наконец, его осенило: «Бальзака взяли бы. Его Маркс хвалил». Тут он окончательно запутался — получалось, что он советует мне «передразнивать» писателя, одобренного классиком марксизма. Посему назидание он закончил словами: «Я думаю, с вами поговорят на партбюро литфака».

Почему-то со мной не поговорили, и таким образом мне не пришлось расплачиваться за приверженность к подозрительному, «опасному» жанру.

Как бы то ни было, но охоту к написанию пародий у меня, очевидно, отбили. Лет, примерно, 25–30 я к ним не обращался. Однако где-то в середине 70-х годов у меня возникла потребность в их возвращении в мое неформальное творчество, и не было рядом никого, способного остановить эти поползновения.

В одной из зарубежных поездок я, вернувшись с заседания в свой гостиничный номер, включил телевизор. На экране был мультипликат рекламного свойства. По-видимому, какая-то обувная фирма рекламировала свою продукцию с помощью шуточного пересказа истории Золушки, потерявшей на балу свой изящный

башмачок. Делать было нечего. Спать не хотелось. Я подошел к окну. Через улицу высилась темная в этот поздний час громада театра «Одеон». Цепочки автомобильных огней заворачивали за угол в сторону Люксембургского сада. Я присел к столу и написал, как мне тогда казалось, последнюю в моей жизни пародию. На этот раз не в стихах, а в форме литературного сценария для телевизионного рекламного фильма.

Возьму на себя смелость привести ее в этой главе.

КОЗЛИНЫЕ СТРАСТИ

Поп-музыка. Наплывом – крыльцо бабушкиного дома. На крыльце бабушка, секс-бомба – 27–29 лет (размеры: 90–60–90). Пантомимой показывает, что козлику не следует идти в лес – там волки. Козлик упрямо трясет мушкетерской бородкой – ему не страшен серый волк (музыкальные реминисценции из диснеевского фильма). И ему надоела бабушка. В лесу он найдет кого-нибудь помоложе. Уходит. Крупным планом обтянутый серыми джинсами зад козлика. Камера надолго задерживается на ярлыке «Леви-Страус» и затем снова возвращается к бабушкиному двухэтажному особняку, который теперь полностью вмещается в кадр. За кадром бархатный баритон:

– Неплохая у старухи лачуга... Шестнадцать комнат, восемь ванных, винный погреб, бар, подземный гараж на три машины. Точно такой же дом, всего за 750 тысяч долларов построит для вас фирма «Бразерс энд систерс Мартинс».

Козлик, пританцовывая на дорожке, достает пачку сигарет. Крупным планом обертка «Кэмэл». Стоп-кадр. За кадром бархатный баритон:

– Даже козлу понятно, что курить надо «Кэмэл» – лучшие сигареты в мире – гарантированное продление жизни!

Снова крыльцо бабушкиного дома. Бабушка что-то объясняет свирепому серому волку в красной турецкой феске, мстительно ухмыляясь, показывает на удаляющегося беззаботного козлика.

Козлик галопирует по лесу (тревожная нота скрипки). Появляются пять вооруженных до зубов волков. Приемы карате, джиу-джитсу, мелькают ножи. На протяжении десяти минут экранного времени козлика разделывают как в мясной лавке. Остаются рожки да ножки и (крупным планом) целехонькие джинсы «Леви-Страус».

– Опоздал козел застраховать свою жизнь в компании «Скаундрэл энд скаундрэл». Остались бедные козлята без цента, – скорбит бархатный баритон.

Снова бабушкино крыльцо. Бабушка обнимает другого козла в синих джинсах «Леви-Страус» (ярлык – крупным планом). Но к дому уже подходит шериф со звездой и кольтом. За ним – в наручниках пять волков. Они несут вещественные доказательства преступления бабушки – рожки да ножки серого козлика.

Наплывом – титры: КОНЕЦ.

Когда поздним вечером в пустом гостиничном номере рождалась пародия, я, разумеется, не предполагал, что она может когда-нибудь пригодиться для практического использования в рекламных целях. До перехода к рыночной экономике оставалось 20–25 лет. И реклама тогда еще не шагнула на наши телеэкраны. Поэтому телевизионное шоу «Козлиные страсти» я безвозмездно предлагаю как образец «чистого искусства» в рекламном деле.

3. В парке Чаир распускаются розы, а на Чукотке — метель. Юрий Домбровский

Последние 15 лет я предпочитаю отдыхать в нашем старом доме и старом саду в ныне зарубежном городке около Харькова. Мне удобнее там хотя бы и потому, что я могу свободно писать книги и статьи, которые не успел либо начать, либо закончить в рабочее время в течение года. По-иному было в прошлом... Как правило, я отдыхал в санаториях и домах отдыха. Примечательно, что «кастовый подход» в советской стране нигде не давал так о себе знать, как в местах отдыха трудящихся. Между различными социальными стратами здесь были проложены четкие демаркационные линии. То, что было положено совпартноменклатуре, ни в коей мере не было доступно «господствующему классу» — пролетариату. Так как мне случалось побывать (и не один раз) по обе стороны этих границ, я могу говорить об этом вполне обоснованно. 4-е главное управление Минздрава СССР имело бесчисленные санатории и дома отдыха для сотрудников правительства. Не отставало от него Управление делами ЦК КПСС. А дальше были ведомственные санатории и иные места отдыха Комитета госбезопасности, руководства ВЦСПС и прочих влиятельных организаций. Здесь действовала странная административно-математическая закономерность.

Дело в том, что внутри правительственных домов отдыха и санаториев устанавливалась жесткая иерархия, соответствующая служебной лестнице, на которой находился тот или иной отдыхающий. Так, пару раз я проводил свой месячный отпуск в доме отдыха «Красное знамя», недалеко от Мисхора. Вообще-то «девичье имя» этого места было «Дворец Дюльбер», именно отсюда в первые послереволюционные месяцы отплыли на корабле последние члены императорского дома Романовых, навсегда покинув родину.

В «Красном знамени» отдыхал средний «комсостав» партийных органов: секретари райкомов, заведующие отделами обкомов партии, вторые и третьи секретари обкомов комсомола, редакторы областных газет и им подобные. А напротив нашего дома отдыха раскинулась за неприступной оградой на громадной территории летняя резиденция секретаря ЦК КПСС Кириленко. Это был знаменитый парк Чаир. С давних пор у меня в памяти застряли слова романса:

> В парке Чаир распускаются розы,
> В парке Чаир сотни тысяч кустов...

Вот эти розы нюхал и между этими тысячами кустов бродил товарищ Кириленко.

Как видите, классовый принцип сказывался и на вершине государственной власти. Вместе с тем местам отдыха, предназначенным для «слуг народа», был свойствен своеобразный «демократизм», правда, не лишенный корыстной целесообразности. Так, в правительственных санаториях имел право отдыхать обслуживающий персонал аппарата правительства, а также сотрудники тех же санаториев и домов отдыха, правда путевки они получали, разумеется, не для того, чтобы нюхать розы в парке Чаир или бродить по ухоженным дорожкам «Оре-

анды» или «нижних дач» в Ливадии. И вот тут-то и начинала действовать математика административной закономерности: по мере увеличения числа «обслуги» (слово «прислуга» считалось неприличным и присущим только «проклятому царскому прошлому») должно было пропорционально увеличиваться число мест отдыха. Соответственно возрастало количество обслуживающего персонала в этих местах отдохновения. По-видимому, данный процесс в качестве предела должен был иметь бесконечность.

Честно говоря, мне нравился комфорт этих курортных поселений. Было бы лицемерием это отрицать. Но кое-что не могло не раздражать. Во-первых, на моей и моей жены курортных карточках в правом углу стояли жирные буквы «н/к», что означало — «не контингент», т. е. то, что говорило о нашей непричастности к партгосэлите. Я как вице-президент АПН СССР получал доступ в райский уголок Южного берега Крыма «в порядке исключения» и за полную стоимость путевок. Это не могло не сказываться на отношении персонала к «чужаку». Впрочем, для нас это не было сколько-нибудь принципиально важно. Хуже было другое — удивительно тоскливое человеческое окружение. Именитые курортники за столом ли, на пляже ли старались как можно меньше говорить, а тем более высказываться по какому-либо поводу, выходящему за обсуждение температуры воды, в качестве десерта — расписание киносеансов, морских и пеших прогулок и других столь же «интересных» сюжетов для общения. Складывалось впечатление, что они опасаются даже не столько нас (н/к), сколько товарищей по работе в партийных органах. Было просто скучно.

Не могу не вспомнить по этому поводу несколько легкомысленный анекдот.

Вернувшись по осени в свое учреждение из разных курортных мест, три приятельницы делятся своими южными впечатлениями. Первая побывала в цековском санатории и рассказывает: «В день приезда я познакомилась с одним очень славным, средних лет, мужчиной. И уж так случилось, что в эту же ночь мы оказались вместе. А потом, представьте, оставшиеся 23 дня он ходил за мной и просил только о том, чтобы я нигде, никогда и никому не рассказывала о его единственном в партийной биографии аморальном поступке».

Вторая поведала, что она познакомилась с приятным молодым человеком, сотрудником «органов». К ее удивлению, до самого конца срока, при том, что он был явно в нее влюблен, никаких проявлений активности, кроме двух-трех беглых поцелуев в темной южной ночи, не было. И только в последний день он радостно ворвался в ее одноместную палату и, размахивая какой-то бумажкой, вскричал: «Катюша! Все в порядке, нам все можно. Твоя проверка (там, где нужно) благополучно завершилась!!!»

Третья приятельница побывала в обычной профсоюзной здравнице. Уже в приемном отделении она познакомилась с шахтером Васей. В последний день их курортного сезона Вася вышел на балкон в ее комнате и удивленно воскликнул: «Нюрка, смотри, оказывается, здесь море!»

Анекдот есть анекдот, но суть курортных ситуаций он передает довольно точно. Вот почему я всегда предпочитал пусть не столь комфортабельные, туристские лагеря московского Дома ученых или же дома творчества актеров, кинематографистов.

Неподалеку от прибрежного черноморского городка Джанхота мы жили с дочкой в палатке, вокруг которой весьма свободно ползали змеи и иная южная живность, но зато рядом, в такой же палатке и тоже с дочерью, размещался один из крупнейших математиков страны, создатель «теории групп» профессор Курош. Ходили мы с ним гулять в одеждах, если это можно назвать одеждами, которым позавидовали бы парижские и лондонские хиппи. В турлагере от ученых респектабельности отнюдь не требовалось, и стесняться никого не надо было. Мы устраивали вечера юмора, писали друг на друга эпиграммы. Для Куроша я подготовил такую:

В Москве он «спец по части групп».
В Джанхоте крутит хула-хуп.
В Париже он — эстет, гурман.
В Джанхоте форменный Тарзан.

Ученые по очереди дежурили на кухне, подавали на стол, ухаживали за обедающими. И, как мне казалось, похвала, которую расточали туристы расторопному дежурному членкору, была для него вряд ли менее ценной, чем очередная одобрительная рецензия на его труды, опубликованная в журнале. На подмосковной туристской базе «Михалево» в большой избе ночевало по крайней мере 10–12 видных ученых. Моя кровать стояла впритык к кровати реаниматолога № 1 профессора Неговского. Казалось бы, как можно жить в таких первобытных условиях, но именно тогда я вполне осознал справедливость мысли Сент-Экзюпери по поводу главной роскоши, доступной всем нам, — «роскоши человеческого общения».

Вот почему мне хочется более подробно рассказать о некоторых поистине интересных встречах, которые много лет назад я имел в Доме творчества в Болшево.

Дело, конечно, не в том, что в гостиных, кинозалах и других помещениях этого большого дома я имел возможность знакомиться и говорить с известными деятелями кино: Габриловичем, Гребневым, Никитой Богословским, писателем Виктором Конецким и многими другими. И не суть важно, что, завтракая в столовой, я мог слышать, как неподалеку потешал компанию веселыми рассказами Леонид Утесов, или за другой соседний стол садилась Людмила Гурченко, не считавшая необходимым в своем кругу озаботиться утренним макияжем. Впрочем, последнее меня уже давно не удивляло.

В болшевском Доме творчества я бывал лишь в столовой и кинозале. А жил в небольшом финском домике примерно в 200 метрах от главного здания.

В этом щитовом домишке было три комнаты, и в каждой из них с утра до вечера стрекотали три пишущих машинки. Я тогда писал книгу о социальной психологии. А в двух других, каждый у себя, работали над сценарием к фильму «Шествие золотых зверей» соавторы Теодор Вульфович и Юрий Домбровский. Дни были морозные, но в комнатах было тепло. Рабочая обстановка располагала к творчеству — никто не приезжал, никто не мешал. Завтракать, обедать и ужинать, как было уже сказано, ходили в большой дом. Впереди нас всегда маячила слегка сутулая высокая фигура Домбровского. Он шел по утоптанному снегу в шлепанцах, без пальто и шапки, низко опустив чубатую голову и неизменно заложив руки за спину, видимо, по какой-то давней привычке. За ним шли мы с Тедом, оде-

тые как полагается, по-зимнему. Четвертым за нашим столом был удивительно красивый и очень приятный в общении рыжеволосый грузин, по фамилии Андроникашвили. Как я сразу выяснил, с Ираклием Андрониковым он в родственных отношениях не состоял. Когда, закончив обед, Андроникашвили покинул стол, Тед спросил:

— А вы знаете, кто его отец?

Я ответил отрицательно.

— Это сын Бориса Пильняка...

Борис Пильняк — один из наиболее известных писателей 20-х — начала 30-х годов. Автор книг «Голый год», «Повесть непогашенной луны», всегда вызывавшей не только подозрение, но и откровенную неприязнь властей. Еще бы! «Повесть непогашенной луны» фактически напрямую обвиняла Сталина в смерти Михаила Фрунзе. Мог ли Пильняк после этого рассчитывать на долгую и безбурную жизнь?! В 1937 году он был репрессирован и расстрелян. Разумеется, через 20 лет посмертно реабилитирован. Но откуда взялась у нашего соседа по столу грузинская фамилия? Борис Пильняк был немец — его настоящая фамилия Вогау. Непонятно! Как-то вечером мы вчетвером сидели в комнате Вульфовича, распивали единственную нашедшуюся у кого-то из нас бутылку коньяка, разговаривали. Домбровский, как всегда, сидел опустив голову. Он спросил:

— А что с вами было, когда был арестован отец?

Андроникашвили ответил:

— Меня забрала к себе сестра моей матери, в Грузию. Не могу не сказать, что моя мать была очень красивая женщина. По-моему, она превосходила в этом отношении свою сестру, признанную красавицу, известную киноактрису Нату Вачнадзе.

Ничего себе! Наш собеседник не только сын Бориса Пильняка, но и племянник Наты Вачнадзе — пожалуй, самой известной актрисы кино 20–30-х годов.

— Ната Вачнадзе... — задумчиво сказал Домбровский. — А мужа ее звали Зураб?

Несколько секунд Андроникашвили ошеломленно смотрел на спрашивающего, а потом сказал:

— Да, дядя Зураб. А откуда вы его знаете? Не отвечая, Домбровский продолжал:

— Он с Натой познакомился на спичечной фабрике?

Совершенно сбитый с толку, его собеседник буквально закричал:

— А вы откуда знаете?!

Столь же невозмутимо, не поднимая головы и не встряхивая, как обычно, чубом, Домбровский продолжал допрос:

— А какова судьба Зураба, что с ним стало в дальнейшем?

— Его арестовали. Мы знаем, что он погиб где-то на Колыме. Кажется, замерз в пути.

Домбровский долго молчал, а потом сказал:

— Вовсе не на Колыме, а на Чукотке, на Пестрой Дресве.

Мертвое молчание стояло в комнате. И тогда Юрий Осипович вздохнул и добавил:

— Он умер у меня на руках. Я его во время страшной метели нес несколько километров до следующего приготовленного для нас пункта обогрева.

Далее он рассказал, что, уж не помню точно, в каком году, огромная партия зэков, несколько тысяч человек, походной колонной перебрасывалась куда-то в глубь Чукотского полуострова для каких-то работ. Приготовленные пункты обогрева и краткого отдыха оказались плохо приспособленными и не могли вместить такую массу заключенных. Значительная часть их замерзла в пути, во время страшной околополярной метели. Заместителя начальника ГУЛАГа расстреляли за огромные потери рабочей силы. Домбровский, физически очень сильный человек, нес Зураба Вачнадзе, прижав его к груди, но руки и ноги не были ничем защищены, и в пункт обогрева он принес уже покойника.

И здесь я должен признаться в непростительной ошибке. Юрий Осипович прочитал стихотворение, в котором он рассказал обо всем этом. Прекрасные строчки, — слушать было больно до слез. Я не могу простить себе, что я их не записал. Кто знает, может быть, они где-нибудь и опубликованы — за всей выходящей литературой не уследишь. Можете представить себе состояние племянника Зураба. У его дяди остались дети, следовательно, двоюродные братья, которые ничего не знают об обстоятельствах гибели отца. Им надо было срочно сообщить. Андроникашвили заметался по комнате, у меня было такое впечатление, будто он два раза перевернулся в воздухе, исчезая из нее. Буквально через 10 минут он вернулся с несколькими бутылками коньяка. Где он их добыл среди ночи, — и по сей день для меня загадка. Когда он ушел, Юрий Осипович сказал, все так же не поднимая головы: «Мне не хотелось говорить при нем. Когда я принес Зураба и положил в тепле, кости его ног и рук гнулись, как восковые». Мы сидели еще долго, пили коньяк, и говорить ни о чем не хотелось.

Когда в середине 50-х годов начался процесс реабилитации безвинно и незаконно репрессированных, многие из них получили возможность прочитать свои следственные дела и таким образом ознакомиться с доносами, которые там содержались.

Вернувшись из мест заключения в Алма-Ату, где он в прошлом работал в газете, Юрий Домбровский сумел прочитать гнусные доносы, которыми засыпал следственные органы его бывший сослуживец, с кем у него и конфликтов-то никогда не было.

Далее я привожу рассказ Юрия Осиповича, ничего не меняя в том, что я услышал от него в Доме творчества в Болшево:

> О моем возвращении уже было известно всему городу. В редакции газеты знали о прочитанных мною доносах старого знакомого. Все ждали, что произойдет дальше. В том, что я с ним встречусь, никто не сомневался. И вот этот день наступил... Когда я вошел в редакционную комнату, тесную, почти впритык уставленную письменными столами, и остановился в дверях, сотрудники один за другим вставали с мест и выходили в коридор. Вскоре мы остались с ним наедине. Он сидел в глубине комнаты, не поднимая головы. Мы молчали. Потом я сказал: «Пойдем». Так же молча он встал и пошел к двери. По обе стороны коридора стояли сотрудники. На нас они старались не смотреть, но я знал, о чем они думают. Им-то было известно, что я в «местах, не столь отдаленных» зарубил топором в дровяном сарае уголовника, которому было приказано со мной покончить. Так мы прошли между этими двумя живыми стенками, он впереди, а я за ним. Мы вышли на лестничную площадку и спустились вниз. Налево был выход на улицу, направо — дверь во двор.

Я указал ему на черный ход. Так же молча мы вышли во двор, и тут он повернулся и начал что-то бессвязно говорить. Он в чем-то обвинял меня, что-то говорил о каких-то обстоятельствах тех прежних лет, а вообще-то, молол чепуху. Потом замолк. Так мы долго стояли друг против друга.
Я смотрел на него и думал: «А что дальше... Что мне с ним сделать? Набить ему морду? Труда это не составит, но это для него просто подарок – не слишком ли мизерная цена за те страшные годы, которыми я ему обязан? Убить? – значит снова сесть в тюрьму, уже по уголовной статье и надолго. Он явно ждал моего решения, а я не знал, в чем оно должно было состоять. И тогда я ему сказал: «Пойдем выпьем!»
Мы вышли на улицу, завернули в ближайший «шалман», так же молча, не чокаясь, не поднимая глаз, выпили по стакану водки и, не сказав ни слова, не прощаясь, – разошлись...
Рано утром ко мне прибежал знакомый журналист и сообщил, что мой вчерашний собеседник ночью застрелился из ружья.

Описывал ли где-нибудь эту историю Домбровский, так ли ее излагал — мне неизвестно. Я привел его рассказ практически дословно.

Через какое-то время после возвращения из Болшево я узнал, что Юрий Домбровский, замечательный писатель, автор книг «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей», был зверски избит и вскоре умер.

4. Питомцы муз под конвоем

В доме отдыха ВТО в Ялте я бывал редко, но уж так случилось, я пошел купаться на «актерский пляж». Рядом с моим «лежаком», сколоченным из реек со следами давно облезшей краски, сидел полный пожилой человек. Честно говоря, он мне показался очень старым. Любопытный психологический феномен — позднее, когда я стал встречаться с ним в Москве, особых признаков старости не примечал. Между тем после этой «пляжной встречи» прошло более двадцати пяти лет. По-видимому, возрастные различия за прошедшие годы как-то стерлись. Мы познакомились. Мой сосед оказался эстрадным драматургом Матвеем Яковлевичем Грином.

Эстраду я любил, но за два часа узнал о ней больше, чем за предшествующие пятьдесят без малого лет. Мне было поведано о причинах отказа Геннадия Хазанова от «обучения» в кулинарном техникуме, о том, что думают коллеги о дальнейших вокальных перспективах Аллы Пугачевой, о том, кто пишет скетчи для Райкина, Тарапуньки и Штепселя, Мирова и Новицкого. Многие другие занимательные сведения были мною получены от моего нового знакомого, который вполне мог претендовать на роль Нестора-летописца советского эстрадного искусства.

Заговорили о джазе 30-х годов — Утесов, Цфасман, Варе, Варламов. Он всех знал, мог о каждом рассказать. Неожиданно он сказал: «К сожалению, Варламов после возвращения из лагеря ослеп. Я ведь сидел с ним в Ивдельлаге. Он там играл в театре, которым я руководил».

Так для меня впервые открылись страницы драматической биографии руководителя «театра за колючей проволокой», человека с двадцатилетним лагерным стажем. За Грином пришли и увели его «куда надо» через полгода после свадьбы.

Позволю себе небольшой экскурс в область психологии. Зигмунд Фрейд ввел в науку понятие «психологической защиты». Существенными продвижениями в изучении этого феномена мы обязаны неофрейдизму. «Защитные механизмы» срабатывают в ситуации непреодолимых преград и неизбежных потерь. К примеру, когда удовлетворение некоторых жизненных потребностей становится затруднительным. В этом случае может произойти «переключение» энергии человека в сферу иной деятельности. И тогда удается предохранить свое «Я» от разрушения.

Немногие «счастливцы», оторванные от привычной жизни, родных, близких, сумели использовать эти «защитные механизмы». Им удалось перестроить свое сознание таким образом, чтобы использовать все возможности для продолжения творчества.

Я смотрел на Матвея Яковлевича и с трудом сдерживался, чтобы не задать вопрос о том, как он мог в этих условиях сохраниться как личность. Живой, остроумный, веселый, ни уныния, ни утраты интереса к прошлому и настоящему! И это после стольких лет ада! С какой же силой работали у него эти «защитные механизмы»...

Пришло время прощаться. Лежаки пустели — отдыхающие потянулись в столовую, и тогда Матвей Яковлевич сделал поразительное заявление.

— А вы знаете, мне удалось подсчитать, сколько было зэков в ГУЛАГе в 1952 году. Двадцать миллионов, ни больше ни меньше!

Я невольно быстро оглянулся — хоть было это не в 30-е и в 40-е, а в 70-е годы. Инстинкт «советского человека» сработал. Но на соседних лежаках никого не было.

— А как же вы могли это узнать? Насколько я понял, вы были в Ивдельлаге, а «архипелаг» покрывал все пространство Союза. Не на Лубянку же вы в командировку ездили за такой информацией?

— Разумеется, такой «командировки» мне не давали. Все было проще. В нашем театре были афиши всех театральных коллективов, обслуживающих заключенных и персонал лагерей. Нам было известно, на какое количество зэков было положено иметь один театр. Отсюда и число — двадцать миллионов.

Признаюсь, мне тогда не очень верилось в точность подобных подсчетов. Однако не так уж давно Дмитрий Антонович Волкогонов назвал именно такое число. Он-то, наверное, афиши не пересчитывал. И другие источники у него были.

Мы распрощались, и я не думал, что когда-нибудь доведется снова разговаривать с Грином.

Однако все было иначе. Когда мы познакомились, то не предполагали, что живем в одном доме и даже в одном подъезде, на соседних этажах. И мы не раз сидели на лавочке у подъезда нашего дома. Часто, когда я возвращался с работы и видел Грина, я надолго останавливался с ним. Потом мы бывали друг у друга в гостях. Не удивительно. Он работал с Горьким, с Михаилом Кольцовым, хорошо был знаком с бесчисленным множеством артистов и писателей. Ему было что рассказать мне.

Я очень скоро понял, что рассказы моего соседа по подъезду представляют исключительный интерес. Грин был не против того, чтобы я записывал наши беседы. Он читал мне отрывки из своих рукописных записей, страницы разных газет, прерывая это живым рассказом, который фактически ничем не отличался по сти-

листике от того, что было в рукописях. Мне удалось прослушать и записать на диктофон несколько его рассказов[1].

Главное было — не только поразившее меня содержание, но и то, как он говорил. Мне кажется, что актеры, обычные актеры, так читать не могут. Было ощущение, что он живет в этом рассказе, что это происходит буквально сейчас.

Так, с великой русской певицей Лидией Андреевной Руслановой мой сосед встретился в начале 30-х годов в Ростове. Она и ее муж, известный конферансье Михаил Гаркави, покровительствовали молодому журналисту. Когда Матвей Яковлевич приехал в Москву, и деваться ему было некуда, они его приютили и помогли обосноваться в столице. Поэтому он говорил о Лидии Андреевне с огромной теплотой. Многие его рассказы — это фактически переложение того, что было ему поведано самой Руслановой, артисткой, которую знала и буквально боготворила вся страна в довоенные годы.

В свою очередь, и я попытаюсь пересказать повествование моего друга. Ему запомнился рассказ о замужестве певицы. Со своим третьим мужем, генералом Владимиром Викторовичем Крюковым, она встретилась на фронте. Актерская бригада давала концерты в части, которой командовал Крюков. Однажды, в короткие минуты передышки, пошли они пройтись в ближнюю березовую рощу. Генерал был мрачен, молчал и вздыхал:

— Дочка у меня в Ташкенте... совсем маленькая... одна... у дальних родственников... так тоскую о ней... так тоскую.

Русланова вдруг остановилась, посмотрела на него и тихо сказала:

— Я выхожу за вас замуж!

Потрясенный генерал опустился на колено, поцеловал ей руку и сказал:

— Я не верю этому... Но если это правда, клянусь дочкой своей, вы об этом никогда не пожалеете.

И она не пожалела, хотя судьба уготовила им такие испытания, что можно было пожалеть не только о свадьбе, но и о собственном рождении. После войны подобрали «ключи» к генералу и его супруге — оба они оказались за решеткой (генерал был ближайшим сотрудником Г. К. Жукова, на которого пытались собрать компромат, Вождь явно боялся всесоюзной популярности маршала).

Не любила Русланова вспоминать ни Озерлаг, ни Владимирскую тюрьму. Грину она все-таки рассказывала кое-что. Вспоминала бесконечные ночные допросы, когда молодой лейтенант-следователь добивался от нее: какие шпионские задания она получала от американской разведки после памятной встречи на Эльбе?

Однажды, измученная многочасовым допросом, Русланова вдруг сказала:

— Пиши! Расскажу, какое задание у меня было!

Следователь засиял: наконец-то у него будет «признание — царица доказательств»! Все-таки «расколол» он эту бабу!

— Задание было такое: петь людям русские песни и отвлекать их от строительства социализма! Пиши! Пиши!

Ну, что там было дальше, — представить себе не трудно! Орал следователь. Можно предположить, что не молчала и Русланова — великим и могучим русским она владела в полном объеме.

---

[1] Впервые запись бесед с Грином была опубликована в моей книге «Откровенно говоря» в 1996 году.

В печально известном Владимирском централе Русланова оказалась при весьма своеобразных обстоятельствах. Начальник лагеря, где она отбывала срок, буквально взмолился, чтобы от него ее убрали и как можно скорее. Дело в том, что заключенные вместо того, чтобы нормально работать, глядели на певицу. Телевизоров тогда не было, а ее голос из репродукторов звучал для них годы. Живая Русланова и рядом с ними! В это было трудно поверить!

После освобождения она автобусом из Владимира добралась до Москвы. Но идти было некуда — ни семьи, ни квартиры. Оставалось одно — обрести убежище всех обездоленных писателей и артистов. Было такое. На Большой Ордынке, в доме № 17, где жил писатель Виктор Ардов.

Александр Вертинский пел: «Ведь даже дальним кораблям необходима пристань, но не таким, как мы, не нам, бродягам и артистам». Не прав был Александр Николаевич — такая тихая пристань была нужна. И о ней хорошо знали артисты и вынужденные «бродяги».

Виктор Ефимович, не видавший Русланову 6 лет и после ее ареста ничего о ней не слышавший, открыв дверь, обнял певицу, прижал к себе, потом отодвинул ее и, подняв большой палец, сказал: «Лидка, вот такой анекдот тебе расскажу!» Лучшего средства, чтобы снять напряжение и избежать слез и рыданий, вряд ли кто-нибудь сумел бы придумать. После этого Лидия Андреевна была накормлена, ей отвели комнату в квартире, и она постепенно стала приходить в себя.

Нужда прибила к тому же берегу на Большой Ордынке и утлый кораблик великой русской поэтессы Анны Андреевны Ахматовой. Не так благополучно происходило появление в квартире Ардова ее сына Льва Николаевича Гумилева. Так случилось, что Матвей Яковлевич находился там именно в тот момент, когда зазвенел звонок, и в дверях появился человек в затрепанном бушлатике с фанерным чемоданом в руке. Окинув незнакомца опытным взглядом бывшего зэка, Грин сразу понял, откуда тот прибыл.

— Здесь живет Анна Андреевна Ахматова?

— Да.

— Она дома?

— Нет, она ушла, но скоро придет. Простите, вы не ее сын?

— Да, я Лев Гумилев.

Матвей Яковлевич знал, как мать ждет сына, о котором она ничего не знала многие годы. Ей было неизвестно — жив ли он вообще. Открыв дверь в комнату Ардова, где тот безмятежно спал, Грин закричал: «Вставай, Лева Гумилев приехал!». Статный, красивый, с греческой седой бородкой, хозяин квартиры вышел в прихожую и громко сказал: «Никаких объятий! Живо в ванную!»

Далее Матвей Яковлевич получил деликатное задание: встретить Анну Андреевну на улице и подготовить ее к факту возвращения сына. Я думаю, на меня не обиделся бы мой уважаемый сосед, но то, как он выполнил эту задачу, мне очень напоминало старый еврейский анекдот: «Внезапно скончался сотрудник. Произошло это в рабочее время и на рабочем месте. Надо было подготовить семью к страшной вести. Один из сослуживцев вызвался выполнить эту деликатную и ответственную миссию. Он позвонил в дверь квартиры, где обитал его “незабвенный товарищ” и спросил, здесь ли живет вдова покойного Рабиновича». В оправдание Матвея Яковлевича скажу: он не был инициатором этой затеи, не имел

необходимого опыта, и вообще не знаю, кто мог бы справиться с подобной задачей. Во всяком случае, к квартире Ардова «подготовленная» Анна Андреевна подошла гораздо более взволнованная, чем можно было этого ожидать. Уже перед дверью состоялся заключительный этап «подготовки».

— Но все-таки представьте себе, Анна Андреевна, мы открываем дверь, а Лев Николаевич там стоит!

— Ну, Мотя, ну, милый, не надо мне этого говорить. Я его уже давно похоронила.

Когда они оказались в передней, из комнаты вышел Ардов и распорядился: «Аня! В обморок не падать! Левка моется в ванной!» Ахматова сразу же падает в обморок...

В годы войны Матвей Яковлевич руководил в городе Грозном прифронтовым театром. Написал пьесу, но режиссер никак не мог подобрать актера на одну из центральных ролей. Положение было безвыходным. Тут кто-то сказал, что неподалеку, в батальоне аэродромного обслуживания есть парень, который отлично читает стихи и очень хочет стать актером. Они с режиссером сели в машину и, отмахав километров 20 по взгорьям, добрались до БАО.

Посмотрели, послушали парня — понравился. Подходящий типаж. Через некоторое время он уже был на сцене театра. Солдата этого звали Сергей, фамилия — Бондарчук. Отсюда, с их театральных подмостков, начал свое восхождение к славе один из замечательных кинорежиссеров и артистов. Долг платежом красен. Много лет спустя Грин приехал в Смоленск писать программу к 1100-летию города. Для массовки в местном театре не оказалось нужного количества костюмов времен войны 1812 года. Прослышав, что рядом, километрах в двухстах от Смоленска, Бондарчук снимает «Войну и мир», поехал к нему. Расцеловались. И выдал Пьер Безухов (а именно его сыграл в фильме Бондарчук) такое обилие мундиров, что Грин снарядил тогда целый батальон, предварительно «перезнакомившись» с Кутузовым, Багратионом, Наполеоном, Раевским, Неем.

Кстати, именно, во фронтовом Грозном Матвей Яковлевич встретил на улице и привел в театр красивого молодого человека с гитарой за плечами. Это был Александр Галич. Вот и ему мой сосед по дому некогда вручил путевку в жизнь искусства.

Один из устных рассказов Грина я приведу полностью, в том виде, в каком я его услышал и записал.

Осенью 1979 года мы с женой были в Польше. В самом конце поездки попали в Варшавский театр оперы и балета на вечер балетных миниатюр в постановке Сержа Лифаря.
В антракте отправились в театральный музей. Три небольших зала, ярко освещенных огромными люстрами, были заполнены обычными музейными экспонатами: макеты постановок, афиши, фотографии, костюмы... Я, может быть, прошел бы мимо витрины, где был выставлен ярко-зеленый костюм Фигаро, но уж очень он был красив, весь украшенный блестками и кружевами. Нагнулся, чтобы прочесть надпись, исполненную на трех языках: польском, английском и русском... Там было написано: «В этом костюме в нашем театре в сезон 1931–1932 года пел партию Фигаро премьер Большого театра СССР Дмитрий Головин».

Пусть мне простят эту литературную банальность, но у меня буквальна остановилось сердце... Жена потом говорила, что я страшно побледнел, на лбу выступили капли пота, она еле успела усадить меня на стул...
Я закрыл глаза, а когда открыл, уже не было вокруг ни Варшавы, ни театра, ни музея, а был маленький уральский городок Недель, занесенный снегом, съежившийся от холода (только ли от холода?), опоясанная колючей проволокой зона и вросший в землю барак с тусклой лампочкой под самым потолком... Если пристально присмотреться, можно было прочесть надписи на дощечках: «Гринблат М. Я., год рождения, срок, статья», «Головин Д. Д., год рождения, срок, статья...». Да, с великим баритоном, премьером Большого театра, мы более трех лет пролежали на одних нарах в печально известном Ивдельлаге, о котором у Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ» сказано: «Мы сидим на Краснопресненской пересылке и молим Бога только об одном – не попасть бы в самый страшный советский лагерь, в Недель, что на Северном Урале». Так вот, Головин и я как раз туда и попали!
Итак, меня повезли на Север. 37 пересыльных тюрем. Два дня едешь, потом на пересылке когда моют, когда не моют, когда просто дожидаешься этапа в ту сторону. Иногда я еду один в четырехместном купе (ну, политический! С уголовными не сажали). Иногда в этом купе бывает 16 человек. Через два с половиной месяца мы – наш поезд – останавливаемся и я понимаю, что это конечная точка моего грустного путешествия. Да, это была пересылка Ивдельлага. Нас вывели всех на мороз, поставили весь этап – это много человек, тысячи полторы, и по одному выкликают по документам.
Между прочим, я, наверное, единственный, знал, куда нас везут, – обычно этого не говорят. Но вот такой факт. Когда я был один в этом купе, ко мне подошел солдатик, который всю ночь ходил по коридору, и сказал: «Батя, я в 9-м классе учусь заочно, нам сочинение задали по Маяковскому, ну не могу написать!» Я ему сказал: «Бери бумагу, садись, я потихоньку тебе продиктую». И часа за два я продиктовал – он медленно записывал – все сочинение о Владимире Владимировиче Маяковском. Он спросил: «Батя, тебе, может, водички дать?» Нам воду давали только утром, потом давали селедку и больше уже воды не давали. Я говорю: «Это бы хорошо». «Я тебе и хлебца принесу». Он принес кусок хлеба. Я жую этот хлеб, пью воду. Все спят. Он говорит: «Батя, как фамилия?» Я назвал. «Знаешь, я сейчас посмотрю, куда тебя везут, в пакете с документами». Он пришел и сказал дословно следующее: «Ох, батя, в такой лагерь везут, вряд ли ты оттуда выйдешь! Ну, дай бог, хоть год продержаться!» И назвал мне Ивдельлаг. Было все: и общие работы – лесоповал, лесная биржа с ручной погрузкой бревен, молевой сплав по реке, постройка бараков, но потом все-таки театр, театр за колючей проволокой, в котором работали прекрасные артисты драмы, оперы, балета, эстрады, цирка... Страшная закономерность – плохих артистов там не было, видимо, «брали» только артистов с союзной, а то и мировой известностью, сказавших свое слово в искусстве. Когда сейчас, направляясь в нашу Международную ассоциацию деятелей эстрадного искусства к ее президенту – знаменитому танцовщику Махмуду Эсамбаеву, я с Тверской – недалеко от Центрального телеграфа – сворачиваю на улицу Неждановой, то всегда задерживаюсь возле первого дома, что стоит на левой стороне. Здесь недавно укрепили памятную доску, напоминающую о том, что именно в этом доме жил до ареста и гибели в застенках Лубянки великий режиссер Всеволод Эмильевич Мейерхольд. Да, этот дом хранит память о многих трагедиях: здесь убили жену Мейерхольда актрису Зинаиду Райх, здесь же «взяли» их добрых и хлебосольных соседей – отца и сына Головиных...

Дело в том, что в режимном Большом театре Головин рассказывал такие анекдоты, так себя держал, что он сам шел на плаху. Когда подвернулся этот случай, ему подбросили золотой портсигар Мейерхольда и обвинили в убийстве Зинаиды Райх. Был суд. Но какой суд! – Военный трибунал. Он длился четыре минуты. И десять долгих лет всемирно известный голос Головина звучал в бараках, в столовках (в дни выступлений театра они превращались в концертные залы), и арии Онегина, Мазепы, романсы и песни слушали сотни тысяч зэков, попавших сюда, как правило, по такому же ложному обвинению, по такому же «праведному» суду...

Году в 1912 или 1913 Головин работал матросом на небольшом рейсовом пароходе на Черном море. Дело было ярким солнечным июльским днем. Он драил палубу и, по своему обыкновению, пел во все горло. Вдруг к матросу подошел какой-то весьма представительный господин и спросил:

– Как звать тебя, парень?

– Митькой! А тебя?

– А меня – Федькой! Слушай, парень, тебе не палубу драить – тебе петь нужно, – сказал пассажир.

– А я же пою!

– Тебе учиться надо. Попомни мое слово, ты большим артистом станешь, – сказал пассажир.

– Артистом, – засмеялся матрос. – Мне бы боцманом стать, и то хорошо.

– Ладно, не будем спорить. Если надумаешь учиться, любому педагогу скажешь: меня Шаляпин слушал и сказал, чтобы я учился! Понял?

Но Митька Головин, парень из станицы Безопасной, что на Ставропольщине, тогда не знал, кто такой Шаляпин!

Как-то ночью не спалось, и Данилыч рассказал мне продолжение этой истории:

– Я ведь встретил его в Италии, в Ла Скала. Я пел там Фигаро, а он на следующий день – Дон Кихота... Никогда себе не прощу, что, по нашей проклятой привычке верить властям, числил его «предателем Родины» и разговаривать с ним опасался... Эх, рабы системы – вот такими мы и были! А представляешь, – подошел бы я к нему и сказал:

– Здорово, Федька. Я – Митька, послушался тебя, певцом стал, в Большом пою... Эх, жизнь моя страшная – не подошел! А знаю, что он меня из-за кулис слушал и даже аплодировал.

Но прежде чем произошла эта встреча двух прекрасных певцов, Головину нужно было одолеть такие горы, что и подумать страшно.

В истории советского оперного искусства имя и судьба Дмитрия Даниловича Головина отмечены удивительным взлетом и всенародным признанием редкого таланта-самородка и трагическими обстоятельствами, прервавшими блистательную карьеру истинного любимца публики.

Обладатель редкого по красоте, силе и тембру голоса, Головин с большим успехом выступал в партиях лирического и драматического баритона.

Сергей Яковлевич Лемешев вспоминал: «...В пору своего расцвета, в конце 20-х и в 30-е годы, он часто пел так, как, пожалуй, до него никто не пел. Голос его по диапазону представлялся бесконечным, казалось, что его вполне хватило бы на двух певцов!»

Это о нем писала итальянская газета: «В Россию ездить баритонам нельзя – у них есть Головин!»

Еще один штрих к портрету певца. В октябре 1941 года Большой театр эвакуировался в Куйбышев. Но Головин остался в Москве, часто выезжал в составе фронтовых бригад на передовую.

Но вернемся в «зону», в наш «театр за колючей проволокой». Жаркое уральское лето, маленький буксирчик тянет баржу с нашим «театром» по неглубокой северной речке: мы едем на малые гастроли по лагерным пунктам, разбросанным на 600–700 километров вокруг нашей «столицы», Ивделя.

У театра вольный начальник, лейтенантик Васька Сумароков – безвредный недалекий паренек из местных, очень довольный своей непыльной работой и, может быть, потому не очень досаждавший нам придирками... Был он, дело прошлое, большим любителем женского пола, в каждой деревне у него была зазноба (по местному – «дроля»), и потому, выехав с нами в поездку, он пропадал неделями, внезапно появляясь на короткий срок.

– Ну как, мужики, без ЧП? – спрашивал начальник и, получив утвердительный ответ, снова исчезал.

Театр был обязан выступать ТОЛЬКО перед заключенными и «вольными» работниками лагеря, ну и, конечно, перед ВОХРом – военизированной охраной. Мы неукоснительно это выполняли, зная, что нарушение этого правила грозит возможным дополнительным сроком, а уж списанием из театра «на общие работы» – обязательно. Так что летом, плывя мимо уральских деревень, мы даже не приставали к берегу, хотя оттуда нам махали, звали и вроде даже приветствовали...

В тот злополучный день наш лейтенантик, как всегда, был у своей дроли, конвоиры спали в каюте катера, а ко мне подошел капитан суденышка и сказал:

– Однако причаливать будем! Матка тут живет. Праздник у них нынче – сенокос кончили. Немного бражки попью и дальше пойдем.

Мы причалили к берегу, на который уже высыпала вся деревня. На борт катера поднялись председатель колхоза, фронтовик с полным иконостасом орденов и медалей, на протезе вместо правой ноги, и секретарь парткома, бойкая баба, тоже орденоносец и, как сообщил капитан, депутат Свердловского областного Совета... Они стали нас просить выступить перед колхозниками:

– Сенокос кончили, надо бы и людей повеселить... Ничего ж не видят: радио только в правлении колхоза, кино привозят раза три-четыре в год, а люди хорошо работают, безотказно!

Я ссылался на запрет, конвоиры, уже сагитированные местными девками, молчали: наше дело охранять – решай сам! До ближайшего лагпункта по реке дня три ходу. Кто увидит? Не знаю, может, решающую роль сыграла явная возможность поесть сметаны, попить молока и даже белых шанежек отведать... В общем, как затмение нашло, – я согласился...

Мы выгрузились на берег со всем своим реквизитом и музыкальными инструментами. Местные плотники стали ставить сцену на берегу, а театральный люд уже вовсю угощался... От председателя колхоза я впервые узнал, что большинство жителей деревни впервые увидят «живых» артистов. Он-то сам видел Русланову где-то под Кенигсбергом и еще каких-то клоунов в Праге... А остальным – ну прямо праздник, считай, крепко повезло колхозникам! Начался концерт. Я во вступительном слове поздравил колхозников с окончанием сенокоса, поблагодарил за прием и ласку, назвав их, конечно, «дорогими друзьями»... Концерт шел отлично, по-моему, никогда наши солисты, и даже Головин, так не пели, не танцевали, не играли. Чеховская инсценировка «Жених и папенька» вызвала такой взрыв смеха и аплодисментов, что мы не услышали шума причалившего к берегу глиссера. Когда я случайно оглянулся, то понял – это конец! С берега поднималось человек пять в военной форме. Какое-то большое начальство (малое на глиссерах не ходило!) направлялось к нам. Оркестр оборвал музыку. Головин замолчал на полуслове, наступила страшная тишина, в которой громко

прозвучали слова, сказанные нашим рабочим сцены из блатных: «Век свободы не видать! Крепко подзалетели! Всем – хана!»
Наш хозяин-фронтовик сразу все понял, вскочил со своего места, хлопнул меня по плечу и сказал: «Не тушуйся! Прорвемся!» и заковылял на своем протезе навстречу начальству. На наших конвоиров страшно было смотреть. Я почему-то прежде всего подумал о нашем лейтенантике: снимут погоны, положит партбилет да еще, весьма вероятно, перейдет на нашу сторону за колючей проволокой. Я старался не глядеть в сторону берега и все-таки увидел, что председатель с кем-то из приезжих обнимается. Не веря глазам своим, мы увидели, как приезжие вдруг повернули назад, и вскоре глиссер, взревев мотором, скрылся из виду.
– Что сказали? Что нам делать? – кинулись мы к своему спасителю.
– Порядок в танковых войсках! Приказ мой такой – концерт продолжать, вечером танцы играть, а ночью проводим вас. Но больше не приставать – ни к какому берегу!
Оркестр без устали играл танцы, деревенские девки танцевали и «шерочка с машерочкой», и с нашими кавалерами, часу во втором ночи мы «отдали концы», провожаемые всей деревней... На прощание я все-таки спросил у председателя:
– Как думаешь, дело не заведут? Кто это был?
– Да это ж не ваши, не НКВД, – это армейские.
– А они не стукнут в лагерь?
– Не должны! Видел, паря, как я там с одним обнимался? – Это Михалев Иван Петрович из Свердловска, мы с ним на одной шине Днепр форсировали. Он плавать не умел, так я его тащил!
Боже мой! Чего не бывает в жизни! Как, в сущности, узок мир! Никогда не знаешь, откуда придет беда, а откуда спасение! Никто никогда не узнал о нашем «страшном» политическом преступлении – концерте для уральских колхозников!
Никто и никогда!
Работали мы слаженно, дружно, как могли облегчали печальную участь «крепостных» артистов – своим товарищам и себе...
В общем, все дела «театра» мы решали коллегиально, собираясь в нашей «руководящей каморке» барака. Нас было четверо: родоначальник советского джаза, прекрасный композитор Александр Владимирович Варламов, руководитель драматической труппы, замечательный минский артист Лев Прокопьевич Михайлов, Головин и я.
Головину тогда уже было 67 лет, и ему стало трудно справляться со всем театральным хозяйством. Как-то пригласили меня Варламов и Михайлов в свою каморку. Головин говорит: «Мотя, я уже не могу со всем справляться, себе оставлю только оперно-опереточную группу, а политуправлению предложу тебя в качестве руководителя».
Назавтра меня вызвал генерал Беляков. Там произошла такая сцена.
Мне через все обыски, тюрьмы удалось пронести малюсенькую фотокарточку моего сына – ему было три с половиной года, когда меня посадили. И тут, когда я полез в карман за платком, выронил эту карточку.
Мне не дали ее поднять – подполковник кинулся, схватил и передал генералу. Тот посмотрел и сказал абсолютно дурацкую фразу: «И от такого ребенка вы поехали в лагерь!»
По всем законам лагеря, мне надо было промолчать, но я не смог и ответил: «Я не поехал, а меня повезли – это разные вещи».
Он посмотрел и сказал: «Языкатый, не отучили еще...». Потом продолжил: «Примите от Головина театр – он старик, ему тяжело. У нас с конвоем трудно, мы посоветовались и реши-

ли дать вам пропуск на свободный выход из зоны». Выдавая мне этот пропуск, начальник режима сказал: – Счастлив твой Бог, что у меня конвоя не хватает, в политотдел да КВЧ (культурно-воспитательная часть) тебя по три раза на дню вызывают... Если б не такая необходимость, черта с два ты со своим вторым сроком, да с твоей статьей получил бы его!
Но пропуск я получил! Больших преимуществ это не давало, но все-таки я мог пойти куда-то, не оглядываясь на идущего сзади «вертухая» и не слушая лагерную «молитву»: «Шаг влево, шаг вправо будут рассматриваться как побег, конвой применяет оружие без предупреждения».
Сколько прекрасных страниц в мировой классике написано о трагедии одиночества, о муках человека, которому не с кем сказать слово, увидеть участие в чужих глазах... В лагере все было наоборот: мы страдали и мучились оттого, что ни минуты не могли побыть наедине с самими собой: в бараке, на разводе, у вахты, в столовой, на деревянных тротуарах зоны все время тебя окружали люди...
Наверное, поэтому, получив нежданно-негаданно пропуск, я с вахты не пошел в барак, а направился в ближний лес и, несмотря на мороз, просидел там на пеньке до поздней ночи, наслаждаясь одиночеством!
В политотдел, в КВЧ вызывали часто и по разным поводам. Так, однажды начальник политотдела, полковник, вызвал, чтобы спросить, почему драматическая труппа театра не ставит «Горе от ума» Грибоедова?
Я сказал, что в нашей группе нет Чацкого. Я сказал и, услышав в ответ слова полковника, похолодел. Он сказал:
– Ну, это не проблема, Чацкого мы найдем.
Я так ясно себе представил – вот где-то в Москве, Ленинграде, Омске, Казани идет «Горе от ума», Чацкий читает свой монолог: «Не образумлюсь, виноват, и слушаю, не понимаю...», а в местных «органах», выполняя заказ, уже ищут «компромат на артиста – анекдот рассказал, не хотел на заем подписываться, в общем, как говорили в лагере, "был бы человек, а статья всегда найдется!"». Сдавленным голосом я сказал:
– Гражданин начальник! Я тут подумал, может, Беликов сыграет? (Был у нас такой артист.)
К счастью, начальство про Грибоедова больше не вспоминало, и все обошлось.
Театр жил своей жизнью. Готовились спектакли, концерты. Но больше всего мы боялись, чтобы в составе театра не появился стукач.
Однажды наш портной (главный портной театра Шевченко в Киеве) Михаил Абрамович Трагинер отвел меня в сторону и сказал: «Мотя, я вас держу за умного человека. Вы мне можете объяснить – каждый день этап – полторы-две тысячи человек и все враги народа! Вы объясните мне, что это за страна, у которой столько врагов!»
Но как это объяснить?
В другой раз он мне осторожно шепнул: «Вчера трех человек прислали. Об одном блатные сказали, что он стукач. Танцор из Сыктывкара». Я предупредил своих. А дальше произошло следующее. Мы готовили очередной концерт. А надо сказать, что мы никогда не читали стихов о Сталине, ничего не говорили о партии – на этом и не настаивали. Но тут по ходу концерта надо было спеть две строчки: «Широка страна моя родная... Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Ваня Стрельцов наотрез отказался петь эти строчки.
Все происходило в нашей маленькой каморке. Когда случайно выглянул за дверь, то увидел, что парнишка-танцор мотался там по коридору.
Вечером меня вызвали в лагерную спецчасть. Какой-то полковник сказал: «Ну, так почему Стрельцов не хочет петь строчки, которые мы поем всегда?»

А когда я собирался туда идти, Головин проинструктировал меня: «Начальство у нас малограмотное. Забивайте им мозги терминами. Скажите, что Стрельцов не может петь эти строчки по тесситуре его голоса». Я эту дурость сказал. Они вроде даже поверили. Но тут другой говорит: «А почему мы на собраниях поем всегда?» Я говорю: «Ну вы же поете в зале, а это сцена – там другие законы». Он мрачно посмотрел на меня и сказал: «У нас одни законы – советские!» Но все в тот раз обошлось. А от стукача мы потом избавились – рабочие сцены его жестоко избили.

Однажды меня вызвали в КВЧ и сказали, что приехала комиссия из Москвы и нужно дать концерт по первому разряду. Откуда комиссия, я не спросил, да и кто бы мне ответил?!

Я вернулся в зону, сказал всем, что сегодня концерт в клубе Дзержинского, выход к вахте в 18 часов. К этому времени пришел конвой, не наш обычный, «театральный» конвой, а из первого отдела... Мы вышли к вахте, у ворот раздавался яростный лай служебных собак.

– Господа артисты! Собаки поданы – можем ехать на концерт, – раздался скрипучий голос Варламова. Все засмеялись...Минут семь ходу, и мы в «вольном» клубе управления лагеря. Все разошлись по своим уборным одеваться, а ко мне подошел начальник лагеря и сказал:

– Яковлевич! Генерал сказал – фамилии не называть!

– Господи! А как же я буду объявлять фамилии артистов?

– Генерал сказал – по номерам!

Я чуть не упал в обморок. Нас трудно было чем-то удивить, но такого еще не бывало! Что ж это за комиссия из Москвы, которой нельзя знать, кто тут сидит? Значит, не из ГУЛАГа! А откуда же?

Я пошел предупредить своих и записать номера, которые мы носили на телогрейках и ватных штанах...

Начался концерт. Я объявил:

– Жорж Бизе, увертюра к опере «Кармен», исполняет оркестр театра, дирижирует номер 16879-в.

На сцену вышел Варламов, и вдруг из зала раздался сдавленный женский голос: «Господи! Да это же Варламов из джаза!»

На нее зашикали, а я попытался всмотреться в темноту зала. Где-то в середине сидело человек 60–70 мужчин и женщин... в штатском. Концерт шел своим чередом, пока в конце первого отделения я не объявил:

– Жюль Массне. Элегия. Исполняет номер... Аккомпанирует рояль номер... Виолончель номер...

На сцену во фраке вышел Дмитрий Данилович Головин, почти двухметрового роста, с великолепной осанкой, походкой, выправкой... И тут произошло невероятное – из зала понеслись крики:

– Здравствуйте, Головин! Браво, Головин! Привет, Головин!

Я скосил глаза на «правительственную ложу» – лагерное начальство сидело мрачнее тучи. «Ну, сейчас прекратят концерт и нас отправят в зону», – подумал я, и еще мелькнуло: «Сможет ли Батя (так мы между собой звали Головина) петь? Сдавит горло, и все!» Но Головин справился с волнением и запел – а нас не отправили в зону. Видимо, комиссия была с такого «верха», что наше лагерное начальство было бессильно. (Позже выяснилось – это была комиссия Академии наук, занимающаяся какими-то изысканиями. К лагерю отношения они не имели, но в тех краях лагерь был хозяином жизни – у него был транспорт, гостиница, столовая, рабочие – дали команду «сверху», и все делалось «по первому разряду», в том числе и концерт для них.)

А Головин пел. Он спел арию Онегина, арию Мазепы, два романса Рахманинова, песню про казака Голоту (он ее и в фильме пел – за кадром). Его не отпускали... Наконец, я объявил антракт, закрыли занавес. Выхожу за кулисы, а там творится бог знает что. Вся московская комиссия ринулась на сцену! Конвой с автоматами наперевес никого к нам не подпускал, а старший конвоя, сержант, бегал вдоль кулис и орал:
– Отойди! Стрелять будем! Назад!
В ложе поняли всю скандальность происходящего, вскоре прибежал начальник театра, что-то шепнул сержанту и... всех москвичей пропустили к нам. Женщины окружили Варламова, громко вспоминая летние вечера в «Эрмитаже», зимние – в Колонном зале, его песни, его джаз и его солистку, негритянку из Америки Цестину Коол (кажется, из-за нее он и погорел. Ну как же! Американская «шпионка» завербовала его!). Я посмотрел – где Головин? Он стоял, обнявшись, с каким-то солидным мужчиной, и оба... плакали. Я подошел поближе и вдруг услышал. Мужчина спрашивал Головина:
– Дима! Где я тебя слушал в последний раз?
– Ну как же, Толя – в Гранд-опера, я Фигаро пел. Говорили мне на следствии, что в зале сидели Деникин и Кутепов, как будто я их приглашал!
Я увидел, что москвичи стараются сунуть в карманы артистам деньги.
– Это зря, – сказал я. – У нас уже коммунизм. Нам ничего не продают!
Стоявший рядом с Головиным мужчина, явно главный среди всех (потом я узнал, что это был академик А. П. Александров, впоследствии много лет президент Академии наук), сказал:
– Быстро в гостиницу!
Все куда-то убежали. Гостиница была рядом с клубом, и скоро они вернулись с полными руками... московских продуктов: сгущенка, масло, сыр, изюм, конфеты... Да мы годами не видели этого... Все свалили на стол, позже наши женщины все забрали, на вахте не «шмонали». Наш начальник сказал, что генерал велел все пропустить в зону. Дней пять никто из театра не ходил хлебать лагерную баланду – мы наслаждались московскими дарами.
Наутро я отменил все репетиции – в театре царило такое уныние, что репетировать было бесполезно, – мужчины нервно курили, женщины плакали, и отовсюду слышалось:
– За что? Кому это нужно?
Но кто тогда мог ответить на эти вопросы?
...Прошли годы. Я был уже давно на свободе.
У этой истории есть недавнее «смешное» продолжение.
В Центральном театре Советской Армии мы выступали с авторским концертом: Жванецкий, Арканов, Хаит, Задорнов. Я веду его. Называется «За кулисами смеха».
После первого отделения ко мне подходит дежурная и говорит: «К вам какая-то пара – муж с женой. По-моему, из провинции, спрашивают вас. Пропустить?»
Говорю: «Конечно!»
Входят. Он – в штатском, с палкой. Она сразу бросается ко мне: «Мы как афишу увидели, сразу купили билеты. Вы нас на узнаете?» Говорю: «Нет». «Это начальник лагеря, генерал Беляков, а я его жена – завпарткабинетом». Меня, врага народа, каждый понедельник водили туда читать офицерам лекции о литературе и искусстве, поднимать их уровень. Я стоял, молчал, не знал, что сказать. Она продолжает: «Мы в Серове живем. Там купили вашу книжку "Публицист на эстраде". Вот не взяли, а то бы вы нам ее подписали...».
Тут, всех расталкивая, подлетает Жванецкий и говорит: «А что вам наш патриарх мог бы написать?» А сам прямо дрожит весь.

– Какие-то добрые слова...
– Добрые слова?! Я вас умоляю! Немедленно уйдите отсюда! Немедленно!
Уходя, генерал сказал: «Да мы понимали, что это ситуативные дела, что вы ни в чем не виноваты, но время было такое...».
Они ушли. Мне стало плохо, я уже не мог вести концерт дальше. За меня это сделал Арканов...

«Никогда не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня» — золотое правило! Матвей Грин жил на два этажа ниже. Каждый день я либо проходил, либо проезжал на лифте мимо его квартиры. О новых беседах с ним мы уже давным-давно договорились. Куда было спешить?

Оказывается, надо было...

Я обещал ему, что в недалеком будущем, вероятно, сумею вручить книгу, где воспроизведу им рассказанное.

Все получилось совсем не так.

Неделю-другую спустя после нашей последней встречи Матвея Яковлевича увозит «скорая». Мои внук и сын помогают на носилках вынести его из квартиры. Еще два дня — и известие: после обширного инфаркта, в возрасте 84 лет, Матвей Яковлевич Грин скончался в Боткинской больнице.

Это тяжело было пережить, но удивляться не следовало. Поразительно другое — как мог прожить он так долго после того, что ему довелось испытать?!

Не могу не пожалеть, что нет у меня возможности в этой книге передать даже частицу того, что я узнал во время встреч и бесед с моим милым соседом...

5. Неистовый Роланд за пределами киноэкрана

В детские годы, задолго до того, как был прочитан «Дон Кихот» Сервантеса, я увлекался рыцарскими романами. До сих из памяти всплывают волнующие имена Парсифаль, Лоэнгрин, вспоминается «кубок святого Грааля», подвиги странствующих искателей приключений, прославляющих своими делами Прекрасных Дам. Прочитал я и «Песню о Роланде». В памяти почему-то сохранилось название его меча: «Дюрандаль» и Ронсевальского ущелья, где Роланд в XII веке ратоборствовал. Впоследствии Ариосто написал роман «Неистовый Роланд», в котором вернулся к похождениям знаменитого рыцаря.

«Роланд» и «Ролан» это, по сути, одно и то же имя — проблема перевода. Я не один год общался и, смею утверждать, дружил с человеком, в характере которого нередко проступали черты героя Ронсевальского ущелья, его тезки. Звали его Ролан Антонович Быков.

Позвонили в дверь. Я увидел перед собой человека в лихо надвинутой на лоб кепке. Признаюсь, я забыл, что назначил именно на это время встречу с Роланом Быковым. Пришлось извиниться. Гость прошел в кабинет, а я отправился в другую комнату переодеваться. Я спросил моих малышей, знают ли они, кто там в кабинете сидит? Никакого интереса к посетителю они не проявили — им всегда были безразличны все эти писатели, аспиранты, профессора, которые появлялись в

кабинете деда. Тогда им было сказано: «Там сидит Бармалей. Вообще-то говоря, он кот Базилио, но он волшебник и умеет кошачьи усики превращать в длинные усы Бармалея. А вот сегодня он самый обыкновенный человек, видите, вон там, в передней его кепка лежит?» Ребятишки из комнаты мгновенно испарились. Зайдя в кабинет, я убедился, что мой авторитет как воспитателя в глазах моего гостя, по всей вероятности, пострадал. Внучата сидели на ковре, бесцеремонно и крайне невежливо смотрели на Быкова. Вероятно, они ожидали, что он вот сейчас превратится в кота Базилио, вспрыгнет на письменный стол и замяукает. Отсюда назидание — быть осторожнее и заранее прослеживать результаты своих выдумок, когда имеешь дело с детьми, отличающимися излишней доверчивостью.

Наше знакомство с Роланом Антоновичем началось с того, что он пришел просить меня, чтобы я согласился стать консультантом при создании его фильма «Чучело». Я дал согласие, поскольку знал, что для режиссера картины это был последний шанс получить поддержку представителя Академии педагогических наук СССР, к тому же оснащенного учеными степенями и званиями. Предшествующие попытки заручиться поддержкой моих коллег кончились для Быкова плачевно, никто не хотел связывать себя с фильмом, «порочащим советскую школу». Нет нужды пересказывать фильм, предполагаю, большинству его удалось посмотреть.

Быков задолго стал готовиться к съемкам. Перед ним стояла сложнейшая задача: найти юную актрису, которая органично вписалась бы в его замысел. Как он сам говорил, ему удалось выполнить это после того, как перед его глазами прошло 13 тысяч школьниц. Время было летнее. На линейке выстраивались пионеры, и так — лагерь за лагерем, лагерь за лагерем. Сначала отбирались те, кто имел необходимые внешние данные, отвечавшие представлению режиссера об облике героини фильма. Затем с ними Быков беседовал, стремясь разглядеть то, что за этой внешностью скрывается. Его опытный острый взгляд позволял сделать нечто вроде рентгеновского снимка души тех, кого зрители увидят на экране. Между тем, сама героиня, Лена Бессольцева, была задумана как доверчивая, незащищенная, честная, бесхитростная, наивная, находчивая, открытая натура. Легко ли высветить такие качества у возможных претенденток на роль.

Одни были начисто лишены тех качеств, в которых нуждался режиссер, другие были наивны, но за этими наивными глазами, увы, просвечивала глупость. Третьи были открыты и находчивы, но с хорошо выстроенной «психологической защитой». Помимо всего прочего, героиня будущего фильма должна была быть способной к перевоплощению — важнейшему качеству актера. Быков долго не мог собрать в одном человеке все эти необходимые составляющие. И все-таки он сделал безошибочный выбор: в фильме снялась Кристина Орбакайте.

Так же скрупулезно подбирались и другие артисты. Многие запомнили — я в этом убежден — директрису школы, стоящую в дверях, с деланной, фальшивой, педагогически-регламентированной улыбочкой, встречавшую учеников перед началом занятий. Вот как была подобрана актриса на эту роль. Быков зашел в театр областного города, где снималась картина, и спросил у одного из сотрудников: «Какую актрису обычно приглашают в президиум во время торжественных собраний?». Ее указали. Опять безошибочное решение, она получила роль в картине.

«Чучело» снимали в весьма странное время. Это был переходный период от Брежнева к Андропову, и от Андропова к Черненко. Вроде что-то тогда менялось, но, похоже, все-таки оставалось неизменным. В фильме школа показывалась такой, какая она была в действительности, а не так, как ее было принято изображать. Дети не были безгрешными ангелами, и учителя не очень-то понимали детей, — все это никак не вписывалось в идеализированный образ школы «развитого социализма». Следовательно, творение Быкова для высоких инстанций было откровенной крамолой. «Как это может быть, чтобы в советской школе допускалась травля ребенка его товарищами, пионерами?» — возмущалась одна влиятельная дама, командовавшая Московским метро. Да и сам «Великий парт-князь Московский», Гришин, давил на руководство Мосфильма, требуя укротить Ролана Быкова. Одним словом, в точности так же, как школьники травили Лену Бессольцеву, партийные власти травили создателя фильма. Его детищу грозили уничтожением, объявляя режиссера клеветником и злобным очернителем всей системы народного просвещения. Вот в этих обстоятельствах мы вступили в борьбу за спасение «Чучела».

«Лена Бессольцева — это я», — сказал мне Быков. У руководства Мосфильма была возможность «прищучить» непокорного художника по чисто формальным основаниям. По договору со студией картина должна была быть односерийной, а не в двух сериях, какой ее сделал режиссер. От него потребовали сократить фильм более чем на треть. Помню ночь, когда мы сидели с Роланом у меня дома и мучительно думали, что же можно выбросить из фильма, не порвав его тонкую художественную ткань. Не только что треть, но даже пятиминутного эпизода нельзя было лишиться, не нарушив психологическую достоверность этой киноленты. В конце концов решили ничего не выбрасывать, а продолжать борьбу.

Между тем, директор Мосфильма, бывший комиссар милиции Сизов вызвал Быкова к себе «на ковер» и потребовал немедленно приступить к сокращению метража кинокартины. Последовал такой диалог:

Сизов: Ролан, фильм нужно сокращать, больше я тебе повторять не намерен.

Быков: Не стану.

Сизов: Ролан, хуже будет, я пошлю в твою монтажную какого-нибудь режиссера, и он сократит ленту. Ты же понимаешь, что он может вырезать из картины что-то для тебя особенно важное и ценное, лучше сделай это сам. «Неистовый Роланд» почувствовал, что вокруг него смыкаются стены Ронсевальского ущелья.

Диалог был продолжен.

Быков: Он не придет в мою монтажную.

Сизов: Как так?

Быков: Очень просто! Я его убью.

Сизов посмотрел на режиссера и, по-видимому, понял: и в самом деле убьет. Он кое-что знал о характере подчиненного.

Борьба за сохранение фильма продолжалась...

Мне, с помощью моего коллеги Михаила Ивановича Кондакова, удалось убедить тогдашнего министра просвещения Михаила Алексеевича Прокофьева посмотреть фильм. К счастью, мы имели дело с умным человеком. Картина получила путевку в жизнь (недавно М. И. Кондаков рассказал мне, что председатель Госки-

но Ермаш устроил тогда сцену Прокофьеву за неуместную поддержку идеологически ошибочного кинофильма).

Нас, конечно, огорчала мелкая и злобная месть Госкино — картина пошла в прокат минимальным числом копий. Впрочем, чего можно было ожидать от искусства, которым руководили «полицмейстеры». Для них было безразлично, чем управлять: театром или прачечной — лишь бы дали порулить. Ролан Антонович как-то рассказал о забавном эпизоде. Некий начальник над искусством потребовал, чтобы ему показали какой-то фильм. Подчиненный объяснил, что в настоящее время у него на руках нет ни одной копии картины. Последовал надменный ответ: «Если нет копий, то дайте оригинал». Другими словами, он, по-видимому, понятия не имел, что оригинал фильма — это негатив. Как бы то ни было, появление «Чучела» на экране было победой, доставшейся в тяжелых боях.

Я был убежден, что с окончанием работы над фильмом завершатся мое знакомство и общение с Быковым. Сошлись на встречных маршрутах, побыли вместе, поработали, повоевали и разойдемся в разные стороны. У него будут свои заботы, у меня — свои. Как это ни удивительно, такого развития событий не последовало. Мы остались друзьями на все последующие годы. Дружили домами, бывали друг у друга в гостях. Особое удовольствие я получал от общения с супругой Быкова — Еленой Всеволодовной Санаевой, умнейшей, обаятельной женщиной, поистине добрым ангелом Быкова.

С ним было весьма занятно ездить по городу в машине, практически все его узнавали. Едем по Петровке, надо свернуть на бульвары. Постовой милиционер показывает только прямо, никаких поворотов. Машина останавливается. Милиционер возвышается над крышей, шофер ему что-то объясняет. Ролан Антонович сидит рядом с водителем:

— Миленький! Посмотри на меня!

Милиционер соблаговолил заглянуть в машину:

— А, Ролан Быков, можете ехать! — и делает отмашку в сторону бульваров.

Без малейшего преувеличения скажу: Ролан Быков — яркий и интересный социальный психолог, уникальный знаток и философ детства.

Обычно он обещал прийти ко мне часов эдак к восьми вечера, однако приходил к одиннадцати, и не раз мы расставались, когда уже светало. Для меня особенно интересными были его опыты психологической реконструкции театральных пьес и кинокартин. Я всегда стремился включиться и внести свою лепту в творимую им социальную психологию искусства. Иногда это мне удавалось, но угнаться за Быковым не было дано никому. Вот, к примеру, его психологическая реконструкция знаменитой сцены в гоголевском «Ревизоре», где чиновники несут какую-то откровенную чепуху, пытаясь объяснить друг другу возможную причину появления в городе «сановника» из Санкт-Петербурга с «высочайшим поручением». «Чем объяснить, — рассуждает Быков, — что они дают такие бессмысленные объяснения? Уж не такие они глупые, эти хапуги и прохиндеи. Объяснение одно — страх. Но это еще не ответ. Чем страх вызван? Вот в чем вопрос. У меня складывается такое впечатление, что они боятся не только ревизора, но и выяснения своей причастности к его приезду по "Высочайшему повелению". Чиновник из Петербурга, насколько я знаю, мог приехать с важным поручением в губернский город, наконец, в уездный, но уж никак не в заштатный городишко с его "тяпкиными-

ляпкиными", "добчинскими" и "бобчинскими". Выдаю гипотезу. Все эти "отцы города" могли написать доносы друг на друга и, прежде всего, на городничего в Санкт-Петербург. Такое редкостное стечение жалоб и ябед, действительно, могло вызвать неожиданный эффект: назначение чрезвычайной ревизии. Тогда понятно: им необходимо было найти любые, даже самые дурацкие объяснения, лишь бы не выплыла причастность каждого из них к угрозе для всех».

Недоказуемо, но и неопровержимо! Но уж, во всяком случае, это небезынтересный ход мыслей Быкова. И в самом деле, появление петербургского чиновника в этом забытом богом и людьми медвежьем углу представляется невероятным. Я был в Устюжне, городке в Вологодской области, в самом начале 50-х годов. Покосившиеся деревянные домики, серые обвалившиеся заборы, улочки, которые так и не замостили с гоголевских времен. Казалось, что из-за угла вот-вот выйдет Держиморда или Свистунов. Как же надо было испугаться, чтобы поверить в приезд особы из Петербурга. Кстати, академик Сигурд Оттович Шмидт рассказывал мне, что в вологодских архивах один наш коллега раскопал запись, что в городе Устюжне в 20-е годы прошлого века появился некий господин с мальтийским крестом в петлице, жил в гостинице, не платил, чем вызвал беспокойство и пристальное внимание властей.

Психологический анализ феноменов кинематографа, осуществляемый Быковым, не мог не поражать точностью оценок и новизной трактовки, творческим переосмыслением многократно увиденного на экране.

Как-то Быков в нашем разговоре выстроил концепцию эволюции образа главного героя в советском кино. Изначально это простой рабочий паренек, идущий в революцию. К примеру, Максим у Козинцева и Трауберга. Рядом с ним плюгавый интеллигент, меньшевик или обуржуазившийся легальный марксист. Это для контраста и усиления эффекта. Затем вчерашние полуграмотные мастеровые выходят в полководцы и директора банков. Одним словом, облагороженная и доведенная до возможного правдоподобия материализация идеи «кухарки, управляющей государством». Затем на экране появляется вереница «простых советских людей», которые и рекорды ставят, и под гармошку вприсядку пройдутся, и тому же хлипкому интеллигенту жару дадут. Тем более он, возможно, «враг народа». Эти роли, полюбившиеся зрителю, исполняли замечательные актеры: Крючков, Алейников, Андреев и другие кумиры 30–50-х годов.

Ролан прав, ребята с моего двора стремились походить на Ваню Курского в исполнении Алейникова. Помню опасный инцидент. Мой приятель мило пошутил. В переполненном трамвае он громко сказал: «Тебе что? Советская власть не нравится?» Окружающие могли не знать, что это всего лишь воспроизведение реплики Вани Курского из фильма «Большая жизнь». Шутка мальчишеская, хотя и опасная. Но мы и были тогда мальчишками.

Где-то уже в 50-е главный киногерой, пожалуй, начинает осознавать, что для управления государством надо учиться. Он идет в вечернюю школу («Весна на Заречной улице»). И вот тогда только рядом с пастухами, доярками, шахтерами, сталеварами и «Сашей с Уралмаша» начинает появляться на широком экране фигура интеллигента («Журбины»). Он уже не путается под ногами у рабочего класса и тем более отнюдь не «враг народа». Как помнится, Быков считал, что новый главный герой утвердился на экране с появлением кинокартины «Девять дней од-

ного года», где роль молодого физика сыграл обаятельный актер Алексей Баталов.

Примерно так представлялась моему другу магистральная линия становления главного героя нашего киноискусства. Он, конечно, понимал, что были у этого пути различные ответвления и тупики.

Не оставался у гостя в долгу и хозяин, зараженный увлекательной идеей реконструкции истории кинематографа, предлагая свою версию на суд мэтру. Правда, в отличие от него я обратился к трансформации образа героини в советском киноискусстве, затронув, так сказать, женскую тему. Конечно, особую линию образовало развитие образа женщины-солдата: Анка-пулеметчица, Марютка из фильма «Сорок первый», комиссар из «Оптимистической трагедии» — всех не перечислить. Побочные линии, главным образом, выявлялись в музыкальных кинокомедиях. Однако магистральный маршрут у женщин был тот же, что и у мужчин — «светлый путь» (фильм Г. Александрова так и был назван) от простой работницы до государственного человека, депутата, директора и уж никак не «кухарки» в роли управленца. Однако случилось, как мне представляется, нечто, ставшее неожиданным и непредвиденным: «светлый путь», как оказалось, вел в тупик. И это оборвало линию развития образа «советской героини».

Это разрушение связано с появлением очень хорошего и более чем популярного фильма «Москва слезам не верит». Предполагаю, что ни сценарист, ни режиссер и сегодня не осмысливают сюжет фильма таким, каким его вижу я. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. В психологии различают «поступок» и «деяние». Предельно упрощая, поясню. Деяние — это поступок, рассматриваемый вкупе с его последствиями — «злодеяние», «благодеяние», к примеру. То, что создатели кинокартины разобрали рельсы «светлого пути», ни злодеянием, ни благодеянием не было. Это стало естественным результатом развития социальных процессов, который зафиксировали и объективно показали талантливые кинематографисты.

Вспомним фабулу фильма. Судьба трех простых работниц. Одна стремится к сладкой жизни и терпит фиаско, связавшись со спившейся знаменитостью. Вторая обретает доброго мужа — простого и бесхитростного, — шесть соток за городом, маленький домик, скромное благоденствие. Раньше бы сказали «мещанское благополучие». Третья проходит классический «светлый путь» и становится директором завода. Вот уж кто по всем канонам советского кино на вершине удачи и имеет все основания быть счастливой. Тут и полагалось поставить точку и возвестить титрами конец фильма. Ан нет! Оказывается, личное для не выдуманной, а вполне реальной советской женщины куда важнее общественного, а официальное признание — ничто перед крахом мира ее интимных чувств. Это было, на мой взгляд, потрясением идеологических основ нашего кино. Вот и сидит этот несчастный «красный директор» на кончике стула и который день ждет, когда выйдет из маленького запоя бросивший ее по причине мелких амбиций мужчина. Так кто же идет дальше по «светлому пути»? Директор? Депутат? Делегатка? Нет, награжденная тихим семейным счастьем женщина, обрабатывающая свой садово-огородный участок.

Правда, в разговоре я свернул с обсуждения темы «Советская женщина и кино» и вступил на другую опасную дорожку... Опасную тем, что рискую вызвать

гнев моих возможных читательниц, предложив несколько неожиданную, по всей вероятности, для них трактовку образа подлинного героя фильма — Гоши.

Для многих женщин Гоша — своего рода кумир. К тому же играл его все тот же неотразимый Алексей Баталов. Он на работе в НИИ едва ли не ключевая фигура и кому надо может физиономию «пощупать», защищая слабого. И дочку героини научит варить борщ. Он заботлив, решителен, умел — настоящий мужчина! «Горушка», на которую женщине, отвыкшей от ласки и заботы, так хочется опереться. Все это так. И я не хотел бы даже попытаться развеять известную женскую мечту о встрече с «настоящим мужчиной». И все-таки... я высказал Ролану опасение, что Гоша — это все же еще одно воплощение темы «героя» в нашем кино. Но уж очень странный поворот сделали авторы фильма.

Наверное, в своем НИИ Гоша — высококвалифицированный, все умеющий создать своими умными руками, — действительно фигура весьма заметная. Не обойтись же ученым без налаженных, не дающих сбоя приборов, исправно работающей аппаратуры и т. п. Однако не льстят ли безбожно на пикнике все эти профессора и членкоры, когда приписывают ему едва ли не решающую роль в их научных свершениях. Впрочем, Гоша это лестью не считает — он себе цену знает.

То, что герой женщин не уважает, — это лежит на поверхности и не требует доказательств. Вот те «заповеди», которым он, по всей вероятности, следует: женщина не может быть главой семьи и уж во всяком случае не может зарабатывать больше супруга, да еще в чем-то перечить ему. Все это под страхом разрыва с ней. Прощение она должна заслужить смирением, что и происходит в конце фильма. Да и в самом деле, не даст же она ему снова уйти в запой.

Трудно ей придется в дальнейшем — не простит он жене, что она директор комбината, а он всего лишь мастер, хотя и высоко ценимый.

Все эти непопулярные критические соображения я закончил вопросом к Быкову: не думает ли он, что апофеоз темы «героя» в нашем кинематографе — создание образа мещанина в рабочей спецовке, самодостаточного, амбициозного, хотя и весьма привлекательного.

Ролан спросил меня, не боюсь ли я своим очернительством кумира испортить отношения с «прекрасным полом». Пришлось признаться, что боюсь и шутя попросить его дать «подписку о неразглашении» моих посягательств.

Эту психологическую интерпретацию чудесного фильма «Москва слезам не верит» я как-то рассказывал за столом в компании, где был один кинодеятель.

— Мы, конечно, понимаем, что эта кинокартина — волшебная сказка с заведомо счастливым концом. Этим она, в первую очередь, дорога для зрителей. Вы берете под сомнение этот happy end?

— Я бы сказал, это не столько happy end, сколько возможный «end of happiness» — возможный конец счастью героини. Только представьте, что ее назначают министром. Простит ли ей Гоша этот непродуманный мезальянс? Сомневаюсь! Помню поэтические строчки: «Ходит птичка весело по тропинке бедствий, не предвидя для себя никаких последствий».

— Мрачную вы рисуете перспективу.

— Ничего страшного. Это все-таки кино, а не жизнь. Да минует нас и наших близких чаша сия!

Я не кинокритик и могу ошибаться. Однако, случись в те годы такая оценка, вышедшая из-под пера какого-нибудь влиятельного киноведа, кто знает, где оказался бы фильм: в кинотеатрах или «на полке». Не припомню, как Ролан Антонович отнесся к предложенной мною интерпретации фильма, слишком много было за это время у нас разговоров и дискуссий.

Еще одно обращение к социально-психологическим проблемам.

Меня всегда интересовала психология творчества. Очевидно, не случайно появление ее на многих страницах этой книги. Беседы с Быковым позволили многое понять. Особенно интересным было обсуждение того, как происходила эволюция психологии зрителя.

В 30–40-е годы, как считал мой собеседник, «массовый зритель» отличался удивительной непосредственностью. Он не очень-то различал персонажа фильма и артиста, который воплощал его образ на экране. В фильме «Ленин в 1918 году» фигурировал «шпик», — появление этого отвратительного субъекта в кадре порождало глухую ненависть в кинозале. Каждый готов был бы с ним расправиться. Но экран есть экран — после окончания киноволшебства перед зрителем было только белое полотно. Поэтому, как рассказывал Ролан Антонович, ударная группа зрителей, выяснив место жительства актера, слишком уж достоверно передавшего все мерзостные черты «шпика», отправилась его бить. К счастью, он не был обнаружен — ушли, побив стекла. Не правда ли, редкостный способ оценки актерского мастерства?

История, на взгляд нашего современника, удивительная — все-таки за полвека кинозритель научился отличать художественный образ, роль — от артиста, ее исполняющего. Но и недавние времена могли приносить сюрпризы. Мне, к примеру, известен случай, когда в качестве «кинокритика», дающего оценку популярности фильма, выступил... московский водопровод.

Это случилось во время показа по телевидению фильма «Семнадцать мгновений весны». Об этом мне рассказал один из создателей сериала — Татьяна Лиознова.

Первую серию москвичи посмотрели без каких-либо последствий для городского коммунального хозяйства. Зато вторая могла обернуться драматическими событиями.

В этот вечер можно было выглянуть в окно, чтобы убедиться, что на улице пусто, нет прохожих. Но в этом особой беды не было — все сидели у телевизоров... Опасным оказалось другое. Вода в городскую водопроводную сеть подается под определенным давлением с учетом ее «забора» в то или иное время суток. Однако в этот час никто не принимал душ, не стирал, не мыл посуду, не кипятил чайник. Все не могли оторвать глаз от Тихонова-Штирлица. Если бы не расторопность диспетчеров, трубы не выдержали бы давления, и Москва осталась бы без воды. К счастью, обошлось.

Не перечесть, о чем мы только ни говорили, оторвавшись от грустных размышлений о судьбе «Чучела» и путях его спасения от цензурных гонений.

Трудно найти более банальное заявление, если сказать, что Ролан Быков — мастер перевоплощения. В самом деле: Бармалей и Никита Сергеевич Хрущев, еврей-жестянщик из фильма «Комиссар» и русский партизан из фильма «Про-

верка на дорогах»! Все такие разные, непохожие друг на друга, неповторимые. Но меня поражают его перевоплощения другого рода.

Ролан Антонович Быков всегда был многолик: режиссер, артист, поэт, художник, философ и психолог детства, общественный деятель, знаток русского фольклора, способный читать лекции на филологическом факультете любого университета. Перечень можно продолжить. Позволю себе обобщение: российская культура конца XX века не знает другой столь же неповторимой личности. Многогранность личности человека обедняет рассказ о нем — так много остается недосказанного...

В октябре 1998 года Ролан Антонович Быков ушел из жизни. Незадолго перед смертью он крестился. Его духовным отцом стал священник Александр Борисов, последователь Александра Меня. Отпевали Ролана в церкви Козьмы и Демьяна, что наискосок от здания бывшего Моссовета. В храме было очень мало людей, только самые близкие, родные и друзья покойного, да несколько случайно забредших туда в эти часы молящихся. Служил отец Александр. Достойные слова над гробом достойного человека. Потом было многолюдье в Доме кино, бесчисленная череда людей, где мимо покойного шли и его друзья, и его недруги. Для всех было ясно, что прощаются с великим артистом. А что чувствовал каждый, о том ведает только Бог. Было разительно отличие того, что происходило в этом огромном зале, от скорбной тишины, царившей в храме.

На кладбище я не поехал — был очень простужен, явно болен. Я стоял на углу Васильевской улицы. Ждал машину, которая должна была за мной заехать в условленное время. На тротуаре мокли цветы, веточки зелени, оставшиеся здесь после выноса тела.

Я увидел, как от центрального подъезда ко мне бежит какой-то человек. Руки его как-то странно болтались не в такт его шагам. Подойдя ко мне, он спросил:

— Увезли?

— Увезли.

— Куда?

— На Новодевичье кладбище.

— На Новодевичье? Нет, я их не догоню.

— Не сомневаюсь, что не догоните.

Он потоптался около меня. На нем была старая шинель и фуражка военного образца. Новый вопрос:

— Вы не знаете, где будут поминки?

— Не знаю.

— Может, в каком-нибудь кафе рядом с Новодевичьим? Нет, он туда не пойдет. Он, наверное, в каком-нибудь ресторане будет. Сказывали, гроб у него палисандрового дерева с бронзовыми ручками. Нет, в такую, какую-нибудь забегаловку не пойдет. Вы точно не знаете, где будут поминки?

Я был несколько ошарашен обсуждением вопроса, куда «пойдет», а куда «не пойдет» покойник. Вообще-то я знал, где будут поминки — на Чистых прудах, в Центре Ролана Быкова, но делиться этой информацией с моим собеседником не собирался.

— А зачем вам знать, где поминки?

— Я там хочу выступить.

— Вы знали Ролана Антоновича?

— Конечно, знал. Он мне подписал фотографию, когда я был у него на концерте.

Вслед за этим он достал из кармана шинели, по-видимому, заранее приготовленную в качестве «пропуска» на поминальный ужин открытку с портретом Быкова. На обороте я разглядел знакомую подпись.

— Вы, наверное, военный?

— Да, я служил в военизированной охране. ВОХР, может, слышали?

Я, конечно, слышал и знал, что ВОХР было весьма «полезное» учреждение НКВД и МГБ. Мой собеседник вдруг повернулся и быстро побежал к подъезду, очевидно, в надежде получить нужные ему сведения у какого-нибудь более информированного человека.

Подъехала моя машина. Садясь рядом с водителем, я подумал: «Нет Ролана, не расскажешь ему и не посмеешься над трагикомическим финалом этого тяжелого мрачного дня».

6. Из досужих разговоров господина сочинителя с господином профессором

Когда же это было? Очевидно, лет тридцать прошло со дня моего знакомства с писателем Леонидом Лиходеевым. Было это в Ростове-на-Дону, в доме его племянника, а моего аспиранта. Мы как-то сразу подружились, подшучивали, «подкалывали» друг друга, щеголяли перед другими гостями эрудицией. Вообще, вели себя не очень скромно, что было, впрочем, объяснимо за столом, где среди даров юга было немало бутылок с соблазнительным содержимым. Я именовал его «господин сочинитель», игнорируя принятое в то время титулование «товарищ». Он обращался ко мне «господин профессор». Я требовал, чтобы он не фамильярничал и адресовался ко мне не иначе как «Ваше высокопревосходительство», поскольку профессор по дореволюционной табели о рангах имел чин генеральский, не ниже «действительного статского советника», а то и выше. Он же, по моему разумению, чина не имел и мог претендовать только на то, чтобы ему писали на конвертах «его высокородию г-ну Лиходееву». Это столь же мало говорит о ранге адресата, как английское обращение «эсквайр» или величание русскими извозчиками купца: «Ваше степенство».

— Позвольте возразить, — ответствовал уязвленный писатель, — согласитесь, я прохожу по ведомству сатиры. Не так ли?

Я не спорил.

— Тогда мой великий предшественник и духовный отец— Салтыков-Щедрин?

Опять-таки я не спорил, хотя тогда еще не знал, что мой собеседник напишет историю «града Средневозвышенска», — этого советского наследника знаменитого города Глупова. Правда, в нем был не «градоначальник», а секретарь обкома по фамилии Триждыправ.

— Между прочим, Михаил Евграфович Салтыков был вице-губернатором Рязанской и Тверской губерний. Следовательно, имел чин тайного советника. Кто поручится, что я не пошел бы в те времена по его административным стопам? На-

сиделись бы, господин статский советник, в приемной у его высокопревосходительства тайного советника Лиходеева.

Я был посрамлен.

Таким образом, мы с Леонидом Израилевичем уже тогда затронули тему «табели о рангах», которую в дальнейшем развили в последующих беседах уже в Москве. Однако придали этой теме другое, литературное направление. Жили мы в столице в соседних домах и могли встречаться. Сейчас я с горечью думаю, что этих встреч было мало...

Я попробую воспроизвести только два сюжета, затронутых в наших с ним разговорах.

Из беседы по поводу «Литературной табели о рангах». Как-то раз я позволил себе пересказать Лиходееву старую байку об одном самовлюбленном поэте. Вышел тот утром в столовую Дома творчества и, потягиваясь, сказал: «Написал ночью стихотворенье о любви. Закрыл тему!»

Леонид Израилевич терпеливо слушал меня, но потом заметил ехидно:

— Господин профессор! В мои молодые годы в таких случаях говорили: «Поднимите ногу... Вы наступили на бороду вашего анекдота!»

Я получил по заслугам, но потом был вознагражден продолжением беседы. Речь зашла о самооценке и уровне притязаний в творчестве. Причем, мы говорили не только о «количественной» стороне самооценки писателя, но и о качественной. Шла речь не о пыжащемся от гордости поэте, оставившем за одну ночь далеко позади сонеты Шекспира и Петрарки.

В разговоре я, конечно, упомянул и самоуничижение А. П. Чехова, самыми обидными словами характеризовавшего свои самые великие произведения, и негативную самооценку Л. Н. Толстого, им самим выставленную. При этом подумал, что этот сюжет достоин специального обсуждения (это впоследствии и было мною сделано)[1].

Впрочем, я рассказал, что вспомнил замечание Андрея Вознесенского о том, что Пастернак куда меньше ценил свои стихи и поэмы, чем роман «Доктор Живаго». Он считал свое поэтическое творчество чем-то вроде «заготовок» для своего главного произведения. Согласиться с этим я не мог, о чем и заявил Вознесенскому. Возражений не было. Похоже, последователь и духовный наследник великого поэта был со мной согласен.

Нет, с самооценкой у писателей не все благополучно. Пожалуй, ближе всего к этой мысли подошел некогда бродяга, а быть может, и разбойник Франсуа Вийон.

Я знаю, как на мед садятся мухи,
И знаю смерть, что рыщет, все губя.
Я знаю книги, истины и слухи,
Я знаю все, но только не себя.

Позволю себе добавить к последней строчке Вийона, применительно к писателям, слова «...но только не свое место в истории литературы».

Выслушав все эти мои экскурсы в тайны писательской души, Лиходеев скептически покачал головой.

---

[1] См. раздел «Факультет непризнанных гениев» в этой же главе.

— Вы, мой друг, говорите об исключениях, а вам как психологу приличествует находить правила и закономерности. Кстати, вы знаете, что такое «секретарская литература»?

Мне это было неизвестно, в чем и признался. Оказывается, секретари Союза советских писателей, а их было числом немало, обладали статусом «максимального благоприятствования». Они свободно могли издавать свои «собрания сочинений» гигантскими тиражами, печатать повести в массовом издании «Роман-газета» и пользоваться многими иными привилегиями. Все это не было доступно обыкновенным писателям.

«Литературные генералы» — так именовал их один из персонажей романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». У них и дача в Перелыгино (это, конечно, писательские «выселки» в подмосковном Переделкине), а там на даче пять комнат и стены, обшитые дубовыми панелями. Куда деться — секретари ССП, «генералы от изящной словесности»! — «литературная табель о рангах» в действии!

— Разрешите вам напомнить, что табель о рангах в вашей писательской общности сложилась еще в период Первого съезда писателей в 1934 году. На моей книжной полке имеется такой раритет юмористического альманаха «Парад бессмертных». Давайте возьмем его и познакомимся с тем, как складывалась чиновная иерархия в сообществе «инженеров человеческих душ». Вот отрывок из «Письма другу», опубликованного в альманахе. Мне кажется, есть смысл цитировать этот юмористический рассказ, хотя бы выборочно:

Дорогой друг!.. Хочешь знать, какие мои претензии к съезду? Изволь, вот они.

Ты, наверное, знаешь, что на съезде были гости, делегаты с решающим голосом, делегаты с совещательным голосом, президиум и так далее. Давай разберемся во всех этих рангах поподробнее. Установим, так сказать, табель о рангах писателей.

Михаил Кольцов, для которого нет ничего святого, говорил с издевкой, что писателям не нужно знаков отличия на петлицах. А почему, собственно, не нужно? И вообще, кто его, Кольцова, уполномочил высказываться от имени литературы по такому важному вопросу? Разве вопрос о литературных знаках отличия где-нибудь вентилировался? Он, Кольцов, проворачивал его в какой-нибудь инстанции?

Нет, нет и нет!

А посему — знаки отличия на петлицах просто необходимы пишущим людям. Это внесло бы огромную ясность. Во всяком случае, на съезде.

По существу — что мы имели на съезде? На съезде мы имели такие категории:

Гость с разовым билетом. По-моему, этому положению соответствовал бы в качестве знака отличия один кубик или, может быть, три треугольника.

Гость с постоянным билетом. Это уже писатель. Дадим ему три или четыре кубика.

Делегат с совещательным голосом — одна шпала.

Делегат с решающим голосом, безусловно, — две шпалы.

Член мандатной комиссии. Это еще повышение — три шпалы.

Член редакционной комиссии, еще выше — ромб.

Член секретариата съезда, ясно — два ромба.

Член президиума съезда — три ромба.

Член президиума — четыре ромба.

Не правда ли, ясно, просто и понятно?..

Но теперь возникает вопрос: на что могу рассчитывать лично я? Ты знаешь, я никогда не переоценивал своего таланта. Но по тиражу, по отзывам критики, по стажу я считал, что имею полное право на ромб-два (редакционная комиссия или секретариат). Правда, в последней моей книге критика нашла две маленькие мировоззренческие прорехи. Хорошо. Скинем на прорехи еще одну категорию. Но три-то шпалы я должен получить во всяком случае!

Мне дали совещательный голос (одна шпала – sic!).

Я краснею даже сейчас, когда пишу эти строки. Единственное, что меня утешает: я не один обижен. Два поэта, я знаю, вернули свои гостевые билеты.

— Вы, господин профессор, правы. Это, конечно, шутка, но в ней изрядная доля истины и предвидения. ССП все более превращался в бюрократическую систему, этакий департамент, пирамиду литературных чинов. Помните повесть Войновича «Шапка». Там ондатровая шапка, которую получали по официальному распоряжению, являла собой нечто вроде трех ромбов в петлице или звезд на генеральских погонах, а шапка из шерсти «кота домашнего средней пушистости» была эквивалентом кубика «комвзвода» или двум лейтенантским «звездочкам» на погоне с «одним просветом». Все то же самое. Писатель, униженный всего лишь гостевым билетом, не идет на съезд. Герой Войновича, оставшись без шапки из престижного меха, уходит из жизни. Кстати, как вы, наверное, заметили, «события» в повести Войновича развертываются в стенах и во дворе писательского дома, где я живу и имею честь иногда вас там принимать. И прототипы персонажей повести мне хорошо известны и едва ли не списаны с натуры.

— Итак, табель о рангах для писателей — это не более чем примета строго иерархизированного тоталитарного общества?

— Не согласен, вы однобоки, что ученому не к лицу. Кстати, вы были ассистентом, доцентом, профессором, членкором, теперь уже много лет академиком. Вас это восхождение по лестнице званий, вероятно, не шокирует. Но я не об этом. Неужели вы забыли, что и в литературе есть «гамбургский счет»?

Вот Чехов. Возьмем с полки пятый том. Открываем на 14-й странице. Перед нами рассказ «Литературный табель о рангах». Позвольте мне, в свою очередь, привести его полностью. Тем более он очень короткий:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТАБЕЛЬ О РАНГАХ

Если всех живых русских литераторов, соответственно их талантам и заслугам, произвести в чины, то:

Действительные тайные советники (вакансия).

Тайные советники: Лев Толстой, Гончаров.

Действительные статские советники: Салтыков-Щедрин, Григорович.

Статские советники: Островский, Лесков, Полонский.

Коллежские советники: Майков, Суворин, Гаршин, Буренин, Сергей Максимов, Глеб Успенский, Катков, Пыпин, Плещеев.

Надворные советники: Короленко, Скабичевский, Аверкиев, Боборыкин, Горбунов, гр. Салиас, Данилевский, Муравлин, Василевский, Надсон, Н. Михайловский.

Коллежские асессоры: Минаев, Мордовцев, Авсеенко, Незлобин, А. Михайлов, Пальмин, Трефлев, Петр Вейнберг, Сапов.

Титулярные советники: Альбов, Баранцевич, Михневич, Златовратский, Шлажинский, Сергей Атава, Чуйко, Мещерский, Иванов-Классик, Вас. Немирович-Данченко.
Коллежские секретари: Фруг, Апухтин, Вс. Соловьев, В. Крылов, Юрьев, Голенищев-Кутузов, Эртепь, К. Случевский.
Губернские секретари: Нотович, Максим Белинский, Невежин, Каразин, Венгеров, Нефедов.
Коллежские регистраторы: Минский, Трофимов, Ф. Берг, Мясницкий, Линев, Засодимский, Бажин.
Не имеющий чина: Окрейц[1].

Когда мы прощались, мой гость сказал:

— Вот вам домашнее задание. Составьте ваш собственный список по тому же «гамбургскому счету». Не так, как принято: «Горький, Маяковский, Шолохов, Фадеев, Леонов и т. д. и т. п. А я составлю свой. Потом сравним.

— А как мне быть с вами, господин сочинитель? Я вас в действительные статские произведу, не обидитесь, что не вровень с Львом Толстым поставлю?

— Меня вообще в список не включайте или в самый конец, не выше.

— Скромность у вас паче гордости. Неужели приравнять вас к Окрейцу, не имеющему чина?

— Господь с вами! Как можно? Окрейц, редактор черносотенного журнала «Луч». Чехов его именовал не иначе как Юдофоб Юдофобыч. А я все-таки Леонид, по отчеству Израилевич и настоящая моя фамилия Лидес. Не обижайте!

Как ему было не обижаться! Он тут же рассказал мне историю своего отца, до Октября и гражданской войны ученика школы в городке Гуляй-поле.

Помните, у Багрицкого строчки в «Думе про Опанаса»? «Словно перепела в жите Когана поймали. Повели его дорогой широкой, степною. Встретился Иосиф Коган с Нестором Махно. Посмотрел Махно сурово, покачал башкою, не сказал Махно ни слова, а махнул рукою». Цитирую по памяти, может быть, неточно. История моего отца вроде ничем не отличается от рассказанной Багрицким. Только конец ее не такой трагический.

Поймали махновцы мальчишку-еврея и повели за околицу, чтобы «пустить в расход». Махно сидел на ступеньках крыльца, опустив голову, лицо закрывали свисающие густые волосы. Получив удар прикладом в спину, паренек успел сказать: «Нестор Иванович, Нестор Иванович! А ведь я перед вами виноват». Махно поднял голову и прислушался. «Вы мне дали учебник и сказали: смотри, береги его, иначе накажу. А я его потерял». Бывший учитель покачал головой и распорядился: «Дать ему за это пять плетей и отпустить!»

Обошлось! Не получил пулю в лоб, как комиссар Коган.

— Вот так случалось с нашим братом. А вы меня с Юдофобом Юдофобычем изволите равнять. Обидно-с это, сударь!

Обращусь еще к одному сюжету, затронутому в наших разговорах.

Стукачи в «законе». Тему эту никак не назовешь приятной. Однако мы не обошли ее в наших беседах. Точно передать начало нашего разговора не берусь.

---

[1] Еще раз перечитывал список и, как это ни странно, поскольку расположение фамилий писателей во многом не совпадает с нашими сегодняшними представлениями об их значимости, похоже, что это и в самом деле немилосердный «гамбургский счет» по Чехову. Так ли это?

Кажется, речь шла о социальных феноменах, к которым наша психология обратиться не могла. На тему было наложено табу.

У нас не было сомнений в том, что ни одно государство в мире не может обойтись без института негласных сотрудников-осведомителей. Не исключаю, что разговор был инициирован обсуждением фильма «Место встречи изменить нельзя», одним из авторов его сценария был наш общий знакомый Георгий Вайнер.

Эта категория «государственных» людей — такой же необходимый атрибут общественного бытия, как разведка, контрразведка и другие спецслужбы. Разведчику, наверное, неприятно, когда его именуют «шпионом», — добровольному помощнику «органов» не так уж лестно слышать в свой адрес: «сексот», «стукач» и т. д.

Было бы просто глупо обвинять эту категорию людей чохом и без разбора. Другое дело — обсуждать их роль в условиях невиданного по масштабу размаха их участия в нашей жизни. Именно такой — фантастической по грандиозности, оказалась деятельность секретных сотрудников в годы нашего тоталитарного прошлого.

Для эпохи «сталинщины» работа секретных сотрудников была своего рода становым хребтом политического сыска. Их жертвами в 99,99 процентах из 100 были ни в чем не повинные люди. Но не идет же в сравнение с этим выполнение задачи внедрения в криминальную структуру агента угрозыска, как это случилось с одним из героев фильма, упомянутого выше. Роль Шарапова прекрасно сыграл артист В. Конкин.

Разумеется, не об этих негласных помощниках в борьбе с организованной и неорганизованной преступностью мы говорили с Лиходеевым.

Я рассказал, что осенью сорок первого, когда наша часть находилась еще в глубоком тылу, где получали технику, мне было торжественно обещано, что сразу же по прибытии в действующую армию моя семья получит на меня похоронку. Люто невзлюбил меня старшина Халин. Он мне пояснил: «Я таких склизких очкариков на дух не переношу. Мочи нет на них смотреть. Пристрелю как собаку. Там все на немцев списать можно!» Не берусь сказать, чем я ему так досадил. Утробная ненависть нередко в аргументах не нуждается. Как, впрочем, и любовь с первого взгляда.

Когда ему выдали пистолет, он, защелкнув обойму, шепнул мне: «Попомни, первая пуля здесь твоя». Приятная у меня была перспектива!

Спас меня не кто-нибудь, а секретный сотрудник нашего батальонного «особиста». Правда, в заслугу он себе это поставить не мог — не знал о мрачных замыслах моего врага.

Немцы, как известно, бросали с самолетов листовки, имеющие назначение «пропуска» для сдачи в плен. Зашуршали предательски эти бумажки, когда Халин складывал вместо подушки шинель, ложась спать. Листовку-пропуск он зашил в подкладку. Тот, кому это положено, имел тонкий слух — Халин был судим и расстрелян почти в первую неделю по прибытии на Брянский фронт. Так и не успел со мной разделаться.

Трудно сказать, эта ли история положила начало нашему разговору о «стукачах». Лиходеев развил сюжет, перенеся место действия из полуразрушенного де-

ревенского клуба, где смерть рукой дежурного по части потревожила сон изменника Родины, в знакомую мне «серую гостиную» московского Дома ученых.

Итак, Леонид Израилевич рассказывал:

— Сидит в этой гостиной Алексей Николаевич Толстой и вкушает пайковую пшенную кашу. Он, действительный член Академии наук, как и другие академики, получал в годы войны «дополнительное питание».

К его столу подскакивает какой-то шустрый молодой человек и сокрушенно восклицает: «Что же делается на свете! Граф, академик, великий писатель земли Русской! И он вынужден есть пшенную кашу с постным маслом! Позор! Позор!»

Толстой спокойно отложил ложку и сказал: «И каша вкусная, и вообще, мне все нравится. Так и доложите!»

Когда я выслушал эту забавную историю, то попытался вспомнить строчки недавно услышанного мною стихотворения. Оно содержало метафорическую трактовку того, о чем мы говорили. Тогда мне это не удалось, и я ничего не мог процитировать. Сегодня, через двадцать пять лет после памятного разговора, я разыскал это стихотворение, автором которого был мой сын, Вадим Петровский:

Жил-был смычок.
Он был — трепач.
Его ПОДДЕРЖИВАЛ скрипач,
Ему ПОДЫГРЫВАЛА скрипка.
«Да вы смельчак! — кивал скрипач. —
Здесь все свои. От нас не прячь!»
И память силился напрячь.
И струны льнули липко.
А тот — давай рубить сплеча!
Хоть насквозь видел скрипача,
И знал, что струн ажурный плач
В наушник слушает палач.
Но как сдержаться налету,
Обрушиваясь в пустоту?..

В те времена, да и позднее, «сексоты» были бытовым явлением, притом массовым. Не берусь судить о последней трети столетия, но что касается предшествующей эпохи, могу говорить с полной уверенностью. Если собралась поболтать, пошутить, выпить «по маленькой» компания числом более пяти-шести человек, то, наверняка, кто-то из них вечером напишет отчет «куда надо», о чем говорили, по поводу чего изволили шутить. При этом не исключалось, что если отчет полнотой не будет отличаться, ему могли сказать: «Странно, NN рассказал антисоветский анекдот, а вы об этом почему-то запамятовали». Одним словом, «органы» действовали по принципу: «Доверяй, но перепроверяй».

Страшно об этом писать, но мне рано или поздно (скорее поздно, чем рано) стало известно, что трое из моих хороших знакомых играли не столь уж почетную роль «осведомителя». Одна моя приятельница это обстоятельство по существу почти не маскировала.

Мама мне рассказывала: «Когда она приходит в дом в твое отсутствие, то минут через пять звонит по телефону, и я могу слышать примерно следующее: “Нет, еще не пришел... Были третьего дня... Нет, он его не знает... Что вы удивляетесь —

они же не только на разных факультетах, но и в разных зданиях... Спрошу обязательно... Я все поняла, говорю же, что спрошу... Позвоню завтра после 17 часов. Будьте здоровы, кланяйтесь тете и бабушке"». Никто из моих родных не спрашивал ее, кому и по какому поводу она звонила.

Только через сорок лет я позволил себе задать вопрос о том, какой тете и бабушке она велела тогда кланяться.

Спокойно закурив, эта седая, коротко стриженая женщина ответила, назвав меня моим уменьшительным именем, которое было когда-то в ходу в нашей компании: «Неужели ты не понимаешь, что я тебя тогда не закладывала, а выгораживала? Кто знает, чем бы для тебя все обернулось, если бы не моя "работа"!» Чем именно для меня могло нечто обернуться, я так и не узнал. Она вскоре после этого разговора ушла из жизни.

Леонид Израилевич, проигнорировав факт моего чудесного спасения «неизвестно от чего», заявил, что господин профессор и в молодости был либералом, позволял себе оказываться объектом чьих-то действий, а не субъектом своих поступков. И хотя эта слабость в крови русской интеллигенции, но есть и иного свойства образцы поведения в подобных обстоятельствах.

Так, по его словам, к Борису Леонидовичу Пастернаку повадился ходить один весьма докучливый посетитель. Писатель принимал его без особой радости, но и не возражал против его визитов на дачу в Переделкино. Друзья поэта, хорошо знавшие, что представляет собой этот визитер, предупреждали, что к нему наведывается стукач. К этим предупреждениям хозяин дачи отнесся философски. Однако когда оный субъект позвонил и попросил разрешения вновь посетить великого поэта, то ответ был такой: «Приезжайте, конечно, приезжайте. Вот тут все мои друзья говорят, что вы стукач. Но это не имеет значения. Я буду рад с вами поговорить». Визиты, разумеется, прекратились.

Борис Леонидович, — продолжил Лиходеев, — вообще отличался «наивностью» высказываний. Была ли она естественной или наигранной — судить не берусь. Случился в его жизни трудный период, когда денег у него фактически не было. Его не печатали. Кто-то из друзей посоветовал обратиться в Литфонд. «А дадут?» — поэт усомнился. «Дадут обязательно, дадут. Надо написать заявление». — «А тысячу рублей можно получить?» — «Пишите».

Было написано Пастернаком такое заявление: «В Литературный фонд ССП. Прошу выдать мне тысячу рублей».

Приятель пожал плечами: «Надо же как-то обосновать ходатайство, указать причину обращения». Пастернак вздохнул, превратил точку в конце заявления в запятую и дописал: «...чтобы жить. Б. Пастернак».

Это было в 1947 году, вероятно, в конце зимы или весной. Точно не скажу. Я сидел в комитете комсомола, то ли было его заседание, то ли я с кем-то разговаривал. В дверь просунул голову Андрей Иванович, начальник спецчасти. Парень он был, в общем-то, невредный, бывший фронтовик. Он поманил меня пальцем. Мы вышли в коридор.

— Давай пойдем ко мне.

— Зачем?

— Там с тобой хочет поговорить один человек.

— Кто?

Андрей Иванович помялся и сказал:

— Ну, как тебе сказать... Он из райкома партии.

Мне все стало ясно. Гости из райкома могли прийти и ректору и в партийное бюро, но не в комнатушку спецчасти на четвертом этаже нашего здания в Гранатном переулке.

Пока мы поднимались на четвертый этаж, мой мозг работал как быстродействующий компьютер (правда, о таких чудесах, как ЭВМ, мы тогда понятия, разумеется, не имели). Если бы на меня был в МГБ «компромат», меня бы вызвали в райотдел или, не дай бог, на Лубянку. Значит «компромата», по-видимому, нет. Тогда..? Тогда все понятно.

Должен признаться, я понимал, что и до меня, комсомольского активиста, может рано или поздно дойти очередь. На этот случай у меня, как у шахматиста, была «домашняя заготовка». Стоял вопрос, как «ввести ее в игру».

— Вы что, действительно, готовились к такой возможности? — заинтересовался Леонид Израилевич. — Редкостная предусмотрительность!

— Да нет — просто семейный опыт. Мою мать однажды пригласили в домоуправление на беседу к такому же «дяде». Тот сказал:

— Вы живете в большой коммунальной квартире. Я был бы весьма признателен, если бы мы изредка встречались, и вы кое-что рассказывали бы о ваших соседях...

Его собеседница не дала ему продолжить:

— Да, я и сейчас готова рассказать. Вот, например, моя соседка Шура. Муж у нее «пил горькую», от водки перешел на денатурат. Он буквально сгорел. По нему, говорят, синий огонек прошел. Правда, сама я этого не видела. Врать не хочу. Так Шура пьет куда больше. Она у плиты шатается. Меня она нечаянно толкнула, у меня очки упали. Одно стеклышко вдребезги. У Лизы Егоровой — манера: она белье постельное на кухне сушит. Мокрые простыни, все в желтых пятнах. Представляете, как в этой тесноте протискиваться. К Ире ходит любовник. По-моему, очень подозрительный тип. Одет хорошо, а в «авоське» всегда бутылка, да не одна... И глаза у него бегают. Здоровается, а сам в глаза не смотрит...

«Дядя» ее терпеливо выслушал и сказал:

— Не знаю, вы, извините, либо дура, либо очень умная женщина. Идите. Мы с вами ни о чем не говорили.

Но мать была неработающая домохозяйка — со мной бы такой номер не прошел.

— Господин профессор! Простите! Меня интересует не ваша глубокоуважаемая матушка, а лично вы. Так в чем состояла «домашняя заготовка»?

— Потерпите! Итак, захожу в комнатушку спецчасти. У окна спиной к свету сидит человек. Расспрашивает меня: как я учусь?

— Доволен ли факультетом? Какие планы на будущее? Аспирантура? Конкурс? Ну, здесь можно помочь. Вы же активист, член комитета комсомола. А какую кафедру вы для себя выбрали? Психологии? Ну, это прекрасно! Знать все о человеке, уметь «читать в сердцах», понимать причины его поступков...

Игра принимала для меня опасный характер. Спокойный «дебют» готов был быстро скатиться к «эндшпилю», где все ходы моего собеседника уже были предо-

пределены. Мне же нужен был, простите, за навязчивую шахматную терминологию, «миттельшпиль».

Как мне удалось перевести разговор на международное положение, не могу припомнить. Но сумел. «Райкомовец» легко соглашался со мной, что наши вчерашние союзники стали опаснейшими врагами, что их разведка и контрразведка не дремлют и т. д. и т. п.

— Зачем вам понадобилось радовать его рассуждениями о происках врагов социализма и лить воду на его мельницу? Такой ли вы были хороший шахматист?

— Еще раз прошу, господин сочинитель, потерпите! Тем более с этого момента я уже играл не в шахматы, а в шашки, в «поддавки».

— Да, — задумчиво сказал я «представителю райкома». — Была бы моя воля, я был бы готов принять участие в борьбе за безопасность нашей социалистической Родины. Даже если бы мне пришлось поехать для этого далеко за ее пределы.

Те двое, сидящие передо мною, были явно удивлены моим желанием и готовностью пойти по пути Маты Хари, полковника Лоуренса, Сомерсета Моэма и других знаменитых разведчиков.

— Что же вам мешает осуществить такие намерения? Вам можно в этом помочь.

— Многое мешает. Во-первых, я плохо знаю иностранный язык. Собственно, знаком только с немецким, и то в пределах вузовского курса. А вы знаете, как это у нас поставлено!

Мои собеседники не могли взять в толк, куда я гну, но должны были как-то реагировать:

— Ну, есть курсы иностранного языка, ускоренные.

— Знаю. И язык мне дается легко.

— Так в чем дело?

— Есть одно обстоятельство.

— Какое?

— Мне же придется дать подписку о неразглашении секретных сведений. Правда?

— Конечно, как же иначе?

Нет, они все еще не понимали меня. Между тем у меня была, наконец, возможность реализовать «домашнюю заготовку», которая к деятельности рыцаря «плаща и кинжала», крадущегося по улицам Нью-Йорка или Парижа, никакого отношения не имела. Она требовалась для сугубо внутреннего употребления.

Я тяжело вздохнул:

— Нет, я такую гарантию дать не могу. Ничего у меня не получится.

— Почему?!

— Видите ли, хоть мне не хотелось бы об этом говорить, но у меня есть один недостаток. Может, он и не так существен в обычных условиях, но в обстановке секретности...

— Какой недостаток? — В один голос воскликнули Андрей Иванович и его гость.

— Я разговариваю во сне. Особенно, если перевозбужден. Родители говорили мне, что я такое выкладываю... Нет, это невозможно. Тем более говорить-то я буду по-русски. Это уж точно. Нет, это просто невозможно. Я знаю психологию —

«сноговорение», как и «снохождение» (сомнамбулизм) сознанием не контролируется.

Партию в «шашки-поддавки» я выиграл. Мы еще немного поговорили, но «райкомовец», очевидно, интерес ко мне потерял.

Когда мы с Андреем Ивановичем остались наедине, он мне сказал: «Ну ты и жук, оказывается!»

Я был доволен такой аттестацией, но только пожал плечами: силы были на пределе.

Выслушав мой рассказ, Лиходеев заключил:

— Как я понимаю, вы таким образом сдали экзамен по практической психологии. А к экзаменам в аспирантуру вас допустили? Не помешала ваша принадлежность к упомянутым насекомым?

— Допустили. Я их благополучно сдал. И вы по праву именуете меня господином профессором. В прежние, давние времена то, что сейчас называется аспирантурой, действительно именовалось подготовкой к получению профессорского звания.

— Так вы, как я понимаю, не жалеете, что так и не стали «добровольным помощником» славных чекистов. Нехорошо это, господин профессор, непатриотично!

Что я мог ответить? Что было, то было. Чего не было, того не было и быть не могло.

Масштаб, с которым следует подойти к человеку, нередко осознаешь с опозданием. Иногда с фатальным опозданием. Писатель Леонид Лиходеев, если уж прибегнуть к «гамбургскому счету», мог быть отнесен к верхней части «литературной табели о рангах». Его знали как блестящего сатирика, смеялись, читая его юмористические книжки. Друзья имели возможность убедиться, что он еще и превосходный художник — уж очень хороши были его дружеские шаржи. Между тем пройдут годы и, оставив позади суету нашего смутного времени, читатели и критики оглянутся и все расставят по местам. Тогда станет ясно, что Лиходеев был литературной звездой первой величины, одним из наиболее ярких дарований второй половины нашего века.

Я лежал в больнице, когда узнал, что он умер и уже похоронен. Навсегда останется горечь, что не простился, что встречался с ним реже, чем мог и хотел.

...Захлопнул том его романа «Семейный календарь, или Жизнь от конца до начала». Невольно подумалось, что последний календарный листок оторвался, закружился в воздухе и куда-то исчез. Начала жизни моего друга я не застал, к концу опоздал...

...Прошло два года после ухода из жизни Лиходеева. Я зашел к его вдове, Надежде Андреевне. О чем бы мы ни говорили, она невольно возвращалась к одному и тому же больному для нас вопросу «Как издать третий, полностью готовый том “Семейного календаря”». Мы с ней снова и снова перечитывали письмо, которое получил ее муж от Виктора Астафьева. Из письма этого, иной раз до жестокости прямого человека, было ясно — он ставит роман Лиходеева выше любого исторического романа того времени. Письмо датировано 1991 годом. Я не стану называть имя упомянутого Астафьевым автора, написавшего о жизни и судьбах нашего поколения, поскольку сравнение было не в его пользу.

Однако как тогда можно было решить проблему издания третьей части романа в наш меркантильный век? Даже чтобы сделать публикацию тысячи экземпляров, требовалась сумма, эквивалентная трем-четырем тысячам долларов. Где их было достать? Кто на это пожелал бы тратиться — все-таки третья часть, не отдельный роман. Вместе с тем представим читателя, для которого знакомство с Наташей Ростовой обрывается в момент смерти князя Андрея Болконского! А что с ней было дальше? Неизвестно... по финансовым причинам. Так никто бы не узнал о ее счастливом браке с Пьером Безуховым. Роман «Семейный календарь» должен был неусеченным попасть в руки читателя. «Рукописи не горят!» — сказал один большой писатель. С этим никто не станет спорить — это давно стало расхожей истиной.

Думая о судьбе романа Лиходеева, я тогда вспомнил его афоризм: «Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе». Все произошло «так, как должно быть», а не иначе — третий том «Семейного календаря» в руках у читателя.

7. Песни сквозь время

Некогда в Вологодском пединституте я был знаком с немного чудаковатым доцентом, уже немолодым человеком. Он упорно, из года в год, осуществлял весьма странный эксперимент. Когда-то он преподавал в школе историю. И вот, каждые три года он находил и опрашивал своих прежних учеников. Его интересовало, что они помнят из русской истории. Выяснилось, что после первых трех лет из памяти ушло 70–75% учебного материала, и прежде всего вся хронология. Сохранилось три-четыре даты, не более. Еще через три года они не могли сказать, кто раньше жил: Федор Иванович или Анна Ивановна, и вообще, что о них известно. Еще через три года способны были сказать о Петре I, нашествии Наполеона и Октябрьской революции.

Через девять лет после окончания школы практически ничего не осталось в памяти его учеников. История государства Российского выглядела как несколько маленьких островков среди огромного болота, куда кануло почти все, что они когда-то плохо ли, хорошо ли, но все-таки знали. Печальный для системы образования урок, хотя и не противоречащий законам психологии памяти.

Когда я начал писать этот рассказ, в моей памяти сохранилось кое-что из курса истории зарубежной литературы. Помню, что бродячие певцы, исполнявшие песни собственного сочинения, назывались в Средние века трубадурами, менестрелями, миннезингерами, мейстерзингерами, труверами, бардами. Но из моей памяти выпали различия между ними. Упомянутые законы памяти за истекшие пятьдесят лет «сработали». Между тем меня заинтересовало, почему так укрепилось понятие «барды» для обозначения авторской песни. Полез в энциклопедическую справочную литературу и пришел к выводу, что правильнее было бы закрепить за ними титул менестрелей — они ближе к этому по жанру. Кстати, менестрели исполняли свои сочинения под гитару. Но надо считаться с традициями и привычками, поэтому будем и впрямь называть их бардами.

Я помню, как после окончания Великой Отечественной войны в Москве произошло событие поистине сенсационное — из эмиграции возвратился Александр Вертинский. Явление это было поразительное. Еще недавно пластинки с его песнями слушали тайком, чтобы, упаси бог, не донесли соседи. Имя этого «белогвардейца» было под запретом. Афиши, где большими буквами было напечатано: «Александр Вертинский», потрясали не меньше, чем незадолго до этого «литые» погоны генералов и козыряющие им «золотопогонные» офицеры.

Как-то раз я видел Вертинского, который, ведя за руку двух маленьких девочек — впоследствии знаменитых киноактрис, — прогуливался около гостиницы «Москва». Кажется, первое время он жил там. И вот зимой 1946 или 1947 года наш институт устроил концерт Вертинского. За организацию вечера отвечал я. До сих пор помню мое отчаяние — ситуация складывалась драматически. Клуб около Белорусского вокзала, который нами был арендован, как оказалось, не отапливался. Зрители сидели в шубах и перчатках. Над залом клубилось легкое облачко пара. И, бесспорно, я был виноват — не предусмотрел. Заглядываю в артистическую уборную. Высокий, статный, широкоплечий, удивительно величественный артист, как тигр в клетке, ходит из угла в угол.

— Звоночки разрешите давать, Александр Николаевич? — робко спрашиваю.

— Какие там звоночки! Звонки давайте! Звонки!

На сцене Вертинский у рояля. Он во фраке. В мерзлом зале на это было страшно смотреть. Но как бесподобно он пел! Когда прозвучали слова: «Я поднимаю свой бокал за неизбежность смены, за вашу новую любовь и новые измены...», он медленно протянул руку к крышке рояля и в его руке сверкнул хрусталь. Это было чудо! Никакого бокала не было, но его изумительное исполнение породило полную зрительную иллюзию.

Конечно, Вертинский был великим артистом. Я не считаю, что память о нем может быть принижена, если отнести его к числу бардов. В конце концов, и слова, и музыка, и исполнение многих его песен — все это принадлежало ему. Вот только гитары не было. У рояля был его неизменный аккомпаниатор Михаил Брохес. Я виноват в том, что тогда подверг его риску простудиться, но не в том, что ныне причислил его к сословию бардов...

В 40-е годы на вечеринках студенты пели не только тогда еще не напечатанную романтическую «Бригантину» Павла Когана, но и шуточно-пародийные песни: «Ходит Гамлет с пистолетом, хочет кого-то убить. Он недоволен белым светом и думает, быть или не быть...». Или: «Отелло — мавр венецианский — один домишко посещал. Шекспир узнал про это дело и водевильчик написал... Девчонку звали Дездемона, лицом, что полная луна. На генеральские погоны, эх, да польстилася она».

Впрочем, одна из этих популярных в те годы песен вышла за пределы студенческого круга. Я, например, слышал, как ее вполне всерьез пел в вагоне подмосковной электрички предприимчивый нищий: «В своей великолепной усадьбе жил Лев Николаевич Толстой. Не ел он ни рыбы, ни мяса, ходил постоянно босой! Жена его — Софья Толстая — обратно любила поесть, не ходила по усадьбе босая — хранила семейную честь...». Протягивая руку за подаянием, он завершал «компрометирующую» великого писателя историю о своей матери, к которой «Лев Николаевич пристал», трогательным призывом: «Любезные братья и сест-

ры, я сын незаконный его. Подайте, кто может, сколь может, поддержите потомков его!» Представьте, ему охотно сыпали мелочь в засаленную кепку.

Вряд ли кто-либо тогда и много лет спустя знал автора этих «шлягеров». Между тем их было двое — Владимир Шрайбер и Алексей Охрименко. Правда, в последние годы мне называли третьего соавтора — Юрия Кристи, о котором я прежде ничего не знал. О первом я только слышал, но знаком с ним не был. Говорили, что этот эрудит Шекспира читал в подлиннике. Со вторым я был знаком. Не раз встречал в доме моей однокурсницы. Ее маленькую комнату в коммуналке литературным салоном назвать нельзя было. Но путь к ней знали ее друзья и поклонники. Среди них были профессор Александр Реформатский и писатели Морис Ваксмахер, Юрий Нагибин и Даниил Данин, композиторы Марк Фрадкин, Виталий Гевиксман, художники Владимир Руднев и Петр Суздалев. Раньше других я познакомился с Лешей Охрименко. Он приходил с неизменной гитарой и никогда не отказывался петь.

Жена Леши (первая? вторая?), Кира, преподавала в институте английский язык. Думаю, что вторжение богемы в лице Леши в ее респектабельную семью не было в радость самой Кире и ее маме. Предполагаю, что в одной из шуточных песен барда эта ситуация нашла отражение.

От имени своего «приблатненного» персонажа Леша повествовал о том, что его угораздило неудачно жениться. Его супруга «Ира — поклонница Шекспира» и ее мамаша досаждали ему разговорами о великом драматурге. Однажды они его затащили в театр на пьесу «Коварство и любовь». Герой песни не выдержал этой пытки и убил обеих, и Иру и ее маму, за что был осужден и попал в тюрьму. Песенка «Коварство и любовь» заканчивалась так: «И там мне объяснили, что зря меня судили, что пьеску эту не Шекспир, а Шиллер написал».

Не слышал я о нем лет тридцать, хотя и понимал, что жизнь у него сложилась несладко. Как я недавно узнал, Леша работал в тюремной газете редактором. Он шутил, что газета его называлась «Солнце всходит и заходит». С прототипом «поклонницы Шекспира» он разошелся. Года два назад мне сказали, что Леша, одряхлевший, больной, выступал с концертами и пел свои старые песни. Встречали его аплодисментами, а провожали овациями, по-видимому, в зале были слушатели, помнящие свое далекое студенческое прошлое. По странному совпадению, он умер в один день с моей приятельницей, познакомившей нас когда-то в тесной комнате на Каляевской улице.

В самолете, следовавшем из Парижа в Москву, я летел в салоне первого класса. Это очень приятное путешествие, особенно, если билет в этот привилегированный салон за немалые деньги купил не сам, а кто-то другой. В данном случае это был ЮНЕСКО. Взлетаешь с бокалом шампанского в руке, сам себе желаешь «мягкой посадки» и потом тебя услаждают яствами и напитками, которые могли бы украсить стол не только в московском, но и в парижском ресторане.

До Шереметьева оставалось не более часа летного времени, когда матерчатые шторки, отделявшие совершенно пустой салон, где я читал позавчерашние «Московские новости», разом были раздвинуты, и стюардесса привела из «туристского салона» какого-то человека. Она усадила его в последнем ряду. Я не обратил на него никакого внимания, пока он не пересел на соседнее место и доверчиво положил мне голову на плечо. Стало ясно, что его хорошо «накачали» перед отлетом.

Когда он вышел в туалет, я быстро поставил свой портфель на соседнее кресло, чтобы он не мешал мне читать.

Вернувшись, он что-то проворчал, но сел в кресло чуть подальше. Потом достал пачку сигарет, но закурить не смог. Я, так и не взглянув на его лицо, помог ему — вытащил сигарету из пачки и раскурил ее для него. Когда мы прилетели, за моим попутчиком зашла бортпроводница и увела к выходу. Возвратившись, она чуть виновато мне объяснила:

— Понимаете, уж очень на него все пялились в общем салоне. Но это первый раз с ним такое — он ведь часто с нами летает туда-сюда. Марина просила за ним приглядывать. — Только тогда я понял, кто отдыхал на моем плече, вспомнив, что перед посадкой в аэропорту обратил внимание на очень красивую женщину. Мне было невдомек, что это Марина Влади.

Не хочется, чтобы кто-нибудь расценил все это как претензию на знакомство с Владимиром Высоцким. Достаточно того, что среди наших писателей и артистов едва ли не каждый третий оказывается лучшим, а иногда и единственным другом Владимира Высоцкого. Может, это так, но я, разумеется, ни на что не претендую — случайное соприкосновение, не больше.

Я не упомянул бы об этом забавном эпизоде, если бы не было на то особых причин. К примеру, оказался я как-то на одной московской кухне в небольшой компании, где был талантливый бард Юлий Ким. И пел он хорошо, и разговор был интересный, но сюжетом для повествования это стать не могло. Другое дело, когда речь идет о Высоцком. Он интересен для меня как социально-психологический феномен.

Не стану высказывать свое мнение о нем как о поэте и композиторе — не компетентен. Сказать, что это был замечательный артист? Но это знают все, и добавить к этому нечего. Меня интересует другое, то, что не вытекает непосредственно из поэтического и музыкального дарования и даже не объясняется его артистическим талантом. Было немало замечательных артистов и поэтов, не менее талантливых, но только один Владимир Высоцкий обладал харизмой. Можно сказать так: ему было ниспослано русским народом то, что называется благодатью. Недаром только одному поэту после Маяковского и Есенина в Москве поставили памятник. И любовь к нему была всенародной, и смерть его была принята народом как личное горе. В чем же дело?

Я не думаю, что кто-нибудь решился бы прочитать его стихи и исполнить на эстраде его песни. Безнадежная затея! Ничего не получится. Его произведения органически неотчуждаемы от их создателя. Есть ли аналоги этому? — я таких не знаю, где творчество и личность оказались бы столь нерасторжимы. Но это еще не объясняет сущность феномена Высоцкого, хотя само по себе и примечательно.

Зайдем с другой стороны. Высоцкий выдвинулся в эпоху, о которой Борис Пастернак сказал: «Прощайте, годы безвременщины». Так может, все дело в том, что он был диссидентом? Может и так, но уж явно не таким, как Александр Галич. В прежние времена под каждой песней или стихотворением Галича прокурор мог проставить: «Статья 58.10 (антисоветская пропаганда)». Так учитель ставит под ученическим сочинением красным карандашом двойку.

Нет, к числу диссидентов Высоцкого причислить нельзя. Это уж слишком по-европейски звучит. На мой взгляд, он был не диссидент, а бунтарь. Русский бун-

тарь: и не в словах его песен было дело. К тексту цензуре трудно было бы «прицепиться». У Пушкина сказано: «Радищев, рабства враг, цензуры избежал...». А уж бунтовщик был первостатейный. «Эзопов язык» — надежное оружие русских писателей, дававшее отечественной литературе дышать на протяжении двух столетий.

Александр Галич напрямую писал о смерти Бориса Пастернака, затравленного функционерами, партийными и литературными. Высоцкий создал «Охоту на волков», где нет ни имен, ни фактов. Его поэзия не обращена к конкретному событию. Это мощное обобщение. Маяковский писал о «безъязыкости» улицы. В творчестве Высоцкого, в его хриплом, гневном голосе, в ярости его протеста безъязыкая улица обретала право на крик, на ненависть, на неприятие сущего. В этом подлинная народность его таланта и истоки всенародного признания. Рекламе всеобщего благоденствия в обществе «развитого социализма» противопоставлялось будоражащее душу отрицание этой идиллии, которое несли песни Высоцкого. Вот уж кто был воистину выразителем души народной. Отсюда и бесконечные очереди в памятные дни на Ваганьковском кладбище, и его надсадный голос с магнитофонных кассет чуть ли не в каждом доме, и не подверженная забвению любовь к нему.

Я не пишу книгу, посвященную истории российских бардов, и, разумеется, поэтому могу позволить себе лишь нанести отдельные штрихи на ее поля.

В 60-е и 70-е годы движение, возглавляемое КСП (клубом самодеятельной песни), приобрело широкий размах. Выступления бардов напоминали дореволюционные «маевки» и воспроизводили соответствующий фрагмент фильма «Юность Максима».

Посвященных инструктировали: «У пригородных касс Савеловского вокзала стоит девушка в белом платье с синим поясом. Она скажет вам, до какой станции взять билет на электричку. А на перроне указанной ею станции вас встретит паренек в полосатой рубашке с букетом ромашек. Он объяснит, как добраться до поляны, где состоится концерт». «Конспирация»! Но все-таки это было связано не с опасением противодействия со стороны властей, а с целью не допустить чрезмерного скопища слушателей. Однако нельзя думать, что «власть предержащая» так уж безучастно относилась к деятельности бардов. Один из них рассказывал, что его вызывали «куда надо» и рекомендовали не песенки петь, а делом заниматься. КСП закрывали. Юлий Ким свою подлинную фамилию спрятал под псевдонимом и стал Михайловым. Горком, руководимый партийным «генерал-губернатором» Москвы Гришиным, придумывал новые и новые утеснения для КСП, но «самодеятельные песни» все-таки выжили, завоевав право именоваться «авторскими». Наследники трубадуров, менестрелей и труверов начиная с 70-х годов собирали многочисленные аудитории. К примеру, «Грушинский фестиваль» в Жигулях, где менее 60–70 тысяч слушателей никогда не было.

В общем-то многие замечательные представители этого жанра так и остались не на Парнасе, а у его подножья. Некоторые из них, очевидно, переживали это как снижение своего литературного имиджа. Может быть, этим объясняется, что хороший прозаик Булат Окуджава одно время более или менее демонстративно дистанцировался от «низкого» жанра — «самодеятельной песни».

Правда, это отчуждение длилось недолго. Ему, в общем-то, не было нужды стесняться того, что всесоюзную известность он обрел, главным образом, за счет

«Леньки Королева», «Последнего троллейбуса» и других его песен, а не в связи с «Путешествием дилетантов» (при всем уважении к этой повести). И похоронная процессия, впоследствии заполонившая весь Арбат, шла к гробу поистине «короля бардов», а не автора исторических романов.

Не могу не вспомнить, что в середине 80-х годов в стане бардов случилось нечто шокирующее. «Вожак певчей стаи» Булат Окуджава опубликовал в газете «Правда» статью, в которой предрек близкую кончину авторской песни. Если бы сообщество бардов было сектой (а не условной группой, отличающейся от реальной группы отсутствием контактов лицом к лицу), то следовало бы предать авторскую песню ритуальному самосожжению. К примеру, разложить костер в КСП из разломанных в щепки гитар.

Однако ничего подобного не произошло. К счастью, замечательный бард ошибся, и авторская песня обнаружила весьма высокую жизнеспособность. Продолжались Грушинские фестивали, собирая на склонах Жигулевских гор десятки тысяч слушателей. Летом 2000 года состоялся 27-й Грушинский фестиваль, в котором участвовало более двухсот тысяч человек. На гражданскую панихиду по авторской песне это отнюдь не походило. Барды концертировали по всей стране и очень часто оказывались со своими песнями за рубежом, где их выступления проходили с большим успехом.

В конце 60-х годов я преподавал в Московском госпединституте имени Ленина. Его аббревиатуру МГПИ порой расшифровывали как «Московский Государственный Поющий Институт»... Именно из его стен вышла славная когорта бардов: Юрий Визбор, Ада Якушева, Юлий Ким, Вероника Долина, Борис Вахнюк, Вадим Егоров.

Егоров был моим студентом, весьма популярным в институте. Его песни «Друзья уходят», «Я вас люблю, мои дожди», «Пьеро» знали почти все.

Как-то в факультетской стенгазете я прочел строки, написанные кем-то из студентов: «Пусть я неведомый пиит, но верю я, что очень скоро узрит меня Вадим Егоров и, в гроб сходя, благословит». Одним словом, знаменитость институтского масштаба.

С тех пор прошло сорок лет. Вышли его стихотворные сборники, компакт-диски, его голос часто звучит на телеэкране и по радио. Я люблю его творчество и неслучайно не один раз цитирую Вадима на страницах этой книги.

Мне думается, что питомцы музы Мнемозины (покровительницы искусств и богини памяти) — российские барды — прочно перешли из категории пасынков в сыновья. Впрочем, произошло это не по ее божественному велению, а стало результатом изменений в жизни общества.

Не берусь с достаточной уверенностью охарактеризовать причины уже вполне определившегося успеха авторской песни. Вероятно, эту задачу должен был бы решать не психолог, а искусствовед. Однако, как мне кажется, есть некая психологическая составляющая этого успеха. Во-первых, совершенно очевидно преимущество устного творчества во всех его проявлениях по сравнению с тем, что может быть зафиксировано на «бумажных носителях» (применим современную компьютерную лексику). Одним словом, то, что в конце концов попадает на полки книжных магазинов и нередко там пылится, не получая спроса. Радио, телевидение, Интернет, видео- и аудиокассеты — все это дает преимущество тем, кто

имеет возможность их полноценно использовать. Авторская песня, как и другие родственные ей музыкальные жанры, получает в этом случае важные приоритеты. Во-вторых, можно говорить о чисто психологических аспектах успеха, который сопутствует представителям этого жанра. Создатели песни, поэт и композитор, если можно так сказать, как бы делегируют право передать свои чувства слушателям и зрителям, и тогда артист «оперирует» этими «заемными» чувствами на публике. Это своего рода «ретранслятор» мыслей и эмоций поэта и композитора. Все, что он делает, полностью укладывается в рамки так называемого ролевого поведения, феномена, обстоятельно описанного социальными психологами. К примеру, первым номером он исполняет арию Гремина, где сообщает о том, что «любви все возрасты покорны», а вторым номером возмущается в связи с тем, что «люди гибнут за металл». Иное дело барды. Они передают публике свои чувства и мысли без посредников. И музыка, и стихи, и исполнение, и аккомпанемент — все это оказывается воплощенным в одном человеке. Именно в связи с этим он наиболее полно представлен в сознании зрителей и слушателей, персонализирован в них, находит в них свою «отраженную субъектность».

Может быть, неслучайно песни Вертинского, Галича, Высоцкого, Окуджавы, Визбора пробиваются сквозь толщу времени и сохраняются в нашем сознании.

Заключение, отчасти лирическое, отчасти педагогическое

> На необъятном ландшафте Вселенной,
> Посеребренном светом Селены,
> Феба, впитавшие жгучие токи –
> Кто мы: поток или щепки в потоке?
> Кто мы, влекомые этим теченьем?
> С кем мы? Надолго ль? Куда и зачем мы?
> Боже! — Ты можешь ответить на это?
> «ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЖДИТЕ ОТВЕТА...»[1]

Как бы высоко я ни ставил талант поэта, не могу обойтись без критических замечаний. Поэт сверкает яркими метафорами, но некорректно ставит вопрос. Собственно, незачем ждать ответа, ответ ясен.

Мы, научные работники, хоть скучны и въедливы, но мыслим вбитыми нам в голову категориями диалектической логики. «Или ... или»? А не лучше ли «и ... и»?

Поток времени выносит нас то на опасную стремнину, то грозит подводными камнями, затягивает в омуты или прибивает к берегу. Но человек активен, он не отдается на волю волн, он сопротивляется, осмысливает то, что происходит. У него возникают мысли, которые не могли бы попасть в его голову еще за несколько лет до этого опасного плавания. Время, в котором он жил, то расцвечивается яркими красками, то предстает перед ним в унылом, тягостном обличье. Тяжелый поток времени все перемешивает между собой, и так трудно отделить одно от другого, выделить нечто и осмыслить.

Главная загадка, которую он никогда до конца не сможет решить, это ответ на вопрос: «Кто я сейчас и каким я был в прошлом. Что принесло, а что унесло из моего сознания течение времени?»

Когда я задумывал эту книгу, мне казалось, что если поставить события в контекст конкретного времени, чего собственно и требует психология как наука, то можно будет обойтись без повторения безрадостных слов «ждите ответа, ждите ответа». Однако, как ни жаль расставаться с лирико-философскими рассуждениями, приходится возвращаться к прозе нашей повседневной жизни.

Ответ на вопрос: «Кто мы и как мы соотносимся с историческим временем?» очень нелегок.

Вот, например, проблема, широко обсуждаемая ныне, — легитимность Единого государственного экзамена, по истории, в частности. При поступлении в вуз требуется получать предельно точные ответы на столь же предельно лапидарно поставленные вопросы.

Предположим, предложен вопрос: «Во время Великой Отечественной войны какое влияние оказала деятельность И. В. Сталина на исход событий?». Абитуриент должен выбрать один из нескольких вариантов ответа.

---

[1] Стихи В. Егорова.

Первый ответ: позитивное влияние, которое, в конечном счете, привело к победе над фашистской Германией.

Второй: негативное влияние на ход событий, что вызвало огромные территориальные и людские потери и, в конечном счете, победа оказалась пирровой.

Третий: победа советского народа над фашизмом произошла не благодаря, а вопреки действиям Верховного главнокомандующего. Не имело никакого принципиального значения, кто оказался во главе Вооруженных сил и страны в целом, и к победе мы все равно пришли бы, может быть, раньше, а может быть, позже.

Нашему воображаемому абитуриенту пришлось бы выбрать один из четырех ответов. Он не посмел бы сказать экзаменатору: «Ждите ответа, ждите ответа» — время на выполнение теста ограничено.

Между тем, сама постановка проблемы является надуманной. В ее основе лежит концепция преподавания истории как совокупности истин в последней инстанции. Абитуриентам трудно произвести выбор. Они пришли из разных школ, имели разных учителей, выросли в разных домах. И здесь основные подводные камни на пути решения обнаруживает хронопсихология.

В одном из разделов этой книги сказано о психологической двойственности времени. Это относится не только к личной жизни современника, но и к общему восприятию эпохи.

Если бы весной 1945 года меня спросили, как назвать эпоху, в которой мы тогда жили: великой, победной или трагической, — я бы наверняка выбрал первый вариант, оставив за пределами сознания десятки миллионов бессмысленно, бездарно загубленных человеческих жизней. Но почему так много людей ответило бы на первый вариант ответа теста согласием? Это тоже объяснимо. Люди были уверены, что есть в Кремле человек, который за всех думал, за всех решал, все предвидел, прозревая победу через годы войны и лишений. И удивляться этому видению людей, шедших в бой, не приходится. В противном случае смерть была бы для них куда страшнее. В конце концов, не к его ли ногам были брошены фашистские знамена и вымпелы?

И у второго ответа есть свои резоны. Уничтожение в годы, предшествующие войне, почти всего высшего комсостава Красной армии, лишенные всяких оснований доверие, а может быть, даже вера Сталина в то, что Гитлер не нападет на СССР, его приказ «не поддаваться на провокации», после чего миллионы советских воинов полегли на полях сражений и попали в плен.

И у третьего ответа на вопрос теста были свои резоны. Русский народ, как свидетельствует история, мог управиться с ворогом, каковы бы ни были стоящие во главе армии военачальники. Поднимается «дубина народной войны» и начинается уже не раз фигурировавшая в русской истории победная молотьба...

Не следует ли предположить, что в основе единого государственного экзамена лежит простейший метод «тыка», поскольку никаких объяснений, разъяснений, аргументов экзамен не требует. И мышление экзаменующегося так и остается для экзаменатора за семью печатями. Остается неизвестным, какие книги он прочитал и что он в них вычитал, что ему объяснил педагог, какими учебниками он пользовался, приходилось ли ему когда-нибудь отстаивать свою точку зрения. Одним словом, как была преодолена им психологическая двойственность исторического времени? Все это оказывается недоступным в процедуре ЕГЭ.

История закономерно перетекает в психологию, точнее — в хронопсихологию. Необходимо сравнить, что и как мы видим сегодня с тем, что видели вчера и, главное, как мы это видели.

Ждать ответы на все так называемые «проклятые» вопросы не следует, надо искать эти ответы. Каким же образом искать?

Мой друг, академик Борис Михайлович Бим-Бад, создает такую методику преподавания истории, которая исключила бы саму возможность использовать метод «тыка». В основе его подхода лежит доверие к мыслительным способностям, которые далеко не всегда воспринимаются в наших образовательных учреждениях как сколько-нибудь надежная опора для формирования способности школьников к историческому анализу социальных процессов и явлений. Ученики осваивают методы внутренней и внешней критики исторических источников, равно как и сравнительной оценки их достоверности и различных трактовок. В результате развивается склонность и способность к историческому мышлению. Школьники будут располагать в этом случае инструментами выбора наиболее достоверных интерпретаций прошлого. Изучение истории необходимо для того, чтобы понять настоящее и заглянуть в будущее (В. И. Вернадский).

Хронопсихология сопровождает историю на этом пути.

Приложение

Здесь автор еще раз напоминает читателям о ныне уже опознанном литературном жанре «ретрохроноперемещений».

За 6 лет до дуэли

Былое нельзя воротить...
Выхожу я на улицу и вдруг замечаю:
У самых Арбатских ворот извозчик стоит...
Александр Сергеич прогуливается...
Ах! Завтра, наверное, что-нибудь произойдет!

Булат Окуджава

Не такое уж это удовольствие ходить взад и вперед по узкому тротуару, сторонясь прохожих и вообще стараясь не привлекать к себе чьего-либо досужего внимания. К тому же мне было холодно. Апрель в этом году выдался не очень теплым.

Я, конечно, знал, что пришел к этому месту вовремя, поскольку сопоставление дневниковых записей и некоторых писем, отправленных на другой день после званого обеда в доме отставного ротмистра гвардии Пашкова на Чистопрудном бульваре, не могли вызвать у меня сомнения, однако не с точностью же до получаса определялось время появления интересующих меня лиц.

Устав, я прислонился плечом к стене хорошо знакомого мне с юности арбатского дома. Из подъезда, за которым я наблюдал, уже два раза выходил лакей, поглядывал в мою сторону, очевидно, я представлялся ему достаточно подозрительной личностью.

На другой стороне улицы в беспорядке были разбросаны небольшие особняки с белыми под мрамор колоннами. За ними гущевали огромные сады, норовя выплеснуться на улицу густыми разлапистыми ветвями.

Ко мне подошла какая-то баба в забрызганной грязью юбке, держа в руках корзину, покрытую довольно чистым полотенцем: «Купите, барин, прянички — медовые, сладкие, дешевые, — скороговоркой сказала она, — не пожалеете». «Чертовы инструкции, — думал я. — Пряники так увлекательно пахнут». Но я хорошо знал, что не имею права совершить ничего, кроме того, что входило в мою задачу, и не произвести никаких действий, которые могли бы иметь хоть какие-нибудь последствия. Конечно, сюжет Рэя Бредбери остроумен, но все-таки в действительности оттого, что путешественник во времени в эпоху динозавров раздавил бабочку, политическая конъюнктура в Америке через миллион лет измениться не могла. Случайность такого рода не может обрушить цепь великих закономерностей природы и общества. Тем не менее, надо проявлять сугубую осторожность.

Баба еще топталась возле меня, соблазняя медовыми пряниками, как вдруг послышался грохот. Приткнувшись к тротуару, стояла телега, груженая бревнами. Вероятно, их верхний ряд был плохо закреплен, и они с шумом раскатились поперек улицы, полностью загородив проезд для экипажей. Извозчик, неказистый му-

жичонка, наскоро растаскивал их в обе стороны, освобождая проход для приближавшегося кабриолета. Кучер, проезжая, зло выругался и хлестнул кнутом по плечам и спине мужика. Тот втянул голову в плечи и отошел от телеги. Это происходило как раз у интересующего меня подъезда.

Наконец, дверь подъезда растворилась и на улицу вышла в сопровождении лакея богато одетая дама. Ее взору представилась неприглядная картина. Ломовой извозчик пытался втолкнуть бревно на верх телеги, но, увидев гневно смотрящую на него женщину, явно заробел, уронил его, чуть-чуть не перебив себе ноги, сорвал шапчонку и низко поклонился. Дама отвернулась и посмотрела направо вверх по улице. Теперь я смог ее разглядеть. Да, бесспорно, красива. Миниатюры, которые я видел, ей не льстили. Однако эталоны красоты существенно меняются век от века, и в чем здесь дело, не берусь судить. Тут я явно не компетентен. Может быть, причиной была нынешняя изощренная косметика, может быть, искусство парикмахера. Кто знает! Судить все-таки надо по меркам позапрошлого века. Она, в самом деле, была хороша.

Повернув голову налево, молодая дама увидела стоящую неподалеку карету и неспешно, почти величественно пошла по тротуару. Подойдя, она что-то сказала лакею и, не приняв его руки, не то что вошла внутрь, а вспорхнула туда.

Мне надо было действовать. Я быстро пошел в том же направлении и занял стратегически важную позицию между подъездом и каретой, не сомневаясь, что сейчас же или минутой позже появится на улице и ОН. Молодожены, как известно, в свои счастливые дни медового месяца больше, чем на десять минут, расстаться не способны. Так оно и случилось.

Я никогда не думал, что он такого небольшого роста. Его черный цилиндр не делал его более высоким, а, похоже, производил как раз обратный эффект. Он увидел лошадь, ломовую телегу, раскатившиеся бревна..., рассмеялся, похлопал мужичка по плечу и сказал: «Ну, братец, угадал — мостить бревнами Арбат. Твое счастье, что по близости я не вижу квартального. Скорее выпутывайся из этой беды». Извозчик при упоминании о квартальном три раза мелко перекрестился, а человек в цилиндре быстро пошел к карете. Я оказался у него на дороге:

— Милостивый государь, не соблаговолите ли вы уделить мне одну минутку времени?

Он остановился и неприязненно спросил:

— В чем дело? У меня нет этой минутки.

— Видите ли, я хочу прочитать вам стихи.

Тут он, потрясенный моей наглостью, более внимательно на меня посмотрел.

— Мне недосуг слушать ваши стихи, — буркнул он и рукой подвинул меня с дороги.

— Почему мои? Ваши стихи.

Темперамент у него был явно холерический. Он зло выкрикнул:

— Я не нуждаюсь в уличных чтецах моих стихов. Когда надо, я читаю их сам, — и пошел к карете.

Я спокойно в спину ему сказал:

«Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,

Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.
Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра».

— Да, собственно, почему его императорское величество Александр Благословенный больший враг труда, чем предшествовавшие ему царственные особы, за исключением, конечно, Петра Алексеевича? Или вы не могли найти другой рифмы для завершающего этот катрен слова «труда»? Для такого мастера, как вы, это же пустяк.

От моей иронии, рассчитанной специально для того, чтобы удержать его около себя, он, по всей видимости, оторопел. Некоторое время он молчал, обводя тростью один за другим булыжники на мостовой. Выписав несколько подобных вензелей, он повернулся ко мне и спросил:

— А почему вы считаете, что это мои стихи?

Тогда я голосом следователя Порфирия Петровича сказал:

— Чьи же еще, батюшка, Александр Сергеевич, ваши. Вы и сочинили-с.

Пушкин твердо посмотрел мне в глаза и спросил:

— Вы случайно не племянник его Высокопревосходительства генерала Бенкендорфа?

— Милостивый государь, я из другого ведомства, очень далекого от Третьего Отделения.

Последовал ответ:

— Я давно подозревал, что кто-то очень интересуется моими бумагами, занимается, очевидно, перлюстрацией. Мой лакей успел вас заметить.

— Это уж вовсе несерьезно, многоуважаемый господин Пушкин. Вы прекрасно знаете, что эти стихи там никто не мог найти. Припомните, 19 октября прошлого года вы сожгли наброски для X главы «Евгения Онегина». Правда, несколько четверостиший вы зашифровали, да так ловко, что их и через сто лет с огромным трудом сумели прочитать. Вот уж что ныне было бы не под силу «умникам» из Третьего Отделения. Среди зашифрованных строф была как раз и та, которую я позволил себе прочесть вам. Однако вы не должны порицать себя за случившееся аутодафе. Не поступи вы таким образом, кто знает, может быть через четыре месяца после этого жертвоприношения, а следовательно, сразу после женитьбы, вы могли бы отправиться в свадебное путешествие по Сибирскому тракту.

Говоря это, я как-то внутренне ежился. Что я себе позволяю! Как можно в таком тоне беседовать с Великим поэтом! Однако не я сценарист и режиссер этого представления, я всего лишь исполнитель предложенной мне роли.

В это время очаровательная супруга, потеряв всякое терпение, вышла из кареты и направилась к нам. Одарив меня недобрым взглядом, она по-французски напомнила мужу, что их ждут в гости на Чистых прудах. Почти не задумываясь, он сказал:

— Дорогая Натали, пожалуйста, поезжайте вперед. Я возьму извозчика и через полчаса приеду. Мне надобно серьезно переговорить с этим господином, — и нежно взяв жену под руку, он проводил ее в экипаж.

Надо было развивать успех.

— Уважаемый Александр Сергеевич, — сказал я, — мне хотелось бы предложить вашему вниманию несколько интересных карточек, — я достал из кармана небольшой пластиковый пакетик, в который были завернуты фотоснимки.

Пушкин провел рукой по бакенбардам и с презрением бросил:

— Это, вероятно, французские непристойные картинки с голыми девками. Так вот, это меня не интересует. Я их достаточно, — тут он понизил голос и оглянулся на карету, — повидал в натуральном виде. Их у вас с удовольствием купит вон тот отрок. Для него это будет увлекательное зрелище.

По другой стороне улицы проходил мальчик лет 12–13. За ним плелась гувернантка. Однако вопреки этому заявлению я заметил, что мой собеседник с большим интересом смотрит на пакетик. Я достал фотографии, но он отстранил их и взял в руки тонкий пластик. Ощупал его с явным удивлением и вдруг неожиданно для меня по-детски улыбнулся, подтянул его к губам, слегка присборил и надул. Затем выпустил из него воздух и весело рассмеялся. Я понял, что весь мой план сейчас пойдет прахом. Он попросит у меня пакет, я не смогу ему отказать, хотя Инструкция категорически не допускает, чтобы какие-либо предметы остались после моего исчезновения из этих мест. На мое счастье его любопытство было преодолено щепетильностью. Он, вздохнув, вернул мне заинтересовавшую его вещицу. Взглянув на фотоснимки, взял их. По-видимому, то, что он увидел, было для него полной неожиданностью, он посмотрел одну за другой фотографии и взглянул на меня с полным изумлением.

Дело в том, что это были снимки Арбата разных годов, начиная с последних лет XIX века. Можно было видеть, как на каждом из них возникают изменения, которые все более и более отдаляли Арбат от того облика, который был сейчас перед нашими глазами. Каждый снимок был датирован вплоть до 2000 года. Пушкин вытянул одну из «картинок», я посмотрел — год 1967, и спросил:

— Что это за тюлени и крокодилы на мостовой? Кстати, и булыжника не видно. Похоже, что это утрамбованный гравий.

Как ему объяснить, что такое автомобиль? Я сказал, что это самодвижущиеся повозки, которые очень быстро перемещаются с места на место.

— Если бы вы забрались внутрь этого «крокодила», то были бы на Чистых прудах через две-две с половиной минуты, конечно, если какой-нибудь растяпа не рассыплет бревна, — это была хорошо продуманная в Хроноцентре комбинация. Можно было убедиться, как изменяется во времени предметный мир и оказывается возможным прозревать будущее. Вернув мне карточки, он сказал:

— Благодарю вас. Пройдемте, пожалуйста, в дом, — посмотрел вниз по улице и вздохнул. Карета, все это время стоявшая у тротуара, медленно отъезжала. Наталье Николаевне, видно, надоело ждать.

У самого подъезда он спросил меня:

— А что это за дощечка, которая около подъезда? Она видна на многих картинках. Там очень мелкие буквы, но свою фамилию я разглядел. А, между прочим, это дом не мой, а госпожи Хитрово. Не произошла ли какая-то неприятная путаница?

— Госпожи Хитрово? Все эти подробности, вероятно, будут интересны для нескольких историков, а для всего русского народа это раз и навсегда «Дом Пушкина», и никак иначе.

Был бы передо мной обыкновенный человек, у него от радости могла бы закружиться голова. Но предо мной не было «обыкновенного человека». Пушкин некоторое время смотрел через мое плечо так, как будто позади меня стоял кто-то очень высокий. Потом снял цилиндр и вытер платком лоб.

Мы вошли в переднюю. Он что-то приказал лакею, тот поклонился. Поднимаясь по лестнице, мы молчали. Потом он пояснил:

— Я снимаю комнаты на втором этаже.

Не доходя до кабинета, Пушкин вдруг остановился и несколько раз постучал по полу тростью:

— А вы, случайно, сударь, не оттуда?

Я ответил:

— У вас есть великолепная возможность проверить. Осените меня крестным знаменем и прикажите: «Изыди, сатана». И если я не провалюсь в адском дыму и пламени сквозь навощенный паркет, то ваши сомнения исчезнут.

Он засмеялся, но все-таки указал тростью на потолок:

— И не оттуда?

Вообще-то это объяснение меня устраивало. Не рассказывать же ему устройство, задачи и технические возможности Хроноцентра — безнадежное это было бы дело. Я напустил на лицо выражение загадочности и многозначительно промолчал. Однако наивно было ожидать, что я смогу провести умнейшего человека XIX столетия, который давно понял, «откуда» я прибыл. Он потрепал меня по плечу и сказал:

— Вы, многоуважаемый, в этом доме ни Богу свечка, ни черту кочерга. Кстати, я не знаю, как вас величать.

— Алексей Петрович Крымский, к вашим услугам, — я поклонился.

— О звании и чине спрашивать, очевидно, не надо, — я подтвердил это кивком головы.

— Ну что же, пройдемте в мою временную обитель, — и он повернул бронзовую ручку двери кабинета.

Мы вошли. Классический музейный интерьер — мебель красного дерева «павловский ампир» — был нарушен беспорядком бумаг на бюро, ворохом женского платья на ближайшем кресле. Из-под платья выглядывала белая с оборочками юбка, явно интимная часть белья Наталии Николаевны. Проследив за моим взглядом, хозяин снял с себя крылатку и набросил ее на «нескромные сокровища», скрыв их от моих взоров. Разумеется, я не стал выяснять, почему Наталье Николаевне понадобилось переодеваться не в будуаре, а в кабинете мужа. Не говорить же о «странностях любви» медового месяца.

Хозяин кабинета прошел к небольшому поставцу, стоящему в углу, вытащил бутылку, две рюмки и сказал мне:

— Может быть, для начала выпьем по рюмочке. У меня неплохой лафит.

Выпить по рюмочке с Александром Сергеевичем Пушкиным для меня означало, может быть, главное событие моей жизни. Если бы в мою рюмку был налит не

лафит, а денатурат, я бы все равно выпил. Но Инструкции!.. Инструкции... с их запретами! Вздохнув, я сказал:

— Зарок. Ни капли вина до Троицы.

— Сожалею, — улыбнулся он и добавил, — по всей вероятности, вы давненько в Москве не были. И я полагаю, не менее чем тридцать лет.

— Почему тридцать лет?

— Ну, двадцать пять.

— А почему двадцать пять?

— Видите ли, жилет, который вы носите, был в моде году в 1805 или 1809. Конечно, на Арбате никто на вас пальцем указывать не будет, но я бы вам не советовал появляться в свете.

Он был прав. Черт бы взял этих девчонок из Русского отдела исторической костюмерной. Они мне всучили жилет, которым я пользовался сравнительно недавно, когда был направлен в Москву для того, чтобы сфотографировать рукопись «Слова о полку Игореве», хранившуюся у графа Мусина-Пушкина. У историков возникал целый ряд вопросов, связанных с неграмотностью писцов, которые, не зная многих слов, употреблявшихся в те далекие Игоревы времена, вносили в текст копии малопонятную отсебятину. Как известно, это привело к сомнению в подлинности «Слова...», рукопись которого сгорела во времена московского пожара в 1812 году вместе со всей библиотекой графа. Я выполнил это задание, хотя испытал много трудностей, прежде чем сумел проникнуть в святая святых. К своему стыду, я должен признаться, что «роскошный московский денди» вынужден был обольстить дочку смотрителя Коллекции.

Александр Сергеевич прервал мои воспоминания, спросив:

— Но, однако, вы, господин Крымский, прибыли сюда не для того, чтобы читать мне на улице стихи, показывать интересные картинки. У вас ко мне, вероятно, какие-то серьезные дела, не правда ли?

— Вы правы, я здесь не без корысти. Хотя опасаюсь, что могу быть слишком назойливым. И этим вас раздосадовать. Литературоведы, я имею в виду ученых XXI столетия, поставили передо мной ряд вопросов, на которые можете ответить только вы сами. Дело в том, что существует огромное количество книг историков и филологов, посвященных вашему творчеству. Но не все понятно. Не все места ваших рукописей расшифрованы. У меня здесь есть небольшой перечень этих вопросов. Может быть, вы на них ответите. Это касается и некоторых инициалов, непонятных и измененных фамилий, намеков на какие-то обстоятельства и т. п. Ну, словом, у меня есть список, составленный специалистами, так называемыми «пушкинистами». Я сам в этом не очень смыслю, но запишу все то, что вы мне скажете, если, конечно, соизволите ответить.

Подумав, Пушкин сказал:

— Соизволю, — и четко, последовательно, с полной откровенностью ответил на все поставленные вопросы от первого до последнего.

Я заметил:

— Очень рад, что вы не беспокоитесь о том, что это прочтут ваши ближайшие потомки. Это прочтут более чем через двести лет.

— Я потому и говорю все как есть. Но вы ничего не записывали. Вы сумеете все это воспроизвести по памяти?

Я улыбнулся:

— Вот, послушайте, — положив руку на вторую пуговицу моего сюртука, я повертел ее, и через некоторое время в комнате раздались наши голоса. Это был фрагмент из только что законченного интервью: «...Ответьте на такой вопрос, каких двух лиц вы имели в виду, когда писали Дельвигу о полной полярной противоположности их натур, при этом один далеко пойдет, а другой, как вы заметили, далеко поедет». — «Неужели вашим историкам не было понятно? Конечно, Горчакова и Кюхельбекера. Каламбур весьма пророческий, но очень уж мрачный. Ну, о судьбе Кюхельбекера вы, естественно, знаете — в какие дальние края он был отправлен, а что касается Горчакова, то я убежден, что он сделает большую карьеру. Может быть до "действительного статского" дослужится».

— Поднимайте выше. Канцлером будет, министром иностранных дел. Вот так!

Последовало молчание...

— Ну что же, я сегодня и не таких чудес наслушался. Кажется там, в передней, я допустил ошибку. По-видимому, мне надо было воззвать к Отцу нашему и попросить «избавить от лукавого»...

Я возразил:

— Если бы ваши далекие предки слышали, как брегет в вашем жилетном кармане вовремя вызванивает вам завтрак и обед, они сочли бы все это дьявольскими происками. Механика, дражайший Александр Сергеевич, не стоит на месте. Она движется вперед.

Надо сказать, что пуговицы на моем сюртуке были многоцелевым агрегатом, обеспечивающим аудиовизуальную запись всего, что происходило с момента нашей встречи на Арбате. Следует также признаться, что вопросник, который я предъявил, как и ответы, мною полученные, были, конечно, крайне интересны историкам, однако ради этого никто бы меня не отправил в столь дорогостоящее путешествие. Это была всего лишь прикрывающая версия. Задача заключалась в том, чтобы я привез фильм, где героем был бы сам Пушкин.

Поэт отошел от меня к бюро. Сел в кресло. Подпер голову рукой и сказал:

— Я сочинил много сказок, но в сказки я не верю. В эту я поверить вынужден. Чем и как я могу вас отблагодарить? Денег, вам, очевидно, предлагать не надо. Они вам ни к чему, — я кивнул. — Так что же я могу вам дать?

Я не мог устоять против соблазна.

— Если бы вы так расщедрились, что дали мне две, я уж не говорю, три страницы ваших черновиков, пусть уже явно вам не нужных, это был бы самый замечательный подарок, который я когда-либо получал в жизни.

— Извольте. — Он порылся в бумагах, вытащил одну страничку, проглядел ее, потом откуда-то из другого места — другую, наконец — третью. Хитро посмотрел на меня и достал четвертую. Еще раз просмотрел каждую и передал мне. — Только зачем они вам? В лавке за них и полушки не дадут. Для того чтобы заворачивать селедку, они слишком малы. Между прочим, уважаемый Алексей Петрович, стихи эти напечатаны и изменений здесь было не так уж много. Разве что мои бездарные рисунки на полях. Да и боюсь, что мои поэтические таланты вы слишком преувеличиваете, сударь.

— Что касается их стоимости... Я не намерен продавать их кому бы то ни было. Это государственное достояние. Что касается реальной цены этих страничек, то,

как бы вам это объяснить... Ну, скажем, так. Они стоят примерно 150–200 душ крепостных, не меньше, и одну-две деревеньки.

— Что?! — вскричал Пушкин. — Вы, наверное, шутить изволите.

— Ни в коем случае. Правда, что касается так называемых «душ», то через тридцать лет сын вашего нынешнего государя Александр II освободит крестьян от крепостной зависимости и счет «на души» утратит свое значение.

Тут я увидел, что он потрясен.

— Крепостных больше не будет... больше не будет, — бормотал он. — Это невероятно, но я вам верю, — как-то особенно подчеркнув последнее слово, произнес он. — За это... за это, — он обвел глазами комнату, как-то оценивающе приглядываясь к каждой вещи. Потеребил цепочку часов, а потом вдруг нагнулся и выхватил из лубяной корзины, стоявшей подле бюро, столько бумаг, сколько мог удержать в руке. Это были перечеркнутые, разорванные и совсем целые листочки. Не глядя на них, он сунул мне в руки эти бумаги. Переведя дух, иронически заметил:

— Однако, уважаемый Алексей Петрович, у вас руки дрожат, — в это время я с излишней торопливостью засовывал полученные мною драгоценности во внутренний карман сюртука. — Может быть, еще одну деревеньку сможете прикупить.

— Какую деревеньку, уважаемый Александр Сергеевич! Село с церковью с пономарем, кабаком и кабатчиком в придачу.

Мы рассмеялись.

— Вы мне позволите, в свою очередь, задать вам один вопрос, — почему-то нерешительно спросил он меня.

— Ну разумеется, — это был рискованный шаг. Надо было с самого начала догадаться, каков будет этот вопрос.

— Скажите, когда я подобно вещему Олегу «могильной засыплюсь землею»?

— Дорогой Александр Сергеевич, я не кудесник, который предсказывает кончину человеку. Этого вам не надо знать.

— Но вы-то знаете?

— Знаю. Но говорить не буду. Это лишнее, — тут я увидел, что он побледнел и положил руку на сердце.

— Но это будет не скоро, не скоро, — поспешил я его заверить. Я буквально покрылся холодным потом. А что, если с ним приключится инфаркт или, как тогда это называли, разрыв сердца? Тогда я окажусь величайшим преступником столетия. Сердце поэта — не бабочка Рэя Бредбери. Вся история русской культуры развалится как карточный домик. Даже этот «великосветский шкода», Жорж Дантес, в сравнение со мной не пойдет. Там все-таки был поединок. Что тогда делать? Останется только найти кратчайший путь к Москве-реке и утопиться. К счастью, я увидел, что мое неопределенное обещание («это будет не скоро») как будто успокоило его. Отлегло от сердца. Но я чувствовал, что его мучит еще один вопрос, только он не решается его задать. Потом все-таки вымолвил:

— А Натали... Наталия Николаевна в мой смертный час будет со мной? — все было понятно. Для молодожена очень важно узнать, останется ли ему до кончины верной его жена.

— Да, — сказал я, — Натали Николаевна до последнего часа будет рядом с вами.

Он буквально просиял.

— У меня к вам просьба, Алексей Петрович, вы давеча там, на улице посулили почитать мне мои стихи. Я тогда разворчался. Не окажете ли мне вы мне любезность прочесть из того, что я еще не знаю, — не встретив с моей стороны возражений, он сказал:

— Прошу вас, доставьте мне удовольствие.

Помедлив, я прочитал:

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить... и глядь — как раз — умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов, и чистых нег».

Он слушал внимательно и по его лицу было ясно, какое сильное впечатление произвели на него эти строки... И вдруг совершенно неожиданно для меня Пушкин стал читать сам эти стихи, не допустив ни одной ошибки, ни одной запинки, строго воспроизводя то, что он только что услышал. Но как он читал! Как проникновенно, как волнующе! Я оказался первым и единственным человеком на моем веку, кто не только видел и разговаривал с поэтом, но и слышал, как он читает свои произведения.

Впрочем, радость моя длилась недолго.

— А когда я написал, — простите великодушно, — напишу эти стихи? — Лицо его напряглось. — Каким годом датировано это стихотворение? «Вот оно что, — подумал я. — Это называется не мытьем, так катаньем. Вот что ему нужно. Ясно, почему мне пришлось декламировать...» Я сказал:

— Дело в том, что у меня еще со школьных лет было неважно с хронологией. Точную дату назвать не могу. Но, судя по содержанию, стихотворение написано человеком в годах. Ведь как раз, чувствуя приближение последнего часа, люди пишут такие строчки. Надеюсь, вы согласитесь со мной?

Пушкин встал со стула, быстро прошел по комнате. Он улыбался. Я сидел в кресле, испытывая стыд, поскольку лгал в лицо великому человеку; мне помнилось, что литературоведы датируют эти строчки 1834 годом. Пушкин подошел к окну, посмотрел вниз, кому-то кивнул, затем подошел к дивану и сел на него, достал свои часы, сверил их с теми, которые стояли на камине. Было понятно, что рандеву пришел конец.

Я приблизился к дивану и, слегка наклонившись к нему, спросил:

— Можно ли мне задать вам еще один, последний, вопрос? Через минуту-другую я покину вас и, по всей вероятности, к величайшему сожалению, навсегда, — он с некоторым напряжением поглядел в сторону бюро. Я сказал:

— Нет, нет, речь не идет о литературе. Просто мне хотелось бы знать, какие духи предпочитает ваша супруга, — такого вопроса мой собеседник уж никак не ожидал. Помолчав, он пробормотал:

— Духи?.. Какие духи?.. Не знаю, кажется... — и он назвал какую-то французскую, совершенно неизвестную мне фирму.

— Как вы думаете, понравятся ли ей вот такие духи? Я извлек из кармана сюртука сверкнувший алмазными гранями дивной красоты флакон и отвинтил пробку.

Он смотрел на меня с таким негодованием и недоумением, каких я до сих пор в его глазах не замечал. Я быстро поднес флакон к его носу и сказал:

— Вдохните, какой изумительный аромат! — он отстранил мою руку, жестко заявив:

— Аромат как аромат! Но как вы, милостивый государь, осмелились думать, что я разрешу преподнести моей супруге... — голос его оборвался, он закрыл глаза, и голова его прислонилась к полированному полукружью верхушки дивана. Со стороны это, вероятно, выглядело как сцена из спектакля «Моцарт и Сальери», поставленного каким-то новомодным режиссером. В действительности, все было не так. Во флаконе была жидкость, представляющая сложное биохимическое соединение.

Вечный балагур Мишка Генборик утверждал, что это экстракт из «травы забвения». Врал, конечно, химия и ничего, кроме химии. Действие этого «экстракта» мне было хорошо известно. Понюхавший его по неосторожности человек будет спать не менее пяти минут, и в это время придет в состояние гиперсуггестивности, т. е. сверхвнушаемости. То, что ему прикажет некто, находящийся в роли гипнотизера, будет неукоснительно выполняться. Я наклонился к поэту и сказал:

— Вы забыли все, что с вами произошло после того, как вы встретились на арбатском тротуаре с незнакомцем. Вы никогда об этом не вспомните... Наталье Николаевне скажете, что вас задержал какой-то неизвестный вам издатель, посулил невероятные выгоды, однако после разговора в вашем кабинете выяснилось, что он пустомеля, и вы его выставили вон.

Никаких изменений на лице спящего. Я посмотрел на каминные часы. Оставалось мне не более двух минут. Метнув алчный взгляд на бюро и подавив в себе криминальные наклонности, подошел к камину. Над ним висело большое зеркало, в котором отражалась чуть ли не вся комната. Это оказалось очень удобным для того, чтобы снятый мною видеофильм не выглядел как «театр одного актера». Я кинул на тлеющие угли флакон, литературный вопросник и пакетик с фотографиями. Флакон буквально испарился. Бумага вспыхнула и превратилась в пепел. Я шагнул к дивану, посмотрел на дорогое мне и многим миллионам людей лицо, понимая, что это мой последний взгляд на великого поэта. Потом направился к двери, открыл ее и вышел.

Через две-три минуты я шел в сторону Арбатских ворот, перешел на другую сторону улицы и стал за деревом. Посмотрел назад: у подъезда дома, который я только что покинул, стоял извозчик. Я подождал еще немного. Быстрой походкой из подъезда вышел Пушкин, вскочил в пролетку и ткнул кучера тростью в спину. Они поехали. По дороге он раскланялся с какой-то дамой. Проезжая мимо меня, улыбался. Окинув меня безразличным взглядом, что-то сказал кучеру. Тот хлестнул лошадь, и экипаж быстро покатил вверх по улице.

Теперь я уже был абсолютно спокоен. Постгипнотическое внушение оказалось безотказным. Я продолжал следить за его экипажем. Однако он неожиданно остановился. Пушкин из него выскочил и быстро побежал к стоявшей у обочины знакомой уже мне карете. Наталия Николаевна терпеливо, а может быть и весьма нетерпеливо, его ожидала.

Извозчик остановил пролетку неподалеку от меня и почесал затылок серебряной монеткой. Был он явно раздосадован, поскольку, очевидно, рассчитывал на дальнюю поездку, а проехал всего два квартала по Арбату. Сделав несколько больших шагов, я добрался до пролетки и прыгнул на сидение.

— Дядя! — сказал я. — Рубль тебе на «пропой души». Надо поравняться вон с той каретой и ехать рядом.

— Премного благодарен, ваше благородие, — затем он чуть слышно проворчал, — а что до души, барин, то ты ее не трожь! Она не твоя и не моя, а Божья.

Я подумал, что выражение «на пропой души» это, быть может, анахронизм для начала XIX века. Вскоре мы ехали параллельным курсом с каретой.

Вдруг из открытого окна я услышал голос Натальи Николаевны:

— Боже, Александр, посмотри, кто там сидит! Это он! Я его узнала! Это он!

— Кто он? Кого ты там видишь?

— Это тот человек, с которым ты говорил у подъезда, с которым ты ушел в дом. На нем тот же не по моде жилет... Та же внешность! Я успела хорошо его разглядеть.

В окошке кареты появилось лицо Пушкина. Мне показалось, что в раме помещен его живой портрет, напоминавший какую-то картину из Третьяковки. Он долго и внимательно всматривался в мое лицо. Я же, небрежно поглядев в сторону кареты, вытащил записную книжку и стал перелистывать странички. «Портрет» исчез. Я услышал голос: «Натали, я никогда в жизни не видел этого человека. Ты ошибаешься».

— Это он! Он! — твердила она. — Я его боюсь! Он преследует нас. Подними окно и задерни занавеску!

Все это было тут же исполнено.

Я приказал извозчику придержать лошадь и взять вправо. Теперь мы ехали позади кареты. Хорошо был виден задок экипажа и небольшое стеклянное окошко под самой его крышей. Вытащив из кармана зеркало в металлической оправе с короткой ручкой, украшенной несколькими позолоченными звездочками, я принялся рассматривать свою физиономию, поглаживая щеки, как бы проверяя, хорошо ли выбрит, и приводя в порядок растрепавшиеся волосы. Еще и еще раз я рассматривал себя с разных сторон. Если бы на улице был народ, я бы выглядел чем-то вроде Нарцисса, который не устает любоваться своей прелестью. Однако улица была пуста. Только далеко впереди ковыляла старушонка, да подле лавки стоял, почесывая себя подмышками, какой-то малый, по-видимому, сиделец, в рубашке навыпуск и в надетом поверх нее жилете. Я приказал извозчику остановиться, спрятал в карман зеркало, спрыгнул с подножки, рассчитался. Карета с супружеской четой была уже на Арбатской площади и поворачивала налево к Никитскому бульвару. Я долго смотрел ей вслед и затем окунулся в зеленеющую путаницу арбатских переулков.

Дальше мой путь лежал по многочисленным закоулкам, дорожкам через пустоши, маленьким улочкам. Честно говоря, во всей этой путанице нелегко было найти дорогу. Проходил мимо заброшенных садов с упавшими заборами и ухоженных дворянских с пока еще пустыми клумбами. Потом неожиданно справа от меня оказался высокий забор с крепко запертыми воротами, за которым раздавался бешеный лай псов. Как этот явно купеческий дом мог оказаться в окружении

дворянских гнезд?! Наконец я вышел к длинному немощенному переулку со следами карет в пяти шагах от большого барского дома. На веранде сидела девушка с книгой на коленях и смотрела куда-то вдаль. Услышав мои шаги, она повернула голову, я приподнял круглую петербургскую шляпу, поклонился. Она мило улыбнулась. Я прошел дальше, минуя дворовые постройки.

Устал я смертельно. Сутки во рту не было ничего. Я подумал: «Хорошо бы познакомиться с этой барышней, попить в задних комнатах дома наливки, чаю с вишневым вареньем и ватрушками, а потом погостить у них, погулять с ней по липовым аллеям». Куда там! Может быть! Может быть, сейчас ученый совет Хроноцентра принимает давно назревавшее решение, и я не далее чем через две недели отправлюсь к опричному двору, что неподалеку отсюда. Там, если удастся избежать встречи с Малютой Скуратовым и его подручными, мне надо будет сфотографировать какие-то «пытошные записи», без которых нашим историкам и свет не мил.

Профессия визитера и научного сотрудника, который тащит за собой хвост посетителей по залам исторического музея, существенно различается. Так, мой коллега, известный визитер Иван Пшеничный был отправлен в командировку, которая не отличалась особой сложностью. Ему надо было побывать в доме полковницы Ушаковой, который стоял, да и сейчас стоит в Хамовниках между Остоженкой и Москвой-рекой. Там по непроверенным сведениям были спрятаны последние крамольные записки Александра Николаевича Радищева. Блестящий гвардейский офицер передал привет от петербургской кузины, произвел приятное впечатление на хозяйку, тем более что у нее была дочь на выданье, пообещал зайти к вечеру, но так там больше и не появился. Маменька корила дочку, что та дичилась, была недостаточно любезна с редким гостем, барышня рыдала. Но это все домыслы. А факты таковы.

Аппарат Пшеничного, как это предусматривало программное устройство, был через 48 часов самоуничтожен, не оставив даже облачка пара; на условленную встречу с аварийной командой в укромном местечке в Марьиных рощах сам Ваня Пшеничный так и не вышел: ни через неделю, ни через две. Между тем речь шла не о визите к кнутобойцу Степану Шешковскому спросить, «что у крокодила на обед», а всего лишь к безобидной хозяйке скромного дома близ Зачатьевского монастыря.

Забираясь влево, я старался обойти обширное имение графа Гагарина, направляясь к Пречистенке. Невольно вспомнилась эпиграмма Пушкина: «Когда Потемкину в потемках я на Пречистенке найду, пускай с Булгариным в потомках меня поставят наряду». Впрочем, до потемок было еще далеко. Через пять минут я наверняка должен был быть у цели. Должен был быть. Один мой друг любил говорить: «Все должно быть так, как быть должно, если, конечно, не будет иначе». Занятый мыслями о недавних моих арбатских приключениях и замечательной встрече, я пропустил один переулок и завернул по ошибке в следующий. Оказалось — это был тупик. Надо было поворачивать обратно. И в этот момент я увидел, что в конце тупичка на пне сидит огромный мужик в рваной грязной поддевке или чуйке (точного названия этого верхнего платья я не знал) и в опорках на босу ногу. При виде меня он поднялся, и я поразился его росту: он был на голову выше меня и, пожалуй, вдвое шире. На мой взгляд, мужик весил не меньше 140–

150 кг. «Барин, — сказал он, — одолжи пятиалтынный — родителей помянуть. А если рублика не пожалеешь, то я и за рублик на тебя обиду не буду держать». Этого только недоставало! Я круто повернулся и пошел к выходу из переулка.

Конечно, я допустил серьезную ошибку. В два или три шага он догнал меня и всей тяжестью огромного тела навалился мне на спину. Его толстые, как бревна, руки облапили меня, нашаривая в жилетных и сюртучных карманах тот самый «рублик». Ни один из приемов самозащиты не позволил бы освободиться из этих медвежьих объятий. Но тут он нащупал сквозь тонкое сукно сюртука пушкинские бумаги. Я невольно рванулся. Он прохрипел мне на ухо: «Не трепыхайся, соколик, не трепыхайся, а то я твое личико назад к себе поверну». В том, что он с легкостью может свернуть мне шею, сомневаться не приходилось. Только когда этот гигант слегка освободил мне правое предплечье, отыскивая внутренний карман сюртука, я засунул руку в потайной карман брюк и извлек шокер, прижав его наугад к брюху вора. Электрический разряд был, очевидно, даже для этой туши чрезмерным. Он сразу отпустил меня. Оглянувшись, я увидел, что мужик зашатался и тяжело рухнул в прошлогодний сухой бурьян. К счастью, у меня был этот шокер — единственное оружие, которое дозволялось иметь визитерам.

Успокаивая сердцебиение, я стоял над упавшим, думая о том, что должно было наверняка произойти: через некоторое время в вестибюле Хроноцентра на мраморной доске под надписью «Иван Антонович Пшеничный» было бы выгравировано мое скромное имя.

Я вышел из горловины переулка. Мужик пролежит еще минут десять, потом встанет, не понимая, что с ним произошло.

Сквозь голые ветви крон деревьев уже был виден купол и покосившийся крест церкви на углу Староконюшенного переулка. До цели было всего несколько шагов. Я подошел к заброшенному дому с окнами, забитыми досками, и прошел в глубину двора к развалившемуся каретному сараю. Открыл универсальной отмычкой ржавый замок и зашел внутрь. В сарае была полутьма. Справа стоял возок без колес и с оторвавшейся дверцей. По-видимому, он относился ко времени либо Елизаветы Петровны, либо Анны Иоановны.

Закрыв на засов ворота сарая, я присел на подножку возка. Достав из кармана зеркало, которое было чем угодно, но только не зеркалом, я повернул позолоченную звездочку. Раздалось какое-то шипение, стук колес, потом возник взволнованный голос Натальи Николаевны. Она что-то говорила мужу по-французски. Французский язык я знал хуже, чем немецкий и английский, и поэтому, еще раз поколдовав над ручкой «зеркала», я включил синхронный перевод. Она говорила:

— Ты можешь обижаться на меня или не обижаться, но я тебе не верю. Не верю ни в какого издателя, ни в какие переговоры с ним. Почему ты не мог назначить ему другое время для встречи? Как ты мог бросить меня одну?! Ты понимаешь, в какое положение ты меня ставил?! Если бы я приехала на званый вечер без мужа, какая радость была бы для московских кумушек! Всем же известно, что у нас с тобой медовый месяц. Да ты и сам не даешь мне об этом ни на час позабыть. Сегодня днем, в твоем кабинете, я... — она замолчала, не окончив фразы. — Ну, скажи, скажи, — она всхлипнула — зачем тебе понадобилось меня обманывать. Не мог же ты забыть лицо человека, с которым недавно разговаривал и на улице и в доме! За-

чем эти выдумки? Издатель? Какие-то деньги! Что ты можешь ответить? Что ты скрываешь от меня?

Я долго прислушивался, наконец, услышал тихий, тоскливый голос: «Натали, был издатель, был! Я это хорошо знаю, но вспомнить его не могу. Не могу сказать, о чем мы говорили. Да, он обещал какую-то прибыль за издание каких-то моих стихов. Но какую прибыль, каких стихов..? Это мучительно. Ты права, когда напоминаешь, что у нас медовый месяц. Но поверь, сегодня самый несчастный день этого самого счастливого месяца моей жизни».

Я выключил запись, мельком глянул в зеркало на свое мрачное лицо. Как же я плохо все рассчитал, какой черт дернул меня последовать за их каретой, как я мог допустить, что Наталья Николаевна меня смогла разглядеть и узнать. Женщины так приметливы и без труда запоминают лицо и одежду человека, особенно в моменты важных для них обстоятельств. Вот она, оборотная сторона постгипнотического внушения. Пушкин не способен выйти за пределы навязанной ему в гипнозе легенды и, столкнувшись со свидетельницей, легко мог быть уличен в несообразности объяснений. Это я превратил его в обманщика... Конечно, молодожены, поссорившись, в конце концов, мирятся, но если эта небольшая трещина в будущем расширится и разрушит их семейное согласие, то кто будет виноват? Уж лучше бы этот мужик в переулке ограбил меня, это было бы легче перенести, чем тот стыд, который я в этот момент испытывал.

Я встал, посмотрел на кучу первозданного хлама в углу сарая, на древнюю карету, на копну соломы, которой был прикрыт мой хроноплан. Несмотря на мое невеселое настроение, я почему-то вспомнил, как шутник и фантазер Мишка Генборик, сопровождаемый своей неизменной спутницей — рыжеволосой девчонкой из отдела первичной обработки хроноинформации, предложил назвать мой аппарат «покорителем эпохи». «Как славно, как хорошо», — воскликнула его рыжекудрая спутница. Я возразил, что, на мой взгляд, это слишком пышное название для моего драндулета. Мишка пожал плечами, бросив: «Пожалуй, назови ее “Антилопой-Гну”», и гордо удалился под руку со своей подругой.

У стены лежали ржавые вилы с гнилым обломком черенка. Я еще долго стоял посреди сарая, глядя на свет, пробивавшийся сквозь щели рассохшихся досок. Вновь и вновь в моих ушах звучал неповторимый, волнующий голос Пушкина, читавшего свои, еще ненаписанные, стихи. «Пора, мой друг, пора», — сказал я себе, взял, наконец, вилы и стал отбрасывать солому. Пора покинуть Первопрестольную, не покидая ее.

Москва
2005–2006

Вместо послесловия

Слово об отце: «многовершинность» личности

Мои друзья, в скорбные декабрьские дни, зная, что я причастен к подготовке этой книги к печати, сказали мне:

«Напиши об отце!»

«Нельзя, — сказал я. — Посмотрите на “посвящение”».

«*Теперь можно*, — сказали они. — Пиши!»

И я пообещал им...

* * *

Эта книга была закончена Артуром Владимировичем в ночь перед его уходом из жизни. Его голос диктовал мне текст новой книги с магнитной ленты, кое-какие его предыдущие работы были перед моими глазами. Правка главы «Психология на обочине “особого пути”» была готова первого декабря, а все случилось второго.

В последние три года жизни Артур Владимирович читать не мог. Зрение уходило медленно, неостановимо, и, в конце концов, его почти совсем не осталось.

«Я все-таки различаю свет, — говорил он. — А это очень важно...»

Поэтому книга писалась под его диктовку. Текст в деталях он правил на слух. Ночами мы вели редакторскую работу по телефону. Среди тех, кто помогал ему, была Иветта Сергеевна Петровская (его жена и моя мама), Борис Михайлович Бим-Бад, Михаил Юрьевич Кондратьев и другие близкие ему люди. Нас поражало, с какими объемами информации он мог иметь дело, не видя ни строчки, редактируя словари и энциклопедии, создавая учебники, творя и многократно мысленно перечитывая эту книгу.

Артур Владимирович писал ее без отвлечений. Могут сказать: «Спешил». Возможно, что так. О своей книге он говорил: «Моя последняя книга». И в то же время у него появлялись новые замыслы. Он расспрашивал, что волновало меня, и у него было желание сделать еще что-то вместе. Однако я не думаю, что его преследовало ощущение незавершенности или страх не завершить. Он умел завершать, и я думаю, что для него критерием полноты завершенности было ощущение: «Все сделано правильно» (он как-то мягко умел произносить это слово — «правильно»). «Можно сделать что-то еще сверх того, но во всем должно быть чувство меры»...

Так было во всех его начинаниях, точнее, — завершениях.

В начале пути (в конце 1940-х годов) он экспериментировал в литературном жанре детектива, полвека спустя — в несуществующем литературном жанре «хронопсихологии». До этого он намеревался рассказать мне о своем новом литературном замысле, но, как всегда, предпочитал сначала сделать, а потом рассказывать...

Все завершенное им в науке заключало в себе начало новых исследовательских проектов[1].

Я хочу рассказать здесь читателю об основных разработках А. В. Петровского последних трех десятилетий его жизни[2].

Во всех из них ему была присуща яркая позиция Автора.

А. В. Петровский — автор теории деятельностного опосредствования межличностных отношений личности в группе, глубокой и оригинальной социально-психологическая теории. Фигурируя первоначально под именем «стратометрическая концепция групп и коллективов», эта теория описывала различные уровни-слои внутригрупповой активности (рис. 8).

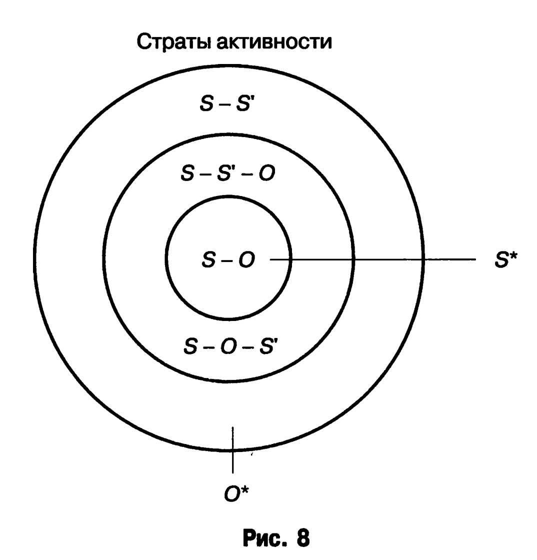

Рис. 8

Первый — ядерный слой — деятельность, реализуемая группой. Включение групповой деятельности в социально-психологический портрет группы — принципиально важная отличительная черта концептуальных разработок А. В. Петровского по сравнению с общепринятыми моделями описания групп в социальной психологии. Любопытный штрих: А. Н. Леонтьев, признанный лидер в разработке проблем психологии деятельности, автор общепсихологической теории деятельности, по его собственным словам, был в немалой степени впечатлен исследо-

[1] Он никогда не говорил мне о своем критерии полноты завершенности чего-либо (и я вполне допускаю, что все мои построения это, как говорится, «проекции»), но я все-таки перескажу здесь одну из его смешных историй о завершающем блюде в китайском застолье (родители работали в Китае накануне «Культурной революции», в середине 1950-х годов). История была такова. Банкет. После поглощения всевозможных блюд (экзотическое меню для русского читателя из соображений гуманности может быть воспроизведено лишь с купюрами), под конец вечера выносят роскошное блюдо с фаршированной рыбой. Рыба столь аппетитна, что сытые уже иностранные гости тянутся палочками к блюду. «Нельзя, — вежливо, но твердо говорит переводчик. — Это китайские товарищи показывают гостям, что после всех угощений у них самих еще что-то останется».

[2] «Научная часть» этого очерка вошла в сборник «100 великих психологов» / Под. ред. проф. Т. Д. Марцинковской.

ваниями А. В. Петровского, выполненными в контексте социальной психологии. Известно, что деятельностная психология Леонтьева подчеркивала производяще-порождающий характер деятельности по отношению к сознанию и личности индивида. Здесь переворачивалась точка зрения обыденного сознания. Мотивы субъекта, его мировоззрение и мирочувствие для обыденного сознания — суть источник деятельных контактов человека с миром: «вначале — слово» (добавим, «эйдос», «драйв», «воля» и множество других «начал»), а уж потом — деятельность, в которой индивид воплощает свои сокровенные субъективные содержания. Леонтьев говорит: «Нет! Вначале дело!» — деятельность есть примат, сознание и личность — дериват во взаимоотношениях человека с миром. Так же и в социально-психологической концепции А. В. Петровского, деятельность «правит бал», иногда непосредственно, иногда исподволь обусловливая межличностные отношения.

Упрощая (мы это упрощение сейчас же и снимем), ядерный слой групповой активности можно символизировать, используя обозначения: *S* —субъект, любой член группы; *O* — объект групповой деятельности; «?» — отношение. Ядро групповой активности, таким образом, представляет собой форму проявления субъект-объектного отношения, *S–O*. На рис. 8 читатель видит ядро и два других слоя активности группы.

Рассмотрим ядерный слой более пристально. Как видим, справа от записи *S–O* в центральном кружке находится еще один знак «—» (длинное тире). Зачем понадобился этот знак? Он символизирует важный для создателя теории факт вовлеченности участников группы во взаимоотношения с другими людьми; с теми, кто находится, как правило, «по ту сторону» групповой деятельности (символ *S**). В отличие от «своих», «ближних», это — «дальние». Но отношения с ними, так же как и отношения между «своими», опосредствуются групповой деятельностью.

Представим себе игроков одной спортивной команды, например футболистов высшей лиги. Игровые взаимодействия на поле, распределение ролей в игре, сценарий игры и т. п. характеризуют ядерный слой групповой активности. Описывая ядро, можно обратить внимание на то, что в нем есть как неизменные, так и подвижные элементы; к примеру невозможно изменить правила игры, критерии выигрыша и проигрыша и т. п., но уровень физической подготовки спортсменов, «сыгранность», «домашние заготовки» зависят от тренера и самих игроков. Кроме того, командный успех неотделим от стратегических интересов клуба (коммерческих, имиджевых), а также, нередко, интересов города, страны. Взаимоотношения с болельщиками, «фанатами», журналистами — особый аспект групповой жизни. Присмотревшись, мы, таким образом, убеждаемся в том, что командная игра здесь вписывается в определенный социальный контекст, и, следовательно, успех или неуспех групповой деятельности затрагивает интересы более широкой общности, чем сами игроки команды. Точно так же можно говорить о целях деятельности любой театральной труппы, научной лаборатории, экипажа корабля, рабочей бригады, реанимационного отделения и т. п. В подлинном коллективе есть «нечто большее», чем личное благо участников, пусть даже и обретаемое посредством других его членов. Иными словами, направленность групповой актив-

ности здесь не сводится к достижению узкокорпоративной цели (даже при условии справедливого распределения итоговых благ[1]).

А. В. Петровский особо подчеркивал этот план, говоря, что цель коллектива выходит за пределы исключительно групповых интересов.

Второй слой групповой активности — это межличностные отношения, возникающие в деятельности, опосредствуемые деятельностью и в деятельности непосредственно проявляющиеся. Говоря «межличностные отношения» (делая акцент на первом из этих двух слов), подчеркивается, что члены группы рассматриваются здесь как вступающие в *личные* отношения друг с другом по поводу деловых, «деятельностных». Их личные отношения, говорит Петровский, опосредствуются содержанием и формой организации совместной деятельности, но при этом сохраняют психологический статус «субъект-субъектных» отношений. То деятельностное начало, которое опосредствует их отношения, является общим для всех членов группы, что принципиально.

Именно по этой причине, например, отказ кого-либо из членов группы от участия в общем деле рассматривается как событие в межличностных взаимоотношениях членов группы, равно как и успех, инициатива, оригинальные решения и т. п. Это затрагивает всех, так как индивидуальный вклад в коллективный процесс — в зависимости от формы организации деятельности — затрагивает каждого в группе, ограничивая или обогащая возможности его собственного участия. Благодушные (и по-своему притягательные) призывы отделять «личное» от «делового» оказываются тут совершенно несостоятельными. Ибо есть такой слой личных отношений, который *в принципе* неотделим от отношений деятельностных. И этот центральный тезис теории А. В. Петровского раскрывается на множестве эмпирически исследованных феноменов групповой жизни.

Говоря о том, что это были эмпирически установленные феномены, подчеркнем присущую автору теории установку на поиск операциональных определений конструктов, вводимых им самим и его сотрудниками. В этом пункте особенно рельефно выступало различие не только в философско-методологических позициях, защищаемых А. В. Петровским (построение *деятельностной* социальной психологии), но и в методических решениях, «индексирующих» новые понятия.

Создается впечатление, что для Артура Владимировича были в равной мере значимы ответы на вопросы: «Как вы это понимаете?», «Как вы это измерите?» и «Как вы это зафиксируете?». Автору этих строк было 17 лет, когда он услышал и запомнил памятные слова Б. Ф. Поршнева на одном из заседаний Психологического общества, обращенные к его отцу, тогда 39-летнему, ведущему это собрание: «У вас, Артур Владимирович, есть вкус к факту!»

Да, это было так. Был вкус и интерес к факту. Был азарт экспериментатора. Но вкус к факту не был самодовлеющим. Артуру Владимировичу не были интересны факты как таковые. Был интересен поиск фактов, за которыми стояла концепция, та или иная проверяемая гипотеза.

---

[1] Во времена создания теории А. В. Петровского еще не появилось таких слов, как, например, «распилить прибыль». В наш век, с его изысканным бескорыстием, любовью к ближнему, а уж тем паче — дальнему, идеи Артура Владимировича о нравственных основаниях и социальной значимости групповой активности могут показаться доброжелательному критику нелепым анахронизмом.

В результате социально-психологических исследований А. В. Петровского и его сотрудников (образующих, как он любил говорить, «незримый колледж») были открыты такие феномены второго слоя групповой активности, как «коллективистическое самоопределение», «опосредствованность межличностных выборов», «соучаствование», «ценностно-ориентационное единство» и другие, о которых он сам кратко рассказывает в этой книге.

Наконец, третий слой групповой активности — это отношения эмоциональной (и, добавим мы от себя, возможно, духовной) близости членов группы, складывающиеся за и помимо отношений, определяемых деятельностью группы. Этот слой межличностных отношений, разумеется, опосредствован предметами общих интересов, а стало быть, предметом деятельности общающихся индивидов. Но этот общий интерес — может быть, на двоих, «на троих» (почему бы и нет?), но он не является интересом всей группы, «центром» групповой деятельности. Интересы членов группы разнообразны, поэтому разнообразны и возможные пересечения их интересов. На рис. 8 изображен символ объекта частного интереса тех или иных представителей группы (*O**). Здесь возникает важный вопрос о том, как сочетаются объекты частных интересы *O** и «всеобщий» общественный интерес, символизируемый на рисунке значком *S**. Кто-то из читателей, возможно, вспомнит шутку советских времен о «товарищеском суде Линча» и песню Александра Галича «Красный треугольник», где поется о несчастном муже, который за измену жене, гражданке Парамоновой, подвергается суровому общественному порицанию со стороны бдительных товарищей по работе. В подлинном коллективе нет, и не может быть речи о подавлении частных интересов (каковы бы они ни были) общественными, но и противоречие между *S** и *O**, если оно есть, должно быть «снимаемо» в ходе развития группы как коллектива.

А. В. Петровский писал, что в группах высокого уровня развития эмоциональные, «непосредственные», отношения как бы прогреваются отношениями деятельностными.

Нравственная образующая совместной деятельности (символизируемая вектором S–O* в приведенной выше схеме), очевидно, создает условия для формирования групповых норм: не уклоняться от ответственности, не перекладывать вину с больной головы на здоровую, не приписывать себе успех, умаляя значение другого в общих достижениях, не злоупотреблять ссылками на объективные обстоятельства и т. д.

Разрабатывая представления о «деятельностном опосредствовании межличностных отношений», А. В. Петровский действовал так, как и подобает поступать истинному теоретику. Рассматривая деятельные социальные общности — коллективы — он исходил из образа «идеального объекта» своего исследования, выдвигал теоретические и эмпирические гипотезы, соотносимые с этим объектом, строил модели, обладающие силой предсказывать и объяснять выявляемые закономерности. Та же — собственно теоретическая — установка прослеживается и в других его разработках (трехфакторная модель «значимого другого», концепции макро- и микрофаз развития личности в социальных общностях).

Теория деятельностного опосредствования межличностных отношений обращала ее создателя к таким аспектам работы, как:

1) критический анализ существующих в психологии способов понимания и эмпирического исследования личности (преодоление коллекционерского подхода, при котором производится инвентаризация «черт» и «особенностей» индивида);
2) уточнение представлений о личности как особом качестве включенности индивида в жизнь окружающих его индивидов (разработка концепции персонализации и трехкомпонентной модели «значимого другого»);
3) оформление собственных представлений о процессах развития личности (интерпретация развития личности как результата деятельностно опосредствованного общения индивида со значимыми другими в группах разного уровня развития, разработка модели возрастной периодизации развития личности).

Главный вопрос, волновавший А. В. Петровского как теоретика и экспериментатора в последние десятилетия его жизни, заключался, прежде всего, в том, чтобы выявить конструктивные возможности теории деятельностного опосредствования для понимания личности человека, ее динамики, развития. Эта центральная тема придавала особый смысл тем шагам, которые он предпринял в разработке концепции персонализации, трактующей «личность» индивида как его присутствие в жизнедеятельности других людей. Включаясь в разработку родственной ему (я бы сказал «близкородственной») концепции персонализации, А. В. Петровский, как мне кажется, преследовал решение именно этой сверхзадачи — оценки собственной теории как инструмента понимания как таковой личности, а не только взаимоотношений между индивидами в общности людей, вовлеченных в совместную деятельность. Но его интересовала также и возможность использования самой концепции персонализации для понимания межличностных отношений в группе, опосредствованных деятельностью, групповой деятельности, опосредствованной межличностными отношениями, механизмов развития личности в различных социальных общностях и переходе из одной общности в другую.

В основе концепции персонализации лежит идея личности человека как его объективной представленности в жизни других людей, включенности одного человека в пространство жизни другого (идея, которую автор этих строк обозначал в разные годы по-разному: «личностные вклады», «идеальная представленность и продолженность», «отраженная субъектность», «метаиндивидуальная атрибуция», «личностность», «инобытие» человека в человеке, бессмертие как внутренняя цель общения и др.). Большой цикл исследований в этом направлении мы проводили совместно, иногда как соавторы, иногда как соруководители по диссертационным исследованиям.

Несколько слов я позволю сказать о себе как сотруднике Артура Владимировича. Два человека, почитаемых мною в качестве Учителей, А. В. Петровский и А. Н. Леонтьев, одинаково отвергали идею тождества понятий «личность» и «индивид». Я пытался найти феноменологическое свидетельство этой «нетождественности», и в частности, как сказал бы, возможно, М. Г. Ярошевский, поймать феномен «личностного», не сводимого к индивидному, в «экспериментальную ловушку». Одно из моих решений (не единственное) состояло в том, чтобы понять

«личностное» как действенную отраженность (присутствие) человека в жизни других людей. «Отраженная субъектность» — это идеальная представленность и продолженность одного человека в другом, инобытие кого-либо в ком-либо. Рассмотрев несколько способов бытия человека как личности (интра-, интер- и метаиндивидная атрибуция), я предложил метод «отраженной субъектности», позволяющий исследовать эффекты присутствия человека в человеке, — анализ личности индивида (*«исследуемого»*) посредством выявления динамики проявлений других людей (*«испытуемых»*) при реальном или воображаемом контакте с ним (анализ возможных сдвигов в самооценке, типе и направленности фрустрационного реагирования, креативности, тенденденции к риску, перцепции, и в частности иллюзий восприятия, динамики «зоны ближайшего развития» и т. д.).

В этих экспериментах первым *испытуемым* был А. В. Петровский; а первым *исследуемым* — некто N. По завершении эксперимента Артур Владимирович был весьма впечатлен результатами. Для него было неожиданностью узнать об эффекте динамики образа собственного «я» при мысленном проигрывании личного контакта с N. «Поразительно!» — сказал он мне, — я и думать не мог, что в присутствии этого человека я становлюсь таким...» (самоатрибуцию опускаю). Остается добавить, что в присутствии этого человека не только Артур Владимирович, но и другие люди становились... (подробности опускаю).

Термин «персонализация» для обозначения этих эффектов и название концепции предложил мне отец. Он говорил мне потом, что всегда чувствовал необходимость ввести понятие, которое бы могло уравновесить по смыслу понятие «социализация», описывая противоположный по направленности процесс: не от социума к индивиду, а от индивида к социуму. Со временем выяснилось, что термин «персонализация» был «занят» (его использовали Тейяр де Шарден, психоаналитик Винникот, но, конечно, в совершенно ином плане). Мы, однако, решили, что этот термин достаточно хорош, чтобы не пренебречь им, говоря, например, как это было в нашей совместной работе, о «потребности» и способности» персонализации[1].

Гипотетическая *потребность* персонализации (потребность «быть личностью») определялась нами как стремление индивида быть идеально представленным в других людях, жить в них, что предполагает поиск средств продолжения себя в другом человеке. Отталкиваясь от своей давней идеи — потребность есть *сущность*, проявляющая себя многообразием мотивов и интересов, трактуемых, в свою очередь, как *проявления* этой сущности (1964) — А. В. Петровский хотел подчеркнуть тем самым, что потребность в персонализации лежит в основе побуждений, которые ранее рассматривались независимо друг от друга (например, аффилиация, лидерство и др.).

Способность персонализации (способность «быть личностью») — это индивидуально-психологические особенности человека, благодаря которым он соверша-

[1] Я впервые об этом рассказываю, проявляя, возможно, сыновнее неповиновение. Сам Артур Владимирович, не желая, я думаю, «экранировать» сына, возражал против обнародования авторства этого терминологического нововведения применительно к идее «личностности» («личностных вкладов», «инобытия», «отраженной субъектности» и т. п.).

ет социально значимые поступки, обеспечивающие возможность получить идеальную представленность и продолженность в других людях.

Персонализация лишь в том случае достигает своей цели, если ее участники являются взаимно значимыми.

А. В. Петровским была предложена трехфакторная концептуальная модель «значимого другого» (подробнее вы о ней прочитаете в книге).

Первый фактор — *аттракция*, способность «значимого другого» привлекать или отталкивать окружающих, вызывать симпатию или антипатию, быть социометрически избираемым или отверженным.

Второй фактор — *референтность* (при максимальной позитивной ее выраженности — «власть авторитета»: признание окружающими за «значимым другим» права принимать ответственные решения в существенных для них обстоятельствах).

Третий фактор — *власть*, властные полномочия значимого другого (выход субъекта, наделенного властными полномочиями, из служебной иерархии нередко лишает его статуса «значимого другого» для его сослуживцев).

Трехфакторную модель значимого другого иллюстрируют условные примеры, приводимые А. В. Петровским: «кумир» — человек, обожаемый другими, непререкаемо авторитетный, но не имеющий формальной власти над субъектом, «компетентный судья» — высокостатусный по своей социальной роли и авторитетный, знающий руководитель, но не вызывающий симпатии, хотя и неантипатичный; далее — «советчик-компьютер»; «деревенский дурачок», «божество» и т. п.

Создавая эту модель и называя ее «трехфакторной», А. В. Петровский не связывал напрямую имя модели с «одноименными» статистическими процедурами, например многофакторным анализом, однако планировал проведение таких исследований. Он рассчитывал, что со временем будет построена математическая модель «значимого другого», прогнозирующая его проявления в разных ситуациях деятельности.

Несомненные эвристические возможности трехфакторной модели «значимого другого» были подтверждены в исследованиях статусных различий и процессов группообразования в закрытых воспитательных учреждениях разного типа (детские дома, интернаты, колонии для несовершеннолетних правонарушителей и др.). В частности, был открыт феномен «нисходящей слепоты» во взаимоотношениях подростков, взаимно непривлекательных, но различающихся по властному статусу: абсолютная референтность высокостатусных в глазах низкостатусных и антиреферентность низкостатусных в глазах высокостатусных (исследования М. Ю. Кондратьева).

Таким образом, исследователю открывается возможность более обоснованно подойти к выявлению меры личностной значимости и влияния человека в группе, — «способность быть личностью» в условиях конкретной социальной общности.

Возможно, читатель заметит, что трехфакторная модель «значимого другого» несет на себе печать трехуровневой модели описания внутригрупповой активности. Мы попробуем зафиксировать это соответствие, предлагая рисунок (рис. 9), наглядно выражающий высказанную мысль:

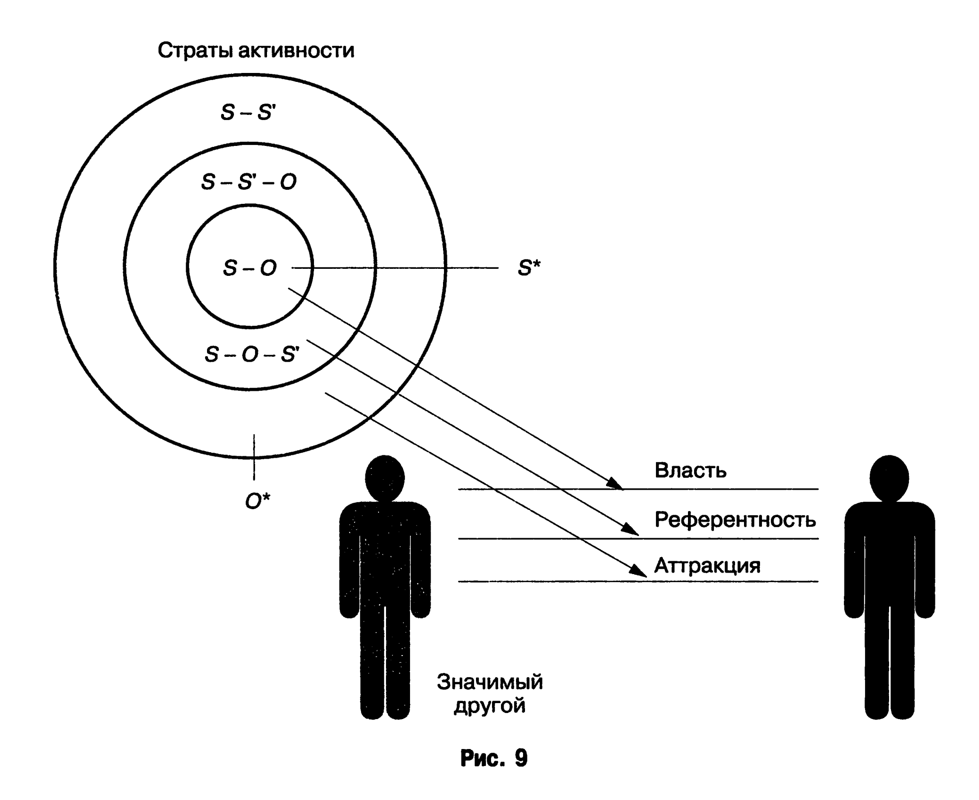

Рис. 9

Здесь можно увидеть, что трехфакторная модель «значимого другого», относящаяся к психологии личности, логически преемственна по отношению к теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группе. Как истинный ученый, А. В. Петровский искал и находил такие повороты проблемы, которые позволили бы ему, в конечном счете, сложить «кубик Рубика» целостной теории.

Потребность и способность быть личностью, — теоретические конструкты, которые были использованы А. В. Петровским при построении модели макро- и микрофаз возрастного развития личности. Здесь так же, как и в других случаях, при интерпретации и прогнозировании эмпирических закономерностей, был использован принцип деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах.

В этой модели, в продолжение наших совместных исследований, были представлены закономерности и этапы вхождения индивида в новую, относительно стабильную социальную среду, а также особенности перехода из одной социальной среды в другую. «Пружина развития» была осмыслена А. В. Петровским как противоречие между потребностью и способностью индивида «быть личностью» в группах, отличающихся характером построения и содержанием совместной деятельности; определяющим фактором развития личности в данной модели является деятельностно опосредствованное общение индивидов, образующих группу.

При этом, как полагал Артур Владимирович, макро- и микрофазы возрастного развития личности в равной мере подчиняются логике чередования процессов «адаптации», «индивидуализации» и «интеграции» личности в группах — «малой группе» (круг непосредственных контактов, «ближние»; здесь выделяются микрофазы развития) и «большой группе» («общество в целом», «дальние», — речь идет о макрофазах развития).

А. В. Петровский — автор идеи «теоретической психологии». Первоначально эта идея разрабатывалась им совместно с М. Г. Ярошевским, а позже — со мной. Теоретическая психология представляет собой результат категориальной саморефлексии психологии как исторически складывающейся науки. Разработка «категориального строя» психологии базировалась на механизме особого категориального синтеза, позволяющего изобразить логические взаимопереходы и связи между категориями различных кластеров («субстанциональность», «направленность», «активность», «когнитивность», «пристрастность», «событийность», «действительность») и плеяд («биологические», «протопсихологические», «базисные психологические», «метапсихологические», «экстрапсихологические» категории).

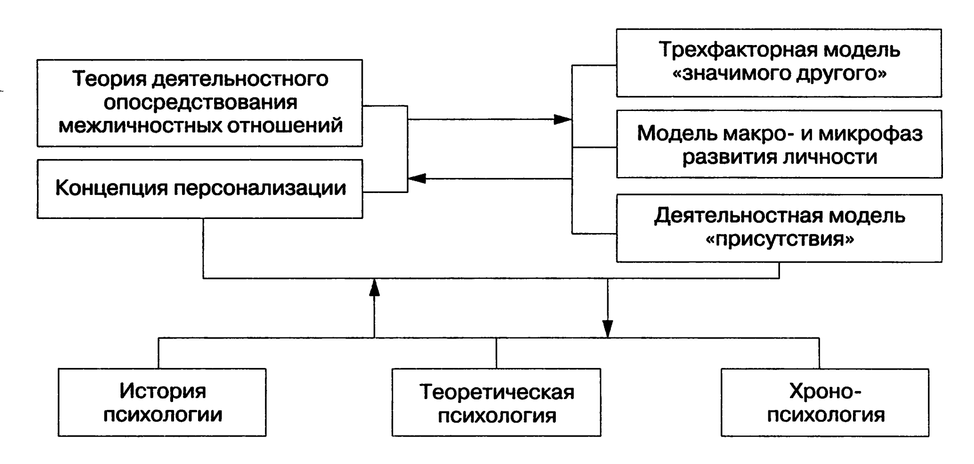
А. В. Петровский — автор проекта «хронопсихологии»: сравнительной социальной психологии времени. Этот проект реализован в книге, которую вы держите в руках.

Весь спектр научных интересов и разработок А. В. Петровского я попытался представить графически. На этой схеме есть «блок», содержание и название которого не было предметом обсуждения с Артуром Владимировичем при его жизни. Тем не менее, логика развития его взглядов неизбежно приводит к обозначению новой сферы научных интересов и разработок, к которым он фактически будет причастен как человек, продолжающий свое бытие в учениках и сотрудниках. Это — построение самой модели «деятельностно опосредствованного присутствия» человека в человеке.

Человек представлен и продолжен в других людях не только *эмоционально*, но также и *ценностно, деятельно* — той «силой жизни», которая после его физического ухода «не только не уменьшилась, но даже не осталась той же, а увеличилась, и сильнее, чем прежде, воздействует на меня» (Лев Толстой).

Необходимо «просто» признать и принять этот факт, не подменяя идею «деятельностно опосредствованного присутствия» идеей «памяти»: инобытие деятельного субъекта — активно. Сейчас, в тот момент, когда, как говорят, «автор этих строк» эти самые строки пишет уже после ухода А. В. Петровского из жизни, а точнее, перехода его в другую жизнь — жизнь в других, особенно остро ощущается то, о чем мы с ним еще никогда не писали. Он присутствует во мне как человек действия, как действующий человек. Сейчас я ощущаю не просто его *присутствие*, но его *деятельностно опосредствованное* присутствие в себе, ибо — теперь, когда я пишу все это, поди разбери, кто сейчас водит рукой, кто подсказывает, что сказать дальше...

Область научных интересов и разработок А. В. Петровского

Зная жизненный путь личности А. В. Петровского, можно было бы сказать о нем, что это «многоплановый человек». Это — бесспорно. Но слово «многоплановый», может быть, не самое точное. Артуру Владимировичу была совершенно чужда манера «строить планы», «громадье» которых, как известно, способно затмить достижения.

Он был «многовершинным» человеком, и каждая из его вершин рано или поздно превращалась в свершение.

Последняя книга была закончена им в дни ухода его из жизни. Ее название, «Психология и время», символически связано с самим событием перехода из состояния «бытие во времени» во вневременное измерение жизни, — состояние инобытия, «идеальной представленности и продолженности», о чем Артур Владимирович Петровский много размышлял и писал в последние годы жизни.

Вадим Петровский
10 января 2007 года

Петровский А. В.

Психология и время

Заведующая редакцией (Москва)	*Т. Калинина*
Руководитель проекта	*Е. Паникаровская*
Ведущий редактор	*Н. Кулагина*
Выпускающий редактор	*Н. Лукьянова*
Литературный редактор	*В. Пахальян*
Художник	*А. Татарко*
Корректоры	*М. Котова, В. Макосий*
Верстка	*Л. Егорова*

Подписано в печать 20.03.07. Формат 70×100/16. Усл. п. л. 36,12. Тираж 3000. Заказ 611.

ООО «Питер Пресс», 198206, Санкт-Петербург, Петергофское шоссе, 73, лит. А29.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 95 3005 — литература учебная.

Отпечатано по технологии CtP в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Артур Владимирович Петровский (1924–2006) — известный отечественный ученый, доктор психологических наук, профессор, действительный член РАО.

«Артур Владимирович Петровский, выдающийся психолог, организатор науки и прекрасный человек, оставивший по себе добрую память и реальный след в науке. Его последние годы были поистине героическими. Тяжело больной слепой ученый умудрялся не только на слух оценивать и редактировать чужие тексты, но и продолжал писать собственные книги.»

И. С. Кон, доктор философских наук, профессор, академик РАО

Текст книги «Психология и время» академик Артур Владимирович Петровский за несколько дней до своей смерти передал в наше издательство. Ее уникальность в том, что история отечественной психологии предстает здесь глазами автора как очевидца многих важнейших событий.

В первой части, посвященной политической психологии в России, перед читателем проходит галерея портретов видных отечественных психологов.

Вторая часть книги посвящена анализу развития психологии, в ней повествуется о движении идей внутри отдельных отраслей психологического знания.

Содержание третьей части — сравнительная социальная психология времени (хронопсихология). Автор прослеживает изменение общественного сознания, менталитета людей в исторически изменяющемся мире. В новеллах, образующих главы этой книги, фигурируют многие известные люди: ученые, писатели, педагоги, артисты, политики.

Книга уникальна и по форме: она может рассматриваться и как мемуаристика, и как конспект лекций для студентов и аспирантов психологических факультетов, а также в качестве пособия для тех, кто собирается стать психологом, кого интересуют события в истории психологии и — психологии в истории.

ISBN 978-5-469-01675-5

9 785469 016755

Заказ книг:

197198, Санкт-Петербург, а/я 619
тел.: (812) 703-73-74, postbook@piter.com

61093, Харьков-93, а/я 9130
тел.: (057) 712-27-05, piter@kharkov.piter.com